Д 68
1925
N 9/4

ИСТОРІЯ

РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

Д 11920

ИСТОРІЯ
РУССКОЙ ЦЕРКВИ

МАКАРІЯ,
АРХІЕПИСКОПА ЛИТОВСКАГО И ВИЛЕНСКАГО.

ТОМЪ IX.

ПЕРІОДЪ РАЗДѢЛЕНІЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ НА ДВѢ МИТРОПОЛІИ.

КНИГА IV.

ИСТОРІЯ ЗАПАДНО-РУССКОЙ ИЛИ ЛИТОВСКОЙ МИТРОПОЛІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Р. Голике, Невскій, № 106.
1879.

© ГПНТБ СО РАН

Д68
1925
N9/4

Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется.
С.-Петербургъ, 8 Января 1878 года.

Цензоръ, Архимандритъ *Арсеній*.

Сверено 2000 г.
867 5/68
ГНИТБ СО АН СССР
Г.с. публ. научно-техническая библиотека
СВЕРЕНО
Сверено 1990 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТР.

Общій взглядъ на исторію западно-русской церкви въ настоящій періодъ 1

ГЛАВА I.

БОРЬБА ПРАВОСЛАВІЯ СЪ ЛАТИНСТВОМЪ И НЕУДАЧНЫЯ ПОПЫТКИ КЪ УНІИ (1458—1503).

I. Митрополитъ Григорій болгаринъ: первая попытка къ уніи.

Происхожденіе Григорія, его поставленіе въ митрополита и отдѣленіе при немъ западно-русской митрополіи отъ московской и отъ цареградскаго патріархата . 17
Король Казиміръ: какъ относился онъ прежде, до Григорія, къ православнымъ въ Литвѣ и къ русской церкви; какъ отнесся къ Григорію и какія подчинилъ ему епархіи, по граматѣ папы 19
Какъ отнеслись къ Григорію православные епископы въ Литвѣ 23
Какъ отозвались на призывъ Григорія всѣ прочіе православные въ Литвѣ 25
Усердіе православныхъ къ своимъ храмамъ, монастырямъ и духовенству 28
Бѣдственное положеніе православныхъ въ Галиціи и нѣкоторой части Подоліи 30
Первыя православныя братства: въ Львовѣ и Вильнѣ. 32

© ГНИТБ СО РАН

стр.

Безуспѣшность усилій митрополита Григорія насадить въ Литвѣ унію, обращеніе его къ православной церкви и подчиненіе, какъ его самого, такъ и западнорусской церкви константинопольскому патріарху . 35

II. Митрополитъ Мисаилъ: вторая попытка къ уніи.

Происхожденіе Мисаила, его служеніе въ санѣ епископа и избраніе на митрополію 40
Его посланіе или грамата къ папѣ Сиксту IV, подлинность граматы и важность 43
Анализъ этой граматы 46
Истинный смыслъ граматы 53
Кѣмъ она была подписана и послана 57
Какой былъ результатъ этой граматы 61
Скудость извѣстій о митроп. Мисаилѣ и предположенія о немъ 62

III. Четыре слѣдующіе митрополита:

Спиридонъ—
Откуда онъ, какъ поставленъ въ Царьградѣ и не принятъ ни въ Литвѣ, ни въ Москвѣ 63
Его окружное посланіе къ паствѣ 64
Другой книжный трудъ его и время кончины . . . 67
Симеонъ—
Избраніе и поставленіе его въ митрополита; благословенный листъ ему и ставропигіальная грамата кіево-печерской лаврѣ отъ патріарха; указъ Казиміра, запрещавшій строить и возобновлять православныя церкви . 68
Другія событія во время управленія церковію Симеона: ограбленіе кіевской лавры и софійскаго собора, построеніе монастырей и церквей и пожертвованія на нихъ . 70
Единственное извѣстное дѣяніе самого митр. Симеона и его кончина 73
Іона Глезна—
Челобитная русскихъ князей въ Литвѣ къ цареградскому патріарху о поставленіи Іоны Глезны въ митрополита 74
Дѣйствительно ли Іона пользовался особенною расположенностію короля Казиміра и находился при его кончинѣ? Общее замѣчаніе о Казимірѣ и его отношеніи къ православной церкви 76
Благодѣянія, при митрополитѣ Іонѣ, монастырямъ и церквамъ со стороны православныхъ и первыя дѣйствія новаго вел. князя литовскаго Александра въ пользу православнаго духовенства 79
Время кончины митрополита Іоны Глезны 81
Св. Макарій—
Его предшествовавшее служеніе, поставленіе на митрополію, сношеніе съ патріархомъ и мученическая кончина. —
Важнѣйшее событіе во дни митр. Макарія: бракъ литовскаго князя Александра на дочери московскаго государя Ивана III Еленѣ и первыя оскорбленія и притѣсненія Еленѣ и всѣмъ православнымъ со стороны Александра. 84
Другія дѣйствія Александра по отношенію къ православнымъ 87

IV. Митрополитъ Іосифъ Болгариновичь: третья попытка къ уніи.

Его избраніе на митрополію, прежнее служеніе и происхожденіе 89
Его сношеніе съ патріархомъ Нифонтомъ по вопросу объ уніи и отвѣтная грамата патріарха 90
Покушенія Іосифа Болгариновича, по волѣ вел. кн. Александра, совратить въ латинство Елену и другихъ православныхъ, и какъ отозвался на это московскій государь Иванъ III 94
Жалобы въ Москву православныхъ князей литовскихъ на притѣсненія въ вѣрѣ, переходъ ихъ на службу къ московскому государю и война его съ Александромъ. 97
Поставленіе Іосифа Болгариновича въ митрополита и грамата его къ папѣ Александру VI объ уніи . . . 100

стр.

Отвѣтныя граматы папы, по этому случаю, къ виленскому епископу Войтеху и вел. кн. Александру. . . . 102
Граматы тогоже папы о принужденіи вел. кн. Елены къ принятію латинства 107
Мѣры для привлеченія къ тому же и другихъ православныхъ 108
Кончина Іосифа Болгариновича, облегченіе участи Елены, желаніе Александра примириться съ тестемъ и заключеніе перемирія между ними 109
Что̀ говорилось при заключеніи этого перемирія съ той и другой стороны относительно принужденія Елены и другихъ православныхъ въ Литвѣ къ принятію латинства 114
Значеніе этого перемирія для православной церкви въ Литвѣ 119
Другія событія въ литовской митрополіи при митр. Іосифѣ Болгариновичѣ и потомъ до заключенія этого перемирія:
Основаніе супрасльскаго монастыря . . . . . —
Жалованныя граматы Александра православнымъ церквамъ, монастырямъ и епископамъ 121
Его же граматы виленскому и полоцкому соборному духовенству 122
Его же грамата въ подтвержденіе и огражденіе правъ всего православнаго духовенства 124
Благодѣянія православнымъ церквамъ и монастырямъ нѣкоторыхъ помѣстныхъ князей и владѣльцевъ . . 127

V. Общій взглядъ на состояніе православной церкви.

Митрополиты, ихъ вѣрность православію и подчиненіе цареградскому патріарху, отношеніе литовскихъ государей къ православной церкви и положеніе ея въ Литвѣ 129
Епархіи литовской митрополіи и бывшіе въ нихъ іерархи 131

стр.

Устройство епархіальнаго управленія и суда . . . 132
Монастыри 133
Церкви 134
Бѣдность монастырей и церквей и сохранившіяся церковныя драгоцѣнности 135
Содержаніе православнаго духовенства 136
Духовная литература и письменность 137
Свидѣтельство современника, каноника Сокрана:
О приверженности русскихъ къ своей вѣрѣ. . . . 140
Объ отношеніи ихъ къ латинству 141
Объ отличительныхъ ихъ вѣрованіяхъ, обычаяхъ и обрядахъ 143
Значеніе этого свидѣтельства; случаи обращенія русскихъ къ латинству 147

ГЛАВА II.

СПОКОЙНОЕ СОСТОЯНІЕ ПРАВОСЛАВІЯ, ЛИШЬ ИЗРѢДКА НАРУШАВШЕЕСЯ БОРЬБОЮ СЪ ЛАТИНСТВОМЪ, БЕЗЪ ПОПЫТОКЪ КЪ УНІИ (1503—1555).

I. Митрополитъ Іона II.

Перемѣна въ положеніи вел. кн. и королевы Елены . 149
Избраніе, по ея ходатайству, и утвержденіе королемъ Александромъ митрополита Іоны II; кто и каковъ онъ былъ, и когда поставленъ 151
Новыя жалованныя граматы Александра православнымъ и ихъ духовенству 153
Письма короля Александра и маршалка Ходкевича къ вселенскому патріарху о супрасльскомъ монастырѣ и благословенная грамата монастырю отъ патріарха . 155
Ходатайство митрополита Іоны объ освобожденіи сына его изъ московскаго плѣна 156
Возобновленіе колошскаго монастыря въ Гроднѣ и благословенная грамата ему митрополита Іоны . . 157
Духовныя завѣщанія митрополита Іоны 158
Новыя пожертвованія на православныя церкви и мо-

стр.

настыри; замѣчательная грамата о пожертвованіяхъ князя Дим. Путячича, показывающая число архіерейскихъ каѳедръ въ Литвѣ и церквей въ Вильнѣ . . 159

II. Митрополитъ Іосифъ II Солтанъ.

Положеніе вдовствующей королевы Елены при новомъ королѣ Сигизмундѣ и ея кончина 161
Избраніе митрополита Іосифа Солтана, его происхожденіе, предшествовавшее служеніе и время поставленія на митрополію 164
Виленскій соборъ 1509 года:
Рѣчь митрополита на соборѣ, присутствовавшія на соборѣ лица, соборное Дѣяніе 166
Три класса соборныхъ правилъ 168
Заключеніе соборнаго Дѣянія 173
Грамата Сигизмунда митрополиту Іосифу и всѣмъ епископамъ о неприкосновенности ихъ древнихъ церковныхъ правъ и преимуществъ 174
Второй соборъ въ Вильнѣ 176
Дѣятельность митрополита Іосифа, какъ епархіальнаго владыки—
Заботливость его объ исправленіи нравственности въ епархіи 177
Благословенная грамата виленскому братству дома пречистой Богоматери 178
Грамата всѣмъ православнымъ гражданамъ Вильны о мѣрѣ участія ихъ въ дѣлахъ приходскихъ церквей 180
Заботливость м. Іосифа о супрасльскомъ монастырѣ: уставъ монастырю, грамата, пожертвованія . . 183
Заботливость митр. Іосифа о хозяйственной части своего двора 189
Свѣдѣнія о другихъ владыкахъ того времени:
Полоцкій—Евѳимій ищетъ себѣ архіепископства и преимущества предъ владимірскимъ 190

стр.

Нѣкоторые владыки испрашиваютъ себѣ жалованныя граматы у короля 191
Король даетъ епархію свѣтскому лицу еще при жизни ея епископа 192
Благотворенія на церкви и монастыри въ епархіи митрополита:
Въ Вильнѣ 194
Въ Гроднѣ, Ковнѣ, Новогрудкѣ, Кіевѣ, Минскѣ . . 196
Благотворенія на церкви и монастыри въ другихъ епархіяхъ 199
Патронатства надъ церквами и монастырями . . . 201
Покровительство Сигизмунда всѣмъ православнымъ въ Литвѣ . . . . . —
Положеніе православныхъ въ Галиціи, назначеніе митрополичьихъ намѣстниковъ городскими старостами и львовскимъ арцибискупомъ, жалоба львовскаго православнаго братства королю и королевское постановленіе 203
Значеніе князя Константина Ивановича Острожскаго для православной церкви и его отношеніе къ митрополиту Іосифу Солтану 206

III. Митрополитъ Іосифъ III.

Его предшествовавшее служеніе и время избранія и поставленія въ митрополита 209
Непріязненный поступокъ пановъ римской вѣры противъ князя К. Острожскаго, какъ православнаго, и благоволеніе къ нему короля 210
Столкновеніе митрополита Іосифа съ виленскимъ бискупомъ Яномъ и тяжба съ канониками виленскаго собора 213
Поставленіе одного митрополичьяго намѣстника въ Галиціи, вмѣсто многихъ, именно Яцка Гдашицкаго и утвержденіе его митрополитомъ 215
Жалобы владыкъ королю на вмѣшательство свѣтскихъ

© ПНТБ СОРАН

стр.

властей и лицъ въ церковныя дѣла и защита отъ короля 218
Злоупотребленія правомъ подаванья архіерейскихъ каѳедръ, церквей и монастырей 219
Три письма митрополита Іосифа относительно Троицкаго монастыря, находившагося въ подаваньи свѣтскаго лица 221
Церкви и монастыри въ Вильнѣ 225
Монастыри въ Кіевѣ 227
Монастыри и церкви въ другихъ мѣстахъ 231
Кончина митрополита Іосифа и князя К. И. Острожскаго 233

IV. Митрополитъ Макарій II.

Королевская грамата Макарію на митрополію и отзывы о немъ 234
Событія въ галицкой митрополіи:
Перемѣна митрополичьихъ намѣстниковъ и назначеніе на эту должность архимандрита Макарія Тучанскаго 236
Преслѣдованіе Макарія львовскимъ арцибискупомъ, многія скорби Макарія и возведеніе его въ санъ епископа львовскаго 239
Возстановленіе крылоса во Львовѣ и грамата епископа Макарія крылошанамъ 244
Присяжная грамата Макарія, какъ викарнаго епископа, митрополиту кіевскому и галицкому . . . 246
Огорченія Макарію отъ нѣкоторыхъ монаховъ и латинскаго духовенства 248
Новый епископъ львовскій—Арсеній Болобанъ и его судебныя препирательства съ львовскимъ братствомъ и съ митрополитомъ 250
Событія въ Вильнѣ:
Жалоба митрополита на посягательство виленскихъ бурмистровъ и радцевъ 253

стр.

Жалобы виленскихъ священниковъ на посягательства виленскихъ гражданъ и уставная грамата короля 254
Непреклонность виленскихъ гражданъ въ избраніи себѣ священниковъ 258
Братства въ Вильнѣ, ихъ устройство и уставъ . . —
Посягательства на права духовенства въ другихъ мѣстахъ 261
Дѣла, касающіяся внутренняго управленія и суда церкви:
Жалоба полоцкаго архіепископа на митрополита . . 262
Жалоба полоцкихъ шляхты и земянъ на своего архіепископа 264
Жалоба жены одного полоцкаго боярина на тогоже архіепископа 267
Назначеніе епископа на пинскую каѳедру королевою Боною и вторый викарій у митрополита . . . 268
Жалоба митрополиту на луцкаго епископа . . . 269
Жалоба витебской игуменьи полоцкому архіепископу —
Церкви и монастыри:
Въ Вильнѣ, Новогрудкѣ, Гроднѣ и проч. 271
Въ Кіевѣ,—особенно перемѣны въ кіево-печерской лаврѣ 273
Въ Полоцкѣ и полоцкой епархіи 280
Въ Пинскѣ и другихъ мѣстахъ 281

V. Общій взглядъ на состояніе православной церкви.

Твердость всѣхъ митрополитовъ въ православіи, отношеніе латинскаго духовенства и короля къ православной церкви, твердость въ православіи вообще русскихъ, характеръ настоящаго періода 284
Епархіи и епархіальные архіереи 288
Монастыри 289
Церковное управленіе и судъ 291

© ПНБ СПбАН

стр.
Храмы, церковная утварь и богослужебныя книги . 294
Достопримѣчательности въ нѣкоторыхъ церковныхъ чинахъ 296
Духовная литература и письменность 299
Состояніе вѣры и нравственности:
Свидѣтельства Брауна и Михалона 304
Грамата короля 309

ГЛАВА III.

БОРЬБА ПРАВОСЛАВІЯ СЪ ПРОТЕСТАНСТВОМЪ И ІЕЗУИТАМИ И НОВЫЯ УСИЛЕННЫЯ ПОПЫТКИ КЪ УНІИ (1555—1589).

I. Митрополитъ Сильвестръ Белькевичь.

Предварительныя свѣдѣнія о протестантствѣ:
Появленіе протестантства въ Польшѣ и мѣры противъ него 311
Появленіе протестантства въ Литвѣ, мѣры противъ него и покровительство ему новаго короля Сигизмунда Августа 314
Слабые успѣхи въ Литвѣ лютеранства 318
Величайшіе успѣхи въ Литвѣ калвинизма не только между латинянами, но и между православными . . 319
Распространеніе въ Литвѣ социніанства, участіе въ этомъ дѣлѣ бѣглецовъ изъ Россіи—Ѳеодосія Косаго и его товарищей и противодѣйствіе имъ Артемія . 324
Кто и каковъ былъ митрополитъ Сильвестръ Белькевичь, какъ и когда получилъ митрополію, главныя качества его дѣятельности 329
Дѣйствія и распоряженія митрополита Сильвестра, представляющія его въ болѣе выгодномъ свѣтѣ . . 333
Безобразная раздача королемъ архіерейскихъ каѳедръ и безобразныя дѣйствія нѣкоторыхъ архіереевъ . . 336
Такая же раздача королемъ православныхъ монастырей. 341
Покровительство Сигизмунда православнымъ . . . 342
Отмѣна имъ городельскаго постановленія, враждебнаго православнымъ 343

стр.
Примѣры усердія православныхъ къ церквамъ и монастырямъ 347
Раззореніе монастырей ихъ патронами 349
Кончина митрополита Сильвестра и грамата короля епископу холмскому Ѳеодосію Лозовскому на митрополію . . . . . —

II. Митрополиты Іона III Протасовичь—Островскій и Илья Куча.

Время поставленія митрополита Іоны Протасовича и покупка дома для іезуитовъ въ Вильнѣ 350
Прибытіе іезуитовъ въ Вильну 351
Средства для содержанія іезуитовъ, открытіе іезуитской коллегіи и гимназіи 353
Средства іезуитской пропаганды:
Школа и диспуты 354
Богослуженіе, проповѣдь и исповѣдь 356
Братство тѣла Господня и служеніе больнымъ . . 358
Успѣхи іезуитовъ 360
Мѣры, принятыя протестантами противъ іезуитовъ, ихъ взаимныя столкновенія, открытіе іезуитской академіи въ Вильнѣ 363
Первые успѣхи іезуитовъ между православными, книга Скарги «о единствѣ церкви» 368
Содержаніе этой книги, изложенная въ ней программа уніи и какъ отнеслись къ книгѣ русскіе 370
Новое положеніе, принятое русскими по отношенію къ протестантамъ 373
Просительная грамата митрополита Іоны къ королю о нуждахъ церкви и отвѣты короля 375
Какія были послѣдствія этихъ просьбъ митрополита и отвѣтовъ короля 379
Заботливость митрополита Іоны о виленскихъ церквахъ и о своихъ имѣніяхъ 383
Илья Куча, какъ помощникъ митрополита Іоны, и, по

© ПРТБ СО РАН

стр.

смерти его, какъ митрополитъ; непродолжительность его служенія 385
Епархіальные архіереи того времени 387
Раздача монастырей свѣтскимъ лицамъ 393
Благотворенія монастырямъ и смуты изъ-за настоятельства въ кіево-печерскомъ монастырѣ 396
Дополнительный уставъ супрасльскому монастырю . . 399
Три новые монастыря, госпитали и школы при церквахъ 400
Просьбы Брацлавцевъ о русскомъ языкѣ и Галичанъ о уравненіи ихъ съ поляками 402

III. Митрополитъ Онисифоръ Петровичъ Дѣвоча.

Кто онъ былъ и когда поставленъ на митрополію; открытая борьба іезуитовъ и православныхъ . . . 403
Новыя іезуитскія коллегіи, семинаріи, братства . . 404
Православныя школы и училища: острожское и львовское 409
Православныя братства, особенно Свято-троицкое въ Вильнѣ 416
Проповѣди, диспуты, сочиненія іезуитовъ для совращенія православныхъ 420
Какъ относились православные къ іезуитскимъ проповѣдямъ и диспутамъ; заботливость православныхъ о переводѣ отеческихъ и другихъ сочиненій противъ латинянъ; книги, изданныя православными въ отвѣтъ іезуитамъ 422
Указъ Стефана Баторія о введеніи новаго календаря въ Литвѣ и Польшѣ; сношенія, по этому случаю, православныхъ съ цареградскимъ патріархомъ и его граматы 427
Притѣсненія православнымъ изъ-за новаго календаря, столкновенія ихъ съ латинянами и новыя граматы Баторія о календарѣ 429

стр.

Случаи вмѣшательства православныхъ въ церковныя дѣла латинянъ 434
Характеръ тогдашней борьбы православныхъ съ іезуитами и отношеніе къ ней русскихъ іерарховъ . . 435
Препирательства митрополита Онисифора съ виленскими гражданами и жалобы его королю на вмѣшательства свѣтскихъ властей въ духовныя дѣла 436
Просьба митрополита и епископовъ о подтвержденіи всѣхъ ихъ правъ и другая—относительно церковныхъ имѣній по смерти ихъ владѣльцевъ и отвѣтныя королевскія граматы 438
Епархіальные архіереи:
Полоцкой епархіи: Ѳеофанъ Рыпинскій и другіе . . 440
Владимірской: Ѳеодосій Лозовскій и Мелетій Хрептовичь 441
Луцкой: Іона Борзобогатый-Красенскій и Кириллъ Терлецкій 445
Львовской: Гедеонъ Болобанъ 451
Пинской: Леонтій Пельчицкій 453
Перемышльской: Стефанъ Брылинскій 455
Оскудѣніе пожертвованій на церкви и монастыри . . —
Раздача монастырей 456
Проѣздъ цареградскаго патріарха Іереміи черезъ Литву въ Москву и сдѣланныя имъ распоряженія въ Вильнѣ 457
Возвращеніе Іереміи изъ Москвы въ Вильну, грамата его о низложеніи всѣхъ священниковъ-двоеженцевъ и низложеніе имъ митрополита Онисифора . 460

IV. Общій взглядъ на состояніе православной церкви.

Послѣдствія борьбы православія съ протестантствомъ и іезуитами 462
Какъ относились короли Сигизмундъ Августъ и Стефанъ Баторій къ православнымъ, протестантамъ и іезуитамъ . . . . . —

стр.

Каковы были тогдашніе православные митрополиты и прочіе архіереи 464
Оскудѣніе монастырей и церквей 466
Православныя братства, школы, литературные опыты, типографіи и первыя напечатанныя въ нихъ книги. 469
Изданіе полной славянской библіи въ острожской типографіи 471
Книги, изданныя въ Острогѣ и Вильнѣ въ остальные годы настоящаго періода 474
Попытка къ переводу свящ. книгъ на общенародный языкъ . . . . . —
Плачевное состояніе православной церкви 476

ГЛАВА IV.

УНІЯ (1589—1596).

I. Какъ велось дѣло уніи съ избранія митрополита Михаила Рогозы до назначенія королемъ епископовъ—Ипатія Потѣя и Кирилла Терлецкаго послами въ Римъ, посреди другихъ дѣлъ и событій, совершавшихся тогда въ литовской митрополіи?

Насколько была подготовлена почва для уніи въ предшествовавшее время 478
Желаніе ревнителей уніи воспользоваться пребываніемъ патріарха Іереміи въ Литвѣ для своихъ цѣлей . . 479
Событія въ литовской митрополіи во время пребыванія здѣсь патріарха Іереміи, именно въ послѣдней половинѣ 1589 года:
Избраніе митрополита Михаила Рогозы, письмо къ нему іезуитовъ, поставленіе его патріархомъ Іереміею 482
Грамата патріарха Іереміи противъ своеволія духовныхъ лицъ, приходившихъ съ востока въ литовскую митрополію 485
Утвердительная грамата короля виленскому троицкому братству 487
Низложеніе патріархомъ супрасльскаго архимандрита Тимоѳея Злобы и возведеніе луцкаго епископа Кирилла Терлецкаго въ санъ экзарха 487
Судъ патріарха надъ епископами: владимірскимъ, луцкимъ и львовскимъ и граматы по происканъ послѣдняго 490
Соборное рѣшеніе спора между львовскимъ епископомъ и львовскимъ братствомъ, новая грамата патріарха этому братству, окружная патріаршая грамата ко всему духовенству и мірянамъ и пожалованіе владимірскаго епископа званіемъ протоѳрона 493
Событія 1590 года въ литовской митрополіи:
Грамата митрополита Рогозы въ защиту львовскаго ставропигіальнаго братства и его школы . . . 496
Соборъ въ Брестѣ и его постановленія 497
Два судебныя рѣшенія тогоже собора 499
Хлопоты владыкъ о своихъ правахъ, имущественныхъ и іерархическихъ 500
Присутствованіе Адама Потѣя на брестскомъ соборѣ и новое изданіе книги іезуита Скарги «о единствѣ церкви» 502
Событія 1591-го года:
Посѣщеніе Галиціи и Львова митрополитомъ Рогозою и его дѣйствія тамъ 504
Обозрѣніе перемышльской епархіи львовскимъ еп. Гедеономъ, по порученію митрополита 505
Назначеніе новаго епископа въ перемышльскую епархію и грамата, по этому случаю, патріарха къ митрополиту Рогозѣ 506
Другая грамата патріарха къ митрополиту съ отвѣтами на четыре вопроса 508
Новыя братства по образцу львовскаго 509
Притѣсненія владыкамъ и особенно луцкому—Кириллу Терлецкому отъ луцкаго старосты Семашки . 510
Соборъ въ Брестѣ и первая грамата объ уніи, подписанная четырьмя владыками: луцкимъ, львовскимъ, пинскимъ и холмскимъ 516

стр.

Событія 1592-го года.

Окружная грамата короля, по просьбѣ митрополита, о невмѣшательствѣ свѣтскихъ властей въ церковныя дѣла и отвѣтная грамата короля на заявленіе четырехъ владыкъ объ уніи 519

Вторичное посѣщеніе митрополитомъ Галиціи и Львова 521

Посланіе львовскаго братства къ патріарху Іереміи . 522

Второе посланіе тогоже братства къ Іереміи . . . 524

Пособіе львовскому братству отъ московскаго царя Ѳедора Ивановича, грамата короля Сигизмунда III и притѣсненія братской школѣ отъ латинянъ . . 527

Письмо къ львовскому братству перемышльскаго епископа Михаила Копыстенскаго 528

Братства: виленское свято-троицкое и другія, прежнія и новыя 530

Назначеніе королемъ новаго архіепископа въ Полоцкъ. 533

Событія 1593-го года:

Назначеніе на владимірскую епархію Ипатія (Адама) Потѣя, свѣдѣнія о немъ и важность этого событія для уніи 534

Посланіе къ Ипатію Потѣю князя К. К. Острожскаго объ уніи 536

Какъ отнесся къ посланію князя Потѣй 540

Соборъ въ Брестѣ, рѣшеніе собора о львовскомъ епископѣ Гедеонѣ и непокорность Гедеона . . . 541

Событія въ первой половинѣ 1594-го года:

Соборы въ Брестѣ и Новогрудкѣ и соборное низложеніе львовскаго епископа Гедеона 542

Постановленіе брестскаго собора относительно церковныхъ братствъ 543

Многочисленность церковныхъ братствъ, новое братство въ Бѣльскѣ, число членовъ и матеріальныя средства виленскаго свято-троицкаго братства и притѣсненія ему 546

стр.

II. Какъ велось дѣло уніи со времени назначенія королемъ епископовъ Ипатія Потѣя и Кирилла Терлецкаго послами въ Римъ до дѣйствительнаго принятія ими уніи въ Римѣ.

Заявленіе Кирилла Терлецкаго въ 21-й день мая 1594 г., что король назначилъ его и Ипатія Потѣя послами въ Римъ для заключенія уніи, и необходимость согласія на то со стороны митрополита и прочихъ русскихъ епископовъ 548

Какимъ образомъ пріобрѣталось и состоялось это согласіе митрополита и епископовъ:

Дѣйствія Потѣя и Терлецкаго по декабрь 1594 г., и составленный ими приговоръ 2-го декабря отъ имени митрополита и всѣхъ владыкъ на принятіе уніи 550

Съѣздъ въ Соколѣ четырехъ епископовъ: луцкаго, львовскаго, перемышльскаго и холмскаго, ихъ приговоръ объ уніи и «артикулы» или условія для принятія ея 552

Согласіе на этотъ приговоръ митрополита и собственноручные его «пункты» или условія уніи, скрытность митрополита, посланіе къ нему Потѣя и посланіе самого митрополита къ новогрудскому воеводѣ Скумину-Тышкевичу 555

Мѣстный соборъ въ Львовѣ, 28 генв. 1595 г., подъ предсѣдательствомъ епископа Гедеона, и рѣшеніе собора принять унію 559

Томительное состояніе Потѣя и благодарственная ему грамата отъ короля 561

Примиреніе митрополита съ Гедеономъ львовскимъ, скрытность и лживость митрополита предъ княземъ Острожскимъ и переписка съ воеводою Скуминымъ 563

Переписка Потѣя съ кн. Острожскимъ 566

Письмо Потѣя и Терлецкаго къ митрополиту и королевская грамата ему на кіево-печерскій монастырь 568

© ПНТБ СОРАН

стр.

Артикулы или условія уніи, подписанные митрополитомъ и другими духовными лицами 571
Соборное посланіе митрополита и владыкъ къ папѣ съ изъявленіемъ согласія на принятіе уніи . . . 576
Протесты православныхъ противъ замышляемой уніи и мѣры противъ нихъ со стороны ревнителей уніи:
Притворство и скрытность митрополита 579
Переписка Потѣя съ кн. Острожскимъ и воззваніе Острожскаго къ православнымъ противъ уніи . . 582
Протестъ львовскаго епископа Гедеона 586
Движеніе противъ уніи въ Вильнѣ 590
» » » въ Новогрудкѣ 592
Свиданіе Потѣя съ кн. Острожскимъ въ Люблинѣ . —
Граматы короля къ кн. Острожскому, митрополиту и старостамъ пограничныхъ замковъ 594
Грамата короля ко всему православному духовенству 596
Представленіе Потѣемъ и Терлецкимъ условій уніи папскому нунцію въ Краковѣ 597
Приготовленія Потѣя и Терлецкаго къ поѣздкѣ въ Римъ 598
Указъ митрополита противъ виленскаго духовенства, письмо къ кн. Острожскому и грамата ко всѣмъ православнымъ 599
Новое постановленіе четырехъ владыкъ въ Луцкѣ о согласіи на унію и изданіе въ Вильнѣ книги: «Унія» 601
Сношеніе князя Острожскаго съ протестантами . . 603
Раздача королемъ православныхъ монастырей и архіерейскихъ каѳедръ 605
Поѣздка Потѣя и Терлецкаго въ Римъ и манифестъ короля ко всѣмъ подданнымъ по этому случаю . . . 606
Новые протесты православныхъ и противодѣйствія имъ ревнителей уніи:
Рѣзкое письмо кн. Острожскаго къ митрополиту и оправданія митрополита 608
Письмо воеводы Скумина въ Вильну и отвѣтъ виленскаго духовенства 610

стр.

Проповѣди Стефана Зизанія противъ уніи въ Вильнѣ и осужденіе его митрополитомъ 611
Протестъ львовскаго братства противъ уніи и рѣшеніе митрополита противъ братства 615
Преслѣдованіе православныхъ со стороны короля въ его имѣніяхъ 616

III. Какъ принята Потѣемъ и Терлецкимъ унія въ Римѣ и какъ потомъ она принята и отвергнута въ Литвѣ.

Прибытіе Потѣя и Терлецкаго въ Римъ и частная аудіенція имъ у папы 618
Торжественная имъ аудіенція въ большой залѣ папскаго дворца и принятіе ими уніи:
Присутствовавшіе на этомъ торжествѣ, чтеніе документовъ, привезенныхъ Потѣемъ и Терлецкимъ и рѣчь къ нимъ папскаго секретаря 620
Исповѣданіе вѣры, прочитанное Потѣемъ и Терлецкимъ, и присяга ихъ на унію 623
Рѣчь папы и объявленіе, что онъ принимаетъ русскихъ въ унію съ римскою церковію 629
Протоколъ, постановленіе и медаль въ память этого событія 630
Превышеніе Потѣемъ и Терлецкимъ возложеннаго на нихъ порученія и ихъ полная измѣна православію. 632
Благоволеніе папы къ Потѣю и Терлецкому и посланія къ митрополиту Рогозѣ и владыкамъ, къ польскому королю и сенаторамъ 634
Возвращеніе Потѣя и Терлецкаго въ отечество, протестъ противъ нихъ на варшавскомъ сеймѣ и требованіе лишить ихъ епархій 638
Страхъ Терлецкаго, подтвердительная ему грамата отъ короля на луцкую епархію и преслѣдованіе виленскаго проповѣдника Зизанія и братскихъ священниковъ . 640
Универсалъ короля о созваніи собора въ Брестѣ и грамата о томъ же митрополита 643

© ЛНБ СПбГУ

стр.

Огорченія митрополиту и защита его королемъ, сопротивленіе виленскихъ жителей митрополиту и граматы противъ нихъ короля 645
Письмо Потѣя и Терлецкаго къ Гедеону львовскому и притѣсненія ихъ православнымъ 647
Помощь съ востока православнымъ, посланіе александрійскаго патріарха Мелетія и патріаршіе экзархи: Кириллъ и Никифоръ 649
Брестскій соборъ:
Лица, прибывшія на соборъ: сторона православныхъ и сторона уніатовъ 652
Посольства отъ православныхъ къ митрополиту и владыкамъ и ихъ отвѣты 656
Открытіе двухъ отдѣльныхъ соборовъ, уніатскаго и православнаго, и первый день этихъ соборовъ — 6-е октября 658
Второй день соборовъ 661
Третій день соборовъ 662
Четвертый день соборовъ и окончательныя рѣшенія того и другаго собора 668
Унія на одномъ соборѣ единогласно отвергнута, на другомъ принята 673

IV. Общій взглядъ на введеніе уніи въ Литвѣ.

Какъ подготовлялась унія съ самаго отдѣленія западно-русской митрополіи отъ московской 674
Какъ дѣйствительно совершилось введеніе уніи: четыре главныхъ фазиса въ движеніи этого дѣла 675
Кого слѣдуетъ назвать виновникомъ церковной уніи въ Литвѣ? Мѣра вліянія на это дѣло:
Цареградскихъ патріарховъ 679
Литовско-польскихъ государей 682
Православнаго духовенства въ Литвѣ и Польшѣ . . 685
Латинскаго духовенства и особенно іезуитовъ . . 688
Что такое была появившаяся въ Литвѣ церковная унія 689

ИСТОРІЯ
ЗАПАДНО-РУССКОЙ ИЛИ ЛИТОВСКОЙ МИТРОПОЛІИ
1458—1596 г.

Въ московскомъ государствѣ православная вѣра была господствующею; всѣ прочія вѣры были лишь терпимы подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онѣ не касались правъ господствующей церкви и не совращали ея чадъ. Самъ государь всегда считался сыномъ православной церкви и ея естественнымъ покровителемъ и защитникомъ. Если иногда она и вызывалась на борьбу, то съ одними лишь внутренними своими врагами — ересями и расколами, которые и одолѣвала, пользуясь содѣйствіемъ гражданской власти. Если и государи восточной Руси позволяли себѣ иногда дѣйствовать, по видимому, во вредъ своей церкви, то эти дѣйствія направлялись только противъ отдѣльныхъ іерарховъ, или монастырей, или и всего духовенства, но никогда не направлялись противъ самой православной вѣры и церкви.

Совсѣмъ не таково было положеніе православной вѣры въ литовскомъ государствѣ. Здѣсь она постоянно находилась ли-

© ПНТБ СО РАН

цемъ къ лицу съ своимъ давнимъ и непримиримымъ врагомъ— латинствомъ, и могла называться лишь терпимою, а не господствующею. Государи Литвы всегда исповѣдывали римскую вѣру. И православію здѣсь суждено было выдерживать непрерывную борьбу съ католицизмомъ.

Правда, перевѣсъ силы въ этой борьбѣ, казалось, былъ на сторонѣ православія. Литовское великое княжество состояло не изъ одной Литвы, занимавшей немного болѣе двухъ нынѣшнихъ губерній,· виленской и ковенской, а преимущественно изъ русскихъ областей, обнимавшихъ пространство девяти другихъ, западныхъ и южныхъ, нынѣшнихъ нашихъ губерній: смоленской, витебской, минской, гродненской, могилевской, черниговской, кіевской, волынской и подольской. Къ этимъ областямъ надобно причислить и ту часть Галиціи, которая хотя въ гражданскомъ отношеніи находилась подъ властію Польши, но въ церковномъ принадлежала къ литовской митрополіи. Во всѣхъ этихъ древнихъ русскихъ областяхъ существовала вѣра православная, и существовала уже цѣлые вѣка, слѣд. успѣла укорениться глубоко и прочно; ее исповѣдывали какъ простой народъ, такъ и все дворянство и князья — потомки удѣльныхъ русскихъ князей, здѣсь нѣкогда княживших, — Острожскіе, Друцкіе, Соколинскіе, Горскіе, Четвертинскіе, Любецкіе, Подберескіе и другіе. Кромѣ того и въ коренной Литвѣ православная церковь имѣла немало послѣдователей не только въ низшихъ слояхъ общества, но и между знатными княжескими родами, происходившими отъ дѣтей вел. князей литовскихъ Гедимина и Ольгерда, каковы были князья — Заславскіе, Стародубскіе, Сангушки, Слуцкіе, Бѣльскіе, Сапѣги, Мстиславскіе, Збаражскіе, Пинскіе, Корецкіе, Полубенскіе и многіе другіе. Въ самой Вильнѣ, столицѣ Литвы, еще къ концу XV в. цѣлая половина жителей были православные, хотя, быть можетъ, преимущественно изъ русскихъ поселенцевъ. И литовская православная митрополія заключала въ себѣ, при началѣ періода, девять епархій, и епархій древнихъ (1). Что же представляла собою тогда въ литовскомъ великомъ княжествѣ церковь латинская? Это была еще церковь очень юная и очень немноголюдная. Если не считать князя Миндовга, который принялъ-было въ 1251 г. латинство, а потомъ снова обратился къ язычеству, и неудачныхъ попытокъ ливонскихъ рыцарей покорить литовцевъ папѣ силою своего оружія, римская вѣра начала проникать въ Литву только во дни Гедимина и Ольгерда (1320—1377), когда ее старались распространять здѣсь, хотя и малоуспѣшно, доминикане и францискане. Утвердилась же она здѣсь только къ концу XIV и въ началѣ XV вѣка, при Ягеллѣ и Витовтѣ, изъ которыхъ первый, принимая корону Польши, далъ клятвенное обѣщаніе крестить въ латинство всѣхъ литовцевъ и дѣйствительно крестилъ ихъ (1387 г.) до тридцати тысячъ, а послѣдній четыре раза водилъ войска свои въ Жмудь (1413—1420), чтобы принудить жителей къ принятію римской вѣры, хотя имѣлъ мало успѣха: такъ какъ и впослѣдствіи они продолжали, по мѣстамъ, держаться своего язычества еще около двухъ столѣтій. Очень вѣроятно, что, кромѣ язычниковъ—литовцевъ,

(1) Нашей Исторіи Русск. Церкви IV, 126—136. Намъ нѣтъ нужды входить въ разбирательство, отъ Гедимина ли и Ольгерда, или отъ прежнихъ русскихъ княжескихъ родовъ происходили нѣкоторые изъ перечисленныхъ нами князей, въ виду существующихъ объ этомъ разногласій (Зубрицк. Критико-истор. повѣсть о червонной или галицкой Руси, 390 — 395, Москв. 1845). Для насъ важно одно, что всѣ перечисленные князья были православными. А лучшимъ

принимали тогда латинство и нѣкоторые изъ православныхъ литовцевъ и русскихъ, уступая тѣмъ насильственнымъ мѣрамъ, какія противъ нихъ употреблялись, и, безъ всякаго сомнѣнія, въ составъ новой латинской паствы немедленно входили всѣ нѣмцы, которые переселялись тогда въ Вильну и другіе литовскіе и галицкіе города, и поляки, имѣвшіе въ Галиціи свои владѣнія и въ нихъ жившіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ учреждались, одна за другою, и латинскія епархіи: въ Кіевѣ (ок. 1350), Галичѣ или Львовѣ (1361—1375), Вильнѣ (1388), Перемышлѣ (1390), на Жмуди (1417), въ Луцкѣ (1428); но учреждались болѣе съ цѣлію пропаганды, чѣмъ по многочисленности паствы. Кіевская, напримѣръ, епархія считала у себя даже въ половинѣ XV в. только семь костеловъ, а жмудская—и въ половинѣ XVI в. только 34 костела (2). Во всемъ же великомъ княжествѣ литовскомъ около половины XVI вѣка, по свидѣтельству самихъ латинскихъ писателей, было до 700 парохій или приходскихъ костеловъ, тогда какъ православныхъ церквей въ одномъ лишь новогрудскомъ воеводствѣ было болѣе

свидѣтельствами о православіи ихъ служатъ: 1) надгробія многихъ изъ нихъ, которые погребены были въ кіево-печерскомъ монастырѣ, существовавшія еще въ XVII вѣкѣ (Кальнофойскій, Тератургима, въ Сборникѣ матеріал. для истор. топогр. Кіева, отд. II, 27—38, Кіев. 1874), и 2) древніе помянники или синодики западно-русскихъ монастырей: кіевскихъ—печерскаго, михайловскаго, николаевскаго и др. (Опис. рукоп. Румянц. Муз., 574 — 581); супрасльскаго и жировицкаго (Виленск. Археогр. Сборн. IX, 454—459, Вильна 1870; Рукописное Отдѣл. виленской публичной библіот., I, 15—20. 51—53, Вильна 1871), слуцкаго троицкаго (Архим. Николая Опис. минской епархіи, 111 — 112, Спб. 1864); луцкаго крестовоздвиженскаго братства (Максимович. Собр. сочиненій, I, 209—213, Кіев., 1876), и другихъ.

(2) Нашей Истор. Русск. Церкви V, 317—326. 329—338; Friesius De episcopatu Kioviensi, p. 22 — 24, Warsaw. 1763; Граф. Дм. Толстова: Le Catholicisme Romain en Russie, I, p. 179 — 181. 272 — 284. 464. 467, Paris 1863.

650-ти и во владѣніяхъ одного князя Константина (Василія) Константиновича Острожскаго болѣе 600, по свидѣтельству латинскихъ же писателей. А предъ введеніемъ уніи въ Литвѣ, по свидѣтельству тогдашнихъ членовъ львовскаго братства, во всей литовской православной митрополіи числилось восемь епархіальныхъ архіереевъ и «поповъ русскихъ одинадцать тысячь», слѣд. немногимъ менѣе и церквей (3).

Но не своею древностію, не числомъ своихъ чадъ, не количествомъ костеловъ и епископскихъ каѳедръ сильна была въ Литвѣ церковь латинская,—во всемъ этомъ она уступала церкви православной,—а была сильна и несравненно сильнѣе православной по другимъ условіямъ. Во главѣ православной церкви въ Литвѣ стоялъ цареградскій патріархъ, вся дѣятельность котораго по отношенію къ ней, почти до конца періода, ограничивалась лишь тѣмъ, что онъ поставлялъ литовско-русскаго митрополита, или, вѣрнѣе, присылалъ свое благословеніе на его поставленіе: во главѣ латинской церкви въ Литвѣ стоялъ папа, имѣвшій могущественное вліяніе не только на мѣстную іерархію и народъ, но и на самое правительство. Православные епископы и митрополитъ пользовались въ Литвѣ только церковною властію и значеніемъ, но вовсе не допуска-

(3) О 700-хъ парохіяхъ во всемъ литовскомъ княжествѣ говоритъ Кояловичъ (Miscellanea rerum, ad statum eccles. in magn. Lithuaniae ducatu pertinentium, p. 65—67, Wilnae 1650). О 650-ти церквахъ въ новогрудскомъ воеводствѣ — Скарга (Synod Brzeski, напеч. въ книгѣ: Апокрисисъ Христофора Филалета, стр. 409, Кіевъ 1870). О 600-хъ церквахъ во владѣніяхъ князя Острожскаго—Сярчинскій (Obraz wieku Zygmunta III, T. II, str. 44). Свидѣтельство львовскаго братства объ 11,000 православныхъ священниковъ помѣщено у Зубрицк. въ Лѣтописи Львов. братства подъ 1600 годомъ, стр. 46. Эта лѣтопись была напечатана въ Журн. Мин. Народ. Просвѣщ., за 1849 и 1850 г., и потомъ издана въ особой брошюрѣ, Спб. 1850.

лись къ участію въ гражданскихъ дѣлахъ и государственныхъ: латинскіе іерархи, напротивъ, особенно виленскій, были ближайшими совѣтниками великаго князя и короля, засѣдали въ сенатѣ и оказывали сильнѣйшее давленіе на рѣшеніе вопросовъ правительственныхъ. Какъ ни многочисленно было сравнительно православное монашество въ Литвѣ, оно не подготовляло и не выдѣляло изъ среды своей лицъ, которыя бы посвящали себя исключительно дѣлу проповѣди на защиту православія, на борьбу за него: напротивъ, латинское монашество въ Литвѣ состояло преимущественно изъ орденовъ, имѣвшихъ цѣлію поддержаніе и распространеніе католицизма; довольно поименовать здѣсь однихъ іезуитовъ. Но самая главная сила католиковъ въ Литвѣ, дававшая имъ рѣшительный перевѣсъ надъ православными, заключалась въ государѣ.

Литовскіе государи, по отношенію къ православной церкви, дѣйствовали двулично. Съ одной стороны, они ясно видѣли, что ихъ великое княжество есть не столько литовское, сколько русское. Русскіе, православные, составляли въ немъ громадное большинство населенія; русская народность и языкъ имѣли преобладающее значеніе. На русскомъ языкѣ говорили сами литовцы въ своихъ сношеніяхъ съ русскими. На немъ преимущественно совершались акты и договоры, общественные и государственные, писались просьбы гражданами, давались граматы и привиллегіи королями, обнародывались законы. На русскомъ языкѣ были составлены и изданы даже литовскіе Статуты, и только на немъ одномъ происходило судопроизводство во всѣхъ владѣніяхъ Литвы (4). Въ средѣ русскаго и литовскаго-православнаго населенія находились многія знатныя фамиліи изъ племени прежнихъ князей, господствовавшихъ въ краѣ; нѣкоторыя изъ нихъ состояли въ довольно близкомъ родствѣ съ самими великими князьями Литвы, другія владѣли огромными имѣніями, цѣлыми почти удѣлами, и содержали собственныя дружины; изъ этой среды неразъ являлись именитые государственные сановники и славные воины, оказывавшіе великія заслуги всему отечеству (5). Къ тому же православные русскіе литовскаго государства имѣли за собою еще русскихъ московскаго государства и, въ случаяхъ нужды, могли находить для себя не только нравственную но и физиче-

(4) Все это сдѣлалось неоспоримымъ, послѣ того, какъ обнародовано уже такое множество всякаго рода граматъ и актовъ западно-русскаго края. Статутъ литовскій извѣстенъ въ троякомъ видѣ: статутъ первый или старый 1529 г.; статутъ второй, значительно дополненный, 1566 г., и статутъ третій, вновь пересмотрѣнный и еще болѣе дополненный, 1588 года. Всѣ эти статуты были писаны по-русски; но первые два въ свое время не были напечатаны (недавно напечатаны, первый въ XVIII книгѣ, а второй въ XXIII книгѣ Временника Москов. Общ. исторіи и древн. Россійскихъ); третій же былъ напечатанъ въ томъ же 1588 г. на русскомъ языкѣ въ Вильнѣ, въ типографіи Мамоничей, и только въ 1619 г. былъ переведенъ и напечатанъ по-польски. Во второмъ статутѣ ясно было сказано: «писарь земскій маетъ поруску литерами и словы рускими всѣ листы и позвы писати, а не иншимъ языкомъ и словы» (Раздѣлъ IV, артикулъ 1). А въ третьемъ статутѣ, даже въ польскомъ его переводѣ, говорится: «земскій писарь обязанъ всѣ бумаги, выписи и позывы писать не на иномъ какомъ-либо языкѣ и не иными словами, какъ только на русскомъ и по-русски, буквами и словами русскими» (Разд. IV, артикулъ 1, пунктъ 4), и въ другомъ мѣстѣ: «узаконяемъ: воеводы и судовые старосты обязаны, каждый особо по своему вѣдомству, избрать и опредѣлить въ должность для себя помощника или подстаросту, градскаго судью и секретаря, людей честныхъ, благонравныхъ, свѣдущихъ въ законахъ и знающихъ русскую грамату» (Разд. IV, артик. 37, пунктъ 1).

(5) Изъ всѣхъ православныхъ князей вел. княжества литовскаго самые близкіе великому князю-королю, по родству, были князья Олельковичи - слуцкіе, а самые богатые—едвали не князья Острожскіе. При Константинѣ Константиновичѣ Острожскомъ, княжество острожское, какъ видно изъ акта о раздѣлѣ его между двумя сыновьями князя, заключало въ себѣ 35 городовъ и мѣстечекъ и 671 селеніе, кромѣ тѣхъ, которыя розданы были во владѣніе церквамъ, монастырямъ и архіереямъ, и занимало значительную часть нынѣшней волынской

скую опору въ православномъ московскомъ государѣ Очень понятно, что литовско-польскіе короли не могли относиться къ своимъ подданнымъ православной вѣры, по крайней мѣрѣ, наружно, безъ должнаго вниманія и справедливости. И вотъ мы видимъ, что всѣ эти государи, при самомъ вступленіи своемъ на престолъ, изрекали клятвенное обѣщаніе сохранять права и привиллегіи всѣхъ своихъ подданныхъ не только римской вѣры, но и русской, какъ уже тогда называли въ Литвѣ православную вѣру въ отличіе отъ латинской; всѣ подтверждали и ограждали и церковныя и имущественныя права русскихъ митрополита, епископовъ и прочаго духовенства; давали жалованныя граматы русскимъ церквамъ и монастырямъ, на построеніе или возстановленіе и обновленіе ихъ, на ихъ земли и вотчины, прежнія и новыя, на охраненіе ихъ отъ обидъ и притѣсненій, такъ что, при разсматриваніи однихъ этихъ граматъ, можно подумать, будто православная церковь въ литовскомъ государствѣ пользовалась совершеннымъ покровительствомъ правительства. Но, съ другой стороны, литовскіе государи позволяли себѣ, по отношенію къ ней, и совсѣмъ другаго рода дѣйствія. Сами они были католики; потому не могли сочувствовать ей, и неизбѣжно подлежали, болѣе или менѣе, вліянію своего латинскаго духовенства и папы, всегда

и нѣкоторыя части кіевской и подольской губерній. Ежегодные доходы князя простирались до десяти милліоновъ польскихъ злотыхъ (около 1.800,000 нынѣшнихъ серебр. рублей). При дворѣ его служилъ маршалкомъ одинъ изъ знатныхъ пановъ, получавшій по 70 тысячъ злотыхъ жалованья, и находилось въ качествѣ придворныхъ чиновъ до двухъ тысячъ другихъ пановъ, русскихъ и польскихъ (бояръ и шляхты). И во всемъ этомъ княжествѣ, имѣвшемъ болѣе 600 православныхъ церквей, находилось только два костела и два ксендза, даже въ началѣ XVII вѣка (Нѣсколько словъ о княжествѣ острожск., во Временникѣ Москов. историч. общ. XIV, отд. I, 35—47).

враждовавшихъ противъ православія. Да и какъ государи, они не могли благопріятствовать православной вѣрѣ въ средѣ своихъ русскихъ подданныхъ: потому что она постоянно влекла ихъ къ Москвѣ, тогда какъ литовскимъ государямъ, напротивъ, желательно было всячески отклонить ихъ отъ Москвы и сблизить съ прочими своими подданными. Съ этою-то преимущественно цѣлію еще Ольгердъ и Витовтъ въ Литвѣ, а Казиміръ въ Галиціи пытались дать своимъ русскимъ подданнымъ особаго первосвятителя и совершенно отдѣлить ихъ отъ московской митрополіи. Особенно же должна была усилиться нерасположенность литовско-польскихъ королей къ православію со времени послѣдняго соединенія (въ 1569 г.) Литвы съ Польшею, когда завѣтною мечтою этихъ королей сдѣлалось слить оба свои государства въ одно, обширное, могущественное, и когда они ясно сознали, что главнымъ препятствіемъ къ тому можетъ служить разновѣріе русскихъ съ поляками, и что для полнаго политическаго соединенія или уніи тѣхъ и другихъ необходимо соединеніе ихъ по вѣрѣ—унія церковная. Нечего, потому, удивляться, если литовскіе государи, дававшіе столько льготныхъ граматъ православнымъ своимъ подданнымъ и православному духовенству, издавали также и враждебныя имъ постановленія и, по временамъ, то лишали православныхъ права занимать высшія должности въ государствѣ, ссылаясь обыкновенно на городельское постановленіе 1413 года (6), то за-

(6) Это городельское постановленіе, съ которымъ намъ неразъ придется встрѣчаться, считаемъ нужнымъ представить въ подлинномъ текстѣ. Оно изложено въ граматѣ польскаго короля Владислава Ягелло и литовскаго вел. князя Александра Витольда о соединеніи (incorporatio) Литвы съ Польшею, данной на городельскомъ сеймѣ въ 1413 году, 2 декабря. Здѣсь, между прочимъ, сказано: barones, nobiles, boiari terrarum nostrarum Lithuaniæ, donationibus, pri-

прещали имъ строить и даже возобновлять свои церкви, то отнимали у нихъ церкви и отдавали латинянамъ, то стѣсняли православныхъ въ торжественномъ отправленіи ихъ праздниковъ и священнослуженій, то уничижали самую вѣру православную, называя ее даже въ оффиціальныхъ бумагахъ схизмою, а православные храмы синагогами, то допускали и открытое насиліе православныхъ для привлеченія ихъ къ покорности папѣ.

Ничѣмъ, однакожъ, столько короли эти не наносили вреда православію въ своемъ государствѣ, какъ злоупотребленіемъ усвоеннаго ими себѣ права «патронатства» по отношенію къ православной церкви и, въ частности, права «подаванія» архіерейскихъ въ ней каѳедръ, монастырей и церквей (7). Въ

villegiis et concessionibus ipsis, per nos datis, impetritis et collatis, duntaxat catholici et romanæ ecclesiæ subiecti, et quibus clenodia sunt concessa, gavdeant, participent et fruantur, prout barones regni Poloniæ suis potiuntur et fruuntur. Далѣе: Dignitates, sedes et officia, prout in regno Poloniæ institutæ sunt, instituentur et locabuntur in Wilna, scilicet Palatinus et castellanus Vilnensis, et demum Troki, et in aliis locis, ubi nobis videbitur expedire... Et huiusmodi dignitarii non eligantur, nisi sint fidei catholicæ cultores et subiecti sanctæ romanæ ecclesiæ, nec etiam aliqua officia terræ perpetua, ut sunt dignitates castellanatus etc., nisi christianæ fidei cultoribus conferantur. И еще: Præterea prædictis libertatibus, privillegiis et gratiis tantummodo illi Barones et nobiles terræ Lithuaniæ debent uti et gavdere, quibus arma et clenobia nobilium regni Poloniae sunt concessa, et cultores christianæ religionis, romanæ ecclesiæ subiecti, et non schismatici vel alii infideles (Volumina legum, T. I, p. 29 — 32, Petersburg. 1859).

(7) Право «патронатства» и, въ частности, право «подаванья» основывались на владѣльческомъ правѣ. Литовскіе государи признавали себя верховными владѣльцами и господарями всѣхъ земель великаго княжества литовскаго, слѣдовательно и всѣхъ находившихся въ немъ земель и имѣній церковныхъ, которыя принадлежали каѳедрамъ православныхъ архіереевъ, православнымъ монастырямъ и церквамъ. На этомъ основаніи литовскіе государи усвояли себѣ право подавать или раздавать, по своему усмотрѣнію, архіерейскія каѳедры, монастыри и церкви и считаться ихъ патронами, почему и называли себя «верховными подателями столицъ (столовъ-каѳедръ) духовныхъ и всѣхъ хлѣбовъ духовныхъ», также «верховными подавцами и оборонцами церквей Божіихъ» и под. (Архив. юго-западн. Россіи ч. I, т. I, № 13; А. Зап. Россіи IV, № 19 и др.). Впрочемъ, по отношенію къ монастырямъ и церквамъ право подаванья литовско-польскихъ королей было ограничено: они пользовались этимъ правомъ по отношенію только, во первыхъ, къ тѣмъ монастырямъ и церквамъ, которые находились въ ихъ собственныхъ, королевскихъ имѣніяхъ, и во вторыхъ—къ тѣмъ, которые не находились въ имѣніяхъ другихъ владѣльцевъ, свѣтскихъ или духовныхъ, а находились вообще на государственной территоріи, принадлежавшей королю. По примѣру своего государя и всѣ прочіе землевладѣльцы въ литовскомъ краѣ, какъ свѣтскіе, такъ и духовные, усвояли себѣ право патронатства и подаванья по отношенію ко всѣмъ тѣмъ монастырямъ и церквамъ, которые находились въ ихъ имѣніяхъ. Наконецъ, король нерѣдко жаловалъ право патронатства и подаванья по отношенію къ монастырямъ и церквамъ, находившимся въ его собственномъ господарскомъ «шафунку» (распорлженіи), не только частнымъ лицамъ, свѣтскимъ и духовнымъ, архіереямъ, протопопамъ и др., но и цѣлымъ обществамъ того или другаго города и церковнымъ братствамъ.

литовскихъ епархіяхъ, еще до отдѣленія ихъ отъ московской митрополіи, избраніе епископовъ совершалось уже не такъ, какъ въ Москвѣ, не соборомъ іерарховъ, по изволенію великаго князя, а самимъ королемъ при участіи князей, бояръ, священниковъ и всего людства той епархіи, для которой избирался архипастырь (8). Мало по малу участіе мѣстнаго духовенства и мірянъ въ избраніи епархіальныхъ архіереевъ почти прекратилось и назначеніе послѣднихъ перешло въ исключительную власть литовско-польскихъ королей, которые допускали при этомъ ходатайства только своихъ сенаторовъ и другихъ знатныхъ лицъ и вообще дворянства. Пользуясь такимъ важнымъ правомъ, короли-иновѣрцы раздавали архіерейскія каѳедры, большею частію, не духовнымъ лицамъ, способнымъ къ святительскому служенію, а свѣтскимъ, искавшимъ только захватить въ свои руки архіерейскія имѣнія, и раздавали иногда въ видѣ награды за какія либо заслуги, военныя или гражданскія, иногда по ходатайству сильныхъ

(8) Акт. Историч. I, № 270.

особъ, нерѣдко прямо за деньги. Случалось, что еще при жизни престарѣлаго епископа, король предоставлялъ его епархію какому либо шляхтичу, который, по смерти епископа, тотчасъ и вступалъ въ управленіе ею и управлялъ нѣсколько лѣтъ, вовсе не принимая на себя свящ. сана и только называясь нареченнымъ епископомъ. Случалось, что король давалъ право на какую либо архіерейскую каѳедру разомъ двумъ свѣтскимъ лицамъ, которыя потомъ и вели изъ-за нея между собою открытую борьбу. Случалось и то, что шляхтичи, получившіе отъ короля жалованную грамату на какую либо епископію, передавали свое право, за деньги, другимъ лицамъ, а епископы, занимавшіе уже извѣстныя каѳедры, выпрашивали себѣ у короля право на другія, болѣе богатыя каѳедры, какъ только послѣднія сдѣлаются вакантными. Точно также поступали литовскіе государи съ православными монастырями и церквами, находившимися подъ ихъ непосредственнымъ патронатствомъ. Большею частію они предоставляли настоятельство въ этихъ монастыряхъ не монахамъ, но мірянамъ, которые иногда обязывались вступить въ монашество, иногда и не обязывались и, продолжая жить въ мірѣ, правили монастырями чрезъ своихъ какбы намѣстниковъ-иноковъ, сами же властно распоряжались монастырскими вотчинами. А очень нерѣдко короли отдавали, какъ свои монастыри, такъ и церкви со всѣми ихъ имѣніями, прямо въ арендное содержаніе на нѣсколько лѣтъ, или и въ пожизненное владѣніе, то духовнымъ, то мірскимъ людямъ, даже латинскаго исповѣданія. Примѣру короля слѣдовали князья, бояре и вообще паны, имѣвшіе подъ своимъ патронатствомъ православные монастыри и церкви. Нѣкоторые изъ этихъ

патроновъ, — между ними были и иновѣрцы,—вмѣсто того, чтобы заботиться о своихъ монастыряхъ и церквахъ, объ ихъ устройствѣ и благосостояніи, и пособлять имъ, сами только пользовались ихъ имѣніями, или отдавали эти имѣнія въ аренду другимъ и доводили до совершеннаго разоренія, предоставляя себѣ въ тоже время право, по своему произволу, распоряжаться въ самихъ церквахъ и монастыряхъ, принимать и удалять приходскихъ священниковъ и монашествующихъ, къ крайнему стѣсненію епархіальной власти. Такой порядокъ, вѣрнѣе, безпорядокъ въ раздачѣ архіерейскихъ каѳедръ и въ управленіи монастырями и церквами продолжался въ литовской православной митрополіи втеченіе всего періода и имѣлъ самыя гибельныя для нея послѣдствія. Это была страшная внутренняя язва, которая незамѣтно подтачивала самыя главныя силы церкви и неизбѣжно вела ее къ разслабленію и изнеможенію. У церкви отнята была даже возможность имѣть достойныхъ архипастырей и духовныхъ вождей и борцовъ, которые бы ревностно и мужественно отстаивали ея православіе и права; ей давали такихъ святителей, которые преслѣдовали преимущественно собственные интересы и изъ-за личныхъ выгодъ способны были пожертвовать всѣмъ. И этимъ-то злоупотребленіемъ своей власти назначать православныхъ архіереевъ и распоряжаться православными монастырями и церквами, этимъ-то постепеннымъ ослабленіемъ и обезсиленіемъ православной церкви, литовскіе государи несравненно болѣе, нежели всѣми другими мѣрами, подготовили въ своемъ государствѣ для латинянъ ту побѣду, какую одержали они наконецъ надъ православными.

© ПНТБ СО РАН

Около половины XVI в. явилось въ Литвѣ протестантство, повидимому, въ качествѣ союзника православной церкви: потому что немедленно устремилось, всѣми своими силами противъ ея врага—латинства и произвело въ рядахъ его страшныя опустошенія. Но скоро увидѣли, что, поражая католицизмъ, протестантство поражало и православіе, и въ самое короткое время успѣло увлечь столько православныхъ въ Литвѣ, особенно изъ высшаго круга, сколько латинская церковь не могла увлечь ихъ впродолженіе цѣлаго предшествовавшаго столѣтія. Еще болѣе вреда причинило протестантство православію тѣмъ, что своими громкими побѣдами, какбы разбудило дремавшія силы католицизма и вызвало въ Литву іезуитовъ,—такихъ борцовъ за латинскую церковь, какихъ прежде она не имѣла, и которые не замедлили доставить ей здѣсь торжество и надъ протестантскими сектами и надъ православіемъ. Протестантство, можно сказать, только помогло іезуитамъ и облегчило имъ трудъ одолѣть православныхъ, обезсиливши послѣднихъ тѣми пораженіями, какія нанесло имъ прежде. Появленіе въ Литвѣ протестантства не только не прекратило борьбы, которую дотолѣ вело здѣсь латинство противъ православія, но еще возбудило ее и ускорило ея печальный исходъ.

Главная цѣль, къ которой постоянно стремилась римская церковь въ своей борьбѣ съ православіемъ въ Литвѣ и Польшѣ, была церковная унія. Но самая эта борьба велась не съ одинакимъ постоянствомъ и напряженіемъ и, еще болѣе, не съ одинакимъ успѣхомъ. Впродолженіе перваго почти полустолѣтія (1458 — 1503) борьба была довольно сильная: римское духовенство и литовско-польскіе государи употребляли разныя средства, церковныя и гражданскія, для привлеченія православныхъ къ флорентійской уніи; были даже попытки къ уніи со стороны самихъ православныхъ, хотя окончившіяся неудачно. Въ слѣдующее полустолѣтіе (1503 — 1555) борьба настолько ослабѣла, что сдѣлалась почти незамѣтною: православные, по дѣламъ своей вѣры, наслаждались относительнымъ спокойствіемъ, и если принимались еще противъ нихъ мѣры стѣсненія, то лишь изрѣдка и не повсемѣстно, а прямыхъ попытокъ къ уніи, ни со стороны православныхъ, ни со стороны самихъ латинянъ, вовсе не было. Съ половины XVI вѣка, втеченіе слишкомъ тридцати лѣтъ (1555—1589) борьба быстро усилилась и достигла высшей степени напряженія: на православныхъ напали сперва протестанты, потомъ іезуиты, и послѣдніе, съ небывалою прежде со стороны латинянъ настойчивостію, возобновили попытки къ уніи. Наконецъ, въ послѣднее семилѣтіе (1589—1596) борьба постепенно приближалась къ своему исходу: въ средѣ самаго православнаго духовенства нашлись немногіе измѣнники, которые, дѣйствуя вмѣстѣ съ латинянами, несмотря на противодѣйствіе всѣхъ православныхъ, успѣли принять и водворить въ Литвѣ церковную унію. Такимъ образомъ, въ исторіи западно-русской или литовской митрополіи, впродолженіе настоящаго ея періода, представляются, одинъ за другимъ, слѣдующіе четыре отдѣла (главы):

I) Борьба православія съ латинствомъ и неудачныя попытки къ уніи (1458—1503).

II) Спокойное состояніе православія, лишь изрѣдка нару-

шавшееся борьбою съ латинствомъ, безъ попытокъ къ уніи (1503—1555).

III) Борьба православія съ протестантствомъ и іезуитами, и новыя, усиленныя попытки къ уніи (1555—1589).

IV) Унія (1589—1596).

ГЛАВА I.

БОРЬБА ПРАВОСЛАВІЯ СЪ ЛАТИНСТВОМЪ И НЕУДАЧНЫЯ ПОПЫТКИ КЪ УНІИ.

867 5/68

I.

Рядъ первосвятителей западно-русской церкви началъ собою Григорій. Мы уже знаемъ, кто былъ онъ, какъ поставленъ въ митрополита и какъ совершилось при немъ окончательное отдѣленіе литовской митрополіи отъ московской. Григорій происходилъ изъ Болгаріи и считался ученикомъ митрополита Исидора. Съ нимъ прибылъ къ намъ изъ Греціи, съ нимъ же и бѣжалъ изъ Россіи. Съ нимъ путешествовалъ (1452 г.) изъ Рима въ Константинополь, и оттуда снова возвратился въ Римъ. Въ Россіи Григорій назывался только чернецомъ и протодіакономъ при Исидорѣ; въ Константинополѣ сдѣлался аббатомъ или игуменомъ монастыря св. Димитрія,—того самаго монастыря, въ которомъ нѣкогда игуменствовалъ и Исидоръ. Когда въ Римѣ ясно увидѣли, что ни въ Москвѣ, ни въ Константинополѣ не могла утвердиться флорентійская унія, несмотря на всѣ попытки и усилія ревнителей ея; когда Исидоръ потерялъ всякую надежду

© ГПНТБ СО РАН

возвратиться на свою каѳедру въ Россію, гдѣ все еще продолжалъ княжить прогнавшій его вел. князь Василій Васильевичъ и много лѣтъ уже святительствовалъ православный митрополитъ Іона, — тогда, съ общаго согласія папы, Исидора и другихъ кардиналовъ, положено было отдѣлить отъ русской церкви, по крайней мѣрѣ, тѣ епархіи, которыя находились во владѣніяхъ литовско-польскаго короля, но вѣрѣ латинянина, поставить надъ ними особаго митрополита, приверженнаго къ уніи, и такимъ образомъ хотя здѣсь насадить и утвердить ее. Исидоръ указалъ на ученика своего Григорія «яко достойна суща митрополіи русскія и мудра велми въ рѣчехъ». Бывшій цареградскій патріархъ, Григорій Мамма, принужденный, подобно Исидору, оставить свою каѳедру за приверженность къ уніи и проживавшій въ Римѣ, рукоположилъ Григорія въ санъ епископа-митрополита, а папа Пій II утвердилъ его своею граматою отъ 11 сент. 1458 г. и отпустилъ въ назначенную ему литовскую митрополію. Мы знаемъ также, какъ отнеслись къ этому назначенію въ Москвѣ. При первой вѣсти о немъ, вел. кн. Василій Васильевичъ писалъ къ литовскому королю Казиміру, чтобы онъ не принималъ Григорія. Митрополитъ Іона послалъ въ Литву настоятелей двухъ значительнѣйшихъ монастырей, троице-сергіева и кирилловскаго и разсылалъ многочисленныя граматы къ епископамъ, князьямъ, боярамъ и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ литовскимъ, убѣждая всѣхъ стоять твердо въ православіи и не покоряться идущему изъ Рима ученику Исидорову, еретику, отлученному отъ св. соборной церкви. Всѣ русскіе епископы, собравшись въ Москвѣ у гроба святителя Петра, кромѣ того, что дали обѣтъ

оставаться вѣрными митрополиту Іонѣ и не признавать Григорія, написали (13 сент. 1459 г.) и къ литовскимъ епископамъ своимъ духовнымъ братьямъ соборное посланіе, чтобы они помнили свое исповѣданіе и обѣщаніе, данное Іонѣ, и не принимали митрополита отъ латинянъ, отступника отъ православной вѣры. Но всѣ эти посланія и убѣжденія не отвратили опасности (9). Такимъ образомъ литовская митрополія разомъ отдѣлена была и отъ московской митрополіи и отъ константинопольскаго патріархата, или точнѣе, изъята была изъ подъ власти православныхъ константинопольскихъ патріарховъ и подчинена константинопольскимъ патріархамъ уніатскимъ, которые, начиная съ Григорія Маммы, слѣдовали одинъ за другимъ въ непрерывномъ порядкѣ, назначались самимъ папою и имѣли пребываніе не въ Константинополѣ, а въ Римѣ.

Папа разсчитывалъ собственно на литовско-польскаго короля Казиміра, своего «наймилѣйшаго о Христѣ сына». Каковъ же былъ этотъ король, по крайней мѣрѣ, до настоящаго времени? Литовскимъ великимъ княземъ онъ сдѣлался еще въ 1440 г., будучи только четырнадцати лѣтъ, и скоро пріобрѣлъ любовь своихъ подданныхъ. Онъ далъ имъ присягу, что сохранитъ въ цѣлости ихъ государство, несмотря на всѣ притязанія поляковъ, и не уступитъ послѣднимъ ни Волыни, ни Подоліи, ни Луцкой земли, которыя литовцы

(9) Нашей Истор. Р. Церкви VI, 35—45; П. Собр. Русск. Лѣт. VI, 167. Назначеніе и посвященіе Григорія въ митрополита кіевскаго несправедливо относили къ 1442 году (*Dubowicz*, Hierarchia abo... str. 181, we Lwowie 1644; *Kulczynskj*, Specimen ecclesiæ Ruthenicæ, p. 121, Romæ 1733, и др.), какъ замѣтилъ еще уніатскій писатель Стебельскій (Chronologia, rodz. I, str. 47, w Wilnie 1782).

считали своею неотъемлемою собственностію, а поляки усиливались присвоить своей коронѣ. Сдѣлавшись потомъ, очень неохотно и почти противъ воли, и королемъ Польши (въ 1447 г.), онъ долго не соглашался подтвердить присягою права польской короны, которыя распространяли поляки и на три названныя литовскія области, и продолжалъ поддерживать сторону литовцевъ въ ихъ непрекращавшихся спорахъ съ поляками изъ-за земельныхъ владѣній. Въ самой Литвѣ Казиміръ одинаково смотрѣлъ на всѣхъ своихъ подданныхъ, какой бы вѣры они ни были. Еще въ 1440 г. онъ далъ нѣкоторыя торговыя привиллегіи жителямъ своего столичнаго города—Вильны, какъ римской, такъ и русской вѣры, а въ слѣдующемъ году подтвердилъ равно тѣмъ и другимъ магдебургское право, дарованное имъ еще королемъ Сигизмундомъ (1432 г.). Будучи уже и королемъ Польши, пожаловалъ (1456 г.) подтвердительную грамату галицко-русскому духовенству, дворянству и прочимъ жителямъ на всѣ прежнія ихъ права и вольности, а за годъ до назначенія въ Литву митрополита Григорія пожаловалъ такую же грамату литовскому, русскому и жмудскому духовенству, равно, князьямъ, боярамъ, шляхтичамъ и прочимъ жителямъ, безъ всякаго различія по вѣрѣ, и уравнялъ ихъ по правамъ съ духовенствомъ, князьями, боярами, шляхтичами и вообще жителями короны польской, несмотря на городельское постановленіе ([10]). Съ такимъ же расположеніемъ Казиміръ относился и къ церковному единенію своихъ православныхъ подданныхъ съ

([10]) *Narbutt*, Dzieje narodu Litewsk., VIII, str. 6 — 10. 57 — 83; Собраніе граматъ Вильны, Ковна... I, №№ 3—7; Supplement. ad Histor. Russiæ Monum. № 166; А. З. Россіи I, № 61.

Москвою. Онъ изъявилъ (1448 г.) свое согласіе на поставленіе Іоны въ митрополита надъ всею, тогда еще нераздѣленною, русскою церковію, и въ своемъ договорѣ съ вел. княземъ московскимъ Василіемъ Васильевичемъ (1449 г.) условился признавать вообще митрополитомъ того, кто будетъ любъ имъ обоимъ; присылалъ Іонѣ «жалованье и поминки», а въ началѣ 1451 г. далъ ему и грамату на управленіе литовскими епархіями, призывая въ ней и епископовъ съ прочимъ духовенствомъ, и князей, и бояръ, и весь народъ христіанства русскаго чтить Іону, какъ отца-митрополита, и слушаться его въ дѣлахъ духовныхъ ([11]). На этого-то короля не усомнился разсчитывать папа, посылая къ нему новопоставленнаго митрополита Григорія, и, къ изумленію, не обманулся въ своихъ надеждахъ: такъ еще могущественно было тогда папское слово! Въ своей граматѣ къ Казиміру Пій II, называя его своимъ «наймилѣйшимъ о Христѣ сыномъ» и преподавая ему благословеніе, прежде всего извѣщалъ его, что находящіяся въ его владѣніяхъ епархіи греческаго закона отнимаются у отщепенца и противника, злочестиваго чернеца Іоны, и для нихъ поставленъ въ Римѣ особый митрополитъ Григорій; потомъ просилъ короля, чтобы онъ принялъ Григорія на каѳедру кіевскую, а не допускалъ до нея отщепенца Іоны и никого другаго, кто вздумалъ бы домогаться ея при помощи духовенства и народа; если же Іона или кто другой явятся съ этою цѣлію въ Литву, то приказалъ бы схватить ихъ и, въ оковахъ, заключить въ темницу; наконецъ, поручалъ королю подчинить и привести въ послушаніе Гри-

([11]) А. З. Россіи I, № 50, стр. 64; А. Э. I, № 49 А. И. I, № 42; нашей Исторіи Р. Церкви VI, 24—25.

© ПНТБ СОРАН

горію всѣхъ епископовъ означенныхъ епархій, и духовенство, и народъ, и оказывать новому митрополиту всякое покровительство и содѣйствіе къ расширенію его правъ, а всѣхъ противящихся тому подвергать тяжкимъ мукамъ (12). Казиміръ не осмѣлился самъ воспротивиться папѣ, и несмотря на то, что самъ же прежде изъявилъ согласіе на избраніе Іоны въ митрополита и далъ ему грамату на управленіе литовскими епархіями, несмотря на договоръ съ вел. княземъ московскимъ и убѣжденія его, принялъ Григорія и отдалъ ему всѣ девять епархій западно-русскаго края. Семь изъ этихъ епархій находились въ предѣлахъ литовскаго королевства: черниговская, полоцкая, смоленская, туровская, луцкая, владимірская на Волыни и холмская; онѣ-то, за исключеніемъ, впрочемъ, послѣдней, и подчинены были прежде Іонѣ граматою Казиміра. Остальныя двѣ епархіи числились во владѣніяхъ Польши: галичская и перемышльская, и, вѣроятно, вмѣстѣ съ холмскою, считались еще за особую митрополію галицкую, — непостоянно, впрочемъ, имѣвшую своего митрополита. Эту митрополію Казиміръ также обѣщалъ-было подчинить Іонѣ; но не видно, чтобы исполнилъ свое обѣщаніе, несмотря на просьбы Іоны, и она только теперь возсоединилась съ кіевскою митрополіею подъ властію Григорія, такъ что отселѣ кіевскіе митрополиты имѣли уже право называться *кіевскими и галицкими*, хотя, сколько извѣстно, самъ Григорій назывался только *кіевскимъ и всея Россіи* (13). «Слышаніе таково полное, писалъ московскій митрополитъ Ѳеодосій новгородскому владыкѣ, спустя два года послѣ прибытія Григорія въ Литву, что король его принялъ, и столецъ ему кіевскій далъ, и во всей своей державѣ св. Божія церкви и вся церковная оправданія вѣдати». И мало того, что самъ принялъ Григорія и далъ ему каѳедру кіевскую со всѣми церквами въ своей державѣ, но еще посылалъ къ вел. князю Василію Васильевичу, чтобы Григорія приняли и на Москву, а послѣ нѣсколько разъ посылалъ съ просьбою о томъ и къ Ивану Васильевичу, хотя получалъ всегда рѣшительный отказъ (14).

(12) Грамата папы къ Казиміру сохранилась въ западно-русскомъ переводѣ и напечатана въ П. Собр. Русск. Лѣт. VI, 167—169.

(13) Всѣ девять епархій, отданныя митрополиту Григорію, поименованы въ означенной граматѣ папы къ Казиміру. О литовскихъ епархіяхъ, находившихся подъ властію митрополита Іоны, см. А. И. I, №№ 52. 272, и нашей Ист. Р. церкви VI, 27—29. 43. О галицкой митрополіи, то расширявшейся и обнимавшей бо́льшее число епархій, то сокращавшейся въ своихъ предѣлахъ, — см. нашей Истор. Р. Ц. IV, 56—59. 79—84. О титулѣ митр. Григорія болгарина — А. И. I, стр. 110. 116. 505. 506.

(14) А. И. I, № 275; А. Э. I, № 80.

Какъ же поступили литовскіе епископы? Сначала они хотѣли показать свою приверженность къ митрополиту Іонѣ, сами извѣстили его о прибытіи къ нимъ Григорія, прислали въ Москву даже граматы, которыя послѣдній принесъ съ собою въ Литву отъ папы, лжепатріарха Григорія Маммы и Исидора; иные извѣщали и о своей ревности по православію. И Іона хвалилъ ихъ ревность и убѣждалъ ихъ быть твердыми и впредь, не покоряться Григорію и охранять отъ него свои духовныя паствы. Но вскорѣ имѣлъ скорбь услышать, что нѣкоторые изъ этихъ епископовъ уже вошли въ общеніе съ Григоріемъ и служатъ съ нимъ, поминая въ церквахъ ненавистное имя папы. И снова писалъ къ нимъ архипастырскія посланія, и объяснялъ, что Григорій Мамма, и Исидоръ, и ученикъ его Григорій — отступники отъ православной вѣры и развратители ея, и что тѣхъ, которые вступятъ въ общеніе

съ нимъ, «православная церковь не имѣетъ за христіанъ, но за отступники своея вѣры и пособники ихъ ересей»; снова убѣждалъ и слезно умолялъ епископовъ позаботиться о своихъ безсмертныхъ душахъ, не сообщаться съ Григоріемъ, не внимать его ученію, не бояться его запрещеній, оберегать отъ него православныхъ христіанъ. «А если кому изъ васъ, сыны мои,—прибавлялъ первосвятитель,—будетъ отъ кого либо истома за то и нужда, тотъ, по своему къ намъ исповѣданію и обѣщанію, не принимая пришедшаго отъ римской церкви и не пріобщаясь къ нему, ѣхалъ бы ко мнѣ. А который не поѣдетъ, забывъ къ намъ свое исповѣданіе предъ Богомъ и обѣщаніе въ свое ставленье, и пожелаетъ вступить въ общеніе съ отступникомъ Григоріемъ, тотъ самъ на себя положитъ великую и неизмолимую предъ Богомъ тяжесть церковную» ([15]). Много ли подѣйствовали такія убѣжденія? На приглашеніе Іоны изъ всѣхъ литовскихъ епископовъ отозвался только одинъ. Онъ писалъ, вѣроятно, уже не къ самому Іонѣ, а къ преемнику его Ѳеодосію, что Григорій, когда прибылъ въ литовскую землю, «воздвиглъ бурю и развращеніе на церковь Божію, и что великая отъ него налога православному христіанству», а затѣмъ, сказавъ о самомъ себѣ, какъ «стоялъ за св. Божіи церкви и за православную св. Христову вѣру», просилъ у московскаго первосвятителя ходатайства предъ вел. княземъ, чтобы тотъ пожаловалъ своего богомольца и успокоилъ его въ своей державѣ, «отъ таковаго злаго гоненія». Митрополитъ въ своемъ отвѣтномъ посланіи благодарилъ епископа за его твердость и ревность по вѣрѣ, и извѣщалъ, что вел. князь готовъ пожаловать его и успокоить въ своей державѣ и «издоволить всѣмъ», и чтобы онъ поспѣшалъ въ домъ пречистыя Богородицы и великаго чудотворца, св. Петра митрополита. Епископъ этотъ былъ Евѳимій брянскій или черниговскій, который къ концу 1464 г. дѣйствительно «прибѣже на Москву, покиня свою епископію», и получилъ здѣсь въ управленіе епархію суздальскую ([16]). Чтожъ—прочіе епископы, литовскіе и галицкіе? Нѣкоторые изъ нихъ, какъ мы уже упоминали, вступили въ общеніе съ Григоріемъ почти тотчасъ, едва онъ прибылъ въ Литву; а другіе сначала, быть можетъ, и пытались не признавать его и не повиноваться ему, но когда началось «злое гоненіе», конечно, не безъ воли короля, котораго самъ папа уполномочилъ въ своей граматѣ подвергать тяжкимъ мукамъ тѣхъ, кто станетъ противиться Григорію, тогда смирились и, мало по малу, уступили и покорились ему и его власти. Скажемъ ли, что эта покорность была не искренняя, не добровольная, не по совѣсти, а только наружная, притворная, вынужденная обстоятельствами; но все же она была, и одна изъ нашихъ лѣтописей не безъ основанія выразилась такъ рѣшительно: «прiиде изъ Риму Григорій митрополитъ и сѣде на Кіевѣ, и пріятъ его король и *съ нимъ 8 епископовъ литовскихъ*» (—VIII, 149).

Какъ отозвались на призывъ Григорія низшее духовенство и міряне православные? Не станемъ отвергать, что и среди духовенства и среди мірянъ православныхъ могли найтись лица, послѣдовавшія примѣру своихъ архипастырей, особен-

([15]) А. И. I, №№ 62. 63. 273; нашей Истор. Р. Церкви VI, 38—44.

([16]) Дополн. А. И. I, № 13; Лѣтоп., изд. 1784 г., стр. 261; П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 151; Никон. Лѣт. VI, 2—3.

по изъ тѣхъ, которые были близки къ этимъ архипастырямъ и къ королю и желали быть имъ угодными, или устрашились «бури», воздвигнутой Григоріемъ на церковь Божію. Но массы православнаго народонаселенія въ западно-русской церкви, несомнѣнно, оставались непоколебимыми въ вѣрѣ отцевъ, несмотря на всѣ усилія и короля и Григорія привлечь ихъ къ уніи. Это засвидѣтельствовалъ самъ король Казиміръ, когда, спустя уже десять лѣтъ послѣ прибытія Григорія, писалъ къ папѣ Павлу II, что въ Литвѣ и соединенныхъ съ нею русскихъ областяхъ обитаетъ «великое множество еретиковъ и схизматиковъ», т. е. православныхъ, и что «число ихъ со дня на день возрастаетъ», и, какбы признавая недостаточность однихъ внѣшнихъ мѣръ противъ нихъ, просилъ у папы дозволенія основать какъ въ Литвѣ, такъ и въ русскихъ областяхъ по два монастыря ордена бернардиновъ (fratres ordinis minorum observantiae), чтобы они своею проповѣдію и жизнію могли приводить тамошнихъ еретиковъ и схизматиковъ къ единству церкви, а въ 1469 г. дѣйствительно основалъ такой монастырь въ Вильнѣ, на лѣвомъ берегу Вилейки, вблизи русской половины города ([17]). Въ частности, относительно Кіева извѣстенъ слѣдующій случай. Въ 1471 г., когда скончался послѣдній князь кіевскій, правнукъ Олгердовъ, Симеонъ Олельковичъ, бывшій намѣстникомъ короля Казиміра, Казиміръ воспользовался этимъ, чтобы обратить

([17]) Содержаніе этого письма короля Казиміра къ папѣ Павлу II излагаетъ самъ папа въ своемъ посланіи къ аббату монастыря Могилевскаго краковской епархіи (отъ 23 іюля 1468 г.), которое напечатано въ Histor. Russiæ Monum. I, № 122, а также у *Тейнера* — Vetera Monumenta Poloniæ et Lituaniæ, T. II, № 196. Объ основаніи въ Вильнѣ монастыря Бернардиновъ — *Kraszewskiego* Wilno, II, str. 315.

княжество кіевское въ воеводство, и первымъ воеводою въ Кіевъ назначилъ литовца Мартина Гаштольда, державшагося римской вѣры. Кіевляне крайне огорчились такимъ назначеніемъ и два раза не принимали Гаштольда, къ нимъ пріѣзжавшаго. Они помнили, что со временъ Гедимина, втеченіе 150-ти лѣтъ ими постоянно управляли, въ качествѣ намѣстниковъ литовскаго государя, лишь князья православные, и просили Казиміра, чтобы онъ далъ имъ или князя Михаила, брата умершаго Симеона Олельковича, или хоть какого либо другаго начальника, только греческой вѣры, а не латинской, хотя и не имѣли успѣха ([18]). Не очевидное ли это доказательство, что жители древней русской столицы были тогда чисто-православными, а не уніатами, покорными римскому первосвященнику? Да не въ Кіевѣ только, но даже въ Вильнѣ, столицѣ княжества литовскаго, гдѣ часто имѣлъ пребываніе самъ король Казиміръ, а иногда и митрополитъ Григорій при своемъ каѳедральномъ пречистенскомъ соборѣ, всѣ жители русской вѣры оставались тогда вѣрными православію. Въ 1471 году приходили въ Вильну къ королю послы изъ Пскова, и при нихъ, 31-го Марта, какъ повѣствуетъ псковскій лѣтописецъ, «загорѣся въ полнощь посадъ въ Вильнѣ, лядскій конецъ, и горѣ до свѣта, и сгорѣ съ 400 дворовъ и божницы лядскія..., а рускаго конца и святыхъ Божіихъ церквей Богъ ублюде, христіанскихъ дворовъ и своихъ храмовъ, а иновѣрныя на вѣру приводя, а христіанъ

([18]) *Stryikowsk.* — Krònica II, 272, по изд. Варшав. 1846; *Koialowicz.* Historiæ Lituanæ pars. II, p. 238, Antverpiæ 1669. Вслѣдъ за Гаштольдомъ вскорѣ появился и его родной братъ въ Кіевѣ на каѳедрѣ латинскаго епископа (*Контарини* — Путешествіе, въ Библіот. иностран. писателей о Россіи, I, 21—22, Спб. 1836).

© ГПИБ СОРАН

на покаяніе». На языкѣ этого лѣтописца *лядскія божницы* означали латинскіе костёлы, *св. Божіи церкви* — православные храмы, *иновѣрные* — латиняне, *христіане* — русскіе, православные (19).

Оставаясь твердыми въ вѣрѣ отцевъ, православные великаго княжества литовскаго выражали, какъ и прежде, свое усердіе къ ней пожертвованіями на св. храмы и обители и на содержаніе своего духовенства. Примѣръ въ этомъ подавали православные князья—потомки великихъ князей Гедимина и Олгерда, имѣвшіе въ своемъ владѣніи или управленіи разные города и области литовскаго государства. Одинъ изъ правнуковъ Олгерда, князь Иванъ Юрьевичъ Мстиславскій пожертвовалъ полоцкому епископу Каллисту и его каѳедральному софійскому собору сельцо на рѣкѣ Марынцѣ съ угодьями (1458—1459), и мстиславскому онуфріевскому монастырю—озеро Гостинъ (1468). Супруга этого князя Юліанія пожаловала николаевской церкви въ погостѣ Даниловскомъ сельцо Гридково съ угодьями и доходами (1461). А оба они вмѣстѣ, князь и княгиня, соорудили на своемъ дворѣ въ Мстиславлѣ большой соборъ во имя пресв. Троицы съ шестью придѣлами, и для причта его опредѣлили хлѣбныя, медовыя и денежныя дани (1463). Другой правнукъ Олгердовъ, князь Михаилъ Александровичъ слуцкій дозволилъ боярину своему Василію Царю купить «дворецъ» для придачи слуцкому троицкому монастырю (1455 г. или позже). Родной братъ этого князя, третій правнукъ Олгердовъ, Симеонъ Александровичъ (Олельковичъ), бывшій намѣстникомъ литовскаго государя въ Кіевѣ, сдѣлалъ весьма много для кіево-печерской лавры.

(19) П. Собр. Р. Лѣт. IV 239.

Предъ началомъ настоящаго періода мы видимъ эту знаменитую обитель уже довольно благоустроенною: въ ней были настоятель—архимандритъ Николай и другіе монастырскіе чины—келарь, уставщикъ, ключникъ, и «много старцевъ». Но великая церковь печерская, разрушенная еще при Батыѣ (1240), оставалась въ развалинахъ. Князь Симеонъ, на собственныя средства, воздвигъ ее вновь, украсилъ иконнымъ писаніемъ, обогатилъ золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными сосудами (1470). Въ слѣдующемъ году онъ и погребенъ здѣсь, какъ прежде погребены были его дѣдъ, бывшій намѣстникомъ въ Кіевѣ, Владиміръ Олгердовичъ († 1394) и нѣкоторые другіе дѣти Олгердовы (20). Одинъ изъ потомковъ князя Любарта, сына Гедиминова, кобринскій князь Иванъ Семеновичъ, вмѣстѣ съ матерью своею Іуліаніею, пожаловалъ въ 1465 г. кобринскому монастырю Св. Спаса мельницу на рѣкѣ Шевни, со ставомъ и съ сѣножатями, а также земли со всѣми доходами съ нихъ, и назначилъ ежегодныя медовыя дани, и въ томъ же году пожаловалъ кобринской петро-павловской церкви людей въ Кобринѣ и земли со всѣми ихъ доходами, пашнями и десятинами. Около того же времени еще одинъ изъ потомковъ Гедиминовыхъ, князь Юрій Семеновичъ Гольшанскій далъ кіевской лаврѣ подтвердительную грамату на владѣніе землями и людьми, пожалованными ей дѣдомъ его, княземъ Иваномъ Олгимонтовичемъ (21). Вообще если православные въ литов-

(20) А. З. Р. I, №№ 46. 56. 62. 65. 66. 68 и примѣч. 8. 25; Вилен. Археогр. Сборн. II, № 2; П. Собр. Р. Лѣт. II, 358.

(21) А. З. Р. I, № 72; V, № 2, п. I; Акт. Вилен. Археогр. Комм. III, № 2. Кобринскій спасскій монастырь существовалъ и въ началѣ XV вѣка (Акт. Вилен. Археогр. Комм. III, № 1).

скомъ княжествѣ терпѣли что либо за вѣру отъ митрополита Григорія и своего вел. князя Казиміра, то, съ другой стороны, всегда могли находить для себя опору, огражденіе и утѣшеніе въ своихъ помѣстныхъ православныхъ князьяхъ изъ тогоже великокняжескаго, Гедиминова и Олгердова, рода, а также въ другихъ православныхъ князьяхъ и вообще владѣльцахъ, подъ властію которыхъ непосредственно находились.

Совсѣмъ другое было положеніе православныхъ въ Галиціи и нѣкоторой части Подоліи подъ владычествомъ Польши. Не знаемъ, кто были въ то время епископами въ епархіи перемышльской, и какихъ поставлялъ себѣ намѣстниковъ въ галицкой епархіи митрополитъ Григорій; но тамошнимъ православнымъ, кореннымъ жителямъ страны, приходилось выносить много зла отъ другихъ причинъ. Первое зло состояло въ томъ, что польскіе короли, особенно Владиславъ (1440—1444), пораздали на Руси, какъ называли тогда Галицію, многія земли, села и города польскимъ панамъ, католикамъ, которые, приходя сюда нерѣдко съ вооруженною силою и помогая другъ другу, нападали еще на сосѣднія имѣнія русскихъ владѣльцевъ, отнимали у нихъ эти имѣнія, или грабили и разоряли; жителей же подчиняли себѣ, а другихъ разгоняли ни съ чѣмъ, равно какъ и самихъ владѣльцевъ. Такимъ образомъ число русскаго дворянства, русскаго владѣльческаго класса быстро уменьшалось въ Галиціи, а число польскихъ пановъ и шляхты болѣе и болѣе возрастало, и господствующимъ, преобладающимъ сословіемъ въ странѣ становились латиняне. Одному сильному и богатому польскому дому Одровонжей Владиславъ отдалъ въ залогъ, за значительную сумму, даже цѣлыя области—львовскую, бельзскую, жидачевскую, и вообще всю землю галицкую, въ полное владѣніе. Отъ этихъ владѣльцевъ, изъ которыхъ въ одно и тоже время (предъ 1450 г.) одинъ, Петръ Одровонжъ, былъ львовскимъ воеводою и старостою, а другой братъ—Иванъ—львовскимъ латинскимъ архіепископомъ, православные жители страны терпѣли жестокія притѣсненія, многія злодѣянія и разбои, и напрасно жаловались королю. Такъ продолжалось до 1465 г., когда, по предложенію короля Казиміра, несчастные жители согласились собрать и внести ему особую дань, чтобы только онъ выкупилъ ихъ изъ подъ ига Одровонжей. Одно зло порождало другое. Многіе жители Галиціи и землевладѣльцы, прогнанные изъ своихъ жилищъ и владѣній польскими панами и лишенные всего, убѣгали въ Крымъ къ татарамъ и, томимые жаждою мщенія, возбуждали ихъ производить набѣги на свою родную землю, желая лучше видѣть ее опустошенною, нежели въ рукахъ ненавистныхъ поляковъ. Такъ, по наущенію этихъ бѣглецовъ и скитальцевъ, въ 1469 г. татарскія орды разорили цѣлые уѣзды Подоліи и Галиціи и увели съ собою въ плѣнъ до 10 тысячъ, а черезъ четыре года опустошили всю Галицію и увлекли до 100 тысячъ плѣнныхъ. Не говоримъ о другихъ набѣгахъ татарскихъ на Подолію и Галицію, которые вообще были тогда очень часты. Отъ всѣхъ этихъ набѣговъ страдали, какъ всѣ жители страны, ихъ домы и имущества, такъ, въ частности, и православное духовенство, православные храмы и обители ([22]). Много, наконецъ, приходилось выносить русскому духовенству въ Галиціи и отъ

([22]) *Зубрицк.* О червонн. или галицк. Руси, 338—339. 361. 387—389. 393; *Harasiewicz*, Annales ecclesiae Ruthenae, p. 30—31, Leopoli 1862.

посягательства пановъ и вообще свѣтскихъ людей на его права. Злоупотребленія такого рода, напримѣръ, въ перемышльской епархіи доходили до того, что самъ король Казиміръ счелъ нужнымъ (1469 г.) подтвердить тамошнему православному духовенству привиллегію, данную ему еще Витовтомъ, чтобы «оно не было притѣсняемо, чтобы дворяне не судили духовныхъ лицъ, брачныхъ дѣлъ себѣ не отнимали и не изгоняли приходскихъ священниковъ» ([23]).

Тяжкія обстоятельства западно-русской церкви, особенно въ Галиціи, и притѣсненія отъ латинянъ вызвали православныхъ тѣснѣе соединяться между собою во имя вѣры, и вотъ съ самаго начала настоящаго періода мы видимъ въ литовской митрополіи первыя, по времени, православныя *братства:* одно въ Галиціи, въ главномъ городѣ ея Львовѣ, другое въ столицѣ литовскаго государства—Вильнѣ. Сохранилось свѣдѣніе, что въ 1453 году было во Львовѣ восемь русскихъ церквей и между ними городская успенская, при которой и существовало православное братство города. Когда возникло оно и въ чемъ состояли его устройство и дѣятельность, неизвѣстно. Чрезъ десять лѣтъ, львовскій гражданинъ Стефанъ Дрошанъ, возстановивъ древній онуфріевскій монастырь и надѣливъ его имѣніями, которыя тогда же утверждены были за нимъ львовскимъ старостою, а въ 1469 г. и граматою самого короля Казиміра, отдалъ этотъ монастырь подъ покровительство львовскаго городскаго братства. Братство поручило управленіе онуфріевскимъ монастыремъ игумену уніевскаго монастыря, подлежавшаго непосредственно власти кіевскаго митро-

([23]) Свидѣтельство объ этомъ изъ рукописи перемышльскаго епископ. архива приведено тоже у *Гарасевича,* Annal. eccl. Ruth. p. 51.

полита ([24]). Изъ этихъ немногихъ свѣдѣній можно заключать, что львовское братство было собственно религіозное или церковное и имѣло одну цѣль — заботиться о нуждахъ мѣстной православной церкви. Повидимому, иного рода образовалось тогда братство въ Вильнѣ. Около 1458 г. виленскіе кушнеры (мѣховщики, скорняки) Климъ, Якубъ и нѣкоторые другіе установили между собою братство подъ именемъ кушнерскаго. Они дѣлали складчину, покупали и сытили медъ къ тремъ въ году праздникамъ: къ Рождеству Христову, ко дню сошествія Св. Духа и къ празднику святителя Николая. Изъ оставшагося воска дѣлали свѣчи и раздавали въ эти праздники по церквамъ, а сыченый медъ пили въ эти же праздники братствомъ, собираясь вмѣстѣ для братской бесѣды ([25]). Когда числр братьевъ умножилось, они выстроили для себя въ Вильнѣ особый братскій домъ и составили уставъ. По уставу братья ежегодно выбирали себѣ старостъ и въ помощь имъ ключниковъ; старосты принимали въ свое распоряженіе братскія деньги и все имущество и въ концѣ года отдавали братству от-

([24]) *Зубрицкій,* Лѣтопись львовскаго ставропигіальнаго братства, подъ 1453 и 1463 г. Думаютъ, что львовское братство существовало еще въ 1439 г., и ссылаются на грамату короля Казиміра IV, 1439 г., которая хотя не сохранилась въ подлинникѣ, но упоминается въ описи дѣлъ лембергскаго архива за 1601 г. и въ описи книгъ 1579 года (*Флеров.* О правосл. церковныхъ братствахъ, стр. 8, Спб. 1857). Но въ 1439 г. Казиміръ IV еще не былъ королемъ: онъ сдѣлался королемъ польскимъ только въ 1447 г., и до того времени не могъ дать граматы братству, существовавшему въ Галиціи. Не показанъ ли въ означенныхъ описяхъ 1439 г., по опискѣ, вмѣсто 1459 или даже 1469 года, когда дѣйствительно королемъ Казиміромъ дана была львовскому братству грамата? Объ онуфріевскомъ монастырѣ — см. нашей Истор. Р. Церкви IV, 170. А о подчиненіи уневскаго монастыря непосредственно митрополиту — А. З. Р. III, № 14.

([25]) О братчикахъ въ древней Россіи и складчинныхъ пирахъ — см. *Соловьева* Истор. Россіи VII, 142—143.

четъ. При братскихъ собраніяхъ и бесѣдахъ въ три названные праздника старосты должны были наблюдать, чтобы всѣ, какъ братья, вписанные въ братство, такъ и гости, приглашенные кѣмъ либо изъ братьевъ ради чести, равно и лица, «вкупившіеся» только на тотъ день для участія въ братской бесѣдѣ и праздноваиіи, вели себя чинно, не говорили ничего неприличнаго, не пили меда не въ мѣру и не производили никакихъ безпорядковъ. Провинившимся старосты могли дѣлать словесныя замѣчанія, но дальнѣйшія взысканія опредѣлялись братствомъ. Братству принадлежало право суда и взысканія за всѣ проступки, совершавшіеся въ братскомъ домѣ, во время братскихъ собраній и бесѣдъ, надъ всѣми членами братства, и гостями, и вкупавшимися въ братство на день, равно какъ надъ самими старостами и ключниками. И никто не имѣлъ права обращаться въ такомъ случаѣ къ судамъ стороннимъ, свѣтскимъ или духовнымъ; даже люди духовные римской вѣры и греческой, какъ вписавшіеся въ братство, такъ и приходившіе въ братскій домъ гостями или вкупавшіеся на день, судились въ такихъ дѣлахъ непремѣнно самимъ братствомъ, а отнюдь не бискупомъ латинскимъ и не русскимъ митрополитомъ. Если шляхтичъ, или дворянинъ, или иной человѣкъ, не вписанный въ братство, приходилъ на братскую бесѣду гостемъ или вкупался временно, онъ не перебиралъ мѣстами, а садился, гдѣ приходилось и гдѣ указывали старосты. Когда умиралъ человѣкъ, вписанный въ братство, тогда братья, на погребеніе его, давали нужный бархатъ и братскія свѣчи и сами провожали его тѣло ([26]). Такимъ образомъ,

([26]) Члены кушнерскаго братства, испрашивая себѣ въ 1538 г. у короля Сигизмунда I утвердительную грамату, говорили, что они «того братства своего

виленское братство, хотя, судя по названію его, было братство промысловое или цеховое и походило на промысловыя гильдіи, существовавшія въ Европѣ, но, по своему уставу, значительно отъ нихъ отличалось, и имѣло характеръ братства церковнаго, религіознаго. Промысловыя гильдіи составлялись исключительно изъ членовъ своего ремесла или цеха; а виленское братство, хотя называлось кушнерскимъ, потому что основано было кушнерами и, можетъ быть, изъ нихъ наиболѣе состояло, допускало въ свой составъ и членовъ изъ другихъ сословій, даже духовныхъ людей, греческой и римской вѣры. Промысловыя гильдіи имѣли цѣлію—содѣйствіе успѣхамъ своего ремесла или цеха; а виленское братство предположило себѣ проводить три, избранные имъ, праздника особенно торжественнымъ образомъ, раздавать въ эти праздники свѣчи по церквамъ и собираться тогда всѣмъ братчикамъ вмѣстѣ въ братскомъ домѣ для братскихъ бесѣдъ, соединенныхъ съ приличнымъ пиршествомъ, а въ случаѣ смерти кого либо изъ братьевъ отдавать ему послѣдній христіанскій долгъ и присутствовать при его погребеніи. Къ чести виленскаго братства надобно отнести то, что оно чуждо было духа нетерпимости по отношенію къ латинянамъ и допускало въ число своихъ членовъ даже духовныхъ особъ римской церкви.

Назначеніе Григорія въ митрополита западно-русскихъ епархій было дѣломъ вопіющей несправедливости со стороны папы. Христіане этихъ епархій исповѣдывали православную

уже отъ осмидесять лѣтъ свободнѣ и добровольнѣ вживаютъ», слѣд. съ 1458 г., и что потомъ братство ихъ размножилось, справило себѣ въ Вильнѣ особый братскій домъ и написало въ руководство «артикулы» или уставъ, который и хранится всегда въ братскомъ домѣ (Собр. граматъ Вильны, Ковно..., II, № 17; Акт. Южной и Зап. Россіи I, № 102).

вѣру, принадлежали къ русской церкви и, послѣ того какъ Исидоръ былъ отвергнутъ ею за измѣну православію, признали надъ собою, вмѣстѣ съ нею, новаго православнаго первосвятителя Іону, которому и повиновались уже около десяти лѣтъ. И вдругъ христіанъ этихъ даже не спросили, желаютъ ли или не желаютъ они оставаться въ единеніи съ русскою церковію, а вздумали насильно отторгнуть отъ нея; даже не спросили, признаютъ ли они еще Исидора за своего архипастыря, принимаютъ ли или желаютъ ли принять флорентійскую унію, а прямо прислали къ нимъ, какъ преемника Исидорова, новаго митрополита-уніата, чтобы навязать имъ унію. И все потому только, что они находились подъ властію короля-католика, который могъ дѣйствовать на нихъ принудительными мѣрами и противящихся Григорію могъ, по граматѣ папской, подвергать тяжкимъ мукамъ. Что же вышло? Массы православныхъ въ литовской митрополіи, по прежнему, оставались православными и рѣшительно чуждались уніи. Епископы, волею или неволею, вступили въ общеніе съ Григоріемъ, покорились ему, а вслѣдъ за ними покорились, вѣроятно, и нѣкоторые изъ низшаго духовенства и мірянъ; но какъ покорились? Григорій, сколько извѣстно, былъ человѣкъ умный и просвѣщенный, и могъ правильно понимать, что вокругъ него происходило ([27]). Десять лѣтъ уже протекло, какъ онъ вступилъ на каѳедру литовской митрополіи; десять лѣтъ уже онъ употреблялъ всѣ средства, чтобы привлечь къ себѣ свою духовную паству и утвердить надъ нею свою власть. А

([27]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 167. Дубовичъ называетъ митрополита Григорія «ученымъ» и говоритъ: «мы имѣемъ въ рукописныхъ сборникахъ нѣкоторыя его казанья (проповѣди) на праздники» (Hierarchia, str. 181). О Григоріѣ Цамблакѣ и его проповѣдяхъ Дубовичъ говоритъ прежде и не смѣшиваетъ этихъ двухъ Григоріевъ (— str. 179).

кончилъ тѣмъ, что въ 1469 г. отправилъ своего посла Мануила въ Константинополь, съ великими поминками, съ множествомъ золота и портовъ, и просилъ себѣ «благословенія и подвержденія» отъ цареградскаго патріарха, прося вмѣстѣ, чтобы патріархъ посодѣйствовалъ ему утвердиться и на Москвѣ. За чѣмъ бы Григорію, и послѣ столькихъ лѣтъ службы, искать еще въ Царьградѣ благословенія и подтвержденія себѣ, еслибы онъ успѣлъ насадить въ своей митрополіи унію, принесенную имъ изъ Рима, и еслибы опытно не убѣдился, что православные его паствы упорно отвращаются отъ Рима и папы и признаютъ надъ собою только одного верховнаго архипастыря — православнаго цареградскаго патріарха? Патріархъ Симеонъ трапезунтскій (1468 — 1469), къ которому обратился Григорій, не принялъ присланныхъ имъ даровъ и благословенія ему не далъ, можетъ быть, потому, что въ это время самъ лишился своей каѳедры и долженъ былъ удалиться въ убогій монастырь. Но преемникъ Симеона Діонисій (1469—1476) не усомнился дать Григорію свое благословеніе и утвержденіе въ митрополичьемъ санѣ, и даже отправилъ своего посла не только ко всей Руси литовской, но и въ Москву и въ Новгородъ, съ своею граматою, чтобы Григорія признавали за истиннаго митрополита, а Іоны (умершаго еще въ 1461 г.) чуждались,— такъ какъ цареградская церковь не признавала и не признаетъ его за митрополита. Очень естественно, если въ Царьградѣ, хотя и дали прежде свое согласіе, конечно, неохотно, на поставленіе московскихъ митрополитовъ въ самой Москвѣ, но досадовали, зачѣмъ московскій митрополитъ не проситъ себѣ благословенія у цареградскаго патріарха, и теперь разсчитывали, чрезъ митрополита Григорія, испросившаго такое бла-

гословеніе, возвратить себѣ утраченную власть надъ московскою митрополіею. Не менѣе естественъ и поступокъ московскаго государя Ивана Васильевича III, который, какъ только получилъ извѣстіе объ этомъ покушеніи патріарха, тотчасъ далъ приказъ не впускать въ московскіе предѣлы ни патріаршаго, ни Григоріева пословъ, и написалъ къ новгородскому владыкѣ, чтобы и въ новгородской землѣ пословъ этихъ не принимали, граматѣ ихъ не вѣрили и рѣчей ихъ не слушали. Но для насъ въ настоящемъ дѣлѣ важны собственно два обстоятельства. Во первыхъ, то, что митрополитъ Григорій самъ просилъ себѣ благословенія и утвержденія въ санѣ отъ православнаго цареградскаго патріарха, и тѣмъ ясно выразилъ, что признаетъ надъ собою власть этого патріарха и отрекается отъ уніи и отъ подчиненія уніатскому цареградскому патріарху, жившему въ Римѣ: безъ такого признанія и отреченія просьба Григорія не имѣла бы смысла. Во вторыхъ, то, что православный патріархъ Діонисій дѣйствительно принялъ Григорія подъ свою власть, благословилъ его и утвердилъ въ санѣ митрополита, слѣд. повѣрилъ его отреченію отъ уніи и призналъ его присоединившимся къ православной церкви. А надобно замѣтить, что этотъ Діонисій былъ ученикомъ Марка Ефесскаго и, въ качествѣ послушника, жилъ при немъ до самой его кончины; подъ его руководствомъ изучалъ св. писаніе и творенія отеческія, и отличался строгимъ православіемъ. Достовѣрность же факта, что Григорій посылалъ въ Царьградъ просить себѣ благословенія и утвержденія, и что патріархъ далъ Григорію свою благословенную грамату, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію: объ этомъ тогда же написалъ изъ Царьграда митрополитъ Кесаріи филипповой Іосифъ къ московскому великому князю Ивану III, какъ видно изъ посланія послѣдняго въ Новгородъ; а грамата Діонисія Григорію цѣла была еще въ XVIII вѣкѣ, по свидѣтельству уніатскихъ писателей ([28]). Возсоединившись съ православною церковію (искренне или притворно, одинъ Богъ вѣсть) и снова подчинивши литовскую митрополію православному цареградскому патріарху, Григорій управлялъ ею еще около четырехъ лѣтъ, и уже не имѣлъ нужды употреблять противъ своихъ пасомыхъ такихъ мѣръ, какія употреблялъ прежде. Патріаршая грамата о немъ совершенно успокоила православныхъ въ Литвѣ: они, равно какъ и ихъ епископы, видѣли теперь въ Григоріѣ своего законнаго архипастыря и покорялись ему уже безъ всякаго принужденія и стѣсненія своей совѣсти. Въ началѣ 1473 г. Григорій скончался въ Новогродкѣ литовскомъ, и скончался въ общеніи съ православною церковію,—почему и поминаемъ былъ на западѣ Россіи въ церковныхъ молитвахъ наравнѣ съ другими православными митрополитами ([29]).

([28]) Въ посланіи или граматѣ вел. кн. Ивана III въ Новгородъ—очевидный пропускъ. Сказавъ, что Григорій присылалъ въ Царьградъ просить себѣ благословенія и утвержденія, и что патріархъ Симеонъ не далъ ему благословенія, но вовсе не упомянувъ, что преемникъ Симеона, Діонисій, далъ Григорію свое благословеніе и даже отправилъ на Русь своего посла съ граматою о Григоріѣ, Иванъ Васильевичъ внезапно говоритъ, что онъ уже приказалъ не впускать въ свою землю посла патріаршаго и григоріева, и даетъ знать новгородскому владыкѣ, чтобы и тамъ пословъ этихъ не принимали и граматѣ патріаршей не вѣрили (А. Э. I, № 80). А что этотъ посолъ и эта грамата были отъ патріарха Діонисія, объ этомъ свидѣтельствовала самая грамата, которая была еще цѣла даже въ XVIII в., и которою, по словамъ уніатскихъ писателей, тогдашняя Русь въ литовской митрополіи «совершенно успокоилась» (*Dubowicz*, Hierarchia, str. 182; *Kulesz*, Wiara prawoslawna, str. 174, Wiln. 1704; *Stebelsk.*, Chronolog., str. 49).

([29]) П. Собр. Русск. Лѣт. IV, 246. Въ архіерейскомъ служебникѣ начала XVI в., употреблявшемся въ епархіи пинской и туровской еще при жизни пинскаго князя Ѳедора Ярославича, по освященіи св. даровъ, когда положено по-

Такимъ образомъ, первая попытка, — попытка самаго папы, — ввести въ Литвѣ унію чрезъ митрополита Григорія окончилась неудачно.

II.

При преемникѣ митрополита Григорія сдѣлана была вторая попытка ввести въ Литвѣ унію, и сдѣлана со стороны самихъ русскихъ.

Каѳедру митрополіи послѣ Григорія занялъ епископъ смоленскій Мисаилъ. Онъ происходилъ изъ рода князей Пеструцкихъ или Пестручовъ и, получивъ, по раздѣлѣ съ братьями, часть отцовскаго наслѣдства, пожертвовалъ ее на церковь и

минать умершихъ, воспоминаются имена митрополитовъ, сперва всероссійскихъ: Михаила, Леонтія и проч., потомъ московскихъ: Ѳеодосія, Филиппа, Геронтія, Іоны, наконецъ литовскихъ: *Григорія*, Симеона, Іоны, Макарія, Іосифа, а на полѣ замѣчено: «а се суть митрополити, ихже не хотятъ праздновати: Пимена, и Діонисія, и Григорія Цамблака, и Герасима, и Сидора». Слѣд. поминаемый *Григорій* былъ не кто другой, какъ Григорій болгаринъ (Опис. славян. рукописей моск. синод. библ. III, ч. I, 223—224). Равнымъ образомъ и въ Супрасльскомъ пергаменномъ Поминникѣ или Субботникѣ, начатомъ еще въ началѣ XVI вѣка, Григорій поминается въ числѣ православныхъ митрополитовъ. Здѣсь списокъ митрополитовъ кіевскихъ и всея Россіи, начиная съ Михаила доведенъ только до Іосифа Солтана, и западно-русскіе митрополиты перечислены въ такомъ порядкѣ: *Григорій*, Симеонъ, Іона, Макарій, Іосифъ, Іона, Іосифъ (Вилен. Арх. Сборн. IX, 454. 456). Достойно замѣчанія, что самъ Ипатій Потѣй, при жизни всячески старавшійся доказывать, будто унія постоянно существовала въ западно-русской церкви со временъ флорентійскаго собора, подъ конецъ жизни, въ своемъ духовномъ завѣщаніи, указалъ только на двухъ своихъ предмѣстниковъ, какъ на уніатовъ: на Исидора и на «другаго митрополита» Михаила Рогозу, а Григорія болгарина не назвалъ уніатомъ, равно какъ и никого изъ его преемниковъ даже до Рогозы (Вилен. Археогр. Сборн. X, № 7, стр. 230—231). См. такъ же далѣе примѣчаніе 576.

монастырь общежительный во имя Св. Троицы, которые самъ же и основалъ надъ озеромъ Гомовлемъ въ имѣніи своемъ Черѣѣ (нынѣ мѣстечко сѣнновскаго уѣзда могилевской губерніи), будучи уже епископомъ смоленскимъ. Этотъ черейскій монастырь, на который сдѣлали потомъ свои пожертвованія, то землями, то селами, родной братъ Мисаила Михаилъ и мать-инокиня Агаѳія, а также князья Бабичи-Друцкіе-Соколинскіе и Лукомскіе, Мисаилъ постоянно держалъ подъ собственнымъ управленіемъ, и завѣщалъ, по животѣ своемъ, «въ оборону и въ поданье», своей родной племянницѣ, княгинѣ Марьѣ и мужу ея пану Богдану Сопѣгѣ, королевскому писарю, съ ихъ потомками ([30]). На смоленскую каѳедру Мисаилъ вступилъ раньше 1454 года: потому что въ этомъ году онъ уже называется владыкою смоленскимъ въ дарственной граматѣ брата его черейскому монастырю, и въ этомъ же году писалъ къ Мисаилу, какъ смоленскому епископу, грамату свою московскій митрополитъ Іона ([31]). Спустя два года Мисаилъ самъ, со многими гражданами Смоленска, приходилъ въ Москву бить челомъ вел. кн. Василію Васильевичу, чтобы от-

([30]) Въ 91-мъ примѣчаніи къ IV тому Акт. Западн. Россіи сказано, что Мисаилъ «происходилъ изъ фамиліи князей Друцкихъ Бабичей-Соколинскихъ, а не какихъ-то небывалыхъ Петруцкихъ или Петрускихъ, какъ называетъ ихъ Стебельскій». Но—а) родной братъ Мисаила, въ своей дарственной граматѣ черейскому монастырю (отъ 1454 г.), выражается о себѣ: «Се азъ, Михайло *Пьстручь* Ивановичъ, далъ есми»... (Виленск. Археогр. Сборн. II, № 1): б) князья Бабичи-Друцкіе Соколинскіе, въ своихъ дарственныхъ записяхъ на тотъ же монастырь, основанный Мисаиломъ, вовсе не называютъ себя его братьями и даже родственниками (А. З. Р. III, № 101, п. 1—IV); в) самъ Мисаилъ такъ же не называетъ ихъ ни братьями, ни родственниками своими, напротивъ ясно отличаетъ ихъ отъ своихъ братьевъ, выразившись въ концѣ своего завѣщанія такъ: «при томъ моемъ записѣ были: князь Семенъ Ѳедоровичь Соколинскій, а братья мои панъ Микита а панъ Дашко» (тамъ же п. V. VIII).

([31]) Виленск. Археогр. Сборн. II, № 1; А. И. I, № 56.

пустилъ съ ними чудотворную икону Божіей Матери смоленскую, которая была принесена въ Москву еще въ 1404 г. смоленскимъ княземъ Юріемъ Святославичемъ, искавшимъ для себя здѣсь помощи противъ нападавшаго на Смоленскъ литовскаго вел. кн. Витовта. Василій Васильевичъ, разсудивъ съ митрополитомъ Іоною и прочими святителями и боярами, что неприлично держать какбы въ плѣну чудотворную икону Богоматери, и почтивъ епископа Мисаила и его спутниковъ, отпустилъ съ ними икону съ особымъ церковнымъ торжествомъ, а себѣ оставилъ съ нея точную копію (32). Когда прибылъ въ Литву митрополитъ Григорій,—Мисаилъ, извѣщая о немъ первосвятителя московскаго, говорилъ и о своемъ противодѣйствіи прибывшему лжемитрополиту, и удостоился услышать отъ Іоны слѣдующія слова: «а что, сыну, по своему святительскому долгу, побораешь и стоишь за православіе, — и вѣрую Христу, моему Владыцѣ, что не далече будешь небеснаго и безконечнаго Его царствія» (33), хотя потомъ, вмѣстѣ съ другими епископами, Мисаилъ и призналъ Григорія и вошелъ съ нимъ въ общеніе. Какъ совершилось избраніе Мисаила въ митрополита, съ точностію неизвѣстно. Судя потому, что въ избраніи епископовъ литовскихъ принимали тогда участіе и духовенство, и дворянство и прочіе міряне епархіи, для которой избирался епископъ, и имѣя въ виду, что одинъ изъ ближайшихъ преемниковъ Мисаила по митрополитской каѳедрѣ, еще при королѣ Казимірѣ, несомнѣнно былъ избранъ духовенствомъ, князьями, боярами и вообще православными, только не одной какой либо епархіи, а всей литовской митрополіи, мо-

(32) П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 76. 144.
(33) А. И. I, № 62, стр. 112.

жемъ думать, что такимъ же образомъ избранъ былъ и Мисаилъ. Впрочемъ, какъ бы ни совершилось его избраніе, оно состоялось не прежде 1475 г., и слѣд. спустя уже около двухъ лѣтъ по смерти Григорія (34). Это зависѣло или отъ того, что король не скоро далъ приказаніе объ избраніи новаго митрополита: безъ воли короля избраніе не начиналось; или отъ того, что самый процессъ избранія потребовалъ много времени; или отъ того, наконецъ, что король долго колебался, кого предпочесть и утвердить на митрополіи изъ числа избранныхъ кандидатовъ. Очень вѣроятно, что измѣна митрополита Григорія уніи и подчиненіе православному константинопольскому патріарху совершились безъ вѣдома короля Казиміра и были ему крайне непріятны, когда сдѣлались извѣстными. А вслѣдъ за тѣмъ очень естественно, если королю желалось теперь назначить на митрополитскую каѳедру такое лице, которое согласилось бы возобновить и продолжить дѣло, начатое-было Григоріемъ и, подъ конецъ, имъ самимъ испорченное. По крайней мѣрѣ, такимъ лицемъ оказался назначенный королемъ на митрополію епископъ смоленскій Мисаилъ.

Вскорѣ, по своемъ назначеніи, онъ написалъ въ Вильнѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими духовными лицами и знатными мірянами, «епистолію» или грамату къ папѣ Сиксту IV (отъ 14 марта 1476 г.), подъ которою подписался такъ: «Мисаилъ, священный епископъ смоленскій, електъ на митрополію кіевскаго престола и всея Росіи», или по другому списку: «пречестный въ Бозѣ отецъ, освященный епископъ смоленскій,

(34) Вилен. Археогр. Сборн. I, № 2. Свое завѣщаніе относительно черейскаго монастыря Мисаилъ написалъ въ лѣто 6983 (1475), индикта 9, мѣсяца октября седмого дня, и началъ это завѣщаніе словами: «Се азъ, владыка смоленскій Мисайло, чиню вѣдомо»... (А. З. Р. III, № 101, п. VIII).

Мисаилъ, выбранный електъ на митрополію кіевскаго престола и всея Росіи». Эту замѣчательную грамату первый огласилъ, уже въ началѣ XVII в., въ самый разгаръ церковной уніи въ Литвѣ, уніатскій митрополитъ Игнатій Поцѣй или Потѣй. Въ 15 день іюня 1605 г. онъ лично явился въ виленскую ратушу, гдѣ засѣдали бурмистры и радцы обѣихъ сторонъ, римской и русской, и показалъ имъ весьма старую книгу, найденную имъ въ Кревской церкви, писанную уставнымъ славянскимъ письмомъ и содержавшую въ себѣ описаніе флорентійскаго собора и грамату митрополита кіевскаго Мисаила къ папѣ Сиксту IV. Показывая книгу, Поцѣй сказалъ, что находитъ нужнымъ напечатать столь важную грамату, для всеобщаго свѣдѣнія, по-русски и по-польски, а чтобы противники не дерзнули разглашать, будто грамата напечатана не изъ старой книги, но по какимъ либо новымъ рукописямъ, просилъ членовъ ратуши засвидѣтельствовать показанную имъ книгу съ граматою своими подписями и о всемъ этомъ заявленіи занести въ актовыя книги ратуши и выдать ему выписку изъ нихъ. Желаніе Поцѣя было исполнено, и онъ вскорѣ дѣйствительно издалъ въ Вильнѣ названную грамату и на польскомъ и на русскомъ языкѣ (35). Съ

(35) Выписка изъ книгъ виленской ратуши, данная Потѣю, напечатана въ А. З. Р. IV, № 164. На польскомъ языкѣ грамата издана Потѣемъ подъ заглавіемъ: Poselstwo do Papierza Rzymskiego Syxta IV od duchowienstwa i od Książąt i Panow Ruskich 1476 rok... Экземпляръ этого изданія есть въ Императ. публичной библ. (зала 13, шкафъ 9, полка 13, № 73), къ сожалѣнію, безъ перваго и безъ нѣсколькихъ послѣднихъ листовъ. Въ началѣ, передъ граматою, здѣсь напечатаны: а) Parenetica jednego do swey Rusi—стихами, и б) упомянутая выше—выписка изъ книгъ виленской ратуши, данная Потѣю. На русскомъ же языкѣ, довольно крупнымъ славянскимъ шрифтомъ, въ малую четвертку, грамата издана тогда подъ тѣмъ же заглавіемъ: «Посельство до панежа рымъского Сикъста IV отъ духовенства и отъ княжатъ и пановъ рускихъ з Вилни, ро-

тѣхъ поръ уніатскіе и латинскіе писатели, вслѣдъ за Поцѣемъ, съ торжествомъ указывали на грамату Мисаила, какъ на свидѣтельство, что и въ его время существовала уже унія въ литовскомъ государствѣ, а православные или прямо отвергали подлинность граматы, или относились къ ней съ сомнѣніемъ и недовѣріемъ (36). Но если несправедливы послѣдніе,—такъ какъ нѣтъ основанія считать грамату подложною, то несправедливы и первые: они видѣли въ граматѣ больше, нежели сколько въ ней находится (37). Грамата, безспорно, пред-

ку 1476, мѣсяца марта, 14 дня, черезъ пословъ в томъ же листе нижеименованныхъ». Экземпляръ этого русскаго изданія есть въ библіотекѣ литовской духовной семинаріи, въ одномъ переплетѣ съ книгою: «Животъ Генадіа патріархи константынопольского»... и проч. (зала А, шкафъ № 3, полка 12, мѣсто 26). Здѣсь такъ же въ началѣ: а) «до читателя» прозою (сохранилось только два листка) и б) помянутая выписка изъ книгъ виленской ратуши (сохранилось только заглавіе). Въ самой граматѣ недостаетъ нѣсколько листовъ въ серединѣ. Недавно эта грамата на русскомъ языкѣ издана вновь подъ заглавіемъ: «Соборное посланіе русскаго духовенства и мірянъ къ римскому папѣ Сиксту IV, писанное изъ Вильны 14 марта 1476 г., издалъ *А. Петрушевичъ*, Львовъ 1870». Петрушевичъ, при изданіи граматы, имѣлъ три ея списка: одинъ изъ львовскаго ставропигіальнаго братства, другой изъ музея заведенія пропаганды въ Римѣ и третій изъ Ватиканской библіотеки.

(36) Изъ уніатскихъ и латинскихъ писателей—Дубовичъ (Hierarchia, 182), Кояловичъ (Miscellanea, 46), Кулѣшъ (Wiara Prawoslawna, 182—183), Кулчинскій (Specim. Eccles. Ruthenicae, 122), Стебельскій (Chronolog., 50) и другіе. Изъ православныхъ—авторъ Перестроги (А. З. Р. IV, № 149, стр. 229), Захарія Копыстенскій (Палинод. ч. III, разд. II, артик. I), митрополитъ Евгеній (Опис. Кіево-соф. собора, 111—112) и др.

(37) Въ доказательство подложности этой граматы обыкновенно указываютъ на слѣдующія слова автора Перестроги, современника Потѣя: «Книги змышляютъ (уніаты), пишучи подъ датою старою, письмомъ старымъ, якобы колись тая згода (унія) трвати мѣла; але присмотрись пильно въ самую рѣчь, и знайдешь, же хоть такія письма старые змышляютъ, але рѣчь вся Потѣева, якъ бы усты самъ мовилъ; притомъ знайдешь слова, вѣка теперешнего людьми уживаемыя, которыхъ старые предки наши неуживали» (А. З. Р. IV, стр. 229). Но невольно возникаетъ мысль, не имѣлъ ли въ виду авторъ Перестроги какую либо другую книгу, изданную Потѣемъ и уніатами, а не грамату русскихъ къ папѣ Сиксту IV, или, по крайней мѣрѣ, не имѣлъ ли въ виду и эту грамату, но

ставляетъ свидѣтельство, но не о дѣйствительномъ существованіи уніи въ то время, а только объ одной изъ попытокъ къ принятію уніи, и драгоцѣнна для насъ потому, что изображаетъ тогдашнее положеніе православныхъ въ литовско-польскомъ государствѣ, показываетъ настроеніе умовъ между ними, и вообще проливаетъ нѣсколько свѣта на этотъ темный періодъ нашей церковной исторіи, о которомъ сохранилось такъ мало свѣдѣній. Кромѣ того грамота имѣетъ весьма важный интересъ литературный: она — почти единственный памятникъ духовной литературы въ западно-русской церкви отъ второй половины XV вѣка, хотя, правда, памятникъ не высокаго достоинства, — потому что, при всей обширности своей, скудна содержаніемъ и отличается необычайнымъ многословіемъ и растянутостію, крайнею напыщенностію и повтореніями одного и тогоже. Чтобы вѣрнѣе судить объ историческомъ значеніи этой граматы, сдѣлаемъ краткій ея анализъ.

Вся первая, вступительная часть граматы, довольно длинная, есть не что иное, какъ одна непрерывная и самая изысканная похвала папѣ. Его величаютъ здѣсь вселенскимъ папою, великимъ солнцемъ, всемірнымъ свѣтильникомъ, отцемъ отцевъ, пастыремъ пастырей, достойнѣйшимъ викаріемъ св. соборной и апостольской церкви, чудноумнымъ и всесвѣтлымъ

только въ польскомъ ея изданіи и переводѣ: потому что на русскомъ языкѣ, какъ она первоначально написана и издана, въ ней нѣтъ ничего, за что укоряетъ здѣсь уніатовъ авторъ Перестроги. Языкъ этой граматы — языкъ славянскій, и если допускаетъ кое-гдѣ слова и выраженія изъ народной рѣчи, то вполнѣ соотвѣтствуетъ тому русскому языку, на которомъ писали на западѣ Россіи, судя по уцѣлѣвшимъ граматамъ, во второй половинѣ XV вѣка, а не похожъ на тотъ западно-русскій языкъ, переполненный польскими словами и оборотами, на которомъ писали къ концу XVI в. и на которомъ писалъ самъ авторъ Перестроги. Таково единственное основаніе къ отверженію подлинности разсматриваемой нами граматы, сколько нибудь заслуживающее вниманія!

серафимомъ, вторымъ Моисеемъ законоположникомъ, вторымъ Іисусомъ Навиномъ, высшимъ самаго чуднаго Самуила, другомъ Божіимъ; къ нему относятъ слова писанія: *таковъ намъ подобаше архіерей, преподобенъ, незлобивъ, безскверненъ, отлученъ отъ грѣшникъ* (Евр. 7, 26), и выражаются, что никакое слово человѣческое, никакая мудрость недостаточны къ достойному восхваленію чудныхъ и предивныхъ его достоинствъ, и что составители граматы приносятъ ему свое «малое гранесловіе» только отъ усердія своей теплой вѣры и отъ пламенной любви къ нему, ублажая въ немъ вселенскаго пастыря, приносящаго Богу безкровную жертву о мирѣ всего міра, о благостояніи св. Божіихъ церквей и совокупленіи ихъ паки во едино, и проч.

Во второй части составители граматы сообщаютъ свѣдѣнія о самихъ себѣ и о своей вѣрѣ, жалуются на притѣсненія отъ латинянъ и просятъ папу примирить и уравнять ихъ съ латинянами, указываютъ самое средство къ тому и, излагая все это, снова величаютъ и ублажаютъ его въ самыхъ пышныхъ выраженіяхъ, восхваляютъ его добродѣтели, даже и тѣ, какими отличался онъ, когда еще былъ простымъ инокомъ францисканскаго ордена, снова повторяютъ, что они не въ силахъ достойно прославить и превознести его. «Всѣ мы,— говорятъ они,—находящіеся здѣсь, на странѣ далече, — словесныя овцы тогоже стада Христова, тойже св. соборной и апостольской церкви, отъ четырехъ вселенскихъ свѣтлѣйшихъ патріарховъ греческихъ, по ихъ уставу, обычаю и преданію, ихъ греческимъ церковнымъ наученіемъ, порождены отъ купели св. крещенія, обновлены банею покаянія, благодатію Св. Духа, и добрѣ пасемся ими, въ истинномъ благовѣріи,

на пажитяхъ живоносныхъ, на благоцвѣтущихъ горахъ сѣверныя страны»... А между тѣмъ «нѣкоторые, какъ мы слышали, наговорили о насъ предъ вашею святынею ложь, будто мы не совершенные и не истинные христіане св. православной вѣры Христовой, и изрекли на насъ многія другія подобныя хулы... Таковые не хотятъ, чтобы мы были всѣ едино тѣло о Христѣ, и не слышатъ самаго Христа, заповѣдавшаго своимъ послѣдователямъ: *да любите другъ друга*..... Но мы вѣруемъ вашей наисвятѣйшей мудрости, что вы не повѣрите всѣмъ этимъ и другимъ подобнымъ клеветамъ на насъ; вѣруемъ, что ты вселенскій пастырь..... (слѣдуетъ обширная похвала папѣ). Мы видимъ въ нашихъ странахъ многихъ, принадлежащихъ къ западной церкви, содержащихъ ея обычаи, изъ числа называющихся ея пастырями, которые думаютъ яростію умножать стадо, а только больше погубляютъ его, достойныхъ предаютъ суду, вяжутъ и мучатъ, а иныхъ силою влекутъ изъ благочестія въ благочестіе, расторгая союзъ мира и любви завистливымъ гнѣвомъ. Однихъ неискусный пастырь пугаетъ крикомъ и несправедливо и скоро низвергаетъ и отлучаетъ; другимъ пускаетъ жезлъ во главу, пристращая враговъ, и вдругъ видитъ предъ собою мертвецовъ; третьихъ, объюродѣвъ отъ вспыльчивости, пхаетъ ногою въ спину, и преломляетъ имъ ребра.... Но мы видимъ иную премудрость вашей святыни, привлекающую любовію и овецъ, яже не суть отъ двора сего, да вси едино будутъ о Христѣ..... (слѣдуетъ новое восхваленіе папы). Посему мы молимъ твое человѣколюбіе, о владыко, будь милостивъ къ намъ, живущимъ далече на сѣверныхъ странахъ, въ свѣтломъ городѣ россійскія чреды, подъ уставомъ восточной церкви, содержащимъ св. седмь все-

ленскихъ соборовъ, *къ нимъ же купно и осмый, флорентійскій, ухваляющимъ*..... Ходатайствуй милостиво и о насъ къ Богу, да спасетъ тобою души наши..... Въ нашей странѣ ходитъ слухъ, что настоитъ нынѣ годъ пятьдесятный въ преславномъ Римѣ на отпущеніе всѣмъ грѣховъ..... Молимъ тебя, да не возбраниши и намъ сего прещедраго и общаго всѣмъ великаго и многомилостиваго лѣта..... Мы вѣруемъ и исповѣдуемъ Бога быти Отца самаго отъ себе, безначальнаго и нерожденна; Сына же отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ, Бога праваго отъ праваго, во всемъ равна (Ему) существомъ; Духа же Святаго, равна купно исходяща *отъ Отца прежде, такожде и Сына единемъ духновеніемъ*, и подаемъ и изливаемъ на всяку плоть обильно Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ... Вся, елика имать Отецъ, имать и Сынъ, развѣ нерожденія; вся, елика имать Сынъ, Духа суть, развѣ рожденія; вся же, елика суть Духа, Отче и Сыновне, развѣ исхожденія: понеже бо *Духъ не рожденъ, но исхожденъ отъ Отца*; а тако сіи имена—нерожденіе и рожденіе и исхожденіе имутъ, въ тріехъ Лицахъ едино божество, едина сила, едино существо... Такова наша вѣра во Святую Троицу. Да заградятся же уста говорящихъ на насъ неправду предъ вашимъ святительствомъ... Мы исповѣдуемъ такъ же едино крещеніе во оставленіе грѣховъ, а не два, какъ поступаютъ нѣкоторые въ нашихъ странахъ,—силою влекутъ нѣкоторыхъ отъ нашей церкви и совершаютъ надъ ними второе крещеніе, говоря: такъ дѣлать повелѣваетъ намъ святѣйшій папа. Разсмотри жъ и разсуди, святѣйшій отче, хорошо ли это и слѣдуетъ ли такъ дѣлать?.... Мы всѣ во едино тѣло крестихомся, аще іудеи, аще еллины, аще рабы, аще свободны, аще и мы, россійскія

сыны, и весь нашъ великородный и многій славянскій языкъ, и вси единымъ пивомъ духовнымъ напоихомся.....; вси есмы тѣло Христово и уды Его отчасти. За чѣмъ же эти нестроенія, распри и расколы во единомъ тѣлѣ?... Потребно, весьма потребно твоей отеческой святости помыслить о семъ внимательно и разумно и попещися о такомъ дѣлѣ прилежно, чтобы не было распри въ одномъ тѣлѣ Христовомъ, чтобы не противились христіане другъ другу, не хулили другъ друга за вѣру Христову. Но невозможно имъ иначе войти въ союзъ мира и любви Христовой, если не пошлете ваша многоуважаемая святыня въ страны наши двухъ нарочитыхъ разумныхъ мужей, хорошо знающихъ законъ и незазорно хранящихъ обычаи обѣихъ церквей и установленіе флорентійскаго собора. Мы говоримъ, чтобы ты далъ намъ одного грека, хранящаго весь законъ и уставъ восточной церкви греческой, а другаго отъ западной церкви римской, хранящаго свой законъ. Оба они да будутъ святители премудрые, учительные, правдивые, кроткіе, боголюбцы..., и, по данной отъ вашей святыни власти, да приводятъ (разногласящихъ и враждующихъ между собою христіанъ) въ миръ, любовь и братское согласіе, но такъ, чтобы каждый ненарушимо соблюдалъ обычаи и уставъ своей церкви, каждый стоялъ въ своемъ. И такимъ образомъ срѣдостѣніе ограды и вражды между нами будетъ разорено, и мы, обои, будемъ примирены во едину любовь Христову... О всемъ этомъ ты долженъ промышлять, святѣйшій отче, да не будутъ расхищены Христовы овцы отъ татей и разбойниковъ. Разумѣемъ Турокъ и Татаръ и другихъ поганыхъ, которые, видя нестроеніе и вражду между христіанами, овладѣли многими христіанскими странами, и многихъ обратили къ

своему закону Магометову... Но довольно намъ бесѣдовать о семъ къ вашей святости, чтобы не наскучить вашему слуху, а возвратимся на прежнюю пучину духовныхъ словесъ къ вашей пастырской милости»...

Въ третьей части граматы составители ея просятъ себѣ отъ папы, какъ верховнаго пастыря, разныхъ духовныхъ благъ и милостей. «Мы вѣдаемъ, говорятъ они, что въ тебѣ положены сокровища Божія милосердія и щедротъ, въ числѣ которыхъ шесть главнѣйшихъ: алчнаго накормить, жаждущаго напоить, страннаго ввести въ домъ, нагаго одѣть, больнаго посѣтить, въ темницѣ сѣдящаго посѣтить и утѣшить... И мы желаемъ, да подашь намъ всѣ эти шесть даровъ отъ твоей пастырской святости въ насыщеніе и наслажденіе душъ нашихъ для вѣчной жизни». И вслѣдъ за тѣмъ выражаютъ свои просьбы о каждомъ изъ шести даровъ порознь... «Мы алчемъ духовно: насыти насъ небеснымъ хлѣбомъ, божественною манною. Мы жаждемъ: напой насъ отъ источника воды живой. Мы странники на землѣ: введи насъ въ домъ Господень. Мы наги и не имѣемъ одѣянія брачна, чтобы внити въ небесный чертогъ: пріодѣй насъ ризою прощенія и одеждою спасенія. Мы больны разными недугами — тяжкими грѣхами: уврачуй насъ отъ нихъ, какъ врачъ духовный. Мы въ темницѣ и во узахъ грѣховныхъ: пріиди къ намъ духомъ и преподай намъ духовное утѣшеніе». Каждая изъ этихъ шести просьбъ изложена довольно обширно, повторяя одну и туже мысль подъ разными образами и въ разныхъ оборотахъ рѣчи. Достойны замѣчанія здѣсь только два мѣста. Прося себѣ у папы воды живой, писавшіе грамату выражаются: «отъ тебя истекаетъ для всѣхъ источникъ жизни, источникъ приснотекущія воды но-

среди рая, безпрестанно кипящій божественною благодатію; а отъ него истекаютъ четыре рѣки, напояющія всю тварь черезъ четырехъ вселенскихъ патріарховъ, св. столповъ восточной церкви. Отъ этихъ рѣкъ, точащихъ благодатную воду, всѣ мы, живущіе здѣсь въ странѣ сѣверной, прилежащей къ востоку, напоямся всякій день изобильно къ насыщенію душъ нашихъ, омываемся ею въ св. крещеніи, освящаемся и просвѣщаемся...; эту воду мы съ дѣтства привыкли пить во всѣ дни жизни нашей, мы и отцы наши, и отцы отцевъ нашихъ, а иныхъ водъ мы не привыкли вкушать, сомнѣваясь, не противны ли онѣ нашему естеству». Далѣе, прося папу, чтобы онъ посѣтилъ и утѣшилъ ихъ въ темницѣ, говорятъ: «вспомни великаго чудотворца Николая, какъ онъ, еще при жизни, избавилъ трехъ мужей въ темницѣ отъ смерти, не только временной но и вѣчной, и былъ отцемъ-утѣшителемъ и многимъ другимъ въ бѣдахъ и печаляхъ. Преславныя чудеса его и нынѣ обильно совершаются въ нашей странѣ, на многихъ мѣстахъ, во св. церквахъ нашихъ русскихъ. Онъ подаетъ всѣмъ исцѣленіе и здравіе, слѣпымъ прозрѣніе, хромымъ хожденіе... Все это всегда даруетъ милостивый отецъ, и не стыдится насъ и нашихъ церквей, не гнушается пребывать въ нихъ, хотя онѣ и русскія и содержатъ греческій уставъ: ибо и онъ былъ родомъ грекъ, и потому знаетъ своихъ, и свои знаютъ его всѣ». Просьбы оканчиваются новымъ восхваленіемъ и прославленіемъ папы и его достоинствъ.

Въ послѣдней, заключительной части граматы писавшіе ее просятъ папу, чтобы онъ не полѣнился отписать имъ на ихъ писаніе, и тѣмъ утѣшилъ и возвеселилъ сердца ихъ; выражаютъ великое удивленіе, что онъ не отвѣчалъ имъ на прежнее «написаніе нѣкое благопотребно», которое недавно послали къ нему ихъ епископы, также князья, бояре и другіе благочестивые мужи, чрезъ легата Антонія, ѣздившаго къ московскому вел. князю съ царевною Софіею ([38]), и умоляютъ объяснить имъ, почему они доселѣ не удостоены желаемаго отвѣта, а наконецъ, какбы не довольствуясь всѣми величаніями и похвалами, какія уже высказали папѣ во всѣхъ частяхъ своей граматы, обращаются къ нему съ словами великаго славословія: «*хвалимъ тя*, хвалимаго отъ всѣхъ человѣкъ; *благословимъ тя*, благословеннаго отъ вышняго Бога; *кланяемтися*, покланяемому отъ всего собора христіанскаго; *славословимъ тя великія ради славы твоея*, юже имашь свыше отъ Бога... Прощаяй грѣхи всему міру, *пріими молитвы наши*; *сѣдяй одесную* престола славы во церкви святѣй, аки на небесѣхъ, *помилуй насъ*: *яко ты еси единъ святъ*, *ты единъ господь*, начальный отецъ, всепресвятѣйшій и многоблаженный Сиксте, славою и честію отъ Бога Отца многопочтенъ сый, паче всѣхъ земнородныхъ сыновъ человѣческихъ. Сего ради *хвалимъ и благословимъ имя твое во вѣки*» и проч.

Изъ представленнаго анализа граматы легко видѣть, что самое существенное содержаніе ея изложено во второй ея части. Православные въ Литвѣ терпѣли несправедливости и притѣсненія отъ латинянъ, и потому рѣшились жаловаться на нихъ папѣ и, объясняя предъ нимъ свою вѣру, просить его, чтобы онъ водворилъ миръ, согласіе и любовь между ними и

([38]) По свидѣтельству нашей лѣтописи, этотъ Антоній выѣхалъ назадъ изъ Москвы въ 26 день генваря 1473 г., и отправился именно «на литовскую землю и лятцкую» (П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 176—177). Слѣд. могъ находиться въ Вильнѣ въ томъ же году, но уже по смерти митрополита Григорія болгара.

© ГПИБ

латинянами, и для этого прислалъ въ Литву двухъ нарочитыхъ людей, одного грека, другаго латинянина: вотъ и побужденіе къ написанію граматы, и главный предметъ ея, и ея цѣль! Какъ же выражали православные свою жалобу? По ихъ словамъ, латиняне клеветали на нихъ предъ папою, будтобы они не истинные христіане и неправильно вѣруютъ даже въ Пресв. Троицу, а многіе изъ латинскихъ пастырей насильно привлекали православныхъ къ своему исповѣданію, и дѣйствовали при этомъ яростію и крикомъ, употребляли иногда побои и мученія, доходили до убійства, и вновь крестили православныхъ при обращеніи ихъ къ латинству. Неоспоримое свидѣтельство, что жившіе въ Литвѣ латиняне и ихъ пастыри не считали своихъ православныхъ соотечественниковъ уніатами и послѣдователями флорентійскаго собора: иначе они не имѣли бы побужденій относиться къ послѣднимъ такъ враждебно и не стали бы перекрещивать ихъ вопреки рѣшенію самаго флорентійскаго собора, который признавалъ дѣйствительнымъ и крещеніе православныхъ въ случаѣ принятія ими флорентійской уніи. Какъ говорили православные о своей вѣрѣ? Они называли себя совершенными и истинными христіанами, послѣдователями св. соборной и апостольской церкви Христовой, а четырехъ восточныхъ патріарховъ — вселенскими пастырями, добрѣ пасущими ихъ въ истинномъ благовѣріи. Правда, упоминаютъ они и о флорентійскомъ соборѣ; но какъ? Мы содержимъ, говорятъ, седмь вселенскихъ соборовъ, къ нимъ же и осмый, флорентійскій *ухваляемъ*. Исповѣдуютъ, повидимому, и исхожденіе Св. Духа отъ Сына; но какъ? Сначала выражаются, что Духъ исходитъ отъ Отца *прежде*, потомъ и отъ Сына единымъ дуновеніемъ и подается тварямъ (рѣчь, очевидно, лишь о временномъ исхожденіи Духа отъ Сына или раздаяніи тварямъ); а далѣе говорятъ только: «Духъ нерожденъ, но исходенъ отъ Отца», вовсе не упоминая о Сынѣ. Такъ не могли выражаться дѣйствительные послѣдователи флорентійскаго собора, дѣйствительные уніаты, но могли выражаться православные, которые готовы или склонны были принять унію, однакожъ еще ее не содержали. Самымъ же рѣшительнымъ доказательствомъ, что писавшіе грамату къ Сиксту IV не были еще уніатами, служитъ ихъ просьба, чтобы папа прислалъ въ Литву двухъ епископовъ, которые, на основаніи флорентійскаго собора, и привели бы ихъ въ единеніе и согласіе съ латинянами, т. е. въ унію. А чтожъ значатъ всѣ эти величанія и похвалы папѣ, которыми наполнены всѣ части граматы, особенно первая и послѣдняя? Величанія эти такъ многочисленны, такъ неумѣренны и напыщенны, что невольно возбуждаютъ сомнѣніе въ ихъ искренности и заставляютъ подозрѣвать, не скрывается ли здѣсь какая либо цѣль. И при чтеніи граматы нельзя не замѣтить, что писавшіе ее, своими слишкомъ щедрыми похвалами папѣ, хотѣли собственно заискать у него и расположить его къ себѣ. чтобы найти въ немъ себѣ защитника и покровителя и получить отъ него то, чего желали. Разъ они уже писали къ папѣ, и не удостоились отъ него никакого отвѣта. Теперь написали къ нему вновь самое льстивое посланіе, съ самыми преувеличенными величаніями, и разсчитывали, не умилостивятъ ли папы хоть этимъ и не вызовутъ ли его на дѣйствія въ ихъ пользу. Что значатъ такъ же ихъ просьбы къ папѣ о разнообразныхъ дарахъ духовныхъ, изложенныя въ третьей и отчасти во второй части граматы? Просьбы эти неразрывно соеди-

нены съ похвалами папѣ и неизбѣжно изъ нихъ вытекали. Увѣряя папу, что признаютъ его викаріемъ Христа, пастыремъ пастырей, верховнымъ первосвященникомъ, раздающимъ всѣмъ христіанамъ духовные дары, составители граматы, естественно, должны были просить отъ него и себѣ этихъ даровъ, и дѣйствительно просили, чтобы онъ ходатайствовалъ за нихъ предъ Богомъ, чтобы разрѣшилъ имъ грѣхи, чтобы позволилъ и имъ участвовать въ юбилейномъ отпущеніи грѣховъ и проч. Такими своими просьбами, покорными и униженными, равно какъ и пышными хвалами, они думали только болѣе угодить папѣ. Вспомнимъ, что къ тому же папѣ Сикстy IV приходилъ (1472) посолъ изъ Москвы, Фрязинъ, отъ вел. князя Ивана Васильевича, чтобы просить ему руки греческой царевны Софіи, — и этотъ посолъ, для достиженія своей цѣли, увѣрялъ папу отъ имени своего государя, что послѣдній признаетъ его главою церкви, не отвергаетъ флорентійскаго собора, и готовъ принять въ Москвѣ римскаго легата, который изслѣдовалъ бы на мѣстѣ обряды русской вѣры и указалъ бы заблуждающимся путь истины. Для чего все это говорилось? Ужели Иванъ III былъ уніатъ или желалъ уніи? Нѣтъ, все это говорилось лишь для того, чтобы угодить папѣ, расположить его къ себѣ, и получить отъ него то, чего у него искали, а Иванъ III не былъ уніатъ и вовсе не желалъ принимать уніи, какъ и показали послѣдствія, когда легатъ папскій Антоній прибылъ въ Москву вмѣстѣ съ невѣстою для вел. князя, царевною Софіею, и побесѣдовалъ съ митрополитомъ Филиппомъ о вѣрѣ. Даже Иванъ грозный, если вѣрить Поссевину, когда угощалъ его въ своихъ палатахъ еще до примиренія съ Баторіемъ, величалъ папу главою церкви; а когда достигъ своей цѣли, заключилъ съ Баторіемъ миръ, при содѣйствіи Поссевина, то прямо называлъ папу даже не пастыремъ, а волкомъ.

Чтобы еще точнѣе опредѣлить значеніе разсматриваемой нами граматы, необходимо обратить вниманіе на то, кѣмъ она послана къ папѣ и подписана. Грамата адресована къ папѣ, какъ гласитъ ея заглавіе, «отъ духовенства, и княжатъ, и пановъ рускихъ з Вилни», и въ самой граматѣ они говорятъ, повидимому, отъ лица всѣхъ православныхъ, жившихъ подъ властію литовско-польскаго короля. Но подписались подъ граматою со стороны духовенства только три лица: избранный на митрополію епископъ смоленскій Мисаилъ и два архимандрита митрополичей епархіи — кіево-печерскій Іоаннъ и виленскій свято-троицкій Макарій; а изъ прочихъ іерарховъ-епископовъ не подписался никто, и изъ архимандритовъ и вообще изъ духовенства ихъ епархій—также никто: обстоятельство чрезвычайно важное. Изъ свѣтскихъ же подписалось тринадцать особъ: два князя, родственники короля Сигизмунда, Михаилъ (слуцкій) и Ѳеодоръ бѣльскій; князь Димитрій Вяземскій; Янъ Ходкевичъ, намѣстникъ витебскій, великій гетманъ и маршалъ вел. княжества литовскаго; братъ его Павелъ, намѣстникъ каменецкій; Романъ изъ Кіева, староста путивльскій; братъ его Иванъ изъ Кіева, строитель замковый и посолъ «до погановъ»; Евстафій Васильевичъ изъ Полоцка, высшій сенаторъ; Якубъ, главный писарь вел. княжества литовскаго и ключникъ виленскій; Михаилъ Александровичъ изъ Загорова, честный сенаторъ земли волынской; братъ его Андрей изъ Попортеи, сынъ подскарбія (въ родѣ министра финансовъ) Александра; Солтанъ Александръ, славный рыцарь и подскарбій короля Казиміра, и младшій братъ Александра

Солтана Иванъ, избранный также въ земскаго подскарбія вел. княжества литовскаго ([39]). Что же отсюда слѣдуетъ? Прежде всего, то,—замѣтимъ мимоходомъ,—что городельскій декретъ 1413-го года, запрещавшій допускать православныхъ на высшія государственныя и общественныя должности въ Литвѣ, при Казимірѣ не соблюдался: потому что вотъ предъ нами на высшихъ служебныхъ мѣстахъ столько лицъ православныхъ, хотя и выражавшихъ теперь, повидимому, наклонность къ уніи. А по отношенію къ граматѣ, нами разбираемой, слѣдуетъ,

([39]) Надобно замѣтить, что всѣ эти тринадцать подписей свѣтскихъ особъ находятся только въ Потѣевскихъ изданіяхъ граматы, польскомъ и русскомъ, и въ спискѣ ея ватиканскомъ, а въ спискѣ музея пропаганды въ Римѣ — только девять подписей свѣтскихъ лицъ, но нѣтъ именно подписей: Евстафія Васильевича изъ Полоцка, Андрея изъ Попортеи, Солтана Александра и брата его Ивана Солтана. Кромѣ того въ Потѣевскихъ изданіяхъ и ватиканскомъ спискѣ всѣ подписи произвольно помѣщены въ самомъ началѣ граматы вслѣдъ за ея заглавіемъ,—чѣмъ осязательно разрывается составъ граматы; а въ спискѣ музея пропаганды подписи находятся въ концѣ граматы, какъ и естественно. Наконецъ, въ этомъ послѣднемъ спискѣ подписи изложены въ такомъ видѣ, какъ дѣйствительно могли подписаться подписавшіеся, напримѣръ: «Мисаилъ, священный епископъ смоленскій, електъ на митрополію кіевскаго престола и всея Росіи. Іоаннъ архимандритъ лавры печерской въ обители св. богоносныхъ отецъ Антонія и Ѳеодосія. Макарій архимандритъ виленскій обители св. животворящія Троицы. Іоаннъ Хоткевичь намѣстникъ витебскій, въ войскахъ гетманъ наивышшый. Якубъ наивышшый писарь литовскій».... А въ обоихъ Потѣевскихъ изданіяхъ и ватиканскомъ спискѣ граматы къ подписямъ сдѣланы пышныя добавленія, напримѣръ: «пречестный въ Бозѣ отецъ, освященный епископъ смоленскій Мисаилъ, выбранный електъ на митрополію и проч. Честный въ законѣ отецъ Іоаннъ архимандритъ славныя лавры.... и проч. Достойный и въ благочестіи сіяющій, честный отецъ Макарій архимандритъ... Благородный и великонарочитый въ палатѣ Иванъ Хоткевичь... Благоразумный въ законѣ Божіемъ панъ Якубъ, наивышшый писарь»... и проч. Потѣй, при изданіи граматы, вѣроятно, намѣренно помѣстилъ подписи въ началѣ ея и съ такими пышными добавленіями, чтобы сильнѣе подѣйствовать на православныхъ читателей. Двое изъ подписавшихся подъ граматою, Якубъ писарь литовскій и Иванъ Солтанъ, прибавили каждый въ концѣ своей подписи слова: «послуживый въ посланіи семъ», — откуда и заключаютъ, что они были составителями граматы и даже послами съ нею къ папѣ Сиксту IV.

что ее никакъ нельзя признать писанною отъ лица всѣхъ православныхъ литовско-польскаго государства. Если желали послать грамату къ папѣ отъ имени западно-русской церкви,—въ такомъ случаѣ надлежало созвать соборъ всѣхъ ея архипастырей и знатнѣйшаго духовенства и написать грамату отъ собора, хотя съ участіемъ и свѣтскихъ людей; или если даже не созывать собора, то, по крайней мѣрѣ, слѣдовало бы собрать на граматѣ подписи всѣхъ іерарховъ и ихъ болѣе знатнаго епархіальнаго духовенства, во свидѣтельство ихъ согласія; между тѣмъ этихъ подписей подъ граматою нѣтъ. Грамата, вѣроятно, была дѣломъ лишь одной партіи, хотя и весьма сильной, судя потому, что подписана преимущественно свѣтскими лицами высшаго круга, близкими къ королю. Король Казиміръ, по волѣ папы, съ назначеніемъ митрополита Григорія, сдѣлался главнымъ покровителемъ и поборникомъ уніи въ Литвѣ, и близкіе къ нему лица изъ православныхъ, какъ мы уже замѣчали, могли, изъ одного лишь желанія быть ему угодными, показывать предъ нимъ свою склонность и расположенность къ уніи въ то время, когда живъ былъ Григорій. А теперь, когда Григорій скончался, и король былъ озабоченъ, какъ бы поддержать унію въ Литвѣ, еще съ большимъ, по видимости, усердіемъ могли предложить ему, какъ лучшую для того мѣру, готовность, съ своей стороны, послать къ папѣ грамату объ уніи отъ имени всѣхъ православныхъ литовскаго княжества. Почему не согласились участвовать въ этомъ литовскіе православные епископы, можно догадываться. Пока держался уніи митрополитъ Григорій, они открыто не возставали противъ него и наружно ему подчинялись и покорялись: потому что такая покорность была для нихъ легка и не наси-

© ПРАВОСЛАВНЫЙ ПОРТАЛЕТЪ

ловала самой ихъ совѣсти. Лично сноситься съ Григоріемъ приходилось имъ весьма рѣдко, а большею частію они жили вдали отъ него, въ своихъ епархіяхъ, гдѣ среди своей православной паствы, свободно могли содержать и исповѣдывать родное православіе. Но теперь, когда отъ нихъ потребовали обратиться къ папѣ и подписать къ нему грамату, касавшуюся уніи и наполненную такими подобострастными величаніями ему и такими унизительными предъ нимъ просьбами, дѣло уже не могло обойтись безъ насилія совѣсти, и неудивительно, если епископы, какъ и подвѣдомое имъ духовенство, не захотѣли принести такой великой жертвы. Правда, епископы въ 1473 г. подписали посланіе къ папѣ, какъ свидѣтельствуетъ грамата; но то посланіе могло быть составлено совсѣмъ иначе: тамъ, можетъ быть, только жаловались папѣ на притѣсненія латинянъ и просили его прекратить эти притѣсненія, а ни рѣчи объ уніи, ни величаній папѣ вовсе не было. Согласился подписать грамату лишь одинъ епископъ смоленскій Мисаилъ, избранный на митрополію, съ двумя духовными лицами своей новой епархіи; но не потому ли Мисаилъ и избранъ былъ на митрополію, что отъ него напередъ взяли согласіе участвовать въ этомъ дѣлѣ? Впрочемъ, высказывая мысль, что посольство въ Римъ, бывшее въ 1476 г., съ граматою отъ митрополита Мисаила и другихъ русскихъ, было дѣломъ не всей западно-русской церкви, а только нѣкоторыхъ лицъ, мы вовсе не думаемъ осуждать этихъ лицъ. Кромѣ желанія сдѣлать угодное королю, они, очевидно, водились и другими, высшими побужденіями. Съ горестію говорили они въ граматѣ о тѣхъ оскорбленіяхъ и обидахъ, какія приходилось испытывать тогда православнымъ въ литовско-польскомъ государствѣ отъ латинянъ

и ихъ прелатовъ, и надѣялись, что папа прекратитъ эти несправедливости; а выражая предъ папою свою готовность принять флорентійскую унію и прося его прислать для этого двухъ ученыхъ мужей, можетъ быть, разсчитывали, что согласіе съ латинянами состоится и безъ особеннаго ущерба для православія.

Всего же важнѣе для насъ здѣсь вопросъ: какой былъ результатъ граматы 1476 года къ папѣ Сиксту IV? На первую грамату русскихъ литовцевъ, посланную въ 1473 г. чрезъ легата Антонія, папа не далъ отвѣта. Почему не далъ? Антоній только-что возвратился изъ Россіи. Его приглашали туда по дѣламъ религіознымъ, выражая желаніе будтобы принять флорентійскую унію. И чтоже? Ему едва позволили въ Москвѣ только однажды побесѣдовать съ митрополитомъ о предметахъ вѣры, а за тѣмъ почти осмѣяннаго отпустили ни съ чѣмъ. Папа не могъ не огорчиться и не понять, что его обманули. Неудивительно, если онъ съ недовѣріемъ принялъ и грамату русскихъ, привезенную ему изъ Литвы Антоніемъ, и оставилъ ее безъ всякаго вниманія. Точно также могъ отнестись папа и къ граматѣ русскихъ 1476 года. Онъ видѣлъ, что грамата не подписана епископами, кромѣ одного смоленскаго, избраннаго на митрополію, и въ тоже время могъ получить отъ своего нунція въ Литвѣ или отъ бискуповъ самыя вѣрныя свѣдѣнія, что грамата эта — дѣло лишь небольшой партіи, между тѣмъ какъ массы русскаго народа вполнѣ враждебны римской церкви и вовсе не желаютъ единенія съ нею. По крайней мѣрѣ, не сохранилось никакихъ извѣстій, чтобы папа присылалъ тогда въ Литву своихъ легатовъ по дѣламъ западно-русской церкви, о чемъ просили его въ грама-

тѣ, и чтобы сдѣланы были имъ тогда въ этой церкви какія либо распоряженія относительно уніи. Ровно черезъ четверть столѣтія мы снова увидимъ совершенно подобное сношеніе литовскаго православнаго митрополита съ римскимъ владыкою, и вмѣстѣ полное недовѣріе и пренебреженіе со стороны папы къ граматѣ митрополита.

Посольство въ Римъ съ граматою къ папѣ Сикcту IV — почти единственный фактъ, извѣстный за все время управленія митрополіею Мисаила. Сохранились еще извѣстія о двухъ вкладахъ и дарственныхъ записяхъ, данныхъ въ 1480 г. новогрудскимъ войтомъ Макаромъ Кудричемъ и мѣщаниномъ Волочкомъ новогрудскому борисоглѣбскому собору на имя «смоленскаго владыки» Мисаила (40). Откуда можемъ заключать, что въ 1480 г. Мисаилъ еще управлялъ митрополіею (слѣд. скончался не прежде), и жилъ въ митрополичьемъ новогрудскомъ домѣ, находившемся при каѳедральномъ соборѣ, но не былъ и не назывался въ народѣ дѣйствительнымъ митрополитомъ, а по прежнему, носилъ имя смоленскаго владыки, оставаясь только

(40) Между бумагами новогрудскаго магистрата находится протоколъ, составленный въ 1739 году королевскими комиссарами, въ которомъ они свидѣтельствуютъ, что имъ представлены были нѣкоторые документы, принадлежавшіе новогрудской борисоглѣбской соборной церкви и монастырю, и въ томъ числѣ: 1) запись 6988 (1480) года, данная означенной соборной церкви новогрудскимъ войтомъ Макаромъ Кудричемъ на имя смоленскаго владыки Мисаила (а не Михаила: такого смоленскаго владыки тогда вовсе не было), и—2) запись 6988 г., данная тойже церкви мѣщаниномъ Волочкомъ на имя тогоже смоленскаго владыки (*Архимандр. Николая* Опис. Минск. епархіи, стр. 24 и 127, Спб. 1864). Невлишне замѣтить, что въ Супрасльскомъ поминавкѣ, нач. XVI в., Мисаилъ даже не помѣщенъ въ числѣ кіевскихъ митрополитовъ, а упомянутъ только въ числѣ смоленскихъ епископовъ (Виленск. Археогр. Сборн. IX, 456). Равнымъ образомъ не упомянутъ онъ въ числѣ митрополитовъ литовскихъ и въ архіерейскомъ служебникѣ нач. XVI вѣка, употреблявшемся въ пинской епархіи (см. выше примѣч. 29).

избраннымъ на митрополію и управляя ею. Необходимо предположить одно изъ двухъ: или въ Царьградъ вовсе не обращались съ просьбою, чтобы патріархъ благословилъ Мисаила и утвердилъ въ митрополитскомъ санѣ, или патріархъ не согласился дать Мисаилу свое благословеніе и утвержденіе.

III.

Не безъ основанія можно думать, что тогдашній цареградскій патріархъ Рафаилъ (1477—1480) дѣйствительно не благословилъ Мисаила и не утвердилъ въ званіи митрополита, можетъ быть, узнавъ о его бывшихъ сношеніяхъ съ папою. На такую мысль наводитъ то обстоятельство, что, еще при жизни Мисаила, патріархъ, вмѣстѣ со всѣмъ своимъ освященнымъ соборомъ, самъ избралъ, рукоположилъ и прислалъ въ литовскую церковь, прямо изъ Царяграда, другаго митрополита кіевскаго и всея Руси. Это былъ Спиридонъ, родомъ тверитянинъ, прозванный «за рѣзвость его», Сатаною. Король Казиміръ, естественно, не принялъ Спиридона, какъ избраннаго безъ всякаго участія литовской паствы и поставленнаго еще при жизни Мисаила, вопреки прямому желанію короля,—при чемъ намѣренно могли распространить молву, что Спиридонъ поставленъ «на мздѣ», по повелѣнію турецкаго султана, хотя, можетъ быть, это была и правда. И не только Казиміръ не принялъ новаго митрополита, но и «посади въ заточеніи», въ которомъ и оставался Спиридонъ до 1482 г., если не далѣе. Въ этомъ году онъ посылалъ своего пана въ Москву къ великому князю просить его заступничества и велѣлъ передать Ивану Васильевичу: «я много мощей везъ тебѣ отъ патріарха, но

король все себѣ забралъ». Московскій князь долго держалъ того пана и, наконецъ, отпустилъ, сказавъ: «не подымать же мнѣ изъ-за этого рати и не воевать съ королемъ» (41). Потомъ, неизвѣстно какъ и когда, Спиридонъ успѣлъ освободиться отъ заточенія въ Литвѣ и прибылъ въ Москву. Но и здѣсь его не приняли, а отправили на заточеніе въ ферапонтовъ монастырь. Въ Москвѣ вполнѣ повѣрили, что Спиридонъ купилъ себѣ митрополитскій санъ, придали поступку Спиридона даже слишкомъ много значенія, и, въ предотвращеніе подобныхъ случаевъ на будущее время, въ самую присягу епископскую были внесены слѣдующія слова: «отрицаюсь... (послѣ Исидора и Григорія болгара) и Спиридона, нарицаемаго Сатана, взыскавшаго въ Цариградѣ поставленія, въ области безбожныхъ турокъ поганаго царя, такожде и тѣхъ всѣхъ отрицаюсь, еже по немъ когда случится пріити на Кіевъ отъ Рима латинскаго или отъ Царьграда турецкія державы». Слова эти находились еще въ архіерейской присягѣ, при митрополитѣ московскомъ Симонѣ (1495—1511) (42).

Между тѣмъ Спиридонъ принадлежалъ къ числу людей образованныхъ и начитанныхъ. Еще въ то время, когда онъ находился въ Литвѣ, онъ написалъ весьма обширное окружное посланіе или «Изложеніе о православней, истиннѣй нашей вѣрѣ», обращенное имъ ко всей его духовной паствѣ. Въ предисловіи къ Изложенію онъ, прежде всего, объясняетъ, что заставило его писать («понеже предъ нашими очима, видимъ,

(41) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 233. Въ другой лѣтописи сказано: «пріиде изъ Царяграда въ литовскую землю митрополитъ Спиридонъ, родомъ тверитинъ, поставленъ на мздѣ патріархомъ, а повѣленіемъ турскаго царя» (у *Карамз.* II, примѣч. 629, стр. 193), и событіе это отнесено еще къ 1476 году.

(42) Рукоп. Іосифо-волоколам. монастыря № 286, л. 145.

многа, св. правилы отвержена, творятся въ православіи нашего христіанства, ихъже не подобаетъ, сего ради исписахомъ отъ правилъ св апостолъ и св. отецъ 7-ми соборъ свидѣтели»); потомъ свидѣтельствуетъ о самомъ себѣ, что принялъ рукоположеніе и поставленіе на «кіевскую митрополію всея Руси» въ Царьградѣ отъ святѣйшаго патріарха киръ-Рафаила и всего освященнаго собора св. митрополитовъ и боголюбивыхъ епископовъ; упоминаетъ о своихъ страданіяхъ за правду («сладки намъ юзы и радостна изгнанья, иже по преданію св. апостолъ правиломъ и по св. 7-ми соборъ вселенскихъ умрети, нежели святыхъ попранію приблизитися»), и оканчиваетъ предисловіе словами: «радость, миръ всему православію». Въ самомъ Изложеніи «Спиридона, архіепископа *Кіевскаго всеа Руси*», какъ онъ здѣсь титулуетъ себя, можно различать три части. Въ первой онъ кратко передаетъ, въ хронологическомъ порядкѣ, когда, при какихъ царяхъ и патріархахъ, и по какому поводу, были всѣ седмь вселенскихъ и девять помѣстныхъ соборовъ, и что сдѣлали они и опредѣлили. Во второй, на основаніи этихъ соборовъ, представляетъ довольно подробное исповѣданіе православной вѣры («вѣруемъ убо»...) о пресв. Троицѣ, о таинствѣ воплощенія, о почитаніи иконъ, о пресв. Богородицѣ и проч., и за тѣмъ изрекаетъ рядъ проклятій противъ бывшихъ ересей и заблужденій, которыя прежде были прокляты соборами и св. отцами. Въ третьей—перечисляетъ, въ хронологическомъ порядкѣ, главнѣйшихъ еретиковъ, и кратко излагаетъ, въ чемъ состояли самыя ихъ ереси. Послѣ каждой части Спиридонъ обращается ко всѣмъ православнымъ съ убѣжденіями («молюся вы, возлюбленіи о Христѣ..., молю вы, братіе, именемъ Господа...»),

чтобы они пребывали твердыми въ вѣрѣ православной, тоже мудрствовали, тоже исповѣдывали, безъ всякихъ разногласій и распрей, чтобы на основаніи вѣры назидали не злато или сребро, а добрыя дѣла, чтобы соблюдали себя отъ всякихъ ересей и заблужденій. А въ заключеніе всего Изложенія обращается къ самимъ іерархамъ—«настольникамъ», и убѣждаетъ ихъ вооружаться противъ ополченія вражія, ревностно оберегать и пасти словесное стадо, въ которомъ Духъ Святый поставилъ ихъ епископами и пастырями; не увлекаться пристрастіемъ къ земнымъ благамъ и жестокосердіемъ («да не будемъ, любиміи, злату хранители, и сребру собиратели, и ризамъ мягкимъ любиви... Колици суть вашего престольства недужни въ градѣхъ вашихъ, лежаще при вратѣхъ церковныхъ и по уличищамъ..., и никтоже милуяй!»), а церковныя имѣнія употреблять, по удовлетвореніи нуждъ церковныхъ, на пособіе нищимъ, сиротамъ, вдовицамъ и на выкупъ плѣнныхъ, а «не на своя страсти» ([43]). Изложеніе митрополита Спиридона даетъ поводъ догадываться, что хотя онъ не былъ принятъ королемъ и находился въ заточеніи, но ни православная паства литовская, ни ея святители не чуждались его, какъ своего первосвятителя, можетъ быть, потому именно, что онъ поставленъ былъ самимъ патріархомъ въ Царьградѣ, и

([43]) Это окружное посланіе Спиридона находится въ рукописномъ Сборн. Новгор. Соф. библ., нынѣ Спб. дух. академіи, первой половины XVI в., № 1451, л. 243—261. О своемъ рукоположеніи Спиридонъ говоритъ, въ предисловіи, именно такъ: «Фенгари (не Фанари ли?) семьтевриа 15 каландѣ; бѣллегъ (?) соборный святѣйшаго патріарха киръ Рафаила Константинапола, новаго Рима, и иже о немъ священаго собора, святыхъ митрополитъ и боголюбивыхъ епископъ. По благословенію священнаго сего вселенскаго собора, и рукоположеніе честнаго пресвитерства, и иже о Христѣ дьяконьства благословеніе, пріяхомъ, (и) поставленіе кыевъскыа митрополья всея Руси».

не довѣряя слуху, будтобы поставленъ на мздѣ и по приказанію султана. Спиридонъ обращается къ нимъ безъ всякаго чувства недовольства или непріязни, которыя были бы такъ естественны, еслибы онъ былъ отвергнутъ своею паствою: напротивъ, обращается съ словами любви и пастырской попечительности, ясно свидѣтельствующими, что между имъ и тѣми, къ кому онъ писалъ, существовали добрыя отношенія. Предположить, что это окружное посланіе Спиридонъ написалъ, лишь только прибылъ въ Литву, когда отношенія его къ паствѣ еще не опредѣлились, возбраняютъ упоминаемыя имъ узы и изгнаніе, которыя онъ уже терпѣлъ.

Другой памятникъ своихъ книжныхъ занятій Спиридонъ оставилъ, когда проживалъ въ Ферапонтовомъ монастырѣ на Бѣлоозерѣ. Досиѳей, соловецкій игуменъ, написавъ, по желанію новгородскаго архіепископа Геннадія, какъ могъ, просто и неискусно, записки объ основателяхъ соловецкой обители, преп. Зосимѣ и Савватіѣ, упросилъ потомъ Спиридона составить вновь, на основаніи этихъ записокъ, и изложить стройно житіе начальниковъ соловецкихъ: «бѣ бо онъ, по словамъ Досиѳея, тому мудръ добрѣ, умѣя писанія ветхая и новая». Спиридонъ дѣйствительно изложилъ вновь житіе преп. Зосимы и Савватія и, окончивъ свой трудъ, помѣтилъ его 1503. годомъ. Когда это житіе было представлено Досиѳеемъ архіепископу Геннадію († 1505), то послѣдній сказалъ о Спиридонѣ: «сей человѣкъ въ нынѣшняя роды *бѣяше* столпъ церковный, понеже измлада навыче священная писанія» ([44]). Кончину Спиридона, очевидно, надобно полагать между двумя,

([44]) Правосл. Собесѣдн. 1859, II, 218—221; *Ключевск.* Древне-русскія житія Святыхъ, стр. 200. Москв. 1871.

только-что означенными годами, и слѣд. заточеніе его въ ферапонтовѣ монастырѣ было очень продолжительно. Спиридону не суждено было управлять литовскою православною митрополіею, на которую онъ былъ поставленъ, но въ ряду всѣхъ ея митрополитовъ, дѣйствительно управлявшихъ ею за настоящій періодъ, мы не встрѣчаемъ ни одного, который бы равнялся съ Спиридономъ по уму и образованію, или, точнѣе, оставилъ по себѣ такіе же литературные памятники своего ума и образованія.

Король Казиміръ не принялъ митрополита, присланнаго въ Литву изъ Царьграда, хотя, быть можетъ, сами православные литовцы не отказались бы принять присланнаго и не чуждались его. Но когда они, по волѣ короля, избрали себѣ новаго митрополита, именемъ Симеона (не изъ епископовъ ли полоцкой епархіи, гдѣ тогда дѣйствительно святительствовалъ Симеонъ?), Казиміръ согласился уступить имъ и дозволилъ просить новоизбранному благословенія и утвержденія на митрополію не у папы, а у цареградскаго патріарха. И въ 1481 г. патріархъ Максимъ (1480—1487), одинъ изъ достойнѣйшихъ по уму и благочестію, прислалъ въ Литву свой «благословенный листъ» къ Симеону, всѣмъ епископамъ и ко всему православному людству, и вмѣстѣ — двухъ своихъ экзарховъ, митрополита Енейскаго Нифонта и епископа Ипанейскаго Ѳеодорита, которые, вѣроятно, и совершили съ русскими епископами самое посвященіе Симеона въ митрополита ([45]). Съ этого времени начинается никогда уже затѣмъ

([45]) Вступленіе Симеона на митрополитскую каѳедру несправедливо относятъ къ 1477 г., уже потому одному, что тогда еще живъ былъ, какъ мы замѣтили выше, Мисаилъ, скончавшійся не прежде 1480 года. Въ жалованной граматѣ (1503 г.) полоцкому владыкѣ Лукѣ упоминаются слѣдующіе его предмѣстники:

непрерывавшееся поставленіе всѣхъ литовскихъ митрополитовъ цереградскимъ патріархомъ и вообще начинаются, хотя и рѣдкія, проявленія его духовной власти по отношенію къ западно-русской церкви. Такъ, въ томъ же 1481 г. патріархъ прислалъ кіево-печерской обители, по просьбѣ ея архимандрита и всей братіи, ставропигіальную грамату, въ которой, подтверждая за обителію всѣ права, дарованныя ей будтобы еще Андреемъ Боголюбскимъ и прежними патріархами, постановилъ, чтобы митрополитъ вовсе не вступался въ дѣла ея, а могъ только ставить для обители, когда пожелаютъ братія, архимандрита, игумена, пресвитеровъ и діаконовъ и чтобы обитель знала надъ собою лишь патріарха и великихъ господарей, владѣющихъ великимъ княженіемъ русскимъ и Кіевомъ. Просьбу свою объ этой граматѣ къ патріарху кіево-печерская братія и архимандритъ посылали, должно быть, вмѣстѣ съ послами, ходившими изъ Литвы въ Царьградъ за благослове-

Каллистъ, Семіонъ старый, другой Семіонъ и Іона (А. З. Р. I, № 209). Изъ нихъ Семіонъ старый управлялъ епархіею около 1456 г. (А. И. I, № 268), Каллистъ — ок. 1459 г. (тамъ же, № 270; А. З. Р. I, № 62). Затѣмъ *другой* Семіонъ, вѣроятно, и былъ тѣмъ лицемъ, которое избрано теперь на митрополитскую каѳедру. А Іона, какъ увидимъ, былъ избранъ на митрополитскую каѳедру послѣ Симеона. О благословенномъ листѣ патріарха Семіону слѣдующее передаетъ Захарія Копыстенскій въ своей Палинодіи (част. III, разд. II, артикул. I), въ каталогѣ кіевскихъ митрополитовъ: «Максимъ патріарха послалъ благословенный листъ до того Симеона, и до всѣхъ епископовъ, и до всѣхъ становъ рода россійскаго; припоминаетъ въ томъ листѣ, ижъ посылаетъ и двоихъ экзарховъ, одного митрополита енѣйскаго, пречестнаго киръ Нифонта, а другаго боголюбиваго епископа ипанейскаго киръ Ѳеодорита; въ которомъ то листѣ припоминаетъ о тѣлахъ проклятыхъ и о разрѣшеню ихъ, которому чуду царь турецкій и турки въ Константинополю удивилися. А въ томъ патріаршомъ листѣ дата отъ сотворенія въ лѣто 6989 (1481) мѣсяца іюня, индикта 14. А той листъ Максима патріархи и *поднесь* въ скарбѣ церковномъ монастира печерского найдуется». Такой же благословенный листъ прислалъ патріархъ впослѣдствіи, чрезъ своего посла, и Макарію при поставленіи его на митрополію (см. далѣе примѣч. 73).

ніемъ для новаго митрополита, и самая грамата принесена, вѣроятно, тѣмиже экзархами, которые принесли и благословенный листъ митрополиту Симеону: потому что оба документа подписаны патріархомъ одновременно ([46]). Но сдѣлавъ такую важную уступку своимъ православнымъ подданнымъ, т. е. дозволивъ имъ испросить благословеніе для новаго своего митрополита у православнаго цареградскаго патріарха, король Казиміръ издалъ, вслѣдъ за тѣмъ, и весьма непріязненный для нихъ указъ, которымъ запрещалось имъ не только строить новые храмы по своему обряду, но и поправлять и возстановлять прежніе и обветшавшіе. Этотъ указъ, свидѣтельствовавшій уже объ открытомъ притѣсненіи православной церкви въ Литвѣ, король будтобы вынужденъ былъ издать неотступными просьбами своего сына—Казиміра, юноши, до фанатизма преданнаго латинству и аскетической жизни и вскорѣ скончавшагося († 1484); но во всякомъ случаѣ издалъ не безъ соизволенія самаго римскаго владыки, къ которому потому-то и обращались впослѣдствіи православные, какъ увидимъ, съ просьбами объ отмѣнѣ настоящаго указа ([47]).

Время управленія митрополита Симеона церковію не богато событіями. Одно изъ нихъ было весьма горестное. Въ 1482 г. крымскій ханъ Менгли-гирей, въ угодность московскому вел.

([46]) Благословенный листъ писанъ въ лѣто 6989, мѣсяца іюня, индикта 14 (см. предыд. примѣч.). Равно и грамата писана, по одному списку, въ лѣто 6989, іюня, 14 индикта (Опис. кіево-печер. лавры, стр. 174—175, изд. 2), а по другому, въ лѣто 6989, 14 іюня, 14 индикта (Архивъ юго-западн. Россіи I, № 1).

([47]) О времени смерти королевича Казиміра — *Narbutt*. Dzieje narodu Litewsk. VIII, 230. Указъ, изданный по просьбѣ этого королевича и запрещавшій строить и обновлять православныя церкви, хранился въ архивѣ виленской латинской каоедры (*Dubowicz*, Hierarch. 236; *Kulesz*, Wiara Prawosl. 182; *Stebelsk*. Chronol. 67—68).

князю Ивану III, внезапно вторгся во владѣнія короля Казиміра, овладѣлъ (1 сент.) Кіевомъ, ограбилъ его и выжегъ, взявъ множество плѣнныхъ, и при этомъ ограбилъ и сжегъ печерскую церковь и монастырь, и взялъ въ плѣнъ печерскаго архимандрита Ѳеодосія Войколовича или Войнкловича; ограбилъ и софійскій митрополичій соборъ и похищенные изъ него сосуды—золотый потиръ и дискосъ отослалъ въ Москву къ вел. князю. Достойно замѣчанія, что въ это время воеводою въ Кіевѣ, послѣ Мартина Гаштольда (1471 — 1480), былъ православный, Иванъ Ходкевичъ, котораго также татары захватили въ плѣнъ со всѣмъ семействомъ ([48]). Другія событія относились къ благоустроенію монастырей, къ расширенію или охраненію ихъ правъ и владѣній. Около 1480 г. получилъ начало коложскій монастырь въ Гроднѣ при церкви св. муч. Бориса и Глѣба, основаніе которой относятъ еще къ XII вѣку. Первыми вкладчиками на монастырь были гродненскіе мѣщане (*мѣщанами* назывались тогда въ Литвѣ вообще горожане, жители *мѣстъ*—городовъ)—Иванъ Сергіевичъ и другіе, а первымъ игуменомъ монастыря—Каллистъ. Предъ своею кончиною Иванъ Сергіевичъ завѣщалъ на монастырь (15 марта 1485) свой дворецъ — фольваркъ съ пашнями, лѣсомъ и сѣножатями ([49]). Въ 1483 г. кобринскій князь Иванъ Семеновичъ съ супругою, по просьбѣ кіево-печерскаго архимандрита Ѳеодосія съ братіею, пожаловалъ имъ новую грамату

([48]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 234—235; VIII, 215; Супрасльская Рукопись, содержащая новгор. и кіев. сокращенныя лѣтописи, стр. 138. 147, Москв. 1836; Никон. Лѣт. VI, 118; Опис. кіево-печер. лавры, 140.

([49]) Вилен. Археогр. Сборн. IX, 412—414 и предисл. VII, гдѣ сказано о времени основанія церкви и почему она называется *коложскою*. Завѣщаніе Ивана Сергіевича—въ Акт. Вилен. Комм. I, № XVI.

© ГПБ

на село Ососово съ данями и доходами, въ замѣнъ граматы своего дѣда Андрея Владиміровича, сгорѣвшей во время бывшаго въ предшествовавшемъ году татарскаго набѣга (50). Мстиславскій князь Иванъ Юрьевичъ не только подтвердилъ (1483 г.) за онуфріевскимъ монастыремъ всѣ даянья своего отца и дѣда Симеона—Лингвеня Олгердовича, основателя монастыря, но пожаловалъ ему и отъ себя новыя вотчины и угодья, и утвердилъ, чтобы монастырскіе люди были свободны отъ пошлинъ и повинностей и отъ подсудности свѣтскимъ властямъ, а платили положенныя дани только архимандриту и подлежали только его суду; чтобы даже по дѣламъ духовнымъ судились не владычними *десятниками*, а тѣмъ же архимандритомъ, и чтобы самаго архимандрита не судили и не рядили ни мѣстный владыка, ни митрополитъ, а судилъ по всѣмъ дѣламъ самъ князь, и лишь по духовнымъ вмѣстѣ со владыкою. Маршалокъ волынской земли, староста луцкій, Елеазаръ Кирдѣевичъ отказалъ (1483 и 1486) красносельскому спасскому монастырю (Красноселье — нынѣ деревня близъ Луцка) села съ угодьями и десятину съ своего двора и поля; а подскарбій великаго короля Казиміра, Иванъ Стретовичъ далъ (1486) запись лаврашеву монастырю, близъ Новогрудка, на тридцать копъ жита съ одного своего имѣнія. Здѣсь нельзя не остановиться на томъ, что оба эти жертво-

(50) А. З. Р. I, № 111. Грамата эта несправедливо отнесена здѣсь къ 1493 году: потому что тогда кобринскаго князя Ивана Семеновича уже не было въ живыхъ (А. Южной и Зап. Россіи I, № 32). Вѣрнѣе она можетъ быть отнесена къ 1483 году, судя потому, что въ ней говорится: «*нынѣчи*, якъ было въ Кіевѣ Божіе зневоленіе, записи предковъ нашихъ погорѣли»; а въ предшествовавшемъ году дѣйствительно было въ Кіевѣ такое зневоленіе и страшный пожаръ отъ татаръ. Въ индиктѣ граматы, можетъ быть, описка: поставленно 11 вмѣсто 1.

вателя занимали важныя государственныя должности, хотя и исповѣдывали православную вѣру: новое доказательство, что тогда не дѣйствовалъ извѣстный городельскій приговоръ 1413 года, воспрещавшій допускать православныхъ въ Литвѣ на государственныя должности. Нѣкто Юрій Зеновьевичъ далъ (1486) отказную запись кіево-печерскому монастырю на сельцо Киселевичи въ Бобруйской волости съ медовою и денежною данью. Самъ король съ своею радою, разсмотрѣвъ, по жалобѣ архимандрита смоленскаго архангело-михайловскаго монастыря, Геннадія, спорное дѣло монастыря съ частнымъ лицемъ о земельномъ владѣніи, рѣшилъ (1486) дѣло въ пользу монастыря (51). Въ тоже время дѣлались пожертвованія и на церкви. Двѣ княгини, Зубревицкая и Трабская, изъ рода князей Ольшанскихъ, пожаловали (1486) на домъ Пречистыя въ Вильнѣ (Пречистенскій соборъ) «отцу митрополиту Семіону *кіевскому и всея Руси*» и его будущимъ преемникамъ населенное имѣніе въ Турци со всѣми данями и повинностями. А кобринскій князь Иванъ Семеновичъ и его супруга «поставили» церковь Рождества Христова въ своемъ имѣніи Дубочинахъ (нынѣ Пружана гродненской губерніи) и назначили (1487) въ пользу ея нѣкоторыя поля и часть доходовъ съ своихъ имѣній. Еслибы церковь была поставлена въ это самое время, а не прежде, въ такомъ случаѣ слѣдовало бы заключить, что законъ, возбранявшій построеніе православныхъ церквей, не вездѣ исполнялся (52).

Изъ дѣяній самаго митрополита Симеона осталось извѣстнымъ только одно: въ 1487 г. онъ поставилъ, по современ-

(51) А. З. Р. I, №№ 82. 84. 86. 87; А. Ю. и З. Россіи I, №№ 229. 230.
(52) Вилен. Археогр. Сборн. VI, № 1; А. Ю. и З. Р. I, № 230.

ному свидѣтельству, епископа Владиміру и Берестью Вассіана. А въ слѣдующемъ (1488) году, потому же свидѣтельству, митрополитъ Симеонъ уже скончался (53).

Объ избраніи и поставленіи преемника митрополиту Симеону дошла до насъ, хотя и въ позднемъ спискѣ, челобитная, которую посылали по этому случаю къ цареградскому патріарху русскіе князья великаго княжества литовскаго. Челобитная представляетъ большой интересъ по содержащимся въ ней свѣдѣніямъ. Въ своемъ обращеніи къ патріарху русскіе князья называютъ его «первостоятельнымъ» по чину великаго архіерея Господа Іисуса, имѣющимъ равную власть со всѣми Его учениками и апостолами, обручителемъ, правителемъ, православнымъ свѣтильникомъ восточной христіанской церкви по вселенной, изливающимъ на всѣхъ по вселенной источники живодательныхъ водъ, святѣйшимъ, благословеннѣйшимъ, отцемъ отцевъ и под.; а о себѣ говорятъ, что живутъ подъ державою великаго господаря, короля польскаго и вел. князя литовскаго и русскаго, Казиміра, и содержатъ вѣру православную греческую, при помощи Божіей, «неотступно и до смерти». Сказавъ затѣмъ о кончинѣ митрополита кіевскаго, архіепископа всея Руси, Симеона, продолжаютъ, что послѣ него кіевская митрополія «не мало» вдовствовала, и что они неотступно умоляли господаря своего, да повелитъ избрать годнаго настоятеля на престолъ кіевскій и всея Руси. Когда король повелѣлъ, то происходило «взысканіе многое» по всѣмъ странамъ его державы, пока не обрѣли мужа святаго, сугубо наказаннаго въ писаніяхъ, могущаго и иныхъ пользовать и «противящимся закону нашему сильного возбранителя», Іону,

(53) Супрасл. Рукопис., стр. 139.

архіепископа полоцкаго. Избранный долго не соглашался, называлъ себя недостойнымъ, и едва былъ умоленъ просьбами князей, всего духовенства и людства, и подвигнутъ повелѣніемъ господаря. Послѣ того Іона, съ соизволенія короля и съ его листами или граматами отправилъ своего посла, архимандрита слуцкаго троицкаго монастыря Іосифа, къ патріарху просить себѣ его благословенія на митрополію. Изложивъ все это, князья, съ своей стороны, отъ всего сонма сыновъ русскихъ такъ умоляютъ патріарха: «да учинитъ святыня твоя къ нашему утвержденію, *ради тѣснящихъ насъ въ вѣрѣ*, милосердно и да не умедлитъ отъ руки твоей мечь духовный отцу нашему, имъже оборонити насъ» (живое свидѣтельство, что православные въ Литвѣ тогда дѣйствительно терпѣли притѣсненія). А въ заключеніе, упомянувъ, что самому Іонѣ невозможно идти въ Царьградъ, снова просятъ патріарха внять ихъ писанію и не презрѣть ихъ моленій (54). По указаніямъ самой челобитной можно догадываться, что она составлена была и отправлена въ Константинополь уже предъ кончиною короля Казиміра, послѣдовавшею 25 іюня 1492 года: такъ какъ Іосифъ, съ которымъ послалъ Іона листы короля къ патріарху, могъ сдѣлаться настоятелемъ слуцкаго троицкаго монастыря никакъ не раньше первыхъ чиселъ іюня тогоже года (55). А что Іосифъ ходилъ тогда въ Царьградъ,

(54) Вилен. Археогр. Сборн. I, № 2.

(55) Кончину короля Казиміра одни относятъ къ 23 или 24 числу мая 1492 г.; другіе—къ 7-му іюня; третьи, въ томъ числѣ и Карамзинъ, къ 25-му іюня (А. З. Р. I, примѣч. 76). Послѣднее показаніе основывается на свидѣтельствѣ московскаго посла Беклемишева (*Карамз.* VI, 148, Эйнерл.), который, будучи отправленъ къ королю Казиміру, когда прибылъ въ Варшаву, то получилъ извѣстіе, что король уже скончался въ Гроднѣ 25 іюня, о чемъ и записано тогда же въ польской посольской книгѣ № 1, хранящейся въ архивѣ кол-

объ этомъ свидѣтельствуетъ онъ самъ, хотя и не говоритъ, по какому случаю ([56]). Такимъ образомъ прошло около четырехъ лѣтъ со смерти митрополита Симеона, пока совершалось избраніе его преемника, Іоны, и пока рѣшились испрашивать ему благословенія и поставленія на митрополію у цареградскаго патріарха. До полученія этого благословенія Іона, по фамиліи Глезна, могъ титуловаться только *избраннымъ* или *нареченнымъ* митрополитомъ.

Про митрополита Іону разсказываютъ нѣкоторые іезуитскіе и уніатскіе писатели, будто онъ пользовался особенною расположенностію короля Казиміра, такъ что Казиміръ пожелалъ видѣть его даже при своей смерти и будтобы принялъ отъ него самое напутствіе ([57]). Но это не болѣе, какъ недо-

легіи иностран. дѣлъ (*Бантышъ-Каменскій*. Переписка между Россіею и Польшею, по дипломатич. бумагамъ, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1860, IV, отд. II, 10). Къ 20-му іюля, ко дню пророка Иліи, литовская великокняжеская рада созывала уже сеймъ для избранія новаго государя (А. З. Р. I, № 100, п. II, стр. 116). Предмѣстникомъ Іосифа по настоятельству въ слуцкомъ троицкомъ монастырѣ былъ архимандритъ Макарій (А. Ю. и З. Р. I, № 232). А этотъ Макарій оставался еще настоятелемъ въ названномъ монастырѣ 31-го мая 1592 г. (А. З. Р. I, № 99). Въ архивѣ бывшихъ греко-уніатскихъ митрополитовъ, при Св. Синодѣ, сохранилась Запись Василія и Григорія Зенковичей, въ которой они говорятъ, что какъ покойный отецъ ихъ Зенко упросилъ архимандрита Макарія, бывшаго настоятеля слуцкаго троицкаго монастыря, чтобы онъ дозволилъ, вмѣсто десятины съ имѣнія ихъ Мирятичъ, вносить монастырю ежегодно по 10 бочекъ ржи, такъ «про тожъ и мы теперь упросили есмо игумена *Іосифа Болариновича* настоятеля обители св. Троица», преемника Макаріева, согласиться на туже замѣну, до смерти нашей матери (Опись означеннаго архива, № 487). Годъ на Записи не показанъ; но она подлинная, съ печатью, и написана, безъ сомнѣнія, въ то время, когда Іосифъ только-что сдѣлался преемникомъ Макарія и назывался еще игуменомъ. Скоро этотъ Іосифъ *Болариновичь* былъ уже митрополитомъ. Снес. примѣч. 81.

([56]) А. З. Р. I, № 115.

([57]) *Kulesz*, Wiara Prawosl. 183; *Kulczynski*, Specimen. Eccles Ruthen., 123; *Stebelsk*. Chronolog. 62. Кульчинскій, замѣтимъ кстати, считаетъ митрополита Іону Глезну даже въ ликѣ Святыхъ, очевидно, смѣшивая его съ московскимъ митрополитомъ св. Іоною (ibid. 13).

разумѣніе, намѣренное или ненамѣренное. Болѣе древній уніатскій писатель, Дубовичь, сказалъ о митрополитѣ Іонѣ лишь слѣдующее: «въ его время умеръ Казиміръ, о которомъ такъ написано въ русской лѣтописи: умеръ Казиміръ Ягелловичь, король польскій... *при митрополитѣ кіевскомъ Іонѣ Глезнѣ*» ([58]). А послѣдующіе писатели поняли слова: «умеръ король *при* митрополитѣ Іонѣ»—такъ, будто Казиміръ умеръ *въ присутствіи* митрополита Іоны, и заключили, что, видно, король особенно уважалъ Іону и самъ пригласилъ его къ себѣ для напутствія, и что слѣд. Іона былъ уніатъ, — между тѣмъ какъ Казиміръ и не имѣлъ времени приглашать къ себѣ Іону предъ своею смертію: потому что умеръ въ Гроднѣ почти внезапно, во время быстраго переѣзда своего изъ Вильны въ Краковъ ([59]). Казиміръ могъ любить и уважать митрополита Іону по его личнымъ достоинствамъ и по другимъ причинамъ; но чтобы приглашалъ его къ себѣ предъ своею кончиною и принялъ отъ него напутствіе, на это нѣтъ никакихъ доказательствъ. Казиміръ вовсе не былъ фанатикомъ католицизма и ненавистникомъ православія. Напротивъ, какъ мы видѣли, онъ явно благоволилъ къ православнымъ своимъ подданнымъ и къ московскому митрополиту Іонѣ, впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, пока не былъ присланъ въ Литву изъ Рима особый митрополитъ, Григорій болгаринъ. И если потомъ Казиміръ покровительствовалъ Григорію, принималъ мѣры противъ православныхъ, старался утвердить между ними унію, то все это дѣлалъ преимущественно, если не единственно, изъ послушанія

([58]) *Dubowicz*, Hierarchia, 183. Слова, приводимыя Дубовичемъ изъ русской лѣтописи, дѣйствительно находятся въ Супрасл. Рукописи—стр. 140.

([59]) *Narbutt*. Dzieje narodu Litewsk. VIII, 251—253.

папѣ, который, за потворство схизматикамъ, могъ угрожать ему даже проклятіемъ ([60]). Истинными притѣснителями русскихъ въ Литвѣ были латинское духовенство и прелаты, какъ и говорили сами русскіе Сиксту IV въ своемъ извѣстномъ посланіи. Казиміръ уступилъ неотступнымъ просьбамъ своего болѣзненнаго, фанатичнаго сына, настроеннаго ксендзами, и издалъ законъ, запрещавшій строить и обновлять православныя церкви; но мы не знаемъ, настаивалъ ли Казиміръ на повсемѣстномъ исполненіи этого закона; другой же законъ, старый, враждебный православнымъ, запрещавшій допускать ихъ на высшія должности въ литовскомъ государствѣ, при Казимірѣ, дѣйствительно не соблюдался, или, по крайней мѣрѣ, не всегда соблюдался. Не отказывалъ Казиміръ, по временамъ, и въ прямомъ покровительствѣ православнымъ. Онъ далъ, какъ мы упоминали, подтвердительную грамату перемышльскому православному духовенству въ огражденіе его правъ отъ свѣтскихъ людей; не разъ приказывалъ своимъ смоленскимъ намѣстникамъ не вмѣшиваться въ духовныя дѣла мѣстнаго православнаго епископа, не судить его людей и духовныхъ лицъ, не возбранять ему призывать и селить на своихъ земляхъ зарубежныхъ выходцевъ; далъ обѣщаніе жителямъ Смоленска и витебской области «не рушить христіанства ихъ греческаго закона, не вступаться въ ихъ церковные домы»; пожаловалъ даже общую грамату православному митрополиту и всѣмъ православнымъ епископамъ о неприкосно-

([60]) *Danilowicz*, Scarbiec diplomatów papiezkich, cesarskich, krolewskich...., II, № 1991, str. 216. Wilno 1862. Здѣсь сказано, что папскій нунцій Балтазаръ де Писціа, въ 1478 г., предалъ проклятію короля Казиміра «за его покровительство и поддержку еретикамъ и врагамъ вѣры» (гусситамъ) противъ венгерскаго короля, о чемъ и увѣдомилъ польскихъ епископовъ.

венности ихъ святительскихъ правъ и суда, а равно церковнаго имущества и доходовъ, — хотя гордые прелаты и паны, да и вся своевольная шляхта, начавшая уже, во дни Казиміра, пріобрѣтать великую силу въ литовско-польскомъ государствѣ, и мало повиновались такимъ распоряженіямъ своего короля ([61]). Въ послѣдніе годы своей жизни Казиміръ, сколько извѣстно, пожаловалъ (1489) кіевскому николаевскому-пустынскому монастырю сельцо Княжичь подъ пашню, и присудилъ (1489) причту николаевской церкви въ Смоленскѣ право на владѣніе селомъ Ѳоминымъ съ десятиною, а смоленскому епископу Іоакиму, присылавшему съ просьбою своего *маршалка*, отказалъ (1490): такъ какъ село, котораго домагался владыка, было записано на церковь незаконно ([62]). Неудивительно, если православные литовско-польскаго государства, несмотря на все, что приходилось имъ выносить за свою вѣру въ многолѣтнее царствованіе Казиміра, не питали къ нему непріязни, и одинъ изъ нихъ, занося въ лѣтопись извѣстіе о смерти короля, выразился такъ: «преставися Казиміръ, король польскій, Якгойловичь, и вел. князь литовскый и рускый, *справедливый*, *добрый*, при митрополитѣ кіевскомъ Іонѣ Глезнѣ» ([63]).

Не прекращались при митрополитѣ Іонѣ благодѣянія монастырямъ и церквамъ и со стороны православныхъ. По

([61]) На все это ясно указывается въ граматахъ послѣдующаго времени. А. З. Р. I, №№ 118. 204. 212; II, № 65.

([62]) А. З. Р. I, №№ 70. 93. 95. Первую грамату мы относимъ не къ 1475, а къ 1490 году, потому что въ 1475 г. былъ епископомъ смоленскимъ не Іоакимъ, а Мисаилъ, который, и по избраніи его на митрополію, удерживалъ за собою смоленскую епархію до самой своей кончины.

([63]) Супрасл. Рукопис., стр. 140.

© ГПИБ

смерти кобринскаго князя Ивана Семеновича, супруга его Ѳсодора дала (1491), на поминъ души его, спасскому монастырю въ Кобринѣ село Корчичи со всѣми доходами и данями. Пинскій князь Михаилъ Константиновичъ завѣщалъ (1489—1492) выдавать луцкому красносельскому спасскому монастырю десятину изъ своего дворца ([64]). Въ 1492 г. княгиня Анна Швидригайлова дала церкви св. Николая въ селѣ Переходовичахъ, городецкаго повѣта, землю Бобучинскую; а князь Иванъ Васильевичъ Ярославичь далъ тойже церкви землю Микитину, съ нивами, бортами и сѣножатью ([65]). Слуцкая княгиня Анна жаловала (1489—1493) слуцкому троицкому монастырю села, земли и угодья. Она имѣла по отношенію къ этому монастырю право патронатства или подаванья: потому-то архимандритъ монастыря Іосифъ, когда избранъ былъ на епископію смоленскую (1494), сдалъ монастырское имущество не преемнику своему, а непосредственно княгинѣ ([66]). Въ 1491 г. татары, во время своего набѣга на волынскую землю, сожгли во Владимірѣ всѣ церкви и великую церковь Пречистыя мурованную. Епископъ владимірскій и берестейскій Вассіанъ «обнови» эту великую церковь «муромъ, иконами, и ризами, и сосудами, паче же книгами», и освятилъ ее въ 1494 г., на праздникъ Введенія во храмъ Пречистыя, съ епископами—луцкимъ Іоною и холмскимъ Симеономъ ([67]). нужно думать, что или законъ Казиміровъ о невозобновленіи православныхъ церквей не дѣйствовалъ, или владыка владимірскій выпросилъ позволеніе обновить свою соборную церковь у новаго великаго князя литовскаго (съ 28 іюля 1492) Александра Казиміровича. Къ этому же времени относятся и первыя дѣйствія самаго Александра въ пользу православнаго духовенства: въ 1492 г. онъ подтвердилъ всѣ права, данныя его предками духовенству, князьямъ, боярамъ и всей шляхтѣ литовскаго, русскаго и жмудскаго народа, безъ всякаго различія по вѣрѣ; а въ 1494 г. подтвердилъ грамату отца своего кіево-печерскому архимандриту Филарету на настоятельство въ этомъ монастырѣ и граматы отца своего смоленскому намѣстнику о невмѣшательствѣ въ духовныя дѣла епископа и, въ частности, въ его суды и имѣнія ([68]). Но надобно замѣтить, что въ томъ же 1494 г. Александръ поселилъ въ Гроднѣ Бернардиновъ, подаривъ имъ плацъ, на которомъ прежде находился замокъ вел. князей литовскихъ ([69]).

([64]) А. Ю. и З. Р. I, № 32; А. З. Р. I, № 96.

([65]) Ревизія пущъ ... въ бывшемъ вел. княжествѣ литовск., составленная въ 1559 г., съ прибавленіемъ другой актовой книги 1554 г., стр. 358, Вильна 1867.

([66]) А. З. Р. I, №№ 94. 98. 99. 115; А. Ю. и З. Р. I, № 232.

([67]) Супрасл. Рукоп., 139—140.

Кончину митрополита Іоны Глезны надобно относить къ 1494 г., если не къ болѣе раннему времени: потому что въ началѣ слѣдующаго года мы видимъ уже «взведеннаго на митрополиче мѣсто» и «нареченнаго митрополита» Макарія ([70]).

([68]) *Danilowicz*, Scarbiec diplomatów..., II, № 2044; А. З. Р. I, №№ 117. 118.

([69]) *Крупович.* Собраніе актовъ, касающихся Литвы, ч. I, № 22, Вильно 1858.

([70]) Древн. Росс. Вивліоѳ. XIV, 13; А. З. Р. I, стр. 234. «Возведенный на митрополичье мѣсто» значитъ «преемникъ» митрополита, возведенный на его каѳедру, а не «намѣстникъ». Намѣстниковъ у митрополита, какъ и у каждаго епархіальнаго архіерея, было по нѣскольку въ епархіи, и они дѣйствовали еще при его жизни. А потому несправедливо называютъ Макарія намѣстникомъ кіевскаго митрополита (*Карамз.* VI, 157). По свидѣтельству виленскаго духовенства до митрополита Макарія всѣ митрополичьи намѣстники въ Вильнѣ были изъ поповъ соборной церкви, а не изъ архимандритовъ троицкаго монастыря (А. З. Р. I, № 152), слѣд. и самъ Макарій не былъ намѣстникомъ митрополита.

О предшествовавшей его жизни и служеніи достовѣрно извѣстно только одно, что предъ избраніемъ на митрополію онъ былъ архимандритомъ свято-троицкаго монастыря въ Вильнѣ. Уніатскіе же писатели, желая видѣть въ немъ уніата, утверждаютъ еще, что онъ-то и былъ тотъ самый виленскій, троицкій архимандритъ Макарій, который въ 1476 г. подписалъ, вмѣстѣ съ другими русскими, грамату къ папѣ Сиксту IV, какъ будто втеченіе двадцати лѣтъ не могли перемѣниться въ обители два и три настоятеля, даже одноименныхъ ([71]). Это дѣйствительно и подтвердилъ самъ Макарій, когда, будучи уже митрополитомъ, сказалъ жителямъ Вильны: «дѣти милыи, я тотъ (троицкій) монастырь держалъ отъ Семіона митрополита» (1481—1488); слѣд.—не отъ Мисаила и не отъ Григорія, предмѣстниковъ Симеона, и значитъ, въ 1476 г. держалъ троицкій монастырь въ Вильнѣ другой архимандритъ Макарій, который и подписался съ Мисаиломъ подъ названною выше граматою ([72]). Въ 1495 г. совершилось и рукоположеніе архимандрита Макарія въ санъ епископа-митрополита. «Собрались тогда, говоритъ мѣстный современный лѣтописецъ, епископы: владимірскій Вассіанъ, полоцкій Лука, туровскій Вассіанъ, луцкій Іона, и поставили архимандрита Макарія, по прозванію Чорта, митрополитомъ Кіеву и всей Руси; а къ патріарху за благословеніемъ послали старца Діонисія и Германа діакона-инока». Вскорѣ за тѣмъ одинъ изъ названныхъ епископовъ, Іона луцкій скончался отъ свирѣпствовавшаго мороваго повѣтрія, и митрополитъ Макарій про-

([71]) *Dubowicz*, Hierarch., 183; *Kulesz*, Wiara Praw. 184; *Kulczynsk*. Specimen Eccl. Ruth. 123 и др.

([72]) Вилен. Археогр. Сборн. VI, № 4, стр. 8.

извелъ для Луцка во епископы архимандрита Кирилла. Посланные въ Царьградъ старцы Діонисій и іеродіаконъ Германъ возвратились лишь осенью слѣдующаго (1496) года, а съ ними пришелъ отъ патріарха Нифонта посолъ, келейный его старецъ Іоасафъ, и принесли они благословенные листы, подъ большими оловянными печатями, великому князю и княгинѣ, митрополиту и епископамъ, князьямъ и боярамъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ. Только посолъ патріаршій замѣтилъ епископамъ: «впередъ не поставляйте митрополита прежде, нежели получите благословеніе отъ насъ; развѣ будетъ великая нужда». Епископы отвѣчали: «мы не отвергаемся древнихъ обычаевъ соборной цареградской церкви и благословенія отца нашего патріарха; но сотворили это по нуждѣ, какъ и прежде насъ сотворили наши братья епископы при вел. кн. Витовтѣ, поставившіе митрополитомъ Григорія Цемивлака; да и въ правилахъ св. апостоловъ и св. отцевъ написано: два или три епископа, безъ всякаго сомнѣнія, да поставляютъ епископа». Посолъ сказалъ: «вы поступили хорошо; по нуждѣ и измѣненіе закона бываетъ» ([73]). Недолго послѣ этого суждено было святительствовать митрополиту Макарію. «Въ 1497 г.», — говоритъ тотъ же современный лѣтописецъ, — «мая 1-го, на шестой недѣли послѣ великаго дня (пасхи) въ понедѣльникъ, безбожные перекопскіе татары убили преосвященнаго *митрополита кіевскаго и всея Руси архіепископа* Макарія. Вторглись они въ нашу землю скрытно отъ всѣхъ и настигли его въ селѣ Стриголовѣ (минской губерніи) на рѣкѣ Бичѣ

([73]) Супрасл. Рукоп., стр. 141—143. Лѣтопись выражается: «и принесоша *листы благословены*, подъ великими печатьми оловяными, великому князю и великой княгинѣ, и митрополиту, и епископомъ, и княземъ, и бояромъ, и всѣмъ православнымъ христіаномъ».

за пять миль отъ Мозыря, и изъ бывшихъ съ нимъ однихъ убили, а другихъ взяли въ плѣнъ... Но я уповаю на Господа Бога, что такая смерть случилась архіерею Божію для бо́льшаго ему воздаянія: ибо онъ ѣхалъ въ Кіевъ, желая помочь церкви Божіей — Софіи, разоренной прежде тѣмиже Агарянами» (74).

Самымъ важнымъ событіемъ во дни Макарія былъ бракъ литовскаго вел. князя Александра съ дочерью московскаго вел. князя Ивана III, Еленою. При заключеніи брака имѣли цѣль политическую: утвержденіе дружбы и мира между государями и ихъ государствами. Но православные, жившіе въ Литвѣ, естественно, могли ожидать отъ него благодѣтельныхъ для себя послѣдствій и въ религіозномъ отношеніи; могли надѣяться, что отселѣ они будутъ имѣть для своей вѣры высокую защитницу и покровительницу въ лицѣ самой вел. княгини, и что, ради ея ходатайствъ, вел. князь сдѣлается къ нимъ снисходительнѣе и благосклоннѣе. Такія надежды, казалось, находили для себя прочную опору въ томъ, что Александръ, еще предъ бракомъ, далъ своему будущему тестю, по его настоятельному требованію, письменное обязательство— не препятствовать Еленѣ содержать свой греческій законъ и не нудить ее къ римскому закону, а еслибы даже она захотѣла своею волею приступить къ римскому закону, не дозволять ей того. Но вскорѣ надежды православныхъ должны были поколебаться: при самомъ вѣнчаніи Елены съ Александромъ они увидѣли уже униженіе и оскорбленіе для своей вѣры и церкви. Когда Елена въѣхала въ Вильну (15 февр. 1495) и при-

(74) Супрасл. Рукоп., 143. 145. Извѣстно, что мощи этого святителя доселѣ нетлѣнно почиваютъ въ кіево-софійскомъ соборѣ.

близилась къ «русской церкви Рождества Пречистыя», здѣсь встрѣтилъ ее, какъ и приличествовало, самъ избранный на митрополію или нареченный митрополитъ, архимандритъ Макарій съ православнымъ духовенствомъ и совершилъ для нея торжественное молебствіе. Но когда изъ православнаго храма Елену повели въ костелъ св. Станислава для вѣнчанія, ей предшествовалъ съ крестомъ въ рукахъ одинъ попъ Ѳома, пріѣхавшій съ нею изъ Москвы, а не Макарій съ духовенствомъ. При входѣ въ костелъ ее встрѣтилъ бискупъ съ крестомъ, но крестомъ ее не благословилъ. При вѣнчаніи молитвы для жениха читалъ бискупъ, а для невѣсты попъ Ѳома; избранный на митрополію Макарій не смѣлъ того дѣлать по заказу вел. князя, хотя былъ тутъ же. Все это не могло не огорчить православныхъ и, въ особенности, отца Елены Ивана Васильевича, тѣмъ болѣе, что здѣсь было и нарушеніе даннаго слова со стороны Александра. Послы его, какъ жаловался впослѣдствіи самъ Иванъ Васильевичъ, уговорились съ нашими боярами, что когда дочь наша пріѣдетъ къ нему въ Вильну, «ино ее вѣнчати митрополиту, а не будетъ митрополита, ино владыцѣ нашего греческаго закона»; но когда наша дочь къ нему пріѣхала, онъ «въ ту пору владыцѣ никоторому не велѣлъ у себя въ Вильнѣ быти, а нареченному митрополиту Макарію, архимандриту троицкому, нашей дочери вѣнчати не велѣлъ» (75). Отпуская изъ Москвы пословъ

(75) П. Собр. Р. Лѣт. IV, 165; VIII, 229; Ник. Лѣт. VI, 142; А. З. Р. I, стр. 233—234. Достойно замѣчанія, что въ современной запискѣ московскихъ пословъ, сопровождавшихъ Елену въ Вильну (Древн. Росс. Вивліоѳ. XIV, 13—14), та русская церковь, въ которой здѣсь встрѣтили Елену, нѣсколько разъ сряду называется церковію «Рождества Пречистыя». Это значитъ, что или пречистенскій соборъ былъ тогда не во имя успенія, а во имя рождества Богородицы, или существовала въ Вильнѣ другая церковь во имя Пречистыя, гдѣ и

литовскихъ, Иванъ Васильевичъ, когда уже рѣшился выдать свою дочь за Александра, между прочимъ, наказывалъ имъ: «да молвите отъ насъ брату и зятю нашему, чтобъ онъ учинилъ, насъ дѣля, велѣлъ нашей дочери, а своей великой княгинѣ, поставить церковь нашего греческаго закона на переходахъ у своего дворца, у ея хоромъ, чтобъ ей близко къ церкви ходить, а его бы жалованье нашей дочери намъ добро слышати». Это же самое повторили отъ лица вел. князя московскаго и бояре его въ Вильнѣ лично Александру, по заключеніи брака. Но Александръ отвѣчалъ: «князья наши и паны, вся земля, имѣютъ права и записи отъ предковъ нашихъ, и отъ отца нашего, и *отъ насъ*, а въ правахъ написано, что церквей греческаго закона больше не прибавлять; такъ намъ тѣхъ правъ предковъ нашихъ и отца нашего, и нашихъ, нарушать не годится. А княгинѣ нашей церковь греческаго закона въ городѣ есть близко; когда ея милость захочетъ въ церковь, мы ей не возбраняемъ» ([76]). Это еще болѣе должно было огорчить вел. князя московскаго и православныхъ въ Литвѣ. Изъ словъ своего государя они должны были понять, что имъ нечего ожидать отъ него отмѣны за-

встрѣчена была Елена. И дѣйствительно, въ началѣ XVI в. въ Вильнѣ упоминается «церковь Пречистое Богоматере въ городѣ», ясно отличаемая отъ пречистенской — соборной (Вилен. Археогр. Сборн. VI, № 5) и называвшаяся «церковію въ городѣ», «церковію городскою» (тамъ же стр. 8. 10). Въ этой-то церкви, какъ находившейся въ замкѣ—городѣ или близъ замка, и слѣд. вблизи костела Станислава, и могла быть встрѣчена Елена, чтобы потомъ удобнѣе было ей перейти пѣшкомъ въ костелъ для бракосочетанія. Да и самъ вел. кн. Александръ говорилъ впослѣдствіи своему тестю, Ивану III, что для Елены, «*церковь* греческаго закона *въ городѣ* есть близко» (А. З. Р. I, стр. 141).

([76]) *Карамз.* VI, 156, примѣч. 400; Древн. Росс. Вивліоѳ. VI. 15 — 16; А. З. Р. I, № 116, п. VII. VIII.

кона о несозиданіи православныхъ церквей, даннаго отцемъ его и подтвержденнаго имъ самимъ. И сколько потомъ Иванъ Васильевичъ ни настаивалъ, и чрезъ пословъ своихъ и чрезъ дочь, чтобы Александръ устроилъ ей домовую церковь, Александръ остался непреклоннымъ. Къ большему же огорченію Елены онъ еще приставилъ къ ней пановъ и паней и другихъ служебныхъ людей не греческаго закона, а римскаго, оправдываясь предъ тестемъ, что отъ того для ея греческаго закона ущерба нѣтъ. Къ этому-то, столько прискорбному для вел. княгини Елены, времени, относится первая ея жертва на православный храмъ: въ 1496 г. она купила въ трокскомъ воеводствѣ у какого-то Петра Яцынича имѣніе Жагоры и подарила виленскому пречистенскому собору ([77]).

Мало утѣшительнаго представляли тогда и другія дѣйствія Александра по отношенію къ православнымъ. Стали предъ нимъ бояре полоцкіе и мѣщане съ полоцкимъ владыкою Лукою о монастырѣ св. Николая на Лучнѣ; бояре показали Евангеліе, въ которомъ было записано, что монастырь тотъ— издавна *подаванье* великаго князя. И Александръ взялъ николаевскій монастырь на Лучнѣ къ своему подаванью, а полоцкому владыкѣ приказалъ въ тотъ монастырь не вступаться (1496). Какой-то Григорій Поповичъ, изъ Кіева, просилъ у Александра себѣ кіево-михайловскаго златоверхаго монастыря, говоря, что монастырь тотъ есть издавна подаванье вел. кня-

([77]) А. З. Р. I, № 134; *Бантышъ-Каменск.* Переписка между Россіею и Польшею, по дипломатич. бумагамъ, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1860, IV, отд. II, 29; *Батюшковъ.* Памятники Русской старины въ западн. губерніяхъ, выпускъ V, 90, Спб. 1872.

зя; это же подтвердилъ и полоцкій намѣстникъ Пацевичь. И Александръ повелѣлъ держать михайловскій монастырь Поповичу до его живота, съ условіемъ, чтобы онъ постригся въ монашество (1496). Князь Иванъ Дашковичь просилъ у Александра для своей матери княгини Дашковой монастыря св. праведниковъ Іоакима и Анны въ Овручѣ и говорилъ, что хотя монастырь этотъ отданъ Александромъ еще прежде овручской владѣлицѣ Ленковой, но послѣдняя получила отъ него и другой монастырь Пречистой. И Александръ постановилъ: Ленковой довольно держать одинъ монастырь Пречистой, а монастырь св. Іоакима и Анны держать княгинѣ Дашковой до ея живота (1496) ([78]). Всѣ такія распоряженія великаго князя православными обителями не могли имѣть добрыхъ послѣдствій. Только къ смоленскому владыкѣ Іосифу замѣтно было благоволеніе Александра: въ 1497 г. онъ пожаловалъ этому владыкѣ значительный участокъ земли близъ Смоленска съ жившими тамъ людьми и съ дозволеніемъ поселить на ней еще до ста двадцати человѣкъ, пришлыхъ изъ Россіи, и съ освобожденіемъ ихъ отъ подсудности свѣтскимъ властямъ и отъ пошлинъ (марта 17); подтвердилъ за владыкою право на владѣніе Чумловскою отчиною, въ которой также дозволилъ селить людей (марта 17), и присудилъ въ пользу владыки садъ Дѣдковскій, который домогался присвоить себѣ одинъ смоленскій мѣщанинъ (апрѣля 13) ([79]). На этого владыку, какъ вскорѣ обнаружилось, у короля были особые виды.

([78]) А. Ю. и З. Р. I, № 233; А. З. Р. I, №№ 140. 141.
([79]) А. З. Р. I, №№ 144. 145. 148.

IV.

«Въ лѣто 7006 (1498), мѣсяца маіа въ 30 день, индикта 1, вел. князь Александръ литовскій даде митрополію кіевскую и всея Руси Іосифу, епископу смоленскому, съ епископіею смоленскою», — говоритъ современный лѣтописецъ, не объясняя, когда и какъ совершилось предшествовавшее тому избраніе Іосифа на митрополію ([80]). Мы уже знаемъ, что на смоленскую каѳедру онъ взятъ былъ изъ настоятелей слуцкаго троицкаго монастыря и что, во время своего настоятельства, ходилъ въ Царьградъ, въ качествѣ посла отъ вновь избраннаго тогда митрополита Іоны Глезны, для испрошенія ему патріаршаго благословенія. Но кто же былъ Іосифъ по происхожденію? До послѣдняго времени всѣ писатели, какъ уніатскіе и латинскіе, такъ и наши, единогласно признавали его за Іосифа Солтана, изъ знатной фамиліи Солтановъ. Между тѣмъ изъ недавно открытыхъ документовъ оказывается, что онъ былъ совсѣмъ другое лицо, отличное отъ Іосифа Солтана, и прозывался—Болгариновичь, происходилъ, вѣрно, изъ благородной или шляхетской фамиліи, потому что находился въ близкомъ родствѣ съ Иваномъ Сопѣгою, бывшимъ тогда писаремъ вел.

([80]) Супрасл. Рукоп., 146. По актамъ видно, что въ февралѣ 1498 г. митрополитская каѳедра была еще не занята (А. З. Р. I, № 152). Есть основаніе думать, что со смерти митроп. Макарія до избранія Іосифа, втеченіе года, митрополитскою епархіею завѣдывалъ епископъ пинскій Вассіанъ (упом. въ 1495—1502 г.) и поставлялъ священниковъ въ этой епархіи. Онъ упоминается, какъ временный «намѣстникъ на митрополіи», именно между митроп. Макаріемъ и его преемникомъ Іосифомъ (Виленъ. Археогр. Сборн. VI, № 4, стр. 9).

князя Александра и канцлеромъ супруги его Елены, и имѣлъ родовое имѣніе, изъ котораго завѣщалъ вносить ежегодно слуцкой троицкой обители, гдѣ прежде настоятельствовалъ, по пяти бочекъ ржи и по пяти бочекъ овса,—что и исполнялось женою брата его Агрипиною Болгариновичь еще въ 1528 г. (81).

Съ самаго избранія своего на митрополію Іосифъ Болгариновичь рѣшился дѣйствовать въ пользу уніи съ Римомъ, или даже еще до избранія: такъ какъ за это именно ему и обѣщана была митрополія (82). Рѣшаясь на такое дѣло, онъ предварительно снесся съ цареградскимъ патріархомъ Нифонтомъ, если только признать достовѣрнымъ посланіе къ нему названнаго патріарха, передаваемое уніатскими писателями. Посланіе не обширно и содержитъ въ себѣ слѣдующее: «Нифонтъ, Божіею милостію, архіепископъ Константинополя, новаго Рима, и *вселенскій* патріархъ — благочестивому и боголюбивому Іосифу, брату и сослужителю, митрополиту кіевскому и всея Руси, здравія и проч. Мы получили отъ твоей милости письмо, посланное къ нашей мѣрности, въ которомъ ты извѣщаешь, что епископы римскаго костела, живущіе на Руси и въ Литвѣ, для васъ несносны и принуждаютъ васъ къ уніи, установленной во Флоренціи. Иначе, говоришь, вы подвергнете

(81) См. выше примѣч. 55. Въ 1511 году, когда митрополитъ Іосифъ Солтанъ имѣлъ совѣщаніе съ своими крылошанами въ Вильнѣ, виленскіе священники говорили ему о митрополитѣ *Іосифѣ Болгариновичѣ*, какъ объ одномъ изъ его предмѣстниковъ, и именно какъ о преемникѣ митрополита Макарія (Вилен. Археогр. Сборн. VI, № 4, стр. 8. 9). Объ Иванѣ Сопѣгѣ, какъ о своемъ «сынѣ, братѣ и единокровномъ (consanguineo)», свидѣтельствовалъ самъ митр. Іосифъ Болгариновичь въ своемъ посланіи къ папѣ Александру VI (*Theiner*, Vetera Monumenta Poloniæ et Lithuaniæ, II, № 296). О пожертвованіи Іосифа въ слуцкій монастырь—А. Ю. и З. Р. I, № 87.

(82) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 45. 243.

тесь великой опасности потерять привиллегіи и льготы, которыя дарованы вамъ польскими королями въ то время, когда состоялась эта унія. Посему отъ нашей мѣрности просишь руки помощи и рекомендательнаго письма къ вашему могущественному королю. Сверхъ того желаешь знать о томъ (флорентійскомъ) соборѣ, какъ онъ происходилъ, чтобы вы могли дать отвѣтъ искушающимъ васъ и сильно васъ притѣсняющимъ. Да будетъ же вамъ извѣстно, что соборъ тотъ былъ созванъ и утвержденъ торжественно, съ общею радостію, въ присутствіи нашего свѣтлѣйшаго государя Іоанна Палеолога и святѣйшаго патріарха цареградскаго, блаженной памяти, Іосифа, который недавно былъ предъ нами, и въ присутствіи намѣстниковъ братіи нашей патріарховъ и иныхъ архіепископовъ и князей, бывшихъ представителями восточной церкви, а такъ же и въ присутствіи римскаго епископа съ своими. Но нѣкоторые изъ народа нашего, остававшіеся дома, не захотѣли принять уніи и держаться ея, вѣроятно, изъ ненависти къ латинянамъ. Съ тѣхъ поръ у насъ происходитъ замѣшательство и неурядица; ввѣренныя намъ овцы, надъ которыми мы имѣемъ высшую власть, думаютъ управлять нами, и мы не въ состояніи укротить ихъ. А кто знаетъ, не за то ли такъ тяжко наказалъ насъ Господь Богъ и и нынѣ еще наказываетъ, что мы не допускаемъ святаго единенія (уніи)? Мы утратили всякую поддержку, и латиняне не только не высылаютъ намъ доселѣ никакой помощи, но и весьма намъ не сочувствуютъ. Неудивительно, если и вамъ они причиняютъ затрудненія. Впрочемъ, твоя милость будешь имѣть немалую отговорку и извиненіе, когда станешь говорить, что, безъ рѣшенія цареградскаго, т. е. своего, патріарха, ничего дѣлать

не можешь. Мы же, еслибы и сильно желали, рѣшительно не можемъ ничего дѣлать по тѣмъ дѣламъ, по которымъ отъ насъ многое зависитъ. Итакъ, пусть не жалуются на насъ, но пусть лучше, тронувшись сожалѣніемъ надъ нашимъ несчастьемъ, молятъ о насъ Господа Бога, чтобы мы, освободившись изъ неволи, вновь соединились по милости Божіей. А твоя милость отнюдь не сопротивляйся имъ слишкомъ, но имѣй съ ними дружеское общеніе (какъ позволили мы и нашимъ священникамъ, живущимъ на островахъ, подъ властію сіятельнаго сената венеціанскаго, совершать собранія и молитвы съ латинянами), но вѣру отеческую и всѣ церковные обычаи восточной церкви бдительно сохраняй: ибо предки наши подъ тѣмъ только условіемъ соединились съ латинянами во Флоренціи, чтобы всѣ права наши оставались не нарушенными и сохранялись. Ты имѣешь во всей Руси и Литвѣ немало князей, дѣтей духовныхъ, которые чтутъ греческую церковь и искренно уважаютъ нашу мѣрность: имъ мы дали наши письма и порученія, чтобы они предстательствовали за тебя предъ всесвѣтлѣйшимъ королемъ и защищали наше право. Лѣта 7005, апрѣля 5, индикта 11, отъ рождества же Сына Божія 1497». Этого посланія или граматы патріарха нельзя признать подлинною, если не предположить, что въ ней, при напечатаніи ея или при переводѣ съ подлинника, допущены были нѣкоторыя неточности и ошибки. Въ началѣ граматы Іосифъ названъ митрополитомъ кіевскимъ и всея Руси, а въ концѣ граматы помѣчено, что она написана 5 апрѣля 1497 г., индикта 11. Но тогда Іосифъ не былъ митрополитомъ, а святительствовалъ еще митрополитъ Макарій, скончавшійся 1 мая означеннаго года и индиктъ былъ не 11, а 15. Да и Нифонтъ едвали былъ тогда патріархомъ; онъ патріаршествовалъ два раза: въ первый разъ около трехъ лѣтъ (1487—1490), во второй будтобы около года (1498—1499). Въ самой граматѣ, повидимому, есть указанія на то, когда она могла быть написана. Іосифъ, какъ видно изъ граматы, просилъ патріарха написать о немъ рекомендательное письмо литовскому государю, и патріархъ дѣйствительно послалъ свои письма и поручилъ православнымъ князьямъ въ Литвѣ предстательствовать за Іосифа предъ государемъ. Такая рекомендація и предстательство всего умѣстнѣе и нужнѣе для Іосифа были въ то время, когда происходило его избраніе на митрополію и когда онъ былъ уже избранъ, но еще не утвержденъ государемъ, т. е. между 1-мъ мая 1497 г., днемъ кончины митрополита Макарія, и 30-мъ мая 1498 г., днемъ утвержденія Іосифа на митрополіи государемъ. Слѣд. грамата могла быть написана патріархомъ 5 апрѣля не 1497, а 1498 г., незадолго до утвержденія Іосифа въ митрополитскомъ званіи, и не 11, а 1 индикта. Въ то время Іосифу, предъ самимъ вступленіемъ на должность первосвятителя литовской церкви, весьма естественно было просить у патріарха и наставленій, какъ смотрѣть на флорентійскую унію и дѣйствовать по отношенію къ латинскимъ епископамъ, и патріархъ Нифонтъ, отвѣчая Іосифу, какъ уже избранному на митрополію, могъ, изъ деликатности, назвать его прямо митрополитомъ, хотя онъ еще не былъ утвержденъ государемъ (83).

Грамата патріарха Ни-

(83) Мы перевели грамату патріарха Нифонта, съ означенною датою (1497 г., апр. 5, инд. 11), съ польскаго языка, какъ она напечатана въ книгѣ: Prawa i Przywileje od... krolow nadane obywatelom korony Polskiej i W. X. Litw. Religiej greckiej w iednosci z s. kosciotem Rzymskim będącym, str. 16 — 17, изд. виленскимъ троицкимъ уніатскимъ братствомъ въ 1632 году. Здѣсь изда-

фонта, если признать ее подлинною, могла имѣть для Іосифа весьма важное значеніе. Онъ могъ на нее опираться и показывать ее православнымъ, когда началъ открыто склонять ихъ къ принятію уніи, хотя патріархъ, въ этой граматѣ, вовсе не уполномочивалъ его простираться такъ далеко, а совѣтывалъ только не противиться слишкомъ латинскимъ бискупамъ и имѣть съ ними дружеское общеніе, но бдительно хранить отеческую вѣру; на требованія же ихъ относительно уніи оттовариваться тѣмъ, что онъ-Іосифъ ничего не можетъ дѣлать безъ рѣшенія цареградскаго патріарха.

Открытыя дѣйствія Іосифа въ пользу уніи начались или къ концу еще тогоже 1498 г., или въ началѣ слѣдующаго. Первое извѣстіе о нихъ достигло Москвы 30 мая 1499 года. Вяземскій намѣстникъ князь Оболенскій писалъ государю, что получилъ письмо отъ находившагося при вел. княгинѣ Еленѣ подъячаго Ѳедора Шестака, дошедшее до него-на-

---

тели свидѣтельствуютъ, что подлинникъ граматы, на греческомъ языкѣ, еще сохранялся въ ихъ время. Потомъ эта грамата, на польскомъ же языкѣ, напечатана въ книгѣ Дубовича: Hierarchia, str. 221—223; но съ датою: roku 7000 (1492), miesiąca Kwietnia, dnia 5, jedenastey Biegacey Indykty. А впослѣдствіи—упоминается и у другихъ уніатскихъ и іезуитскихъ писателей (*Кульш.* Wiara Praw. 186; *Стебельск.* Chronolog. 73). Въ польскомъ переводѣ граматы вел. князь литовскій Александръ названъ королемъ, хотя онъ въ 1497 г. еще не былъ королемъ: въ подлинникѣ, вѣроятно, стояло слово—βασιλευς, какъ могъ быть названъ и великій князь. Копія этой граматы патріарха Нифонта, на польскомъ же языкѣ, есть и въ архивѣ бывшихъ греко-уніатскихъ митрополитовъ, при Св. Синодѣ, съ датою: 1497 г., апрѣля 5, индикта 11 (См. Акты этого архива, книга I, № 1). О патріархѣ Нифонтѣ — *Phylipp. Cyrii* Chronicon Ecclesiæ Græcæ, pag. 376. 379. Надобно, однакожъ, помнить, что время жизни и правленія каждаго изъ тогдашнихъ цареградскихъ патріарховъ, по скудости и разногласію сохранившихся свѣдѣній, не можетъ быть опредѣлено съ точностію. Такъ, по нашей Супрасльской Рукописи, Нифонтъ патріаршествовалъ и въ 1496 году: потому что отъ него именно приходилъ тогда посолъ, келейный его старецъ Іоасафъ, къ митроп. Макарію (—стр. 142).

мѣстника, частнымъ путемъ, чрезъ нѣсколько рукъ, и представилъ государю самое это письмо. А въ письмѣ говорилось: «Здѣсь, у насъ, господине, произошла великая смута между латинами и нашимъ христіанствомъ. Въ нашего владыку смоленскаго дьяволъ вселился (удерживая за собою, по волѣ вел. князя, и смоленскую епархію, Іосифъ продолжалъ называться владыкою смоленскимъ и только *нареченнымъ* митрополитомъ кіевскимъ и всея Руси), и вмѣстѣ съ Сопѣгою отметникомъ (который, какъ мы уже знаемъ, былъ близкимъ родственникомъ Іосифу) они возстали на православную вѣру. Великій князь неволилъ государыню нашу, вел. княгиню Елену, въ проклятую латинскую вѣру; но государыню нашу Богъ научилъ, да помнила она науку государя отца своего, и она отказала мужу такъ: «помнишь, что обѣщалъ ты государю отцу моему, и я, безъ воли государя отца моего, не могу того сдѣлать; обошлюсь съ нимъ, какъ онъ меня научитъ». Да и все наше православное христіанство хотятъ окрестить: оттого наша Русь съ Литвой въ сильной враждѣ. Ты бы эту записку послалъ до государя: государь самъ того не знаетъ. Больше писать не смѣю; коли бъ было съ кѣмъ на словахъ пересказать». Замѣтимъ кстати, что Иванъ Сопѣга не напрасно названъ здѣсь *отметникомъ*: онъ еще въ 1492 г., находясь въ Римѣ, отступилъ отъ православія и принялъ латинство или унію съ римскою церковію ([84]). Получивъ такую

([84]) А. З. Р. I, № 155. Но здѣсь грамата несправедливо отнесена къ 1498 году: изложенное въ ней извѣстіе государь Ив. Васильевичъ получилъ именно 30 мая 1499 года, какъ значится въ посольской книгѣ (*Бантышъ-Каменск.* Переписка между Россіею и Польшею, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1860, IV, отд. II, 33). О Сопѣгѣ папа Иннокентій писалъ, въ 1492 г., къ польскому королю Яву Албрехту: venit ad urbem Romam dilectus filius Ioannes Sapiha, familiaris tuus, qui abiurata haeresi et illius pravitate deposita, ad catholicam

вѣсть о дѣйствіяхъ смоленскаго владыки Іосифа и отметника Сопѣги отъ лица, находившагося вблизи Елены, Иванъ Васильевичъ въ тотъ же день (30 мая) послалъ въ Литву боярскаго сына Ивана Мамонова и велѣлъ ему сказать Еленѣ наединѣ: «дошелъ до насъ слухъ, что мужъ твой, Александръ, нудитъ тебя и иныхъ людей отступить отъ своего греческаго закона къ римскому. Ты въ этомъ мужа своего не слушай; пострадай до крови и до смерти, но къ римскому закону не приступай, чтобы отъ Бога душею не погибнуть, а отъ насъ и всего православнаго христіанства не быть въ проклятіи, и сраму отъ иныхъ вѣръ православію не дѣлай. Извѣсти насъ обо всемъ этомъ, правда ли то, и мы тогда пошлемъ къ мужу твоему, зачѣмъ онъ дѣлаетъ противъ своего слова и обѣщанія». Тоже писала къ Еленѣ Ивановнѣ и мать Софья Ѳоминишна. Но едва Мамоновъ отправился, какъ въ Москву прибылъ (6 іюня) гонецъ отъ Александра съ извѣстіемъ, что Елена Ивановна занемогла. И Иванъ Васильевичъ послалъ (10 іюня) въ Вильну другаго боярскаго сына, Андрея Кутузова, чтобы онъ развѣдалъ подробно о болѣзни Елены, а такъ же передалъ ей граматки отъ отца и матери, въ которыхъ они снова убѣждали дочь свято хранить греческую вѣру и тѣмъ заслуживать Божія и ихъ родительскаго благословенія. Въ августѣ прибыли въ Москву литовскіе послы, маршалокъ Станиславъ Глѣбовичь и писарь Иванъ Сопѣга, для переговоровъ по дѣламъ политическимъ; но и во время этихъ переговоровъ Иванъ Васильевичъ сказалъ посламъ черезъ своихъ бояръ: «Александръ теперь дочь нашу нудитъ

fidem et unionem sanctæ nostræ ecclesiæ rediit, et nunc nostra benedictione habita, ad te reverti statuit... (*Iaroszewicza* Obraz Litwy II, str. 33. 181, Wilno, 1844).

къ римскому закону, и тѣмъ явно показываетъ, что онъ добраго житія съ нами не хочетъ»; а отпуская пословъ, самъ наказалъ имъ передать Александру, чтобы онъ не принуждалъ своей жены къ перемѣнѣ вѣры, если не желаетъ «нежитья» съ нимъ (85).

Въ началѣ 1500 г. получены были въ Москвѣ новыя извѣстія о покушеніяхъ Іосифа, вмѣстѣ съ латинянами, къ совращенію православныхъ. «Прислалъ, повѣствуетъ лѣтописецъ, къ вел. кн. Ивану Васильевичу бить челомъ, князь Семенъ Ивановичъ Бѣльскій о томъ, чтобы пожаловалъ его и принялъ на службу съ его вотчиною, а сказывалъ, что на нихъ, въ Литвѣ, пришла великая нужда о греческомъ законѣ: посылалъ-де вел. кн. Александръ къ своей вел. кн. Еленѣ *отметника* православныя вѣры *Іосифа*, владыку смоленскаго, да *бискупа своего виленскаго и чернецовъ Бернардиновъ*, чтобы приступила къ римскому закону, да и къ князьямъ русскимъ посылалъ, и къ виленскимъ горожанамъ, и ко всей Руси, которые держатъ греческій законъ, и нудятъ ихъ приступить къ закону римскому». Иванъ Васильевичъ принялъ къ себѣ на службу князя Бѣльскаго, прибывшаго въ Москву 12 апрѣля, и тогда же послалъ боярскаго сына Димитрія Загряжскаго сказать Александру: «въ докончальныхъ граматахъ записано, чтобъ намъ князей служебныхъ съ отчинами не принимать на обѣ стороны; но когда всѣмъ православнымъ въ Литвѣ пришла такая нужда о греческомъ законѣ, которой напередъ отъ твоего отца и предковъ не бы-

(85) *Бантышъ-Каменск.* Переп. между Росс. и Польшею, тамъ же стр. 33—34; *Карпов.* Исторія борьбы москов. государства съ польско-литовскимъ, II, 45—46. 56, Москв. 1867.

вало, то мы, ради той нужды, приняли князя Семена въ службу съ отчиною: то бы тебѣ было вѣдомо, и ты бы въ отчину нашего слуги не вступался и людямъ его обиды и силы не дѣлалъ». Вслѣдъ за Бѣльскимъ въ томъ же мѣсяцѣ апрѣлѣ били челомъ московскому государю и были приняты имъ князья — Семенъ Ивановичъ Можайскій и Василій Ивановичъ Шемяка съ богатыми волостями, первый съ Черниговомъ, Стародубомъ, Гомелемъ, Любичемъ; послѣдній съ Рыльскомъ и Новгородомъ-Сѣверскимъ, и менѣе значительные князья — Трубчевскіе, Мосальскіе, Хотетовскіе и другіе: всѣ они жаловались, что пришла на нихъ въ Литвѣ нужда о греческомъ законѣ. Литовскій вел. князь Александръ прислалъ (23 апр.) въ Москву своихъ пословъ и говорилъ, черезъ нихъ, своему тестю: «Бѣльскій тебѣ не умѣлъ правды повѣдать; онъ лихой человѣкъ и нашъ измѣнникъ, мы его уже три года и въ глаза не видали. У насъ, по милости Божіей, въ литовскомъ великомъ княжествѣ много князей и пановъ греческаго закона, получше того измѣнника; а никого и никогда, силою и нуждою, ни предки наши, ни отецъ, ни мы къ римскому закону не приводили и не приводимъ. Такъ ты бы, братъ нашъ, держалъ крестное цѣлованіе, данное намъ, а Бѣльскаго и другихъ нашихъ измѣнниковъ намъ выдалъ». На это Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ посламъ: «какъ же онъ не нудитъ къ римскому закону, когда къ нашей дочери, да и къ князьямъ и панамъ русскимъ и ко всей Руси, посылаетъ, чтобъ приступили къ римскому закону? А нынѣ учинилъ еще новое насиліе Руси, какого прежде при его отцѣ и предкахъ не бывало: сколько повелѣлъ онъ поставить *божницъ* римскаго закона въ *русскихъ городахъ*—Полоцкѣ и другихъ! Да *жонъ* отъ мужей отнимаютъ, *дѣтей* отъ родителей и *силою окрещиваютъ* въ римскій законъ: такъ-то ли онъ не нудитъ Руси къ римскому закону?... Про Бѣльскаго же вѣдомо дополна про то дѣло, что онъ, не желая быть отступникомъ отъ греческаго закона и потерять своей головы, перешелъ служить къ намъ съ своею отчиною: въ чемъ же тутъ его измѣна?» Вслѣдъ за тѣмъ Иванъ Васильевичъ отправилъ въ Вильну своего гонца, Ивана Телешова, увѣдомить Александра о принятіи въ московскую службу князей Можайскаго и Шемячича, ради притѣсненій ихъ въ вѣрѣ, и Александръ вновь увѣрялъ, что никакого притѣсненія не было, что не посылалъ къ нимъ ни бискупа виленскаго Войтеха, ни нареченнаго митрополита кіевскаго и всея Руси, владыку смоленскаго Іосифа, что князья эти измѣнники и проч. Вмѣстѣ съ Телешовымъ послалъ Иванъ Васильевичъ къ Александру Аѳанасія Вязмитина съ складною граматою, т. е. съ объявленіемъ войны. Въ граматѣ было сказано: «вел. князь Александръ по докончанью не правитъ, вел. княгиню Елену, князей и пановъ рускихъ къ римскому закону нудитъ; по этому вел. кн. Иванъ Васильевичъ складываетъ съ себя крестное цѣлованіе и за христіанство хочетъ стоять, сколько Богъ ему поможетъ». Война дѣйствительно началась: 3-го мая выступила изъ Москвы въ литовскую землю первая рать подъ начальствомъ Якова Захарьевича, и взяла города Брянскъ, — при чемъ взятъ былъ и владыка брянскій и отправленъ въ Москву, — и Путивль; другая рать съ воеводою Юріемъ Захарьевичемъ направилась къ Дорогобужу и завладѣла имъ; на помощь Юрію выслана была еще третья рать—сила тверская подъ начальствомъ князя Даніила Щени. Всѣ эти вое-

воды московскіе встрѣтились съ литовскимъ войскомъ, бывшимъ подъ начальствомъ великаго гетмана князя Константина Ивановича Острожскаго, на Митьковомъ полѣ, у рѣки Ведроши, 14 іюля, и одержали совершенную побѣду; самъ князь Острожскій и множество другихъ вождей и пановъ взяты въ плѣнъ и отправлены въ Москву. Радость въ Москвѣ была великая ([86]).

Между тѣмъ, какъ происходили всѣ эти сношенія великихъ князей, московскаго и литовскаго, окончившіяся войною, въ Вильнѣ подготовлялось и совершилось мирное церковное торжество. Прибылъ изъ Царьграда отъ патріарха Іоакима (1499—1504) посолъ, крестопосецъ Авраамій, и въ 10 день мая 1500 г., съ благословенія патріарха, поставили митрополитомъ кіевскимъ и всея Руси Іосифа, епископа смоленскаго, литовскіе епископы—Лука полоцкій, Кириллъ луцкій и Вассіанъ туровскій: такимъ образомъ обѣщаніе вел. кн. Александра, данное Іосифу за его ревность къ уніи, окончательно исполнилось ([87]). Послѣ того Іосифъ рѣшился сдѣлать дальнѣйшій шагъ къ избранной имъ цѣли: 20 августа онъ написалъ грамату къ папѣ Александру VI, безъ сомнѣнія, по со-

([86]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 45; VIII, 238 — 239; Ник. Лѣт. VI, 160; А. З. Р. I, №№ 179. 180; *Бантышъ-Каменск.* Переписка между Р. и П., тамъ же 35—37; *Карпов.* Истор. борьбы... II, 57. 63. Трудно повѣрить, чтобы князья Шемячичь и Можайскій, бывшіе прежде заклятыми врагами московскаго вел. князя, рѣшились, безъ особенно-важной причины, какова—притѣсненіе за вѣру, перейти подъ власть Москвы.

([87]) Супрасл. Рукоп., стр. 147; П. Собр. Р. Лѣт. VI, 45; VIII, 238. Въ одномъ рукописномъ Сборникѣ XVI—XVII в. помѣщено Исповѣданіе, которое будтобы произнесъ смоленскій епископъ Іосифъ предъ поставленіемъ его въ митрополита, въ 1500 году. Но оно не можетъ быть признано подлиннымъ: потому что Іосифъ даетъ здѣсь обязательство повиноваться не Іоакиму патріарху, какъ слѣдовало бы, а Нифонту (Опис. рукоп. М. Синод. библіот. II, 3, стр. 768—769).

вѣту виленскаго епископа Альберта Войтеха и съ соизволенія великаго князя, которые и съ своей стороны написали о томъ же къ папѣ. При чтеніи граматы Іосифа нельзя не чувствовать, что онъ имѣлъ подъ руками подобную же грамату митрополита Мисаила, писанную въ 1476 г. къ папѣ Сиксту IV, потому что не только повторяетъ изъ нея мысли, но нѣкоторыя выражаетъ даже тѣмиже словами и оборотами рѣчи, хотя вообще грамата Іосифа несравненно короче. Прежде всего онъ изображаетъ, весьма подробно и многословно, величіе папы; называетъ его единственнымъ свѣтильникомъ всего міра и церкви, достойнѣйшимъ викаріемъ Христа; прилагаетъ къ папѣ (какъ мы видѣли и въ Мисаиловой граматѣ) сказанное св. апостоломъ о Христѣ: *таковъ намъ подобаше архіерей.., безскверненъ, отлученъ отъ грѣшникъ* (Евр. 7, 26); говоритъ (по примѣру тойже граматы), что папа—второй Моусей, славнѣе и выше Аарона и Самуила, Давида и Соломона, и что никакое слово человѣческое не можетъ достойно восхвалить и прославить его и т. д. Затѣмъ продолжаетъ: «я вѣрую и исповѣдую, что ты пастырь всѣхъ вѣрующихъ и глава вселенской церкви и всѣхъ св. отцевъ и патріарховъ. Предъ тобою мы смиренно склоняемъ главы наши со всею покорностію доброй воли, не по принужденію или необходимости, но по усердію вѣры и сердечной любви; желаемъ отъ твоей святыни святѣйшаго благословенія, потому что тебѣ преданы ключи царства небеснаго и власть вязать и рѣшить. Посему отнынѣ мы молимъ твою святыню (изъ Мисаиловой граматы), будь милостивъ къ намъ, живущимъ далече въ сѣверныхъ странахъ, гдѣ области Россіи, подъ обрядомъ и уставомъ восточной церкви, содержащимъ св. седмь вселенскихъ соборовъ, а съ ними такъ же

и осмой, флорентійскій.... Мы вѣруемъ во единаго Бога Отца, вседержителя..., и во единаго Господа Іисуса Христа...., по никейскому символу. Вѣруемъ и Духа Святаго, исходящаго отъ Бога Отца, такъ же (similiter) и отъ Сына единымъ дуновеніемъ.... О прочемъ,—заключаетъ митрополитъ,—мы не пишемъ твоей святынѣ, а поручаемъ пересказать нашему сыну и брату и родственнику Ивану Сопѣгѣ, отъ котораго и просимъ выслушать всѣ наши просьбы. Мы увѣрены, повергаясь предъ тобою на землю и цѣлуя ноги твои, что ты исполнишь желаніе сердца нашего, утѣшишь насъ, пребывающихъ въ скорби и не отвергнешь прибѣгающаго подъ твое покровительство» (88). Папа, однакожъ, не удостоилъ Іосифа своего отвѣта, и только чрезъ восемь мѣсяцевъ написалъ—сперва (28 апрѣля 1501 г.) къ виленскому епископу Альберту Войтеху, а потомъ (7 мая) и къ вел. князю Александру.

«Великую радость, — начинаетъ папа свою грамату къ епископу,—принесло мнѣ твое письмо, въ которомъ ты извѣщаешь о твоей пламенной ревности и крайнемъ усердіи въ приведеніи къ единству римской церкви народовъ, обитающихъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ и особенно въ митрополіи кіевской и всея Россіи (а в. кн. Александръ и его послы постоянно увѣряли московскаго государя, будто Войтехъ никого изъ православныхъ не обращалъ!), и говоришь, что лучшаго случая къ тому не можетъ быть, какъ настоящій, когда самъ Іоаннъ-Іосифъ, признаваемый кіевлянами и всѣми русскими за пастыря и вождя, предложилъ тебѣ готовность покориться римской церкви и, насколько достанетъ силъ, при-

(88) Грамата или посланіе митроп. Іосифа къ папѣ Александру VI напечатана у *Тейнера*—Vetera Monum. Poloniæ et Lituaniæ, II, № 296, pag. 267.

вести къ ней и другихъ изъ названныхъ народовъ по смыслу флорентійскаго собора,—о чемъ онъ отнесся и къ намъ чрезъ свое письмо и посла. Посему просишь, чтобы мы выслушали посла—Ивана Сопѣгу, и дали тебѣ отвѣтъ, какъ поступать въ этомъ дѣлѣ». Въ отвѣтѣ своемъ, восхваляя ревность епископа по вѣрѣ, папа говоритъ, что хотя онъ вѣритъ искреннему желанію Іоанна-Іосифа покориться римской церкви и весьма желалъ бы, чтобы съ нимъ покорились и другіе, но, зная непостоянство дѣлъ человѣческихъ и какъ много въ мірѣ соблазновъ, считаетъ нужнымъ соблюдать большую осторожность, и потому посылаетъ книгу опредѣленій флорентійскаго собора, чтобы епископъ внимательно обслѣдовалъ, подъ какимъ условіемъ Іосифъ и другіе русскіе желаютъ покориться римской церкви и какъ понимаютъ они и исповѣдуютъ эти опредѣленія. «Мы получили, продолжаетъ папа, извѣстіе, что они ни въ символѣ вѣры, ни при совершеніи церковныхъ службъ вовсе не исповѣдуютъ исхожденія Св. Духа и отъ Сына. Намъ такъ же донесено, что таинство евхаристіи они совершаютъ на квасномъ хлѣбѣ подъ формою незаконною и недостойною, и для преложенія въ кровь употребляютъ не вино, а другую жидкость, и, смѣшавъ оба вида тѣла и крови, подъ обоими пріобщаютъ даже младенцевъ. Мы слышали, что они не согласны съ соборомъ флорентійскимъ относительно чистительнаго огня въ чистилищѣ и молитвъ за умершихъ. Мы узнали еще, будто названные народы дерзко отвергаютъ, что апостолъ Петръ получилъ отъ Господа первенство надъ всею церковію и власть вязать и рѣшить, и что римскій первосвященникъ есть преемникъ ап. Петра, викарій Христа, глава церкви. Надобно, наконецъ, внимательно разсмотрѣть, какъ

совершаютъ они таинства, подъ какою формою и матеріею, чрезъ какихъ священнослужителей, и не отвращаются ли они пользующихся таинствами по обряду римской церкви, не удаляютъ ли ихъ изъ своихъ церквей, не избѣгаютъ ли общенія съ ними», Переходя къ просьбамъ, выраженнымъ посломъ митрополита Іосифа, Иваномъ Сопѣгою, папа пишетъ: «Сопѣга просилъ насъ, чтобы мы рекомендовали Іосифа нашему сыну, князю литовскому Александру, какъ истиннаго архіепископа-митрополита и примаса, по обряду греческому, и предоставили ему власть раздавать индулгенціи и грекамъ и латинянамъ, присутствующимъ при его богослуженіи. Мы охотно исполнили бы желаніе Іосифа, еслибы были убѣждены, что онъ отъ искренняго сердца обращается къ нашей вѣрѣ. Кромѣ того, извѣстно, что цареградскій патріархъ, подъ властію котораго состоитъ кіевскій митрополитъ, вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ проживаетъ при римской церкви (разумѣется, патріархъ уніатскій), и мы не знаемъ, какъ могъ Іосифъ, безъ его и моего согласія, достигнуть кіевской митрополіи. А потому не иначе можемъ исполнить его просьбу, какъ если онъ, отвергшись отъ поставленія или посвященія на означенную митрополію, полученнаго имъ отъинуды (т. е. отъ православнаго цареградскаго патріарха), приметъ поставленіе отъ насъ и апостольскаго престола. Просилъ такъ же насъ Сопѣга, чтобы крещенныхъ по обряду греческому не перекрещивать, когда они соединяются съ римскою церковію: эту просьбу мы постараемся исполнить, когда объяснятъ намъ, подъ какою формою и чрезъ какихъ священнослужителей они были крещены. Еще просилъ Сопѣга о разрѣшеніи строить каменныя церкви греческаго обряда (значитъ, запрещеніе строить эти

церкви дано было не безъ соизволенія папы) и о томъ, чтобы допускались въ общеніе съ римскою церковію желающіе держаться греческаго обряда: когда мы удостовѣримся, что они хранятъ опредѣленія флорентійскаго собора и ни въ совершеніи таинствъ, ни въ членахъ вѣры не разнятся съ римскою церковію, тогда,—пусть знаютъ,—мы съ любовію примемъ ихъ въ лоно римской церкви». Подъ конецъ своего письма папа наказывалъ епископу Войтеху убѣждать Іосифа и другихъ съ нимъ, чтобы они обратились къ римской церкви, послѣдуя своимъ отцамъ, бывшимъ на флорентійскомъ соборѣ, и поручалъ собрать возможно-точныя свѣдѣнія, въ чемъ разнятся русскіе обряды отъ латинскихъ, и доставить въ Римъ (89).

Въ посланіи къ вел. князю литовскому Александру папа извѣщаетъ князя, что получилъ его рекомендательное письмо объ Іосифѣ, митрополитѣ кіевскомъ, и что такъ же и посолъ его-князя Вителлій и посолъ самаго Іосифа Сопѣга весьма хвалятъ его, какъ способнаго привести ввѣренный ему народъ къ покорности римской церкви по опредѣленію флорентійскаго собора. Но имѣя въ виду,—продолжаетъ папа,—что «такого рода приведеніе, по опредѣленію названнаго собора, *столь часто предпринималось и столько разъ прерывалось* (saepius tentata et toties interrupta existit: вотъ свидѣтельство самаго папы о томъ, что доселѣ у насъ были только попытки къ уніи, оканчивавшіяся ничѣмъ, а самой уніи еще не было!). мы, дабы не поступить легкомысленно, хотѣли послать къ тебѣ нашего нунція, который бы поразсудилъ съ тобою объ

(89) Грамата папы къ еписк. Войтеху напеч. у *Тейнера* тамъ же № 300, р. 280.

этомъ дѣлѣ. Посолъ твой, однакожъ, упросилъ насъ помедлить посылкою нунція, чтобы чрезъ нее не вооружить противъ тебя московскаго князя, и мы отлагаемъ ее, пока ты не извѣстишь насъ о болѣе удобномъ къ тому времени. А теперь поручаемъ тебѣ передать Іосифу и другимъ съ нимъ, что желаніе ихъ обратиться къ нашей церкви намъ весьма пріятно, и мы молимъ Бога о сохраненіи въ нихъ этого желанія, пока не откроется возможность его исполнить. О томъ же, чтобы утвердить Іосифа въ его достоинствѣ, даровать ему право раздачи индулгенцій и *разрѣшить строеніе русскихъ каменныхъ церквей*, благовременно будетъ подумать тогда, когда мы ясно уразумѣемъ, какъ онъ поставленъ. Нынѣ нѣтъ *иного цареградскаго патріарха*, кромѣ достопочтеннаго брата нашего Іоанна, епископа портуенскаго, кардинала св. Ангела, и мы не знаемъ, какимъ образомъ намъ и святѣйшему престолу признать поставленіе на митрополію, совершенное *еретикомъ* Іоакимомъ, который возведенъ на цареградскую каѳедру святотатственною рукою турецкаго тирана (вотъ какъ смотрѣли папы на православныхъ патріарховъ, жившихъ въ Царьградѣ!). Впрочемъ, если Іосифъ согласенъ принять опредѣленія флорентійскаго собора, признать и другіе вселенскіе соборы и не разниться ни въ чемъ отъ католической вѣры, удерживая только греческую обрядность, дозволенную церковію на вселенскихъ соборахъ; если онъ обѣщаетъ и будетъ содѣйствовать, чтобы и весь русскій народъ принялъ флорентійскій соборъ и отрекся отъ своихъ заблужденій, осужденныхъ вселенскими соборами, тогда мы простимъ Іосифу прежнія его согрѣшенія и утвердимъ его, или сами, или чрезъ цареградскаго патріарха Іоанна, въ митрополитскомъ достоинствѣ.

Когда онъ и другіе съ нимъ примутъ всѣ члены—объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, о приматствѣ папы, о чистилищѣ, о наградахъ и наказаніяхъ по смерти, мы дозволимъ тогда и не перекрещивать крещенныхъ въ третьемъ лицѣ по обряду греческому, и совершать евхаристію на квасномъ хлѣбѣ и подъ обоими видами преподавать ее мірянамъ, и священникамъ греческимъ имѣть своихъ женъ. Все это передай Іосифу и обсуди съ виленскимъ епископомъ, и свои соображенія сообщи намъ, чтобы мы или прислали нунція, или поручили виленскому епископу совершить полное присоединеніе Іосифа и другихъ съ нимъ» ([90]).

Вслѣдъ за посланіями о митрополитѣ Іосифѣ слалъ папа въ Литву свои граматы и о великой княгинѣ Еленѣ. Въ граматѣ къ вел. кн. Александру (8 іюля 1501 г.), восхваляя его ревность и стараніе объ обращеніи русскихъ отъ схизмы къ римской вѣрѣ (а предъ государемъ московскимъ Александръ отвергалъ это!), папа пишетъ: «по словамъ посла твоего, ты далъ клятву своему тестю никогда не принуждать Елену къ римской вѣрѣ и даже, еслибы она сама захотѣла, не дозволять того, и ты уже пять лѣтъ честно исполняешь обѣщаніе, самъ не принуждая жены; но другіе, свѣтскіе и духовные, сколько ни убѣждаютъ, ее (и это отвергалъ Александръ предъ московскимъ государемъ!), она остается непреклонною. Поэтому ты спрашиваешь нашего совѣта, что тебѣ дѣлать. Мы хочемъ и обязываемъ тебя, чтобы ты, не смотря на данныя обѣщанія и клятвы, отъ которыхъ тебя освобождаемъ, позаботился еще побудить свою жену къ принятію римской вѣры. Если же Елена опять не согласится, то мы поручаемъ вилен-

([90]) Тамъ же № 303, р. 283.

скому епископу, чтобы онъ убѣждалъ ее и, въ случаѣ нужды, принуждалъ мѣрами церковнаго исправленія и другими законными средствами; а если и за тѣмъ останется непреклонною, то отлучилъ бы ее отъ сожительства съ тобою и совершенно удалилъ отъ тебя». Виленскому епископу Войтеху, дѣйствительно, тогда же (8 іюля) послана была отъ папы особая грамата съ полномочіемъ убѣждать Елену, и когда не покорится, совершенно отлучить ее отъ мужа, удалить изъ его дома и все ея имущество объявить конфискованнымъ. Такую же грамату чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ (26 ноября) послалъ папа и къ кардиналу Польши Фридриху (это былъ родный *братъ* вел. князя Александра литовскаго, архіепископъ краковскій), поручая ему, въ случаѣ непреклонности Елены, объявить ей, что съ нею будетъ поступлено по формѣ церковнаго суда, и она будетъ наказана, сколько заслуживаетъ ея упорство въ заблужденіяхъ ([91]).

Тогда же принимаемы были мѣры для привлеченія и вообще православныхъ къ покорности римскому престолу. Въ Вильнѣ существовалъ уже съ 1468 г. монастырь Бернардиновъ, которые и трудились теперь въ дѣлѣ латинской пропаганды между русскими. В. к. Александру захотѣлось еще основать въ Вильнѣ домъ или монастырь для монаховъ доминиканскаго ордена, занимавшихся преимущественно проповѣдію католицизма и потому носившихъ имя проповѣдниковъ (praedicatores), чтобы они направили свою проповѣдь противъ мѣстныхъ схизматиковъ и еретиковъ и обращали ихъ въ латинство. Папа разрѣшилъ это (9 іюля 1501 г.), и монастырь доминиканскій, дѣйствительно, былъ основанъ въ Вильнѣ при

([91]) Тамъ же №№ 310. 311. 312. p. 288—290.

церкви Св. Духа, бывшей приходскою, и получилъ разныя угодья. Войтехъ, епископъ виленскій, выпросилъ себѣ у вел. кн. Александра право *свѣтскаго меча* (gladii secularis), для того будтобы, чтобы пользоваться имъ въ защиту себя, своего духовенства и своихъ церковныхъ имѣній отъ нападеній и обидъ со стороны иновѣрцевъ — татаръ, армянъ, русскихъ схизматиковъ и другихъ, но, разумѣется, и для того, чтобы побуждать ихъ къ принятію латинства. Папа утвердилъ (9 іюля 1501 г.) за епископомъ это право свѣтскаго меча. Въ 10 день сентября тогоже года изданъ папою декретъ и относительно крещенія православныхъ. Получивъ извѣстіе,— говорилось въ декретѣ, — что *нѣкоторые* русскіе великаго княжества литовскаго, живущіе въ областяхъ виленской, кіевской, луцкой, жмудской и другихъ мѣстахъ, желали бы отказаться отъ своихъ греческихъ заблужденій и принять католичество, но не хотятъ вновь креститься, папа, на основаніи флорентійскаго собора, объявляетъ: не перекрещивать никого изъ крещенныхъ и по греческому обряду, въ третьемъ лицѣ (*крещается* рабъ Божій...), и не возбранять имъ держаться своей церковной обрядности, если только они напередъ отрекутся отъ всѣхъ своихъ заблужденій и обрядовъ, несогласныхъ съ римскою церковію и ея обрядомъ ([92]).

Сколько, однакожъ, ни заботились и самъ папа и ревнители папства о насажденіи уніи въ Литвѣ, чего ни придумывали и ни предпринимали, ихъ намѣреніямъ въ настоящій разъ не суждено было осуществиться. Главное лице, на которое преимущественно разсчитывали въ этомъ дѣлѣ, митро-

([92]) Тамъ же №№ 317. 318. 319, p. 293 — 295; *Kraszewsk.* Wilno, II, str. 351.

политъ Іосифъ скоро скончался. По словамъ русской лѣтописи, «на него Богъ посла недугъ — разслабу, и поставленъ бысть на митрополію въ томъ недугѣ, нездравъ, и едино лѣто бывъ въ томъ сану, и измѣнися живота», такъ что кончину его слѣдуетъ относить или къ половинѣ, или не далѣе послѣднихъ мѣсяцевъ 1501 года ([93]). Великая княгиня Елена, примѣръ которой, въ случаѣ измѣны ея православію, могъ бы оказать огромное вліяніе на всѣхъ православныхъ въ Литвѣ, оставалась непоколебимою и, не смотря на то, не была удаляема отъ своего мужа, вопреки приказанію папы. Она находилась при мужѣ и въ Краковѣ, столицѣ Польши, послѣ того, какъ Александръ, среди величайшаго торжества, былъ коронованъ (1 дек. 1501 г.) на польскій престолъ роднымъ своимъ братомъ, кардиналомъ Фридрихомъ, краковскимъ архіепископомъ, и даже пользовалась православнымъ богослуженіемъ, отправлявшемся для нея въ палатахъ короля, хотя и неудостоена чести быть коронованною вмѣстѣ съ мужемъ потому именно, что «упорно держалась вѣры греческой и не подавала никакой надежды на лучшее, а отъ уставовъ римской церкви совершенно отвращалась» ([94]). Этого мало; прежде (въ ноябрѣ 1497 г.), Елена жаловалась отцу, что мужъ, несмотря на ея просьбы, не даетъ ей никакихъ волостей, которыя были за прежними литовскими вел. княгинями, ссылаясь

([93]) П. Собр. Р. Лѣт. VI, 45; VIII, 238.

([94]) Helenæ vero, uxori eius (Alexandri), diadema denegatum est, eo quod mordicus græcorum religioni adhæreret, nec filia meliorem spem de se dabat, ab institutisque romanæ ecclesiæ prorsus abhorrebat (*Sarnicii* Annal. Polonic. lib. VII, ad an. 1501, in *Dlugoss.* Histor. Polon. II, p. 1191, Lips. 1712). Тоже—*Koialowicz*, Hist. Lituan. II, p. 292, Antverp. 1669; П. Собр. Р. Лѣт. II, 363.

на то, что отецъ ея позабралъ у него много городовъ и волостей; теперь, именно въ 1501 г., Александръ пожаловалъ своей женѣ первыя имѣнія въ могилевской области: Княжиче, Смольняны и другія ([95]). О употребленіи же строгихъ мѣръ противъ Елены, какія предписывалъ папа виленскому епископу Войтеху и краковскому архіепископу Фридриху, конечно, и не думали. Отца ея въ Литвѣ теперь очень боялись, и не только не хотѣли раздражать болѣе, а старались какбы предрасположить въ свою пользу. Уже послѣ первой, т. е. ведрошской, побѣды московскихъ войскъ надъ литовскими, Александръ началъ помышлять о примиреніи съ своимъ тестемъ, и съ этою цѣлію обратился къ роднымъ своимъ братьямъ: Владиславу королю венгерскому и Альбрехту королю польскому, прося ихъ помощи и посредничества. Любопытны слова литовскаго посла, какими убѣждалъ онъ венгерскаго короля отъ имени Александра: «ваша королевская милость должны подать помощь нашему государю не только по кровному родству, но и ради св. вѣры христіанской, которая насаждена и утверждена въ литовской землѣ трудами дѣда вашего короля Владислава-Ягайла. Съ тѣхъ поръ и до нынѣ Русь покушается исказить и искоренить ее, не только Москва, но и нѣкоторые паны изъ подданныхъ нашего государя: возставали они противъ отца вашего, Казиміра, и не ради чего либо другаго, а ради св. вѣры; по тому же возстали они теперь и противъ васъ, сыновей его. Нѣкоторыхъ изъ нихъ государь нашъ казнилъ, а другіе убѣжали къ московскому кня-

([95]) *Danilowicz*, Scarbiec diplomatow..., II, № 2136; А. З. Р. I, примѣч. 121. Имѣніе Смольняны прежде принадлежало князю Семену Бѣльскому; а когда онъ передался московскому государю, отдано было Александромъ его супругѣ Еленѣ (А. З. Р. II, № 118).

© ГПБ РАН

зю, который, вмѣстѣ съ ними, и объявилъ намъ войну, ссылаясь на то, будтобы у насъ, по дошедшимъ до него слухамъ, нѣкоторые князья и другіе подданные русской вѣры были принуждены къ римской вѣрѣ». Такимъ образомъ выходитъ, что со временъ Ягайлы въ Литвѣ не русскихъ тѣснили за православную вѣру, не ее хотѣли искоренить, а напротивъ сами русскіе покушались искоренить латинскую вѣру и для того возстали противъ Казиміра и Александра! (96). Въ генварѣ 1501 г. дѣйствительно прибыли въ Москву послы отъ королей венгерскаго и польскаго съ ходатайствомъ о мирѣ. Иванъ Васильевичъ сказалъ имъ, что и самъ не радъ войнѣ съ зятемъ, что ее вызвали притѣсненія за вѣру его дочери Еленѣ и вообще православнымъ въ Литвѣ, которыхъ вздумали насильно обращать къ латинству, и изъявилъ готовность къ начатію мирныхъ переговоровъ. А литовскому послу Нарбуту, тогда же прибывшему и вздумавшему, по обычаю, отвергать дѣйствительность этихъ притѣсненій, Іоаннъ отвѣчалъ подробнымъ ихъ перечисленіемъ и напомнилъ, какъ еще въ началѣ, когда пріѣхала въ Литву Елена, Александръ не позволилъ вѣнчать ее нареченному митрополиту кіевскому Макарію и никому изъ православныхъ владыкъ, не устроилъ для нея придворнаго храма, приставилъ къ ней пановъ и паней римскаго закона, а всѣхъ прибывшихъ съ нею бояръ и боярынь отослалъ назадъ, оставшихся при ней людей отъ нея удалилъ, и если она брала къ себѣ какую либо княжескую или боярскую дочь греческаго закона, то приказывалъ насильно перекрещивать ее въ латинство; затѣмъ напомнилъ, какъ посылалъ Александръ къ Еленѣ отметника—владыку смо-

(96) А. З. Р. I, № 188.

ленскаго, да бискупа виленскаго и Бернардиновъ, а такъ же и ко всѣмъ русскимъ, князьямъ, боярамъ, жителямъ Вильны, и прочимъ, для совращенія ихъ къ латинству; понастроилъ множество божницъ римскихъ въ Полоцкѣ и другихъ русскихъ городахъ, и приказывалъ отнимать женъ отъ мужей, дѣтей отъ отцевъ и окрещивать ихъ въ римскую вѣру. «А что ты говоришь,—прибавилъ Иванъ Васильевичъ,—будто Александръ не нудилъ нашей дочери и другихъ русскихъ къ римскому закону, то, вѣдь, это дѣлалось не тайно, а явно, и вѣдомо то и въ нашихъ земляхъ, и всей вашей Руси и латынамъ, что онъ посылалъ къ нашей дочери и ко всей Руси смоленскаго владыку, и бискупа, и чернецовъ Бернардиновъ. Да и ваши люди, которые у насъ въ плѣну (послѣ ведрошской побѣды), сказываютъ тоже». Впрочемъ и литовскому послу, отпуская его, московскій государь выразилъ свою готовность къ мирнымъ переговорамъ и согласіе принять пословъ, которыхъ желалъ прислать для того въ Москву Александръ. Но обѣщанныхъ пословъ Александръ не высылалъ, и Иванъ Васильевичъ, послѣ долгихъ напрасныхъ ожиданій, рѣшился продолжать войну. Въ ноябрѣ 1501 г. московскія войска пошли къ Мстиславлю, перебили здѣсь до семи тысячъ литовскаго войска, опустошили всю землю и, со множествомъ плѣнныхъ, возвратились въ Москву; а въ іюлѣ 1502 г. сынъ вел. князя Ивана Васильевича Димитрій отправился съ ратью къ Смоленску, и хотя не могъ взять Смоленска, но взялъ городъ Оршу и затѣмъ произвелъ страшныя опустошенія въ краяхъ между Сожью и Днѣпромъ, между Днѣпромъ и Двиной даже до Березины, выжегъ посадъ у Витебска и угрожалъ Полоцку. Тогда Александръ созналъ свое безсиліе противиться сво-

ему могущественному тестю, и началъ снова искать примиренія съ нимъ. Въ самомъ началѣ 1503 г. прибылъ въ Москву посолъ отъ папы и короля венгерскаго,—отъ того самаго папы Александра VI, который писалъ столько посланій въ Литву для совращенія православныхъ къ латинству и былъ, хотя и отдаленною, причиною происходившей теперь войны. Посолъ (Сигизмундъ Сантай) ходатайствовалъ именемъ папы, чтобы Іоаннъ примирился съ своимъ зятемъ и, вмѣстѣ съ нимъ и другими государями Европы, вооружился противъ турокъ. Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ, что виновникомъ войны — самъ Александръ, который вздумалъ принуждать свою жену и вообще русскихъ къ латинству, посылалъ къ нимъ для того отметника Іосифа митрополита, виленскаго бискупа и бернардиновъ и проч.; что противъ невѣрныхъ москвичи всегда стояли и хотятъ стоять, и что для примиренія съ Александромъ въ Москвѣ согласны принять его пословъ. Въ мартѣ дѣйствительно пріѣхали послы отъ Александра, польскіе и литовскіе, и, послѣ долгихъ переговоровъ, хотя не успѣли заключить вѣчнаго мира съ московскимъ государствомъ, но заключили перемиріе на шесть лѣтъ (отъ 25 марта 1503 г. до 25 марта 1509 г.) (97). Намъ нѣтъ нужды излагать, какъ происходили эти переговоры; остановимся лишь на томъ, что говорилось тогда относительно православной вѣры и принужденія Елены и другихъ православныхъ къ латинству въ Литвѣ.

Отпуская своихъ пословъ въ Москву для переговоровъ о мирѣ, Александръ далъ имъ наказъ: 1) Если заговорятъ о

(97) А. З. Р. I, №№ 186. 192, п. VI. XIV. XXX. XXXVII, стр. 233—235. 250. 257—260. 266—267; *Карамз.* VI, 189. 197.

построеніи церкви на сѣняхъ для королевы Елены и о княгиняхъ, паньяхъ и другихъ для нея слугахъ греческаго закона, то отвѣчать, что такого условія не было между нами при заключеніи брака; впрочемъ, княгинь и вообще слугъ для себя Елена избираетъ, безъ различія, изъ лицъ и греческаго закона и латинскаго, кого сама признаетъ болѣе къ тому годными. 2) Если московскій государь упомянетъ о принужденіи королевы къ римскому закону: отвѣчать, что мы никакимъ образомъ ее къ тому не принуждаемъ; но папа присылалъ къ намъ свои граматы о приведеніи ея къ покорности римскому костелу, много разъ совѣщался съ кардиналами и положилъ, что для этого не нужно вновь крестить королевы и всей Руси; пусть только покорятся апостольскому престолу, согласно съ флорентійскимъ соборомъ, а жить могутъ по обычаю греческому и имѣть греческихъ священниковъ. 3) Если скажутъ, что король принуждаетъ Русь къ римскому закону и строитъ римскія церкви въ русскихъ городахъ: отвѣчать, что король держитъ своихъ подданныхъ, какъ держалъ его отецъ Казиміръ; кто въ какомъ законѣ хочетъ жить, тотъ въ томъ и живетъ, и церкви, кто какія хощетъ, такія и строитъ, русскія ли или римскія. Прежде Руси не дозволено было строить церквей, а теперь король допустилъ имъ то. Король не вмѣшивается, какъ московскій держитъ своихъ подданныхъ въ вѣрѣ: не слѣдовало бы, кажется, и московскому вмѣшиваться, какъ держитъ король своихъ подданныхъ (98). Въ числѣ литовскихъ пословъ находился и канцлеръ королевы Елены, намѣстникъ бряславскій, Иванъ Сопѣга. Онъ привезъ ея письма къ отцу, матери и братьямъ. Въ письмѣ къ отцу она убѣж-

(98) А. З. Р. I, № 200.

дала и умоляла его прекратить кровопролитіе и примириться съ Александромъ, и, между прочимъ, говорила: «мужъ мой всегда держалъ и держитъ меня въ чести, въ жалованьи и въ любви, какъ надлежитъ доброму мужу; онъ даетъ мнѣ волю держаться своей вѣры и греческаго обычая, ходить по св. церквамъ, имѣть на своемъ дворѣ священниковъ, діаконовъ и пѣвцовъ, дозволилъ совершать для меня литургію и другія службы по уставу, какъ здѣсь въ литовской землѣ, такъ и въ коронѣ польской, въ Краковѣ и по всѣмъ польскимъ городамъ; вездѣ мнѣ полная свобода служить Господу Богу по обычаю и уставу св. греческой церкви.... Государь мой король, его мать, братья, паны и вся земля надѣялись, что со мною изъ Москвы пришло въ Литву все доброе, вѣчный миръ, кровная любовь, дружба, помощь на поганыхъ: а теперь видятъ всѣ, что со мною все лихо къ нимъ пришло: война, рать, взятіе и сожженіе городовъ и волостей, пролитіе христіанской крови, плѣнъ, плачь, вопль.... Вся вселенная не на кого другаго, только на меня вопіетъ, что кровопролитіе сталось отъ моего въ Литву прихода, будто я къ тебѣ пишу, привожу тебя на войну.... Сжалься надъ своею дочерью; возьми, по старому, любовь и дружбу съ братомъ и зятемъ своимъ: тогда ты не только мнѣ учинилъ бы веселіе, но и церквамъ Божіимъ благосостояніе, и святителямъ греческаго закона мирное совокупленіе, и всѣмъ людямъ греческаго и латинскаго закона радость, и мнѣ великое въ греческой вѣрѣ подтвержденіе». Послы Александра, исполняя его наказъ, сказали Ивану Васильевичу: «государь нашъ король не принуждалъ и не принуждаетъ твоей дочери ничѣмъ къ римскому закону; но когда онъ былъ еще на великомъ княже-

ствѣ въ Литвѣ, папа присылалъ къ нему, чтобы онъ велѣлъ своей княгинѣ быть послушной папѣ и ходить къ римскому костелу; а государь нашъ своей княгинѣ о томъ ни слова не говаривалъ. Когда же взяли его на польское королевство, папа опять прислалъ, чтобы государь нашъ велѣлъ своей королевѣ быть въ послушаніи папѣ и ходить къ римскому костелу; но на это государь еще не далъ отвѣта папскому послу... Папа, впрочемъ, не того хочетъ, чтобы она оставила свой греческій законъ и приступила къ римскому, а лишь того, чтобы она сдѣлалась послушною ему и была въ *соединеніи* (уніи) по флорентійскому собору». Въ частности, канцлеръ Елены Иванъ Сопѣга (который, вѣрно, былъ человѣкъ двуличный: потому что прежде, вмѣстѣ съ родственникомъ своимъ, митрополитомъ Іосифомъ, дѣйствовалъ противъ Елены, въ пользу уніи, а теперь говоритъ, повидимому, въ пользу Елены) передалъ Ивану Васильевичу, что она «въ законѣ греческомъ непоколебима и отъ мужа ей принужденія въ томъ мало, а много ей укоризнъ за греческій законъ отъ краковскаго архіепископа Фридриха (брата короля Александра), и отъ виленскаго бискупа, и отъ пановъ литовскихъ, которые говорятъ ей, будто она не крещена и другія неподобныя рѣчи; они-то возбуждали и папу писать къ Александру, чтобы онъ привелъ ее къ покорности римской церкви». Еще передавалъ Сопѣга, что пока мужъ Елены живъ и здоровъ, она не ожидаетъ себѣ никакого принужденія въ греческомъ законѣ; но когда мужа въ животѣ не станетъ, она опасается, какъ бы тогда архіепископъ и бискупы и паны не учинили ей принужденія, и потому проситъ отца, чтобы онъ потребовалъ отъ ея мужа новой утвердительной граматы о греческомъ законѣ, да

чтобы къ той граматѣ, кромѣ короля, приложили свои печати краковскій архіепископъ и виленскій епископъ. Самъ Иванъ Васильевичъ, и чрезъ канцлера Елены Сопѣгу, и въ письмѣ къ ней, посланномъ съ Сопѣгою, и чрезъ пословъ своихъ, отправлявшихся съ договорною граматою къ Александру, подробно объяснялъ своей дочери, что она несправедливо утверждаетъ, будто Александръ не дѣлалъ ей и всѣмъ русскимъ притѣсненія въ греческомъ законѣ, и что ей несправедливо говорятъ: мы надѣялись, что съ тобою въ Литву изъ Москвы пришло всякое добро, вѣчный миръ и любовь, а съ тобою пришло всякое лихо. «Нѣтъ, дочька,—писалъ отецъ,—то дѣло сталося не тобою, а неисправленіемъ твоего мужа... я чаялъ, что какъ ты къ нему придешь, то тобою всей Руси и греческому закону окрѣпленіе будетъ; а онъ, какъ ты пришла къ нему, началъ нудить тебя, да съ тобою и всю Русь, къ римскому закону». Всего же болѣе Іоаннъ убѣждалъ свою дочь, чтобы она помнила Бога и свое родство, стояла твердо въ греческомъ законѣ и пострадала за него даже до крови, еслибы пришлось, а къ римскому закону не приступала, папѣ не покорялась и не дѣлала безчестія своему роду, укоризны своему закону. «Но если, дочька, поползнешься, прибавлялъ вел. князь, и приступишь къ римскому закону, своею ли волею или неволею, то отъ Бога погибнешь душою, отъ насъ въ неблагословеніи будешь, а зятю своему мы того не спустимъ: *у насъ съ нимъ будетъ безпрестанная рать*». По утвержденіи договорной граматы, отпуская литовскихъ и польскихъ пословъ, Иванъ Васильевичъ наказывалъ имъ: «скажите отъ насъ брату нашему и зятю, чтобы онъ нашей дочери къ римскому закону не нудилъ ничѣмъ и держалъ ее, какъ далъ

намъ о ней свою грамату.... А если начнетъ онъ нудить нашу дочь къ римскому закону, то да будетъ ему вѣдомо: мы того ему не спустимъ и *будемъ стоять за то, сколько намъ Богъ пособитъ*». Тоже повторилъ московскій государь и самому Александру чрезъ своихъ пословъ, ходившихъ къ нему съ договорною граматою о заключенномъ перемиріи, и еще потребовалъ отъ него новой утвердительной граматы о непринужденіи Елены къ римскому закону, не только за его королевскою печатью, но и за печатями краковскаго архіепископа и виленскаго бискупа, хотя и неизвѣстно, далъ ли Александръ такую грамату (99).

Послѣ всего этого можно догадываться, какое значеніе должно было имѣть для западно-русской церкви заключенное теперь перемиріе между Іоанномъ III и Александромъ. Въ Литвѣ опытно теперь убѣдились, какъ велико могущество московскаго государя и какъ грозно стоитъ онъ за греческую вѣру, за православіе своей дочери и другихъ русскихъ литовцевъ, и не могли не понять, что онъ непремѣнно исполнитъ свои угрозы, если притѣсненія православнымъ въ Литвѣ не прекратятся или возобновятся. А за тѣмъ неизбѣжно должны были придти къ сознанію, что надобно измѣнить церковную политику и оставить всѣ затѣи о насильственномъ насажденіи и утвержденіи флорентійской уніи между литовскою Русью. Со времени настоящаго перемирія, дѣйствительно, эта политика въ Литвѣ значительно измѣнилась, и для западно-русской церкви насталъ иной, сравнительно-лучшій періодъ жизни.

Но обратимся къ другимъ дѣламъ, совершившимся въ этой

(99) А. Э. I, № 138, п. I. V; А. З. Р. I, № 192, п. LI. LII. LVI. LVIII. LIX. LX, стр. 293. 295. 300—305.

церкви при митрополитѣ Іосифѣ Болгариновичѣ или, вѣрнѣе, съ кончины предмѣстника его Макарія (1 мая 1497 г.) до заключенія перемирія между московскимъ государемъ и литовскимъ (25 марта 1503 г.). Къ концу XV в. положено начало Супрасльскому, впослѣдствіи знаменитому, монастырю. Основателемъ его былъ великій маршалъ княжества литовскаго, Александръ Ивановичъ Ходкевичь, исповѣдывавшій православную вѣру, а первымъ игуменомъ священноинокъ Пафнутій. Первоначально монашествующіе поселились-было въ имѣніи Ходкевича «Гродекъ» (нынѣ мѣстечко), тогда лѣсистомъ и пустынномъ, недалеко отъ истоковъ рѣки Супрасли, въ 35 верстахъ отъ Бѣлостока. Но какъ Ходкевичь вскорѣ построилъ тамъ укрѣпленный замокъ для жительства своего и своихъ слугъ, и мѣсто сдѣлалось люднымъ и шумнымъ, то, по просьбѣ иноковъ, онъ дозволилъ имъ переселиться на другое мѣсто въ его имѣніи, подъ названіемъ «Грудъ сухій», находившееся ниже на берегу тойже рѣки Супрасли въ лѣсной пущѣ, въ 16 верстахъ отъ Бѣлостока. Здѣсь-то въ 1500 г., по словамъ мѣстной записи, «дозволеніемъ вельможнаго пана Ходкевича», и «начася съзидати сій монастырь, вѣрою и любовію, желаніемъ и трудомъ многогрѣшнаго священноинока, игумена Пафнотія, родомъ изъ Бѣльска, и первие сооружися церковь не велика во имя св. Іоанна Богослова, и святися *наречennымъ* митрополитомъ Іосифомъ (слѣд. до 10 мая, когда онъ уже посвященъ въ митрополита), и трапеза на прихожденіе братій» ([100]). Такимъ образомъ, вопреки существовавшему за-

([100]). Супрасльскій Субботникъ—см. Рукописн. Отд. Виленск. публ. библ. I, стр. 16, Вильна 1871; Вилен. Археогр. Сборн. IX, стр. 1 — 3. 13 — 14. Самъ митрополитъ Іосифъ Солтанъ, въ своемъ уставѣ супрасльскому монастырю

прещенію, вновь сооружена въ 1500 г. православная, хотя и небольшая, церковь и даже освящена самимъ митрополитомъ: знакъ, что или православные паны, въ родѣ Ходкевича, вовсе не уважали этого запретительнаго закона въ своихъ имѣніяхъ, или самъ вел. князь Александръ, по ходатайству такихъ лицъ, какъ Ходкевичь, разрѣшалъ то, чего не хотѣлъ разрѣшить для своей супруги Елены, по настояніямъ московскаго государя.

Вел. князь Александръ не переставалъ давать граматы православнымъ церквамъ, монастырямъ и епископамъ. Въ 1497 г. (6 сент.) онъ пожаловалъ грамату кіевскому пустынно-николаевскому монастырю на выморочную пашенную землю на рѣкѣ Борщовнѣ. Въ 1598 г. (5 марта) подтвердилъ грамату своихъ предковъ и отца трокскому монастырю Рождества Пресв. Богородицы, основанному еще при Витовтѣ его супругою Іуліаніею, чтобы не вступались въ монастырь этотъ ни митрополитъ, ни другіе владыки, ни ихъ намѣстники, и не брали съ него никакихъ пошлинъ, и чтобы монастырь зналъ во всемъ только самаго вел. князя, какъ его подаванье ([101]). Въ 1498 г. (6 окт.) дозволилъ смоленскому владыкѣ Іосифу, нареченному митрополиту, купить населенное имѣніе Ярковичи съ условіемъ, однакожъ, чтобы оно не причислялось къ церковнымъ вотчинамъ и съ него отправляема была вел. князю земская служба. Въ 1499 г. подтвердилъ

(1510 г.), свидѣтельствуетъ, что первую церковь во имя св. Іоанна богослова освящалъ въ этомъ монастырѣ митрополитъ кіевскій Іосифъ; слѣд. какой-то другой, отличный отъ Іосифа Солтана (тамъ же, стр. 17).

([101]) А. З. Р. I, № 151; Собр. грам. Вильны, Ковно..., II, № 50, стр. 141. Здѣсь Александръ называется только еще великимъ княземъ, и индиктъ показанъ 1. Снес. тамъ же № 55, стр. 146.

грамату брянскаго и черниговскаго владыки Нектарія, предоставившаго *своему боярину* Григорію держать одно церковное сельцо съ угодьями, чтобы онъ служилъ за то брянскимъ владыкамъ. Въ 1500 г., въ уставной граматѣ городу Полоцку, опредѣлилъ, чтобы и живущіе тамъ люди владычные, монастырскіе и поповскіе вѣдались по магдебургскому праву и, вмѣстѣ со всѣми горожанами, платили серебщизну (подать серебромъ) вел. князю ([102]).

Болѣе замѣчательны двѣ граматы Александра, данныя имъ въ огражденіе духовенства, виленскаго и полоцкаго-соборнаго отъ ихъ епархіальныхъ владыкъ. По смерти митрополита Макарія, всѣ священники Вильны жаловались на него вел. князю, что онъ-митрополитъ ввелъ у нихъ многія новины, и именно: а) началъ брать съ нихъ *сборныя куницы* непомѣрно, а при прежнихъ митрополитахъ брали съ нихъ только по двадцати грошей за куницу; б) *подъѣздное* началъ брать съ нихъ за каждый пріѣздъ свой въ Вильну, и также не по мѣрѣ; а издавна митрополитъ пріѣзжалъ къ нимъ только однажды въ годъ и бралъ съ нихъ подъѣзднаго по золотому, да по бочкѣ меду; в) началъ брать себѣ половину того, что записывали христіане въ соборную церковь на поминовеніе своихъ родителей, а при прежнихъ митрополитахъ все то шло на священниковъ; г) бралъ на себя часть и изъ денегъ, которыя платились за молебны священникамъ въ тойже церкви, и которыя при прежнихъ митрополитахъ сполна шли на однихъ священниковъ; д) далъ отъ себя намѣстничество архимандриту троицкаго монастыря, а при прежнихъ митрополитахъ они-крылошане держивали намѣстничество, и е) между тѣмъ, какъ прежде если

([102]) А. З. Р. I, №№ 160. 168. 185.

кто желалъ быть погребеннымъ въ соборной церкви, митрополиты брали себѣ только плату за мѣсто для могилы, а чѣмъ прикрывался гробъ, камкою ли, или сукномъ, то все шло на священниковъ, Макарій и отсюда началъ брать себѣ половину. Священники—«попы соборной церкви» просили вел. князя, чтобы онъ отмѣнилъ всѣ перечисленныя новины. И Александръ своею граматою (5 февр. 1498) дѣйствительно отмѣнилъ новины и утвердилъ все по старому ([103]). Нельзя здѣсь не остановить вниманія на томъ, что, какъ показываетъ эта грамата, и въ западной нашей митрополіи главныя пошлины съ духовенства архіереямъ были тѣже самыя, что и въ митрополіи московской: *сборное и подъѣздъ*; что западные наши митрополиты постоянно не жили въ Вильнѣ, а пріѣзжали въ нее обыкновенно только однажды въ годъ, и что въ составъ архіерейскаго *крылоса*, существовавшаго при виленскомъ каѳедральномъ соборѣ, входили всѣ священники виленскихъ приходскихъ церквей, которые и совершали въ немъ, по очереди, священнослуженія, участвовали въ его церковныхъ доходахъ и назывались *крылошанами* и попами соборной церкви, какъ это было и въ другихъ епархіяхъ ([104]). Полоцкій епископъ Лука

([103]) А. З. Р. I, № 152. Здѣсь священники соборной церкви, между прочимъ, говорятъ, что граматы, данныя имъ прежними митрополитами до Макарія, сгорѣли, когда церковь та горѣла. Значитъ, при митр. Макаріѣ или еще предъ его избраніемъ на митрополію, виленскій пречистенскій соборъ былъ опустошенъ или поврежденъ пожаромъ: не по этому ли и вел. кн. Елена встрѣчена была, когда прибыла въ Вильну, не въ пречистенскомъ соборѣ, а въ церкви Рождества пречистыя Богородицы (см. примѣч. 75)? Въ 1496 году *грошъ литовскій обыкновенный* равнялся 10,83 нынѣшнимъ копѣйкамъ серебромъ, а *копа грошей литовскихъ*—6 рублямъ и 49,98 коп. серебромъ (*Горбачевск.* Словарь древняго актоваго языка сѣверо-западн. края и царства польскаго, стр. 146. 332, Вильна 1874).

([104]) Виленск. Археогр. Сборн. VI, № 4, стр. 6. 16; № 13, стр. 22; А. Ю. и З. Р. I, № 103.

принесъ жалобу вел. князю на полоцкихъ бояръ, войта, бурмистровъ, радцевъ и всѣхъ горожанъ, что они несправедливо отняли у него три села и людей церковныхъ, которыхъ издавна держали въ своемъ владѣніи полоцкіе владыки. Бояре, войтъ и горожане отвѣчали предъ вел. княземъ, что тѣ села и людей далъ князь Скиригайло на церковь Божію св. Софіи (полоцкій каѳедральный софійскій соборъ) крылошанамъ, и велѣлъ тѣмъ людямъ платить дань софійскимъ крылошанамъ и работать на соборъ, крыть его, огораживать, а владыки полоцкіе отняли тѣ села и людей у своихъ крылошанъ. Епископъ, въ подтвержденіе своего права, не представилъ ни граматъ, ни другихъ доказательствъ. И в. кн. Александръ (5 іюня 1499 г.) присудилъ: держать тѣ села крылосу св. Софіи; платить положенную дань тѣ люди имѣютъ софійскимъ крылошанамъ и отбывать работу на соборную церковь, крыть и огораживать ее; соборяне же имѣютъ судить тѣхъ людей съ старцами изъ ихъ волостей и брать себѣ судебныя пѣни; а епископу Лукѣ въ тѣ села и людей софійскихъ не вступаться ([105]).

Важнѣйшею изъ граматъ, данныхъ въ это время Александромъ православной церкви, была грамата въ подтвержденіе и огражденіе правъ, судебныхъ и имущественныхъ, всего православнаго духовенства, или грамата о неприкосновенности святительскаго суда и церковнаго имущества. Нареченный митрополитъ кіевскій и всея Руси Іосифъ, епископъ смоленскій, представилъ вел. кн. Александру „Свитокъ правъ“ великаго князя Ярослава Владиміровича, которыя заимствованы

([105]) А. З. Р. I, № 174.

имъ изъ номоканона восточной церкви и утверждены, чтобы тѣхъ судовъ духовныхъ и доходовъ церковныхъ никто изъ свѣтскихъ не смѣлъ судить и рядить, а вѣдали всѣ тѣ дѣла только митрополитъ кіевскій и епископы кіевской митрополіи. и жаловался, что нѣкоторые князья и паны, воеводы, старосты, намѣстники, тіуны, управители замковъ, городовъ и волостей, часто чинили кривду митрополиту и епископамъ, вступались въ ихъ церковные доходы и духовные суды, и сами справляли тѣ митрополичьи и епископскія справы. А потому просилъ, чтобы вел. князь подтвердилъ Ярославовъ уставъ, или выпись правъ духовенства восточной церкви, своею граматою. «И мы,— говоритъ Александръ,—разсмотрѣвъ тотъ свитокъ князя Ярослава и увидѣвъ, что онъ всѣ духовныя справы надъ всѣми своими подданными греческаго закона предоставилъ митрополиту и епископамъ на вѣчныя времена, подтверждаемъ изложенное въ свиткѣ настоящимъ нашимъ листомъ: 1) митрополитъ кіевскій Іосифъ и по немъ будущіе митрополиты и епископы кіевской митрополіи имѣютъ судить и рядить и справлять всѣ духовныя дѣла для христіанъ греческаго закона, по правамъ свитка Ярославля, на вѣчныя времена; 2) приказываемъ, чтобы князья и бояре нашего римскаго закона, духовные и свѣтскіе, равно воеводы, старосты, намѣстники, какъ римскаго закона, такъ и греческаго, тіуны и всѣ чиновники и управители замковъ и городовъ, войты, бурмистры и радцы по городамъ, которые получили магдебургскія права отъ нашихъ предковъ или отъ насъ, или впредь получатъ, не чинили кривды церкви Божіей, митрополиту и епископамъ, и не вступались въ ихъ церковные доходы и во всѣ духовныя справы и суды; 3) если люди митрополичьи или вла-

дычные, живущіе въ городахъ нашихъ, захотятъ кормиться торговлею, они должны платить намъ пошлину, наравнѣ съ горожанами, по давнему; 4) что́ касается до церквей греческаго закона, которыя имѣютъ въ своихъ помѣстьяхъ князья и паны наши римскаго закона, то которая церковь была издавна *поданье* (подаванье) митрополита или владыки, пусть будетъ и теперь церковью ихъ поданья, а которая издавна находилась въ поданьи владѣльца помѣстья, пусть и теперь подаетъ ее тотъ владѣлецъ съ благословенія митрополита, но удалять отъ той церкви священника владѣлецъ не имѣетъ права безъ разсмотрѣнія и воли митрополита; 5) еслибы кто, римской ли вѣры или греческой, обезчестилъ или избилъ русскаго священника, дѣло долженъ разсматривать митрополитъ или епископъ: ибо то судъ духовный; 6) подтверждаемъ также навсегда и всѣ прочія статьи, написанныя въ свиткѣ Ярослава, митрополиту Іосифу и его преемникамъ и всѣмъ епископамъ его митрополіи: имѣютъ они исполнять тѣ духовныя дѣла по давнему обычаю своей церкви» ([106]). Эта важная грамата дана митрополиту Іосифу 20 марта 1499 года; слѣд. въ то время, когда онъ, по волѣ Александра, открыто уже убѣждалъ православныхъ къ покорности римской церкви и, вѣроятно, наиболѣе пользовался благоволѣніемъ великаго князя. Если сравнить содержаніе граматы съ свиткомъ, который она подтверждала, то увидимъ, что она имѣетъ отношеніе къ нему и нѣкоторое сходство съ нимъ только по статьямъ первой, второй и послѣдней, а въ трехъ другихъ статьяхъ совершенно разнится отъ него и содержитъ новыя постановленія. Въ частности, четвертая статья свидѣтельствуетъ, что и тогда уже нѣкоторые князья и бояре римской вѣры владѣли въ литовскомъ княжествѣ православными населеніями и имѣли подъ своею властію православныя церкви, даже съ правомъ поданья и опредѣленія къ нимъ священниковъ: легко понять, какъ могли дѣйствовать на православныхъ такіе владѣльцы. Самый свитокъ вел. князя Ярослава, подтвержденный граматою, сохранился въ спискѣ тогоже времени, т. е. конца XV вѣка, и только въ основѣ имѣетъ сходство съ извѣстнымъ церковнымъ уставомъ Ярослава, употреблявшимся въ московской митрополіи. О подлинности Ярославова свитка не можетъ быть и рѣчи: противъ подлинности и хронологическая несообразность, въ немъ допущенная, и слогъ свитка, вовсе несоотвѣтствующій времени Ярослава, и особенно употребляемый въ свиткѣ счетъ денегъ рублями широкихъ грошей. Послѣднее обстоятельство прямо указываетъ, что свитокъ составленъ или передѣланъ, можетъ быть, на основаніи древняго, подлиннаго церковнаго устава Ярославова, въ западной Россіи, гдѣ первые слѣды этого свитка встрѣчаются въ 1443 г. ([107]).

([106]) А. З. Р. I, № 166, п. I.

Кромѣ вел. князя литовскаго, въ тоже время оказывали покровительство и благодѣянія православнымъ церквамъ и монастырямъ въ Литвѣ и нѣкоторые помѣстные князья и владѣльцы. Князь Константинъ Ивановичъ Острожскій пожаловалъ (1497 г.) покровской церкви въ Туровѣ рыбную ловлю и оградилъ священника этой церкви отъ обидъ и притѣсненій; а крылошанамъ виленскаго пречистенскаго собора назначилъ навсегда изъ одного своего имѣнія по двѣ копы грошей и

([107]) А. З. Р. I, № 166, п. II. Снес. тамъ же №№ 43. 82. О церковномъ уставѣ вел. кн. Ярослава—въ нашей Истор. Р. Ц. II, 269.

по пятнадцати бочекъ жита ежегодно. Князь мстиславскій Михаилъ Ивановичъ дозволилъ (1499 г.) мстиславскому Пустынскому монастырю призывать поселенцевъ на свою церковную землю; напередъ освободилъ этихъ будущихъ монастырскихъ людей отъ всякихъ пошлинъ и суда не только свѣтскихъ судей, но и *десятинниковъ* полоцкаго владыки; запретилъ и владыкѣ судить игумена монастыря и брать съ него церковныя пошлины, и право суда надъ игуменомъ предоставилъ самому себѣ вмѣстѣ со владыкою. А вскорѣ за тѣмъ пожаловалъ томуже монастырю (1500 г.) бортную землю Измайловскую и священнику николаевской церкви въ Мстиславѣ (1501 г.) одно сельцо съ пашнями и сѣножатями. Князь Богданъ Глинскій, съ своею супругою, отказалъ (1500 г.) кіевскому пустынно-николаевскому монастырю село Гатное, въ кіевскомъ повѣтѣ, со всѣми угодьями ([108]). Извѣстный намъ канцлеръ вел. княгини Елены, Иванъ Семеновичъ Сопѣга, когда, по предложенію его, въ родовомъ его имѣніи Коднѣ мѣщане греческаго закона построили себѣ церковь во имя св. Михаила, поставилъ къ ней священника (по праву подаванья) и на содержаніе его опредѣлилъ, кромѣ участковъ пашенной и луговой земли, отъ каждаго кодненскаго мѣщанина, съ каждой уволоки его земли — по копѣ ржи ежегодно. Князь Ѳедоръ Ивановичъ Ярославичъ-пинскій сдѣлалъ (1502 г.) замковую церковь св. великомученика Димитрія въ городѣ Пинскѣ соборною и учредилъ при ней трехъ священниковъ и діакона; кромѣ того, пристроилъ къ ней, несмотря на существовавшее запрещеніе, четыре придѣла и въ каждый

([108]) Вилен. Археогр. Сборн. I, №№ 3. 4; II, № 4; VI, № 2; А. З. Р. I, №№ 177. 178; А. Ю. Р. I, № 35.

опредѣлилъ по священнику. Всѣмъ этимъ семи священникамъ и прочему причту назначилъ ежегодную денежную ругу изъ своихъ имѣній, отвелъ дворовыя мѣста въ Пинскѣ, съ освобожденіемъ отъ земскихъ повинностей, далъ пахатныя земли въ разныхъ своихъ селахъ, по мѣстамъ, и съ церковными людьми, назначивъ также отъ себя ругу и на потребности при богослуженіи: просфоры, вино, ладонъ, свѣчи. А въ слѣдующемъ году пожаловалъ приходской церкви въ Купетичахъ рыбную ловлю на рѣкѣ Ясольдѣ, и на храмъ Пречистой въ лещинскомъ монастырѣ опредѣлилъ ежегодно давать десятаго осетра со всѣхъ осетриныхъ озеръ пинской волости ([109]).

V.

Изъ семи, вѣрнѣе, изъ шести митрополитовъ, управлявшихъ западно-русскою церковію въ настоящій періодъ, одинъ—Григорій болгаринъ, несомнѣнно, былъ уніатомъ и старался пріобрѣсть себѣ послѣдователей въ средѣ своей паствы, но, послѣ десятилѣтняго опыта, самъ увидѣлъ нужду оставить унію, и возвратился въ православіе, когда испросилъ себѣ благословеніе и утвержденіе въ санѣ отъ православнаго цареградскаго патріарха. Другой митрополитъ—Мисаилъ только пытался принять унію на условіяхъ, изложенныхъ въ посланіи къ папѣ; но, не получивъ отъ папы никакого отвѣта, остался православнымъ и объ уніи вовсе не заботился. Третій—Іосифъ Болгариновичъ такъ же пытался войти въ сношеніе съ папою и принять унію, и усердно трудился убѣждать къ

([109]) Акт. Вилен. Коммис. III, № 4; Ревизія пущь, Прилож. №№ 11. 92. 121, стр. 220. 295. 321.

принятію ея своихъ пасомыхъ; но встрѣтилъ недовѣріе и медленность со стороны папы, и въ тяжкой болѣзни скоро скончался, не измѣнивъ православію. Три остальные митрополита—Симеонъ, Іона Глезна и св. Макарій были постоянно православными. Верховнымъ архипастыремъ въ литовской митрополіи признавался православный цареградскій патріархъ. Даже уніатъ—Григорій, при которомъ она насильно была отторгнута изъ-подъ власти этого патріарха, нашелся, наконецъ, вынужденнымъ подчиниться ему, вмѣстѣ съ нею, и испросить себѣ у него благословенія и утвержденія. Мисаилъ, кажется, не успѣлъ испросить себѣ этого благословенія и утвержденія, и до конца жизни оставался только нареченнымъ митрополитомъ. Прочіе четыре митрополита несомнѣнно получили благословеніе и поставленіе отъ цареградскаго патріарха. Государи литовскіе, Казиміръ и Александръ, подъ вліяніемъ папы и латинскаго духовенства, относились къ православію непріязненно; но въ тоже время давали жалованныя граматы православнымъ владыкамъ, монастырямъ и церквамъ, подтверждали и ограждали права и обычаи даже всего православнаго духовенства, всѣхъ православныхъ своихъ подданныхъ. Извѣстныя постановленія, запрещавшія допускать православныхъ къ высшимъ служебнымъ должностямъ и строить или обновлять православные храмы, соблюдались не всегда строго, можетъ быть, по допущенію самихъ вел. князей литовскихъ. Дѣйствительныя притѣсненія православнымъ за вѣру и разныя насилія были только въ началѣ періода при митрополитѣ Григоріѣ и особенно въ концѣ періода при митр. Іосифѣ. Видимымъ, осязательнымъ для всѣхъ свидѣтельствомъ о томъ, что православная церковь была только терпимою въ Литвѣ,

а не господствующею, служило самое мѣстопребываніе православныхъ митрополитовъ. Они жили постоянно не въ Вильнѣ—столицѣ государства, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ духовнымъ всегда являлся римско-католическій епископъ, а въ скромномъ и довольно далекомъ отъ столицы Новогрудкѣ, и Вильну посѣщали лишь изрѣдка, большею частію, однажды въ годъ, хотя и имѣли здѣсь свой каѳедральный соборъ. Иногда проживали они еще въ Минскѣ, гдѣ имѣли свой домъ и держали своихъ намѣстниковъ ([110]).

Изъ девяти епархій, вошедшихъ въ составъ литовской митрополіи, по отдѣленіи ея отъ московской, одна—галицкая сдѣлалась только частію епархіи митрополитской, обнимавшей Кіевъ, Вильну, Новогрудокъ, Слуцкъ, Городну, Минскъ, Галичъ, Львовъ, вмѣстѣ съ ихъ округами; другая—черниговская закрылась подъ конецъ періода, когда Черниговъ и Брянскъ со всѣми сѣверскими областями перешли (1500) подъ владычество московскаго государя; а о третьей—перемышльской, даже объ именахъ ея епископовъ, вовсе не сохранилось свѣдѣній. Изъ епископовъ епархій или владыкъ (такъ обыкновенно назывались въ Литвѣ, даже въ офиціальныхъ бумагахъ, православные епископы, въ отличіе отъ латинскихъ, которыхъ называли епископами-бискупами) извѣстны: — а) *смоленскіе*: Мисаилъ (1454—1480), избранный съ 1475 г. и на митрополію; Іоакимъ (1480—1494) и Іосифъ Болгариновичъ (съ 1494), удержавшій за собою эту епархію и по избраніи (1498) на

([110]) А. З. Р. I, № 152. Митрополитъ Іона Глезна однажды цѣлую зиму прожилъ въ Минскѣ (Вилен. Археогр. Сборн. VI, № 4, стр. 10). Спес. А. З. Р. II, № 10.

митрополитскую каѳедру ([111]); б) *полоцкіе*: Каллистъ (съ 1458 г.); преемникъ его Симеонъ, вѣроятно, бывшій потомъ митрополитомъ (съ 1481); преемникъ Симеона Іона Глезна, такъ же бывшій потомъ митрополитомъ (съ 1488), и Лука (1488—1503) ([112]); в) *луцкіе*: Мартиніанъ (1459), Никифоръ (1490), Іона (1492—1495) и Кириллъ (1495—1509) ([113]); г) *черниговскіе и брянскіе*: Евѳимій, удалившійся (въ 1464) отъ притѣсненій за вѣру въ Москву; Нектарій (прежде 1499 г.) и Іона, взятый русскими въ плѣнъ при занятіи ими Брянска (1500 г.); д) *владимірскіе*: Ѳеодосій (1485) и Вассіанъ (1487—1497); е) *холмскій*: Симеонъ (1494),—ж) *пинскій и туровскій*: Вассіанъ (1495—1502) ([114]). Замѣчательную особенность по отношенію къ епископскому сану встрѣчаемъ въ литовской митрополіи ту, что полоцкій епископъ Лука имѣлъ у себя жену, которая, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Андреемъ, жила въ Полоцкѣ же или неподалеку отъ Полоцка, гдѣ владѣла купленнымъ имѣніемъ: такое явленіе отнюдь не было бы допущено въ московской митрополіи, какъ несогласное съ правилами церкви ([115]).

Устройство епархіальнаго управленія и суда въ литовской митрополіи, оставалось тоже, какое было въ московской. У епархіальныхъ владыкъ видимъ намѣстниковъ, десятинниковъ

([111]) А. З. Р. I, №№ 70. 115. 148.

([112]) А. И. I, №№ 268. 270; А. З. Р. I, №№ 62. 173. 174. 209; Супрасл. Рукоп., стр. 141.

([113]) А. И. I, № 272; Памятн. Кіевск. Коммис. I, отд. II, № 1: А. З. Р. I, № 201; Супрасл. Рукоп., стр. 140. 141.

([114]) А. И. I, № 272; А. З. Р. I, № 168; Акт. Вилен. Коммис. III, № 3, стр. 5; Ревизія пущь, стр. 324; Супрасл. Рукоп., стр. 139. 140. 141. 146.

([115]) А. И. I, № 173.

или десятниковъ, бояръ, подскарбіевъ, маршалковъ ([116]). На владыкъ собирались съ духовенства, бѣлаго и монашествующаго, пошлины, и въ числѣ ихъ главныя: сборное и подъѣздъ, какъ въ московскомъ государствѣ. Руководствомъ, по дѣламъ церковнаго управленія и суда, кромѣ общихъ церковныхъ правилъ, служили: а) такъ-называемый Свитокъ Ярославовъ, подтвержденный граматою вел. князя Александра, и б) другія граматы, какія по временамъ давали вел. князья литовскіе владыкамъ, церквамъ, монастырямъ.

Число монастырей, если даже ограничиться лишь тѣми, о которыхъ упоминается въ современныхъ актахъ и другихъ извѣстіяхъ, было уже въ литовской митрополіи значительно. Между ними встрѣчаемъ монастыри древніе и вообще прежде основанные: въ Кіевѣ печерскій, николаевскій-пустынный и михайловскій; въ Вильнѣ свято-троицкій; въ Трокахъ рождество-богородичный; въ Полоцкѣ николаевскій на Лучнѣ; близъ Новогрудка лаврашевъ; близъ Луцка красносельскій; въ Кобринѣ спасскій; въ Мстиславлѣ онуфріевскій. Еще болѣе встрѣчаемъ тогда монастырей вновь основанныхъ, или возобновленныхъ, или, по крайней мѣрѣ, въ первый разъ упоминаемыхъ, именно: въ мѣстечкѣ Череѣ (нынѣ могилевской губерніи) черейскій, основанный епископомъ смоленскимъ Мисаиломъ (1454); въ Слуцкѣ—троицкій (ок. 1455); во Львовѣ онуфріевскій и уніовскій или уневскій (ок. 1463); въ Гроднѣ коложскій-борисоглѣбскій (1480); въ Смоленскѣ архангело-михайловскій (1436); близъ Луцка или въ его уѣздѣ пересопицкій-богородичный (1490) и жидичинскій-николаевскій

([116]) А. З. Р. I, №№ 70. 82. 168. 170. 177; Вилен. Археогр. Сборн., стр. 8—10.

(прежде 1492); въ Овручѣ іоакимо-анновскій и богородичный (1496); въ Мстиславлѣ пустынскій-богородичный (1496); въ Минскѣ вознесенскій (1499); въ Дермани—дерманскій троицкій (1499); во Владимірѣ волынскомъ спасскій (1500); недалеко отъ Пинска лещинскій-богородичный (1503) ([117]). Важнѣйшій изъ этихъ монастырей, кіево-печерскій былъ патріаршимъ ставропигіальнымъ. Монастыри—михайловскій въ Кіевѣ, рождество-богородичный въ Трокахъ, николаевскій на Лучнѣ въ Полоцкѣ, іоакимо-анновскій и богородичный въ Овручѣ находились въ непосредственномъ вѣдѣніи и въ подаваньи самаго вел. князя, который и раздавалъ ихъ по своему усмотрѣнію. Монастыри—слуцкій троицкій и мстиславскіе—онуфріевскій и пустынскій находились подъ патронатствомъ и въ подаваньи мѣстныхъ князей. Всѣ эти монастыри, по управленію и суду, были, болѣе или менѣе, независимы, а иные (кіево-печерскій и трокскій богородичный) и совсѣмъ независимы отъ своихъ епархіальныхъ владыкъ.

Извѣстны также, по современнымъ актамъ и сказаніямъ, нѣкоторые соборы и приходскія церкви литовской митрополіи. Соборы, напримѣръ: въ Кіевѣ софійскій— каѳедральный, въ Вильнѣ пречистенскій—каѳедральный, въ Новогрудкѣ борисоглѣбскій—каѳедральный, въ Смоленскѣ успенскій—каѳедральный, въ Полоцкѣ софійскій—каѳедральный, во Владимірѣ пречистенскій—каѳедральный, въ Мстиславлѣ троицкій замковый, въ Пинскѣ дмитріевскій замковый. Приходскія церкви: въ Вильнѣ николаевская, въ Кобринѣ петропавловская, николаевская

([117]) Почти о всѣхъ этихъ монастыряхъ нами упомянуто уже выше. См. еще Памятн. Кіев. Коммис. I, отд. II, № 1; IV, отд. I, стр. 89 — 91. 123. Снес. нашей Истор. Р. Церкви IV, 171—172.

и пречистенская, въ Смоленскѣ николаевская, въ Туровѣ покровская, въ Мстиславлѣ николаевская, въ Витебскѣ михаило-архангельская, Свято-Духовская, благовѣщенская и др. ([118]). Подобно монастырямъ, нѣкоторыя и изъ приходскихъ церквей находились въ вѣдѣніи и подаяньи князей, бояръ и вообще мѣстныхъ владѣльцевъ, которые иногда были и римской вѣры. Эти-то патроны имѣли власть отдавать свои церкви, кому сами хотѣли. Такъ, князь кобринскій Иванъ Семеновичъ (изъ потомковъ князя Любарта, сына Гедиминова) пожаловалъ (1465) одному изъ слугъ своихъ въ вѣчное и потомственное владѣніе церковь св. апостоловъ Петра и Павла въ Кобринѣ, со всѣми ея имѣніями и доходами, ссылаясь на бывшій уже предъ тѣмъ примѣръ; а половину своего дворища записалъ (1469) на кобринскую николаевскую церковь въ вѣчное владѣніе другому своему слугѣ, также по прежде-бывшему примѣру,—чѣмъ самымъ предоставлялось слугамъ, съ низходящимъ отъ нихъ потомствомъ, и право священства при пожалованныхъ имъ церквахъ. Тотъ же князь отдалъ (1479) пречистенскую церковь города Кобрина въ вѣчное и потомственное владѣніе попу Іакову, съ тѣмъ чтобы, въ случаѣ смерти его, если внуки его отъ дочери будутъ малолѣтни для священства, она могла, до возраста ихъ, держать при церкви наемнаго попа ([119]).

Церкви, какъ и монастыри, почти всѣ, въ самой даже Вильнѣ, были деревянныя и не отличались богатствомъ утвари. Въ слуцкомъ троицкомъ монастырѣ, бывшемъ подъ покровительствомъ мѣстныхъ князей, находилось, по описи 1494 г., все-

([118]) А. З. Р. I, №№ 76. 144. 204; А. Ю. и З. Р. I, №№ 226. 227. 228; Древн. Росс. Вивліоѳ. XIV, 5—7. О другихъ церквахъ упомянуто выше.

([119]) А. Ю. и З. Р. I, №№ 226. 227. 228. Снес. Акт. Вилен. Комм. III, № 2.

го восемь ризъ священническихъ, четыре стихаря дьяконскихъ и четыре подъячихъ, въ томъ числѣ и полотняные; десять иконъ, одинъ крестъ большой, деревянный, и другой серебряный и позлащенный, воздвизальный; два потира серебряныхъ и одинъ цинковый, дискосъ и шесть лжицъ серебряные, сребропозлащеная панагія и пять серебряныхъ ковшевъ. Но во многихъ мѣстахъ сосуды для таинства евхаристіи и лжицы для пріобщенія употреблялись деревянные ([120]). Донынѣ сохранились въ Вильнѣ отъ того времени только двѣ церковныя драгоцѣнности: крестъ и икона. Крестъ шестиконечный деревянный, обложенный позолоченнымъ серебромъ, съ частицею животворящаго древа и со многими частицами мощей Святыхъ, и имѣющій на самой срединѣ другой четвероконечный крестъ небольшой, съ распятіемъ; устроенъ въ 1495 г. смоленскимъ окольничимъ Александромъ Васильевичемъ, и нынѣ находится и употребляется въ виленскомъ каѳедральномъ соборѣ. Другая драгоцѣнность—икона Божіей Матери, та самая, которою благословилъ вел. князь московскій Иванъ III дочь свою Елену, когда отпускалъ ее въ Вильну. По смерти Елены икона много лѣтъ находилась въ пречистенскомъ соборѣ, и потомъ перенесена въ виленскій свято-троицкій монастырь, гдѣ находится и нынѣ и особенно чтится народомъ ([121]).

Главнымъ источникомъ для содержанія православнаго ду-

([120]) А. З. Р. I, № 115. О деревянныхъ сосудахъ и лжицахъ въ русскихъ церквахъ свидѣтельствуетъ Сакранъ (см. далѣе примѣч. 129 и текстъ, къ которому оно относится).

([121]) *Батюшков.* Памятн. Русской старины въ западн. губерн. имперіи, выпуск. VI, 133—134; *Koialowicz*, Miscellanea rerum, p. 25. Въ 1570 г. русскіе, при заключеніи перемирія съ Польшею, просили возвратить имъ эту икону пресв. Богородицы, данную нѣкогда на благословеніе вел. кн. Еленѣ и теперь находившуюся въ пречистенскомъ соборѣ, и предлагали съ своей стороны, за

ховенства въ Литвѣ, какъ и въ московскомъ государствѣ, служили земельныя владѣнія, ненаселенныя и населенныя. Эти владѣнія архіерейскіе дома, монастыри и церкви, большею частію, получали въ даръ то отъ великаго князя, то отъ мѣстныхъ князей и бояръ, то отъ другихъ благочестивыхъ христіанъ, а иногда пріобрѣтали и покупкою. Церковные крестьяне освобождались отъ подсудности свѣтскимъ властямъ и отъ государственныхъ повинностей, только не отъ всѣхъ. Тяжебныя дѣла духовныхъ владѣльцевъ о земельныхъ владѣніяхъ восходили на судъ самаго великаго князя.

Кромѣ извѣстныхъ уже намъ посланій нареченнаго митрополита Мисаила къ папѣ Сиксту IV и непринятаго въ Литвѣ митрополита Спиридона ко всей его духовной паствѣ, мы не находимъ тогда въ литовской митрополіи никакихъ слѣдовъ оригинальной духовной литературы, если не относить къ ней мѣстныхъ лѣтописей, въ которыхъ говорилось и о событіяхъ церкви ([122]). Довольствовались списываніемъ и употребленіемъ готовыхъ книгъ и сочиненій, которыя употреблялись и въ Руси

икону, отпустить пятьдесятъ человѣкъ плѣнныхъ (*Бантышъ-Каменск.* Переписка между Россіею и Польшею, по дипломат. бумагамъ, въ Чтен. М Истор. Общ. 1860, IV, отд. II, 134).

([122]) Разумѣемъ—1) Супрасльскую Рукопись и 2) лѣтопись Авраамека. Первая сохранилась въ спискѣ первой половины XVI в. и напечатана въ Москвѣ, въ 1836 году. Она содержитъ двѣ сокращенныя лѣтописи: новгородскую, доведенную до 1382 г., и кіевскую—до 1500 г.; но за послѣдніе годы XV в., именно съ 1491 г., несомнѣнно ведена была современникомъ, жившимъ въ западно-русскомъ краѣ, и православнымъ, который очень сочувственно говоритъ о митрополитѣ Макаріѣ I и вообще повѣствуетъ, какъ очевидецъ (стр. 140 — 147). Лѣтопись Авраамека печатается Археографическою Коммиссіею и имѣетъ слѣдующую надпись: «въ лѣто 6903 (1495) написана бысть сія книга, глаголемый лѣтописецъ, въ градѣ Смоленсцѣ, при державѣ вел. князя Александра, изволеніемъ Божіимъ и повелѣніемъ господина владыки смоленскаго Іосифа, рукою многогрѣшнаго раба Божія Авраамѣка».

восточной. Въ слуцкомъ троицкомъ монастырѣ, судя по описи его 1494 г., находились: а) Апокалипсисъ; б) писанія нѣкоторыхъ отцевъ церкви и учителей церкви, преимущественно аскетическія: Ефрема Сирина, аввы Дороѳея, Ѳеодора Студита, Григорія Синаита, Іоанна лѣствичника, Симеона новаго богослова; в) Соборники или сборники: Измарагдъ, Соборникъ годовой, соборникъ постный, соборникъ житія Святыхъ, два Пролога, Патерикъ печерскій; г) книги каноническаго содержанія — Правила великія или Кормчая, Никонъ, т. е. извѣстные Сборники Никона черногорца; д) книги богослужебныя и читавшіяся при богослуженіи: два Евангелія—тетры, Апостолъ—тетръ и другой апракосъ, три Служебника, два Требника, двѣ Псалтыри, Часословъ, два Устава, двѣ Тріоди, двѣнадцать мѣсячныхъ Миней, Евангеліе толковое ([123]). Нѣкоторыя изъ тогдашнихъ книгъ сохранились до настоящаго времени. Въ виленской публичной библіотекѣ находятся: четыре рукописныхъ Евангелія XV вѣка — туровское, городенское, волковыцкое и пониковское и одна Тріодь тогоже вѣка — николаевская ([124]). Въ библіотекѣ литовской духовной семинаріи находятся въ спискахъ XV вѣка: Апостолъ (за № 21), поученія св. Кирилла іерусалимскаго и пространное житіе св. Іоанна Златоустаго (№ 25), діалоги св. Григорія двоеслова и пространное житіе св. Григорія Омиритскаго (№ 23); Минея мѣсячная за четыре мѣсяца, съ генваря по май, въ двухъ книгахъ (№ 15), писанная въ 1487 г., по повелѣнію пана

([123]) А. З. Р. I, № 115.

([124]) Рукописн. Отдѣл. Вилен. публ. библ., №№ 7. 11. 21. 23. 24, стр. 10. 13. 31. 33–35.

Солтана, королевскаго маршалка ([125]); Сборникъ (№ 14), безъ начала и конца, въ двухъ частяхъ, изъ которыхъ въ первой содержатся житія Святыхъ, преимущественно русскихъ, а во второй службы Святымъ, почти исключительно русскимъ ([126]). Сборникъ этотъ, какъ можно догадываться, писанъ между 1461—1465 г. въ Москвѣ, откуда и присланъ въ Литву, можетъ быть, въ числѣ тѣхъ 13-ти книгъ, которыя посланы были въ 1497 г. великой княгинѣ Еленѣ ея отцемъ, Иваномъ Васильевичемъ ([127]). Съ послѣднихъ годовъ XV в. могли, мало по

([125]) Въ концѣ второй книги помѣщена слѣдующая замѣтка: «Произволеніемъ Отца и хотѣніемъ Сына и съпоспѣшеніемъ и дѣйствіемъ пресвятаго и животворящаго Духа, изволися написати сіа книгы, рекомы Минеи мартъ съ априлемъ, въ лѣто 7995, при державѣ короля польскаго Казимира, великаго князя литовскаго, а повелѣніемъ и желаніемъ пана Солтана, короля его милости маршалка литовскаго, нареченнаго въ святѣмъ крещеніи Александръ, сынъ пана Александра, подскарбьего земли литовскыа, рукою многогрѣшнаго и грубаго діака Сенка, родомъ смолнянина отъ отца, именемъ Іакова».

([126]) И именно: I) *Житія* и сказанія — а) житіе св. Петра митр., составленное митроп. Кипріаномъ (сохранился только конецъ); б) генв. 14, похвала св. отецъ Симеона и Саввы, первыхъ учителей сербскихъ; в) мая 9, перенесеніе мощей святителя Николая чудотв.; г) іюня 9, житіе Кирилла бѣлозерскаго, соч. Пахомія Логоѳета; д) мая 23, житіе Алексія митр. москов., соч. Пахомія Логоѳета; е) «митрополита Ѳеодосія всея Руси сказаніе о чудеси», бывшемъ у гроба святителя Алексія; ж) мая 3, успеніе преп. Ѳеодосія печер.; з) окт. 28, мученіе Параскевы-пятницы; и) сент. 20, убіеніе Михаила князя черниг. и боярина Ѳеодора, — «сътворено Іоанномъ епископомъ»; і) мученіе литовскихъ мучениковъ — Іоанна, Антонія и Евстафія; к) ноября 6, житіе преп. Варлаама хутынскаго и похв. слово ему, Пахомія Логоѳета; л) іюня 12, житіе преп. Петра аѳонскаго; м) житіе преп. Онуфрія пустынника; н) іюля 15, слово о св. князѣ Владимірѣ; о) іюля 24, житіе Бориса и Глѣба, соч. мниха Іакова; п) житіе Авраамія смоленскаго, соч. Ефрема черноризца. II) *Службы*— а) князю Михаилу чернигов., б) преп. Сергію радонеж., в) покрову пресв. Богородицы, г) муч. Параскевіи, д) преп. Варлааму хутынск., е) Петру митрополиту москов., ж) Алексію митрополиту москов., з) Ѳеодосію печер., и) на перенесеніе мощей Николая чудотв., і) Леонтію ростовск., к) Кириллу бѣлозер., л) Антонію печер., м) Владиміру кн. кіевскому, н) Борису и Глѣбу, о) Авраамію смоленскому.

([127]) Окончивъ Сказаніе митрополита Ѳеодосія о чудѣ, совершившемся у мощей святителя Алексія, переписчикъ сдѣлалъ отъ себя слѣдующую замѣтку:

малу, входить въ употребленіе по церквамъ литовской митрополіи и печатныя богослужебныя книги, каковы: Шестодневъ, Часословъ, Псалтырь слѣдованная, Тріодь постная и Тріодь цвѣтная, изданныя 1491 г. въ Краковѣ Швайпольтомъ Фѣолемъ; затѣмъ Часословъ, изд. 1493 г. въ Венеціи магистромъ Андреемъ Торесанскимъ; Октоихъ, изд. 1494 г. въ Зетѣ или Цѣтинѣ іеромонахомъ Макаріемъ; Псалтырь слѣдованная, изд. 1495 г. тамъ же и тѣмъ же іеромонахомъ; Евангеліе напрестольное, изд. въ Брашовѣ въ концѣ XV или въ нач. XVI в. неизвѣстнымъ(128).

Современное свидѣтельство, какъ привержены были тогда русскіе литовской митрополіи къ своей православной вѣрѣ, какихъ держались отличительныхъ вѣрованій, церковныхъ обрядовъ и обычаевъ, какъ смотрѣли на вѣру латинянъ, съ которыми обитали въ одномъ государствѣ и находились въ постоянныхъ сношеніяхъ, какъ сами латиняне понимали вѣру русскихъ и что говорили о ней, оставилъ намъ краковскій каноникъ Иванъ Сакранъ. Живя въ столицѣ Польши, онъ имѣлъ возможность близко знать не только латинянъ, но и православныхъ Литвы и Польши и ихъ взаимныя отношенія и, на основаніи собранныхъ свѣдѣній, написалъ въ 1500 г. небольшое сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Истолкователь заблужденій русской вѣры». Начиная это сочиненіе, онъ говоритъ, что изъ всѣхъ народовъ, носящихъ имя христіанское, но отдѣленныхъ отъ римской церкви, нѣтъ ни одного, который бы былъ такъ

«*Многа лѣта* государю *нашему*, митрополиту Ѳеодосію, владимерьскому и московскому и всея Руси, составившему сіе чудо св. Алексія митрополита, новаго чудотворца». Отсюда можно заключить, что книга писана еще при жизни митр. Ѳеодосія (1461 — 1465) и въ московской митрополіи. О 13-ти книгахъ, присланныхъ Еленѣ изъ Москвы—*Бантышъ-Каменск.* Перев. между Россіею и Польшею, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1860, IV, отд. II, 29.

(128) *Сахаров.* Обозр. Славяно-Русск. библіогр., №№ 1—9.

непоколебимъ въ защищеніи своего схизматическаго заблужденія, какъ народъ русскій. По упорству въ своей схизмѣ, русскіе не вѣрятъ никакой предлагаемой имъ истинѣ, не принимаютъ никакого убѣжденія и всегда противорѣчатъ; убѣгаютъ отъ ученыхъ католиковъ, даже мужей своего обряда (не намекъ ли на митрополита Іосифа Болгариновича?), ненавидятъ ихъ ученіе, отвращаются отъ ихъ наставленій. Признаютъ только самихъ себя истинными послѣдователями апостоловъ и первобытной церкви, и всѣ анаѳематствованія противъ нихъ изъ Рима считаютъ вѣчнымъ для себя благословеніемъ. Не упоминаемъ уже, какъ святотатственно поступили они съ Исидоромъ, митрополитомъ кіевскимъ, пришедшимъ къ нимъ съ флорентійскаго собора для насажденія между ними установленной тамъ уніи съ римскою церковію: всѣмъ извѣстенъ, у всѣхъ предъ глазами ихъ новый поступокъ, какой совершили они въ нынѣшнемъ, 1500 г., по отношенію къ тойже самой уніи. Едва только вел. князь литовскій Александръ возъимѣлъ намѣреніе и началъ въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ, кроткими убѣжденіями, обращать ихъ-русскихъ къ единству римской церкви, какъ князья и вожди ихъ съ яростію поспѣшили передаться къ московскому вел. князю, защитнику ихъ схизмы; а этотъ послѣдній, считая намѣреніе Александра обидою для себя, обрадовался случаю напасть на литовскія области и произвелъ въ нихъ страшныя опустошенія. Русскіе до того ненавидятъ вѣру латинянъ, что желали бы не только всячески вредить ей, но даже искоренить ее во всемъ мірѣ.

Самыя заблужденія русской вѣры Сакранъ излагаетъ затѣмъ въ сорока главахъ, и прежде всего тѣ, которыя показываютъ, какъ относились русскіе къ римскому католичеству.

Русскіе, говоритъ онъ, отвергаютъ, что св. Петръ былъ истиннымъ папою, истиннымъ епископомъ Рима и единственнымъ главою воинствующей церкви; тоже думаютъ и о преемникахъ его — римскихъ первосвященникахъ и считаютъ ихъ равными съ другими первосвященниками (ст. 1). Отвергаютъ, что римская церковь есть глава всѣхъ церквей, ихъ верховная правительница и наставница (ст. 2). Говорятъ, что всѣ повинующіеся римской церкви, не суть истинные христіане и не спасутся, потому что уклонились отъ первобытной церкви; однихъ себя считаютъ истинными христіанами, послѣдователями Христа и апостоловъ и принадлежащими къ числу спасаемыхъ; самаго папу называютъ еретикомъ аріанской ереси, а всѣхъ католиковъ аріанами, и проклинаютъ его во время своего богослуженія (ст. 3). Не вѣрятъ, чтобы латинскіе учители говорили или писали по внушенію отъ Духа Святаго, не принимаютъ ихъ писаній, хотя бы они были приняты церковію, и потому не даютъ вѣры, наприм., сочиненіямъ блаж. Іеронима, Августина, Григорія, Амвросія и послѣдующихъ учителей (ст. 4). Писанія греческихъ учителей принимаютъ, когда не находятъ въ нихъ ничего противнаго своимъ заблужденіямъ, а если находятъ что либо противное, то считаютъ ихъ поврежденными и незаслуживающими вѣры (ст. 5). Хулятъ и осуждаютъ Святыхъ римской церкви и исповѣданія (ст. 6). Отвращаются отъ католическихъ иконъ и, сколько могутъ, безчестятъ ихъ; а иконы своего писанія почитаютъ, когда онѣ помѣщены или изображены въ ихъ *синагогахъ* (ст. 7). Презираютъ и поносятъ католическія церкви, не признавая ихъ освященными, и не оказываютъ никакого почтенія даже къ святѣйшему таинству, въ нихъ совершаемому, говоря, что оно не

можетъ совершаться на опрѣснокахъ; а ихъ синагоги, говорятъ, могутъ освящать простые священники, и дѣйствительно освящаютъ (ст. 8). Всѣ каноны и опредѣленія латинскихъ соборовъ, бывшихъ послѣ седмаго вселенскаго, называютъ ничтожными и некаѳолическими, потому что соборы эти происходили безъ ихъ согласія и одобренія (ст. 9). Всѣ таинства римской церкви уничижаютъ, поносятъ, безчестятъ, особенно таинства крещенія и евхаристіи, потому что совершаются не по ихъ обрядовой формѣ (ст. 10). Говорятъ, что римскій первосвященникъ не имѣетъ власти освящать мvро, а имѣетъ ее только цареградскій патріархъ, и мvро, имъ освященное однажды, сохраняетъ свою силу на многіе годы (ст. 11). Осуждаютъ чины и благословенія папскія, молитвы, посты, индулгенціи, юбилеи и всѣ церковныя должности; смѣются надъ авторитетомъ римской церкви и надъ покорностію ей, и считаютъ за ничто какъ индулгенціи ея, такъ и отлученія (ст. 12). Еслибы случайно какой либо католической пресвитеръ совершилъ служеніе въ ихъ алтаряхъ, его тотчасъ, какъ проклятаго, съ безчестіемъ прогоняютъ, и говорятъ, что на одномъ престолѣ должна быть совершаема въ день только одна литургія (ст. 23). Считаютъ заслугою, достойною великой милости, когда кто либо человѣка — латинянина отторгнетъ отъ повиновенія римской церкви (ст. 24). Говорятъ, что не грѣхъ ложно клясться противъ врага, особенно противъ человѣка римской вѣры, а также обманывать его и вредить ему (ст. 26).

Къ числу другихъ заблужденій Сакранъ относитъ нѣкоторыя вѣрованія и мнѣнія русскихъ, образъ совершенія ими нѣкоторыхъ таинствъ, и нѣкоторые содержимые ими церковныя правила, установленія, обычаи, которые разсматриваетъ и излагаетъ

съ своей, латинской точки зрѣнія. Русскіе вѣруютъ: Духъ Святый исходитъ только отъ одного Отца, а не отъ Сына,—иначе было бы два начала (ст. 36); нѣтъ чистилища, а есть только два вмѣстилища для душъ—небо и адъ (ст. 33); душа до дня суда, пока тѣло находится въ землѣ, не имѣетъ славы и блаженства (ст. 34); молитвы живыхъ приносятъ пользу осужденнымъ во адѣ (ст. 35). Говорятъ: живущій человѣкъ не можетъ согрѣшить смертно (ст. 30); единичное любодѣяніе не есть смертный грѣхъ, равно и лихва (ст. 31); вору, отвѣчающему за свое воровство, достаточно явиться къ семи священникамъ, сознаться предъ ними въ грѣхѣ и просить у нихъ помазанія елеемъ, а нѣтъ нужды платить деньги и вознагражденіе за украденное (ст. 32). Говорятъ, что христіане согрѣшаютъ смертно, когда брѣютъ себѣ бороды и ѣдятъ удавленину, и что достойны осужденія тѣ, которые ѣдятъ мясо въ послѣднее воскресенье передъ постомъ (ст. 28). Крестятъ, въ случаѣ недостатка воды, въ сосудѣ съ кислотою, выжатою изъ яблокъ или плодовъ и смѣшанною съ натуральною водою и заквасκою, и на тойже кислотѣ, при недостаткѣ вина, совершаютъ евхаристію (ст. 15). Различаются отъ римской церкви не только по формѣ крещенія, но и по матеріи; а въ день Богоявленія, вмѣсто церковной купѣли, для крещенія дѣтей освящаютъ рѣки, на подобіе Іордана, и если младенецъ умретъ при погруженіи въ холодную воду или выпадетъ изъ рукъ, то говорятъ, что онъ восхищенъ ангеломъ на небо, и что міръ недостоинъ былъ его присутствія (ст. 21). Говорятъ, что нѣтъ никакого таинства конфирмаціи (мvропомазанія),—почему и не употребляютъ его при поставленіи своихъ священниковъ,—и не имѣютъ опредѣленныхъ временъ для возведенія на церковныя степени, а возводятъ, какъ придется, и въ одинъ день, и на многія степени (ст. 13). Въ приготовленіи чаши смѣшиваютъ двѣ или три капли вина съ теплою водою, такъ что вина совсѣмъ нельзя чувствовать, и взявъ кислый хлѣбъ, раздѣленный на двое, изъемлютъ изъ верхней части его средину въ видѣ треугольника, которую и освящаютъ въ тѣло Христово... Къ этому хлѣбу, назначенному для таинства, прибавляютъ и многіе другіе, и предлагаютъ одинъ во имя Маріи, другой во имя Предтечи, третій во имя Василія, за тѣмъ Льва, Иліи, и такимъ образомъ при каждомъ хлѣбѣ призываютъ особаго Святаго. Во многихъ мѣстахъ таинство совершаютъ въ деревянныхъ чашахъ и пріобщаютъ народъ изъ чаши деревянными лжицами, преподавая ему тѣло и кровь (ст. 16). Предъ пріобщеніемъ берутъ теплую воду и вливаютъ въ освященную чашу, и если изъ чаши поднимается паръ, то вѣруютъ, что въ ней дѣйствительно таинство; оставшееся въ чашѣ сохраняется, а послѣ обѣда потребляется священникомъ (ст. 17). Освящаютъ пшеничный хлѣбъ въ тѣло Христово за воиновъ и раздаютъ его въ руки отправляющимся на войну мірянамъ, которые, предъ сраженіемъ съ непріятелями, кладутъ тотъ хлѣбъ въ сосудъ съ жидкостію, какая случится, и сами пріобщаютъ себя (ст. 18). Для преподанія больнымъ, говорятъ, имѣетъ силу лишь то таинство евхаристіи, которое совершается въ день установленія его, а не иное, освящаемое въ другіе дни, и сохраняютъ то таинство втеченіе года въ особомъ сосудѣ для преподанія больнымъ (ст. 19). Хлѣбъ, приготовленный для таинства, и чашу съ виномъ, смѣшаннымъ съ теплою водою, до освященія ихъ выносятъ съ величайшимъ благоговѣніемъ

и показываютъ народу, и народъ повергается долу и оказываетъ имъ почтеніе; а когда хлѣбъ тотъ и чаша поставляются на престолѣ и освящаются, то уже не поднимаются предъ народомъ и никѣмъ не чтутся (ст. 20). Говорятъ, что таинство елеосвященія не можетъ подавать врачества противъ виновности грѣха, и что св. Іаковъ разумѣлъ помазаніе только для уврачеванія болѣзни тѣлесной (ст. 14). Не должно, говорятъ, поститься въ субботу, и смертно грѣшатъ тѣ, которые постятся, не должно совершать литургіи впродолженіе всей четыредесятницы, кромѣ дней субботнихъ и воскресныхъ, почему и осуждаютъ римскую церковь, совершающую литургіи и въ другіе дни; предъ постами восемь дней празднуютъ, и послѣ постовъ шесть дней ѣдятъ мясное; въ четыредесятницу, говорятъ, не должно вкушать даже рыбы (ст. 27). Священники ихъ вообще не молятся, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда, по обычаю своему, готовятся къ совершенію литургіи, и въ какіе часы они молятся, одинъ Богъ видитъ (ст. 22). Говорятъ, что пресвитеры ихъ впадаютъ въ грѣхъ, когда убьютъ воробья или другую птицу, и получаютъ прощеніе лишь тогда, если будутъ носить убитую ими птицу за крылья, пока она совершенно сгніетъ, — епитимія не могла бы быть болѣе строгою, еслибы они убили человѣка-христіанина (ст. 25). Допускаютъ расторженіе браковъ безъ всякой разумной причины, а по одной корысти и прихоти, возбуждаемыхъ въ супругахъ простыми мірянами, и говорятъ, что всякъ, просящій развода можетъ быть разведенъ (ст. 37). Вторый и третій бракъ, говорятъ, не суть законные и не составляютъ истиннаго таинства, и отъ нихъ не происходятъ законныя дѣти (ст. 38). Совершивъ погребеніе, всѣ цѣлуютъ могилы

своихъ мертвецовъ, по приказанію священника, и за тѣмъ устрояютъ пиршество, вкушая при этомъ и нѣкоторые ячменные хлѣбы, благословенные пресвитерами (ст. 39). Говорятъ, что дозволительно продавать или покупать прелатства и церковные приходы, равно какъ и священныя степени, и что дѣти имѣютъ право наслѣдства на тѣ приходы, которые держали ихъ отцы (ст. 29). Говорятъ, что свѣтскимъ верховнымъ властителямъ надъ ними дозволительно, безъ опасенія церковнаго отлученія, наказывать и низлагать ихъ патріарховъ, епископовъ и священниковъ, — что получило начало еще въ Греціи (ст. 40).

Не все, безъ сомнѣнія, изложенное въ этихъ сорока статьяхъ, изложено вѣрно и точно. Иное авторъ или понялъ неправильно или перетолковалъ (наприм., ст. 13. 14, снес. 32); иное преувеличилъ или исказилъ (ст. 4. 16. 17. 37); иное основалъ на ложныхъ, дошедшихъ до него, слухахъ и даже противорѣчивыхъ, или на частныхъ случаяхъ, безъ надлежащей повѣрки (ст. 26. 28, снес. 30); но большею частію, показанія его достовѣрны и драгоцѣнны для насъ, какъ показанія современника и притомъ латинянина. А особенно достовѣрно и драгоцѣнно для насъ свидѣтельство его, что русскіе тогда въ литовскихъ владѣніяхъ были чрезвычайно привержены къ своей вѣрѣ и до крайности непріязненны къ вѣрѣ латинской, что никакой уніи съ римскою церковію у нихъ тогда не было, и что они прямо отвергли и ту унію, какую пытались-было ввести между ними въ 1500 году. Изложивъ религіозныя заблужденія русскихъ и указывая на ихъ непріязненность къ римской церкви, Сакранъ счелъ нужнымъ еще высказать мысль, что если русскіе съ притворнымъ смиреніемъ

и простотою будутъ приходить къ апостольскому сѣдалищу, то не должно тотчасъ имъ вѣрить и немедленно принимать ихъ,—мысль, которой, какъ мы знаемъ, держались и сами папы по отношенію къ извѣстнымъ попыткамъ митрополитовъ Мисаила и Іосифа ([129]). Правда, могли быть и дѣйствительно были тогда частные случаи обращенія русскихъ къ католицизму. Кромѣ Ивана Сопѣги, о которомъ мы уже упоминали, можемъ указать еще, для примѣра, на жену кобринскаго князя Ивана Семеновича (ум. прежде 1491 г.), княгиню Ѳеодору, изъ рода Рогатинскихъ: по смерти князя, вступая въ новое замужество за виленскаго воеводу Паца, она измѣнила православію и приняла латинскую вѣру вмѣстѣ съ новымъ для себя именемъ Софіи. Но случалось, что и латиняне тогда переходили въ русскую вѣру, какъ можно догадываться изъ слѣдующихъ словъ королевской граматы, данной Витебску въ 1503 году: «которыи будутъ, литвинъ або ляхъ, крещены были у Витебску въ русскую вѣру, а хто изъ того роду и тепере живетъ, того намъ нерушити, права ихъ хрестьанского ни въ чомъ не ломити» ([130]).

([129]) *Joannis Sacrani* Elucidarius errorum ritus Ruthenici, anno Domini 1500 scriptus (apud *Lasicium* De Russor., Moscovit. et Tartarorum religione, pag. 184—198, Spirae 1582).

([130]) А. З. Р. I, № 204. стр. 353; V, № 2, стр. 5. Изъ письма папы Иннокентія VIII къ польскому королю Албрехту объ Иванѣ Сопѣгѣ видно, что послѣдній, измѣнивъ (1492 г.) въ Римѣ вѣрѣ своихъ отцевъ и принявъ латинство, боялся подвергнуться за это непріязни и притѣсненіямъ со стороны своихъ бывшихъ единовѣрцевъ; почему папа и просилъ теперь короля принять Сопѣгу подъ свое особое покровительство и защищать его, вмѣстѣ съ его имѣніями, отъ схизматиковъ и отъ всякой обиды и притѣсненія (Письмо напеч. у *Jaroszewicza*, Obraz Litwy, II, 181—182).

ГЛАВА II.

СПОКОЙНОЕ СОСТОЯНІЕ ПРАВОСЛАВІЯ, ЛИШЬ ИЗРѢДКА НАРУШАВШЕЕСЯ БОРЬБОЮ СЪ ЛАТИНСТВОМЪ, БЕЗЪ ПОПЫТОКЪ КЪ УНІИ.

I.

Первая и весьма важная для западно-русской церкви перемѣна, вслѣдствіе войны московскаго государя Ивана III съ литовскимъ Александромъ, произошла въ положеніи королевы Елены. Уже въ то время, пока продолжалась эта война, счастливая для Россіи, Александръ началъ оказывать своей супругѣ болѣе вниманія, нежели прежде: въ 1501 г. онъ пожаловалъ ей, какъ мы видѣли, нѣсколько своихъ имѣній, чего прежде она напрасно у него просила, и, несмотря на неоднократныя настоянія со стороны папы, не соглашался удалить ее отъ себя. Вслѣдъ затѣмъ онъ подарилъ ей еще собственное, хотя и небольшое, село Тростенецъ близъ Минска, которое Елена тогда же (17 генв. 1502 г.) записала на минскій вознесенскій монастырь, и Александръ подтвердилъ эту запись своею граматою (10 марта 1502) ([131]). Потому въ слѣдующемъ году, предъ заключеніемъ перемирія между Москвою и Литвою, Еле-

---

([131]) А. З. Р. II, № 118; IV, № 121; Собран. граматъ Минск. губерніи, № 57.

на не безъ основанія писала къ отцу и говорила ему чрезъ своего канцлера Сопѣгу, что мужъ ее любитъ и жалуетъ, и даетъ ей волю держаться греческаго закона и обычаевъ, и выражала увѣренность, что пока Александръ живъ, она не ожидаетъ себѣ никакого принужденія въ вѣрѣ. По заключеніи перемирія (1503 г.) Александръ сдѣлалъ своей супругѣ еще болѣе значительный подарокъ: записалъ за нею, въ пожизненное владѣніе, городъ или замокъ Могилевъ со всею его областію и крестьянами ([132]). А чтобы освободить себя отъ укоровъ латинскаго духовенства и собственной совѣсти, Александръ просилъ новаго папу Юлія II разрѣшить его отъ тяжкихъ обязательствъ, наложенныхъ на него прежнимъ папою Александромъ VI по отношенію къ Еленѣ, объясняя, что ни принуждать ее къ римскому закону, ни удалить ее отъ себя, за ея непреклонность въ греческомъ законѣ, не можетъ, потому что въ такомъ случаѣ отецъ ея, московскій вел. князь, навѣрно, вновь подниметъ войну на литовское государство и причинитъ ему много зла. И новый папа принялъ просьбу короля, дозволилъ ему (22 авг. 1505 г.) терпѣть Елену, несмотря на ея упорство въ своемъ законѣ, жить съ нею, какъ съ супругою, и не принуждать ее къ латинству, по крайней мѣрѣ, пока не скончается ея отецъ, уже дряхлый, или не представится къ тому другаго удобнаго случая, прибавивъ однакожъ: «если только Елена будетъ содержать декреты флорентійскаго собора, не будетъ презирать обрядовъ латинскихъ и никого не станетъ приводить къ своей русской сектѣ» ([133]). Московскій

([132]) *Danilowicz*, Scarbiec diplomatów, II, № 2153; А. З. Р. I, примѣч. 121.
([133]) *Theiner*, Vetera Monum. Poloniae et Lithuaniae, II, № 351, p. 319. Снес. А. З. Р. I, примѣч. 115.

государь Иванъ Васильевичъ скончался черезъ два мѣсяца (28 окт.); но сынъ и преемникъ его, Василій Ивановичъ, посылая пословъ своихъ съ извѣстіемъ объ этомъ и о своемъ вступленіи на престолъ къ королю Александру, прежде всего требовалъ, чтобы онъ, въ силу постановленнаго договора, не принуждалъ своей жены, а его сестры, королевы Елены къ римскому закону, и Александръ остался вѣренъ этому договору до самой своей смерти, послѣдовавшей въ концѣ ноября 1506 г. ([134]).

Новое значеніе и силу королевы Елены вскорѣ увидѣли всѣ православные, когда, по ея указанію и ходатайству, избранъ былъ для нихъ и утвержденъ королемъ Александромъ новый митрополитъ Іона II. И этотъ выборъ тѣмъ болѣе былъ имъ дорогъ и пріятенъ, что оказался впослѣдствіи весьма благотворнымъ для церкви. По сознанію самихъ уніатскихъ писателей, Іона былъ человѣкъ благочестивый хотя и простой, и до того былъ приверженъ къ своей вѣрѣ, что съ его времени Русь снова поворотила къ схизмѣ, схизма вновь подняла свою голову и утвердилась въ странахъ великаго княжества литовскаго и польскихъ; за нимъ, какъ пастыремъ–схизматикомъ, открыто послѣдовали его духовныя овцы, и не только низшій классъ народа, но и шляхта и вельможи, поколебавшіеся-было прежде. На митрополію онъ избранъ, по словамъ тѣхъ же писателей, изъ архимандритовъ минскаго вознесенскаго монастыря, которому покровительствовала Елена, а родомъ былъ будтобы изъ Москвы, гдѣ и напитался такою упорною при-

([134]) *Бантышъ-Каменск.* Переписка между Россіею и Польшею, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1860, IV, отд. II, 48. 49.

вязанностію къ схизмѣ ([135]). До поступленія въ монашество не былъ ли Іона священникомъ и духовникомъ Елены, послѣ попа Ѳомы, прибывшаго съ нею, о которомъ потомъ (въ 1497 г.) она отзывалась своему отцу: «попъ Ѳома не по мнѣ», присовокупляя: «а есть со мною другой попъ изъ Вильны, и онъ добре добръ»? И не потому ли Елена благодѣтельствовала минскому монастырю, что тамъ настоятельствовалъ ея бывшій духовникъ; не потому ли и ходатайствовала объ избраніи его въ митрополита, что близко знала его и уважала? Какъ бы то ни было, несомнѣнно одно, что до своего монашества Іона былъ женатъ и имѣлъ дѣтей ([136]). Время избранія его на митрополію съ точностію неизвѣстно; но въ мартѣ 1502 г. онъ былъ еще настоятелемъ минскаго вознесенскаго монастыря, а въ октябрѣ 1503 г. уже назывался «освященнымъ епископомъ, нареченнымъ митрополитомъ кіевскимъ и всея Руси», и совершилъ освященіе великой церкви супрасльскаго монастыря во имя Благовѣщенія и двухъ ея придѣловъ, одного во имя св. муч. Бориса и Глѣба, а другаго во имя преп. Антонія и Ѳеодосія печерскихъ ([137]). Благословеніе же и поставленіе на митрополію Іона получилъ, по всей вѣроятности, отъ цареградскаго патріарха Пахомія, который въ 1504 г. первосвятительствовалъ нѣсколько мѣсяцевъ ([138]).

([135]) *Dubowicz*, Hierarchia, 184; *Kulesz*, Wiara Prawosl., 192; *Kulczynsk.*, Specimen Eccl. Ruthen., 124; *Stebelsk.* Chronolog. 88 — 90. Но всѣ эти писатели ошибочно относятъ поставленіе Іоны въ митрополита къ 1516 или даже къ 1520 году, когда Елены уже не было въ живыхъ, и считаютъ его не предмѣстникомъ, а преемникомъ митрополита Іосифа Солтана. Таже ошибка повторялась и у нашихъ писателей.

([136]) *Соловьев.* Исторія Россіи, V, 147; А. З. Р. III, примѣч. 2.

([137]) Собраніе грам. Минск. губерн., № 57; Рукописн. Отдѣленіе Вилен. публ. библіотеки, стр. 16.

([138]) *Dubowicz*, Hierarchia, 184; *Копыстен.* Палинодія, въ артикулѣ о кіевск. митрополитахъ.

Давъ русскимъ такого достойнаго архипастыря, по желанію своей супруги, Александръ не переставалъ оказывать имъ и другіе знаки своего вниманія. Въ 1503 г. (іюля 16) онъ подтвердилъ уставную грамату жителямъ Витебска, въ которой, между прочимъ, обѣщалъ не вступаться въ ихъ православныя церкви и церковные домы и ни въ чемъ не нарушать правъ русской вѣры, даже еслибы ее содержали нѣкоторые изъ литовцевъ или поляковъ, крестившіеся прежде. Въ томъ же году пожаловалъ полоцкому владыкѣ Лукѣ въ одинъ день (26 декабр.) двѣ граматы: одною возвратилъ ему села и земли, которыя, за четыре года прежде, отнялъ у него и передалъ соборнымъ клирошанамъ; а другою подтвердилъ ему ту самую грамату о правахъ церковныхъ, по свитку Ярославову, и даже въ тѣхъ же выраженіяхъ, которую далъ прежде (1499) русскому духовенству ([139]). Въ 1504 году, марта 15, по просьбѣ холмскаго владыки, подтвердилъ ему грамату короля Владислава 1443 года, марта 22, которою ограждались всѣ прежнія права русскаго духовенства, судебныя и имущественныя, и оно приравнивалось, по правамъ, духовенству римскому ([140]). При осадѣ города Смоленска московскимъ войскомъ и во время произведенныхъ имъ опустошеній въ окрестныхъ мѣстахъ (ок. половины 1502 г.), *нареченный* владыка смоленскій Іосифъ (Солтанъ) показалъ королю Александру вѣрную службу противъ непріятеля и самъ потерпѣлъ немалый убытокъ: такъ какъ непріятель многія

([139]) А. З. Р. I, №№ 204. 209. 174; *Муханова* Сборникъ, № 84, изд. 2-е. Въ томъ же 1503 г. Александръ будтобы подтвердилъ и всему русскому духовенству грамату свою 1499 г. о правахъ его по свитку Ярославову (*Daniłowicz*, Scarbiec diplomatów, № 2158).

([140]) Архивъ Югозападн. Россіи, I, № 105.

его волости церковныя забралъ, а другія совсѣмъ разорилъ. За это король пожаловалъ (15 сент. 1504 г.) Іосифу въ бѣльскомъ уѣздѣ три небольшія имѣнія: Топилецъ, Батюты и Пыщево въ полную и вѣчную собственность (141). Въ слѣдующемъ году, по просьбѣ тогоже владыки Іосифа, вмѣстѣ съ князьями, боярами и всѣми жителями земли смоленской, Александръ подтвердилъ (1 марта) жалованную имъ грамату о неприкосновенности ихъ православной вѣры и другихъ правъ и вольностей. и далъ обѣщаніе: «напервѣй, намъ христіанства греческаго закону нерушити, налоги на ихъ вѣру не чинити, а въ церковныя земли и въ воды не вступатися, такожъ въ монастыри». Черезъ годъ пожаловалъ (3 марта) кіево-николаевскому пустынскому монастырю грамату на владѣніе купленною землею и угодьями (142). Неизвѣстно, въ какомъ именно году, туровскій и пинскій владыка Вассіанъ жаловался королю Александру, что пинскіе князья Иванъ и Ѳедоръ Ивановичъ Ярославичи, безъ вѣдома и благословенія его-владыки, закладаютъ и строятъ по городамъ и волостямъ церкви, опредѣляютъ къ тѣмъ церквамъ поповъ, судятъ ихъ и совсѣмъ освобождаютъ ихъ отъ послушанія владыкѣ. Александръ призналъ жалобу справедливою и присудилъ, чтобы всѣ церкви, построенныя Ярославичами безъ воли и благословенія владыки, отданы были въ его вѣдѣніе, вмѣстѣ съ священниками,

(141) Вилен. Археогр. Сборн. IX, № 3, стр. 8. Относимъ эту грамату къ 1504, а не къ 1506 г.: потому что въ ней показанъ индиктъ 7-й, соотвѣтствующій 1504, а не 1506 г., и Іосифъ названъ еще нареченнымъ владыкою, между тѣмъ какъ въ 1505 г. онъ былъ уже дѣйствительнымъ смоленскимъ владыкою (А. З. Р. I, № 213). Что потерпѣлъ Іосифъ при осадѣ Смоленска и чѣмъ послужилъ королю—см. А. З. Р. II, № 24; Вилен. Археогр. Сборн. IX, № 11, стр. 28.

(142) А. З. Р. I, №№ 213. 223.

и чтобы впредь во всей «парафіи» туровской и пинской свѣтскіе люди, князья, бояре и другіе, безъ воли и благословенія владыки, церквей и монастырей не закладывали и не строили, священниковъ къ нимъ не опредѣляли и ни въ какія духовныя справы не вступались подъ опасеніемъ штрафа въ три тысячи копъ литовскихъ на государя (143). Но съ другой стороны, Александръ не переставалъ дѣлать и такія распоряженія, которыя не могли служить на пользу православной церкви: онъ отдалъ (12 сент. 1504 г.) пересопицкій монастырь, со всѣми его селами, землями и угодьями, во владѣніе княгинѣ Маріи Черторыйской, а черезъ полгода—сыну ея, князю Ѳедору Черторыйскому и его потомкамъ (144).

Александръ не усомнился войти въ непосредственное сношеніе даже съ цареградскимъ патріархомъ Іоакимомъ, тѣмъ самымъ, котораго папа въ своей граматѣ къ нему-Александру, какъ мы видѣли, назвалъ еретикомъ и незаконно поставленнымъ на патріаршество. Король написалъ къ патріарху письмо, которымъ извѣщалъ, что «маршалокъ его державы, правовѣрный и знаменитый господинъ Александръ Ивановичъ Ходкевичь основалъ и построилъ, на собственныя средства, въ своей наслѣдственной отчинѣ — въ Блудовскихъ лѣсахъ, на берегу рѣки Супрасли, славный монастырь въ честь пречистой и преблаженной Дѣвы Маріи, Богородицы». Тогда же написалъ къ патріарху и самъ Ходкевичь, что построилъ въ своей обители прекрасный храмъ, съ большими издержками, и обезпечилъ средства для существованія какъ храма, такъ и обители, на вѣчныя времена, вмѣстѣ съ смо-

(143) А. З. Р. II, № 109.

(144) А. З. Р. I, № 212; А. Ю. и З. Р. I, № 41.

ленскимъ епископомъ Іосифомъ. Въ отвѣтъ на эти письма вселенскій патріархъ прислалъ (1505 г.) въ супрасльскій монастырь свою благословенную грамату, въ которой прежде всего благословляетъ вкладчиковъ или благотворителей св. обители, боярина Александра и епископа смоленскаго Іосифа, потомъ самую обитель; утверждаетъ ея правила и уставъ, и заповѣдуетъ, чтобы въ обители непрестанно поминаемы были въ молитвахъ названные ея благотворители, чтобы братія избирали себѣ игумена изъ собственной среды, не употребляли хмѣльныхъ напитковъ, и безъ воли игумена не выходили даже за монастырскія ворота; наконецъ, чтобы между братіями существовало совершеннѣйшее общежитіе, и ни одинъ монахъ не держалъ у себя ни денегъ, ни иной какой вещи, а отдавалъ все на храненіе избранному братствомъ казнохранителю. Смоленскій епископъ Іосифъ, который въ граматѣ патріаршей, наравнѣ съ Ходкевичемъ, названъ благотворителемъ супрасльской обители, пожертвовалъ ей тѣ самыя три небольшія села въ бѣльскомъ уѣздѣ, которыя получилъ отъ короля Александра за свои заслуги. Пожертвованіе это было сдѣлано, безъ сомнѣнія, еще до письма посланнаго Ходкевичемъ къ патріарху; но грамату, въ подтвержденіе своего пожертвованія, Іосифъ далъ обители уже 11 мая 1506 г. ([145]).

Изъ дѣйствій самого митрополита Іоны извѣстны немногія. Во время войны Ивана Васильевича съ Александромъ взятъ былъ въ плѣнъ московскимъ войскомъ, въ числѣ другихъ, и сынъ Іоны Сенька Кривой. Въ 1505 г., когда къ

([145]) Вилен. Археогр. Сборн. IX, №№ 1. 2.

новому московскому вел. князю Василію Ивановичу приходилъ посолъ отъ польскаго короля, присылалъ и митрополитъ Іона своего человѣка къ московскому митрополиту Симону и просилъ исходатайствовать его сыну Сенькѣ освобожденіе изъ плѣна, на обмѣнъ одного боярскаго сына. Но ходатайство Симона не имѣло успѣха: потому что государю хотѣлось обмѣнять митрополичьяго сына не на одного, а на двухъ боярскихъ дѣтей. Въ слѣдующемъ году, также съ посломъ королевскимъ, Іона снова прислалъ въ Москву своего человѣка и просилъ о сынѣ. Въ этотъ разъ Василій Ивановичъ, снисходя на просьбу Іоны, а болѣе на ходатайство своего московскаго митрополита и бояръ, повелѣлъ отпустить Сеньку Криваго въ обмѣнъ одного сына боярскаго, хотя, какъ далѣе увидимъ, обмѣнъ состоялся еще нескоро ([146]).

Во время тойже войны Ивана Васильевича съ Александромъ, московское войско, послѣ неудачной осады Смоленска, опустошая литовскія области, доходило и до Гродны, и здѣсь разорило колошскій монастырь и въ немъ церковь св. муч. Бориса и Глѣба. Нашелся благотворитель и для этой обители—нѣкто Богушъ Боговитиновичъ, писарь королевскій, городничій трокскій. Онъ воздвигъ и обновилъ, на собственныя средства, церковь и монастырь, снабдилъ ихъ всѣмъ необходимымъ и пожертвовалъ имъ село свое Чащевичи съ землями и всѣми угодьями, — на что и выдалъ монастырю запись въ 20 день іюля 1506 г., въ присутствіи митрополита Іоны и смоленскаго владыки Іосифа. Въ тоже время митрополитъ Іона, по

([146]) *Бантышъ-Каменск.* Переписка между Россіею и Польшею, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1860, IV, отд. II, 49. Изъ плѣна отпущенъ Семенъ Кривой, вѣроятно, уже въ 1509 г., когда, по заключеніи вѣчнаго мира съ Польшею, отпущены были и всѣ польскіе плѣнники (тамъ же, 52—54).

© ГПБ РАН

просьбѣ Боговитиновича, далъ монастырю благословенную грамату (отъ 20 іюля 1506 г.), въ которой отказался за себя и своихъ преемниковъ отъ всѣхъ доходовъ, собиравшихся дотолѣ въ митрополичью казну съ этого монастыря, какъ то: отъ сборныхъ куницъ, подъѣздовъ, станцій, поклоновъ и иныхъ, и предоставилъ навсегда ктитору храма Богушу, вмѣстѣ съ монастырскою братіею, избирать игуменовъ и подавать имъ монастырь по своей волѣ, только съ благословенія митрополита и безъ всякой мзды ему за благословеніе. Подъ грамотою своею Іона подписался такъ: «Волею Божею, Іона архіепископъ метрополитъ кіевски и всея Руси се писахъ моею рукою». Эту грамату митрополита, равно какъ и фундушевую запись Боговитиновича, спустя годъ, подтвердилъ и новый король польскій Сигизмундъ своею граматою, которою передалъ колошскій борисоглѣбскій монастырь во власть, «опеканье» и подаванье пану Боговитиновичу, съ тѣмъ чтобы митрополитъ и епархіальный архіерей не вступались ни въ монастырь, ни въ церковь, и никакихъ доходовъ и подачекъ съ нихъ не брали, а преподавали только благословеніе избранному игумену ([147]).

Подъ конецъ своей жизни, но находясь еще въ здоровомъ состояніи, митрополитъ Іона составилъ два духовныхъ завѣщанія. Въ одномъ расписалъ часть своего имущества на церкви Божіи для спасенія своей души; въ другомъ нѣкоторую сумму золотыхъ и иного своего имущества назначилъ своему государю, еще нѣкоторую распредѣлилъ между своими пріятелями

([147]) *Кульчинск.* Инвентарь Городенскаго колошскаго монастыря, въ Вилен. Археогр. Сборн. IX, №№ 3. 4. 5, стр. 416 — 422. Грамата Сигизмунда не могла быть дана въ іюлѣ 1506 г., когда еще былъ живъ король Александръ. Вообще въ этомъ инвентарѣ допущено множество хронологическихъ ошибокъ.

и слугами и, въ особенности, перечислилъ всѣ вещи и деньги, которыя должны принадлежать сыну его Сенькѣ, находившемуся еще въ плѣну московскомъ. Оба эти завѣщанія Іона представилъ королю Сигизмунду и билъ челомъ утвердить ихъ, чтобы ни при жизни его-митрополита, ни по смерти, завѣщанія никѣмъ не были нарушены, и всѣ вещи были розданы по назначенію, а вещи сына его сохранялись въ цѣлости, пока онъ не освободится изъ плѣна. Король уважилъ желаніе первосвятителя и оба его завѣщанія утвердилъ своею граматою въ 9 день іюля 1507 года ([148]). Кончину митрополита Іоны надобно относить къ послѣднимъ мѣсяцамъ тогоже 1507 года, судя потому, что въ началѣ слѣдующаго года, какъ увидимъ, былъ уже другой митрополитъ кіевскій и всея Руси.

Были, во дни митрополита Іоны, и другія знатныя лица, кромѣ извѣстныхъ уже намъ маршалка Ходкевича и королевскаго писаря Боговитиновича, дѣлавшія вклады и пожертвованія на православныя церкви и монастыри. Князь Ѳедоръ Ивановичъ Ярославичъ Пинскій, соорудивъ, въ имѣніи своемъ Ставкѣ, церковь св. Іоакима и Анны, надѣлилъ ее (1504 г.) пахатными и бортными землями, сѣножатями и рыбными ловлями, назначилъ священнику ея десятину ржи и всякаго яроваго хлѣба изъ своего новаго двора и по осмидесяти грошей

([148]) Этотъ документъ напечатанъ о. протоіереемъ *Лебединцевымъ* въ Кіев. епархіал. Вѣдомостяхъ за 1873 г., и потомъ, вмѣстѣ съ другими документами, заимствованными изъ Литовской метрики и изъ архива уніатскихъ митрополитовъ при Св. Синодѣ, изданъ въ особой брошюрѣ, озаглавленной: «Матеріалы для исторіи кіевской митрополіи», стр. 37—38. Въ самомъ документѣ годъ написанія его не обозначенъ, а показано только: «писанъ у Вильни, іюля 9 день, индикта 10», подобно тому, какъ и въ другой граматѣ Сигизмунда 1507 г. — въ А. З. Р. II, № 24.

ежегодно. Князь Михаилъ Ивановичъ Мстиславскій, благотворившій и прежде мстиславскому пустынскому монастырю, прибавилъ ему (1505 г.) еще медовую и денежную дани изъ своихъ имѣній ([149]). Князь Димитрій Путятичъ, воевода кіевскій, не успѣлъ оставить духовнаго завѣщанія; но душеприкащикъ его, князь Михаилъ Глинскій, самъ назначилъ и раздалъ по душѣ его, съ соизволенія короля Александра, пожертвованія на церкви и монастыри. Грамата королевская (отъ 29 апр. 1506 г.), въ которой излагается и утверждается это распоряженіе Глинскаго, представляетъ собою весьма любопытный историческій документъ. Изъ нея можно видѣть, сколько было тогда въ западно-русской церкви православныхъ архіерейскихъ каѳедръ, сколько церквей въ Вильнѣ, и какія церкви и монастыри считались наиболѣе уважаемыми. Самые большіе вклады изъ оставшихся имѣній покойнаго князя Путятича сдѣланы на монастырь кіево-печерскій, въ которомъ погребены были родители его и онъ самъ, и на виленскій пречистенскій соборъ: первому назначены половина крестьянъ данниковъ покойнаго князя, по имени Зеремцовъ, жившихъ за Березиною, и уставъ меда, который шелъ съ нихъ; послѣднему—другая половина тѣхъ же данниковъ и такой же уставъ меда. За тѣмъ дано по десяти копъ грошей на каждый изъ архіерейскихъ синодиковъ для поминовенія покойнаго князя, и именно на синодики: митрополичій, смоленскій, полоцкій, володимерскій, луцкій, туровскій, перемышльскій и холмскій, всего—на восемь. Далѣе — десять копъ грошей на виленскій троицкій монастырь и по двѣ копы грошей на двѣнадцать виленскихъ церквей, которыхъ, слѣдовательно, вмѣстѣ съ пре-

([149]) Ревизія пущъ, приложен. № 13, стр. 221; А. З. Р. I, № 217.

чистенскимъ соборомъ и троицкимъ монастыремъ, было въ Вильнѣ четырнадцать. Еще далѣе назначено по десяти копъ грошей: въ Новогрудкѣ на двѣ церкви—Пречистыя и св. муч. Бориса и Глѣба, въ Минскѣ на вознесенскій монастырь, въ Гроднѣ на церковь Пречистыя и на монастырь Бориса и Глѣба, въ Смоленскѣ на соборную церковь Пречистыя и на общежительные монастыри — троицкій и спасскій, въ Витебскѣ на соборную церковь св. Михаила, въ Полоцкѣ на софійскій соборъ, въ Брестѣ на соборную церковь св. Николая, во Владимірѣ на церковь Пречистыя, въ Луцкѣ на церковь св. Іоанна Богослова и на жидичинскій николаевскій монастырь, въ Холмѣ на церковь Пречистыя, въ Перемышлѣ на соборную церковь, въ имѣніяхъ покойнаго князя на троицкій монастырь, и еще на какой-то пустынскій монастырь пана Александра (вѣроятно, Ходкевича, т. е. супрасльскій). Наконецъ, на спасскую церковь въ Люблинѣ назначено пять копъ грошей и на семь церквей въ имѣніяхъ покойнаго князя Путятича по копѣ грошей ([150]).

II.

Отпуская пословъ новаго польскаго короля и вел. князя литовскаго Сигизмунда, приходившихъ въ Москву съ вѣстію о его вступленіи на престолъ, московскій государь Василій Ивановичъ (въ мартѣ 1507 г.) далъ имъ наказъ: «молвите

([150]) А. З. Р. I, № 224. Въ архивѣ уніатскихъ митрополитовъ, при Св. Синодѣ, находятся: 1) подлинная дарственная запись (на пергаментѣ) князя Михаила Глинскаго на половину данниковъ Заремцовъ, данная, по душѣ князя Путятича, виленскому пречистенскому собору 1506 г., мая 18, инд. 9, и 2) подтвердительная грамата короля Александра этой дарственной записи (Опись архив. №№ 138. 488).

отъ насъ брату и свату нашему, Сигизмунду, чтобы и нынѣ сестра наша Елена, а его сноха, вѣдала свой греческій законъ во всемъ, а онъ бы ее жаловалъ и берегъ и держалъ въ чести, какъ пригоже, и къ римскому закону ее не нудилъ бы ничѣмъ» (151). И надобно отдать справедливость Сигизмунду: онъ такъ и дѣйствовалъ по отношенію къ Еленѣ. Еще прежде (генв. 5) онъ пожаловалъ ей въ пожизненное владѣніе свой замокъ Бѣльскъ, съ городами Саражемъ и Брянскомъ, со всѣми боярами, слугами и людьми бѣльскаго повѣта, со всѣми землями, лѣсами, сѣножатями, со всѣми ловами, рыбными, звѣриными и птичьими, со всѣми данями, доходами и пожитками. А черезъ три года (12 марта 1510) отдалъ ей, по ея просьбѣ, виленскій свято-троицкій монастырь въ ея патронатство, чтобы она сама избирала архимандрита монастырю и подавала его, кому захочетъ, а ни митрополитъ, ни даже король въ то не вступались (152). Потому-то и Елена, насколько могла, старалась пособлять Сигизмунду въ его сношеніяхъ съ ея братомъ. Когда князь Михаилъ Глинскій, съ своими братьями и пріятелями, взбунтовался противъ литовскаго государя, и Василій Ивановичъ, принявъ ихъ въ подданство Россіи, послалъ имъ (весною 1508 г.) на помощь войско для разоренія литовской земли,—тогда, вмѣстѣ съ посломъ отъ Сигизмунда въ Москву, присылала и Елена своего человѣка, и просила Василія Ивановича, чтобы онъ былъ съ королемъ «въ любви, и въ братствѣ, и въ пріязни», а о Глинскомъ писала, что онъ, забывъ милости ея мужа—Алек-

(151) А. З. Р. II, № 16, стр. 18.

(152) А. З. Р. II, №№ 8. 58. Снес. № 80, стр. 107. Виленскій свято-троицкій монастырь, съ конца XV вѣка, король взялъ въ свое подаванье (Вилен. Археогр. Сборн. VI, № 4, стр. 8).

сандра, который сдѣлалъ его изъ смерда паномъ, посягнулъ на здоровье своего государя и, своими чарами, свелъ его со свѣта. Правда, Глинскій и его пріятели увѣряли Василія Ивановича, что въ Литвѣ опять пришла на Русь великая нужда о греческомъ законѣ, что ее нудятъ тамъ къ закону римскому, и Василій Ивановичъ повѣрилъ имъ, почему и сталъ за нихъ, и поднялъ свое оружіе въ оборону православной Руси въ Литвѣ, какъ самъ объяснялъ своей сестрѣ Еленѣ, намекая ей, не настала ли теперь и ей великая неволя (153). Но это, безъ сомнѣнія, была клевета измѣнниковъ польскаго короля, которою они разсчитывали сильнѣе подѣйствовать на московскаго государя и скорѣе вызвать его на борьбу съ Сигизмундомъ: не сохранилось никакихъ указаній, чтобы тогда возобновлялась въ Литвѣ попытка къ обращенію православныхъ къ латинской вѣрѣ. Доходили въ Москву извѣстія (1509), что король «держитъ не въ чести» свою невѣстку Елену, и въ другой разъ (1512), что ее сильно обидѣли паны воеводы, виленскій и троцкій, не пустили ѣхать въ Бреславль, ея имѣніе, а насильно отвезли въ Троки, потомъ въ Биршаны, и отобрали у нея казну, города и волости. Но первое извѣстіе ничѣмъ не подтвердилось, а послѣднее оказалось преувеличеннымъ или искаженнымъ, какъ видно изъ словъ короля московскому послу: «намъ хорошо извѣстно, что паны казны и никакихъ имѣній у нашей невѣстки не отнимали, въ Троки и Биршаны ее не возили, нечести ей никакой не чинили, но только сказали ей, съ нашего вѣдома, чтобы ея милость въ Бреславль не ѣхала, по небезопасности пограничныхъ мѣстъ, а пребывала по другимъ своимъ городамъ и

(153) П. Собр. Русск. Лѣт. VIII, 249; А. З. Р. II, №№ 22. 49.

дворамъ. Мы нашу невѣстку королеву Елену, съ тѣхъ поръ, какъ стали господаремъ въ нашей отчинѣ, держали въ великой чести, и къ римскому закону никогда не нудили и не будемъ нудить, а городовъ и волостей, что̀ подавалъ ей нашъ братъ, не только у нее не отнимали, но придали ей къ тому еще нѣсколько городовъ, и волостей, и дворовъ нашихъ. Для большаго же удостовѣренія, ѣхалъ-бы ты къ самой нашей невѣсткѣ, королевѣ, и пораспросилъ ее о томъ». Въ распространеніи ложныхъ слуховъ относительно Елены не безъ основанія подозрѣваютъ князя Мих. Глинскаго: онъ подалъ даже «запись» вел. князю Василію Ивановичу, будто его сестру Елену зельемъ отравили ([154]). Елена скончалась 24 генваря 1513 г. въ своемъ имѣніи Бреславлѣ, и погребена съ честію въ виленскомъ пречистенскомъ соборѣ самимъ митрополитомъ Іосифомъ II, который нарочно для этого вызванъ былъ въ Вильну ([155]).

Не знаемъ, участвовала ли Елена, своимъ ходатайствомъ, и въ избраніи Іосифа на митрополію, какъ прежде участвовала въ избраніи Іоны II; но должны сказать, что и настоящій выборъ православнаго митрополита былъ весьма удаченъ. Іосифъ происходилъ изъ знатной фамиліи Солтановъ, хотя и нельзя доказать непререкаемо, будто онъ былъ тотъ самый Иванъ Солтанъ, который еще при Казимірѣ служилъ земскимъ подскарбіемъ великаго княжества литовскаго и въ 1476 г.

([154]) *Бант.-Каменск.* Переписка между Россіею и Польшею, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1860, IV, отд. II, 54. 57. 60; А. З. Р. II, № 80; А. Э. I, № 289, стр. 337.

([155]) А. З. Р. II, № 83; *Бант.-Каменск.* тамъ же, 62. Кояловичь пишетъ: Mortua est Wilnae, excurrente Ianuario, tumulata regio apparatu in Russorum templo Deiparae sacro (Historiae Lithuanae pars II, p. 350, Antverp. 1669).

подписался подъ извѣстнымъ посланіемъ митрополита Мисаила къ папѣ Сикству IV, какъ утверждаютъ уніатскіе и іезуитскіе писатели, выводя отсюда заключеніе, что митрополитъ Іосифъ Солтанъ былъ уніатъ. Мать его—Василисса происходила изъ рода Тышкевичей, сестра—Анна находилась въ супружествѣ за княземъ Александромъ Чарторижскимъ, а другая—Марина за Василіемъ Горностаемъ; старшій братъ назывался Михаиломъ Солтановичемъ ([156]). Самъ Іосифъ, какъ мы уже упоминали, показалъ вѣрную службу королю Александру еще въ 1502 г., при осадѣ Смоленска русскими, когда былъ только нареченнымъ епископомъ,—за что̀ и получилъ отъ короля три имѣнія. Потомъ, пожертвованіемъ этихъ имѣній на супрасльскую обитель сдѣлался извѣстнымъ вселенскому патріарху (1505) и новому королю Сигизмунду, который утвердилъ (1507) за обителію его даръ, а самому Іосифу, владыкѣ смоленскому, во вниманіе къ прежнимъ убыткамъ, какіе потерпѣла его каѳедра отъ русскихъ, пожаловалъ (18 іюля 1507) сельцо Капустинское ([157]). На митрополію онъ избранъ, по всей вѣроятности, къ концу тогоже 1507 года: потому что въ генварѣ слѣдующаго былъ уже митрополитомъ, хотя, разумѣется, только *нареченнымъ*, какъ называлъ его, даже въ февралѣ 1509 г., и самъ король въ своей окружной граматѣ. Но въ сентябрѣ 1509 г. подписывался уже подъ своими граматами такъ: «волею Божіею, Іосифъ архіепископъ, митрополитъ

([156]) *Прот. Лебединцев.*, Матеріалы для исторіи кіев. митрополіи, 1 — 3; А. Ю. и З. Р. I, № 62. А у Яна Солтана, подписавшагося въ 1476 г. подъ граматою къ папѣ, былъ, по Нѣсецкому, будтобы только одинъ братъ—Александръ (Herbarz Polski, VIII, 457, w Lipsku 1841).

([157]) А. З. Р. II, № 24. Спес. № 23.

кіевскій и галицкій и всея Руси» ([158]). Слѣд. поставленіе его на митрополію совершилось между февралемъ и сентябремъ 1509 года. Это поставленіе онъ получилъ, какъ самъ свидѣтельствуетъ, благословеніемъ святѣйшаго вселенскаго патріарха Константинограда, новаго Рима, киръ Пахомія и его великаго собора ([159]). Пока былъ нареченнымъ митрополитомъ, Іосифъ удерживалъ за собою и смоленскую епархію и иногда проживалъ въ Смоленскѣ; но сдѣлавшись дѣйствительнымъ митрополитомъ, скоро поставилъ для смоленской епархіи особаго епископа—Варсонофія ([160]).

Едва прошло нѣсколько мѣсяцевъ со времени утвержденія Іосифа на митрополитской каѳедрѣ, какъ онъ созвалъ соборъ въ Вильнѣ «о церковныхъ вещехъ и о исправленіи дѣлъ духовныхъ», который и состоялся въ самый праздникъ Рождества Христова, 25 декабря 1509 года. Причины, вызвавшія

([158]) А. З. Р. II, №№ 10. 51. 55. Первая изъ этихъ граматъ, подъ № 10, писанная къ *митрополиту* Іосифу въ Минскъ 20 генваря, безъ означенія года, не можетъ быть относима къ 1507 году: потому что не только въ генварѣ, но и въ іюлѣ 1507 г. Іосифъ былъ еще только епископомъ смоленскимъ, а не митрополитомъ (А. З. Р. II, №№ 23. 24). Если въ граматѣ просятъ митрополита «утвердить присягами» людей, находившихся въ минскомъ замкѣ, «абы они господарю, его милости, правду вчинили», и поспѣшить для тогоже и въ Вильну, то это—не по случаю возшествія на престолъ новаго государя, а по случаю ожидаемаго нападенія московитянъ, которое случилось именно въ 1508 году (П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 249).

([159]) Акт. Вилен. Коммис. I, № 10, стр. 39. Въ Сборникѣ Император. публ. библ., по Опис. рукописей графа Ѳ. А. Толстова, отд. II, № 68, находится «Грамата прощалная Іосифа, митрополита кіевскаго и всея Руси», данная имъ священноиноку Закхею (л. 290). Здѣсь Іосифъ такъ же свидѣтельствуетъ: «по благодати Св. Духа и благословеніемъ святѣйшаго господина, *вселенскаго* патріарха Констяниполя, новаго Рима, киръ *Пахомія* власти данней намъ вязати и рѣшати»... и проч.

([160]) А. З. Р. II, №№ 45. 51; А. Ю. и З. Р. I, № 53, стр. 41. На виленскомъ соборѣ 25 дек. 1509 г., какъ сейчасъ увидимъ, присутствовалъ уже смоленскій епископъ Варсонофій.

созваніе собора, объяснилъ самъ митрополитъ въ началѣ «соборнаго Дѣянія», воспользовавшись при этомъ словами митрополита Кирилла II, сказанными на владимірскомъ соборѣ 1274 года. «Съ того дня, — говоритъ Іосифъ, — какъ, изволеніемъ Божіимъ, я, недостойный, занялъ престолъ митрополіи кіевской и всея Руси и принялъ обязанность пасти церковь Божію, отсѣкать всякое преступленіе закона нашей православной вѣры и утверждать, по древнему обычаю, церковные уставы, я видѣлъ много нестроенія и безчинія въ духовенствѣ и много о томъ слышалъ... Все это мы должны исправлять и очищать по правиламъ святымъ, о всемъ должны скорбѣть и болѣть. Ибо какой прибытокъ получили мы чрезъ умноженіе нашихъ грѣховъ? Не разсѣялъ ли насъ Богъ по лицу всей земли? Не разведены ли сыны и дщери наши во многія страны поморскія, плѣненныя отъ поганыхъ? Не взяты ли были грады наши; не пали ли сильные князья наши отъ острія меча; не запустѣли ли св. Божіи церкви; не томимся ли всякій день отъ безбожныхъ поганыхъ агарянъ? Все это бываетъ намъ за то, что мы ходимъ не по правиламъ св. апостоловъ и не по заповѣдямъ св. отцевъ нашихъ. Посему мы, Іосифъ, милостію Божіею, архіепископъ, митрополитъ кіевскій и всея Руси, и составили соборъ съ преподобными епископами, пречестными архимандритами и игуменами и богобоязненными священниками»..... Епископовъ присутствовало на соборѣ семь (а съ митрополитомъ восемь), именно: владимірскій и берестенскій Вассіанъ, смоленскій Варсонофій, луцкій и острожскій Кириллъ, полоцкій и витебскій Евѳимій, туровскій и пинскій Арсеній, перемышльскій Антоній и холмскій Филаретъ. Архимандритовъ (хотя въ числѣ ихъ упомянутъ одинъ

и игуменъ)—также семь: кіево-печерской великой лавры Іона, благовѣщенской *патріаршеской* обители (такъ называли супрасльскій монастырь) игуменъ Пафнутій, троицкій виленскій Изосима, лаврашевскій Арсеній, троицкій слуцкій Іосифъ, вознесенскій минскій Сергій, михайловскій городецкій изъ Полоцка Антоній. Игуменовъ—шесть: троицкій (неизвѣстно откуда) Симонъ, святодуховскій изъ Смоленска Аѳанасій, іоанновскій островскій изъ Полоцка Евѳимій, петровскій изъ Полоцка Алексій, николаевскій изъ Ольшанъ Іона и николаевскій изъ Лоска Геронтій. Протопоповъ—семь: виленскій Матѳей, новгородскій Іаковъ, городенскій Антипа, слуцкій Ѳеодоръ, марковскій Лукіанъ, слонимскій Косьма и волковыйскій Ѳеодоръ. Кромѣ того на соборѣ находились и священники. «Дѣяніе» виленскаго собора представляетъ намъ вѣрную картину тогдашнихъ недостатковъ и злоупотребленій, существовавшихъ въ западно-русской митрополіи: такъ какъ одни изъ нихъ ясно выражены соборомъ, а другіе указаны самими опредѣленіями собора. Всѣхъ опредѣленій или правилъ соборъ постановилъ 15, которыя, впрочемъ, могутъ быть раздѣлены на три класса.

Первыя четыре правила касаются поставленія на священныя степени. «Нѣкоторые въ нашемъ законѣ, говоритъ соборъ, презирая отеческое преданіе и заповѣди, ради мірской славы и властительства, покупаютъ себѣ, еще при жизни епископовъ, ихъ каѳедры и принимаютъ эти каѳедры безъ совѣта и согласія митрополіи и епископовъ и безъ избранія отъ князей и пановъ нашего греческаго закона». Такъ же пріобрѣтались и настоятельскія мѣста въ монастыряхъ и священническія на приходахъ. А дьяки или причетники, безъ воли

своего епархіальнаго владыки, отправлялись въ другія епархіи и получали священство отъ чужихъ архіереевъ. Противъ этихъ нестроеній соборъ постановилъ: 1) «никому не подкупаться подъ живыми епископами, архимандритами и священниками». Если же кто дерзнетъ на такое дѣло, архимандритъ ли, или игуменъ, или священникъ, или мірянинъ, то да будетъ на нихъ церковное неблагословеніе и отлученіе, пока не покаятся, и на епископство и на всякій священническій санъ ихъ отнюдь не поставлять. А если кто изъ епископовъ дерзнетъ такого безчинника совершить во священство, тотъ самъ да будетъ лишенъ своего сана. 2) Архіепископу и епископамъ отнюдь не поставлять на священство дьяковъ изъ чужихъ епархій, безъ повелѣнной граматы отъ ихъ епископа и безъ отпустныхъ листовъ, которые должны быть писаны особо, по древнему обычаю. 3) Во епископы и во всякій степень священства ставить только достойныхъ, послѣ обыска и по свидѣтельству и поручительству ихъ духовнаго отца; а недостойныхъ отнюдь не ставить, если и господарь (т. е. великій князь литовскій) присылать будетъ: въ такомъ случаѣ «всѣмъ намъ съ митрополитомъ пойти къ господарю и объявить недостоинство того недостойнаго». 4) Если же какой либо епископъ или священникъ, утаивъ свою виновную совѣсть отъ своего духовнаго отца, воспріиметъ святительство или священство, но потомъ будетъ обличенъ,—такого отлучить отъ божественной службы.

Другой классъ правилъ составляютъ тѣ, которыя касаются поведенія духовныхъ лицъ и отчасти мірянъ. Нѣкоторые епископы, не желая повиноваться великой церкви (т. е. митрополичьей) и имѣть къ ней послушаніе, не приходили на со-

боры для совѣщаній объ утвержденіи православной вѣры и не имѣли попеченія о своей духовной паствѣ, а принимали на себя мірскія дѣла и тѣми дѣлами оправдывали себя; иногда же безъ вины отнимали отъ игуменовъ и священниковъ ихъ церкви. Монахи исходили изъ своихъ монастырей безъ воли и отпустной граматы настоятелей, и іеромонахи священствовали внѣ монастырей безъ благословенія святительскаго. Вдовые священники мірскіе имѣли наложницъ и продолжали священствовать къ величайшему соблазну мірянъ. Священники, подпадавшіе подъ запрещеніе отъ своего архіерея, отходили въ другія епархіи и тамъ получали благословеніе и священствовали. Равно и міряне, подвергшіеся, за какія либо духовныя вины, отлученію отъ своихъ епископовъ, уходили въ иныя епископіи и тамъ принимались въ общеніе. А нѣкоторые міряне, имѣя у себя «божественныя правила», не хотѣли слушаться своихъ пастырей и думали сами себѣ быть закономъ. Противъ этихъ нестроеній соборъ опредѣлилъ: 1) всѣмъ епископамъ, безъ всякаго прекословія, кромѣ великой какой либо нужды, собираться на соборы; а которые епископы, ради мірскихъ дѣлъ, будутъ уклоняться отъ свящ. соборовъ, презирать свою духовную паству и не имѣть о ней попеченія, таковые да будутъ безотвѣтны (прав. 14). 2) Отъ игуменовъ и священниковъ не отнимать церквей безъ вины и безъ преступленій, указанныхъ въ ихъ ставленной граматѣ. Если же священникъ начнетъ свою церковь держать въ небреженіи, безчинно, или церковныя службы совершать не по уставу, или упиваться, у такого безчинника отнять церковь и отлучить его на время. А если онъ не перестанетъ творить безчинія, тогда епископу «соборнѣ, съ своимъ крылосомъ, съ священно-

иноками и съ попами» (вотъ имя и составъ духовнаго управленія и суда при тогдашнихъ епархіальныхъ архіереяхъ!), запретить такому безчиннику священнослуженіе (прав. 7). 3) Монахамъ изъ своихъ монастырей, безъ воли игуменской, отнюдь не исходить и, безъ отпустной граматы отъ настоятеля, нигдѣ ихъ не принимать; а священноиноки да не священствуютъ нигдѣ безъ благословенія святительскаго (прав. 12). 4) Попамъ и діаконамъ, неимѣющимъ своихъ женъ, запрещается священствовать во всемъ предѣлѣ митрополіи кіевской, и *галицкой*, и всея Руси, какъ «и нынѣ вселенская великая константинопольская церковь держитъ», послѣдуя правиламъ соборнымъ и отеческимъ и законамъ царскимъ. А если бы митрополитъ или кто либо изъ епископовъ захотѣлъ нарушить это соборное опредѣленіе и дозволилъ вдовымъ священникамъ священствовать, таковый самъ да будетъ лишенъ своего сана, епископъ—митрополитомъ, а митрополитъ—соборомъ всѣхъ епископовъ его области. Если же какіе либо міряне явятся непокорными этому правилу, они соборне да будутъ отлучены всѣми епископами и, если не покаятся, преданы проклятію (прав. 6). Священниковъ и мірянъ, подвергшихся неблагословенію и отлученію отъ своего епископа, отнюдь не разрѣшать и не допускать до церковнаго общенія въ другихъ епархіяхъ, безъ воли ихъ епископа. Священника, безъ отпустной граматы отъ епископа, въ другой епархіи не принимать (прав. 5). Божественныхъ правилъ (Кормчей) мірянамъ у себя не держать; а кто станетъ держать, да будетъ въ церковномъ отлученіи, пока не оставитъ ихъ (прав. 13).

Послѣдній классъ правилъ касается отношенія свѣтскихъ людей къ церкви и направленъ противъ ихъ злоутребленій. Нѣ-

© ПБ РАН

которые православные князья и паны, пользуясь въ своихъ имѣніяхъ правомъ подаванія, т. е. избранія и назначенія священниковъ къ приходскимъ церквамъ, сами потомъ и отнимали эти церкви у священниковъ, безъ вѣдома епархіальнаго архіерея. Другіе, по небрежности, долго оставляли въ своихъ имѣніяхъ приходскія церкви безъ священниковъ. Иные приказывали священникамъ священнодѣйствовать въ ихъ церквахъ безъ благословенія архіерейскаго. Еще нѣкоторые отнимали у церквей имѣнія и другія церковныя вещи. Имѣя все это въ виду, святители, присутствовавшіе на соборѣ, опредѣлили: 1) когда въ имѣніяхъ православныхъ князей и пановъ, пользующихся правомъ подаванья, мы рукоположимъ къ какой либо церкви священника, или благословимъ въ ней пѣть прежде рукоположеннаго и подтвердимъ то нашею граматою, то князья и паны не должны у этого священника отнимать церкви безъ нашего вѣдома святительскаго. Если священникъ въ чемъ провинится, они должны объявить его вину намъ своимъ писаніемъ, и мы соборне ее разсмотримъ, и если священникъ будетъ достоинъ отлученія, мы удалимъ его отъ церкви и отдадимъ ее другому нашимъ благословеніемъ. Если же князь или бояринъ самовольно отниметъ у священника церковь безъ его вины и безъ вѣдома святительскаго, намъ къ той церкви священника не давать, пока не оказана будетъ справедливость прежнему (прав. 8). 2) Если князь или бояринъ въ своихъ имѣніяхъ будетъ держать церковь въ небреженіи, безъ священника, три мѣсяца, намъ отъ себя послать къ той церкви попа для хвалы Божіей и блага христіанъ, живыхъ и умершихъ (прав. 9). Если, по приказанію князя или пана, какой либо священникъ начнетъ

священствовать въ церкви, безъ нашего благословенія, то да будетъ онъ, по правиламъ, лишенъ своего сана (прав. 11). Если князь или бояринъ отыметъ церковное имѣніе или что либо другое церковное, намъ такого обослать нашимъ листомъ и благословеніемъ, чтобы церковное отдалъ церкви, а если имѣетъ дѣло до церковнаго имѣнія, то отыскивалъ бы его правомъ предъ митрополитомъ. Если же нашего листа и благословенія не послушаетъ, на такого послать отлученіе церковное. Если какіе либо сыны нашего смиренія, въ какой бы то ни было епархіи, начнутъ противиться этому нашему законоположенію, да будутъ отъ всѣхъ насъ соборне отлучены (прав. 10).

Послѣднее (15-е) правило составляетъ собственно заключеніе Соборнаго Дѣянія и имѣетъ цѣлію утвержденіе и огражденіе всѣхъ, постановленныхъ соборомъ, правилъ. «Если, говорятъ святители, господарь или какіе либо вельможи и власти будутъ присылать къ митрополиту или епископу, чтобы исполнить ихъ волю и нарушить въ чемъ либо хотя одно изъ положенныхъ нами соборне опредѣленій, то никому изъ насъ на то не дерзать, а всѣмъ намъ съѣхаться, на собственный счетъ, къ митрополиту и бить челомъ господарю и непоколебимо стоять, чтобы законъ нашей православной вѣры не былъ нарушенъ. Все это мы соборне, единоумно и единодушно, положили, и записали, и утвердили нашими печатьми, чтобы всѣ эти правила намъ и по насъ будущимъ митрополитамъ и епископамъ беречь и содержать ненарушимо. А если кто либо изъ насъ или будущіе послѣ насъ церковные пастыри, по своему нерадѣнію или скупости, захотятъ преступить эту заповѣдь, положенную и утвержденную нами, и за нее не

пострадаютъ, тѣ да будутъ лишены своего сана» (161). Не напрасно съ такою силою и настойчивостію отцы собора желали утвердить постановленную ими заповѣдь: они видѣли и сознавали, какъ велико зло, противъ котораго боролись, и какъ необходимо положить ему преграду. Особенно эта покупка святительскихъ каѳедръ и другихъ свящ. степеней, эта непокорность епископовъ митрополиту, ихъ неявка на соборы, нерадѣніе о своихъ паствахъ и занятія мірскими дѣлами, эта безнравственная и соблазнительная жизнь вдовыхъ поповъ, эти своевольныя распоряженія князей, бояръ и самаго великаго князя въ дѣлахъ православной церкви угрожали ей самыми гибельными послѣдствіями. Дѣяніе виленскаго собора, бывшаго подъ предсѣдательствомъ митр. Іосифа Солтана, — замѣтимъ кстати,—служитъ неопровержимымъ свидѣтельствомъ, что Іосифъ вовсе не былъ уніатомъ: во всемъ Дѣяніи нѣтъ ни слова ни о папѣ, ни объ уніи, ни о какомъ либо отношеніи къ папѣ литовской митрополіи; напротивъ отцы собора говорятъ только о *нашемъ* греческомъ православномъ законѣ и свое постановленіе о вдовыхъ священникахъ основали прямо на примѣрѣ *вселенской* великой константинопольской церкви.

Издавъ нѣсколько правилъ, по поводу вопіющихъ нуждъ своей мѣстной церкви, западно-русскіе іерархи, конечно, понимали, что эти правила могутъ имѣть силу только для православныхъ, но вовсе не обязательны для живущихъ

(161) Дѣяніе виленскаго собора 1509 г. напечатано: а) въ Описаніи Кіево-Соф. собора, съ цыфровымъ обозначеніемъ соборныхъ правилъ (Прилож. № 10, стр. 40—48); б) въ Актахъ истор. Археогр. Коммиссіи, но съ нѣкоторыми пропусками (т. 1, № 289); в) въ Памятникахъ Русской старины въ западн. губ. имперіи, VI, 163—170. Соборъ открылся, какъ показано въ Дѣяніи, 25 декабря 1509 г., а самое Дѣяніе и правила собора написаны 18 генв. 1510 года.

съ ними латинянъ, и, кромѣ того, далеко не исчерпываютъ всѣхъ церковныхъ каноновъ и постановленій. И вотъ, спустя полтора года послѣ виленскаго собора, митрополитъ Іосифъ со всѣми своими епископами, а также всѣ князья и паны греческаго закона и во главѣ ихъ князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, великій гетманъ, били челомъ Сигизмунду, чтобъ онъ подтвердилъ всѣ духовныя права, какія только, отъ начала христіанства на Руси, дарованы были митрополиту кіевскому и подвѣдомымъ ему епископамъ на основаніи Номоканона восточной церкви, и положили предъ королемъ граматы его предка Витовта, отца - Казиміра и брата Александра, пожалованныя въ свое время для подтвержденія этихъ правъ. Сигизмундъ, разсмотрѣвъ представленныя ему граматы, далъ и отъ себя такую же грамату, въ которой, прежде всего, опредѣлилъ: «имѣетъ кіевскій митрополитъ держать въ своей власти всѣ церкви греческаго закона въ нашей отчинѣ и управлять ими; давать имъ, по св. правиламъ, епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ и всякій священническій чинъ греческаго закона; судить и рядить какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, и виновныхъ карать, и вообще отправлять всякія духовныя дѣла по уставамъ соборной восточной церкви, совершенно невозбранно; также и епископы, находящіеся подъ кіевскою митрополіею, имѣютъ судить и рядить и отправлять всѣ духовныя дѣла въ своихъ епископіяхъ, по давнему обычаю». За тѣмъ приказалъ князьямъ и панамъ и вообще свѣтскимъ лицамъ не только греческаго, но и римскаго закона, словами извѣстной уже намъ такой же граматы Александра, чтобы они не чинили кривды митрополиту кіевскому и епископамъ и въ церковные доходы и во всѣ справы

и суды духовные не вступались, и повторилъ приказаніе той же Александровой граматы панамъ римскаго закона, имѣвшимъ въ своихъ вотчинахъ и помѣстьяхъ православныя церкви. Грамата дана Сигизмундомъ на великомъ сеймѣ, бывшемъ въ Брестѣ, 2 іюля 1511 года, и представляетъ новое свидѣтельство, что ни митрополитъ Іосифъ, ни всѣ вообще православные въ Литвѣ тогда не знали никакой уніи ([162]).

Въ 1514 г. митрополитъ созвалъ новый соборъ, вѣроятно, въ Вильнѣ, на которомъ обсуждался вопросъ объ установленіи празднованія въ честь преп. Елисея лавришевскаго ([163]). Этотъ Елисей происходилъ отъ знатныхъ родителей–литовцевъ. Сначала онъ служилъ при дворѣ вел. князя литовскаго и занималъ высокія должности. Потомъ, любя уединеніе, удалился въ пустыню, гдѣ, будучи найденъ какимъ-то православнымъ инокомъ, принялъ отъ него монашеское постриженіе. Когда молва о его суровой жизни собрала къ нему многихъ, желавшихъ подвизаться подъ его руководствомъ, онъ построилъ для нихъ на берегу Нѣмана, неподалеку отъ Новогрудка, церковь и основалъ ок. 1225 г. монастырь, такъ называемый лавришевскій, въ которомъ и былъ первымъ настоятелемъ–архимандритомъ. Послѣ многолѣтнихъ подвиговъ Елисей былъ умерщвленъ какимъ-то юношею въ ночь 23-го октября и погребенъ въ монастырской церкви. У гроба его начали совершаться чудесныя исцѣленія и привлекать къ нему толпы усердныхъ чтителей и богомольцевъ. Во дни польскаго

([162]) А. З. Р. II, № 65.

([163]) По крайней мѣрѣ, изъ граматы митр. Іосифа въ супрасльскій монастырь отъ 2 февр. 1514 г. видно, что тогда въ Вильнѣ дѣйствительно былъ соборъ нѣсколькихъ епископовъ, архимандритовъ, и прочаго духовенства, хотя и невидно, о чемъ они разсуждали. Акт. Вилен. Коммис. I, № 10, стр. 39. 41.

короля Александра, слѣд. уже въ началѣ XVI в., когда татары вторглись въ литовскія владѣнія и произвели страшныя опустошенія вокругъ Новогрудка, они не осмѣлились напасть на лавришевскій монастырь, а поспѣшно бѣжали отъ него: имъ показалось, что монастырскіе дворы наполнены отборною конницею, тогда какъ тамъ не было ни одного воина. Чудо приписали заступничеству преп. Елисея и уваженіе къ нему еще болѣе усилилось въ средѣ православныхъ жителей Литвы. Это, можетъ быть, особенно и расположило митрополита Іосифа созвать соборъ, который и опредѣлилъ — праздновать преп. Елисею въ день его кончины, 23 октября. Былъ ли установленъ праздникъ общій для всей западно-русской церкви, или только мѣстный, не знаемъ; но несомнѣнно, что его праздновали литовскіе уніаты, прежде бывшіе православными, еще въ половинѣ XVII в. и что тогда еще существовало какое-то рукописное житіе преп. Елисея, на славянскомъ языкѣ, не сохранившееся доселѣ ([164]).

Два собора, созванные первосвятителемъ Іосифомъ, и испрошенная имъ, вмѣстѣ съ епископами, королевская грамата о неприкосновенности ихъ церковныхъ правъ—все это говоритъ о дѣятельности Іосифа, какъ митрополита. Сохранилось нѣсколько извѣстій и о дѣятельности его, какъ епархіальнаго владыки. Вскорѣ по своемъ избраніи на митрополію онъ узналъ, что въ разныхъ мѣстахъ подвѣдомой ему епархіи многіе христіане живутъ незаконно съ женами, безъ церковнаго

([164]) О всемъ этомъ свидѣтельствуетъ Кояловичъ (Miscellanea, p. 8. 36) и за нимъ Стебельскій (Żywoty S. s. Ewfrozyny i Parascewii, 167 — 170, Wiln. 1781). Упомянутыя опустошенія вокругъ Новогрудка, совершенныя татарами, случились въ 1505 году (П. Собр. Р. Лѣт. II, 364).

вѣнчанія, не хотятъ крестить дѣтей, не ходятъ на исповѣдь, и началъ посылать своихъ слугъ, чтобы они брали виновныхъ и представляли къ нему на судъ. Но мѣстные власти и жители стояли за виновныхъ и не выдавали ихъ. Іосифъ обратился къ королю, и Сигизмундъ издалъ (10 февр. 1509 г.) окружную грамату къ мѣстнымъ войтамъ, бурмистрамъ, радцамъ и всѣмъ жителямъ, чтобы они не заступались за такихъ людей, которые не хорошо держатъ свой законъ, а выдавали ихъ слугамъ митрополита предъ королевскимъ дворяниномъ Иваномъ Черкасомъ: иначе, этотъ дворянинъ будетъ насильно брать виновныхъ и представлять на судъ митрополита. Черезъ три съ небольшимъ года Іосифъ вынужденъ былъ принести новую жалобу королю, касавшуюся, впрочемъ, одного слонимскаго уѣзда, который, слѣдовательно, принадлежалъ къ митрополичьей епархіи. Въ этомъ уѣздѣ были также православные князья, бояре и другіе, которые съ женами жили незаконно и не хотѣли быть послушными въ дѣлахъ духовныхъ поставленнымъ тамъ отъ митрополита начальственнымъ лицамъ: десятнику—дворянину Денницѣ и протоіерею. Сигизмундъ приказалъ своею граматою (15 сент. 1512 г.) обывателямъ слонимскаго уѣзда, чтобы они непремѣнно были послушны и подсудны въ духовныхъ дѣлахъ мѣстному митрополичьему десятнику и протоіерею ([165]). Такимъ образомъ и въ епархіяхъ литовской митрополіи, какъ московской, кромѣ главныхъ духовныхъ судовъ при каѳедрахъ архіереевъ, существовали еще мѣстные духовные суды по округамъ или десятинамъ — суды десятильничьи.

Въ другомъ родѣ извѣстны намъ дѣйствія Іосифа въ его

([165]) А. З. Р. II, №№ 51. 77.

каѳедральномъ городѣ Вильнѣ. «Повѣдали намъ, — говоритъ онъ въ своей благословенной граматѣ (отъ 20 сент. 1509 г.),— сыны нашего смиренія, виленскіе мѣщане (т. е. граждане) нашего православнаго христіанства, греческаго закона, *братство* дома пречистой Богоматери, что господинъ святѣйшій вселенскій патріархъ константинопольскій прислалъ имъ подвижный антиминсъ, и просили насъ, чтобы мы дозволили служить на томъ антиминсѣ божественную службу предъ ними въ странахъ польскихъ, нѣмецкихъ и другихъ, гдѣ случится имъ быть въ дорогѣ. И мы, на просьбу и желаніе ихъ, благословили и дозволили имъ то имѣть: посему, когда какому либо священнику придется ѣхать съ ними изъ Вильны, въ какую бы то ни было сторону, мы благословляемъ того священника и дозволяемъ ему служить предъ ними божественную службу на томъ антиминсѣ» ([166]). Грамата указываетъ на частный и неважный случай, но имѣетъ большой историческій интересъ: она свидѣтельствуетъ о томъ живомъ церковномъ единеніи или уніи, какую имѣли митрополитъ Іосифъ Солтанъ и его духовныя дѣти съ вселенскимъ патріархомъ Царьграда, а отнюдь не съ папою римскимъ, и въ первый разъ упоминаетъ о братствѣ, существовавшемъ при виленскомъ пречистенскомъ соборѣ. Это уже второе братство въ Вильнѣ, отличное отъ братства кушнерскаго, которое было основано полстолѣтія тому назадъ и не числилось при какой либо одной виленской церкви. «Братство дома пречистыя Богоматери» называлось не по имени какого либо цеха или сословія виленскихъ гражданъ, а по имени каѳедральнаго собора, на ко-

([166]) А. З. Р. II, № 55.

торомъ, конечно, и сосредоточивало свои попеченія, и имѣло характеръ братства вполнѣ церковнаго.

Гораздо важнѣе, по содержанію своему, другая грамата, данная Іосифомъ православнымъ гражданамъ Вильны (въ декабрѣ 1511 г.) и опредѣляющая мѣру участія ихъ въ дѣлахъ ихъ приходскихъ церквей. Эти граждане, чрезъ своихъ бурмистровъ и присяжниковъ, обратились къ митрополиту Іосифу съ просьбою — держать ихъ въ чести такъ же, какъ держали ихъ его предшественники. И, прежде всего, выразили желаніе, чтобы имъ дозволено было имѣть наблюденіе за имуществомъ виленскихъ церквей, и именно чтобы каждый разъ, когда намѣстникъ митрополита, при ежегодномъ ли осмотрѣ этихъ церквей или по случаю смерти священника какой либо изъ нихъ, будетъ повѣрять церковное имущество и записывать въ свой церковный реэстръ, могли и они-мѣщане тутъ же присутствовать и также повѣрять церковныя вещи и записывать въ свои городскія книги. Митрополитъ, поразсудивши «со всѣмъ крылосомъ соборныя церкви», хотя нашелъ, что въ правилахъ св. отцевъ того нѣтъ, чтобы мірскіе люди вмѣшивались въ церковное управленіе или обладали церковію, но призналъ справедливымъ, если христіане и особенно прихожане, дѣлающіе приношенія на свои храмы, будутъ оберегать ихъ имущество. И потому изъявилъ свое согласіе на желаніе гражданъ и дозволилъ имъ присылать отъ себя двухъ или трехъ уполномоченныхъ каждый разъ для участія въ осмотрѣ и повѣркѣ митрополичьимъ намѣстникомъ имущества виленскихъ церквей. Затѣмъ граждане просили, чтобы Іосифъ, какъ бывало прежде, оставилъ за ними право избирать себѣ приходскихъ священниковъ и назначалъ къ каждой церкви

того именно, о комъ они будутъ ходатайствовать, найдутъ ли «котораго дьяка или священника добраго». Митрополитъ и на это согласился; но прибавилъ, что избранныхъ гражданами кандидатовъ онъ будетъ испытывать съ своими «духовными», и если избранный окажется годнымъ, дастъ ему церковь, а если не годнымъ, дастъ церковь иному; равно если граждане не найдутъ кандидата и своевременно не представятъ къ митрополиту, онъ самъ, съ своими духовными, изберетъ годнаго попа и дастъ ему церковь; если же какой либо попъ окажется нерадивымъ и не соотвѣтствующимъ своему сану, прихожане имѣютъ повѣдать о томъ митрополиту, и въ случаѣ виновности попа, по надлежащемъ разслѣдованіи, у него будетъ отнята церковь и отдана другому. Удовлетворивши, такимъ образомъ, желанію виленскихъ гражданъ, Іосифъ съ своей стороны замѣтилъ имъ, что они въ послѣднее время начали поступать не по уставу: берутъ къ себѣ, когда при какой либо церкви умираетъ священникъ, ключи отъ этой церкви безъ вѣдома митрополичьяго намѣстника, и потомъ вручаютъ ихъ новопоставленному къ ней священнику. Граждане отвѣчали, что такъ бывало всегда и при прежнихъ митрополитахъ, и сослались на архимандрита троицкаго монастыря Изосиму, помнившаго пятерыхъ прежнихъ митрополитовъ. Но Изосима показалъ, напротивъ, что при прежнихъ митрополитахъ священниковъ «увязывалъ» къ той или другой церкви и вручалъ имъ ключи ея митрополичій намѣстникъ, иногда въ присутствіи нѣкоторыхъ гражданъ, а иногда и безъ гражданъ. Спросили, одного за другимъ, старыхъ священниковъ, на которыхъ сослался Изосима, и они, своими подробными разсказами, подтвердили его слова. Спросили, наконецъ, ста-

раго боярина церковнаго Пацка Есковича, и онъ сказалъ: «я помню уже шестаго митрополита, а того не слыхалъ и не видалъ, чтобы мѣщане брали церковные ключи и сами давали ихъ попамъ...; по ихъ просьбамъ, митрополитъ поставлялъ священниковъ, но увязать священника къ церкви и дать ему ключи всегда посылалъ своего «увяжчаго». Тогда Іосифъ, обмолвивши съ своими духовными, въ своемъ духовномъ совѣтѣ, опредѣлилъ: «за какого попа или дьяка будутъ просить граждане, чтобы назначить его въ ту или другую приходскую церковь, и онъ покажется намъ годнымъ, мы того и назначимъ; но подаваніе священнику престола и ключей церковныхъ принадлежитъ намъ. Когда мы поручимъ нашему намѣстнику подать какому либо попу церковь и увязать его, намѣстникъ имѣетъ оповѣстить гражданъ, чтобы они прислали въ ту церковь двухъ или трехъ своихъ депутатовъ, которые бы, вмѣстѣ съ нимъ, пересмотрѣли церковныя вещи и передали новому попу за собственною подписью; а если граждане не захотятъ явиться въ церковь, по повѣсткѣ намѣстника, тогда онъ и безъ нихъ имѣетъ увязать въ ту церковь попа, по нашему благословенію, чтобы церковь не стояла безъ пѣнія». При разслѣдованіи вопроса о правѣ подаванья церковныхъ ключей вполнѣ выяснилось, кто были ближайшіе предшественники митрополита Іосифа, какъ назывались существовавшія тогда виленскія церкви, и кого ставили митрополиты своими намѣстниками въ Вильнѣ. Предшественниками Іосифа Солтана были митрополиты: Іона Глезна, Макарій, Іосифъ Болгариновичь и Іона, котораго самъ Іосифъ Солтанъ называетъ здѣсь своимъ «предкомъ», предмѣстникомъ. Церкви существовали тогда въ Вильнѣ, кромѣ троицкаго собора и

пречистенскаго собора, слѣдующія: николо-перенесенская, воскресенская, екатерининская, никольская, михайловская, ивановская, пятницкая, рождественская, спасская, косьмо-демьянская, юрьевская и какая-то «городская». Намѣстничество въ Вильнѣ поручалось митрополитами то троицкому архимандриту, то священникамъ приходскихъ церквей — воскресенской, юрьевской, косьмо-демьянской, которые, наравнѣ съ прочими виленскими священниками, считались крылошанами пречистенскаго собора (167). Троицкаго архимандрита Изосиму Іосифъ Солтанъ называетъ своимъ «намѣстникомъ духовнымъ», конечно, въ отличіе отъ намѣстниковъ свѣтскихъ, какіе были у него, наприм., въ Кіевѣ при софійскомъ соборѣ и въ Минскѣ (168).

Изъ монастырей епархіи болѣе всѣхъ другихъ былъ близокъ Іосифу монастырь супрасльскій, на который онъ сдѣлалъ

---

(167) Вилен. Археогр. Сборн. VI, № 4. О церкви «городской», упоминаемой въ этомъ актѣ, мы уже высказали нѣкоторыя соображенія въ примѣч. 75. Церковь «рождественская» была во имя Рождества Христова и находилась недалеко отъ пречистенскаго собора (Вилен. Археогр. Сборн. VI, № 107, стр. 299). О мѣстоположеніи и всѣхъ прочихъ виленскихъ церквей — см. въ томъ же № 107-мъ Вилен. Археогр. Сборника, а также въ томѣ II-мъ тогоже Сборника, № 100, стр. 188—238, и въ Памятн. Русской старины въ западн. губ. имперіи, V, 81 — 84. Должно, однакожъ, замѣтить, что въ разсматриваемомъ нами актѣ виленскія церкви не намѣренно перечислены, а упоминаются случайно, и потому нельзя утверждать, чтобы онѣ перечислены были здѣсь всѣ: не упомянута здѣсь, наприм., одна изъ древнихъ православныхъ церквей въ Вильнѣ—св. пророка Иліи.

(168) Вилен. Арх. Сборн. VI, стр. 12; А. З. Р. II, № 97, стр. 121; Сборникъ матеріал. для топогр. Кіева, отд. III, № 6. Только напечатанная подъ этимъ № 6-мъ грамата митрополита Іосифа Солтана, упоминающая о воеводѣ кіевскомъ Андреѣ Немировичѣ, несправедливо помѣчена 1504 годомъ: тогда митрополитомъ былъ еще Іона, а не Іосифъ Солтанъ, и воеводою кіевскимъ — князь Иванъ Глинскій, а не Андрей Немировичь, сдѣлавшійся воеводою Кіева гораздо послѣ (А. З. Р. II, примѣч. 1 и 26).

такое значительное пожертвованіе и котораго считался однимъ изъ ктиторовъ. До 1510 г. всѣ зданія въ супрасльскомъ монастырѣ были деревянныя: въ этомъ году игуменъ Пафнутій испросилъ у короля Сигизмунда разрѣшеніе (отъ 15-го марта) «муровать церковь и монастырь», т. е. сооружать изъ камня ([169]). Въ этомъ же году митр. Іосифъ, вмѣстѣ съ другимъ ктиторомъ Ходкевичемъ, далъ (15 октября) супрасльскому монастырю общежительный уставъ, который, при всемъ сходствѣ съ такими же уставами, дѣйствовавшими въ московской митрополіи, имѣетъ и немаловажныя отличія. Въ уставѣ, именующемъ супрасльскій монастырь и «лаврою», говорится, — 1) *о монастырскомъ богослуженіи*: пѣніе и молитву держать инокамъ въ церкви соборнѣ, по уставу св. отецъ, а въ каждое воскресенье имѣть всенощную, заутреню, часы, обѣдню, вечерню и павечерню; послѣ павечерни каждому итти въ свою келлію съ молчаніемъ, не вести бесѣды съ другими и не пить. 2) *О пищи и питіи иноковъ*: ни игумену, ни братіи не держать въ монастырѣ ничего хмѣльнаго, ни меда, ни пива, ни вина горѣлаго, а пить квасъ овощный и солодовый безъ хмѣля; только въ великіе праздники пить квасъ медовый, но безъ хмѣля и въ мѣру; въ понедѣльникъ, среду и пятокъ должно быть одно сухояденіе по 9 часѣ, во вторникъ вкушать пищу дважды, но безъ масла, а въ четвергъ съ масломъ; если же въ какой либо изъ этихъ дней случится великій праздникъ, то ѣсть какъ положено въ церковномъ уставѣ; ни самому игумену, ни инымъ изъ братіи не ѣсть внѣ трапезы, развѣ будетъ великая нужда. 3) *Объ имуществѣ иноковъ, одеждѣ, работахъ, мыльнѣ*: игумену и братіи не имѣть въ келіяхъ

([169]) Акт. Вилен. Комм. VII, № 1.

никакого стяжанія, кромѣ одежды, книгъ и келейной работы; одежду и все потребное имѣть всѣмъ изъ монастырской казны, одежду всѣмъ носить равную — изъ простаго сукна и бараньи шубы, только игумену и священноинокамъ носить одежду изъ сукна чешскаго; на монастырскую работу выходить всѣмъ равно, кромѣ недѣльнаго, по повелѣнію игумена; въ мыльнѣ не мыться, кромѣ великой нужды или немощи. 4) *О монастырской икономіи*: всякія монастырскія дѣла и справы игумену исправлять вмѣстѣ съ икономомъ и другими братіями, на то поставленными; всѣ монастырскіе доходы изъ имѣній, за панихиды. сорокоусты, вклады, милостыни должны быть общими для всѣхъ и поступать, чрезъ руки иконома и его помощниковъ, въ монастырское казнохранилище; они должны вести записи всего прихода и расхода и ежегодно представлять отчетъ игумену и всей братіи. 5) *Объ отлучкѣ изъ монастыря*: игумену изъ монастыря отъ братіи не отлучаться, развѣ будетъ великая нужда поѣхать къ господарю или къ ктитору монастыря, или для обозрѣнія церковныхъ имѣній; но и тогда игумену ѣхать съ вѣдома братіи, и братія посылаетъ съ нимъ изъ среды себя двухъ или трехъ, по собственному выбору, а не по выбору самаго игумена; въ имѣніяхъ церковныхъ долго не мѣшкать и не упиваться, а по окончаніи дѣла возвращаться въ монастырь; если игумену прилучится когда, ради монастырской потребы, послать къ какому либо вельможѣ или ктитору монастыря, то пусть посылаетъ не одного брата, но двухъ или трехъ. 6) *О пріемѣ въ монастырь и кого въ монастырь не принимать и не впускать*: желающихъ принять иночество въ той лаврѣ игумену скоро не постригать, а дать имъ два–три мѣсяца, иногда и шесть, чтобы разсмотрѣли уставъ мо-

настырскаго житія; кому захочется и полюбится жить въ обители до смерти, того постричь и вонъ изъ монастыря не пускать, кромѣ великой нужды; принимать въ монастырь всякаго, желающаго постричься въ немъ, братолюбно и безъ вкупа, развѣ самъ захочетъ, по доброй волѣ, дать что либо въ монастырскую казну; но и убогаго, неимѣющаго ничего, также принимать въ общее братство; приходящихъ иноковъ держать три дня, пока осмотрятъ житіе той лавры, и кто изъ нихъ захочетъ остаться въ монастырѣ навсегда, того принять и дать ему, вмѣсто одежды, въ которой пришелъ, другую отъ монастыря; если почему либо рѣшится впослѣдствіи совсѣмъ оставить обитель, возвратить ему прежнюю его одежду и отпустить его; ребятъ въ монастырѣ не держать и не принимать ни на науку, ни на послугу; женскому полу всякому въ монастырь не ходить. 7) *Объ отношеніи игумена къ братіи*: игумену имѣть всю братію въ любви, наставлять и держать по уставу общежитія, а нерадивыхъ и лѣнивыхъ научать, вмѣстѣ съ братіею, на путь Господень; если же кто сдѣлается непослушнымъ и ропотникомъ и станетъ жить вопреки наставленіямъ игумена, такого игумену наказывать: за первый проступокъ держать въ подклѣти два дня на хлѣбѣ и водѣ, за второй—четыре дня, а за третій—шесть дней; если и за тѣмъ не исправится, то игумену созвать всю братію и при ней убѣждать и просить виновнаго, чтобы оставилъ свое безчиніе; если не оставитъ, то да пріиметъ наказаніе церковное, т. е. сидѣніе (въ кельѣ?); если же и послѣ такого церковнаго наказанія останется непослушнымъ, да будетъ высланъ вонъ изъ обители, какъ преступникъ ея общаго устава

([170]). Не оставлялъ митрополитъ Іосифъ безъ своего попеченія супрасльской обители и впослѣдствіи. Когда на подаренное имъ обители имѣніе Топилецъ стали заявлять свои права и посягательства какіе-то Стаевниковичи, онъ испросилъ (1511 г.) у короля Сигизмунда новую подтвердительную грамату монастырю на это имѣніе въ огражденіе отъ ихъ посягательствъ, и вскорѣ за тѣмъ (1513 г.) написалъ письмо къ другому ктитору супрасльскаго монастыря, маршалку Ходкевичу, прося его защищать монастырскихъ людей въ имѣніи Топилецъ отъ обидъ и насилій со стороны сосѣдей, какъ защищаетъ свое имѣніе Хворощу, недавно подаренное имъ томуже монастырю ([171]). Въ 1514 году, посовѣтовавшись съ бывшими на соборѣ въ Вильнѣ епископами—смоленскимъ Варсонофіемъ, владимірскимъ Пафнутіемъ и туровскимъ Арсеніемъ, также съ архимандритами и со всѣмъ своимъ клиросомъ, Іосифъ пожаловалъ супрасльскому монастырю, который «сталъ ново», т. е. вновь былъ построенъ изъ камня (съ 1510 г.), грамату, подобную той, какую далъ нѣкогда предшественникъ его Іона гродненскому колошскому монастырю. Въ этой грамотѣ, упомянувъ о своемъ поставленіи отъ вселенскаго цареградскаго патріарха Пахомія, равно о грамотѣ прежняго вселенскаго патріарха Іоакима, данной на утвержденіе супрасльской обители, Іосифъ освобождаетъ «тую честную лавру общую» отъ всякой подвластности митрополиту, отъ всякой подсудности ему и его слугамъ, отъ всякихъ митрополичьихъ пошлинъ изъ

([170]) Вилен. Археогр. Сборн. IX, № 5, стр. 16.

([171]) Вилен. Археогр. Сборн. IX, №№ 4. 11. 15. Въ 1516 г. митроп. Іосифъ принужденъ былъ снова отстаивать подаренныя имъ супрасльскому монастырю имѣнія отъ королевскихъ крестьянъ сураской волости. Акт. Вилен. Комм. VII, № 2.

монастыря, которыхъ не брали и прежніе митрополиты; все управленіе и судъ какъ въ монастырѣ, такъ и въ монастырскихъ имѣніяхъ, отдаетъ игумену, удерживая за собою право судить только игумена и имѣть общее наблюденіе за исполненіемъ монастырскаго устава; предоставляетъ самой братіи избирать себѣ игумена и присылать для поставленія къ митрополиту, а игумену — являться къ митрополиту на соборъ, когда будетъ позванъ отъ митрополита, безъ всякихъ податей и пошлинъ соборныхъ. Грамата подписана Іосифомъ въ Вильнѣ, и при этомъ, говоритъ онъ, въ числѣ другихъ, присутствовали «патріарха цареградскаго священноинокъ Филипосъ, двора нашего архимандритъ Лаврентій и протопопъ соборное церкви въ Новегородку попъ Іаковъ Никольскій» ([172]). Кромѣ того митрополитъ Іосифъ дѣлалъ супрасльскому монастырю разныя отъ себя приношенія: пожертвовалъ ему жемчугу на сто копъ грошей; крестъ великій, оправленный серебромъ, съ позолотою и съ камнями; другой крестъ, напрестольный,

([172]) Акт. Вилен. Комм. I, № 10. Присутствіе на соборѣ священноинока цареградскаго патріарха свидѣтельствуетъ о сношеніяхъ послѣдняго съ литовскою митрополіею. «Протопопъ-попъ» значилъ тоже самое въ литовской митрополіи, что «соборскій или поповскій староста» въ московской. Какъ въ московской, такъ и въ литовской митрополіи соборною церковію какого либо города называлась та, къ которой причислялось нѣсколько другихъ приходскихъ церквей съ ихъ причтами, и въ которой священнослужители этихъ церквей совершали очередныя службы по недѣли и составляли соборъ. Въ московской митрополіи, по многочисленности церквей, въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ было по нѣсколько соборовъ, наприм. въ Новгородѣ и Москвѣ по семи; но въ литовской митрополіи, даже въ большихъ городахъ, было всегда только по одному собору, къ которому и причислялись всѣ прочія приходскія церкви города. Священнослужители, составлявшіе соборъ при соборной церкви, избирали изъ среды своей одного старѣйшину надъ собою, который въ Москвѣ назывался соборскимъ или поповскимъ старостою, а въ Литвѣ — протопопомъ соборной церкви и вмѣстѣ попомъ своей приходской, — какъ это и видно изъ представленнаго примѣра новогрудскаго протопопа-попа. Равнымъ образомъ и въ

оправленный серебромъ, съ позолотою и камнями; евангеліе пергаменное, оправленное серебромъ съ позолотою; потиръ великій и потиръ малый, серебряные и позлащенные; серебряное кадило, три иконы Богородицы, оправленныя серебромъ съ позолотою, съ драгоцѣнными камнями и жемчугомъ; книгу Псалтырь въ десть и проч. ([173]).

Обращалъ также митрополитъ Іосифъ вниманіе и на хозяйственную часть своего двора. Въ 1512 г. онъ купилъ у князя Василія Соломерецкаго половину села Прилѣпъ, на рѣкѣ Всяжи, со всѣми людьми, землями и угодьями, за сто двадцать копъ грошей; а въ 1518 г. купилъ и другую половину тогоже села у пана Яна Завишича за двѣсти копъ грошей. Это пріобрѣтеніе Іосифъ сдѣлалъ не на церковныя, а на собственныя деньги, и потому имѣлъ право распоряжаться купленнымъ селомъ по своей волѣ, продать его или подарить кому либо, оставить роднымъ, наслѣдникамъ, или пожертвовать на церковь. И въ томъ же 1518 г., по просьбѣ митрополита и по ходатайству князя Константина Ивановича Острожскаго, король утвердилъ село Прилѣпы за Іосифомъ со всѣми его на это село правами ([174]). По инымъ имѣніямъ митрополиту приходилось имѣть тяжебныя дѣла: одно, въ 1516 г., съ княгинею Ольшанскою и маршалкомъ

Вильнѣ упоминаются: «протопопъ виленскій попъ Тимоѳей», «протопопъ виленскій священникъ перенесенскій Климентій» (Вилен. Археогр. Сборн. VI, стр. 12. 30). Тоже было и въ другихъ городахъ, напр., во Владимірѣ (Архив. юго-зап. Россіи I, стр. 242). Въ Литвѣ соборъ священниковъ, причислявшихся къ соборной церкви, назывался еще «крылосомъ», который въ каѳедральныхъ городахъ служилъ вмѣстѣ совѣтомъ для епархіальныхъ архіереевъ по управленію епархіею. А сами эти священники, хотя имѣли свои приходскія церкви, назывались также попами соборной церкви и крылошанами.

([173]) Вилен. Археогр. Сборн. IX, № 20, стр. 51. 52. 54.

([174]) А. З. Р. II, № 78; А. Ю. и З. Р. I, № 69.

Бартошевичемъ; другое въ томъ же и слѣдующемъ годахъ, съ канониками главнаго виленскаго костела св. Станислава. На тѣхъ и другихъ митрополитъ приносилъ жалобу королю, и король назначалъ судебныя разбирательства обоихъ дѣлъ. Чѣмъ кончилось первое, неизвѣстно; а послѣднее рѣшено болѣе въ пользу канониковъ, нежели митрополита, и, судя по изложенію дѣла, совершенно справедливо (175).

О прочихъ владыкахъ того времени можно сказать немногое. Полоцкій владыка Евѳимій принесъ королю разомъ двѣ жалобы: одну на митрополита Іосифа, другую на владимірскаго владыку Вассіана. Обѣ жалобы были разсмотрѣны на брестскомъ сеймѣ, 5 іюля 1511 года. Для этого всѣ три іерарха должны были лично явиться и стать предъ королемъ и его панами радами. Евѳимій жаловался на Іосифа, что онъ не называетъ его въ своихъ граматахъ архіепископомъ, какъ называли прежніе митрополиты его предмѣстниковъ, и даже возбраняетъ ему самому титуловать себя архіепископомъ, какъ титуловались его предмѣстники. Іосифъ отвѣчалъ: «прежніе митрополиты писали полоцкихъ владыкъ архіепископами, но по своей доброй волѣ, а не изъ стародавнаго обычая». Король спросилъ князей Друцкихъ и бояръ полоцкихъ: какъ было издавна? И они повѣдали, что издавна владыки полоцкіе писались архіепископами, и всѣ митрополиты изъ вѣка писали ихъ архіепископами. Тогда король, съ своею радою, призналъ владыку Евѳимія правымъ и приказалъ митрополиту писать его архіепископомъ и сохранить этотъ титулъ за полоцкими владыками навсегда. Вслѣдъ за тѣмъ Евѳимій высказалъ свою жалобу на владимірскаго владыку Вассіана

(175) А. Ю и З. Р. I, №№ 61. 62.

такъ: «онъ хочетъ сидѣть выше меня, а прежніе владыки владимірскіе никогда не сиживали выше полоцкихъ». Вассіанъ противъ жалобы не захотѣлъ ничего сказать. И какъ князья Друцкіе и бояре полоцкіе подтвердили слова Евѳимія, то король, съ своею радою, опредѣлилъ полоцкому владыкѣ садиться всегда выше владимірскаго; но присовокупилъ: «если же у владимірскаго владыки будетъ по этому какое либо дѣло на полоцкаго, то пусть пожалуется намъ на него въ другое время, когда мы будемъ имѣть великій сеймъ со всѣми панами радами нашими и когда *съ нами же будутъ митрополитъ и вси владыки:* тогда мы разберемъ жалобу по справедливости». Послѣднія слова показываютъ, что иногда на литовскихъ сеймахъ присутствовали и всѣ православные архіереи (176).

Владимірскій и берестейскій владыка Вассіанъ просилъ Сигизмунда, чтобы онъ утвердилъ за владимірскою каѳедрою нѣсколько имѣній и фольварковъ, которые завѣщалъ на соборную церковь Пречистыя во Владимірѣ бывшій староста владимірскій, маршалокъ Ѳедоръ Янушевичъ,—и король далъ утвердительную грамату (20 апр. 1508 г.). Черезъ полтора мѣсяца и луцкій владыка Кириллъ просилъ короля утвердить за луцкою каѳедрою два имѣнія, пожалованныя тѣмъ же Янушевичемъ на соборную церковь св. Іоанна богослова въ Луцкѣ: король далъ и этому владыкѣ утвердительную грамату, но прибавилъ въ ней: «луцкіе епископы имѣютъ посылать съ тѣхъ имѣній людей своихъ на земскую службу, на-

(176) А. З. Р. II, №№ 67. 68. Полоцкіе іерархи, въ прежнее время, дѣйствительно, назывались иногда *архіепископами* (А. З. Р. I, № 62; *Муханова* Сборн., № 84), но иногда только *епископами* (А. И. I, №№ 268. 270) или вообще *владыками* (А. З. Р. I, №№ 174. 209).

равнѣ съ князьями, панами и земянами, противъ всякаго нашего непріятеля, по уставамъ земли волынской» (177). Пинскому и туровскому владыкѣ Вассіану пожаловалъ (9 апр. 1513 г.) на его владычную или соборную церковь рождества Пречистыя Богородицы въ Пинскѣ князь Ѳедоръ Ивановичъ Ярославичъ три съ половиной дворища въ селѣ Нинковичахъ со всѣми людьми, землями и разными угодьями (178). Пинскому же владыкѣ и на туже владычную церковь завѣщала (5 март. 1518 г.) и супруга Ѳедора Ивановича Ярославича, княгиня Александра Семеновна, свой «дворецъ» и принадлежавшія къ нему земли и угодья, съ тѣмъ однакожъ, чтобы только половина доходовъ съ нихъ шла владыкѣ, а другая половина священникамъ той церкви. Въ 1520 г. князь Константинъ Ивановичъ Острожскій записалъ на соборную церковь успенія пресв. Богородицы въ Туровѣ, владыкѣ пинскому и туровскому Арсенію и его преемникамъ, всѣхъ подданныхъ своихъ гражданъ города Турова съ ихъ домами и всѣми имѣніями, три села съ землями, лѣсами и угодіями, до четырнадцати озеръ и медовую дань съ нѣкоторыхъ другихъ своихъ вотчинъ (179).

Но давая или подтверждая православнымъ епископамъ граматы на ихъ права и привиллегіи, Сигизмундъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, позволялъ себѣ иногда и такія дѣйствія, которыми подрывалось православное епископство въ самомъ корнѣ. Едва прошло десять лѣтъ послѣ виленскаго собора, опредѣлившаго, чтобы никто не подкупался подъ живыхъ епископовъ, т. е. не покупалъ ихъ каѳедръ, еще занятыхъ, какъ

(177) Акт. Вилен. Комм. II, № 2; А. З. Р. II, № 32.

(178) Подлинникъ этой граматы, съ восковою печатью, хранится въ архивѣ литовской духовной консисторіи.

(179) А. З. Р. II, №№ 101. 105; Ревизія пущь, прилож. № 16.

повторился подобный случай во всемъ своемъ безобразіи. Былъ у Сигизмунда писарь Михайло Васильевичъ Коптя, котораго онъ послалъ въ крымскую орду съ суммою въ сто копъ грошей, чтобы расположить татаръ въ свою пользу; сумма оказалась недостаточною, и Коптя издержалъ въ ордѣ немало своихъ денегъ. За тѣмъ, сопровождая крымскихъ пословъ къ королю съ ихъ свитою, простиравшеюся до шестидесяти человѣкъ, кормилъ ихъ дорогою на собственный счетъ и еще болѣе издержался. По окончаніи порученія, явившись къ Сигизмунду, Коптя просилъ вознаградить его, и чѣмъ же? Не деньгами, а тѣмъ, чтобы его отцу, пану Василію Евлашковичу, король пожаловалъ епископскую каѳедру, луцкую или владимірскую (двѣ, самыя богатыя каѳедры по имѣніямъ), какая прежде сдѣлается праздною. И. Сигизмундъ охотно согласился и выдалъ грамату, въ которой объявилъ, что, за вѣрную службу писаря Копти и за понесенныя имъ на службѣ издержки, даетъ его отцу, пану Василію Евлашковичу одну изъ названныхъ епископскихъ каѳедръ, какая прежде станетъ праздною, а самому Коптѣ предоставляетъ то «челомбитье», которое имѣлъ бы взять онъ — король отъ той епископіи при назначеніи ей новаго епископа (180). Тутъ попраны были и права всей православной церкви, которой навязывался для епископскаго служенія человѣкъ, можетъ быть, вовсе неспособный и вовсе къ тому неподготовленный, и утвердившееся обычаемъ право мѣстныхъ православныхъ—участвовать въ избраніи своихъ епископовъ. А кромѣ того, изъ этой граматы узнаемъ, что польскій король бралъ отъ православныхъ епархій приношенія—челомбитья

(180) А. Ю. и З. Р. II, № 105.

каждый разъ, когда назначалъ имъ епископовъ. Значитъ, бралъ и съ тѣхъ, кому хотѣлось купить себѣ епископію, и отъ тѣхъ, кому давалъ епископовъ.

Благотворенія на церкви и монастыри не только не прекращались, а еще увеличивались, и это, прежде всего, видимъ въ епархіи митрополита. Въ *Вильнѣ* пречистенскій митрополитанскій соборъ подвергся (1506 г.) сильному поврежденію: въ немъ обрушился главный куполъ и на стѣнахъ показались трещины. Несчастіе произошло отъ сотрясенія почвы, вслѣдствіе того, что для укрѣпленія городской стѣны, проходившей въ одинадцати саженяхъ отъ собора по берегу рѣки Виленки или Билейки, тогда забивалось множество свай. Черезъ пять лѣтъ князь Константинъ Ивановичъ Острожскій выпросилъ у короля Сигизмунда грамату (19 іюня 1511 г.) на возобновленіе собора, и совершенно перестроилъ его на старомъ фундаментѣ, въ готическо-византійскомъ стилѣ, съ большимъ куполомъ по срединѣ и четырьмя башнями по угламъ. При этомъ соборъ былъ освященъ несомнѣнно во имя успенія Пречистыя Богородицы. Затѣмъ князь исходатайствовалъ у короля еще разрѣшеніе (29 дек. 1515 г.) построить для пречистенскаго собора и дѣйствительно построилъ на рѣкѣ Вилейкѣ мельницу, на содержаніе митрополита Іосифа и его преемниковъ. А князь Ѳедоръ Ивановичъ Ярославичь опредѣлилъ (25 сен. 1516 г.) выдавать собору ежегодно изъ имѣнія своего Вяды по сорока куницъ, собственно на содержаніе соборныхъ священниковъ, но съ тѣмъ, чтобы митрополитъ въ это пожертвованіе совсѣмъ не вступался (181). Въ

(181) Памятн. Русск. старины въ западн. губ. имперіи, V, 90; Вилен. Археогр. Сборн. VI, №№ 6. 7; Собран. грам. городовъ Вильны, Ковна..., II, стр. 90.

1514 г. князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, предъ сраженіемъ съ московскими войсками подъ Оршей, далъ торжественный обѣтъ, въ присутствіи многихъ знатныхъ лицъ, соорудить въ Вильнѣ двѣ каменныя церкви, одну во имя пресв. Троицы, а другую во имя святителя Николая, если литовское оружіе увѣнчается успѣхомъ. Одержавъ знаменитую оршинскую побѣду, князь просилъ у короля дозволенія исполнить свой торжественный обѣтъ, тутъ же подкрѣпленный бывшими его свидѣтелями. И король, несмотря на существовавшее запрещеніе строить русскія церкви, какъ самъ выражается, «отмѣнилъ его на этотъ разъ», и далъ славному полководцу просимое имъ разрѣшеніе. Тогда князь вновь соорудилъ изъ камня храмъ пресв. Троицы на томъ мѣстѣ, гдѣ «прежде стояла деревянная церковь съ монастыремъ тогоже имени», и перестроилъ николаевскую (перенесенскую) церковь, которая и прежде была каменною (182). Изъ граматы короля видно, что тогда еще не совсѣмъ отмѣненъ былъ Казиміровъ законъ, возбранявшій сооруженіе православныхъ храмовъ; но этотъ законъ по временамъ напоминалъ о себѣ едвали не въ одной Вильнѣ, а вдали отъ столицы и отъ короля, напр., князь Ѳедоръ Ярославичь, какъ мы видѣли, еще при Александрѣ, безпрепятственно построилъ многія церкви. Не можемъ пройти здѣсь молчаніемъ, что вскорѣ по сооруженіи каменной церкви въ троицкомъ виленскомъ монастырѣ княземъ Острожскимъ, въ первый разъ упоминается при этой

(182) Подлинная грамата короля на латинскомъ языкѣ, но съ пропусками отъ поврежденія текста, напечатана въ Собран. городовъ Вильны, Ковны..., II, № 6, стр. 14. А въ полномъ своемъ видѣ, только на польскомъ языкѣ, напечатана въ книгѣ: Prawa y Przywileie od królow... nadane..., str. 24 — 25, изд. въ Вильнѣ 1632 г. Снес. примѣч. 83.

самой свято-троицкой церкви и женскій монастырь: около 1520 г. въ немъ будтобы проводила жизнь, въ качествѣ монахини, дочь извѣстнаго намъ канцлера королевы Елены и маршалка литовскаго Ивана Семеновича Сопѣги, по имени Екатерина (183). Женскій этотъ монастырь могъ находиться на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ онъ находился и впослѣдствіи, т. е. рядомъ съ мужескимъ троицкимъ монастыремъ, гдѣ нынѣ домъ и помѣщеніе духовенства виленскаго каѳедральнаго собора.

Въ *Гроднѣ* колошскому борисоглѣбскому монастырю, по ходатайству возобновителя его Богуша Боговитиновича, король подтвердилъ своими граматами (1508 и 1512 г.) всѣ имѣнія, какъ пожертвованныя на монастырь его ктиторами или фундаторами, такъ и купленныя его первыми игуменами. Въ *Ковнѣ* церкви св. Николая князь Ѳедоръ Ивановичъ Ярославичь подтвердилъ (3 авг. 1513 г.) грамату отца своего Ивана Васильевича, которою послѣдній назначилъ на ту церковь десятину всякаго хлѣба отъ своего двора Сосновскаго. Въ *Новогрудкѣ* борисоглѣбскій митрополитанскій соборъ, если не вновь воздвигнутъ, то перестроенъ изъ камня княземъ Константиномъ Ивановичемъ Острожскимъ, который, при томъ, выпросилъ у короля, на содержаніе крылошанъ собора, пять службъ людей и три пустоши въ его королевской, цыринской, волости, со всѣми землями, угодьями и доходами: въ 1517 г., 26 ноября, король, по просьбѣ тогоже князя, новою граматою

(183) Объ этомъ свидѣтельствуетъ *Валицкій* въ предисловіи къ III части своей «исторіи Коденскаго костёла», основаннаго Сопѣгами, при составленіи которой онъ пользовался документами изъ ихъ фамильнаго сопѣжинскаго архива (*Stebelski* Chronolog. p. 234. Спес. его же Żywoty Ewfroz y Parascewii, гдѣ въ предварительной статьѣ: Opisan. awtorow—говорится и о *Валицкомъ*).

утвердилъ это свое даяніе (184). Въ *Кіевѣ* монастырь печерскій, владѣвшій уже значительными помѣстьями, получилъ (6 марта 1516) отъ князя Константина Ивановича Острожскаго дворъ «Городокъ» съ двумя приселками и село Вольницу въ Глушской волости, съ угодьями и доходами, по завѣщанію тещи его княгини Анастасіи Гольшанской. А что кіевопечерскій монастырь былъ уже довольно богатъ, можно заключать изъ челобитной тогдашняго архимандрита его Вассіана королю Сигизмунду. На Вассіана сдѣланъ былъ какой-то доносъ королю, и король послалъ приказъ кіевскому воеводѣ Монтовтовичу взять архимандрита и заключить въ оковы: при этомъ у него отняты были двое коней, нѣсколько десятковъ золотыхъ червленыхъ, множество жемчугу, ковровъ, лисицъ, куницъ, бобровъ, кунья шуба, крытая золотою парчею и проч. Когда, по ходатайству Константина Ивановича Острожскаго предъ королемъ, Вассіанъ былъ освобожденъ и рѣшился ѣхать въ Вильну, онъ повелъ для короля двухъ коней въ полной сбруѣ и повезъ ему пятьдесятъ золотыхъ, кунью шубу, крытую чернымъ атласомъ, и разные другіе подарки; но и въ Вильнѣ былъ схваченъ и заключенъ въ оковы тивуномъ Бутримомъ, который при этомъ отнялъ у него не только всѣ подарки, назначенные королю, но еще сорокъ копъ грошей, сорокъ золотыхъ угорскихъ и много другихъ вещей. Что сдѣлано по челобитной Вассіана, неизвѣстно; но, очевидно, онъ настоятельствовалъ не въ бѣдной обители (185). Изъ другихъ кіевскихъ монастырей выдубицкій получилъ (5 іюн. 1517)

(184) Вилен. Археогр. Сборн. IX, стр. 423; А. Вилен. Комм. I, № 19; Собр. грам. городовъ Вильны, Ковна..., II, № 55, стр. 146 — 147; А. З. Р. II, № 99.

(185) А. З. Р. II, №№ 46. 96.

жалованную грамату отъ митрополита Іосифа на принадлежавшую кіевскому митрополитальному, софійскому дому пахатную землю, на которой существовалъ нѣкогда гнилецкій монастырекъ ([186]); а пустынно-николаевскій получилъ нѣсколько граматъ то отъ короля Сигизмунда, то отъ другихъ лицъ. Сигизмундъ подтвердилъ монастырю граматы прежнихъ королей, Казиміра и Александра, на земли и угодья; утвердилъ за монастыремъ новыя земли и угодья, купленныя имъ самимъ и подаренныя ему кіевскими воеводами, Монтовтовичемъ и Немировичемъ, и другими кіевлянами, и пожаловалъ монастырю, по просьбѣ игумена съ братіею, трехъ людей. Прочіе жертвователи, въ томъ числѣ черкасскій староста Дашковичъ, также выдавали монастырю свои записи и граматы на сдѣланныя ими пожертвованія ([187]). Въ *Минскѣ* вознесенскому монастырю Сигизмундъ подтвердилъ (24 ноябр. 1513) грамату королевы Елены на подаренное ею село Простенецъ и пожаловалъ (25 ноябр. 1513) въ самомъ замкѣ своемъ мѣсто для построенія «дома убѣжища». А въ минскомъ уѣздѣ князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, построивъ церковь св. Николая въ имѣніи своемъ Смолевичахъ, далъ ей (1507) дарственную запись на три волоки земли съ огородами и сѣнокосами, подтвержденную потомъ (1508) и королемъ Сигизмундомъ ([188]).

([186]) Сборникъ матеріал. для историч. топогр. Кіева. отд. III, № 6. Мы уже замѣтили прежде, что эта грамата не можетъ быть отнесена къ 1504 году (см. примѣч. 168). Теперь прибавимъ, что, судя по означенному въ ней индикту 5-му, ее можно относить къ 1517 году: тогда и Іосифъ Солтанъ былъ уже митрополитомъ, и Андрей Немировичъ—воеводою кіевскимъ.

([187]) А. З. Р. II, №№ 2. 38. 89. 90. 95. 97. 102. 110; А. Ю. и З. Р. I, №№ 59. 63. 66. 71; II, № 102.

([188]) Собр. граматъ минск. губ., №№ 4. 5; Вилен. Археогр. Сборн. I, №№ 7. 9.

Немало было благотвореній на монастыри и церкви и въ другихъ епархіяхъ. Въ *Полоцкѣ* нѣкто Іоакимъ Туровскій подарилъ (1509) предтеченскому монастырю свое родовое село на рѣкѣ Туровѣ съ принадлежащими ему угодіями. Въ *Витебскѣ*, по жалобѣ мѣстнаго архіепископа Іосифа и всего духовенства на витебскаго воеводу Януша, король приказалъ ему (1516 г.) отпускать по прежнему, на городскія церкви, особенно успенскую и михайловскую, разныя установленныя дани изъ королевскихъ дворовъ и волостей и не возбранять церковнымъ рыболовамъ ловить въ озерахъ рыбу по давнему обычаю. Въ *Мстиславлѣ* мѣстный князь Михаилъ Ивановичъ Жеславскій пожаловалъ: нагорному николаевскому монастырю четыре семьи людей съ данями и доходами (1507 г.); пустынскому монастырю село на рѣкѣ Ослинѣ съ пашнями и угодіями (1507) и сѣножать близъ рѣки Вехры (1511); онуфріевскому монастырю, который названъ въ граматѣ «лаврою», ѣзъ на рѣкѣ Сожѣ (1515), и спасской городской церкви пустошь съ землею пахатною, бортною и съ сѣножатью (1519) ([189]). Въ *Пинскѣ* и его округѣ князь Ѳедоръ Ивановичъ Ярославичъ пожаловалъ двумъ городскимъ церквамъ, николаевской и дмитріевской, островъ Пнюской, съ правомъ селить на немъ людей, а николаевской, кромѣ того, двѣ копы грошей ежегодной дани (1518); лещинскому монастырю—ниву, дворище въ селѣ Ольвичахъ, пять озеръ и полдворище въ селѣ Сухомъ (1514. 1518. 1520); введенской церкви въ селѣ Купятичахъ—участокъ лѣса (1511); зачатіевской церкви въ селѣ Ставкѣ — опредѣленное количество мѣрокъ зерна съ двухъ

([189]) А. Ю. и З. Р. I, №№ 51. 65. 70; А. З. Р. II, №№ 27. 63. 94. 104; Вилен. Археогр. Сборн. II, №№ 6. 8.

мельницъ (1519); церкви св. великомученика Димитрія въ селѣ Городецкомъ—полколоды меду и пятьдесятъ грошей ежегодной дани (1518) ([190]). Въ *Туровѣ* князь Константинъ Ивановичъ Острожскій записалъ (1508 и 1513) на церковь Преображенія Господня садъ съ пасѣкою, поля и сѣножать. Въ *Смоленскѣ* король Сигизмундъ пожаловалъ (1507) спасскому монастырю матвѣевскую пустошь и двѣ службы людей. Въ *Кобринѣ* подтвердилъ (1512) спасскому монастырю село Корчичи и при немъ разныя угодія и десятину, по отказу князей кобринскихъ ([191]). Въ *Дермани* князь Константинъ Ивановичъ Острожскій пожертвовалъ (1507) въ дерманскій общежительный монастырь богатую церковную утварь: сребропозлащенный потиръ, украшенный камнями, съ такими же дискосомъ, звѣздицею и лжицею; сребропозлащенный крестъ воздвизальный съ мощами; евангеліе, съ свящ. изображеніями на финифти, обложенными серебромъ, золотомъ и драгоцѣнными камнями; три сребропозлащенныхъ и два золотыхъ вѣнца; шесть завѣсъ, бархатную, атласную и тафтяныя; двое ризъ камчатныхъ, обложенныхъ бархатомъ на золотѣ и бархатный на золотѣ епитрахиль; два камчатныхъ воздуха и десять книгъ мѣсячныхъ миней, двѣ на пергаменѣ и прочія на хартіи. А панъ Семенъ Олизаровичь, тесть князя Януша Сангушковича, записалъ (прежде 1512) на тотъ же монастырь имѣніе свое Бѣлашовъ, купленное за тридцать копъ грошей ([192]). Въ 1517 г. жена каштеляна земли волынской Агаѳія Пясечинская просила митропо-

([190]) А. З. Р. II, № 103; Ревизія пущь, прилож. №№ 8. 14. 91. 94. 113. 157.
([191]) Виленъ. Археогр. Сборн. IV, №№ 1. 2; А. З. Р. II, №№ 23. 79.
([192]) Памятники Кіев. Коммис. IV, отд. I, стр. 31. 92—93; А. З. Р. II № 82.

лита Іосифа Солтана и архимандрита жидичинскаго монастыря Паисія, создать въ имѣніи ея *Тороканяхъ* (нынѣ кобринскаго уѣзда гродненской губ.) храмъ св. живоначальныя Троицы и при немъ мужескій общежительный монастырь, для чего и представила митрополиту сто копъ битыхъ грошей литовскихъ и подарила на монастырь, кромѣ Торакань, еще другія четыре свои имѣнія, съ тѣмъ однакожъ, чтобы этотъ монастырь не былъ ни митрополичьимъ, ни приписнымъ къ жидичинскому, а былъ самостоятельнымъ, и чтобы братія его сами избирали себѣ игумена ([193]).

Монастыри и церкви, какъ прежде, отдавались подъ патронатства, и священники поступали къ церквамъ по праву наслѣдства. Король Сигизмундъ, по просьбѣ князя Константина Ивановича Острожскаго, отдалъ (1507) ему жидичинскій николаевскій монастырь въ луцкомъ повѣтѣ съ тѣмъ, чтобы князь держалъ монастырь въ своей власти, подавалъ ему архимандрита съ своей руки и имѣлъ всѣ села и имѣнія монастыря въ своей рукѣ. Точно также, по просьбѣ городенскаго старосты Юрія Радивила, король отдалъ ему (1520) въ «подаванье» спасскую церковь съ ея землями, находившуюся въ его имѣніи Котрѣ. Польская королева Бона дала наказъ (1520) своему пинскому державцѣ, чтобы къ юрьевской церкви въ пинскомъ замкѣ опредѣленъ былъ священникомъ внукъ тогдашняго священника, уже состарѣвшагося, «якожъ есть обычай въ Руси, ижъ церковь и доходы церковные на потомки спадаетъ» ([194]).

Покровительство, какое оказывалъ король Сигизмундъ пра-

([193]) Виленъ. Археогр. Сборн. VI, № 142, стр. 354—355.
([194]) А. З. Р. II, №№ 29, п. 2. 106; Ревиз. пущь, прилож. № 44, стр. 252.

вославнымъ владыкамъ, монастырямъ и церквамъ, не ограничивалось однимъ духовенствомъ, но простиралось и на всѣхъ православныхъ мірянъ. Онъ подтверждалъ цѣлымъ областямъ, по просьбѣ мѣстныхъ князей, бояръ, шляхты и всего населенія, уставныя граматы, данныя имъ еще прежними королями, Казиміромъ и Александромъ, и въ этихъ граматахъ предоставлялъ одни и тѣже права жителямъ обоихъ исповѣданій, латинскаго и православнаго, какъ гражданскія, такъ и церковныя ([195]). Онъ вводилъ въ города, по примѣру своихъ предшественниковъ, такъ-называемое магдебургское право, по которому горожане управлялись и судились сами собою, чрезъ своихъ выборныхъ, и въ жалованныхъ граматахъ на магдебургское право ясно опредѣлялъ, чтобы половина такихъ выборныхъ радцевъ (въ Полоцкѣ наприм. число ихъ простиралось до 24) были римскаго закона, а другая половина греческаго закона, и чтобы изъ среды радцевъ ежегодно избирались два бурмистра, также одинъ римскаго, а другой греческаго закона ([196]). Этимъ православные обитатели городовъ совершенно уравнивались, по управленію и суду, съ своими согражданами-латинянами.

([195]) Таковы граматы: жителямъ кіевской волости (А. З. Р. II, № 30), жителямъ полоцкой волости (—№ 70). Въ послѣдней граматѣ, между прочимъ, сказано, что для владыки полоцкаго была «на попѣхъ полоцкихъ кунища соборная *шерстью*» (стр. 89).

([196]) Это ясно опредѣлено въ граматахъ Полоцку, 1510 г. (А. З. Р. II, стр. 61), Новгородку, 1511 г. (—№ 71), Минску, 1511 г. (Собр. грам. минск. губ. № 19, стр. 20—21). Въ другихъ граматахъ, наприм., Волковыйску, Бресту, Кіеву (А. З. Р. I, №№ 13. 73; А. Ю. и З. Р. II, № 103), объ этомъ не упомянуто. Но въ послѣдней граматѣ сказано вообще, что граждане Кіева, безъ различія по исповѣданіямъ, имѣютъ держать магдебургское право во всемъ точно такъ, какъ держитъ его Вильна; а въ Вильнѣ, несомнѣнно, городская рада состояла на половину изъ католиковъ и на половину изъ православныхъ.

Такъ было въ великомъ княжествѣ литовскомъ, но не такъ было въ Галиціи. Тамъ съ каждымъ годомъ увеличивалось число польскихъ пановъ-помѣщиковъ, и въ ихъ руки переходили русскія имѣнія. И между тѣмъ, какъ на Волыни, въ Подоліи и другихъ областяхъ, принадлежавшихъ Литвѣ, православные, наравнѣ съ латинянами, занимали и первостепенныя должности, въ галицкой Руси всѣ воеводства, кастелянства, староства король раздавалъ только полякамъ. Между тѣмъ, какъ въ литовскихъ городахъ православные имѣли совершенно одинаковое съ латинянами участіе въ городскомъ управленіи и судѣ, въ городахъ Галиціи, особенно во Львовѣ, поляки и нѣмцы захватили себѣ всю власть въ магистратахъ, вытѣснили оттуда русскихъ и притѣсняли ихъ ([197]). Тоже было и въ отношеніи церковномъ. Кіевскій митрополитъ, для управленія дѣлами бывшей галицкой митрополіи, обыкновенно имѣлъ, въ разныхъ ея повѣтахъ или округахъ, своихъ намѣстниковъ, изъ которыхъ одинъ завѣдывалъ собственно округомъ Галича или галичскимъ, а также находившимся въ Галичѣ митрополитанскимъ домомъ—монастыремъ, называвшемся «Крылосъ», съ принадлежавшими ему имѣніями. И что же оказывается? Этихъ намѣстниковъ, въ началѣ XVI столѣтія, поставлялъ не самъ митрополитъ, а избирали и ставили мѣстные городскіе старосты, по волѣ короля, можетъ быть, только съ согласія митрополита. По крайней мѣрѣ, въ 1508 г. галицкій староста, маршалокъ *Станиславъ* Ходечь, очевидно, латининъ, въ своей договорной граматѣ прямо говорилъ, что онъ получилъ «опекальничество» или попечительство надъ

([197]) *Зубрицк.* Галицкая Русь въ XVI столѣтіи, Чтен. М. Истор. Общ. 1862, III, отд. III, 21—24.

монастыремъ «Крылосъ» отъ августѣйшаго короля, и выражалъ свою волю отдать, за условленную плату, какому-то пану Роману Осталовичу этотъ митрополитанскій монастырь съ принадлежавшими ему селами (Подгродзье и Благовѣщеніе), землями и доходами, а равно со всѣми пошлинами, какія издревле ежегодно собирались съ поповъ галичскаго округа на митрополита, и даже съ правомъ духовнаго суда надъ попами, находившимися подъ вѣдѣніемъ монастыря Крылоса, если только на это изъявитъ согласіе король, или этому не воспрепятствуетъ митрополитъ ([198]). Король, однакожъ, не изъявилъ согласія, потому что по вопросу о назначеніи намѣстниковъ кіевскаго митрополита въ Галиціи произошелъ споръ между старостою Станиславомъ Ходечемъ и тогдашнимъ латинскимъ архіепископомъ львовскимъ Бернардомъ. Вслѣдствіе чего, Сигизмундъ, желая, какъ самъ выражается, по долгу христіанскаго государя, чтобы схизматики въ Галиціи удобнѣе могли быть привлекаемы къ истинной вѣрѣ, предоставилъ (15 апр. 1509) право назначать намѣстниковъ кіевскаго православнаго митрополита въ Крылосѣ, Львовѣ и другихъ мѣстахъ львовской епархіи львовскому латинскому архіепископу, не давая ему, однакожъ, права назначать самихъ русскихъ священниковъ ([199]). Прискорбно было, конечно, такое распоряженіе ко-

([198]) Supplement. ad Hist. Russiae Monum. № 48, p. 134. Справедливо замѣтили издатели этой граматы, что ее слѣдуетъ относить не къ 1403, а къ 1508 году: потому Станиславъ Ходечь, какъ староста галицкій и львовскій упоминается въ 1509 г., и упоминается именно по дѣлу о назначеніи намѣстниковъ галицкаго митрополита въ Крылосъ, Львовъ и проч. (ibid. № 50).

([199]) Supplem. ad Hist. Russiae Monum. № 50, p. 137. Въ 1539 г. православные Галичане въ своей челобитной митрополиту Макарію, вспоминая объ этой привилегіи, данной Сигизмундомъ львовскому арцыбискупу, также говорили, что она дана была съ цѣлію принуждать ихъ къ латинской вѣрѣ, и что

роля митрополиту Іосифу Солтану; но король дозволилъ ему, въ знаменованіе его духовной власти надъ галицкою епархіею, бывшею нѣкогда митрополіею, титуловаться митрополитомъ не только кіевскимъ и всея Руси, но и *галицкимъ*: съ этого, по крайней мѣрѣ, времени и года, и безъ сомнѣнія, не безъ воли короля, кіевскіе митрополиты начали именоваться и галицкими, даже въ офиціальныхъ бумагахъ, хотя часто и опускали въ своемъ титулѣ это послѣднее названіе, и самъ король также началъ называть ихъ иногда галицкими въ своихъ граматахъ ([200]). Притѣсненія православнымъ въ Галиціи, особенно во Львовѣ, болѣе и болѣе усиливались и дошли до того, что львовское церковное братство, состоявшее изъ почетнѣйшихъ гражданъ, принуждено было принесть жалобу королю, и король, по ходатайству за нихъ князя Константина Ивановича Острожскаго, назначилъ коммиссію для обсужденія дѣла, и въ 1521 г. издалъ слѣдующее постановленіе: 1) русскіе, въ дѣлахъ большей или меньшей важности, имѣютъ приносить присягу не въ латинскомъ костелѣ, но въ своей церкви; 2) во

предки ихъ по этому случаю много разъ ѣздили къ королю, много возили ему подарковъ, но не имѣли успѣха (A. З. Р. II, № 198).

([200]) Въ 1508 г. и въ февр. 1509 г. митрополитъ Іосифъ назывался еще только *кіевскимъ и всея Руси*, а въ сентябрѣ 1509 г. *и галицкимъ* (A. З. Р. II, №№ 10. 51. 55). О граматѣ 1504 г., въ которой митроп. Іосифъ также называетъ себя *галицкимъ* (Сборн. матеріаловъ для истор. топогр. Кіева, отд. III, № 6), мы уже сказали, что она не можетъ относиться къ 1504 г., а относится развѣ къ 1517 г. (примѣч. 168. 186). Извѣстна еще грамата, данная будтобы въ 1492 г. митрополитомъ Макаріемъ I дѣтямъ Гринка Ходкевича, въ которой митрополитъ называется *и галицкимъ* (Вилен. Археогр. Сборн. IX, стр. 414—415). Но—а) въ 1492 г. Макарій еще не былъ митрополитомъ, и индиктъ былъ 10, а не 3, какъ показано на граматѣ, безъ означенія самаго года; б) митр. Макарію († 1497) грамата не могла принадлежать: потому что въ ней Гринко Ходкевичъ называется уже «небощикомъ» т. е. покойникомъ; а этотъ Гринко или Гринашко Ходкевичъ еще былъ живъ въ 1505 г. (тамъ же, стр. 417); в) въ

всѣхъ дѣлахъ могутъ быть свидѣтелями предъ судомъ, къ чему прежде не допускались; 3) священники ихъ могутъ ходить въ городѣ къ больнымъ со Святыми Дарами въ церковномъ облаченіи, но безъ свѣчь, а въ улицѣ, называемой русскою, и со свѣчами; 4) магистратъ, состоящій изъ однихъ латинянъ, имѣетъ право самъ назначать православныхъ священниковъ, но долженъ обращать вниманіе на представленіе русскаго общества, и отъ поставленнаго священника можетъ брать рукавичнаго не болѣе двухъ копъ грошей; 5) тѣла умершихъ русскихъ священникъ можетъ провожать чрезъ городъ въ церковномъ облаченіи, что̀ дотолѣ возбранялось, но безъ свѣчь и колокольнаго звона, а въ русской улицѣ можно и пѣть, и звонить, и зажигать свѣчи ([201]). Одно это постановленіе достаточно свидѣтельствуетъ, каково было положеніе православныхъ въ Галиціи.

Князь Константинъ Ивановичъ Острожскій («панъ виленскій, гетманъ найвысшій, староста луцкій и браславскій, маршалокъ волынской земли»), принявшій на себя ходатайство предъ королемъ и за угнетенныхъ галичанъ, былъ, во дни митрополита Іосифа Солтана, самымъ могущественнымъ

граматѣ митрополитъ убѣждаетъ братьевъ Гринкевичей, перечисляя ихъ по именамъ, чтобы они исполнили запись своего покойнаго родителя, данную колошскому монастырю; по эти именно братья Гринкевичи дали въ 1526 г. фундушевую запись на Спасскую церковь въ своемъ родовомъ имѣніи Балѣ, исполняя «приказаніе отца своего *преставшегося*, пана Григорія Ходкевича», который, какъ можно догадываться по записи, только предъ тѣмъ и скончался (Акт. Вилен. Комм. VII, № 3). Слѣд. если грамата писана была митр. Макаріемъ, то уже послѣ 1526 г., Макаріемъ II (1534 — 1555), и, судя по индикту — 3, могла быть написана въ 1544 г.; а при этомъ-то митрополитѣ Макаріѣ Гринкевичи и обижали колошскій монастырь (Вилен. Археогр Сборн. IX, 423—425).

([201]) *Зубрицк.* Лѣтопись львов. братства, подъ 1521 годомъ; Галицк. Русь въ XVI столѣтіи, Чтен. М. Истор. Общ. 1862, III, отд. III, 24—25.

покровителемъ и благотворителемъ западно-русской церкви. Потомокъ знаменитаго Даніила галицкаго, или, какъ нынѣ догадываются, древнихъ князей туровскихъ и пинскихъ изъ племени св. Владиміра, князь Константинъ Острожскій оказалъ необыкновенныя заслуги отечеству, въ званіи полководца, неразъ удостоивался рѣдкихъ почестей и тріумфовъ за свои побѣды, пользовался всеобщимъ уваженіемъ соотечественниковъ, и по воинскимъ доблестямъ не было ему равнаго не въ одной Литвѣ, но и въ Польшѣ ([202]). Очень естественно, если голосъ такого человѣка имѣлъ особенную силу предъ государемъ. И мы видѣли, что почти всѣ милости и льготы, болѣе значительныя, какія оказалъ Сигизмундъ православному митрополиту, епископамъ, церквамъ и монастырямъ, были оказываемы преимущественно ради найвысшаго гетмана, Константина Ивановича Острожскаго, и самъ король даже прямо свидѣтельствовалъ объ этомъ въ своихъ граматахъ ([203]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, отличаясь, по примѣру своихъ предковъ, высокимъ благочестіемъ и пламенною приверженностію къ православной вѣрѣ и обладая обширными имѣніями и богатствами, князь Константинъ не щадилъ для нея своихъ сокровищъ, строилъ и обновлялъ церкви, надѣлялъ монастыри землями и угодіями, дѣлалъ щедрыя приношенія архіерейскимъ каѳедрамъ, и въ этомъ отношеніи также превосходилъ всѣхъ сво-

---

([202]) *Максимович.* Собраніе сочин. I, 165 — 167; *Хойнацк.* Препод. Ѳеодоръ, князь Острожскій, въ Сборникѣ: «Древняя и новая Россія», 1876 г., III, стр. 5—6. По словамъ литовскихъ и польскихъ писателей, князь К. Ив. Острожскій одержалъ 33, или даже 63 побѣды, и два раза, по волѣ короля, имѣлъ торжественный въѣздъ въ Краковъ и въ Вильну (*Stebelsk.* Genealogia XX. Ostrogskich, str. 81—90).

([203]) А. З. Р. II, №№ 65. 78. 99 и др.

ихъ единовѣрцевъ-соотечественниковъ. Православные іерархи питали къ нему глубокое уваженіе и довѣріе, особенно митрополитъ Іосифъ ([204]). Послѣдній, достигнувъ старости и подвергшись тяжкой болѣзни, просилъ у короля дозволенія избрать себѣ опекуномъ, по смерти, князя Константина Ивановича. Просьбу старца-первосвятителя подкрѣпили своими письмами къ Сигизмунду воевода кіевскій и самъ Константинъ Ивановичъ Острожскій, указывая на то, что когда король, по смерти митрополитовъ, посылаетъ, для описи ихъ оставшагося имущества, своихъ дворянъ, дворяне обыкновенно расхищаютъ имущество скончавшагося и опустошаютъ митрополичьи имѣнія, отъ чего бываетъ великій ущербъ для его преемниковъ и для церкви Божіей. Король согласился на просьбу митрополита и далъ грамату (26 сент. 1521 г.) князю Константину Ивановичу, чтобы онъ, когда скончается Іосифъ, принялъ, по его завѣщанію, подъ свою опеку его достояніе и всѣ митрополичьи имѣнія, велѣлъ собирать и хранить въ цѣлости куницы и всѣ другіе митрополичьи доходы, а также описать и хранить всѣ вещи въ митрополичьихъ дворахъ, пока не будетъ назначенъ новый митрополитъ ([205]). Митрополитъ Іосифъ Солтанъ скончался послѣ этого скоро; но князь Константинъ пережилъ его на нѣсколько лѣтъ, и оставался опорою западно-русской церкви еще почти во все время служенія ей слѣдующаго митрополита.

([204]) А. З. Р. II, №№ 45. 72.

([205]) *Прот. Лебединц.* Матеріалы для истор. кіев. митрополіи, стр. 35—36. На граматѣ короля годъ не показанъ, а помѣчено только: «Сен. 26 день, индиктъ 10», что именно и соотвѣтствуетъ сентябрю 1521, а не 1513 года.

III.

Преемникъ митрополита Іосифа Солтана назывался также Іосифомъ. Прежде онъ былъ архіепископомъ полоцкимъ и извѣстенъ уже намъ тѣмъ, что въ 1516 г., вмѣстѣ съ священниками города Витебска, приносилъ жалобу королю на витебскаго воеводу Януша. Во время своего святительствованія въ Полоцкѣ Іосифъ, вмѣстѣ съ двумя сынами своими Иваномъ и Михаиломъ, купилъ у разныхъ полоцкихъ жителей (за 150 копъ грошей и за 38 рублей грошей) земли и дворъ въ Полоцкѣ близъ софійскаго собора, и все это отдалъ старшему сыну своему Ивану, который служилъ королю въ числѣ полоцкихъ дворянъ: значитъ, Іосифъ былъ нѣкогда женатъ и, вѣроятно, происходилъ изъ дворянскаго рода ([206]). На митрополію онъ избранъ, надобно полагать, въ первые мѣсяцы 1522 года, потому что въ іюлѣ носилъ уже имя *нареченнаго* митрополита, какъ за тѣмъ и въ октябрѣ, а въ концѣ 1523 г. назывался уже прямо митрополитомъ и впослѣдствіи подписывался такъ: «Волею Божою Іосифъ архіепископъ митрополитъ кіевскій и галицкій и всея Русіи» ([207]). Объ этомъ первосвятителѣ даже уніатскіе и іезуитскіе писатели сознаются, что онъ былъ схизматикомъ, находился въ послушаніи царегградскому патріарху и не хотѣлъ знать уніи ([208]).

([206]) А. Ю. и З. Р. I, № 74.

([207]) Собр. грам. городовъ Вильны, Ковна..., II, № 33, стр. 90; Собр. грам. минской губ., № 6; А. З. и Ю. Р. I, № 74; А. З. Р. II, № 141, стр. 169.

([208]) «Онъ взятъ былъ на митрополію съ владычества полоцкаго, человѣкъ

Съ самаго избранія Іосифа III на митрополитскую каѳедру начали вновь обнаруживаться непріязненныя отношенія латинянъ къ православной церкви, которыя совсѣмъ почти были незамѣтны уже около двадцати лѣтъ. Въ 1522 г., какъ разсказываютъ польскіе писатели, король Сигизмундъ, перемѣстивъ трокскаго воеводу Гаштолда въ Вильну, захотѣлъ почтить званіемъ воеводы трокскаго своего славнаго гетмана, князя К. Ив. Острожскаго, и тѣмъ возвести его въ сенаторское достоинство. Къ изумленію, этотъ поступокъ короля возбудилъ противъ него на бывшемъ тогда гродненскомъ сеймѣ сильную оппозицію въ польскихъ и литовскихъ панахъ римской вѣры, не потому чтобы они считали своего вождя–богатыря недостойнымъ воеводства и сенаторства, а потому, какъ говорили они, будто король нарушилъ ихъ права, данныя имъ еще на городельскомъ съѣздѣ 1413 года и утвержденныя самимъ же королемъ, присягою при его коронаціи,—права, по которымъ только римскіе католики и уніаты могутъ занимать высшія должности въ государствѣ и сенаторскія кресла. Огорченный до глубины души, доблестный князь–герой просилъ короля уволить его отъ новаго высокаго званія, котораго вовсе не искалъ и не желаетъ, и заявлялъ, что довольствуется одною справедливостію, оказанною его заслугамъ королемъ, и готовъ, по прежнему, служить отечеству безъ всякихъ наградъ. Но король не согласился на просьбу и настоялъ на своемъ. За то, съ другой стороны, въ виду неумолкавшей оппозиціи

простой, отдавалъ послушенство патріарху, не желая знать уніи», говоритъ Дубовичъ (Hierarchia, 184). Тоже — у Кулѣша (Wiara Praw. 195) и Стебельскаго, который при томъ опровергаетъ противное мнѣніе Кульчинскаго (Chronolog. 90—92).

будтобы издалъ на сеймѣ (25 марта) грамату, въ которой объяснялъ, что пожаловалъ князю Острожскому сенаторское званіе только ради его необыкновенныхъ заслугъ, не въ примѣръ другимъ, и обязывался, что впредь ни онъ самъ, ни его преемники не нарушатъ городельскаго акта, и никто изъ лицъ, не состоящихъ въ послушаніи римской церкви, не удостоится сенаторскаго званія ([209]). Всему этому разсказу можно вѣрить развѣ только на половину: потому что князь К. И. Острожскій, какъ гетманъ и панъ виленскій, много лѣтъ уже былъ членомъ королевской рады или сенаторомъ,— о чемъ свидѣтельствуютъ несомнѣнные документы ([210]). Слѣд. латинскіе паны могли теперь протестовать развѣ только противъ избранія его на мѣсто трокскаго воеводы. Но и въ этомъ отношеніи поступокъ ихъ представляется страннымъ. Законъ городельскій, дѣйствительно, доселѣ не былъ отмѣненъ; однакожъ, онъ давно уже не дѣйствовалъ и былъ почти забытъ. Многіе православные, при короляхъ Казимірѣ, Александрѣ и самомъ Сигизмундѣ, занимали высшія государственныя должности и были даже воеводами, напримѣръ, Иванъ Ходкевичъ (ок. 1458 г.)—воевода витебскій, тотъ же Иванъ Ходкевичъ (ок. 1480), князь Димитрій Путятичъ (ок. 1500), князь Иванъ Львовичъ Глинскій (ок. 1506), князь Юрій Александровичъ Гольшанскій (1508), князь Юрій Ходкевичъ (1510), Андрей Немировичъ (ок. 1517)—воеводы кіевскіе, князь Алек-

([209]) *Koialowicz*, Historiæ Lituanæ pars II, p. 379; Miscellanea, 48; *Narbutt*, Dz. narodu Litewsk. IX, 158—160. Грамата короля, будтобы подлинная, напечатана въ книгѣ: Prawa y Przywileie od krolow nadane..., str. 26 — 27. Съ этого времени князь К. Острожскій сталъ писаться воеводою трокскимъ (А. З. Р. II, №№ 110. 112; А. Ю. и З. Р. II, № 106).

([210]) А. З. Р. I, № 174; II, №№ 64. 78, п. 2. 91. 92. 93. 108, п. 2. 109 110 и друг.

сандръ Юрьевичъ (ок. 1495 г.) воевода виленскій ([211]). Почему же именно теперь вспомнили латинскіе паны о городельскомъ постановленіи и потребовали его исполненія? Они видѣли, что въ послѣдніе годы схизма, т. е. православіе, болѣе и болѣе усиливалась въ литовскомъ княжествѣ, не встрѣчая себѣ никакихъ притѣсненій и противодѣйствія; видѣли, какимъ могущественнымъ покровителемъ для нея былъ князь Острожскій, и не могли не понять, что, сдѣлавшись однимъ изъ первыхъ воеводъ, онъ станетъ еще могущественнѣе,—и чувство религіознаго фанатизма, столь обычное въ послѣдователяхъ папства, уснувшее-было на время, пробудилось съ новою силою и выразилось такою открытою непріязнію къ православнымъ. А что не лично противъ князя Константина Острожскаго дѣйствовали здѣсь латиняне, не по какой либо зависти или ненависти къ нему, а противъ вѣры, которой онъ былъ представителемъ и главнѣйшимъ покровителемъ въ Литвѣ, это подтвердилось на виленскомъ сеймѣ 1529 года, когда они снова будтобы вынудили короля повторить обязательство, за себя и за своихъ преемниковъ, что схизматики никогда не будутъ возводимы на высшія государственныя должности ([212]). Король, по формѣ, уступилъ своимъ крикливымъ панамъ, но самъ не измѣнился по отношенію къ православнымъ, и, по прежнему, допускалъ ихъ даже на должности воеводъ ([213]);

([211]) Объ Ив. Ходкевичѣ — П. Собр. Р. Лѣт. VIII, 215; о кн. Дим. Путятичѣ, кн. Ив. Глинскомъ, кн. Ю. А. Гольшанскомъ, Андреѣ Немировичѣ — А. З. Р. I, № 224; II, №№ 1. 44. 95 и др.; о кн. Юріѣ Ходкевичѣ—А. Ю. и З. Р. I, № 57; о кн. Ал. Юрьевичѣ — *Бантышъ-Каменск.* Переписка между Россіею и Польшею, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1860, IV, 19.

([212]) *Koialowicz*, Miscellanea, 48; *Kulesz*, Wiara Praw. 192.

([213]) Таковы, напримѣръ, были: Иванъ Богдановичъ Сопѣга — воевода подляшскій, ок. 1529 г. (А. З. Р. II, № 164, стр. 211), Иванъ Горностай — воевода троцкій, ок. 1540 (—№ 201, стр. 365), и потомъ новогродскій, ок. 1555 г. (Вилен. Археогр. Сборн. VI, № 17), Григорій Александровичъ Ходкевичъ—воевода кіевскій, ок. 1555 г. (Опис. рукоп. Румянц. Муз. 122), и друг.

въ особенности не измѣнился къ своему найвысшему гетману, и предоставилъ ему первое мѣсто въ ряду сенаторовъ свѣтскихъ, слѣдовавшихъ за духовными сенаторами-бискупами ([214]); дозволилъ ему и его потомкамъ (17 авг. 1522 г.), какъ самъ выражался, за его высокія и знаменитыя заслуги при трехъ короляхъ, печатать всѣ свои граматы и письма краснымъ воскомъ; пожаловалъ ему (21 дек.), ради тѣхъ же великихъ заслугъ, свою королевскую вотчину Смольняны, которую нѣкогда держала королева Елена, и многія другія ([215]) и, какъ увидимъ, не переставалъ уважать его ходатайства за своихъ единовѣрцевъ.

Латинское духовенство позволяло себѣ въ Вильнѣ относиться съ пренебреженіемъ и горделивою притязательностію къ православному духовенству. Однажды, въ 1525 г., капланы св. Яна, проходя ночью мимо пречистенскаго собора, вздумали произвести звонъ на его колокольнѣ; сбѣжался народъ, думая, что случился пожаръ или смятеніе; капланы поспѣшили скрыться. Митрополитъ Іосифъ, когда пріѣхалъ въ Вильну, послалъ къ виленскому бискупу Яну (1519—1536) съ просьбою, чтобы онъ разобралъ дѣло капланов и поступилъ съ ними по справедливости. Но посланцы митрополита не были даже допущены къ бискупу; напротивъ, самъ бискупъ прислалъ къ митрополиту жалобу, что капланы св. Яна въ

([214]) А. З. Р. II, № 112; А. Ю. и З. Р. II, №№ 106. 108.

([215]) А. З. Р. II, №№ 115. 118. О другихъ селахъ, подаренныхъ королемъ князю К. И. Острожскому, упоминается въ Описаніи замковъ, владимір., луцк. и кременецкаго, 1545 г. (Памятн. Кіев. Коммис. IV, отд. II, стр. 180 — 181. 223. 228).

то время были избиты прибѣжавшими изъ поповскихъ домовъ, ивановскаго и покровскаго, и назначилъ время, когда эти попы должны явиться на бискупскій дворъ для суда надъ ними. За тѣмъ снова присылалъ къ митрополиту съ требованіемъ представить тѣхъ поповъ на бискупскій дворъ для расправы надъ ними. Митрополитъ пожаловался королю. И король Казиміръ, хотя бискупъ Янъ былъ его родной сынъ (побочный), принялъ сторону митрополита и приказалъ Яну, чтобы онъ произвелъ справедливый судъ надъ капланами, звонившими на пречистенскомъ соборѣ, и далъ удовлетвореніе митрополиту; чтобы не требовалъ къ себѣ на дворъ русскихъ поповъ для расправы, — чего никогда не бывало, — а предоставилъ обиженнымъ ими капланамъ искать праваго суда надъ попами предъ митрополитомъ на его дворѣ, какъ прежде издавна бывало, и чтобы строго обязалъ своихъ духовныхъ не дѣлать впредь подобныхъ обидъ церквамъ греческаго закона ([216]). Несмотря, однакожъ, на это, если не самъ бискупъ, то его врадникъ продолжалъ вступаться въ права митрополита: хваталъ поповъ и людей митрополичьихъ въ Вильнѣ, сажалъ ихъ въ заключеніе, судилъ и рядилъ ихъ; а нѣкоторые попы, провинившись въ чемъ либо, сами бѣжали къ нему, и онъ заступался за нихъ и не хотѣлъ выдавать ихъ митрополиту. Митрополитъ вновь пожаловался. И король далъ новую грамату (22 авг. 1531 г.) бискупу Яну, въ которой объяснялъ, что это «вещь непотребная», чтобы его врадникъ судилъ поповъ греческаго закона, и затѣмъ приказывалъ строго вос-

([216]) Вилен. Археогр. Сборн. VI, № 14. Годъ на этой граматѣ напечатанъ не вѣрно: въ 1545 г. митрополитомъ былъ уже не Іосифъ, а Макарій. Въ подлинникѣ, хранящемся въ библіотекѣ литовской дух. семинаріи, буква — $к = 20$ почти выжжена и изглажена печатью, и, по догадкѣ, вмѣсто $к$, прочитали $м$=40.

претить враднику всѣ такого рода безчинства и отнюдь не вмѣшиваться въ законныя права русскаго митрополита ([217]). Съ канониками виленскаго католическаго собора св. Станислава митрополитъ Іосифъ имѣлъ спорное дѣло о земельномъ владѣніи. Назначено было время, когда обѣ стороны должны были явиться на судъ и представить свидѣтелей. Митрополитъ явился лично съ своими свидѣтелями, а каноники не захотѣли явиться и свидѣтелей не прислали, между тѣмъ продолжали владѣть и пользоваться спорною землею. Нужно было въ другой разъ назначить время для разбирательства дѣла, и потребовалась грамата самаго короля (25 февр. 1532 г.) каноникамъ, чтобы они исполнили законныя требованія суда и митрополита ([218]).

Въ бывшей галицкой митрополіи самъ король Сигизмундъ, какъ мы видѣли, предоставилъ латинскому львовскому архіепископу вмѣшиваться въ дѣла православнаго митрополита и избирать его намѣстниковъ. Къ счастію, самъ же король отчасти поправилъ теперь незаконное дѣло, хотя, быть можетъ, и ненамѣренно. Латинскій архіепископъ, по королевской граматѣ, ставилъ не одного, а нѣсколькихъ митрополичьихъ намѣстниковъ для православной Галиціи, и, при томъ, такихъ намѣстниковъ, которые удобнѣе могли бы привлекать мнимыхъ схизматиковъ къ римской вѣрѣ. Въ 1522 г. Сигизмундъ почему-то вздумалъ назначать для галицкой Руси, вмѣсто многихъ, одного митрополичьяго намѣстника и, по ходатайству нѣкоторыхъ своихъ совѣтниковъ, съ согласія и львовскаго архіепископа, опредѣлилъ на эту должность дворя-

([217]) Вилен. Археогр. Сборн. VI, № 18.
([218]) Вилен. Археогр. Сборн. III, № 7.

нина Яцка (Іакинфа) Гдашицкаго, поручивъ ему имѣть наблюденіе надъ попами и «синагогами русскаго обряда» (такъ названы въ граматѣ короля православныя церкви) въ округахъ—львовскомъ, галичскомъ, коломыйскомъ, каменецкомъ и снятинскомъ и исполнять всѣ другія дѣла, соединенныя съ должностью намѣстника. А черезъ пять мѣсяцевъ, по волѣ и съ согласія тогоже львовскаго архіепископа, удостоилъ Іакинфа Гдашицкаго возведенія въ санъ архимандрита, подчинилъ его вѣдѣнію, кромѣ пяти названныхъ округовъ, еще жидачевскій, и облекъ намѣстника-архимандрита властію производить судъ въ дѣлахъ духовныхъ и вообще пользоваться тѣми самыми правами, какими «нѣкогда пользовался въ этихъ округахъ владыка или митрополитъ галицкій» ([219]). Такимъ образомъ произошли двѣ важныя перемѣны: намѣстникомъ митрополита въ Галиціи назначенъ одинъ и притомъ православный; этимъ намѣстникомъ сдѣлалось лице духовное—архимандритъ. Дальнѣйшее зависѣло уже отъ самаго избраннаго намѣстника. Пользуясь покровительствомъ братьевъ Ходечь, двухъ знатнѣйшихъ польскихъ пановъ въ Галиціи, онъ не захотѣлъ подчиняться латинскому архіепископу, торжественно совершалъ православное богослуженіе, объѣзжалъ ввѣренные ему округа, убѣждалъ всѣхъ, совратившихся въ латинство, сдѣлаться вновь православными, и нѣкоторые, дѣйствительно, «къ ущербу и поношенію римской вѣры, принятой ими, возвращались къ греческой схизмѣ». Львовскій архіепископъ жаловался королю, и король своею граматою (1523 г.) запретилъ

([219]) Supplement. ad Hist. Russiæ Monum. №№ 51. 52. Впрочемъ, если въ одной граматѣ (№ 51) король называетъ русскія церкви *синагогами*, то въ другой (№ 52) называетъ ихъ *церквами*, а въ третьей (№ 55) и *церквами* и *синагогами*.

братьямъ Ходечь покровительствовать Гдашицкому, а всѣмъ жителямъ Галиціи объявилъ, что Гдашицкій есть собственно намѣстникъ львовскаго архіепископа. Но Гдашицкій, несмотря на то, совсѣмъ отказался отъ подчиненія латинскому архіепископу и отдался подъ власть кіевскаго митрополита. Митрополитъ Іосифъ, прежде гнѣвавшійся на Гдашицкаго, можетъ быть, потому, что послѣдній былъ избранъ въ намѣстника и поставленъ въ архимандрита не по его волѣ, а по волѣ латинскаго архіепископа, издалъ въ 1526 г. окружную грамату ко всему галицко-русскому духовенству и мірянамъ, въ которой объявлялъ, что онъ простилъ и разрѣшилъ архимандрита монастыря св. великомученика Георгія во Львовѣ, Исаакія (монашеское имя Іакинфа) Гдашицкаго и утвердилъ его своимъ намѣстникомъ во всѣхъ повѣтахъ, галицкомъ, львовскомъ, каменецкомъ, межибужскомъ, коломыйскомъ и жидачевскомъ, и за тѣмъ благословлялъ православныхъ, духовныхъ и мірянъ, оказывать этому намѣстнику послушаніе во всемъ, «по волѣ и листамъ господаря»: знакъ, что принятіе Гдашицкаго митрополитомъ совершилось, съ вѣдома и разрѣшенія самаго короля. Надобно присовокупить, что, въ намѣстничество архимандрита Исаакія, къ утѣшенію львовскаго православнаго братства, король Сигизмундъ, по ходатайству трокскаго воеводы Константина Ивановича Острожскаго, освободилъ двумя своими граматами (1522 и 1524 г.) состоявшій подъ покровительствомъ братства монастырь св. Онуфрія отъ поземельнаго чинша, въ 24 гроша, который монастырь платилъ до того времени ([220]).

([220]) А. З. Р. II, № 141; *Зубрицк.* Галицк. Русь въ XVI в., Чтен. М.

Кромѣ борьбы съ латинянами, православнымъ іерархамъ приходилось еще вести борьбу съ свѣтскими властями и лицами, непрестанно посягавшими на церковныя права и достояніе. И въ этомъ случаѣ для іерарховъ главнѣйшимъ орудіемъ было — обращаться съ жалобами къ королю и просить его защиты. По просьбѣ пинскаго и туровскаго владыки Іоны и по ходатайству князя Константина Ивановича Острожскаго, Сигизмундъ подтвердилъ (9 февр. 1522) грамату брата своего Александра, чтобы свѣтскіе люди, князья, бояре и другіе въ пинской епархіи не строили церквей и монастырей, безъ воли владыки, не отнимали поповъ изъ-подъ его власти, не препятствовали ему и его протоіерею и прочимъ служебнымъ лицамъ имѣть надзоръ за духовенствомъ, производить надъ нимъ судъ, и не вмѣшивались въ духовныя дѣла, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, платы трехъ тысячъ копъ литовскихъ на короля. По жалобѣ митрополита Іосифа, Сигизмундъ далъ приказъ (1530) войту, бурмистрамъ и радцамъ города Вильны, чтобы они не привлекали церковныхъ и монастырскихъ людей, издавна живущихъ въ Вильнѣ на церковныхъ земляхъ и подсудныхъ церковной власти, къ суду свѣтскому въ ратушѣ и не заставляли ихъ, наравнѣ съ прочими жителями города, давать на ратушу платежи и доходы, а оставили вѣдать и судить тѣхъ людей духовному начальству, какъ бывало всегда при прежнихъ митрополитахъ. По жалобамъ тогоже митрополита Іосифа, король неоднократно разсылалъ свои граматы къ князьямъ, панамъ, воеводамъ, старостамъ, намѣстникамъ и прочимъ властямъ великаго княжества литов-

Истор. Общ. 1862, III, отд. III, 39 — 40; Лѣтоп. львов. братства, подъ 1521. 1522 и 1524 годами.

скаго, чтобы они не дѣлали великихъ несправедливостей и грабежей церковнымъ людямъ и не вступались въ духовныя дѣла митрополита, а въ 1533 г. вновь подтвердилъ это всѣмъ названнымъ властямъ и лицамъ, угрожалъ имъ своимъ гнѣвомъ за непослушаніе и отправилъ къ нимъ особаго своего дворянина, который бы еще словесно, именемъ короля, наказалъ имъ не препятствовать митрополиту судить ихъ поповъ и людей греческаго закона въ дѣлахъ духовныхъ, и въ противномъ случаѣ, бралъ бы насильно этихъ поповъ и людей и представлялъ къ митрополиту ([221]).

Право подаванья, которымъ съ такою неограниченностію пользовался самъ король и которое продолжалъ предоставлять другимъ лицамъ, также немало стѣсняло права церкви и духовныхъ властей, и иногда служило поводомъ къ явнымъ несообразностямъ, на которыя, впрочемъ, и сами православные, вслѣдствіе укоренившагося обычая, смотрѣли безразлично. Епископъ владимірскій и брестскій Пафнутій писалъ къ королю, что луцкій владыка Кириллъ находится въ великой старости и болѣзни, и билъ челомъ, чтобы, по смерти этого владыки, король далъ «тотъ хлѣбъ духовный, владычество луцкое», ему-Пафнутію. И король пожаловалъ Пафнутію грамату (1526), что ему, а не кому либо другому, отдастъ тотъ хлѣбъ духовный, по смерти владыки Кирилла, ссылаясь при этомъ и на ходатайство трокскаго воеводы, князя Константина Ивановича Острожскаго. Лаврашевскій архимандритъ Алексѣй повѣдалъ предъ королемъ, что троицкій архимандритъ въ Вильнѣ Тихонъ весьма немощенъ, и просилъ дать, по животѣ Тихона, ему-Алексѣю ту троицкую архимандритію, — о чемъ

([221]) А. З. Р. II, № 109; Вилен. Археогр. Сборн. VI, №№ 8. 10.

писали также къ королю воевода трокскій, князь Острожскій и самъ митрополитъ. Король, во вниманіе къ такимъ ходатайствамъ, пожаловалъ (1524) и Алексію грамату, что предоставитъ ему просимую архимандритію. Нѣкто Андрей Дягилевичь изъ Кіева повѣдалъ предъ королемъ, что имѣетъ намѣреніе сдѣлаться священникомъ; а какъ князь Ѳедоръ Ярославичь забралъ у него товаръ и много вещей и, не заплативши за нихъ, умеръ, и долгъ долженъ быть уплаченъ изъ королевской казны, то и просилъ, взамѣнъ этой платы, дать ему-Дягилевичу въ Кіевѣ три церкви королевскаго подаванья: николаевскую-межигорскую, николаевскую-іорданскую и христорождественскую. Король, ссылаясь на ходатайство трокскаго воеводы, князя Константина, отдалъ Дягилевичу три названныя кіевскія церкви со всѣми ихъ имѣніями и доходами ([222]). Предоставляя другимъ лицамъ право подаванья на церкви и монастыри, король иногда еще напоминалъ этимъ патронамъ, чтобы они сами заботились о своей церкви или монастырѣ, а не отъ нихъ корыстовались: такъ, въ 1523 г., отдалъ онъ церковь св. Василія во Владимірѣ Волынскомъ князю Сангушкѣ, по его просьбѣ и съ согласія мѣстнаго владыки Іоны; но прибавилъ, что князь «не долженъ имѣть себѣ отъ той церкви Божіей никакихъ пожитковъ, а долженъ самъ надѣлять ту церковь всякими вещами, исправлять ее и имѣть въ своей оборонѣ и подаяньи» ([223]). Большею же частію король вовсе не дѣлалъ такихъ напоминаній, которыя, впрочемъ, едвали и уважались, а прямо отдавалъ церкви и монастыри, со всѣми ихъ имѣніями и доходами, въ распоряженіе патроновъ: въ та-

([222]) А. З. Р. II, №№ 125. 146; А. Ю. и З. Р. II, № 110.
([223]) А. З. Р. II, № 124.

комъ смыслѣ отдалъ онъ (1522) монастырь Пречистыя Богородицы лаврашевскій «въ опеку, и въ оборону, и въ подаванье», пану Ѳедору Хрептовичу; подтвердилъ (1526) право подаванья на пересопицкій монастырь за княземъ Ѳедоромъ Михайловичемъ Черторыйскимъ и его потомками; отдалъ (27 окт. 1525, если только не 1510-го г.) трокскій богородичный монастырь въ опеку и подаванье подскарбію своему Ивану Андреевичу Солтану до его живота, и предоставилъ (1531) женскій овручскій монастырь какой-то Александрѣ Немириной въ пожизненное владѣніе и управленіе ([224]).

Уцѣлѣли три письма митрополита Іосифа III, изъ которыхъ ясно можно видѣть, сколько затрудненій для духовной власти представляли эти церкви и монастыри, состоявшіе подъ патронатствомъ свѣтскихъ людей. Письма касаются монастыря трокскаго, находившагося въ опекѣ Ивана Андреевича Солтана, придворнаго подскарбія и державцы виленскаго. Нужно было удалить одного настоятеля монастыря и назначить другаго. И вотъ митрополитъ пишетъ къ трокскому городничему Богухвалу и къ троцкому ключнику Величкѣ: «на игумена трокскаго Симона приходятъ къ намъ многія жалобы, и въ нѣкоторыхъ проступкахъ и мы находимъ его виноватымъ. А какъ и панъ Иванъ подскарбій двукратно уже писалъ къ намъ и присылалъ своего слугу о такой его нерядливости, не желая имѣть его больше въ томъ монастырѣ, то и намъ представилось тоже, и мы уже отписали о томъ пану Ивану под-

([224]) А. З. Р. II, №№ 117. 170; Архив. Югозапад. Россіи I, № 2; Собр. грам. городовъ Вильны, Ковна..., II, № 47. Въ послѣдней граматѣ на имя Ивана Андреевича Солтана годъ не означенъ, а показано только: «окт. 27, индикт. 14»; что̀ соотвѣтствуетъ 27-му окт. и 1510 и 1525 года.

скарбію. Нынѣ попъ никольскій Василій, богомолецъ вашъ, желая быть игуменомъ въ томъ монастырѣ, просилъ насъ написать къ вашей милости, чтобы вы походатайствовали за него предъ паномъ Иваномъ о томъ монастырѣ. И я благословляю васъ, постарайтесь написать за него къ пану Ивану и попросите подать ему тотъ монастырь: сколько я знаю, онъ къ тому годенъ. А, вѣдь, если бы потомъ не такъ онъ сталъ жить въ монастырѣ, какъ слѣдуетъ игумену, тогда самъ себя удалитъ отъ игуменства, и мы запретимъ ему священствовать. Если же окажется добрымъ начальникомъ въ монашескомъ чинѣ, тогда всѣмъ вамъ будетъ любъ». Но, вѣрно, письмо митрополита и ходатайства трокскихъ городничаго и ключника не имѣли успѣха: панъ подскарбій медлилъ. Спустя долгое время, митрополитъ написалъ къ самому пану: «много разъ уже мы писывали къ твоей милости и теперь напоминаемъ, чтобы ты позаботился найти игумена къ монастырю пречистыя Богоматери въ Трокахъ, твоего подаванья, и прислалъ его къ намъ за благословеніемъ. А если такого священника тамъ не найдешь, потрудись о томъ отписать къ намъ. Мы сами будемъ о томъ заботиться и, нашедши такого человѣка, пошлемъ къ тому монастырю. Ибо тотъ грѣхъ теперь не на комъ, только на моей душѣ лежитъ, да на твоей милости, что церковь Божія уже болѣе года стоитъ безъ хвалы Божіей». Но и послѣ этого панъ подскарбій долго медлилъ и не дѣлалъ никакихъ распоряженій, пока, наконецъ, не рѣшился избрать въ настоятеля своему монастырю того самаго никольскаго попа въ Трокахъ Василія, котораго рекомендовалъ митрополитъ. Посылая избраннаго къ митрополиту за благословеніемъ, Иванъ Андреевичъ просилъ также

постричь попа Василія въ монашество, произвесть въ архимандрита и наставить, какъ проходить ему настоятельскую должность, а о прежнемъ игуменѣ Симонѣ извѣщалъ, что онъ поѣхалъ къ митрополиту на справу, что онъ имѣетъ королевскую грамату на управленіе трокскимъ монастыремъ до своей смерти, и выражалъ недоумѣніе, гдѣ бы помѣстить Симона на покой. Въ отвѣтномъ письмѣ къ Ивану Андреевичу митрополитъ, прежде всего, глубоко благодарилъ пана за исполненіе его просьбы о попѣ Василіѣ; потомъ увѣдомлялъ, что утвердилъ избраннаго настоятеля своимъ благословеніемъ и преподалъ ему надлежащія наставленія; но призналъ за лучшее, по великопостному времени, чтобы онъ постригся въ монашество въ своей обители, и обѣщался поставить его въ архимандрита послѣ пасхи. «А что ты пишешь, —продолжалъ митрополитъ,—объ игуменѣ Симонѣ, будто онъ поѣхалъ къ намъ на справу, то онъ къ намъ не пріѣзжалъ, хотя мы, въ ожиданіи его, нѣсколько дней задерживали у себя попа Василія, который жаловался намъ, что въ бытность его предъ тѣмъ тамошнимъ трокскимъ намѣстникомъ духовныхъ справъ, игуменъ Симонъ самаго его обезчестилъ и избилъ. Но такъ какъ этого игумена въ нынѣшнее лѣто мы судили въ Вильнѣ съ твоими слугами и нѣкоторыми горожанами и нашли его виновнымъ во многихъ преступленіяхъ; такъ какъ и послѣ того онъ надѣлалъ много другихъ проступковъ, и когда попъ Василій позывалъ его за нихъ явиться къ намъ, то онъ отказался, предъ священниками и добрыми людьми, ѣхать къ намъ, говоря: я дей митрополита твоего знать не хочу; то мы за такіе его поступки и непослушаніе къ намъ не благословили его служить службы Божіи нигдѣ въ нашей митрополіи. Если

же тотъ игуменъ Симонъ, какъ ты пишешь, имѣетъ королевскій листъ на управленіе монастыремъ до своего живота, то хотябы онъ имѣлъ два такихъ листа, нисколько бы себѣ не помогъ: ибо преступный священникъ никогда не можетъ держать престола Божія. Я удивляюсь, какъ твоя милость, будучи подавцемъ того монастыря, допустилъ игумену брать еще на твою данину королевскій листъ. Вѣдь, ты помнишь, что когда твоя милость просилъ себѣ того монастыря у короля въ опеку и въ подаванье, я для тебя, сына нашего, нисколько въ томъ не противорѣчилъ; а нынѣ ты самъ ослабляешь твое дѣло, допуская брать подтвердительные королевскіе листы на монастырь твоего подаванья. Что до того, гдѣ бы прожить игумену Симону до его смерти, то, если онъ согласится, мы пошлемъ его на покойный хлѣбъ въ общежительный монастырь супрасльскій, гдѣ чернецы не употребляютъ хмѣля» ([225]). Вотъ чего стоило иногда для епархіальнаго архіерея опредѣлить настоятеля въ монастырь, состоявшій подъ опекою какого либо пана, и удалить недостойнаго настоятеля изъ такого монастыря!

([225]) Вилен. Археогр. Сборн. V, №№ 3. 4. 5. Должно, однакожъ, замѣтить, что ни въ одномъ изъ этихъ писемъ или листовъ митрополита Іосифа годъ не показанъ, а въ первомъ листѣ означено только: «писанъ на Вацѣ, сентября 18 дня»; во второмъ: «писанъ въ Мѣньску, декабря 31 дня»; въ третьемъ: «писанъ въ Мѣнску, марта 27, индикта 8». Послѣднее показаніе соотвѣтствуетъ 27 марта 1535 года; но тогда Іосифъ III не былъ уже митрополитомъ. Слѣд. если въ индиктѣ не допущено ошибки, то здѣсь нужно разумѣть 27-е марта 1520-го, на которое также указываетъ означенный индиктъ, и въ такомъ случаѣ всѣ три письма надобно приписать не митрополиту Іосифу III, а митрополиту Іосифу Солтану: только, по содержанію своему, они не совсѣмъ, кажется, приличествуютъ этому послѣднему первосвятителю, которому Иванъ Андреевичъ Солтанъ, какъ можно догадываться, приходился въ близкомъ родствѣ (Родъ пановъ Солтановъ — въ Жировицкомъ Поминникѣ, Рукописн. отд. Вилен. публ. библіот. стр. 52. Снес. примѣч. 274).

Но если бывали паны и вообще свѣтскіе люди, даже изъ православныхъ, такъ или иначе посягавшіе на права православной церкви, то бывали и такіе, которые съ усердіемъ покровительствовали ей и служили отъ своихъ имѣній. Если самъ король допускалъ иногда распоряженія, несоотвѣтствовавшія ея достоинству и выгодамъ, то еще чаще онъ издавалъ граматы въ подтвержденіе и огражденіе ея правъ, и особенно на пользу ея храмовъ и монастырей. Въ Вильнѣ число тѣхъ и другихъ не уменьшалось, а возрастало. Въ ней упоминаются новыя церкви: въ 1522 г.—церковь петровская; въ 1524 г. — церковь св. Юрія на Лукѣ (на лукишкахъ?), слѣдоват. отличная отъ юрьевской церкви, существовавшей уже прежде на Росѣ, которая потому и называлась *Росою юрьевскою*; въ 1525 и 1529 г.—церковь покровская. При юрьевской церкви на Лукѣ существовалъ и монастырь: по просьбѣ его законниковъ, т. е. иноковъ, король приказалъ виленскому воеводѣ Гаштольду отыскать въ виленскомъ повѣтѣ свободную землю и отдать имъ на церковь св. Юрія ([226]). Въ 1532 г. бурмистры и радцы виленскіе, греческаго закона, повѣдали королю, что при русскихъ церквахъ въ Вильнѣ малы кладбища, вслѣдствіе чего, во время бывшаго повѣтрія, нѣсколько сотъ умершихъ пришлось похоронить въ предмѣстьи города на *юрьевской Росѣ*, и просили, чтобы король дозволилъ построить тамъ на кладбищѣ русскую церковь. Король не только позволилъ построить тамъ церковь, но и подарилъ мѣсто при ней для дома священника. Имя новой церкви не обозначено въ граматѣ;

([226]) Виленск. Археогр. Сборн. III, № 6; VI, №№ 5. 14; А. З. Р. II, № 127.

но не была ли это та *пречистенская* церковь на Росѣ, при которой впослѣдствіи (1582) образовалось *росское* братство? ([227]). Такимъ образомъ къ прежнимъ четырнадцати, если не болѣе, церквамъ въ Вильнѣ прибавилось еще четыре. Въ виленскомъ каѳедральномъ пречистенскомъ соборѣ, недавно вновь воздвигнутомъ усердіемъ князя Константина Ивановича Острожскаго, тотъ же князь захотѣлъ устроить еще два придѣльныхъ престола у первыхъ столповъ отъ большихъ дверей церкви, по обѣ ея стороны. Устрояя эти придѣлы, князь пожертвовалъ (1522 г.) на соборъ два своихъ имѣнія неподалеку отъ Вильны, Шешолы и Свираны, съ тѣмъ, чтобы доходами съ имѣній пользовался самъ митрополитъ, но за то содержалъ при обоихъ придѣлахъ четырехъ священниковъ и двухъ діаконовъ, которые бы ежедневно совершали службы и поминали его, князя Константина, и всѣхъ его родственниковъ по даннымъ поминникамъ, и чтобы такое же поминовеніе ежедневно творилось и при великомъ престолѣ собора соборными священниками. А если какой либо митрополитъ не станетъ выполнять этихъ условій, то князь Константинъ или его сынъ Илья,—говорилось въ граматѣ, — отберутъ оба названныя имѣнія, и доходами съ нихъ сами будутъ содержать при устроенныхъ придѣлахъ четырехъ священниковъ и двухъ діаконовъ и вознаграждать соборное духовенство за ежедневныя службы и поминовенія. Митрополитъ Іосифъ далъ письменное обязательство, за себя и за своихъ преемниковъ, что воля князя будетъ свято исполняема ([228]). При соборѣ пречистенскомъ продолжало существовать (1522 г.) братство, и, кажется, это было то самое братство, въ составъ котораго входили бурмистры, радцы и лавники виленскіе, греческаго закона, т. е. всѣ православныя власти города, и которое впослѣдствіи называлось *мѣстскимъ*, или городскимъ и *панскимъ* ([229]). На юрьевскую церковь въ Вильнѣ завѣщалъ (1522) бывшій ея священникъ Матѳей сто золотыхъ, всѣ свои серебряныя вещи и десять книгъ, большихъ и малыхъ; виленскому пречистенскому собору онъ же завѣщалъ книгу свою — правила св. отецъ, а церкви пречистой Богоматери въ городѣ или городской — свой служебникъ. На троицкій монастырь въ Вильнѣ завѣщалъ (1529) двѣсти копъ грошей извѣстный возобновитель гродненскаго борисоглѣбскаго монастыря, подскарбій земскій и маршалокъ Михаилъ Богушъ Боговитиновичь ([230]).

Кіевскимъ монастырямъ Сигизмундъ нерѣдко оказывалъ свое вниманіе и покровительство. По просьбѣ игумена и братіи кіево-николаевскаго пустыннаго монастыря, король утвердилъ за нимъ (1522) людей, земли и угодья, отказанныя монастырю нѣкоторыми панами и земянами кіевскими, равно и землю, купленную самимъ монастыремъ у королевскаго толмача Солтана Албѣевича; а впослѣдствіи подтвердилъ (1528) право монастыря на владѣніе бобровыми гонами и рыбными ловами, по даннымъ записямъ прежнихъ черкасскихъ державцевъ и приказалъ (1532) черкасскому старостѣ Дашковичу,

([227]) Вилен. Археогр. Сборн. I, № 57, стр. 165; VI, № 9.

([228]) Собр. грам. городовъ Вильны, Ковны, II, № 33. Списокъ этой граматы есть и въ архивѣ бывшихъ уніатскихъ митрополитовъ, при Св. Сунодѣ (по Опис. этого архива, № 497).

([229]) Вилен. Археогр. Сборн. VI, № 5. Здѣсь встрѣчается выраженіе: «то все маетъ подъ свѣдомомъ быти пановъ *бурмистровъ*, ихъ милости, *братства пречистое Богоматере*» (—стр. 14). Снес. Собр. грам. городовъ Вильны, Ковна, II, №№ 1. 2.

([230]) Вилен. Археогр. Сборн. VI, № 5; А. Ю. и З. Р. I, № 91.

на котораго жаловались иноки, не вмѣшиваться въ ихъ вотчину и угодья, находившіяся въ томъ краѣ ([231]). По просьбѣ какого-то игумена кіевскаго, Мисаила Щербины, и нѣкоторыхъ кіевскихъ бояръ, король отдалъ (12 март. 1523) Щербинѣ находившійся въ запустѣніи спасскій межигорскій монастырь, со всѣми, издавна принадлежавшими ему, имѣніями, дозволилъ исправить и возобновить монастырь, установить въ немъ общину, по подобію другихъ монастырей греческаго закона, предоставилъ самой братіи избирать себѣ игумена, и взялъ монастырь на себя, господаря, чтобы ни воевода, ни митрополитъ и никто изъ подданныхъ не могли подавать монастыря и ничѣмъ въ него не вступались. Въ тоже самое время, по просьбѣ другаго кіевскаго игумена Макарія и кіевскихъ бояръ, и точно такою же граматою король отдалъ (15 март. 1523) Макарію пришедшій въ запустѣніе златоверхій кіево-михайловскій монастырь, для возобновленія его и установленія въ немъ общины съ правомъ избранія игумена самимъ братствомъ, и устранивъ отъ монастыря всякое вмѣшательство воеводы, митрополита и другихъ, взялъ его въ свое господарское подаванье, подъ которымъ, впрочемъ, монастырь числился и прежде. Этому монастырю король подарилъ (1522—1526) поле вблизи Кіева за городскимъ валомъ, озеро съ сѣножатью у Чорторыи и одно селище съ землею бортною и пашенною, которыя потомъ и ограждалъ отъ сторонних посягательствъ ([232]). Архимандритъ кіево-печерскаго монастыря Игнатій и вся братія повѣдали королю, что въ ихъ обители издавна существовала община, но, со временъ разгрома монастыря татарами, пришла въ разстройство и упадокъ; что, въ случаѣ смерти архимандрита въ ихъ обители, воеводы кіевскіе обыкновенно берутъ ее въ свои руки и держатъ до назначенія новаго архимандрита, а при этомъ всегда забираютъ себѣ не только оставшееся имущество послѣ умершаго настоятеля, но и церковныя вещи къ ущербу обители; что воеводы кіевскіе часто, по нѣсколько десятковъ разъ въ годъ, пріѣзжаютъ въ монастырь, а архимандритъ и старцы ихъ чествуютъ и дарятъ къ немалому оскудѣнію монастыря, и что монастырскимъ людямъ дѣлается великая кривда, когда ихъ заставляютъ давать подводы и кормы королевскимъ и крымскимъ посламъ и гонцамъ. Вслѣдствіе этихъ заявленій, король, по просьбѣ иноковъ, постановилъ (4 іюля 1522): 1) въ печерскомъ монастырѣ вновь завести общину, какъ было прежде; 2) въ случаѣ смерти архимандрита, печерскіе старцы имѣютъ брать все его имущество на свою церковь и сами держать монастырь до назначенія новаго архимандрита, а воеводы кіевскіе и ихъ врядники не должны ничѣмъ въ тотъ монастырь вступаться; 3) по смерти архимандрита, старцы монастыря, также князья, бояре и земяне кіевской земли, сами имѣютъ избирать новаго архимандрита, а мы, король, будемъ давать архимандритію тому, кого они изберутъ, но только монастырь долженъ представлять намъ чсломбитья пятьдесятъ золотыхъ, и мы уже не отдадимъ монастыря никому иному, хотябы кто предлагалъ намъ за ту архимандритію гораздо больше (значитъ, и за настоятельскія мѣста король бралъ челомбитья, какъ за архіерейскія: тѣ и другія продавались); 4) кіевскій воевода можетъ пріѣзжать въ монастырь только однажды или дважды

([231]) А. З. Р. II, №№ 110. 153. 171; А. Ю. и З. Р. I, № 71.
([232]) А. З. Р. II, №№ 114. 121. 122. 140; А. Ю. Р. I, № 83.

въ годъ, отнюдь не болѣе, по приглашенію самихъ иноковъ, и то въ нарочитые праздники, и архимандритъ и старцы имѣютъ тогда чествовать его одного, даровъ же ему не должны давать никакихъ; 5) монастырскіе люди освобождаются отъ повинности ставить подводы и кормы посламъ и гонцамъ; но когда бываетъ наша и земская служба, монастырь имѣетъ посылать на службу съ кіевскимъ воеводою десять человѣкъ на коняхъ, съ сбруею ([233]). Давши, однакожъ, такую грамату печерскому монастырю, король самъ же первый и нарушилъ ее. Не прошло двухъ лѣтъ, какъ къ нему явился какой-то архимандритъ Антоній и просилъ его дать ему тотъ монастырь, обѣщаясь вести въ немъ все исправно по монастырскому обычаю, и король, неизвѣстно за что, устранилъ прежняго настоятеля Игнатія, и отдалъ (23 апр. 1524) монастырь Антонію, обязавъ его держать въ монастырѣ общину по данной недавно граматѣ. Но, спустя годъ, воевода трокскій князь К. Ив. Острожскій и всѣ старцы печерскіе писали къ королю, что Антоній не только не держитъ въ монастырѣ общины, а совсѣмъ ее исказилъ, и просили отдать ту архимандритію Игнатію. По этой просьбѣ король отнялъ настоятельство у Антонія и возвратилъ (17 іюня 1525) Игнатію, строго подтвердивъ ему держать общину и удалить изъ монастыря иноковъ, которые ей противятся. Тогда Антоній отправился къ королю въ Краковъ, чтобы оправдаться, и узнавъ, что король отлагаетъ разбирательство этого дѣла до своего прибытія въ Литву, просилъ себѣ въ управленіе до того времени, по крайней мѣрѣ, овручскій богородицкій монастырь, увѣряя, будто

([233]) А. З. Р. II, № 112.

тамошній игуменъ Германъ очень неисправенъ. Король повѣрилъ, взялъ монастырь у Германа и отдалъ Антонію (13 сент. 1525). А чрезъ полгода король прислалъ (2 марта 1526) въ печерскій монастырь грамату, что возвращаетъ настоятельство въ немъ прежнему архимандриту Антонію и что всѣ старцы должны быть во всемъ ему послушны. Не удовольствовавшись этимъ, Антоній успѣлъ еще, при содѣйствіи воеводъ—виленскаго Гаштольда и кіевскаго Немировича, выпросить себѣ у короля грамату (20 іюля 1528), что онъ, Антоній будетъ держать печерскую обитель до своего живота, и король никому дотолѣ не отдастъ ее ([234]). Къ числу имѣній печерскаго монастыря прибавился еще какой-то Дворъ печерскій съ людьми и доходами, записанный (1 дек. 1532) на монастырь княземъ Алексѣемъ Лахтыновичемъ и его матерью ([235]).

Въ другихъ мѣстахъ монастыри и церкви также получали то новыя пожертвованія и льготы, то подтвердительныя граматы на прежнія. Въ Минскѣ, по жалобамъ митрополита и настоятеля вознесенскаго монастыря, король подтвердилъ тремя своими граматами городскимъ властямъ (1522), чтобы не брали, какъ было и прежде, съ людей митрополичьихъ, монастырскихъ и поповскихъ серебщизны, подводъ и никакихъ другихъ городскихъ повинностей, а въ случаяхъ назначенія всеобщей подати въ государствѣ предоставлялъ самому митрополиту собирать ее со всѣхъ этихъ церковныхъ людей и доставлять въ государеву казну особо чрезъ своихъ урядниковъ. Въ Мстиславлѣ мѣстный князь Михаилъ Ивановичъ по-

([234]) А. З. Р. II, №№ 126. 135. 154; А. Ю. и З. Р. I, №№ 80. 82.
([235]) Вилен. Археогр. Сборн. II, № 13.

жаловалъ онуфріевскому монастырю бобровые гоны на рѣкѣ Сожѣ (1525 г.) и пустынскому богородичному — сѣножать и село Родіоновское, съ правомъ призывать на ту землю новыхъ поселенцевъ и съ освобожденіемъ ихъ отъ суда и управы свѣтскихъ властей (1526); а король подтвердилъ первому монастырю всѣ его владѣнія и права, дарованныя ему мстиславскими князьями, и второму—денежную и медовую дани, назначенныя бывшею мстиславскою княгинею Ульяною (1529) ([336]). Въ Витебскѣ король пожаловалъ (1522) церкви св. Іоанна богослова землю на горѣ Плоской съ правомъ селить тамъ людей и съ освобожденіемъ ихъ отъ городскихъ повинностей и свѣтскаго суда. Въ Пинскѣ замковому Дмитріевскому собору король Сигизмундъ и королева Бона дали подтвердительныя граматы (1522—1523) на денежныя и другія дани, назначенныя строителемъ собора, княземъ Ѳедоромъ Ярославичемъ. Этотъ же князь Ѳеодоръ Ярославичъ далъ (1522) сельской церкви въ имѣніи своемъ Ставкѣ право на владѣніе ѣзомъ и озеромъ Мороченскимъ. Основатель супрасльскаго монастыря, маршалокъ Ходкевичь подарилъ ему еще три села, которыя и утверждены за монастыремъ королевскою граматою (1529). Нѣкто Юрій Хрептовичь назначилъ (1528) на николаевскую церковь въ селѣ Попортяхъ, близъ Трокъ, десятину съ своего имѣнія Корейвишекъ. А подскарбій королевскій Иванъ Андреевичъ Солтанъ назначилъ на туже церковь въ имѣніи своемъ Попортяхъ десятину съ этого самаго села, и

([336]) Собр. грам. минск. губ., №№ 6. 7. 8; А. З. Р. II, №№ 132. 142. 162. 163; Вилен. Арх. Сборн. II, №№ 9 и 10.

на воскресенскую церковь въ городѣ Трокахъ — десятину съ имѣнія своего Мигутянъ ([237]).

Въ началѣ 1534 г. скончался митрополитъ Іосифъ III, а ещѣ за три года прежде него, именно въ 1530 г., почилъ и князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, бывшій при трехъ, если даже не при четырехъ, послѣднихъ митрополитахъ главнѣйшимъ защитникомъ православной церкви въ западно-русскомъ краѣ, какъ главнѣйшимъ защитникомъ и самаго края отъ внѣшнихъ враговъ, рѣдкій герой, столько же славный христіанскими добродѣтелями и несокрушимою твердостію въ вѣрѣ отцевъ, сколько воинскими доблестями и побѣдами. Чтимый и благословляемый всѣми, особенно единовѣрными, соотечественниками, для которыхъ столько потрудился, онъ достойно погребенъ въ великой церкви кіево-печерской лавры, гдѣ покоились уже ближайшіе его предки, и гдѣ прадѣдъ его благовѣрный князь Ѳедоръ Васильевичъ Острожскій доселѣ нетлѣнно почиваетъ въ дальнихъ пещерахъ ([238]).

([237]) Вилен. Арх. Сборн. I, №№ 10. 11; V, № 2; IX, № 17; Ревизія пущь, прилож. №№ 15. 122. 123. 158; Собр. грам. городовъ Вильны, Ковна, II, № 49.

([238]) О времени кончины кн. К. Ив. Острожскаго—А. З. Р. II, примѣч. 63; А. Ю. и З. Р. I, № 93. Въ 1528 и 1529 г. князь Константинъ былъ еще живъ (А. З. Р. II, №№ 157. 164). О памятникѣ надъ гробомъ его и надписи—Опис. кіевопечер. лавры, 329—330, изд. 2. Извѣстенъ отзывъ о князѣ К. И. Острожскомъ папскаго легата Пизопа: «князь такъ приверженъ къ греческой церкви и до того соблюдаетъ ея постановленія, что и на волосъ отъ нихъ не отступаетъ. Будучи дома благочестивымъ Нумою, онъ въ бою воинственнѣе Ромула, и, при всѣхъ рѣдкихъ качествахъ, имѣетъ лишь тотъ недостатокъ, что онъ схизматикъ. Еслибы удалось привлечь его въ лоно нашей матери—церкви, примѣру его послѣдовало бы безчисленное множество русскаго народа: такимъ уваженіемъ и славою онъ пользуется между ними!» (*Niesiecki*, Корон. Polsk. III, 514).

IV.

Въ 1534 году, 1-го марта, король Сигизмундъ издалъ слѣдующую грамату: «Билъ намъ челомъ владыка луцкій и острожскій, епископъ Макарій и просилъ насъ, чтобы мы пожаловали его хлѣбомъ духовнымъ, митрополіею кіевскою и галицкою и всея Руси, которую держалъ предъ нимъ митрополитъ Іосифъ. О томъ же говорила намъ за него наша королева и вел. княгиня Бона, а ходатайствовали предъ нами воевода виленскій, панъ нашъ, староста бѣльскій и мозырскій, Ольбрахтъ Мартыновичъ Гаштольдъ и всѣ князья и паны греческаго закона, чтобы мы дали ту митрополію ему и пожаловали его тѣмъ хлѣбомъ духовнымъ,—такъ какъ и самъ митрополитъ Іосифъ, еще будучи здоровъ, уступилъ ему ту митрополію по своемъ животѣ. И мы, по своему государскому благоволенію, во вниманіи къ желанію нашей королевы и ходатайству воеводы виленскаго и князей и пановъ греческаго закона, и находя его-Макарія на то годнымъ, исполнили его челобитье: дали ему-владыкѣ луцкому и острожскому Макарію митрополію кіевскую и всея Руси, со всѣми имѣніями, дворами, фольварками и селами, принадлежащими митрополіи, со всѣми доходами, платежами и пожитками, какіе на нее приходятъ. И имѣетъ онъ ту митрополію держать и въ ней править и рядить, и брать себѣ доходы и платежи такъ же, какъ правили прежніе митрополиты кіевскіе, по обычаю своего греческаго закона» ([239]). Грамата эта

([239]) *Прот. Лебединц.* Матеріалы для Истор. кіев. митрополіи, стр. 39—40.

показываетъ, до какого жалкаго положенія уже доведена была православная церковь въ великомъ княжествѣ литовскомъ. Прежде православные сами избирали себѣ митрополита, какъ избранъ былъ Іона Глезна, и государь только утверждалъ ихъ избраніе; или государь отдавалъ кому либо митрополію по своему усмотрѣнію, какъ, напр., Іосифу Болгариновичу, хотя и этому, можетъ быть, предшествовало избраніе; или отдавалъ, по ходатайству православныхъ, какъ дана была митрополія Іонѣ II по ходатайству королевы Елены. Теперь самъ епископъ открыто проситъ себѣ у короля митрополіи, какъ духовнаго или, вѣрнѣе, вещественнаго хлѣба, и за епископа ходатайствуютъ два высокихъ лица латинской вѣры—королева и воевода, которыхъ, безъ сомнѣнія, онъ также упросилъ, ходатайствуютъ и князья и бояре православные, указывая на то, что ему уступилъ митрополію самъ бывшій митрополитъ, котораго, конечно, онъ также упросилъ или съумѣлъ расположить въ свою пользу. Такимъ образомъ, и высшую должность въ западно-русской церкви начали пріобрѣтать не по своимъ личнымъ достоинствамъ и не по избранію отъ православныхъ, а точно такъ же, какъ давно уже пріобрѣтались должности настоятельскія и епископскія, т. е. просьбами, искательствами, челомбитьями, покупкою. И этого даже не стыдились и не скрывали: до того укоренился обычай. Луцкую каѳедру, съ которой Макарій поступилъ на митрополію, онъ также выпросилъ себѣ у короля въ 1528 г., будучи епископомъ пинскимъ; а до поступленія въ монашество онъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей ([240]). Уніатскіе и іезуитскіе писатели гово-

([240]) А. З. Р. II, № 151; III, примѣч. 2.

рятъ о немъ: «былъ прежде придворнымъ капелляномъ королевы Елены-московитянки; потомъ, по смерти митрополита Іосифа, король Сигизмундъ далъ ему митрополію кіевскую; человѣкъ простой и на глаза подслѣповатый, но въ схизмѣ твердый,—знать, былъ родомъ изъ Москвы» (241). Послѣдняя мысль, очевидно, произвольная; но все прочее отвергать нѣтъ основаній, и особенно свидѣтельство о твердости Макарія въ схизмѣ, иначе—въ православіи, изъ устъ такихъ свидѣтелей не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Въ апрѣлѣ 1535 г. Макарій назывался уже прямо митрополитомъ, а не нареченнымъ только. Подписывался онъ: «Волею Божею Макарей архіепископъ митрополитъ кіевскій, галицкій и всея Руси» (242).

Въ правленіе митрополита Макарія II церковію на первый планъ выдвинулся вопросъ о галицкой митрополіи, на который въ прежнія времена такъ мало обращали вниманія. Мы видѣли, что въ 1522 г., съ согласія самого львовскаго архіепископа Бернарда, которому предоставлено было право назначать намѣстниковъ кіевскаго митрополита въ Галиціи, назначенъ былъ такимъ намѣстникомъ, по волѣ короля, дворянинъ Іакинфъ (Яцко) Гдашицкій, сдѣлавшійся потомъ, подъ именемъ Исаакія, и львовскимъ архимандритомъ; что этотъ намѣстникъ съ ревностію принялся возстановлять подавляемое

(241) *Дубовичъ*. Hierarchia, 184; *Кульчинскій*. Wiara Praw., 195; *Стебельскій*. Chronolog. 90. Послѣдній тутъ же опровергаетъ Кульчинскаго, не соглашавшагося признать митрополита Макарія схизматикомъ (Specimen., 125). Дубовичъ говоритъ, будто митр. Макарій былъ прежде придворнымъ владыкою, т. е. епископомъ у королевы Елены, что вовсе невѣроятно; но Кульчинскій и Стебельскій называютъ его только придворнымъ ея капелляномъ. См. также *митр. Евгенія*—Опис. Кіево-Соф. собора, 118.

(242) А. З. Р. II, № 182; III, №№ 6. 7; Вилен. Археогр. Сборн. VI, № 15.

тамъ православіе, не захотѣлъ подчиняться латинскому прелату и въ 1526 г. признанъ былъ въ званіи намѣстника самимъ православнымъ митрополитомъ. Съ такою же ревностію Исаакій и продолжалъ свое служеніе: онъ объѣзжалъ всѣ концы ввѣренной ему церковной области, исправлялъ и наставлялъ униженное дотолѣ православное духовенство, убѣждалъ и воспламенялъ мірянъ пребывать твердыми въ вѣрѣ отцевъ, и тысячи людей средняго и нисшаго сословія, увлеченные прежде въ латинство, возвращались въ лоно православной церкви. Всего этого не могъ переносить львовскій арцибискупъ, и своими непрестанными жалобами къ королю на Исаакія и другими средствами успѣлъ положить предѣлъ его благотворной дѣятельности: Исаакій, неизвѣстно въ какомъ году, былъ удаленъ отъ должности митрополичьяго намѣстника, какъ властію короля, такъ и властію «своихъ начальниковъ», за то будтобы, что «велъ себя несовсѣмъ похвально» (243). На мѣсто Исаакія Гдашицкаго, арцибискупъ назначилъ митрополичьимъ намѣстникомъ своего клеврета, какого-то Яцка (Іакинфа) Сикору, называвшагося также архимандритомъ львовскимъ. Новый намѣстникъ сталъ дѣйствовать совершенно наперекоръ прежнему, и православные долгое время не давали покоя королю своими многочисленными жалобами на Сикору, называя его «презрителемъ ихъ вѣры», непокорнымъ архіерейской власти и явнымъ беззаконникомъ;

(243) Король въ граматѣ, отъ 1 авг. 1535 г., между прочимъ, писалъ: attendentes praesertim, quod Iaczko Gdaszynski, archimandrita S. Georgii ante Leopolim, in eo ipso officio — *namiestnictwo non satis laudabiliter* anteactis temporibus *se gesserit*, et propterea ab eo gerendo, tam nostra, quam suorum superiorum authoritate suspensus fuerit... (Supplem. ad Hist. Russiæ Monum., № 53). Снес. *Зубрицк.* Галицк.-Русь въ XVI стол., Чтен. М. Истор. Общ. 1862, III, отд. III, 40—41.

но, не получая никакого удовлетворенія, обратились, наконецъ, съ просьбою къ своему митрополиту Макарію, чтобы онъ отдалъ ихъ въ опеку и поручилъ надзору перемышльскаго епископа Лаврентія. Митрополитъ призналъ это почему-то неудобнымъ, а назначилъ галичанамъ своимъ «справцею» попа Гошовскаго, прибывшаго изъ ихъ же стороны: это, вѣроятно, и былъ тотъ самый, по постриженіи въ монашество, архимандритъ львовскій Іосифъ, котораго митрополитъ послалъ тогда своимъ намѣстникомъ въ галицкую епархію и о допущеніи котораго къ отправленію возложенныхъ на него обязанностей писалъ король къ львовскому архіепископу Бернарду отъ 9 апрѣля 1535 г. ([244]). Впрочемъ, посылая Гошовскаго къ галичанамъ, митрополитъ писалъ имъ, что если новый справца имъ будетъ не любъ, то они бы его не принимали. Такъ, дѣйствительно, и случилось, и черезъ три мѣсяца (6 іюля) галичане вновь били челомъ митрополиту и говорили: «всѣ мы, жители русской (т. е. галицкой) и подольской земли, не посылали къ вашему святительству попа Гошовскаго и не избирали на то, и теперь никто изъ насъ, великій и малый, богатый и убогій, не хочетъ имѣть его справцею, какъ и Сикору. При Сикорѣ были большая неурядица, тягости и непослушаніе вашему святительству: тоже, или еще хуже, было бы и при новомъ справцѣ. А какъ ваше святительство писалъ намъ, чтобы мы избрали изъ среды своей добраго человѣка и послали къ тебѣ, то мы всѣ, духовные, шляхта, мѣщане и все поспольство зем-

([244]) Supplem. ad Hist. Russiæ Monum., № 54; А. З. Р. II, №№ 182. 193. Послѣдняя грамата, помѣченная только 6-мъ числомъ іюля, произвольно отнесена къ 1539 г. и, по сознанію самихъ издателей (примѣч. 122), писана, вѣроятно, прежде, а по всему ходу излагаемыхъ нами событій, она можетъ быть отнесена именно къ 6-му іюля 1535 года.

ли русской и подольской, греческаго закона, выбрали львовскаго мѣщанина Макарія Тучанскаго, котораго и ваше святительство хорошо знаешь, и покорно просимъ дать ему намѣстничество въ земляхъ нашихъ и благословить его на то твоимъ высокимъ благословеніемъ» ([245]). Въ тоже время и король, по ходатайству нѣкоторыхъ своихъ совѣтниковъ и по просьбѣ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ мужей русской вѣры, утвердилъ Макарія своею граматою (1 авг. 1535 г.) въ званіи митрополичьяго намѣстника въ Галиціи, съ тѣмъ чтобы онъ сдѣлался и архимандритомъ георгіевскаго монастыря во Львовѣ по смерти Гдашицкаго, который хотя и удаленъ былъ отъ должности намѣстника, но оставался еще настоятелемъ названнаго монастыря, и о которомъ потому-то, вѣроятно, и упомянулъ король въ своей граматѣ, не упомянувъ ни о Сикорѣ, ни объ Іосифѣ, двухъ послѣдующихъ намѣстникахъ. А ввести Макарія въ должность намѣстника король поручилъ не львовскому арцибискупу, какъ слѣдовало бы по его праву, но перемышльскому православному епископу Лаврентію и дворянину своему Рагозинскому, и въ граматѣ къ нимъ (5 авг. 1535) ясно выразился, что Макарій назначенъ намѣстникомъ на мѣсто Яцка Сикоры, львовскаго архимандрита ([246]).

Обрадованные галичане глубоко благодарили митрополита за то, что онъ, вмѣстѣ съ князьями и панами, исходатайствовалъ у короля утвержденіе Макарія въ званіи намѣстни-

([245]) А. З. Р. II, № 193. Спец. примѣч. предыдущее.

([246]) Supplem. ad Hist. Russiæ Monum., № 140; А. З. Р. II, № 185. Такъ какъ въ первой граматѣ, отъ 1-го авг., король говоритъ, что Макарій назначается на мѣсто *Яцка* Гдашицкаго, а во второй, отъ 5-го авг. тогоже года, что Макарій назначается на мѣсто *Яцка* Сикоры: то можно было бы подумать, что оба эти Яцка—одно лицо; но фамиліи ихъ различны.

ка, а самъ возвелъ его въ духовный санъ и уполномочилъ своею властію, и извѣщали, что когда Макарій прибылъ къ нимъ съ королевскимъ дворяниномъ — коморникомъ, вводившимъ его въ должность, то подъялъ многіе труды, объѣзжая свой церковный округъ, и всюду былъ «гораздъ», все началъ приводить въ порядокъ; но какъ только увидѣлъ это «проклятый и злой человѣкъ, новый еретикъ» Сикора, имѣвшій большую силу у арцибискупа, то еще болѣе отдался ему, возбуждая его противъ Макарія. Арцибискупъ настоялъ предъ королемъ, чтобы на Макарія, какъ поставленнаго незаконно, безъ согласія его-арцибискупа, назначена была коммиссія, и Макарій королевскими листами потребованъ былъ въ Краковъ на судъ коммисарскій. Вслѣдъ за своимъ намѣстникомъ отправилось туда множество галичанъ и жителей Подоліи; много издержали они на судѣ денегъ, но ничего не добились и положили перевесть дѣло предъ короля на краковскій сеймъ, а самого Макарія послали къ митрополиту просить его заступничества предъ королемъ и писали къ митрополиту, что если теперь онъ не заступится за нихъ, съ православными князьями и панами, тогда ему «трудно будетъ писаться галицкимъ митрополитомъ». Митрополитъ послалъ отъ себя на краковскій сеймъ своего боярина Раецкаго: но посланному пришлось только видѣть тамъ своими очами великую бѣду, плачь и тяжкое положеніе своихъ единовѣрцевъ: потому что король, на основаніи пожалованныхъ имъ самимъ и еще прежде Ягайломъ привиллегій львовскому арцибискупу, выдалъ на сеймѣ арцибискупу и бискупамъ, въ полную ихъ власть, всѣхъ православныхъ жителей Галиціи и Подоліи, изъявъ ихъ совершенно изъ-подъ власти кіевскаго

митрополита, и велѣлъ написать на то новую привиллегію, а Макарія арцибискупъ и бискупы грозились заключить въ темницу на всю жизнь. Въ такихъ обстоятельствахъ, не зная что дѣлать, Макарій и православные рѣшили прибѣгнуть къ двумъ польскимъ панамъ, имѣвшимъ доступъ къ королевѣ Бонѣ, и чрезъ нихъ предложили ей и королю двѣсти воловъ. Королева тотчасъ сдалась, переговорила съ королемъ и послала къ канцлеру своего пана, который взялъ у канцлера привиллегію, приготовленную для львовскаго арцибискупа, и разорвалъ. А король обѣщалъ православнымъ выдать привиллегію въ ихъ пользу, какъ только они доставятъ двѣсти воловъ, и велѣлъ канцлеру (7 марта 1537) потребовать отъ львовскаго арцибискупа самый оригиналъ привиллегіи, данной ему прежде на право назначать митрополичьихъ намѣстниковъ, и извѣстить его, что, по пламеннымъ просьбамъ русскихъ, король поставилъ имъ намѣстникомъ Макарія и отрѣшилъ отъ этой должности Сикору. Когда, за тѣмъ, король посѣтилъ Львовъ, Макарій далъ ему 50 воловъ, и король велѣлъ ему явиться въ Краковъ за привиллегіею. Но предъ самымъ выѣздомъ короля изъ Львова арцибискупъ опять упросилъ короля отдать ему русскихъ въ полное распоряженіе. Макарій поспѣшилъ раздать еще 110 воловъ королю, королевѣ и панамъ, и вторично получилъ приказаніе пріѣхать въ Краковъ за привиллегіей. Макарій поѣхалъ, долго тамъ прожилъ, но напрасно: король отложилъ дѣло до сейма. Макарій поѣхалъ и на сеймъ; но арцибискупъ и бискупы напередъ приняли всѣ мѣры, чтобы Макарію не дана была привиллегія, а король и королева велѣли ему совсѣмъ не являться къ нимъ, пока не разъѣдутся

бискупы съ сейма. Бискупы разъѣхались; Макарій прожилъ въ Краковѣ еще почти годъ, все хлопоталъ и, наконецъ, добылъ-таки отъ короля, «съ великою бѣдою, накладомъ и трудомъ», желанную привиллегію, обязавшись дать за то еще 140 воловъ. Когда Макарій возвратился изъ Кракова, арцибискупъ прислалъ къ нему своего писаря съ великою угрозою и приказаніемъ, чтобы Макарій сталъ предъ нимъ и явилъ свою привиллегію. Макарій самъ не пошелъ и привиллегіи не отдалъ. Разгнѣванный арцибискупъ говорилъ предъ шляхтою римскаго закона: «я этого не оставлю, пока живъ; Русь должна быть въ моей власти; король безъ меня не могъ того дать». И послалъ къ королю жалобу на Макарія, чтобы его потребовали съ данною ему привиллегіею на краковскій сеймъ. Но король предвидѣлъ, что такъ случится и что за эту привиллегію онъ подвергнется на сеймѣ нападенію отъ своихъ духовныхъ, и потому, когда еще выдавалъ ее русскимъ, посовѣтывалъ имъ ѣхать скорѣе къ своему митрополиту и просить его, чтобы онъ поставилъ для нихъ Макарія во епископа: потому что когда Макарій пріѣдетъ въ Галичъ уже владыкою, тогда ни арцибискупъ, ни бискупы ничего не въ состояніи будутъ ему сдѣлать. Православные такъ и поступили: они отправили Макарія къ митрополиту, а сами, великою толпою, провожали отъѣзжавшаго намѣстника до границы, опасаясь, чтобы на пути его не убили или не отняли у него привиллегіи, такъ какъ арцибискупъ нѣсколько разъ приказывалъ его убить. Митрополитъ уважилъ просьбу своихъ духовныхъ дѣтей и поставилъ имъ Макарія епископомъ, а король издалъ (23 окт. 1539) грамату, въ которой объявлялъ: жаловались намъ наши подданные галичане греческой вѣры, что по своимъ дѣламъ духовнымъ, какъ то: по дѣламъ о рукоположеніи священниковъ, о бракахъ и расторженіи браковъ, объ освященіи церквей, и подобнымъ, они принуждены ѣздить къ стороннимъ архіереямъ въ Молдавію и другія мѣста,—такъ какъ намѣстникъ галицкаго митрополита Макарій Тучанскій, по своему сану, не можетъ рѣшать такого рода дѣлъ, и потому просили насъ назначить имъ названнаго Макарія епископомъ. И мы, снисходя на просьбу нашихъ подданныхъ русскаго обряда, духовныхъ и мірянъ, опредѣляемъ и даемъ имъ названнаго Макарія во епископа, чтобы они уже болѣе не ѣздили, по духовнымъ дѣламъ на сторону: пусть онъ, будучи рукоположенъ на владычество своимъ митрополитомъ кіевскимъ, совершаетъ для нихъ всѣ эти дѣла въ земляхъ Галиціи и Подоліи, и именно въ округахъ—галицкомъ, львовскомъ, каменецкомъ, снятинскомъ и трембовльскомъ. Отдаемъ владыкѣ Макарію, подъ его власть, всѣхъ духовныхъ, всѣ ихъ церкви, синагоги, монастыри въ тѣхъ округахъ, и, въ частности, галицкую митрополитанскую церковь, называемую «крылосъ», въ которой нѣкогда предстоятельствовалъ ихъ архіепископъ-митрополитъ, и также монастырь уніевскій во имя успенія Пресв. Богородицы, основанный нашими предшественниками. Предоставляемъ владыкѣ Макарію и его преемникамъ право церковнаго управленія и суда въ его епархіи, а равно и право собирать ежегодно, подобно другимъ владыкамъ, съ подвѣдомыхъ священниковъ по шести флориновъ (злотыхъ) такъ называемой куничной подати ([247]). Не можемъ не замѣ-

([247]) А. З. Р. II, №№ 197. 198; Supplem. ad Hist. Russiæ Monum., №№ 54. 56. На двухъ первыхъ граматахъ годъ написанія ихъ не обозначенъ, и онѣ отнесены къ 1539 году ошибочно. Въ этихъ граматахъ говорится о притѣсненіяхъ,

тить, что одного этого дѣла, сохранившагося въ подробностяхъ, о намѣстничествѣ Макарія Тучанскаго и о возведеніи его въ санъ епископскій совершенно достаточно, чтобы судить, сколько терпѣли тогда бѣдные галичане русской вѣры, какими недостойными путями добывались королевскія привиллегіи, какъ продажны были и король, и королева, и окружающіе ихъ, какъ сильны были римскіе прелаты въ Польшѣ, и къ чему иногда они вынуждали короля.

Не прошло и мѣсяца со времени утвержденія Макарія въ званіи епископа королевскою граматою, какъ онъ, «епископъ митрополіи галицкой, владыка львовскій и Каменца подольскаго», созвалъ во Львовѣ соборъ изъ мѣстныхъ священниковъ и, поразсудивъ съ ними, возстановилъ при главной городской церкви, во имя св. великомученика Георгія, крилосъ и духовную справу, которыя существовали при той церкви и прежде, но съ давнихъ уже поръ совсѣмъ прекратились, и далъ крилошанамъ, т. е. членамъ крилоса, въ составъ котораго, какъ видно, вошли всѣ священники приходскихъ церквей Львова, слѣдующія права: а) отъ каѳедральной церкви

какія терпѣли галичане, преимущественно отъ львовскаго арцибискупа изъ-за Сикоры, отстаивая намѣстника своего Макарія; но это дѣло арцибискупа съ галичанами происходило еще въ 1537 г., какъ видно изъ указаннаго письма къ арцибискупу польскаго канцлера (Suppl. ad Hist. Russ. Mon., № 54). Въ частности, грамата подъ № 198, въ которой, подъ конецъ, галичане только еще просятъ митрополита поставить Макарія епископомъ, не могла быть написана въ 1539 году: потому что она помѣчена 13-мъ декабря, а еще въ половинѣ ноября 1539 г. Макарій былъ уже епископомъ львовскимъ (А. Ю. и З. Р. I, № 103), и король утвердилъ его въ званіи епископа еще 23 окт. 1539 г. (Supplem. ad H. R. M., № 56). Слѣд. грамата могла быть написана въ декабрѣ только предшествовавшаго года, если не прежде. *Флоринъ* или польскій злотый, серебряная монета, около 1525 г. равнялся $205^1/_4$ коп. серебра, а шесть флориновъ заключали въ себѣ 12 рублей и $31^1/_2$ коп. сер. (*Горбачев.* Словарь древн. актоваго языка, стр. 133).

св. Георгія на крилошанъ половину ея доходовъ или сборовъ; б) если во львовскомъ повѣтѣ случится владыкѣ освящать новую церковь, то со владыкою ѣдетъ одинъ крилошанинъ, и половина дохода за освященіе на крилосъ; а въ случаѣ освященія старой церкви, все на крилошанъ; в) ставленниковъ во священство исповѣдуетъ очередный, недѣльный крилошанинъ и беретъ за исповѣдь по шести грошей, а которые крилошане будутъ служить со владыкою при посвященіи ставленника, получаютъ съ него по грошу; г) если кто дастъ вкладъ на десять сорокоустовъ, владыкѣ съ того половина, а другая на крилосъ; если же только на пять сорокоустовъ или менѣе, то все на крилошанъ; д) если кому нужно будетъ искать духовнаго суда, тотъ долженъ взять позывъ у владыки, а въ небытность владыки—у его намѣстника, который взимаетъ за то шесть грошей; е) когда у какого либо крилошанина случится освященіе его приходской церкви, онъ ничего не даетъ за то владыкѣ, а только справитъ для него обѣдъ; ж) если крилошанинъ будетъ ставить въ попы своего сына, владыка съ него ничего не беретъ; з) если владыка умретъ, тогда крилошане имѣютъ, впродолженіе цѣлаго года, держать епископію въ своей власти, вмѣстѣ съ землянами греческаго закона и львовскими мѣщанами, а потомъ должны передать епископію нареченному или уже поставленному новому владыкѣ со всѣмъ церковнымъ имуществомъ; и) если крилошанинъ провинится предъ владыкою, владыка не подвергаетъ его никакому наказанію, а только отлучаетъ его отъ служенія, пока не исправится, и судить крилошанина не можетъ никто, кромѣ суда духовнаго; і) намѣстника владыки избираетъ не самъ владыка, а избираютъ крилошане и предста-

вляютъ ему; а владыка только благословляетъ избраннаго. Въ граматѣ епископа (16 ноября 1539), въ которой изложены всѣ эти права вновь установленнаго львовскаго крилоса, поименованы самые крилошане, присутствовавшіе тогда съ епископомъ. Это были священники львовскихъ церквей: ѳедоровской (онъ же названъ и намѣстникомъ владыки), никольской, богоявленской, благовѣщенской, спасской, покровской и вознесенской, которыхъ, слѣдовательно, вмѣстѣ съ соборною-георгіевскою и успенскою, принадлежавшею мѣстному братству, считалось еще во Львовѣ, къ изумленію, девять, т. е. одною даже больше, чѣмъ сколько было ихъ за столѣтіе прежде, несмотря на всѣ притѣсненія православнымъ. Всѣ эти священники, хотя имѣли свои приходскія церкви, назывались соборными или крилошанами соборной церкви св. великомученика Георгія, въ которой и совершали службы по очереди, понедѣльно, и въ которой своихъ особыхъ священниковъ, кажется, вовсе не было. Настоящая грамата о правахъ крилошанъ подтверждена была впослѣдствіи (10 генв. 1549), по ихъ просьбѣ, самимъ митрополитомъ при назначеніи къ нимъ новаго архіерея ([248]).

Положивъ начало церковнаго управленія и суда въ своей епархіи устройствомъ крилоса, Макарій долженъ былъ спѣшить въ Новогрудокъ, чтобы тамъ предъ лицемъ собора выразить свои отношенія къ своему главному архипастырю-митрополиту. На соборѣ, вмѣстѣ съ митрополитомъ, находились всѣ тогдашніе архіереи: полоцкій, витебскій и мстиславскій Симеонъ, владимірскій и брестскій Геннадій, луцкій и

([248]) А. Ю. и З. Р. I, №№ 103. 118; II, № 118; А. З. Р. III, № 6; Опис. Кіево-Соф. Собора, Прилож. № 45.

острожскій Арсеній, туровскій и пинскій Вассіанъ, перемышльскій и самборскій Арсеній, холмскій и бѣльскій Іона. Въ присутствіи ихъ, а также и четырехъ знатнѣйшихъ свѣтскихъ особъ, Макарій произнесъ (22 февр. 1540) свою собственноручную присяжную грамату. Здѣсь, называя себя «епископомъ дворнымъ отъ рамени преосвященнаго архіепископа, митрополита кіевскаго и галицкаго и всея Руси», и свидѣтельствуя, что митрополитъ сдѣлалъ его своимъ дворнымъ (curialis) или викарнымъ епископомъ и удостоилъ вручить ему отъ своего рамени галицкую свою митрополію, по своей доброй волѣ и милости и по своему митрополитскому праву, а король утвердилъ за нимъ эту митрополію своею привиллегіею, Макарій давалъ, за себя и за своихъ преемниковъ, обѣщаніе: свято исполнять порученную ему должность и править галицкою митрополіею по преданіямъ и правиламъ св. апостоловъ и св. отцевъ и по благословенію и наставленіямъ своего митрополита; собирать въ ней пошлины за поставленіе священниковъ, за освященіе церквей и другіе церковные доходы и половину ихъ ежегодно, послѣ пасхи, отсылать митрополиту, а другую оставлять себѣ за труды; никогда не считать галицкой митрополіи своею собственностію, не посягать на отдѣленіе ея отъ митрополита кіевскаго и самые даже антиминсы подписывать отъ его имени. «А если я, — говорилъ, въ заключеніе, Макарій,—начну вести себя не по св. правиламъ, и владыка митрополитъ замѣтитъ во мнѣ что либо несогласное съ ними, онъ имѣетъ власть наказывать меня по моей винѣ, какъ требуетъ церковное право. Если я нарушу настоящее мое рукописаніе и совершу что либо противъ моего преосвященнаго владыки и архипастыря, тогда да лишенъ

буду своего епископскаго сана и да постигнетъ меня клятва св. апостоловъ и св. отцевъ, а кромѣ того я обязанъ буду, въ наказаніе, заплатить августѣйшему королю тысячу золотыхъ и митрополиту кіевскому пятьсотъ золотыхъ». Къ этой присяжной граматѣ Макарія, кромѣ его собственной печати, приложили, по его просьбѣ, печати и всѣ присутствовавшіе на соборѣ епископы и свѣтскія лица ([249]).

Вскорѣ, по возвращеніи въ свою епархію, Макарію пришлось испытать большое огорченіе отъ своихъ же православныхъ. Нѣкоторые монахи порученнаго ему уніевскаго монастыря и какой-то панъ Ванько сдѣлали митрополиту и самому королю доносъ на своего владыку, будто онъ совершилъ въ томъ монастырѣ великія кривды и грабительство и позабралъ ключи отъ церкви, отъ кладовыхъ и отъ келлій. И хотя, по надлежащемъ разслѣдованіи, которое производила (24 авг. 1540) цѣлая коммиссія свѣтскихъ чиновъ, доносъ оказался совершенною клеветою и сами доносители сознались, что клеветали только съ цѣлію освободиться изъ-подъ власти Макарія, но разслѣдованіе стоило владыкѣ тяжкихъ издержекъ, и онъ одному лишь найвысшему гетману краковскому вынужденъ былъ дать сорокъ воловъ, чтобы не прогнѣвался. Другое, еще гораздо большее огорченіе причинено было Макарію и всей его паствѣ латинянами. Въ 1542 г. польское духовенство собралось на соборъ въ Петроковѣ, и на этомъ соборѣ, между прочимъ, опредѣлило: просить короля, чтобы онъ уничтожилъ русское, галицко-львовское епископство, недавно возстановленное; запретилъ русскимъ строить новыя церкви, звонить въ колокола, совершать крестные ходы, и чтобы тѣ

([249]) А. З. Р. II, № 201; Supplem. ad H. R. Monum., № 57.

русскіе, которые, перейдя прежде въ римскую вѣру, впослѣдствіи возвратились къ православію, были принуждены опять сдѣлаться латинянами и принять вторичное крещеніе ([250]). Къ счастію, король не уважилъ ходатайства собора: по крайней мѣрѣ, невидно никакихъ слѣдовъ, чтобы оно было уважено. Напротивъ, когда въ 1547 г. каменная успенская церковь во Львовѣ, принадлежавшая братству, разсѣлась на двое и грозила паденіемъ, «намѣстникъ митрополита галицкій, львовскій и Каменца подольскаго епископъ Макарій» и всѣ граждане положили воздвигнуть на томъ же мѣстѣ новую каменную церковь успенія Пресв. Богородицы, и для того послали къ митрополиту священника и двухъ своихъ мѣщанъ съ просьбою дать имъ благословеніе и грамату для сбора пожертвованій. Митрополитъ написалъ окружное посланіе ко всѣмъ архіереямъ и духовенству и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ своей митрополіи, въ томъ числѣ къ князьямъ, боярамъ, намѣстникамъ и «воеводамъ нашего греческаго закону» (которые, слѣд., были), и приглашалъ всѣхъ творить подаянія на сооруженіе храма Божія, ручаясь, что Господь стократно воздастъ за то въ царствѣ небесномъ. Кромѣ давняго успенскаго братства, во Львовѣ составлялись и новыя «духовныя» или церковныя братства: такъ, въ 1542 г., авг. 9, епископъ Макарій благословилъ и утвердилъ своею граматою духовное братство при церкви Благовѣщенія Пресв. Богородицы, а въ 1544 г., февр. 18,—такое же братство при церкви святителя Николая. Братчики, при самомъ началѣ, вносили въ братскую кружку по шести грошей и вписывали

([250]) А. З. Р. II, № 205; *Зубрицк.* Галицк. Русь въ XVI стол., Чтен. М. Истор. Общ. 1862, III, отд. III, 43.

имена свои и своихъ родныхъ въ братскія книги для вѣчнаго поминовенія; потомъ ежегодно вносили такую же сумму и совершали четыре заупокойныхъ литургіи о своихъ предкахъ и одну о своемъ здравіи и спасеніи, и устрояли трапезы для всей братіи; пособляли тѣмъ, кто изъ нихъ заболѣвалъ, а умершихъ братчиковъ съ честію сопровождали до могилы; для управленія дѣлами братства ежегодно избирали изъ среды своей двухъ старѣйшинъ, и во взаимныхъ обидахъ судились собственнымъ судомъ (251).

Новый львовскій арцибискупъ Петръ Старжеховскій захотѣлъ воспользоваться смертію галицко-львовскаго епископа Макарія († 1548) и напомнилъ новому же королю Сигизмунду Августу о своемъ правѣ назначать намѣстниковъ кіевскаго митрополита въ Галиціи. Король отвѣчалъ арцибискупу (23 апр. 1549), что право это остается за нимъ. Но какъ на мѣсто владыки Макарія. еще при его жизни, дана покойнымъ королемъ Сигизмундомъ († 1548) привиллегія львовскому дворянину Марку Балабану, то требовалъ, чтобы арцибискупъ назначилъ въ преемника Макарію именно Марка Балабана. Указывая же на то, что намѣстничество галицкое возведено уже въ епископство, а епископовъ для русскихъ можетъ поставлять только кіевскій митрополитъ, король приказывалъ арцибискупу представить Балабана для посвященія въ архіерейскій санъ кіевскому митрополиту (252). Не знаемъ, воспользовался ли, при такихъ условіяхъ, арцибискупъ своимъ правомъ; только Маркъ Балабанъ, съ принятіемъ монашества, подъ именемъ Арсенія, возведенъ былъ митрополитомъ въ санъ епископа галицкой митрополіи, львовскаго и Каменца подольскаго. Къ сожалѣнію, этотъ новый викарій митрополита, попавшій прямо изъ пановъ въ архіереи и пріобрѣтшій себѣ, конечно, покупкою, право на галицко-львовскую каѳедру еще въ то время, когда она была занята другимъ, далеко не походилъ на своего предмѣстника и смѣло началъ нарушать данную этимъ послѣднимъ присяжную грамату своему архипастырю. Арсеній, на первыхъ же порахъ, захотѣлъ прибрать въ свои руки два монастыря съ ихъ имуществами, уніевскій и онуфріевскій, находившіеся подъ опекою львовскаго братства и издавна считавшіеся митрополичьими, и, вооруживъ своихъ родственниковъ и слугъ, приказалъ завладѣть монастырями насильно. Монаховъ же онуфріевскаго монастыря, оказавшихъ сопротивленіе, велѣлъ схватить и сперва посадилъ въ колодцѣ при своей каѳедральной церкви во Львовѣ, а потомъ заперъ въ самой церкви. Братство подало жалобы львовскому старостѣ и самому королю. Староста послалъ къ епископу подстаросту ходатайствовать объ освобожденіи монаховъ; но какъ епископъ не согласился, то подстароста отбилъ церковныя двери и выпустилъ заключенныхъ. А король своею граматою (1551) запретилъ епископу, подъ страхомъ пени въ 300 гривенъ, вступаться какъ въ онуфріевъ, такъ и въ уніевскій монастыри. Арсеній, однакожъ, не унимался и особенно нападалъ на уніевскій монастырь, часто посѣщалъ его, забиралъ изъ него все, что попадалось и, встрѣчая сопротивленіе со стороны архимандрита, звалъ его

(251) А. З. Р. III, № 6. А благословенныя граматы епископа Макарія на означенныя братства напечатаны *Говорскимъ*: одна въ Вѣстникѣ юго-западн. и западн. Россіи, 1862, сент., отд. I, № 1, а другая въ Вѣстн. западн. Россіи, 1869, кн. VIII, отд. I, № 1.

(252) Supplem. ad Hist. Russiæ Monum., № 58, p. 147.

на судъ предъ короля и пановъ радъ, и тѣмъ приводилъ монастырь еще въ большее обнищаніе. Архимандритъ Анастасій Радиловскій со всею братіею неоднократно жаловался митрополиту на его викарнаго епископа, но этотъ викарій не прекращалъ своихъ притязаній на обитель. Наконецъ, когда въ 1555 г. онъ позвалъ архимандрита предъ короля въ Петриковъ о трехъ тысячахъ злотыхъ, то король переслалъ все дѣло къ Митрополиту, велѣлъ ему вызвать къ себѣ лично обоихъ тяжущихся и предъ ними разобрать ихъ тяжбу и положить ей конецъ. Митрополитъ послалъ вызовъ и приказывалъ своему викарію, угрожая ему, въ случаѣ неповиновенія, клятвою св. отецъ и своимъ неблагословеніемъ, чтобы онъ явился къ назначенному сроку въ Новогрудокъ; но Арсеній не явился, отговариваясь епархіальными дѣлами, а прислалъ вмѣсто себя своего сына Василія. И когда митрополитъ рѣшилъ дѣло не въ пользу своего викарія, послѣдній подалъ жалобу королю, говоря, что митрополитъ не хотѣлъ слушать королевской граматы, ему представленной, которою уніевскій монастырь отданъ галицко-львовскому епископу, отнялъ у него этотъ монастырь и взялъ подъ свою власть. Такая грамата, какъ мы видѣли, дѣйствительно существовала; только ею отдавался и поручался уніевскій монастырь галицкому викарному епископу наравнѣ со всѣми прочими монастырями епархіи, а не въ качествѣ исключительно-епископскаго, непосредственно подчиненнаго викарію. Король потребовалъ митрополита къ себѣ на судъ, по жалобѣ Арсенія, и назначилъ, чтобы митрополитъ явился, съ нужными документами, въ седьмую субботу 1556 года. Но едвали митрополитъ являлся: потому что въ

началѣ этого года, если не въ концѣ предыдущаго, онъ уже скончался и явился на судъ Божій ([253]).

Отъ галицкой митрополіи, которою доселѣ занимались, обратимся къ дѣламъ митрополіи собственно-кіевской или литовской, совершавшимся во дни митрополита Макарія II. Здѣсь не видимъ борьбы и какихъ либо столкновеній православныхъ съ латинянами, но не прекращалась борьба съ свѣтскими властями и вообще съ мірянами, посягавшими на права церкви и духовенства. Въ 1536 г. митрополитъ жаловался королю и заявилъ виленскому воеводѣ Гаштольду, что виленскіе бурмистры и радцы привлекаютъ къ своему городскому суду и заставляютъ платить пошлины, наравнѣ съ горожанами, церковныхъ людей, митрополичьихъ и монастырскихъ, издавна живущихъ въ Вильнѣ на церковныхъ земляхъ. И король, хотя только въ 1530 г. запретилъ это бурмистрамъ и радцамъ, вновь приказывалъ имъ не обижать церковныхъ людей и оставить ихъ, по старому, въ подчиненіи и подсудности духовной власти. А Гаштольдъ, повторяя тотъ же самый королевскій приказъ, объяснялъ, что если когда король наложитъ подать и на бискупскихъ и митрополичьихъ людей въ Вильнѣ, тогда митрополитъ самъ или чрезъ своего намѣстника соберетъ подать съ своихъ людей и доставитъ въ городскую ратушу ([254]).

([253]) *Зубрицк.* Лѣтопись львов. братства, подъ 1551—1557 г.; Галицк. Русь въ XVI стол., Чтен. М. Истор. Общ. 1862, III, отд. III, 50—51; А. З. Р. III, №№ 14. 15; Supplem. ad H. R. Monum., № 55, pag. 143. Митрополитъ Макарій въ послѣдній разъ упоминается въ позывной къ нему граматѣ короля отъ 11-го окт. 1555 года (А. З. Р. III, № 15); а въ мартѣ 1556 г. упоминается уже новый *наречепный* митрополитъ (Вилен. Археогр. Сборн. VI, № 17).

([254]) Вилен. Арх. Сборн. VI, №№ 11. 12.

Но отстаивая такъ своихъ церковныхъ крестьянъ, живших въ Вильнѣ, отъ притязаній городскихъ властей, митрополитъ не хотѣлъ или не умѣлъ отстаивать и охранять отъ нихъ свое виленское духовенство. Въ 1542 г. протопопъ и всѣ священники виленскихъ церквей, съ великою горестію, жаловались королю, что бурмистры, радцы и мѣщане виленскіе, греческаго закона, выпросили себѣ у митрополита грамату, по которой берутъ всѣхъ духовныхъ подъ свою справу и власть и хотятъ имѣть ихъ во всемъ покорными себѣ, а если кто имъ не покоряется, тѣхъ удаляютъ отъ церквей и отдаютъ церкви другимъ съ соизволенія митрополита. Король, прочитавъ эту грамату митрополита, писалъ къ нему: «мы крайне удивляемся, какъ они, мѣщане, оставивъ въ такомъ дѣлѣ насъ-государя, обратились къ тебѣ, выпросили у тебя такую небывалую грамату и берутъ подъ свою мѣщанскую справу то, что подлежитъ нашей господарской власти. Дѣло незаконное, чтобы ты священниковъ, богомольцевъ нашихъ, записывалъ своими листами и отдавалъ кому либо въ распоряженіе. Дѣло неслыханное, чтобы церкви Божіи въ нашемъ столичномъ городѣ были взяты изъ нашей господарской власти подъ справу мѣщанскую: этого никогда не бывало при нашихъ предкахъ». Тоже самое писалъ король и къ виленскимъ бурмистрамъ, радцамъ и мѣщанамъ и, освободивъ отъ подчиненія имъ виленское духовенство, приказалъ митрополиту, чтобы онъ впредь не давалъ такихъ граматъ, а виленскимъ бурмистрамъ, радцамъ и мѣщанамъ, чтобы они не имѣли никакой власти и справы надъ своими священниками, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, уплаты 1000 копъ грошей, и впредь не выпрашивали себѣ у митрополита такихъ

граматъ, которыя не могутъ имѣть никакой силы: ибо митрополитъ, говорилъ король, въ дѣлахъ духовныхъ имѣетъ власть распоряжаться тѣми нашими богомольцами; но въ другихъ дѣлахъ, каково настоящее, не въ правѣ причинять имъ никакого принужденія и кривды. Въ руководство же на будущее время король далъ приказъ: когда при какой либо церкви умретъ священникъ, тогда бурмистръ, или одинъ или два изъ добрыхъ людей должны, вмѣстѣ съ протопопомъ, намѣстникомъ митрополита, пойти въ ту церковь и, записавъ въ реэстръ все церковное имущество, замкнуть ее и запечатать своими печатьми, а ключи церковные отдать въ казнохранилище пречистенскаго собора; потомъ, когда мѣщане изберутъ новаго священника, и митрополитъ, признавъ его годнымъ, поставитъ его въ ту церковь, тогда прикажетъ отдать ему ее со всѣмъ церковнымъ имуществомъ. А что касается до описей церковныхъ имуществъ, то пусть, какъ бывало и прежде, по всѣмъ виленскимъ церквамъ, вмѣстѣ съ протопопомъ виленскимъ и попомъ той церкви, въ которой будетъ совершаться опись, одинъ или два мѣщанина записываютъ всѣ церковныя вещи въ свои реэстры каждый годъ и имѣютъ то въ своемъ вѣдѣніи, по давнему обычаю ([255]). Виленскіе граждане, однакожъ, не успокоивались и имѣли постоянныя столкновенія съ своими священниками. Тѣ и другіе неоднократно жаловались королю другъ на друга относительно избранія церковныхъ причтовъ, подаванія церквей, описи церковныхъ имуществъ, погребенія умершихъ, сорокоустовъ, исповѣди и проч.; тѣ и другіе выпрашивали себѣ у короля и митрополита особые листы; но несогласія и споры не прекращались. Наконецъ, когда въ

([255]) А. З. Р. II, № 219.

1544 г. король прибылъ въ Брестъ, и обѣ стороны явились къ нему съ своими новыми жалобами и положили предъ нимъ свои листы, король велѣлъ разорвать всѣ эти листы и, въ замѣнъ ихъ, далъ споривщимъ одну общую уставную грамату: а) когда при какой либо церкви священникъ впадетъ въ болѣзнь, тогда протопопъ даетъ знать бурмистру греческаго закона, и бурмистръ долженъ или самъ пойти въ ту церковь или послать двухъ радцевъ и городскаго писаря и тамъ, вмѣстѣ съ протопопомъ и священниками, которые при немъ будутъ, описать всѣ церковныя вещи, по стародавнему обычаю; б) если священникъ умретъ, тогда бурмистръ, замкнувши церковь, возметъ ключи къ себѣ и будетъ держать ихъ въ своемъ храненіи; в) когда мѣщане, вмѣстѣ съ протопопомъ и двумя священниками, избравъ годнаго и наученаго человѣка, пошлютъ его къ митрополиту съ своею просьбою о поставленіи избраннаго во священника въ ту церковь, и митрополитъ поставитъ его и пришлетъ, по давнему обычаю, съ своимъ благословеннымъ листомъ, тогда бурмистръ или радцы съ городскимъ писаремъ и протопопомъ имѣютъ подать новому священнику ту церковь и ключи ея и всѣ церковныя вещи; г) тѣмъ же обычаемъ бурмистры и радцы, съ протопопомъ и двумя священниками, избираютъ и уставляютъ къ соборной церкви діакона, уставщика и пономаря, и подаютъ имъ церковныя вещи, которыя имъ подлежатъ; д) для описанія церковнаго имущества пречистенскаго собора и окрестныхъ церквей бурмистръ каждый годъ посылаетъ двухъ радцевъ и писаря, но при этомъ должны находиться протопопъ или священники; е) если пожелаютъ, чтобы умершаго мѣщанина проводили всѣмъ соборомъ и погребли въ соборной церкви, тогда

священникамъ за проводъ копа грошей и сукно, въ пять локтей, положенное на гробъ, и за мѣсто въ соборной церкви копа грошей; за мѣста же для погребенія предъ церковію и въ монастырѣ ничего не брать; ж) если пожелаютъ, чтобы гробъ умершаго былъ накрытъ церковною парчею или бархатомъ или другимъ покрываломъ, въ такомъ случаѣ должны внести плату за покрывало по условію съ священниками; если же принесутъ гробъ въ церковь подъ своимъ покрываломъ, парчевымъ или другимъ, оно должно остаться священникамъ; а покрывало на гробъ, которое устроили сами мѣщане и хранятъ у себя, они могутъ употреблять по своей волѣ и ничего не платятъ за то священникамъ; з) если пожелаютъ погребсти умершаго въ своей приходской церкви, но проводить соборомъ, то за мѣсто въ церкви и внѣ церкви не брать ничего, а собору священниковъ копа грошей; если же позовутъ только нѣсколько священниковъ, тогда платятъ за проводъ по возможности; и) кто дастъ на сорокоустъ, вѣчный, годовый или мѣсячный, на соборную церковь и по окрестнымъ церквамъ, за того обязаны молиться священники; а кто ничего не дастъ, за тѣхъ священники не обязаны служить сорокоустовъ; і) ходить на исповѣдь къ своимъ духовнымъ отцамъ мѣщане имѣютъ, по своей доброй волѣ, а не по принужденію, и гдѣ хотятъ, тамъ и исповѣдываются, и священники не должны никого призывать къ себѣ на исповѣдь принужденіями; к) кто пожелаетъ собороваться масломъ и для того пригласитъ семь священниковъ, діакона, уставщика и пономаря, тотъ заплатитъ имъ двадцать грошей и болѣе, сколько захочетъ; а кто позоветъ только двухъ или трехъ священниковъ и діакона, тотъ платитъ по возможности; л) въ духовницы (духовныя

завѣщанія), составляемыя свѣтскими людьми въ городѣ, священники не должны вмѣшиваться и составлять ихъ: то дѣло гражданское; м) не переспоривъ городскихъ людей законнымъ порядкомъ по какому либо мірскому дѣлу, священники не должны изрекать на нихъ клятвы ([256]).

Правомъ избирать священниковъ къ своимъ церквамъ граждане Вильны очень дорожили, и въ этомъ отношеніи не дѣлали никакой уступки самому митрополиту. Когда въ 1551 г. скончался *виленскій протопопъ, священникъ николаевской перенесенской церкви* Клементій, и церковь довольно долго оставалась безъ пастыря, митрополитъ вздумалъ-было отправить туда отъ себя священника минской михайловской церкви Ѳеодосія, написалъ къ двумъ панамъ мѣщанамъ виленскимъ, чтобы они уговорили своихъ бурмистровъ подать ту церковь посылаемому священнику, и для большаго успѣха, послалъ изъ Новогрудка въ Вильну даже своего духовника. Но виленскіе бурмистры и радскіе на это не согласились и сами избрали къ перенесенской церкви священника спасской виленской церкви Григорія, котораго митрополитъ, по ихъ желанію, и долженъ былъ благословить своею граматою на служеніе при перенесенской церкви ([257]).

Слѣдуетъ, однакожъ, сказать, что если граждане Вильны, привыкшіе пользоваться магдебургскимъ правомъ, т. е. правомъ самоуправленія по всѣмъ дѣламъ своей городской жизни,

([256]) А. З. Р. II, № 231.

([257]) Письмо митрополита къ двумъ мѣщанамъ виленскимъ писано 1551 г., 25 февр., инд. 9, и напечатано въ Литов. Епарх. Вѣдом. 1866, № 1, стр. 28—30. А благословенная грамата митрополита — въ Вилен. Археогр. Сборн. VI, № 19.

желали распростирать это право и на церковныя дѣла въ своемъ городѣ и нерѣдко переступали должныя границы къ обидѣ церквей и церковныхъ причтовъ, то, съ другой стороны, эти же граждане оказывали и теплое усердіе къ своимъ церквамъ и существенную помощь имъ, соединяясь вокругъ нихъ въ церковныя братства. Мы уже упоминали о двухъ виленскихъ братствахъ, изъ которыхъ одно, кушнерское, получило начало еще почти въ половинѣ XV в., а другое при пречистенскомъ соборѣ, называвшееся то мѣстскимъ или городскимъ, то панскимъ, то бурмистровскимъ и радецкимъ, существовало, по крайней мѣрѣ, съ начала XVI столѣтія. Уставъ перваго изъ нихъ, намъ уже извѣстный, утвержденъ въ 1538 г. королемъ Сигизмундомъ I ([258]). Около этого же времени, если не прежде, образовалось въ Вильнѣ еще одно братство—купецкое-кожемяцкое: потому что и это братство, наравнѣ съ двумя другими, имѣло и впослѣдствіи предъявляло граматы короля Сигизмунда I, утверждавшія и ограждавшія его существованіе. У всѣхъ трехъ братствъ было одинаковое устройство и одна цѣль — «радѣть о потребностяхъ церквей Божіихъ и о гошпиталяхъ» или богадѣльняхъ. Каждое братство имѣло въ городѣ свой домъ, въ которомъ собиралось по временамъ и который освобождался отъ городскихъ пошлинъ. Члены каждаго братства дѣлали складчину, покупали и варили медъ, въ дозволенной правительствомъ пропорціи, по нѣскольку разъ въ годъ на избранные праздники, наприм., панское братство — шесть разъ въ годъ: на Троицынъ день, Успеніе, Воздвиженіе, Николинъ день, Рождество Христово и на Пасху; купецкое братство — восемь разъ въ

([258]) А. Ю. и З. Р. I, № 102.

годъ: на Пасху, на седмую субботу по Пасхѣ, Петровъ день, Успеніе, Покровъ, Николинъ день, Рождество Христово и Благовѣщеніе. Воскъ отъ меда отдавали въ церкви на свѣчи, свареный медъ распивался на избранные братствомъ праздники въ братскомъ домѣ, куда сходились братчики въ каждый свой праздникъ по три дня сряду, а также приглашали гостей и допускали сторонних за небольшую плату. Если въ три дня не выпивали всего свареннаго меда, то остатокъ продавали безпошлинно, и вырученныя деньги употребляли на церковное строеніе, на слугъ церковныхъ, на госпиталь, на милостыню бѣднымъ, на погребеніе замерзшихъ и другихъ покойниковъ, которыхъ некому было похоронить. Панское братство имѣло свою богадѣльню при спасской церкви, и на содержаніе этой богадѣльни отпускало доходы съ своего дома на Савичь-улицѣ, отдававшагося въ аренду, а впослѣдствіи и доходы съ каменныхъ бань на рѣкѣ Вилейкѣ и при нихъ дома, купленныхъ братствомъ и также отдававшихся въ аренду. Уставъ у всѣхъ братствъ былъ тотъ же самый, какой мы видѣли у братства кушнерскаго. Каждое принимало въ свой составъ и въ свои собранія людей всѣхъ сословій, въ томъ числѣ и латинянъ даже духовнаго сана. Каждое избирало своихъ старостъ, которые впродолженіе года завѣдывали дѣлами братства и потомъ давали ему отчетъ. Каждое братство пользовалось самоуправленіемъ и самосудомъ по дѣламъ братскимъ и по всѣмъ проступкамъ, какіе совершались въ братскомъ домѣ во время братскихъ собраній, кѣмъ бы то ни было, членами братства и сторонними посѣтителями, православными и латинянами, мірянами и духовными лицами ([259]).

([259]) Собр. грам. городовъ Вильны, Ковно..., II, №№ 1. 2; А. З. Р. III, № 131.

Не въ одной Вильнѣ, но и въ другихъ мѣстахъ вел. княжества литовскаго бывали посягательства на права православнаго духовенства. Слуцкая княгиня Елена, какъ писалъ епархіальный владыка-митрополитъ къ королю, приказала своимъ намѣстникамъ слуцкому и копыльскому вступаться въ духовныя дѣла. Эти урядники судили поповъ, сажали ихъ въ темницу, брали съ нихъ судебныя пошлины, даже расторгали браки, а въ духовный судъ никого не выдавали. Когда митрополитъ потребовалъ къ себѣ слуцкаго архимандрита Никандра, по жалобѣ на него жены подскарбія Сенчилы, архимандритъ къ митрополиту не явился; потомъ на второй зовъ митрополита также не явился. Когда митрополитъ, за такое непослушаніе, послалъ съ своимъ слугою грамату архимандриту, которою запрещалъ ему священнослуженіе, пока не явится на судъ, архимандритъ грамату митрополита презрѣлъ, слугу его избилъ и самъ убѣжалъ къ княгинѣ, которая не хотѣла его выдать. Король, по этой жалобѣ митрополита, выражалъ свое изумленіе княгинѣ, какъ она позволяетъ себѣ вмѣшиваться въ духовныя дѣла, не имѣя на то никакого права; приказывалъ ей прекратить эти злоупотребленія и отпустить архимандрита къ митрополиту, и извѣщалъ, что посылаетъ своего дворянина Кондрата Рылу, чтобы онъ, если архимандритъ не будетъ отпущенъ, насильно взялъ его и поставилъ предъ митрополитомъ ([260]). Въ Минскѣ войтъ, бурмистры и радцы притѣсняли людей своего вознесенскаго монастыря, жившихъ на церковной землѣ, заставляли ихъ платить пошлины и отбывать повинности въ пользу города, привлекали къ своему суду, под-

([260]) А. З. Р. II, № 230.

вергали наказаніямъ. И король, по жалобамъ настоятелей монастыря, нѣсколько разъ (1537. 1546. 1554) подтверждалъ городскимъ властямъ минскимъ, чтобы онѣ не дѣлали такихъ обидъ церковнымъ людямъ ([261]). Равнымъ образомъ, по церковнымъ своимъ владѣніямъ, подвергались притѣсненіямъ и обидамъ: въ Кіевѣ монастырь печерскій отъ князя Андрея Соколинскаго (1544) и выдубицкій отъ боярыни Коташевичевой (1541), въ Трокахъ монастырь богородичный отъ пристава Мицы (1541), въ Гроднѣ монастырь колошскій отъ пана Гринкевича-Волловича и его зятя Кунчевича (1546), въ Гомелѣ николаевская церковь отъ гомельскихъ державцевъ (1549) и проч. И нужны были граматы то митрополита, то самого короля, чтобы ограждать эти монастыри и церкви отъ незаконныхъ притязаній ([262]).

По внутреннему управленію церкви встрѣчаемъ нѣсколько новыхъ фактовъ, болѣе и болѣе уясняющихъ мѣру участія свѣтскихъ властей, особенно королевской, въ дѣлахъ духовныхъ, отношеніе духовныхъ властей между собою и самое устройство духовнаго управленія и суда.

Однажды митрополитъ Макарій совершалъ торжественное богослуженіе въ виленскомъ пречистенскомъ соборѣ, вмѣстѣ съ полоцкимъ архіепископомъ Симеономъ и владимірскимъ епископомъ Геннадіемъ. Первый, считая себя старѣйшимъ по сану послѣ митрополита, велѣлъ поставить свою каѳедру по правую сторону митрополичьей каѳедры; но митрополитъ приказалъ перенесть архіепископскую каѳедру па лѣвую сторону

([261]) Собран. граматъ Минск. губерніи, №№ 9. 12. 15.

([262]) А. З. Р. II, № 210; III, №№ 1. 9; Вилен. Археогр. Сборн. II, № 87, стр. 150; IX, стр. 424—425; Акт. Вилен. Коммис. I, № 31, стр. 120.

своей каѳедры, а на правой поставить каѳедру епископа владимірскаго. Симеонъ долженъ былъ молчаливо вытерпѣть такое всенародное оскорбленіе, пока продолжалась церковная служба. Но потомъ обратился съ жалобою къ королю, объяснялъ ему, что полоцкіе владыки всегда назывались архіепископами и занимали высшее мѣсто предъ всѣми епископами, и представилъ королю грамату, которою самъ онъ утвердилъ званіе архіепископа за полоцкимъ владыкою. Въ тоже время всѣ князья, паны и бояре полоцкой земли прислали своихъ пословъ къ королю просить справедливости своему архипастырю. Между тѣмъ поспѣшилъ къ королю и митрополитъ; доказывалъ ему, что это дѣло подлежитъ суду духовному, а не свѣтскому, что если полоцкій владыка считаетъ себя обиженнымъ, то пусть ищетъ правды на церковномъ судѣ; предъявилъ королю его грамату, данную еще митрополиту Іосифу Солтану, о неприкосновенности правъ православнаго духовенства и церковнаго суда и просилъ передать дѣло на разсмотрѣніе православнаго собора. Король, посовѣтывавшись съ своими панами радами и признавая, будто прежде онъ утвердилъ за полоцкимъ владыкою только титулъ архіепископа, а теперь вопросъ не о титулѣ, но о мѣстѣ, какое долженъ занимать архіепископъ въ церкви, согласился на представленіе митрополита, велѣлъ созвать, для обсужденія этого дѣла, соборъ всѣхъ епископовъ литовской митрополіи ко дню Крещенія Господня 1541 г., и присовокупилъ, что если та или другая сторона останется недовольною рѣшеніемъ собора, то можетъ подать апелляцію королю, который и учинитъ окончательный и справедливый приговоръ ([263]). Не говоримъ уже о томъ, что настоящее поста-

([263]) А. З. Р. II, № 212.

новленіе короля и его рады не совсѣмъ вѣрно: король рѣшилъ прежде, своею властію, вопросъ какъ о титулѣ, такъ равно и о мѣстѣ полоцкаго архіепископа ([264]). Но не можемъ не замѣтить, что король и его рада не держались никакихъ опредѣленныхъ правилъ относительно того, что́ въ дѣлахъ православной церкви должно было подлежать свѣтской, королевской власти и что́ власти духовной, а поступали, какъ приходилось, по своему произволу: прежде препирательство полоцкаго владыки съ владимірскимъ о мѣстѣ король призналъ подсуднымъ себѣ и самъ съ своею радою сдѣлалъ о немъ постановленіе; теперь признаетъ тоже препирательство подсуднымъ духовной власти и передаетъ на разсмотрѣніе собора; но за тѣмъ снова признаетъ подсуднымъ своей власти: потому что предоставляетъ препирающимся, въ случаѣ недовольства рѣшеніемъ собора, обратиться съ апелляціею не къ высшему духовному суду, т. е. патріаршему, а къ суду короля.

На тогоже полоцкаго архіепископа Симеона принесли (въ 1544 г.) жалобу королю вся православная шляхта и земяне полоцкой земли и говорили: 1) прежніе наши владыки назначали для николаевской церкви въ Ригѣ священниковъ добрыхъ, по совѣщанію съ шляхтою и мѣщанами полоцкими, изъ крилоса св. Софіи, и назначенныхъ всенародно приводили къ присягѣ, чтобы они оставались вѣрными королю; а теперешній владыка посылаетъ въ Ригу священниками людей простыхъ, за большіе отъ нихъ подарки, безъ всякаго совѣщанія съ гражданами и безъ всякой присяги. 2) Прежде грошовая и медовая дани съ селъ Долецкихъ, пожалованныхъ еще по-

([264]) А. З. Р. II, №№ 67. 68.

лоцкимъ княземъ Скиригайломъ, шли на крилошанъ св. Софіи, и люди тѣхъ селъ работали только на софійскую церковь, крыли ее и огораживали; нынѣ владыка отнялъ тѣ села со всѣми доходами у крилошанъ и даетъ имъ, что захочетъ, а людей тѣхъ заставилъ работать на него, а не на церковь соборную, у которой крыша, остающаяся безъ починокъ, теперь течетъ. 3) Въ монастырѣ св. Іоанна Предтечи, находящемся на Островѣ и пожалованномъ владыкѣ отъ короля, всякіе доходы и пожитки владыка одинъ беретъ на себя, а монахамъ удѣляетъ, что захочетъ, тогда какъ прежде все это дѣлили между собою пополамъ архимандриты съ старцами ([265]). 4) По смерти архимандрита Антонія, который держалъ два монастыря: михайловскій въ Городкѣ и воскресенскій въ Мошонцѣ, владыка тотчасъ забралъ себѣ все изъ церковныхъ домовъ обоихъ этихъ монастырей, всѣ ихъ села и доходы повернулъ на себя и потомъ, побравши подарки, поставилъ въ монастыри новыхъ архимандритовъ; равно и по смерти игуменовъ монастыря петровскаго въ Замкѣ и монастыря николаевскаго на Лучнѣ, взялъ себѣ всѣ вещи изъ ихъ церковныхъ домовъ и всѣ доходы изъ ихъ селъ и, за большіе подарки, далъ въ тотъ и другой монастырь иныхъ игуменовъ, хотя въ николаевскомъ монастырѣ на Лучнѣ не имѣлъ права

([265]) Въ архивѣ бывшихъ уніатскихъ митрополитовъ, при Св. Синодѣ, есть копія подтвердительной граматы короля Сигизмунда I, данной 8 февраля 1537 г. полоцкому архіепископу Симеону на управленіе іоанно-предтеченскимъ монастыремъ на Островѣ. Изъ граматы видно, что монастырь этотъ находился въ подаваньи короля, что прежде король отдавалъ монастырь въ держанье архимандритамъ, потомъ отдалъ полоцкому владыкѣ Мисаилу, а по смерти Мисаила его преемнику Симеону, и что теперь, по новой просьбѣ Симеона, король утверждаетъ за нимъ до его живота управленіе монастыремъ (по Описи означеннаго архива, № 143).

сдѣлать это, потому что монастырь тотъ—подаванье короля. 5) Король велѣлъ собрать подать—серебщизну со всѣхъ церковныхъ людей полоцкой епархіи, принадлежавшихъ какъ самому владыкѣ, такъ монастырямъ и церквамъ, и всю эту подать употребить на исправленіе софійскаго собора; но архіепископъ Симеонъ, собравши ее въ увеличенномъ размѣрѣ, всю сполна взялъ себѣ и на исправленіе церкви не хотѣлъ дать ничего. 6) Церковныя пошлины—куницы владыка беретъ со всѣхъ архимандритовъ, игуменовъ и поповъ не по стародавнему обычаю, а увеличиваетъ по своему усмотрѣнію, и требуетъ еще подарковъ себѣ и своимъ слугамъ. Выслушавъ эту жалобу жителей полоцкаго края, король призналъ ее подсудною не духовной власти, а своей-королевской, и назначилъ своего дворянина Александра Дмитріевича и полоцкаго земянина Войну Петровича, чтобы они на мѣстѣ провѣрили всѣ эти «кривды, шкоды и тяжкости» полоцкаго владыки и, по тщательномъ разслѣдованіи, записали ихъ въ реэстры, а ко владыкѣ велѣлъ написать, чтобы онъ по тѣмъ реэстрамъ, когда они будутъ представлены посланцами короля, вернулъ церквамъ Божіимъ и монастырямъ, также священникамъ и монахамъ, всѣ вещи, доходы и пожитки, которые побралъ у нихъ на себя, и отдалъ всю серебщизну, назначенную на исправленіе софійскаго собора, и впредь не позволялъ себѣ такихъ несправедливостей. На тотъ же случай, если полоцкій владыка не согласится исполнить все это по доброй волѣ, король далъ наказную грамату литовскимъ раднымъ панамъ, которые соберутся на первый очередный сеймъ, чтобы они пригласили тогда къ себѣ кіевскаго митрополита Макарія и вмѣстѣ съ нимъ разсмотрѣли и порѣшили это дѣло на осно-

ваніи права церковнаго и права писаннаго—земскаго, — для чего, по приказанію короля, долженъ былъ явиться лично на сеймъ и подсудимый владыка. А если онъ не явится или не захочетъ выполнить рѣшеніе сеймоваго суда, въ такомъ случаѣ паны рады должны властно сдѣлать съ него взысканіе по литовскому Статуту ([266]).

На тогоже полоцкаго архіепископа Симеона принесла (въ 1545 г.) жалобу королю жена полоцкаго боярина Ивана, сына бывшаго митрополита Іосифа III, Томила Гитовтовна. Болѣе восемнадцати лѣтъ она жила съ мужемъ мирно и въ согласіи; но потомъ, неизвѣстно почему, онъ началъ обращаться съ нею жестоко и подвергать ее частымъ побоямъ. Она прибѣгла къ своему мѣстному владыкѣ и просила, чтобы онъ позвалъ къ себѣ ея мужа и наставилъ его не терзать ее, а поступать съ нею, какъ слѣдуетъ. Но владыка, позвавъ мужа и ее и выслушавъ ея рѣчь, совсѣмъ расторгнулъ ихъ супружескій союзъ, и дозволилъ мужу ея Ивану вступить въ новый бракъ съ собственною его, архіепископа, племянницею отъ сестры. И она-Томила, прогнанная мужемъ изъ дома, четвертый уже годъ кормится по чужимъ людямъ и вошла въ большіе долги. Всю эту жалобу король отослалъ къ кіевскому митрополиту и приказалъ ему вызвать къ себѣ полоцкаго владыку, внимательно разсмотрѣть его судное рѣшеніе объ этомъ разводѣ и, если владыка окажется неправымъ, подвергнуть его строгому взысканію по церковнымъ правиламъ, чтобы и другіе владыки научились удерживаться отъ подобныхъ поступковъ ([267]).

([266]) А. З. Р. II, № 234.
([267]) А. З. Р. III, № 2.

© ГПНТБ СОРАН

Здѣсь мы должны сказать о двухъ новостяхъ, касавшихся нашей высшей іерархіи. Доселѣ, сколько извѣстно, право подаванья архіерейскихъ каѳедръ король усвоялъ исключительно себѣ. Теперь, въ первый разъ, мы видимъ это самое право, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ пинской и туровской каѳедры, въ рукахъ королевы Боны. По смерти пинскаго владыки Васс̀іана, архимандритъ пинскаго лещинскаго монастыря Макарій просилъ королеву предоставить ему пинскую епархію. И Бона издала грамату (7 мая 1552), въ которой, называя владычество пинское и туровское своимъ подаваньемъ и ссылаясь на свидѣтельство своего пинскаго старосты Станислава Фальчевскаго объ архимандритѣ Макаріѣ, какъ о человѣкѣ достойномъ и наученомъ, объявляла, что даетъ ему держать это владычество «до живота его», какъ держали прежніе владыки. И Макарій, дѣйствительно, сдѣлался за тѣмъ епископомъ пинскимъ и туровскимъ. Другое нововведеніе сдѣлано было самимъ митрополитомъ. Всѣ прежніе наши западно-русскіе митрополиты имѣли у себя только намѣстниковъ въ разныхъ мѣстахъ своей обширной епархіи. Митрополитъ Макарій II, какъ мы видѣли, согласился возвести одного изъ своихъ намѣстниковъ, именно галицкаго, на степень епископа, своего викарія. Но недовольствуясь этимъ и, можетъ быть, по своей старости и дряхлости, нуждаясь въ ближайшемъ помощникѣ, митрополитъ избралъ для себя и поставилъ еще другаго викарнаго архіерея, Макарія Евлашевскаго, котораго и держалъ при себѣ. Время избранія этого епископа неизвѣстно; но онъ оставался въ званіи викарнаго и безъ епархіи до 1558 года ([268]).

([268]) А. Ю. и З. Р. I, № 126; А. З. Р. III, № 21.

Одинъ священникъ луцкой епархіи, по имени Тимоѳей, занимавшій прежде мѣсто при воскресенской церкви въ Луцкѣ, повѣдалъ митрополиту, что онъ взялъ себѣ церковь Св. Троицы въ селѣ Клевани, имѣніи князя Ивана Чарторыйскаго, луцкаго старостича; но владыка луцкій Ѳеодосій возбраняетъ ему-Тимоѳею отправлять службы въ той церкви, не желая, чтобы онъ находился въ имѣніи князя. Митрополитъ послалъ Ѳеодосію грамату (22 февр. 1548), въ которой, преподавая ему свое благословеніе, напоминалъ владикѣ, чтобы онъ не возбранялъ священнику Тимоѳею служить службы въ троицкой церкви, находящейся въ имѣніи князя Чарторыйскаго, и оказывалъ князю вниманіе во всемъ ([269]). Знакъ, что митрополитъ не съ соборомъ только, а единолично имѣлъ власть дѣлать своимъ епископамъ напоминанія и указанія.

Игуменья витебскаго пречистенскаго монастыря Маріамна принесла жалобу полоцкому архіепископу Герману на священника пятницкой церкви въ Витебскѣ Іосифа Жижчика, роднаго брата покойнаго ея мужа Льва Жижчика. Сущность жалобы состояла въ томъ, что когда Левъ Жижчикъ, приближаясь къ смерти, составилъ въ присутствіи добрыхъ людей, свою «духовницу» (духовное завѣщаніе), и въ ней отказалъ третью часть своихъ земель, отчинныхъ и купленныхъ, и всего имущества своей женѣ, то Іосифъ Жижчикъ, внезапно явившись, вырвалъ ту духовницу изъ рукъ написавшаго ее священника духовскаго и разорвалъ, переписать ее не допустилъ и, по смерти брата, завѣщанную имъ женѣ третью часть всего имѣнія взялъ себѣ. Важность, впрочемъ,

([269]) А. З. Р. III, № 7.

© ГПИБ

здѣсь не въ самой жалобѣ и не въ приговорѣ суда, обязавшаго священника Іосифа Жижчика отдать игуменьѣ все, завѣщанное ей мужемъ, но въ томъ, что архіепископъ въ своей судной граматѣ подробно перечислилъ членовъ суда, съ которыми онъ разбиралъ настоящее дѣло. «При насъ, говоритъ святитель, находились тогда наши *духовные*: архимандритъ петровскій Іона, игуменъ пятницкій Кондратій, игуменъ вознесенскій Ѳерапонтъ, и крылошане соборной церкви св. Софіи и священники—срѣтенскій Иларіонъ, косьмодемьянскій Григорій, рождественскій Симеонъ, троицкій Петръ. благовѣщенскій Симеонъ, дмитріевскій Андрей, и бояре *господарскіе* земли полоцкой: князь Михаилъ Соколинскій, панъ Иванъ Володковичь, панъ Иванъ Стрижевскій и панъ Матвей Николаевичь, господарскій дворянинъ». Отсюда видно, что въ составъ духовнаго епархіальнаго суда входили: а) настоятели нѣкоторыхъ монастырей епархіи—*священноиноки*, и б) крилошане соборной церкви, священники городскихъ церквей, составлявшіе при каѳедральномъ соборѣ архіерейскій *крылосъ*. Такимъ образомъ уясняется для насъ тотъ самый составъ епархіальнаго правленія и суда, на который указали сами литовскіе іерархи на виленскомъ соборѣ 1509 г., когда выразились: «аще не престанетъ (священникъ, удаленный отъ своего мѣста за безчиніе), тогды намъ *соборнъ съ нашимъ крылосомъ, съ священноиноки и съ попы*, таковому безчиннику не велѣти священствовати» (прав. 7). Можно думать, что крилошане были постоянными членами епархіальнаго правленія и суда при каждомъ архіереѣ, а священноиноки и попы-некрилошане бывали членами, временно при-

глашавшимися въ засѣданія этого правленія и суда ([270]). Что же касается бояръ господарскихъ или королевскихъ, то они присутствовали, въ настоящемъ случаѣ, на духовномъ судѣ, вѣроятно, потому что, хотя оба судившіеся между собою были лица духовнаго званія, но предметъ суда — тяжба о наслѣдствѣ подлежалъ суду свѣтскому, по литовскому Статуту (Роздѣл. VIII).

Въ исторіи церквей и монастырей этого времени находимъ немало новаго. Въ *Вильнѣ* на церковь св. Іоанна Предтечи завѣщалъ (въ 1554 г.) свой домъ королевскій подскарбій Иванъ Андреевичъ Солтанъ. При соборѣ пречистенскомъ, какъ видно изъ тогоже завѣщанія, существовала особая «каплица» или придѣльная церковь, во имя Благовѣщенія Пресв. Богородицы, фамиліи Солтановъ, служившая для нихъ усыпальницею и, можетъ быть, основанная еще при митрополитѣ Іосифѣ Солтанѣ, принадлежавшемъ къ ихъ фамиліи: въ этой каплицѣ ежедневно совершалась ранняя литургія ([271]). Самый соборъ пречистенскій поправленъ и перекрытъ въ 1555 г. виленскими бурмистрами и радцами, испросившими на то благословеніе отъ митрополита Макарія ([272]). Виленскій свято-троицкій монастырь, доселѣ очень бѣдный и не имѣвшій никакихъ фундушей ни отъ кого, получилъ первый значительный фундушъ отъ князя Матѳея Никитича Головчинскаго, который, желая быть погребеннымъ въ этомъ монастырѣ, записалъ на него два своихъ имѣнія—фольварка:

([270]) А. З. Р. III, № 12; Вилен. Археогр. Сборн. VI, № 4, стр. 6. 12.

([271]) Вилен. Археогр. Сборн. VI, № 16. Снес. № 34, стр. 48.

([272]) Благословенная грамата на это дана митрополитомъ въ Новогрудкѣ 20 марта 1555 года и напечатана въ Литов. Епарх. Вѣдом. 1866, № 1, стр. 31—32.

Свинтыники (въ 1536 г.) и Пурвиники (въ 1539 г.), находившіеся въ ковенскомъ повѣтѣ ([273]). Въ *Новогрудкѣ* въ первый разъ упоминается въ 1554 г. свято-троицкій монастырь, который подскарбій Иванъ Андреевичъ Солтанъ называлъ своимъ и на который завѣщалъ онъ десятину съ одного своего имѣнія ([274]). Въ мѣстечкѣ *Жировицахъ*, неподалеку отъ Слонима, принадлежавшемъ къ епархіи митрополита, другой подскарбій Солтанъ, по имени Александръ, можетъ быть, братъ Ивана Андреевича, основалъ въ 1549 г. жировицкій успенскій монастырь, по случаю явленія на этомъ мѣстѣ чудотворной иконы Богородицы, доселѣ находящейся въ обители ([275]). Въ мѣстечкѣ *Соломеречьѣ*, неподалеку отъ Минска, и слѣд. также митрополичьей епархіи, князь Иванъ Васильевичъ соломерецкій, съ своею супругою, основалъ покровскій соломерецкій монастырь, на который въ 1540 г. сынъ князя Василій Ивановичъ записалъ нѣсколько людей съ освобожденіемъ ихъ отъ своего суда и пошлинъ ([276]). Въ мѣстечкѣ *Сурдегахъ*, нынѣ ковенской губерніи, находившемся въ предѣлахъ тойже епархіи, въ которомъ еще въ 1510 г. построена была православная приходская церковь помѣщикомъ Богданомъ Шишь-Ставецкимъ, а въ 1530 г. построена

([273]) Собр. грам. городовъ Вильны, Ковна..., II, №№ 27. 35, стр. 61. 94; Вилен. Арх. Сборн. X, стр. 5—6.

([274]) Вилен. Арх. Сборн. VI, № 16. Изъ этого завѣщанія видно, что у Ивана Андреевича Солтана былъ *братаничь* Иванъ Александровичъ, а слѣд. и братъ Александръ Андреевичъ.

([275]) Этотъ годъ основанія монастыря показанъ въ самомъ жировицкомъ Поминникѣ, въ который свѣдѣнія о фундаторахъ монастыря, какъ замѣчено, выписаны изъ «справъ и документовъ» (Рукописн. Отд. Вилен. публ. библ., стр. 52). А Кояловичъ, неизвѣстно почему, относилъ основаніе жировицкаго монастыря еще къ 1476 г. (Miscell., 28—30).

([276]) Вилен. Арх. Сборн. I, № 29.

и другая церковь во имя Пресв. Троицы, по случаю явленія здѣсь, надъ однимъ ключемъ, чудотворной иконы Божіей Матери, основанъ въ 1550 году сурдегскій святодуховскій монастырь мѣстною владѣлицею Анною Шишанкою-Ставецкою ([277]). Въ *Троках*ъ на церковь воскресенскую подскарбій Иванъ Андреевичъ Солтанъ завѣщалъ, въ 1554 г., десятину хлѣбомъ съ имѣнія своего Микутянъ, а на рождество-богородичный монастырь—такую же десятину съ имѣнія своего Вевья. Въ *Гроднѣ* ок. 1555 г. было шесть православныхъ храмовъ: пречистенскій соборъ и церкви: борисоглѣбская въ колошскомъ монастырѣ, воскресенская, честнаго креста, николаевская и симеоновская, а латинская церковь была только одна, да деревянный монастырь съ костеломъ Бернардиновъ ([278]).

Въ *Кіевѣ*, по описанію его королевскими люстраторами въ 1545 г., въ замкѣ кіевскомъ находились три православныхъ церкви и одна латинская, а внѣ замка, въ городѣ и его окрестностяхъ упоминаются церковь св. Спаса, церковь и монастырь воздвиженія честнаго креста, церковь и монастырь св. Николая межигорскій, монастырь св. Михаила выдубицкій, монастырь св. Бориса и Глѣба, два бывшихъ монастыря Пречистыя—гнилецкій и зарубскій, и перечисляются семнадцать селъ печерскаго монастыря ([279]). Настоятельство въ богатомъ кіево-печерскомъ монастырѣ было предметомъ постояннаго искательства для многихъ, и хотя король, какъ

([277]) Собр. грам. городовъ Вильны, Ковна..., II, № 43, стр. 126; Западнорусскій мѣсяцесловъ 1865 г., стр. 74—75.

([278]) Собр. грам. городовъ Вильны, Ковна..., II, № 55, стр. 147, и предисл. XXXIX; Вилен. Археогр. Сборн. II, № 94, стр. 172; III, № 13.

([279]) Сборн. матеріаловъ для историч. топографіи Кіева, отд. III, № 19.

мы видѣли, еще въ 1522 г. предоставилъ своею граматою самой монастырской братіи избирать себѣ архимандрита, при участіи бояръ и земянъ кіевскихъ, и обѣщался утверждать только того, кого они изберутъ, но на самомъ дѣлѣ никогда этого не держался и дѣйствовалъ по своему произволу. Въ 1535 г., по просьбѣ слуцкаго князя Юрія и по ходатайству королевы Боны, Сигизмундъ уступилъ на время свое господарское право подаванія кіево-печерскаго монастыря этому князю подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ, когда скончается бывшій тогда архимандритъ печерскій Геннадій, взялъ монастырь въ свои руки и отдалъ въ управленіе тому, кому самъ захочетъ, но чтобы, по смерти избраннаго княземъ настоятеля, монастырь вновь перешелъ въ подаванье короля. Впрочемъ, слуцкому князю не пришлось воспользоваться дарованнымъ ему правомъ: потому что архимандритъ Геннадій самъ успѣлъ продать свое мѣсто въ печерскомъ монастырѣ выдубицкому игумену Іоакиму за полтораста копъ грошей, и король, по ходатайству канцлера своего, вилепскаго воеводы Гаштольда, утвердилъ за Іоакимомъ купленное имъ настоятельство (10 февр. 1536). Не прошло и года, какъ Іоакимъ скончался; тогда митрополитъ Макарій просилъ у короля печерской архимандритіи своему брату Пацку (Ипатію?), о чемъ ходатайствовала также королева Бона. Король пожаловалъ Пацка этимъ хлѣбомъ духовнымъ и обѣщался, что до его живота не отдастъ той печерской архимандритіи никому (15 генв. 1537) ([280]). Неизвѣстно, скончался ли

([280]) Матеріалы для истор. кіевской митрополіи, стр. 41—43. Въ описаніи кіево-печер. лавры этотъ Пацко, братъ митрополита Макарія, названъ *Іакинфомъ*, т. е. Яцкомъ (—стр. 141).

Пацко, или получилъ иное назначеніе, только въ скоромъ времени король, по ходатайству нѣкоторыхъ пановъ, отдалъ печерскую архимандритію какому-то Софронію, который еще до 1540 г. успѣлъ своими злоупотребленіями до того вооружить противъ себя братію, что кіевскій воевода Андрей Немировичь, вслѣдствіе неоднократныхъ жалобъ братіи, заключилъ этого архимандрита въ замокъ, передавъ монастырь во временное управленіе иноку Геннадію Бодшичу, о чемъ и донесъ королю. Король не одобрилъ такого распоряженія, и послалъ въ Кіевъ дворянина своего Ивана Протасовича освободить Софронія изъ заключенія и передать ему и чернецамъ печерскимъ королевскую увѣщательную грамату, чтобы они примирились. Когда же примиренія не послѣдовало, и чернецы не захотѣли повиноваться своему архимандриту, иные даже пошли вонъ изъ монастыря, король велѣлъ томуже Протасовичу выслать архимандрита и трехъ или четырехъ чернецевъ къ митрополиту Макарію. А митрополиту, сообщая о всемъ этомъ, поручалъ своею граматою (отъ 25 генв. 1540 г.) разобрать между ними спорное дѣло и на окончательное рѣшеніе представить королю ([281]). Теперь примиреніе, вѣроятно, состоялось: потому что, спустя около полугода, Софроній не одинъ, но вмѣстѣ съ братіею кіево-печерскаго монастыря, просилъ короля и дѣйствительно выпросилъ у него, при помощи королевы Боны, жалованную грамату (отъ 9 авг. 1540) на право посылать старцевъ и слугъ своихъ въ московскіе города — Стародубъ и Новгородъ Сѣверскій для сбора даней, съ давняго времени принадлежавшихъ монастырю, но

([281]) Копія съ этой воролевской граматы есть въ архивѣ бывшихъ уніатскихъ митроп., при Св. Синодѣ (по Описи, № 606).

не поступавшихъ въ него. Не прошло, однакожъ, и года, какъ королю принесена была новая жалоба на Софронія, что онъ обижаетъ сосѣдній выдубицкій монастырь, отнимаетъ у него угодья и дани: король своею граматою (отъ 3 марта 1541) строго запретилъ это Софронію ([282]). Въ тоже время начали доходить къ королю слухи, что Софроній вообще ведетъ себя, не какъ прилично духовному лицу, что вслѣдствіе жестокаго обращенія его съ крилошанами, застолпниками, слугами и людьми печерской обители, многіе изъ нихъ разбѣжались, и на крилосахъ въ церкви едва осталось по одному старцу, тогда какъ прежде бывало по нѣскольку десятковъ пѣвцовъ; что и оставшіеся въ обители терпятъ отъ него разныя мученія, заковываются въ цѣпи; что все монастырское имущество онъ забралъ въ свои руки, и разные доходы и дани монастырскіе отсылаетъ на Волынь своимъ дѣтямъ и пріятелямъ, и проч. Король счелъ нужнымъ написать объ этомъ Софронію (отъ 13 іюля 1541), и убѣждалъ его исправиться, а если не исправится, угрожалъ отнять у него монастырь ([283]). Но Софроній, вѣрно, не послѣдовалъ убѣжденіямъ короля и, вызванный на его судъ, оказался виновнымъ въ нѣкоторыхъ проступкахъ: почему король взялъ изъ рукъ его печерскій монастырь и, по ходатайству митрополита, князей и пановъ греческаго закона, отдалъ архимандритію того монастыря архимандриту минскаго вознесенскаго монастыря Вассіану, который упоминается въ 1544 г., когда имѣлъ спорное дѣло съ

([282]) А. З. Р. II, №№ 204. 209.

([283]) Копія съ этого королевскаго письма есть въ архивѣ бывшихъ уніатскихъ митр., при Св. Синодѣ (по Описи, № 607).

княземъ Андреемъ Соколинскимъ ([284]). Въ 1546 г. видимъ уже новаго «нареченнаго архимандрита пречестныя лавры пречистыя Богородицы печерскія»: такъ называлъ себя въ то время священникъ виленской покровской церкви Іоаннъ Матвѣевичъ, человѣкъ, какъ видно, богатый, находившійся въ родствѣ съ архіепископомъ-митрополитомъ Іосифомъ и подарившій свой домъ въ Вильнѣ покровской церкви, въ которой дотолѣ священствовалъ ([285]). Этотъ-то священникъ Іоаннъ, вѣроятно, и былъ, по принятіи монашества, тотъ архимандритъ печерскій Иларіонъ, при которомъ возобновлено общежитіе въ печерской лаврѣ. Всѣ лаврскіе старцы принесли жалобу королю Сигизмунду Августу, что община, которую установилъ-было отецъ его въ ихъ обители, существовала только при архимандритѣ Игнатіѣ, а послѣдующіе архимандриты ее не хотѣли имѣть, «для своего пожитку», такъ что затеряли и самую королевскую грамату на общину; что эти архимандриты, не держа общины, причиняютъ обители великій вредъ, берутъ всѣ ея доходы себѣ и употребляютъ на своихъ дѣтей и родныхъ, опустошаютъ ея имѣнія, грабятъ ея крестьянъ, довели ее до убожества, и церковь въ ней пала. Потому и просили старцы возстановить въ лаврѣ общину на вѣчныя времена. Король приказалъ кіевскому воеводѣ Фридриху Глѣбовичу Пронскому, чтобы онъ, вмѣстѣ съ посланнымъ къ нему дворяниномъ Павломъ Оранскимъ, возобновилъ общину въ печерскомъ монастырѣ и далъ ему писанный уставъ. Воевода исполнилъ волю короля, и въ 1549 г., 24 іюля, возстановилъ въ монастырѣ общину и, учредивъ въ немъ вряд-

([284]) А. З. Р. II, № 216; III, № 1.

([285]) Вилен. Арх. Сборн. VI. № 25.

© ПИБ

никовъ, иконома и палатника, начерталъ, въ руководство братіи, правила. Эту общину и эти правила черезъ два года, по просьбѣ архимандрита лавры Иларіона и всѣхъ старцевъ, король утвердилъ своею граматою (15 авг. 1551). Правила были слѣдующія: а) архимандритъ и старцы должны имѣть всенощную службу во всѣ воскресные и праздничные дни и во всемъ поступать по правиламъ св. отцевъ и молить Бога за господаря; б) плата за сорокоусты, панихиды и молебны идетъ архимандриту и крилошанамъ пополамъ; в) деньги за вписаніе въ вѣчный синодикъ и субботникъ поступаютъ въ церковную казну, въ монастырскую палату; г) покрывало съ тѣла, которое будетъ привезено для погребенія въ монастырѣ, берется въ монастырскую палату; д) за погребеніе тѣла князя, боярина или кого либо другаго, архимандритъ и старцы не ведутъ торга, а берутъ, что будетъ дано; е) деньги и имущество умершаго чернеца берутся въ палату, а черницу, во всякомъ случаѣ, оставитъ ли онъ что или ничего не оставитъ, братія отдаютъ послѣдній долгъ, служатъ по немъ сорокоустъ и вписываютъ его въ синодикъ; ж) архимандритъ и старцы ѣдятъ всегда въ одномъ мѣстѣ—въ трапезѣ, и при столѣ бываетъ чтеніе; з) старцы, крилошане и застолпники, безъ дозволенія архимандрита и иконома, не выходятъ изъ монастыря; а кто выйдетъ безъ позволенія или совершитъ въ монастырѣ какой либо проступокъ, таковыхъ архимандритъ, посовѣтывавшись съ братіею, долженъ подвергать наказаніямъ, по праву духовному; если же кто будетъ непослушенъ, того выслать изъ монастыря; и) кельи и сады братскіе принадлежатъ всей общинѣ, и если братъ, по своей волѣ, захочетъ совсѣмъ оставить обитель, онъ можетъ взять съ собою только

свое движимое имѣніе, а кельи продать не можетъ; і) одежда и дрова архимандриту и всей братіи идутъ отъ церковной казны; к) чернецы не могутъ держать въ своихъ кельяхъ бѣльцовъ и ребятъ; только архимандритъ имѣетъ у себя слугу и хлопца; л) церковная печать хранится не у архимандрита, а въ церковномъ сундукѣ за ключами архимандрита и иконома; когда печать потребуется, палатникъ приноситъ къ нимъ тотъ сундукъ; м) архимандритъ вѣдаетъ только одно—справу церковную; что же касается до монастырскихъ доходовъ и даней, выѣздовъ по имѣніямъ, раздаванья урядовъ въ этихъ имѣніяхъ, подаванья церквей, собиранія пошлинъ, судовъ и присудовъ: во все это архимандритъ не долженъ вмѣшиваться никогда; все это имѣютъ въ своей власти икономъ и палатникъ съ братіею, они собираютъ доходы, кладутъ въ церковную казну и употребляютъ на монастырскія нужды; н) отчетъ въ приходахъ и расходахъ икономъ и палатникъ представляютъ два раза въ годъ архимандриту и всей братіи; о) если икономъ или палатникъ будутъ неисправны, архимандритъ съ братіею можетъ удалить неисправнаго и на мѣсто его избрать и поставить другаго; п) архимандритъ и старцы не должны принимать въ свой монастырь приходящихъ изъ Москвы и изъ Валахіи, скрывать ихъ у себя и постригать ихъ въ чернецы ([286]). Къ имѣніямъ печерскаго монастыря прибавилось еще одно небольшое село — Старинщина, пожертвованное монастырю княземъ Львомъ Соколенскимъ (1550). Кіево-михайловскій монастырь исходатайствовалъ себѣ у короля подтвердительную грамату на нѣкоторыя

([286]) А. З. Р. III, № 10.

свои имѣнія, по случаю потери прежнихъ граматъ (1542). Кіево-николаевскій монастырь также получилъ граматы на нѣкоторыя свои угодья отъ кіевскаго воеводы Андрея Немировича (1534), и еще на нѣкоторыя отъ черкаскаго старосты Аникія Горностая (1544) ([287]).

Въ *Полоцкѣ* находимъ теперь семь монастырей, основанныхъ еще въ прежнія времена, именно: предтеченскій на островѣ, михайловскій въ городкѣ, воскресенскій и петровскій въ замкѣ, николаевскій на Лучнѣ, пятницкій и вознесенскій (1534—1553), изъ которыхъ два послѣдніе обращены впослѣдствіи въ приходскія церкви, и семь церквей: соборную-софійскую, срѣтенскую, козьмодемьянскую, рождественскую, троицкую, благовѣщенскую и димитріевскую ([288]). Весьма любопытна судная грамата, данная (1534) предтеченскому монастырю полоцкимъ воеводою Яномъ Глѣбовичемъ, по случаю жалобы чернецевъ на ихъ архимандрита Стефана Рагозу. Изъ этой граматы видно, что, по стародавнему обычаю, въ монастырѣ: а) всѣ денежные доходы дѣлились на двѣ половины: одна шла архимандриту, другая братіи; б) при каждомъ посѣщеніи монастыря полоцкимъ воеводою и его врядниками, монастырь чествовалъ ихъ угощеніями и подносилъ имъ подарки; в) въ монастырѣ существовала и хранилась въ церковной казнѣ особая сумма «постригальная», въ которую каждый новопостригаемый въ чернецы вносилъ по рублю грошей: она употреблялась на потребности церкви и на подарки воеводѣ и его врядникамъ; г) медовая дань съ одного монастырскаго села—Туровли раздѣлялась также пополамъ между

([287]) А. Ю. и З. Р. I, №№ 98. 120; А. З. Р. II, №№ 228. 233.

([288]) А. З. Р. II, №№ 176. 234; III, № 12 и примѣчанія къ нимъ.

архимандритомъ и братіею, а со всѣхъ прочихъ селъ шла одному архимандриту на угощеніе воеводы и врядниковъ; д) судъ надъ монастырскими людьми архимандритъ производилъ съ нѣсколькими старшими чернецами и судебными пошлинами дѣлился съ ними; е) всѣ доходы съ рыбныхъ и звѣриныхъ ловлей и другія дѣлились пополамъ между архимандритомъ и всею братіею ([289]). Въ *Витебскѣ* встрѣчаемъ въ первый разъ (1553) монастырь Пречистыя женскій и церкви пятницкую и свято-духовскую. Въ *Мстиславлѣ* троицкому собору пожалованы (1537) новыя дани и угодья княгинею Іуліаніею, супругою князя Михаила Ивановича мстиславскаго, возобновившаго этотъ соборъ, по разореніи его московскими войсками, и подтверждены всѣ прежнія дани, денежныя, хлѣбныя и медовыя королевскою граматою (1544). А пустынскій богородичный монастырь получилъ отъ благочестивыхъ жертвователей село Пересѣдино (1537) и двѣ сѣножати (1543). Въ *Оршѣ* николаевской церкви подтверждены королемъ (1537) денежная и медовая дани, пожалованныя ей еще княземъ Иваномъ Юрьевичемъ мстиславскимъ ([290]).

Въ *Пинскѣ* ок. 1555 г. было двѣнадцать церквей: соборная-каѳедральная рождества Пресв. Богородицы, дмитріевская въ замкѣ, спасская, никольская, симеоновская, воскресенская, михайловская, стефановская, онуфріевская, троицкая, ильинская, аѳанасіевская, и при нихъ 25 священниковъ ([291]). Ста-

([289]) А. З. Р. II, № 176. Вскорѣ послѣ этого предтеченскій монастырь отданъ въ управленіе полоцкаго владыки (см. выше примѣч. 265).

([290]) А. З. Р. II, №№ 190. 232; III, № 12; Вилен. Археогр. Сборн. II, №№ 14. 15. 16.

([291]) Писцовая книга бывшаго пинскаго староства, I, предисл. VIII, и стр. 99. 101, Вильн. 1874; Собр. грам. минской губ., предисл. X; А. Ю. и З. Р. I, № 130; Вилен. Арх. Сборн. VI, № 20.

роста Владиміра-волынскаго, князь Ѳедоръ Андреевичъ Сангушко соорудилъ новую церковь св. Николая въ монастырѣ своемъ «Милецъ» или милецкомъ, который еще въ 1533 г. получилъ отъ дяди своего князя Василія Михайловича Сангушко, учредилъ въ этомъ монастырѣ общежитіе и назначилъ на содержаніе его нѣсколько своихъ дворовъ и мельницъ и пять селъ съ крестьянами и со всѣми ихъ повинностями, записавъ (23 мая 1542) свою дарственную грамату въ напрестольномъ евангеліи монастырской церкви. Въ *Овручѣ*, по описанію его въ 1545 г., находилось восемь церквей: ильинская, іоакимо-аннинская, никольская, пятницкая, михайловская, васильевская, косьмо-дамьянская, воскресенская, и три монастыря: пречистенскій, спасскій и пустынскій ([292]). О нѣкоторыхъ монастыряхъ *луцкой* епархіи заслуживаетъ вниманія отзывъ коммиссіи, дѣлавшей описаніе луцкаго замка въ 1545 году. «Монастыри, которые прежде зависѣли отъ пожалованія господарскаго, говорятъ члены коммиссіи, и съ которыхъ поступали къ его милости королю немалые подарки отъ архимандритовъ, находятся теперь въ частномъ владѣніи. Первый монастырь «Пересопица» пречистыя Богоматери: его выпросилъ-было для себя у нынѣшняго господаря покойный князь Чарторыйскій, староста луцкій, на жительство и дожизненное пребываніе матери своей, которая имѣла поступить въ монахини; но мать его не пошла въ монахини, а князь Чарторыйскій завладѣлъ тѣмъ монастыремъ и теперь владѣютъ имъ сыновья князя. А къ тому монастырю принадле-

([292]) Архив. Юго-запад. Россіи ч. I, т. I, № 3; ч. IV, т. I, № 10, стр. 43—44; А. Ю. и З. Р. II, № 116.

жатъ: село Грабово, въ которомъ сто человѣкъ, село Макотерши, въ которомъ двадцать четыре человѣка, село Дядковичи, въ которомъ двадцать человѣкъ или болѣе. Говорятъ, что на земляхъ того монастыря Чарторыйскіе устроили свой замокъ Бѣлевъ и поселили городъ, съ котораго получаютъ платы двѣсти копъ грошей. Другой монастырь «Дорогобужъ», святаго Спаса, держитъ архимандритъ съ пожалованія нынѣшняго владыки луцкаго Ѳеодосія, а такое пожалованіе издревле принадлежало господарю. Третій монастырь, называемый «Дубишо», введенія во храмъ пречистой Богородицы: въ немъ бывалъ игуменъ и издревле онъ зависѣлъ отъ пожалованья господарскаго; теперь завѣдываетъ этимъ монастыремъ владыка луцкій и держитъ въ немъ одного только попа, а людей того монастыря и всѣ доходы обратилъ на себя; да еще люди монастырскіе приходили къ намъ съ тяжкою жалобою на причиняемыя имъ обиды и большія притѣсненія, и испрашивали милости и защиты господарской. Относительно всѣхъ этихъ монастырей мы полагаемъ, что владѣющіе ими выпросили ихъ себѣ не ради какой либо хвалы Божіей, но ради большаго грѣха и своей любостяжательности, потому что всѣ прибыли и доходы изъ селъ монастырскихъ, поступавшіе прежде на церковь Божію, съ которыхъ братіе и монастырскіе служители имѣли содержаніе, они-владѣльцы обратили теперь на себя и тѣмъ умножили свои прибыли. Мало имъ было волостей и селъ: еще покусились и на домы Божіи» ([293]).

([293]) Памятн. Кіев. Коммис. IV, отд. II, стр. 188—190.

V.

Настоящій періодъ для западно-русской церкви нельзя не назвать лучшимъ сравнительно съ предшествовавшимъ. Ни уніи, ни даже попытокъ къ уніи, въ смыслѣ флорентійскаго соглашенія, теперь вовсе здѣсь не существовало. Всѣ четыре первосвятителя, управлявшіе этою церковію, строго держались православія, подчиняясь цареградскому патріарху, и достойнѣйшій изъ нихъ—Іосифъ Солтанъ, котораго впослѣдствіи совершенно несправедливо подозрѣвали въ уніатствѣ, сдѣлалъ для нея даже болѣе, чѣмъ другіе. Со стороны латинскаго духовенства не предпринималось никакихъ особенныхъ мѣръ къ распространенію римской вѣры между православными, по крайней мѣрѣ, на всемъ пространствѣ литовскихъ владѣній. Король Сигизмундъ I, котораго царствованіе наполняло почти весь этотъ періодъ, относился въ Литвѣ, по видимому, одинаково и къ латинской церкви, и къ русской. Онъ давалъ областямъ уставныя граматы, и въ нихъ предоставлялъ одни и тѣже права какъ латинянамъ, такъ и православнымъ; давалъ городамъ магдебургское самоуправленіе, и участвовать въ немъ призывалъ въ равной мѣрѣ гражданъ римскаго закона и греческаго; допускалъ православныхъ на всѣ, самыя высшія должности въ государствѣ, не смотря на то, что четыре раза: въ 1522, 1529 и еще въ 1537 и 1547 г. ([294]), вынужденъ былъ подтверждать извѣстное городельское поста-

([294]) Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаютъ латинскіе писатели (Prawa y Przywileie od królow..... nadane..., str. 27).

новленіе, которому не хотѣлъ слѣдовать, и едвали кто изъ вельможъ римской вѣры пользовался когда либо у Сигизмунда такою честію и силою, какою пользовался православный магнатъ Константинъ Ивановичъ Острожскій. Всему русскому духовенству король жаловалъ такія же граматы, какъ и латинскому; русскимъ святителямъ подтверждалъ неприкосновенность ихъ управленія, суда и церковныхъ имуществъ, и если латинскіе прелаты имѣли видимое преимущество предъ русскими, занимая первыя мѣста въ сенатѣ, то и русскіе, по волѣ короля, по крайней мѣрѣ, иногда являлись на сеймы, на которыхъ онъ присутствовалъ, всегда имѣли свободный доступъ къ королю и, случалось даже, находили въ немъ справедливость и поддержку при столкновеніяхъ съ латинскими епископами. Въ Галиціи было несовсѣмъ такъ: тамъ не прекращались угнетенія для русскихъ; тамъ самъ король предоставилъ (1509 г.) латинскому архіепископу избирать намѣстниковъ кіевскаго и галицкаго митрополита, чтобы удобнѣе привлекать православныхъ къ католицизму, и издалъ (1521 г.) для нихъ стѣснительное и оскорбительное постановленіе. Но самъ же король и содѣйствовалъ потомъ освобожденію ихъ отъ власти арцибискупа и назначенію имъ особаго православнаго епископа. Массы русскаго народа въ западной Россіи оставались непоколебимыми въ православіи. «Россія, писалъ ок. 1524 г. къ папѣ Клименту VII италіянецъ Кампензе, находящаяся нынѣ во власти польскаго короля, равно какъ городъ Львовъ и вся часть Польши, простирающаяся на сѣверъ и сѣверовостокъ отъ сарматскихъ горъ, слѣдуетъ съ непоколебимостію греческому закону и признаетъ надъ собою

власть константинопольскаго патріарха» ([295]). Въ высшемъ кругѣ православныхъ и вообще между дворянами нерѣдко случались, то по родственнымъ связямъ, то по другимъ причинамъ, единичныя совращенія прямо въ латинство. Въ 1533 г. король, отнимая нѣкоторыя церковныя имѣнія у холмскаго владыки и передавая ихъ своею граматою холмскому бискупу, указывалъ на то, будтобы «почти всѣ его подданные въ холмскомъ повѣтѣ, особенно знатнѣйшіе изъ дворянскаго сословія, перешли отъ русскаго обряда къ римской церкви», хотя это указаніе, въ виду цѣли, для которой сдѣлано, безъ сомнѣнія преувеличено ([296]). Извѣстно также, что одинъ изъ фамиліи князей Гольшанскихъ, всегда исповѣдывавшихъ православіе, по имени Павелъ, сынъ князя Александра Юрьевича, виленскаго пана и городенскаго старосты былъ даже латинскимъ епископомъ, сперва луцкимъ, потомъ виленскимъ (1536—1553) ([297]). Несмотря, однакожъ, на всѣ такого рода отпаденія православныхъ въ латинство, большая часть литовскихъ вельможъ даже въ 1553 г. принадлежали къ православной церкви, какъ удостовѣрялъ въ Москвѣ посолъ польскаго короля Юрій Тишкевичъ, который самъ былъ православной вѣ-

([295]) *Кампензе*, Письмо къ папѣ Клименту VII о дѣлахъ Московіи, въ Библіот. иностран. писат. о Россіи, I, отд. III, 20.

([296]) Король говорилъ въ своей граматѣ: Ad supplicationem quorundam conciliariorum subditorum nostrorum habentesque in consideratione, quod per Dei clementiam omnes fere subditi nostri, praesertim insigniores ex militari ordine, in districtu Chelmensi, ex ritu graeco sev ruthenico ad unionem romanae ecclesiae conversi jam rediissent, quorum antecessores... bona et possessiones quasdam vladicatui chelmensi dederant..., ob praescriptas rationes, vladicatui praedicto..... villas Czessin, Strzyzowiec et Skurdeiow... adimimus, easdemque episcopatui chelmensi adiunximus (Метрика королев. польскаго, т. 49, стр. 14).

([297]) *Нъсецк.* Herbarz Polsk. IV, 362; A. 3. P. II, примѣч. 64. О православіи князей Гольшанскихъ свидѣтельствуютъ синодики кіевскихъ монастырей (Описс. рукоп. Румянц. Муз., 575. 578. 580).

ры, и потому пожелалъ лично испросить себѣ благословеніе у тогдашняго московскаго митрополита Макарія ([298]). Но называя настоящій періодъ сравнительно-лучшимъ для западнорусской церкви, мы должны, къ сожалѣнію, назвать его и сравнительно-худшимъ предшествовавшаго періода. По внѣшности, церковь эта теперь больше благоденствовала, чѣмъ прежде: не было въ ней ни уніи, ни латинской пропаганды, ни прямыхъ гоненій за вѣру, кромѣ извѣстныхъ случаевъ въ Галиціи; король подтверждалъ и охранялъ права православнаго духовенства и мірянъ. Но внутренняя болѣзнь церкви, начавшаяся еще прежде и подтачивавшая ея коренныя силы, достигла теперь гораздо большаго развитія. И главнымъ виновникомъ тому былъ самъ король Сигизмундъ I съ своимъ правомъ или, вѣрнѣе, произволомъ подаванья церковныхъ должностей. Мы видѣли, до какой степени и безобразія доходилъ этотъ произволъ въ раздачѣ церквей, монастырей и даже святительскихъ каѳедръ. Оттого православная іерархія, особенно высшая, постепенно оскудѣвала и изнемогала нравственными силами, забывала о своемъ высшемъ призваніи служить Богу и спасенію ближнихъ, заботиться объ успѣхахъ вѣры и церкви, постепенно низпадала, погружалась въ однѣ житейскія заботы, такъ что когда, съ наступленіемъ новаго періода, явились болѣе сильные враги православія, она оказалась слабою, чтобы противодѣйствовать имъ и охранять отъ нихъ свое духовное стадо. Настоящій періодъ служилъ постепеннымъ подготовленіемъ къ послѣдующему и естественнымъ переходомъ къ нему.

([298]) *Бантышъ-Каменск.* Переписка между Россіею и Польшею, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1861, IV, отд. II, 100—101.

Одна изъ епархій литовской митрополіи, смоленская, послѣ взятія Смоленска русскими въ 1514 г., была для нея навсегда потеряна. За то другая, древнѣйшая епархія, галицкая, въ которой еще съ 1414 г. не видимъ особыхъ епископовъ, была возстановлена въ 1539 г., хотя подъ управленіемъ только викарнаго архіерея, такъ что число всѣхъ епархій въ этой митрополіи оставалось и теперь восемь. По обнародованнымъ доселѣ актамъ упоминаются слѣдующіе епархіальные владыки того времени: а) *смоленскіе*: Іосифъ Солтанъ (1502—1506), потомъ митрополитъ, и Варсонофій (1509—1514); б) *полоцкіе*, которые съ 1511 г. начали уже постоянно называться архіепископами: Лука (1503), Евѳимій (1511), Іосифъ (1516—1522), бывшій потомъ митрополитомъ; Наѳанаилъ (1524), Мисаилъ (1534), Симеонъ (1540) и Германъ Хрептовичь (1551); в) *владимірскіе*: Вассіанъ (1508—1511), Пафнутій (1514), Іона (1523), Пафнутій (1526), Геннадій (1540); г) *луцкіе*: Кириллъ (1508—1526), Пафнутій (1526), Макарій (1528—1534), бывшій потомъ митрополитомъ; Арсеній (1540), Ѳеодосій (1545—1548); д) *пинскіе и туровскіе*: Вассіанъ (1503), Арсеній (1511), Вассіанъ (1513), Арсеній (1514), Іона (1518—1522), Макарій (1528), Вассіанъ (1540), Варлаамъ (1545), Макарій (1552); е) *холмскіе*: Филаретъ (1511), Іона (1540); ж) *перемышльскіе*: Антоній (1511), Лаврентій (1535), Арсеній (1540); з) *галицкіе*: Макарій (1539—1548) и Арсеній Болобанъ (съ 1549 г.) ([299]). Изъ числа всѣхъ этихъ владыкъ мы можемъ указать развѣ двухъ-трехъ, бывшихъ потомъ митрополитами, которые дѣйствительно заботились объ интересахъ вѣры и

([299]) Указаніе о всѣхъ этихъ владыкахъ сдѣланы нами прежде, въ разныхъ мѣстахъ.

церкви; а о прочихъ знаемъ только, что иной получилъ каѳедру за услуги сына королю и въ уплату королевскаго долга; другіе выпросили или, вѣрнѣе, купили себѣ каѳедры разными приношеніями то самому королю, то окружающимъ его лицамъ, и купили въ то время, когда эти каѳедры были еще заняты наличными епископами; третьи отличались ревностію объ умноженіи своихъ имѣній и огражденіи ихъ королевскими граматами, или грабили и опустошали имѣнія монастырей подвѣдомой имъ епархіи, и т. под.

Благодаря тому обстоятельству, что втеченіе всей первой половины XVI столѣтія православная церковь въ литовскомъ государствѣ не подвергалась стѣсненіямъ, число монастырей въ ней не только не уменьшалось, но еще увеличивалось. Излагая ея исторію за это полустолѣтіе, мы видѣли въ ней до 50-ти монастырей: между ними до 30-ти прежнихъ и до 20-ти вновь основанныхъ или въ первый разъ упоминаемыхъ. Изъ прежнихъ монастырей продолжали существовать или возстановлены въ настоящій періодъ: въ Вильнѣ троицкій, въ Кіевѣ печерскій, николаевскій, выдубицкій, михайловскій, межигорскій; въ Трокахъ богородичный, въ Городнѣ колошскій–борисоглѣбскій; близъ Новогрудка лаврашевъ, въ Супрасли супрасльскій, въ Минскѣ вознесенскій, въ Слуцкѣ троицкій, во Львовѣ онуфріевскій и уніевскій; въ Полоцкѣ петровскій, предтеченскій, михайловскій, воскресенскій, николаевскій; въ Мстиславлѣ онуфріевскій и пустынскій; въ луцкой епархіи пересопицкій, жидичинскій, спасскій-Дорогобужъ, дубишовскій-введенскій; въ Кобринѣ спасскій, близъ Пинска лещинскій; въ Овручѣ пречистенскій и пустынскій,

въ Дермани дерманскій. Вновь основаны или въ первый разъ упоминаются монастыри: въ Вильнѣ георгіевскій, въ Новогрудкѣ троицкій, въ Жировицахъ жировицкій, въ Сурдегахъ сурдегскій, близъ Минска соломерецкій, въ Кіевѣ крестовоздвиженскій, борисоглѣбскій; во Львовѣ георгіевскій, въ Смоленскѣ спасскій, свято-духовскій; въ Полоцкѣ михайловскій-городельскій, пятницкій, вознесенскій; въ Витебскѣ женскій богородичный, въ Мстиславлѣ николаевскій-нагорный; въ Овручѣ спасскій, въ Мильцахъ милецкій-николаевскій, въ Тороканахъ тороканскій–троицкій, въ Ольшанахъ николаевскій, въ Лоскѣ николаевскій. О внутреннемъ устройствѣ всѣхъ этихъ монастырей и о числѣ иноковъ въ нихъ не сохранилось почти никакихъ извѣстій: знаемъ только уставы двухъ монастырей — супрасльскаго, данный митрополитомъ Іосифомъ Солтаномъ, и кіево–печерскаго, написанный, по приказанію короля, кіевскимъ воеводою; знаемъ еще, что въ супрасльскомъ монастырѣ, при первомъ его настоятелѣ архимандритѣ Пафнутіѣ Сѣгенѣ († 1510), было 40 черноризцевъ, при второмъ Каллистѣ—41, а при третьемъ—архимандритѣ Іонѣ (†1532) оставалось только 27 ([300]). За то немало сохранилось извѣстій о томъ, что едвали не половина тогдашнихъ монастырей были изъяты изъ-подъ власти своихъ епархіальныхъ архіереевъ и управлялись волею, точнѣе, своеволіемъ своихъ настоятелей и свѣтскихъ патроновъ, а также о томъ, съ какою ревностію монастыри старались пріобрѣтать себѣ имѣнія и жалованныя королевскія граматы, какъ многіе добивались настоятельскихъ мѣстъ, особенно въ богатыхъ монастыряхъ, какъ покупали и продавали эти мѣста,

([300]) Вилен. Археогр. Сборн. IX, стр. 12. 29—30. 38.

какъ притѣсняли настоятели своихъ иноковъ и обогощались отъ монастырскихъ имѣній, какъ корыстовались отъ нихъ самъ король и другіе патроны.

Главнымъ руководствомъ для церковнаго управленія и суда въ литовской митрополіи служила кормчая книга, та самая, которая употреблялась и въ митрополіи московской. Кромѣ двухъ извѣстныхъ списковъ этой книги, румянцевскаго музеума, писанныхъ въ юго-западной Россіи, изъ которыхъ одинъ (№ 232), начала XVI в., рязанской или кирилловской фамиліи, а другой (№ 233), XVI в., софійской фамиліи, уцѣлѣлъ еще списокъ XVI в. въ библіотекѣ литовской семинаріи (№№ 12. 13), представляющій точную копію съ рязанскаго списка и заключающій въ себѣ не 45 лишь главъ, какъ румянцевскій списокъ № 232, а всѣ 64 главы. Списки кормчей были распространены не только по монастырямъ, иногда и не въ одномъ экземплярѣ, но и въ бѣломъ духовенствѣ и даже между мірянами: въ библіотекѣ супрасльскаго монастыря находилось три экземпляра кормчей; одинъ изъ священниковъ юрьевской церкви въ Вильнѣ, о. Матѳей, завѣщалъ (1522 г.) свою книгу «правила св. отецъ» въ соборную пречистенскую церковь; а виленскій соборъ 1509 г., указывая на то, что мірскіе люди, имѣя у себя «божественныя правила», не хотѣли слушаться своихъ пастырей (прав. 13), запретилъ мірянамъ держать у себя эти правила ([301]). Послѣ кормчей служили также руководствомъ: а) такъ называемый Свитокъ Ярославовъ, подтвержденный и королемъ Сигизмундомъ I въ 1503 и 1511 г., съ нѣкоторыми дополненіями ([302]);

([301]) Вилен. Арх. Сборн. VI, стр. 12; IX, стр. 53—55.
([302]) *Муханов.* Сборн. № 84; А. З. Р. II, № 65.

б) мѣстные церковные обычаи, которыми пользовались иногда въ своихъ рѣшеніяхъ и митрополитъ и самъ король ([303]); в) постановленія виленскаго собора 1509 г., которыя, впрочемъ, едвали не оставались, большею частію, лишь мертвою буквою, если припомнимъ, какъ часто и какъ рѣзко нарушались они въ послѣдующее время; г) многочисленныя узаконенія и граматы королей, касавшіяся православныхъ архіереевъ, церквей, монастырей, ихъ правъ и привиллегій, имѣвшія обязательную силу для всѣхъ; д) литовскій Статутъ, изданный Сигизмундомъ въ 1529 году. Статутъ не заключалъ въ себѣ никакихъ церковныхъ узаконеній, а содержалъ только законы уголовные и гражданскіе, обязательные для всѣхъ подданныхъ короля, и кромѣ того излагалъ самыя формы судопроизводства. Потому церковныя власти руководствовались Статутомъ, съ одной стороны, въ самомъ порядкѣ и формахъ судопроизводства, а съ другой — во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда судили духовныя лица за преступленія уголовныя и гражданскія, и когда судили въ своихъ церковныхъ имѣніяхъ крестьянъ, судъ надъ которыми, по литовскимъ законамъ, вообще принадлежалъ владѣльцамъ. Церковному управленію и суду подлежали, прежде всего, лица духовнаго званія. Въ Свиткѣ Ярославовомъ ясно было сказано: «всѣ епископы княженія нашего да повинуются преосвященному митрополиту кіевскому во всемъ, подъ изверженіемъ отъ сана и отринутіемъ отъ престолъ ихъ...; такожде митрополья и епископская власть цѣла и нерушима да пребудетъ надъ всѣми пресвитеры, во предѣлахъ ихъ сущими». Но на дѣлѣ, какъ мы видѣли, это коренное церковное законоположеніе весьма часто наруша-

([303]) Вилен. Арх. Сборн. VI, №№ 4. 8. 12. 18.

лось. По крайней мѣрѣ, епископы, во всѣхъ дѣлахъ между собою и съ митрополитомъ, обращались прямо къ королю, и митрополитъ только тогда судилъ епископовъ, когда это поручалъ ему самъ король. Даже міряне жаловались на своихъ епархіальныхъ владыкъ не митрополиту, а прямо королю: до того извращены были существовавшею практикою понятія православныхъ о церковной власти короля и такъ мало признавалась ими власть митрополита. Бѣлое духовенство въ епархіяхъ несомнѣнно подчинялось власти своихъ владыкъ, административной и судебной, хотя и тутъ нерѣдки были нарушенія права, то со стороны горожанъ, какъ въ Вильнѣ, то со стороны лицъ, имѣвшихъ приходскія церкви въ своемъ патронатствѣ. Но духовенство монашествующее подчинялось власти епархіальныхъ архіереевъ только въ тѣхъ монастыряхъ, которые не состояли подъ патронатствомъ какихъ либо сторонніхъ лицъ; въ монастыряхъ же, имѣвшихъ своими патронами или короля, или другихъ свѣтскихъ особъ, архіереямъ предоставлялось иногда судить лишь настоятелей по однимъ духовнымъ дѣламъ, а вся остальная власть находилась въ рукахъ самихъ настоятелей и еще болѣе въ рукахъ патроновъ. Церковному управленію и суду въ епархіяхъ подлежали и всѣ міряне по дѣламъ духовнымъ и, въ особенности, по дѣламъ брачнымъ, по дѣламъ любодѣянія и прелюбодѣянія, какъ ясно указано въ томъ же Ярославовомъ Свиткѣ. Органами церковнаго управленія и суда для епархіальныхъ владыкъ служили: а) такъ называвшійся крылосъ, состоявшій изъ постоянныхъ членовъ и временно приглашавшихся; б) намѣстники: духовнаго сана, избиравшіеся, большею частію, изъ мѣстныхъ крилошанъ, и свѣтскіе, завѣдывавшіе собственно церковными

имѣніями и доходами архіереевъ; в) протопопы и десятники, исполнявшіе свой долгъ по разнымъ городамъ и округамъ епархій.

Число храмовъ въ западно-русской церкви не только не уменьшалось, но еще увеличивалось: въ Вильнѣ, напримѣръ, ихъ было до 18-ти, если не до 20-ти, и во всякомъ случаѣ гораздо болѣе, по свидѣтельству Герберштейна, чѣмъ храмовъ латинскихъ; въ Пинскѣ 12, во Львовѣ 9, въ Овручѣ 8, въ Полоцкѣ 7, кромѣ семи монастырскихъ, въ Городнѣ 6 ([304]). Нѣкоторые изъ храмовъ, особенно въ монастыряхъ, отличались богатствомъ украшеній и церковной утвари. Мы уже упоминали, какими драгоцѣнными сосудами, облаченіями и книгами надѣлилъ дерманскій монастырь князь Константинъ Ивановичъ Острожскій. Теперь укажемъ еще на монастырь супрасльскій. Вся главная церковь его, во имя Благовѣщенія, была росписана разными изображеніями, равно какъ и ея алтарь; всѣ большія иконы въ нижнемъ ярусѣ ея иконостаса были въ серебряныхъ, позлащенныхъ ризахъ, съ такими же вѣнцами, украшенными жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Въ церквахъ монастырскихъ находилось нѣсколько серебря-

([304]) Герберштейнъ посѣтилъ Вильну въ 1516 и 1526 г., и говоритъ о ней: multo plura sunt Ruthenorum templa in ea, quam Romanae obedientiae (Rerum Moscovit. Commentarii, apud *Starczewsk.* I, 71). Кромѣ 18-ти православныхъ церквей въ Вильнѣ, перечисленныхъ нами прежде на основаніи современныхъ актовъ, мы уже указали на древнюю въ томъ же городѣ церковь св. пророка Иліи, не упомянутую въ этихъ актахъ (см. выше примѣч. 167). А теперь можемъ указать еще на церковь св. Варвары, упоминаемую Брауномъ въ его Описаніи Вильны, первой половины XVI в., хотя на самой картѣ Вильны онъ и не обозначилъ мѣста этой церкви (Civitates orbis terrarum: т. I-й изданъ въ 1523 г., т. II-й въ 1575 г., т. III-й въ 1581 г. Планъ или карта Вильны, помѣщенъ въ концѣ III-го тома; внизу плана поименованы главнѣйшія зданія и мѣстности города, въ томъ числѣ и церковь св. Варвары).

ныхъ и позлащенныхъ, разной величины, крестовъ, дискосовъ, потировъ, лжицъ, блюдъ; нѣсколько серебряныхъ подсвѣчниковъ, кіотовъ, кадилъ и другой церковной утвари; шесть большихъ напрестольныхъ евангелій, кованныхъ со всѣхъ сторонъ серебромъ и позлащенныхъ; множество ризъ, бархатныхъ, камчатныхъ, мухояровыхъ, шитыхъ золотомъ и жемчугомъ; а на колокольнѣ шесть колоколовъ. Богослужебныхъ книгъ, еще при трехъ первыхъ настоятеляхъ (1500—1532), въ монастырь пріобрѣтено: 7 служебниковъ, 4 апостола, между ними одинъ большой на пергаменѣ; 13 псалтырей, въ томъ числѣ большая, подаренная митрополитомъ Солтаномъ; 2 устава, 2 тріоди, постная и цвѣтная, 2 октоиха, 2 часослова великихъ, 12 миней старыхъ, 4 ирмолоя знаменныхъ и пятый безъ знаменья, требникъ, каноникъ, панихидникъ, три пролога полныхъ, на двѣнадцать мѣсяцевъ, и четвертый неполный, только на шесть мѣсяцевъ. При четвертомъ настоятелѣ, Сергіѣ Кимбарѣ (1532—1537) вновь поступили въ монастырь: евангеліе, четыре апостола, служебникъ, четыре псалтыри, уставъ, двѣ тріоди, два октоиха, три часослова, тринадцать миней новыхъ, два ирмолоя, два требника, два каноника, панихидникъ, минея новыхъ святыхъ. Достойно замѣчанія, что въ числѣ книгъ супрасльскаго монастыря упоминаются пять «книгъ битыхъ», т. е. печатныхъ, хотя и не сказано какихъ, и потомъ еще названы прямо псалтырь битая и битый апостолъ: эти послѣднія могли быть изъ тѣхъ, которыя напечатаны тогда (1525) въ Вильнѣ докторомъ Скориною, въ типографіи Бабича ([305]). Нѣсколько богослужебныхъ рукописныхъ книгъ того времени, употреблявшихся въ

([305]) Вилен. Археогр. Сборн. IX, стр. 49—55.

литовской митрополіи, сохранились доселѣ. Таковы — пять евангелій XVI в., изъ которыхъ одно, нобельское, писано въ 1520 г. при епископѣ туровскомъ и пинскомъ Іонѣ и князѣ Ѳедорѣ Ярославичѣ для николаевской церкви мѣстечка Нобли пинскаго повѣта, а другое, еленское, начала XVI вѣка, принадлежало николаевской церкви мѣстечка Елени въ брестскомъ повѣтѣ; два апостола, шесть мѣсячныхъ миней, двѣ цвѣтныхъ тріоди и одна постная, октоихъ, два пролога ([306]); еще октоихъ, писанный въ 1539 г. для николаевской церкви города Могилева, при митрополитѣ кіевскомъ Макаріѣ и полоцкомъ архіепископѣ Симеонѣ; служебникъ кіевскаго межигорскаго монастыря, писанный около половины XVI в.; архіерейскій служебникъ XVI в., употреблявшійся въ одной изъ литовскихъ епархій, хотя и перешедшій впослѣдствіи въ епархію ростовскую; другой архіерейскій служебникъ вмѣстѣ съ требникомъ начала XVI в., писанный, вѣроятно, въ Смоленскѣ, но употреблявшійся въ епархіи туровской и пинской еще при жизни князя Ѳедора Ярославича ([307]).

На основаніи трехъ послѣднихъ книгъ можемъ указать нѣкоторыя достопримѣчательности въ тогдашнихъ чинахъ западно-русской церкви. Въ чинѣ божественной литургіи на проскомидіи положено, по одному служебнику, шесть просфоръ, а по другому — пять. Предъ освященіемъ даровъ троекратно возглашалась молитва: «Господи, иже пресвятаго Твоего Духа». Литургію архіерей совершалъ при затворен-

([306]) Рукописн. Отдѣл. Вилен. публ. библ., №№ 10. 15. 16. 19. 20. 22. 25. 26. 29. 30. 23—37. 42—45.

([307]) Опис. рукоп. Моск. Синод. библ., отд. III, ч. I, №№ 356. 363. 377. 396, стр. 59. 91. 102. 206. 223—225. 457—458.

ныхъ царскихъ вратахъ, которыя отворялись, когда ему нужно было благословлять народъ. Во время сугубой ектеніи, когда діаконъ возглашалъ прошеніе о царѣ, святитель «двѣма свѣщама и двѣма пръстома» знаменалъ людей трижды. Для раздаянія антидора святитель исходилъ изъ алтаря самъ со всѣми сослужащими на свое обычное мѣсто, и здѣсь оканчивалъ литургію и разоблачался; а потомъ, облекшись въ мантію и клобукъ, садился на свою каѳедру и поучалъ православныхъ христіанъ отъ св. писаній. Въ чинѣ крещенія положено совершать таинство чрезъ троекратное погруженіе крещаемаго, но замѣчено: «если крещаемый младенецъ, то священникъ посаждаетъ его въ крестильницѣ по шею, придерживая лѣвою рукою, а правою, взявъ теплую воду, возливаетъ на главу его, чтобы онъ не залился; если же крещаемый уже смысленъ, тогда священникъ погружаетъ его въ три погруженія». Въ чинѣ принятія еретиковъ Хвалисянъ и другихъ нѣтъ извѣстной статьи съ проклятіемъ на не крестящихся двумя перстами, которая встрѣчается въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ спискахъ этого чина, писанныхъ въ Руси восточной. Чинъ поставленія епископскаго въ литовской митрополіи былъ тотъ же самый, что́ и въ митрополіи московской; но только въ первомъ — а) опущена была формула избранія епископскаго, предоставлявшая собору избирать трехъ кандидатовъ и имена ихъ представлять митрополиту, — опущена, безъ сомнѣнія, потому, что въ Литвѣ это дѣлалось иначе; б) въ обѣщаніи или присягѣ архіерейской, соотвѣтственно мѣстнымъ обстоятельствамъ, сказано: «не хотѣти ми пріимати иного митрополита, развѣе кого поставятъ изъ Цариграда, какъ то изначала есмо пріяли», и в) въ дальнѣйшихъ словахъ тойже присяги: «къ симъ же

исповѣдую не оставити во всемъ своемъ предѣлѣ ни единогожъ отъ нашея православныя вѣры къ Арменомъ свадбы творити, и кумовства, и братства, *такоже и къ латыномъ*»,— послѣднее выраженіе, соотвѣтственно также мѣстнымъ обстоятельствамъ, исключено и замѣнено словами: «и иныхъ еретикъ, которыхъ вселенскіи соборы прокляли». По чину избранія и поставленія священническаго и діаконскаго, дьякъ, искавшій свящ. сана, являлся къ своему архіерею и подавалъ ему, чрезъ его архидіакона, свою просьбу и письменное свидѣтельство о своихъ качествахъ и поведеніи отъ родныхъ и сосѣдей, а иногда такія справки о просителѣ архіерей поручалъ собирать своему «ряднику», на то установленному. Если свидѣтельство было благопріятно, рядникъ, по приказанію владыки, подвергалъ просителя испытанію въ чтеніи; если онъ былъ еще не гораздъ граматѣ, ему предлагали доучиться и назначали срокъ; а если рядникъ свидѣтельствовалъ, что проситель «умѣетъ граматѣ гораздо», то владыка, испытавъ его еще самъ по псалтырю, апостолу и евангелію, отсылалъ къ духовнику, который долженъ былъ, по опредѣленной формѣ, дать поручальный листъ, что ставленникъ на исповѣди оказался достойнымъ священства, а «не холопъ, не тать, не разбойникъ, не измѣнникъ, не душегубецъ, не двоеженецъ, и не долженъ никому». Предъ литургіею, за которою имѣло совершиться посвященіе ставленника въ санъ діакона или священника, этотъ листъ духовника, по приказанію владыки, читался въ присутствіи сослужащихъ священниковъ; потомъ духовникъ долженъ былъ еще три раза словесно подтвердить, что ручается за достоинство ставленника, и этотъ отзывъ, засвидѣтельствованный всѣми сослужащими священниками, вносился дьякомъ въ книги. При самомъ посвященіи діакона, возглашеніе «аксіосъ» употреблялось только однажды, когда на ставленника возлагался орарь; а при посвященіи пресвитера возглашалось не греческое «аксіосъ» а русское «достоинъ». Послѣ рукоположенія новопоставленный долженъ былъ шесть недѣль служить въ большой соборной церкви, діаконъ подъ руководствомъ діакона, а священникъ подъ руководствомъ священника и потомъ платилъ своему руководителю, за обученіе, «куницу — 12 грошей». Иногда святитель приказывалъ новопоставленному поучиться еще въ своей домовой, архіерейской церкви. А за тѣмъ выдавалъ ему хиротонію или ставленую грамату и отпускалъ на приходъ. Подобныя же граматы, писанныя по опредѣленной формѣ, выдавались протоіереямъ, протодіаконамъ, духовникамъ ([308]).

Объ училищахъ въ литовской митрополіи, за первую половину XVI в., вовсе не встрѣчаемъ извѣстій, хотя, разумѣется, должны же были существовать, по мѣстамъ, какія либо первоначальныя, домашнія, школы, гдѣ обучались граматѣ будущіе ставленники на церковныя степени ([309]). Не встрѣчаемъ равно никакихъ слѣдовъ мѣстной оригинальной духовной литературы: нѣсколько уцѣлѣвшихъ архипастырскихъ граматъ и посланій, по самому ихъ характеру, не могутъ быть отнесены къ этой литературѣ. Отъ митрополита

([308]) Опис. рукоп. М. Синод. библ., отд. II, ч. 3, стр. 767—770; отд. III, ч. 1, стр. 96. 98. 99—103. 207. 209—210. 217. 221. 225. 226.

([309]) Ярошевичъ, упоминая о русскихъ школахъ этого времени, ссылается на существующую нынѣ въ кіево-печерской лаврѣ надъ гробомъ князя К. Ив. Острожскаго надпись, въ которой сказано, что онъ создалъ «ради отроковъ училища» (Obraz Litwy, III, 82). Но эта надпись составлена только въ прошломъ столѣтіи, а въ прежней надписи, существовавшей еще въ XVII в., объ училищахъ вовсе не упоминалось (см. *Кальнофойск.* Тератургим.).

Іосифа Солтана дошла до насъ разрѣшительная или «прощальная» грамата, которую онъ написалъ для священника Закхея, по его просьбѣ; но она составлена по образцу разрѣшительной граматы, влагаемой въ руки покойниковъ, а равно и по образцу тѣхъ разрѣшительныхъ граматъ, какія давались и доселѣ даются еще живымъ восточными патріархами ([310]). Отъ митрополита Іосифа III сохранились четыре извѣстныя уже намъ посланія или письма, касавшіяся трокскаго богородичнаго монастыря и одной трокской церкви; но письма эти дѣловыя и составлены, конечно, не самимъ митрополитомъ, а его дьякомъ—секретаремъ ([311]). Отъ митрополита Макарія II — окружное посланіе о пожертвованіяхъ на возобновленіе успенской церкви во Львовѣ и до шести благословенныхъ граматъ на поставленіе священниковъ къ виленскимъ церквамъ; но и посланіе и граматы написаны по готовымъ формамъ, прежде существовавшимъ ([312]). Не говоримъ уже о другихъ, еще болѣе оффиціальныхъ и дѣловыхъ, граматахъ митрополичьихъ и вообще архіерейскихъ. Извѣстны также, не менѣе дѣловаго характера, письменныя обязательства священниковъ при поступленіи ихъ на должность къ той или другой церкви и ихъ духовныя завѣщанія ([313]). Впрочемъ, несмотря на совершенное отсутствіе какихъ либо оригинальныхъ духовныхъ произведеній въ тогдашней западно-русской церкви, духовная литература и письменность существовали въ ней довольно въ значительномъ

([310]) См. выше примѣч. 159. Снес. А. И. I, № 72.

([311]) Вилен. Археогр. Сборн. V, №№ 2—5.

([312]) А. З. Р. III, № 6; Вилен. Арх. Сборн. VI, №№ 15. 19. Еще четыре благословенныя граматы митр. Макарія напечатаны въ Литов. Епарх. Вѣдом. 1866 г., № 1, стр. 26—31. Такія же граматы давали митрополиты и въ послѣдующее время (Вилен. Арх. Сборн. VI, № 33 и др.).

([313]) Вилен. Археогр. Сборн. VI, №№ 5. 21. 25. 31 и друг.

размѣрѣ, какъ можно догадываться на основаніи перечня книгъ, составлявшихъ библіотеку супрасльскаго монастыря въ первой половинѣ XVI в., и нѣсколькихъ книгъ того времени, сохранившихся доселѣ въ виленскихъ библіотекахъ, публичной и литовской семинаріи. Въ супрасльской библіотекѣ число книгъ восходило до двухъ сотъ, и въ томъ числѣ, кромѣ упомянутыхъ уже нами богослужебныхъ, находились: а) книги свящ. писанія: Бытія, Іисуса Навина, Царствъ, псалмовъ, пророчествъ, всѣ книги новозавѣтныя; б) толкованія на свящ. писаніе: толковое евангеліе въ трехъ экземплярахъ, учительное евангеліе въ трехъ экземплярахъ, толковый апостолъ, толковая псалтырь въ трехъ экземплярахъ, толковый Апокалипсисъ; в) писанія св. отцевъ и учителей церкви: Діонисія ареопагита, Кирилла іерусалимскаго, Ефрема сирина въ двухъ книгахъ, Василія великаго, Григорія богослова, Іоанна Златоустаго въ четырехъ книгахъ, Григорія двоеслова въ двухъ книгахъ, Іоанна дамаскина, Исаака сиріанина въ двухъ книгахъ, Іоанна лѣствичника въ пяти экземплярахъ, Антіоха, Григорія синаита, Григорія амаритскаго, Дороѳея, Василія новаго, Ѳеодора студиты; г) книги каноническаго содержанія: книга великихъ правилъ церковныхъ, т. е. кормчая въ трехъ экземплярахъ, книга Зонара, книжка номоканонъ (вѣроятно малый), книга Никона черногорца, правила чернеческаго житія келейнаго; д) книги историческаго содержанія: Палея, Временникъ, выписанный изъ временника Константина Манасіи, книга о плѣненіи Іерусалимскомъ, царственный лѣтописецъ, книга «Козьма Индикопловъ», двѣ книги Симеона метафраста, житія Ѳеодосія киновіарха и другихъ святыхъ, житія Кипріана и иныхъ святыхъ, житіе Аѳанасія аѳонскаго, житіе

Андрея юродиваго, житіе преп. Сергія радонежскаго, сборникъ новыхъ святыхъ, пять книгъ отечниковъ, отечникъ египетскій, кіево-печерскій патерикъ; е) сборники учительнаго, историческаго и вообще разнообразнаго содержанія: Измарагдъ, Златая цѣпь, Маргаритъ въ двухъ экземплярахъ, книга «Криница», книга «Десятословъ», девять сборниковъ безъименныхъ, собраніе словъ на четыредесятницу и пятидесятницу, книжка на Латынянъ, книга «Зерцало»; ж) апокрифическія сочиненія: книга «Асафъ (индѣйскій царевичь) и хожденіе Данііlово», книга «12 Іаковличовъ» т. е. патріарховъ (314). Въ виленской публичной библіотекѣ хранится драгоцѣнная рукопись «Пятокнижіе Моусеево», писанное въ 1514 г., по повелѣнію и благословенію митрополита Іосифа Солтана, дьякомъ митрополичьимъ Ѳедоромъ, въ Вильнѣ, «въ *обители* пречистыя Богоматере, чесного Ея успенія», т. е. въ митрополичьемъ домѣ, въ которомъ, вѣроятно, обитали и иноки, находившемся въ Вильнѣ подлѣ пречистенскаго успенскаго собора. Прежде рукопись эта принадлежала супрасльскому монастырю (315). Въ библіотекѣ литовской семинаріи находятся: а) св. Іоанна Златоуста бесѣды на еванг. Матѳея, XV—XVI в., № 22, безъ первыхъ и послѣднихъ листовъ; б) св. Исаака Сирина поученія, XV—XVI в., № 6: книга сохранилась только до 46 главы и принадлежала прежде жировицкому монастырю; в) Симеона, новаго богослова, 30 словъ, XVI в., № 26, безъ нѣсколькихъ начальныхъ листовъ: принадлежала дерманскому монастырю; г) книга «Измарагдъ» XVI в., № 7: уцѣлѣла только до 155 главы; д) книга, заключающая въ себѣ: кіево-печерскій патерикъ и потомъ собраніе словъ изъ св. отцевъ до 35, XVI в., № 27: принадлежала жировицкому монастырю; е) два сборника поученій изъ св. отцевъ, въ томъ числѣ и слово Григорія Самвлака о усопшихъ въ вѣрѣ, XVI в., №№ 8. 9: оба безъ начала и конца; принадлежали жировицкому монастырю; ж) Списокъ Сборника Святославова, XVI в., № 10: недостаетъ только въ началѣ двухъ или трехъ листовъ первой статьи и въ концѣ одного или двухъ листовъ оглавленія; з) Сказанія полезнаа о латинахъ, когда отлучишася отъ грекъ и св. Божія церкве, XVI в., № 28: всего до десяти статей (316). Извѣстно, что въ 1525 г. явилась въ Вильнѣ типографія Бабича, первая въ литовскомъ государствѣ, въ которой напечатаны тогда на литовско-русскомъ нарѣчіи докторомъ Франциском Скориною, родомъ изъ Полоцка, а вѣрою римско-католикомъ: Апостолъ и «Подорожная книжица»—большой Сборникъ, за-

(314) Виленск. Археогр. Сборн. IX, стр. 53—55. Великую книгу «Десятословъ» пожертвовалъ въ супрасльскій монастырь «благородный Матѳей Іоанновичь, зъ Торопца мѣста, зъ Москвы», въ 1507 году (Рукописн. отд. Вилен. публ. библ., стр. 17).

(315) Рукоп. отд. Вилен. публ. библ., № 12.

(316) Списокъ Святославова Сборника во всемъ сходенъ съ спискомъ Румянцевскаго Музеума, № 356; только оглавленіе статей помѣщено не въ началѣ, а въ концѣ. Въ книгѣ «Сказанія полезнаа о латинахъ» помѣщены: 1) повѣсть о латинахъ (л. 1—13), находящаяся въ кормчей Румянц. Музеума (Опис. стр. 306); 2) исповѣданіе вкратцѣ, како и коего ради отлучитася отъ насъ латина (л. 14—18), находящ. тамъ же (—307); 3) сказаніе 12 апостолу о латинѣхъ (л. 18—71), находящ. тамъ же (—300); 4) посланіе Доминика архіепископа венетійскаго къ свят. патріарху Антіохіи киръ Петру объ опрѣсноках (л. 71—74) и отписаніе этого послѣдняго къ Доминику (л. 74—92); 5) мелкія статьи: Михаила Синкелла (л. 92 — 93), Германа патріарха къ латинамъ (л. 93—94), исповѣданіе папы римскаго, еже принесоша отвѣтници его—фременуріи къ патр. Константина града Герману (л. 94—98); Германа патріарха сборъ свидѣтельствъ изъ отцевъ о томъ, что Духъ Святый исходитъ только отъ Отца (л. 98—107), и Фотія патріарха къ римлянамъ о Св. Духѣ и объ опрѣсноках (л. 107—110).

ключавшій въ себѣ псалтырь, часословецъ, акаѳистникъ, шестодневъ, пасхалію и святцы, и что еще прежде (1517—1519) издана была въ Прагѣ вся библія, точнѣе, весь ветхій завѣтъ, въ 22 книгахъ, переведенная на литовско-русское нарѣчіе тѣмъ же докторомъ Скориною съ латинской Вулгаты ([317]). Есть указанія, что этихъ книгъ, хотя переведенныхъ латинянином и для латинянъ, не чуждались и православные и допускали ихъ, если не въ церковное, то въ домашнее свое употребленіе. Мы уже упоминали о «битыхъ», т. е. печатныхъ апостолѣ и псалтыри и другихъ пяти книгахъ, находившихся въ библіотекѣ супрасльскаго монастыря; теперь прибавимъ, что въ 1522 г. одинъ священникъ виленской юрьевской церкви, о. Матѳей, въ своемъ духовномъ завѣщаніи, распредѣляя свои домашнія книги между разными лицами, назначилъ воскресенскому попу Ѳедору «выбойную книгу Царства». Эта печатная книга была, безъ сомнѣнія, изъ числа изданныхъ докторомъ Скориною: потому что другихъ изданій славянской библіи и, въ частности, книги царствъ тогда еще не было ([318]).

О религіозномъ и нравственномъ состояніи православныхъ въ литовскомъ государствѣ сохранилось мало отзывовъ благопріятныхъ, а больше неблагопріятныхъ. Ученый Браунъ, житель Кельна, католикъ духовнаго званія, въ своемъ описаніи Вильны, относящемся къ первой половинѣ XVI в., говоритъ, между прочимъ: «въ Вильнѣ много храмовъ каменныхъ, а нѣкоторые деревянные, и послѣдователямъ разныхъ вѣръ дозво-

([317]) *Сахаров.* Обозр. Славяно-русск. библіогр., №№ 10. 13. 14. Подробнѣе о «Подорожной книжицѣ»—въ Памятн. Русской старины въ западн. губ. имперіи, VI, 144—148.

([318]) Вилен. Археогр. Сборн. VI, № 5, стр. 13.

ляется, каждому, держаться своего вѣроисповѣданія». Это касается всѣхъ вообще жителей Вильны, но свидѣтельствуетъ, что и православные здѣсь не терпѣли тогда стѣсненій въ своей вѣрѣ. А вотъ слова и прямо о православныхъ: «религію въ этомъ городѣ исповѣдуютъ особенную, удивительную. Литургію въ храмахъ слушаютъ съ великимъ благоговѣніемъ; священникъ, совершающій св. тайны, находится за распростертою завѣсою, которая его закрываетъ, и когда эта завѣса отодвигается, трудно сказать, съ какимъ усердіемъ и сокрушеніемъ предстоящіе ударяютъ себя не только въ грудь, но и въ лицо (т. е. возлагаютъ на себя крестное знаменіе). Тѣ, которые въ предшествовавшую ночь воспользовались брачными удовольствіями, на слѣдующій день, по религіозному чувству, не входятъ въ храмъ, но, стоя внѣ, на паперти, созерцаютъ жертвоприносящаго чрезъ отверстія храма (обычай, существовавшій и въ московскомъ государствѣ). Въ другое время они часто совершаютъ молитвенныя стоянія и крестные ходы съ иконами святыхъ; преимущественно носятъ иконы св. Павла и Николая, которыхъ они особенно почитаютъ» ([319]). Михалонъ, литвинъ, римской вѣры, въ своемъ сочиненіи «о правахъ Татаръ, Литовцевъ и Москвитянъ», написанномъ въ 1550 г. для молодаго короля Сигизмунда Августа, весьма невыгодно отзывается о своихъ соотечественникахъ, большинство которыхъ составляли православные. Какъ на первое зло, господствовавшее въ литовскомъ государствѣ, онъ указываетъ на пьянство: «въ городахъ литовскихъ нѣтъ болѣе частныхъ заво-

([319]) *Браун.* Civitates orbis terrarum. Описаніе Вильны помѣщено предъ картою Вильны, въ концѣ III-го тома (см. выше примѣч. 304). Въ русскомъ переводѣ оно напечатано—въ Памятн. Русск. старины въ запад. губ. имперіи, VI, 115—118.

довъ, какъ тѣ, на которыхъ варится изъ жита водка и пиво. Эти напитки жители берутъ съ собою на войну и, сдѣлавъ къ нимъ навыкъ дома, если случится имъ во время войны пить непривычную воду, гибнутъ отъ судорогъ и поноса. Крестьяне, оставивъ поле, идутъ въ шинки и пируютъ тамъ дни и ночи, заставляя ученыхъ медвѣдей увеселять себя пляскою подъ волынку. Отсюда происходитъ то, что, потративъ свое имущество, они доходятъ до голода, обращаются къ воровству и разбою, такъ что въ каждой литовской провинціи въ одинъ мѣсяцъ больше людей казнятъ смертію за эти преступленія, нежели во всѣхъ земляхъ татарскихъ и московскихъ впродолженіе ста или двухъ сотъ лѣтъ... День начинается питьемъ водки; еще въ постели кричатъ: «вина, вина», и пьютъ этотъ ядъ и мущины, и женщины, и юноши, на улицахъ, на площадяхъ, а напившись, ничего не могутъ дѣлать, какъ только спать, и кто разъ привыкъ къ этому злу, въ томъ постоянно возрастаетъ страсть къ пьянству». Нельзя здѣсь, кстати, не замѣтить, что пьянство сильно было въ Литвѣ и во второй половинѣ XV вѣка. Контарини, когда въ 1474 г. прибылъ въ первый литовскій городъ, Луцкъ, то увидѣлъ, что «всѣ жители, по случаю бывшей тамъ свадьбы, напились до пьяна»; а посѣтивъ Кіевъ и проживъ въ немъ десять дней, написалъ о немъ: «жители Кіева обыкновенно проводятъ утро, до трехъ часовъ, въ занятіяхъ, а потомъ отправляются въ шинки, гдѣ остаются вплоть до самой ночи и, нерѣдко напившись до пьяна, заводятъ между собою драки» ([320]). Подробно изображаетъ за тѣмъ Михалонъ поборы, господствовавшіе въ литов-

([320]) *Контарини* Путешествіе, въ Библіот. иностр. писателей о Россіи, I, отд. II, стр. 20. 21.

скихъ судахъ: «у насъ судья беретъ десятую часть цѣны спорной вещи съ невиннаго истца...; слуга судьи, исполнитель приговора, беретъ также десятую часть цѣны вещи...; нотаріусъ тоже беретъ десятую часть...; беретъ и другой подчиненный судьи, называемый «вишъ», который назначаетъ день суда...; беретъ и чиновникъ, называемый «дѣтскій», который призываетъ подсудимаго...; беретъ и третій, нисшій чиновникъ, который призываетъ свидѣтелей... Если у бѣднаго подсудимаго нѣтъ столько денегъ, то у него отбираютъ скотъ... Есть у насъ сорокъ дней, посвященныхъ воспоминанію страстей Господнихъ, посту и молитвѣ, и мы проводимъ ихъ въ тяжбахъ». До какой степени въ Литвѣ было укоренено и распространено взяточничество, можно заключать изъ того, что самъ король и королева, какъ мы видѣли, не чуждались брать взятки не только деньгами, но и волами, отъ людей, искавшихъ у нихъ милости и праваго суда. Еще далѣе Михалонъ съ горестію говоритъ о существовавшихъ въ Литвѣ отношеніяхъ къ рабамъ и вообще къ бѣднымъ людямъ: «мы держимъ въ безпрерывномъ рабствѣ людей своихъ, добытыхъ не войною и не куплею, принадлежащихъ не къ чужому, но къ нашему племени и вѣрѣ, сиротъ, неимущихъ, попавшихъ въ сѣти чрезъ бракъ съ рабынями. Мы злоупотребляемъ нашею властію надъ ними, мучая ихъ, уродуя, убивая безъ суда, по одному подозрѣнію. У Татаръ и Москвитянъ ни одинъ чиновникъ не можетъ убить человѣка, даже при очевидномъ преступленіи: это право предоставлено только судьямъ въ главномъ городѣ. А у насъ по всѣмъ селамъ и деревнямъ дѣлаются приговоры о жизни людей. Къ тому же мы собираемъ

на государство подати съ однихъ только подвластныхъ намъ бѣдныхъ горожанъ и еще съ бѣднѣйшихъ пахарей, оставляя въ покоѣ владѣльцевъ имѣній, которые получаютъ гораздо болѣе съ своихъ владѣній, съ пашней, луговъ и пастбищъ, съ лѣсовъ и рощей, съ рынковъ и пристаней, съ мельницъ, со стадъ» и проч. Слѣдуетъ присовокупить, что Михалонъ, изображая мрачными чертами нравы своего отечества, не дѣлаетъ никакихъ исключеній въ пользу своихъ единовѣрцевъ, напротивъ съ особенною рѣзкостью порицаетъ своихъ латинскихъ священниковъ и свидѣтельствуетъ, что они жили, какъ изнѣженные сибариты, держали наложницъ, одѣвались великолѣпно, предавались праздности и пиршествамъ, слагая всѣ свои обязанности на своихъ викаріевъ, и, не довольствуясь доходами съ своихъ богатыхъ имѣній и обильными приношеніями отъ прихожанъ, домогались еще управленія многими церквами разомъ, которыя и отдавали въ наемъ мірянамъ и торговцамъ: значитъ, латинское духовенство было тогда въ Литвѣ не только не выше, а еще ниже православнаго, и отъ латинскихъ-то ксендзовъ переняли тогда и нѣкоторые православные выпрашивать себѣ у короля по нѣскольку церквей въ управленіе, чтобы пользоваться съ нихъ доходами ([321]). Весьма также распространеннымъ порокомъ въ Литвѣ, какъ между православными, такъ и между католиками, было распутство и развратъ: на это, какъ мы видѣли, жаловался королю еще въ 1509 — 1511 г. митрополитъ Іосифъ Солтанъ, а потомъ, въ 1548 г., жаловался и виленскій бискупъ Павелъ ([322]).

([321]) Отрывки изъ сочиненія Михалона, въ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ, напечатаны въ Архивѣ историко-юридич. свѣдѣній о Россіи, кн. II, отд. V. См. стр. 31—33. 35. 37. 39. 43. 47. 49. 75. 77.

([322]) А. З. Р. II, №№ 51. 77; III, № 8.

Самое важное и самое прискорбное свидѣтельство о томъ, до чего доведена была въ литовскомъ государствѣ православная церковь подъ конецъ настоящаго періода, представляетъ грамата короля Сигизмунда I къ митрополиту Макарію въ 1546 году. «Мы узнали отъ многихъ князей и пановъ, писалъ король митрополиту, да и слухи къ намъ доходятъ о безпорядкахъ и неисправностяхъ, какіе совершаются между вашимъ духовенствомъ греческаго закона, также между князьями и панами и простыми людьми въ вашемъ законѣ, а особенно между всѣми владыками, какъ на Волыни: между ними происходятъ великія заблужденія и распущенность, вопреки правилъ св. отцевъ и справедливости, а ты, ихъ старшій пастырь, не хочешь того знать и преслѣдовать. Посему мы, обращая вниманіе, прежде всего, на церкви Божіи христіанской вѣры и желая привести въ добрый порядокъ, какъ наши римскіе костелы (значитъ и тамъ было не лучше), такъ и ваши церкви, разсудили, чтобы твоя милость созвалъ духовный соборъ со всей твоей митрополіи и пригласилъ на него всѣхъ епископовъ нашими господарскими листами, и архимандритовъ, и все духовенство, и разсудивъ съ ними о всемъ томъ нестроеніи вашего закона, учинилъ, по правиламъ св. отцевъ, надлежащее постановленіе, какъ наказывать виновныхъ и утвердить порядокъ въ вашемъ законѣ». За тѣмъ король назначилъ мѣстомъ для собора городъ Вильну, а временемъ—день вознесенія Господня, и присовокупилъ: «а мы во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ желаемъ помогать твоей милости, чтобы въ нашемъ государствѣ не было между христіанами никакого заблужденія и нестроенія, которое зачалось и происходитъ

нынѣ» ([323]). Воля короля, безъ сомнѣнія, была исполнена, и соборъ состоялся, хотя мы и не имѣемъ о немъ никакихъ извѣстій; но соборъ не въ силахъ былъ искоренить зла, какія бы ни принялъ противъ него мѣры. Главный корень зла и всего нестроенія въ православномъ духовенствѣ, особенно высшемъ, а за тѣмъ и во всей православной паствѣ, заключался, какъ мы не разъ замѣчали, въ правѣ подаванья, или произволѣ короля, по которому онъ раздавалъ архіерейскія каѳедры и настоятельства въ монастыряхъ, кому хотѣлъ, большею частію, людямъ недостойнымъ, искавшимъ только хлѣбныхъ мѣстъ и жившимъ только для себя, а вовсе не заботившимся ни о вѣрѣ, ни о своихъ духовныхъ обязанностяхъ. Король не понималъ или не хотѣлъ понять этого, хотя и предлагалъ митрополиту свое господарское содѣйствіе къ искорененію безпорядковъ въ православной церкви.

([323]) А. З. Р. III, № 3

ГЛАВА III.

БОРЬБА ПРАВОСЛАВІЯ СЪ ПРОТЕСТАНТСТВОМЪ И ІЕЗУИТАМИ, И НОВЫЯ, УСИЛЕННЫЯ ПОПЫТКИ КЪ УНІИ.

I.

Въ то время, когда западно-русская церковь доведена была, благодаря особенно самовластію надъ нею литовско-польскихъ государей, до такого жалкаго состоянія и нравственнаго безсилія, предъ нею явился новый врагъ, котораго, на первыхъ порахъ, она могла и не признать своимъ врагомъ: такъ какъ онъ непосредственно устремился противъ исконнаго ея врага—латинства. Этимъ новымъ врагомъ для православной церкви въ Литвѣ и Польшѣ, какъ и для латинской, было протестантство. Оно начало проникать въ предѣлы Литвы и Польши еще въ предшествовавшій періодъ излагаемой нами исторіи, но съ наступленіемъ настоящаго дѣйствовало здѣсь уже со всею силою, такъ что намъ необходимо теперь, прежде всего, ознакомиться съ этимъ новымъ врагомъ западно-русской церкви.

По сосѣдству Польши съ Германіею, гдѣ въ 1517 г. Лютеръ поднялъ знамя протеста противъ папскихъ заблужденій и злоупотребленій, протестантскія идеи вторгались въ Поль-

© ГПНТБ

шу съ изумительною быстротою и находили для себя здѣсь не менѣе подготовленную почву, какъ и въ Германіи. Главными проводниками для нихъ служили сочиненія Лютера, Калвина и другихъ реформаторовъ и потомъ воспитаніе польскихъ юношей въ германскихъ университетахъ, особенно протестантскихъ. Въ 1520 г. польское духовенство уже сочло нужнымъ собраться въ Піотрковѣ на соборъ, на которомъ, подъ предсѣдательствомъ своего примаса, гнѣзненскаго архіепископа Яна Ласскаго, строжайшимъ образомъ запретило для всѣхъ поляковъ чтеніе лютеранскихъ и вообще еретическихъ сочиненій, и это запрещеніе подтверждало потомъ на такихъ же соборахъ въ Ленчицѣ и Піотрковѣ, бывшихъ въ 1523, 1530 и 1532 годахъ. А польское правительство въ томъ же 1520 г. сдѣлало, съ своей стороны, на торунскомъ сеймѣ постановленіе, которымъ запрещалось полякамъ, «подъ страхомъ конфискаціи всего имѣнія и вѣчнаго изгнанія изъ отечества, ввозить, продавать и употреблять книги Лютера». Но эти мѣры оказались недѣйствительными. Въ самой столицѣ Польши—Краковѣ, при тамошнемъ университетѣ, публично продавались сочиненія лютеровы, и многіе читали ихъ, увлекались ими, даже открыто принимали, проповѣдывали и защищали лютеранское ученіе, такъ что въ 1523 г. король Сигизмундъ I нашелся вынужденнымъ издать краковскому воеводѣ Криштофу Шидловецкому универсалъ, въ которомъ, указывая на все это, строго подтверждалъ, чтобы «никто не вносилъ въ королевство книгъ Лютера или кого либо изъ его послѣдователей...; никто, подъ страхомъ смертной казни и конфискаціи всего имущества, не осмѣливался одобрять, а тѣмъ болѣе проповѣдывать и распространять его зловредное

и уже осужденное ученіе». Еще сильнѣе лютеранское движеніе обнаружилось въ Данцигѣ, гдѣ въ 1524 г. пять латинскихъ костеловъ обращены были въ протестантскія кирки, а вскорѣ возмутившимися жителями католичество ниспровергнуто и во всемъ городѣ, во всѣхъ его костелахъ и монастыряхъ, и многіе даже ксендзы, монахи и монахини отпали отъ римской церкви. Въ своемъ универсалѣ 1526 г., направленномъ противъ этихъ безпорядковъ, Сигизмундъ повелѣвалъ, чтобы латинская вѣра непремѣнно была возстановлена во всемъ Данцигѣ, чтобы отпавшіе отъ нея ксендзы, монахи и монахини выѣхали изъ Польши въ 24 часа, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, смертной казни, и чтобы вообще всѣ, кому не нравится оставаться въ римской вѣрѣ, выѣхали изъ отечества втеченіе двухъ недѣль, во избѣжаніе также смертной казни и конфискаціи имущества. За Данцигомъ послѣдовали Сандоміръ и другіе польскіе города. Въ универсалѣ 1534 г., данномъ на имя сандомірскаго каштеляна Петра Кмиты, король писалъ: «въ королевствѣ явилось много людей, жадныхъ до новизны, которые не только тайно, но и явно принимаютъ и распространяютъ осужденныя соборами ереси...; посылаютъ своихъ молодыхъ родственниковъ въ Виттенбергъ, чтобы они, напитавшись съ молодости ученіемъ Лютера, тѣмъ съ большимъ жаромъ, по возвращеніи въ отечество, распространяли это ученіе; а иные, по своей волѣ и по совѣту друзей, нарочно ѣздятъ къ Лютеру и другимъ начальникамъ новыхъ сектъ, чтобы ближе узнать и усвоить себѣ ихъ заблужденія». За тѣмъ король приказывалъ карать всякаго, кто осмѣлится что либо говорить или дѣлать противъ римской церкви; подвергать изгнанію изъ отечества

всѣхъ, отправляющихся къ Лютеру и другимъ реформаторамъ для изученія ихъ заблужденій и проч. ([324]). Наконецъ, въ 1541 г. Сигизмундъ издалъ общее постановленіе для всей Польши, которымъ запрещалъ приглашать въ нее учителей изъ Германіи и отпускать юношей въ германскіе университеты, а всѣхъ, заразившихся какою либо ересью, повелѣвалъ лишать дворянскаго достоинства и наказывать, какъ виновныхъ въ оскорбленіи королевскаго величества и въ измѣнѣ отечеству. И хотя черезъ два года юношамъ разрѣшено было ѣздить для науки въ заграничныя академіи, но съ тѣмъ, чтобы они, по возвращеніи на родину, не привозили сюда запрещенныхъ книгъ и не смѣли разглашать здѣсь новыхъ ученій ([325]).

Въ Литву протестантство могло проникнуть не только изъ Польши, но изъ самой Германіи и особенно изъ сосѣднихъ странъ, восточной Пруссіи и Ливоніи, съ которыми Вильна и другіе литовскіе города находились въ ближайшихъ торговыхъ сношеніяхъ: въ Ригѣ реформація водворилась въ 1522 г., и за тѣмъ въ Дерптѣ, Ревелѣ и другихъ мѣстахъ Ливоніи, и взволнованный народъ, опустошая и разоряя ла-

([324]) Всѣ указанные королевскіе декреты и опредѣленія провинціальныхъ синодовъ въ Польшѣ противъ диссидентовъ, вмѣстѣ съ другими такими же актами, напечатаны, частію цѣликомъ, а больше въ краткомъ изложеніи, при книгѣ: *Kassyana Korczynskiego* Kazania na Swięta całego roku. T. IV, str. 180—207, Krakow. 1767. А перечень самихъ диссидентовъ, появившихся тогда въ Польшѣ, можно видѣть въ книгѣ: *Theodora Ostrowskiego* Dzieje i Prawa Kościoła Polskiego, III, 51 — 53, Poznań, 1846. Король Сигизмундъ писалъ къ папѣ Пію III (отъ 31 окт. 1534 г.) и обѣщался, se nihil omissurum, ut labes haeretica a regno suo arceatur (*Theiner*, Veter. Monum. Polon. et Lith. II, № 563, p. 509).

([325]) *Koialowicz*, Miscellanea, 62.

тинскіе костелы, сжегъ и находившіяся тамъ русскія церкви; а восточные пруссы приняли лютеранское ученіе въ 1525 г. вслѣдъ за своимъ великимъ магистромъ Албертомъ, который, ревнуя о новой вѣрѣ, приказалъ впослѣдствіи перевесть на литовскій языкъ разныя лютеранскія книги и распространять ихъ между литовцами, особенно на Жмуди ([326]). Какъ бы то ни было, только въ 1535 г., Сигизмундъ издалъ въ Вильнѣ для всего вел. княжества литовскаго первый декретъ, направленный противъ послѣдователей лютеранства, совершенно подобный, по строгости и угрозамъ, тѣмъ декретамъ, какіе прежде изданы были королемъ для Польши. А около 1539 г. явился въ Литвѣ и открытый проповѣдникъ лютеранизма Авраамъ Кульва. Онъ былъ родомъ литвинъ, получилъ образованіе въ Германіи и, возвратившись въ отечество съ ученою степенью доктора богословія и съ званіемъ ксендза, началъ однакожъ распространять въ Вильнѣ не римское, но лютеранское ученіе, не только съ церковной каѳедры, но и въ школѣ, въ которой собиралось до 60-ти учениковъ, и увлекъ многихъ. По просьбѣ виленскаго бискупа Павла Гольшанскаго, король далъ грамату (1542 г.), чтобы Кульва предсталъ на духовный судъ, или былъ представленъ силою,—и Кульва счелъ за лучшее тайно удалиться изъ Вильны, и потомъ, по волѣ прусскаго магистра Альберта I, занялъ каѳедру богословія въ только-что основанномъ кенигсбергскомъ университетѣ. Между тѣмъ Сигизмундъ распространилъ въ 1541 г. и на Литву свой декретъ, изданный тогда для Поль-

([326]) *Dionisii Fabricii* Livonicae historiae compendiosa series, in Script. rerum livonic. II, 467 — 471, ed. 1847; *Lucaszewicza* Dzieje cosciołów Wyznania Helweckiego w Litwie, I, str. 4, Poznań, 1842.

ши, которымъ запрещалось вызывать учителей изъ Германіи, посылать туда юношей для образованія, и заразившіеся ересію лишались дворянства; а въ слѣдующемъ году подтвердилъ за всѣми литовскими бискупами власть судить еретиковъ и подвергать ихъ наказаніямъ согласно съ королевскими декретами. Но всѣ эти запрещенія и подтвержденія не могли ничего сдѣлать, особенно съ 1544 г., когда старый король, по просьбѣ литовцевъ, передалъ власть надъ великимъ княжествомъ литовскимъ сыну своему, Сигизмунду Августу, который тогда же и переселился въ Вильну. Воспитанный въ такое время, когда протестантскія идеи были господствующими во всей Европѣ и съ дѣтства находясь подъ вліяніемъ людей, проникнутыхъ этими идеями, каковъ былъ, наприм., духовникъ матери его, королевы Боны, Франциск Лисманини, родомъ съ острова Корфу, по языку итальянецъ, который въ домашнемъ придворномъ кругу смѣло проповѣдывалъ не только лютеранство и калвинизмъ, но и социніанское или антитринитарское ученіе, новый великій князь Литвы не скрывалъ своей расположенности къ церковной реформѣ. Онъ окружилъ себя въ Вильнѣ лицами свободнаго образа мыслей; изъ его собственной библіотеки раздавались для чтенія желающимъ сочиненія Лютера, Калвина и другихъ реформаторовъ; его придворные проповѣдники Козьминчикъ и Дискордія безбоязненно распространяли въ народѣ новое ученіе, несмотря на всѣ угрозы и противодѣйствія со стороны латинскаго духовенства ([327]). А когда Сигизмундъ Августъ, по смерти сво-

([327]) *Korczynsk.* Kazania..., IV, str. 187; *Narbut.* Dzieje narodu Litew. IX, 468; *Lucaszewicz.*, Dzieje kosciolów wyzn. Helw. w Litwie, I, 7 — 9. О Лисманини подробнѣе—въ книгѣ: *Stanislai Lubieniecii* Historia reformationis Polonicae, pag. 23 — 25. 40 — 47. 55, Freistadii 1685. Извѣстно, что Сигизмундъ Августъ находился даже въ перепискѣ съ Калвиномъ, Меланхтономъ и другими вождями протестантизма, и что самъ Лютеръ посвятилъ этому королю свой переводъ библіи, а Калвинъ — свое толкованіе на посланіе св. апостола Павла къ Евреямъ.

его отца (1548 г.), сдѣлался единственнымъ государемъ не только литовскимъ, но и польскимъ, тогда, хотя вслѣдствіе политическихъ соображеній долженъ былъ нѣсколько измѣнить свой образъ дѣйствій по отношенію къ религіи, особенно въ Польшѣ, но въ Литвѣ онъ не переставалъ покровительствовать протестантизму. Намъ нѣтъ нужды говорить, какъ распространялось потомъ протестантство въ Польшѣ, въ его различныхъ видахъ, какія мѣры противъ него принимало польское духовенство, какіе строгіе указы издавалъ противъ него самъ король ([328]). Но замѣтимъ, что оно проникло и въ Галицію, и тамъ касалось не однихъ поляковъ и нѣмцевъ, а и православныхъ,—почему цареградскій патріархъ, посылая, по приглашенію папы, на тридентійскій соборъ своего легата, архіепископа Галатіи, поручилъ ему заѣхать къ литовско-польскому королю Сигизмунду Августу и просить его, чтобы онъ не позволялъ еретикамъ въ Галицкой Руси увлекать православныхъ. Архіепископъ этотъ, въ пятидесятыхъ годахъ XVI в., посѣтилъ сначала Львовъ, потомъ Вильну и оттуда отправился въ Тридентъ ([329]). Въ литовскомъ великомъ княжествѣ, при Сигизмундѣ Августѣ, кромѣ богемскихъ или моравскихъ братьевъ, послѣдователей гуситизма,

([328]) О всемъ этомъ можно читать у *Орловскаю*: Dzeije i Prawa kosc. Polsk., III, 53—88.

([329]) Станиславъ Ориховскій свидѣтельствуетъ, что самъ видѣлъ во Львовѣ этого патріаршаго легата: vidimus nuper Constantinopolitani patriarchae Leopoli in Roxolania legatum, qui in Lithuaniam illinc flexit iter oratum regem... et caet. (*Orichovii* Chimera, pag. 7, Cracow. 1562).

существовавшихъ, равно какъ и въ Польшѣ, еще отъ прежняго времени въ небольшомъ числѣ, успѣли распространиться и утвердиться преимущественно три протестантскія секты: лютеранство, калвинизмъ и антитринитарство или социніанство.

Лютеранство, насажденное въ Вильнѣ еще около 1539 г Кульвою, имѣло здѣсь новаго проповѣдника — Виклефа, или вѣрнѣе, Яна Винклера. Въ 1550 г. онъ прибылъ въ Вильну изъ Германіи въ одеждѣ священника и, какъ знающій нѣмецкій языкъ, получилъ отъ виленскаго бискупа Павла Гольшанскаго разрѣшеніе проповѣдывать въ костелѣ св. Анны для нѣмцевъ, жившихъ въ Вильнѣ и ее посѣщавшихъ. Сначала онъ проводилъ въ своихъ поученіяхъ лютеранскія мысли робко, стараясь прикрывать ихъ обоюдными фразами. Но когда пріобрѣлъ у своихъ слушателей благосклонность и авторитетъ, то началъ уже открыто нападать на римскую церковь и особенно за то, что она лишила мірянъ св. чаши. Бискупъ запретилъ Винклеру проповѣдывать и приказалъ не впускать его въ костелы; но Винклеръ нашелъ себѣ покровителя въ лицѣ весьма богатаго купца Морштина, и въ его домѣ, находившемся на нѣмецкой улицѣ, устроилъ лютеранскую молельню, въ которой еще смѣлѣе продолжалъ свою проповѣдь во множествѣ стекавшимся туда нѣмцамъ. Рѣзкія нападки Винклера на римскую церковь возбудили-было противъ него виленскую чернь; но онъ, хотя съ большею осторожностію, не прекращалъ своей пропаганды до самой кончины своего сильнаго покровителя, и только тогда удалился изъ Вильны. Образовавшаяся здѣсь лютеранская община вскорѣ (послѣ 1560 г.) построила для себя кирку на нѣмецкой улицѣ, существующую доселѣ. Надобно однакожъ сказать, что лютеранство нашло себѣ въ Лит-

вѣ немного послѣдователей: его принимали почти одни только нѣмцы, и нѣтъ свидѣтельства, чтобы оно увлекло кого либо изъ русскихъ и вообще православныхъ (330).

Несравненно значительнѣе были успѣхи здѣсь калвинизма, которому болѣе, кажется, сочувствовалъ и самъ король Сигизмундъ Августъ, судя по перепискѣ его съ Калвиномъ. Но главнымъ насадителемъ и распространителемъ этого исповѣданія въ Литвѣ былъ князь Николай Радзивиллъ Черный. Онъ приходился двоюроднымъ братомъ, любимой супругѣ короля Сигизмунда Августа, Варварѣ, пользовался у него неограниченною силою и могуществомъ, занималъ должности виленскаго воеводы и литовскаго канцлера, имѣлъ подъ своею властію многія староства, обладалъ огромными имѣніями и богатствами, и всѣ эти средства употреблялъ на утвержденіе въ своемъ отечествѣ вѣры калвинской, съ которою познакомился еще въ юности, когда воспитывался въ заграничныхъ школахъ. Принявъ калвинство около 1553 г., вмѣстѣ съ своею женою, дѣтьми и всѣми слугами, Радзивилъ прежде всего открылъ молельню своего исповѣданія или зборъ въ своемъ загородномъ домѣ, въ предмѣстіи Вильны, на Лукишкахъ, а потомъ выпросилъ у короля позволеніе поставить въ самой Вильнѣ на площади, близъ рыбнаго рынка, обширную палатку, въ которую и собирались калвинисты для молитвы и слу-

(330) Кояловичъ называетъ этого лютеранскаго проповѣдника Виклефомъ и прибытіе его въ Вильну относитъ къ 1555 г. (Miscell. 64 — 65). Но Нарбутъ, на основаніи рукописной нѣмецкой хроники, называетъ его Яномъ Винклеромъ и относитъ къ 1550 году: это тѣмъ болѣе вѣроятно, что виленскій бискупъ Павелъ умеръ въ 1553 г., и слѣд. не могъ противодѣйствовать Винклеру въ 1555 г. (Dz. narodu Litew. IX, 469). Тоже за Нарбутомъ повторяетъ и Ярошевичъ (Obraz Litw. III, 32. 170).

шанія проповѣди дотолѣ, пока не былъ оконченъ въ 1561 г. каменный храмъ на бернардинской площади. Въ тоже время устроялъ Радзивиллъ храмы своего исповѣданія и въ своихъ многочисленныхъ владѣніяхъ: Клецкѣ, Несвижѣ, Девялтовѣ, Оршѣ, Ивьѣ, Шилянахъ, Кейданахъ, Брестѣ, Биржахъ и другихъ. Въ нѣкоторые изъ этихъ храмовъ онъ вызвалъ извѣстныхъ своею ученостію пасторовъ изъ Польши, и именно: Мартына Чеховича и Вендриховскаго въ Вильну, Симона Буднаго въ Клецкъ, Лаврентія Крыжковскаго въ Несвижъ, Симона Заціуса въ Брестъ и проч. Другіе же пасторы стекались въ Литву сами собою, цѣлыми толпами, разсчитывая на вѣрную добычу и милости всесильнаго вельможи. Простой народъ и мелкую шляхту Радзивиллъ привлекалъ къ своему исповѣданію угощеніями, подарками, деньгами и всякаго рода пособіями. А знатные паны слѣдовали его примѣру, одни по родственнымъ и дружескимъ къ нему отношеніямъ, другіе изъ-за желанія угодить ему и заискать его благоволеніе и покровительство, нѣкоторые же и по своимъ убѣжденіямъ, вслѣдствіе полученнаго ими образованія. И всѣ эти паны спѣшили вводить кальвинизмъ въ свои имѣнія и строили тамъ зборы или обращали въ нихъ костелы. Въ 1555 г. путешественники уже встрѣчали въ Литвѣ великое множество реформатскихъ храмовъ. Въ Несвижѣ и Брестѣ Радзивиллъ открылъ собственныя типографіи, не щадилъ денегъ для изданія книгъ кальвинскаго исповѣданія, и въ 1563 г. напечаталъ въ Брестѣ кальвинскую библію, переведенную, по его порученію, на польскій языкъ нѣсколькими учеными пасторами и посвященную имъ королю Сигизмунду Августу. Въ Кейданахъ завелъ гимназію, и такія же гимназіи и школы заведены потомъ протестантами въ

Слуцкѣ, Новогродкѣ, Несвижѣ, Заславѣ, Меречѣ, Ковнѣ и Витебскѣ. По смерти Николая Радзивила Чернаго (1565 г.), главнымъ поборникомъ реформаціи въ Литвѣ сдѣлался родной братъ королевы Варвары Николай Радзивилъ Рыжій, великій гетманъ литовскій и воевода виленскій, который во всемъ старался подражать своему покойному двоюродному брату и во всѣхъ своихъ имѣніяхъ ввелъ калвинское исповѣданіе и, вмѣсто костеловъ, устроилъ кирки. Вообще реформатское движеніе въ Литвѣ, при Сигизмундѣ Августѣ, было до того сильно, что почти все католическое дворянство увлеклось имъ и оставило вѣру отцевъ. Многія духовныя лица бросали свои костелы, принимали новое ученіе и вступали въ бракъ. Даже одинъ изъ епископовъ, именно кіевскій Николай Пацъ, открыто содержалъ и проповѣдывалъ протестантское ученіе, оставаясь много лѣтъ на своей каѳедрѣ, къ крайнему огорченію папы, а потомъ сложилъ свой санъ, женился и сдѣлался міряниномъ съ званіемъ брестскаго или мстиславскаго кастеляна. Другіе латинскіе пастыри если не измѣняли своей вѣрѣ, то оставались почти безъ паствъ ([331]). Предъ появленіемъ реформаціи во всемъ великомъ княжествѣ литовскомъ считалось 700 латинскихъ приходовъ (парохій); теперь же, именно около 1566 г., по свидѣтельству іезуита Циховія, можетъ быть, нечуждому преувеличенія, едва уцѣлѣла въ Литвѣ одна ты-

([331]) *Koialowicz*, Miscell., 65 — 67; *Lubieniec*. Hist. reform. Polon., p. 33—34; *Naramowski*, Facies rerum Sarmaticarum, I, p. 282, Vilnae 1724; *Lucaszewicz*, Dz. kosciol. wyzn. Helw. w Litw. I, 10 — 26. О протестантскихъ школахъ — *Ярошев*. Obraz Litw. III, 80. О епископѣ Пацѣ папа Пій V писалъ, въ 1571 г., къ Сигизмунду Августу, что и помыслить не можетъ безъ ужаса, какъ кіевская церковь доселѣ управляется еретикомъ, и настаивалъ, чтобы король удалилъ его (*Ciampi* Bibliogr. Critica, II, p. 228). И, при всемъ томъ, Пацъ оставался на своемъ мѣстѣ до 1580 года, если еще не далѣе.

сящная часть католиковъ. А въ жмудской епархіи кальвинизмъ настолько распространился, что въ ней оставалось только шесть латинскихъ священниковъ ([332]). Но для насъ важно особенно то, что реформація въ Литвѣ своимъ бурнымъ потокомъ увлекла и многихъ изъ православнаго дворянства, преимущественно молодыхъ людей знатныхъ фамилій: Ходкевичей, Воловичей, Сапѣгъ, Горскихъ, Вишневецкихъ и другихъ ([333]). Въ одномъ новогродскомъ воеводствѣ, слѣд. преимущественно въ епархіи православнаго митрополита, до реформаціи считалось свыше 600 шляхетскихъ домовъ греческаго исповѣданія, теперь же едва осталось шестнадцать, которые уцѣлѣли отъ еритической новокрещенской заразы. Это говорили прямо въ глаза православнымъ королевскіе послы — латиняне на брестскомъ соборѣ (1596 г.) ([334]); а такого успѣха протестанство могло достигнуть преимущественно въ настоящее время, при Сигизмундѣ Августѣ, до появленія въ Литвѣ іезуитовъ: потому что съ появле-

([332]) *Koialowicz*, Miscell., 67; *Naramowsk.* Facies rer. Sarmat. I, 282; *Narbut.* Dz. nar. Litew. IX, 478—479.

([333]) Но старики, наприм., гетманъ литовскій Григорій Александровичъ Ходкевичъ, несомнѣнно, оставались вѣрными православію (Вилен. Археогр. Сборн. IX, № 25, стр. 75 — 76; Опис. старопечатныхъ книгъ графа Толстова, стр. 29—31).

([334]) «Вы имѣете въ нихъ (протестантахъ) большихъ пріятелей, которые у васъ, въ самомъ новогродскомъ воеводствѣ, какъ извѣстно, опустошили 650 церквей, и тамъ изъ 600 и даже болѣе шляхетскихъ домовъ греческой вѣры едва осталось шестнадцать или менѣе, которые уберегліись отъ *новокрещенской* заразы» (*Scarga*. Synod Brzeski, напеч. при книгѣ: Апокризисъ Христофора Филалета, стр. 409—410, Кіев. 1870). Авторъ Антиррисиса, написаннаго противъ Апокризиса Христофора Филалета, говоритъ также, что въ новогродскомъ повѣтѣ едва можно было найти сотый домъ шляхетскій, нечуждый ереси, и что, отступивъ отъ православія, еретики обращали православныя церкви въ хлѣвы и конюшни (Ἀντίρρησις abo Apologia..., str. 72. 77. 179, w Wilnae 1600).

нія и особенно съ усиленія ихъ при Стефанѣ Баторіѣ и Сигизмундѣ III протестантамъ пришлось уже, какъ увидимъ, заботиться болѣе объ охраненіи себя, чѣмъ о пропагандѣ. Принимая реформу, и православные паны, подобно латинскимъ, старались распространять ее въ своихъ имѣніяхъ и вообще между простымъ православнымъ народомъ. Съ этою цѣлію издавались даже на литовско-русскомъ языкѣ кальвинскія книги. Бывшій пасторомъ въ городѣ Клецкѣ (минской губ.) Симонъ Будный, по однимъ полякъ изъ Мазовіи, по другимъ литвинъ, отступникъ отъ православія, учившійся въ краковскомъ университетѣ, напечаталъ на этомъ языкѣ въ 1562 г., въ Несвижѣ, кальвинскій катихизисъ, именно, какъ самъ говоритъ, «для простыхъ людей языка руского», а такъ же «для дѣтокъ христіанскихъ языка руского». Катихизисъ изданъ накладомъ несвижскаго намѣстника Матѳея Кавечинскаго, бывшаго прежде православнымъ, самаго Буднаго и несвижскаго пастора Лаврентія Крышковскаго. Тотъ же Будный и въ томъ же году напечаталъ въ Несвижѣ еще кальвинскую книгу, подъ заглавіемъ: «о оправданіи грѣшнаго человѣка предъ Богомъ», — иждивеніемъ маршалка Евстафія Воловича, бывшаго также прежде православнымъ, которому книга и посвящена. Ревнители реформаціи, при усердномъ распространеніи ея, разоряли или обращали въ свои зборы не одни латинскіе костелы, но и православныя церкви: въ одномъ новогродскомъ воеводствѣ они опустошили 650 православныхъ церквей ([335]). Отсюда можемъ заключать, сколько зла причинила реформація православію въ Литвѣ.

([335]) См. предыдущее примѣч.; *Lucaszewicz*, Dz. kosciol. wyzn. Helw. w Litw. I, 16—17; *Сахаров.* Обозр. Слав.-русск. библіогр., №№ 40. 41; Памятн.

Антитринитаріи, иначе унитаріи, социніане, новые аріане, отвергавшіе троичность Лицъ въ Богѣ, божество Христа, таинство воплощенія и всѣ другія христіанскія таинства и признававшіе только единаго Бога, появились сперва въ Малой Польшѣ около 1555 г., потомъ и въ Литвѣ. Въ Малой Польшѣ, куда въ 1551 г. пріѣзжалъ изъ Италіи и самъ основатель секты Лелій Социнъ, первымъ распространителемъ ея былъ уже извѣстный намъ духовникъ королевы Боны Лисманини, и послѣдователи ея нашли себѣ пріютъ сначала въ городѣ Пинчовѣ, за тѣмъ въ мѣстечкѣ Раковѣ, сандомірской области, подъ покровительствомъ мѣстныхъ владѣльцевъ. А въ Литву занесли антитринитарское ученіе Петръ изъ Гонёндза, что въ Подляхіи, италіанецъ Юрій Бландратъ и другой италіанецъ или венгерецъ Францискъ Станкаръ. Здѣсь оно встрѣтило сильное сопротивленіе со стороны кальвинистовъ и ихъ главнаго патрона Николая Радзивила Чернаго. Въ декабрѣ 1558 г. въ Вильнѣ былъ кальвинскій соборъ, на которомъ Петръ изъ Гонёндза долженъ былъ дать отчетъ въ своемъ ученіи, и въ своей рѣчи, отвергая троичность Лицъ въ Богѣ, отвергалъ также крещеніе младенцевъ, а въ слѣдующемъ году брестъ-литовскій пасторъ Симонъ Заціусъ изъ Прошовицъ, бывшій первымъ суперъ-интендентомъ кальвинскихъ общинъ въ виленскомъ округѣ, издалъ «исповѣданіе вѣры збору виленскаго», въ огражденіе послѣдователей кальвинизма отъ заразы новымъ ученіемъ. Но вскорѣ сами даже кальвинскіе пасторы, и при томъ наиболѣе замѣчательные, начали принимать и распространять это ученіе, каковы были: виленскіе пасторы Чеховичь и Вендрыховскій и

русской старины въ запад. губ. имперіи, VI, 152 — 156; Вилен. Археогр. Сборн. VII, предисл. XVI—XXIV.

клецкій Симонъ Будный. Послѣдній пристalъ даже къ крайней партіи антитринитаріевъ—къ партіи полужидовствующихъ, которые, отвергая, вмѣстѣ съ евреями, троичность въ Богѣ, божество Христа и все христіанское и признавая только единаго Бога, раздѣляли и нѣкоторыя другія ихъ вѣрованія, напримѣръ, о будущемъ тысящелѣтнемъ земномъ и чувственномъ царствѣ Мессіи. Надобно замѣтить, что антитринитаріи въ Литвѣ, какъ и другихъ мѣстахъ, раздѣлились на множество мелкихъ толковъ или партій, которые разногласили между собою въ частныхъ мнѣніяхъ и вели непрестанные споры. Самое же важное для антитринитаріевъ состояло въ томъ, что и для нихъ нашелся въ Литвѣ сильный покровитель — Янъ Кишка, потомокъ старинной литовско-русской фамиліи въ Бѣлоруссіи, получившій образованіе за границей, староста жмудскій, который, наслѣдовавъ, по смерти отца своего воеводы витебскаго Стефана Кишки († 1552), громадное имѣніе, заключавшее въ себѣ до 70 мѣстечекъ и 400 селъ, не щадилъ никакихъ издержекъ для успѣховъ излюбленной имъ ереси. Онъ собиралъ къ себѣ ея учителей, основывалъ общины своего исповѣданія, заводилъ типографіи для изданія социніанскихъ книгъ: въ Лозкахъ (ошмянскаго уѣзда), въ Любчѣ (новогрудскаго уѣзда), Заславлѣ (минскаго уѣзда). Послѣ напрасныхъ попытокъ къ соглашенію и примиренію съ кальвинистами, — для чего нѣсколько разъ составлялись соборы, — антитринитаріи вступили съ ними въ открытую борьбу, увлекали многихъ изъ среды ихъ въ свою секту, отнимали у нихъ храмы и обращали въ свои, наприм., въ Брестѣ литовскомъ, Балѣ, Лоскѣ, Мордахъ, не ограничиваясь совращеніемъ только папистовъ и православныхъ. Болѣе всего антитрини-

таріи преобладали въ воеводствахъ новогродскомъ и брестъ-литовскомъ, и если въ первомъ, какъ мы упоминали, почти до 600 православныхъ шляхетныхъ фамилій заразились тогда ересью, то преимущественно ересью «новокрещенцевъ», какъ называли тогда антитринитаріевъ за то, что они, отвергая крещеніе младенцевъ, считали нужнымъ креститься вновь ([336]). Къ изумленію, эти еретики встрѣтили въ Литвѣ помощниковъ себѣ, прибывшихъ оттуда, откуда всего менѣе можно было ожидать ихъ,—изъ Россіи. То были Ѳеодосій Косой и его товарищи, бѣжавшіе изъ Москвы послѣ осужденія ихъ соборомъ 1554 года. Мы уже излагали лжеученіе Ѳеодосія въ другомъ мѣстѣ и знаемъ, что оно, по существу, совершенно сходно съ лжеученіемъ антитринитаріевъ, и хотя образовалось въ Россіи, но образовалось частію подъ вліяніемъ ереси жидовствующихъ, проникшей къ намъ изъ Литвы еще въ концѣ XV вѣка, а частію подъ вліяніемъ новаго религіознаго вольномыслія, занесеннаго къ намъ оттуда же литовскими выходцами. Прибывъ въ Литву, и не зная другаго языка, кромѣ своего, русскаго, Ѳеодосій, Вассіанъ и другіе ихъ единомысленники, сначала остановились въ какомъ-то мѣстѣ, подъ названіемъ «Усо-Чортъ», и своею проповѣдію совратили тамъ многихъ православныхъ, конечно, русскихъ, потомъ перешли въ Витебскъ. Смущен-

([336]) Подробнѣе объ антитринитаріяхъ—въ книгахъ: 1) *Christophori Sandii* Bibliotheca Anti-trinitariorum sive catalogus scriptorum .. et caet., Freistadii 1684; см. подъ именами всѣхъ названныхъ нами лжеучителей; 2) *Lubienic.* Histor. reformat. Polonicæ, p. 111 — 153. 193. 214; 3) *Lucaszew.* Dz. kosc. wyzn. Helw. w Litw. I, 26 — 32. Исповѣданіе, изданное Заціусомъ, имѣло заглавіе: Wyznanie Wiary Zboru Wilenskiego z Kxiędzem z Proszowic superiutendentem y ze wszemi Ministry wespołek Przyiętey pochwalone, w Brescin Litewskim, roku 1559.

ные этою, прежде неслыханною проповѣдію, православные литовцы обратились съ письмомъ къ извѣстному ученому иноку отенской новгородской пустыни Зиновію и просили его вразумить ихъ относительно ученія Ѳеодосія и его «чади». Зиновій не замедлилъ прислать имъ подробный и основательный отвѣтъ. И, можетъ быть, вслѣдствіе этого-то вразумленія, полученнаго православными, а главное — замѣтивъ ихъ ненависть къ себѣ, Ѳеодосій и его товарищи должны были уйти изъ Витебска и направились «въ глубь Литвы». Впрочемъ, послѣ нихъ остались въ бѣлорусскомъ краѣ двѣ общины ихъ послѣдователей: одна въ Полоцкѣ, другая въ Витебскѣ. Въ первой пасторомъ былъ одинъ изъ товарищей Ѳеодосія, по имени Ѳома, котораго въ 1563 г. царь Иванъ Васильевичъ, по взятіи Полоцка, приказалъ утопить въ рѣкѣ. А во вторую, т. е. витебскую общину, построившую себѣ храмъ въ нижнемъ городѣ, присланъ былъ въ 1563—1564 г. пасторъ Козма, переименованный въ Андрея, виленскими антитринитаріями, съ которыми, значитъ, успѣли познакомиться Ѳеодосій и его сообщники, удалившись въ глубь Литвы, и начали дѣйствовать за одно. Наконецъ, видимъ Ѳеодосія и товарища его Игнатія на Волыни, гдѣ они нашли себѣ пріютъ у русскихъ пановъ, болѣе или менѣе ополячившихся, и, вмѣстѣ съ другими антитринитаріями, проповѣдывали съ такимъ успѣхомъ, что, по свидѣтельству Курбскаго, жившаго здѣсь съ 1564 г., язвою этого еретическаго ученія заразилась «мало не вся Волынь». Потому-то отенскій инокъ Зиновій и выразился: «востокъ развратилъ діаволъ Бахметомъ, западъ Мартиномъ нѣмчиномъ (Лютеромъ), а Литву Косымъ». Къ утѣшенію нашему, мы имѣемъ возможность присовокупить, что

если Ѳеодосій, прибывшій изъ Россіи, сдѣлалъ столько зла въ западно-русской митрополіи, то другой инокъ, котораго звали его учителемъ, также осужденный въ Москвѣ за свободомысліе и также бѣжавшій въ Литву, именно Артемій, оставилъ здѣсь о себѣ совсѣмъ иного рода память. Прибывъ сначала въ Витебскъ, гдѣ уже находился Ѳеодосій съ своею чадью, Артемій не захотѣлъ раздѣлять ихъ образа мыслей и дѣйствій, и удалился въ Слуцкъ къ тамошнему православному князю Юрію. Проживая здѣсь, Артемій имѣлъ случаи познакомиться съ разными важными лицами, православными и уклонившимися въ ереси, и съ самими даже ересеучителями, наприм., съ Симономъ Буднымъ, приславшимъ къ нему оба свои изданія на литовско-русскомъ языкѣ; переписывался съ этими лицами, однихъ обличалъ, другихъ вразумлялъ, третьихъ подкрѣплялъ, и, при своей начитанности, своими сочиненіями, равно какъ устными бесѣдами, сдѣлалъ весьма много для пользы православія. И въ противоположность отзыву Зиновія о Ѳеодосіѣ Косомъ мы можемъ представить слѣдующій отзывъ Захаріи Копыстенскаго объ Артеміѣ: «преподобный инокъ, споспѣшествующу ему Господу, въ Литвѣ отъ ереси аріанской (такъ звали ересь антитринитаріевъ) и лютеранской многихъ отвернулъ, а чрезъ него Богъ исправилъ, же ся весь народъ русскій въ Литвѣ отъ ереси тыи не перевернулъ» ([337]).

([337]) Нашей Исторіи Русск. Церкви VI, 269—275; VII, 516—524; Сказанія князя Курбскаго, стр. 266—276. 285, изд. 2. Посланія Артемія противъ тогдашнихъ ересей — къ князю Четвертинскому, къ пану Ивану Зарѣцкому, къ пану Евстафію (Воловичу), къ Симону Будному и другимъ, извѣстны пока въ отрывкахъ (Славяно-русскія рукописи Ундольскаго, № 494, 363 — 370). Къ князю Четвертинскому Артемій, между прочимъ, писалъ: «надѣюся, Богу по-

Что же дѣлали во все это время западно-русскіе іерархи? Какія мѣры они принимали противъ новыхъ враговъ? Какое противодѣйствіе оказывали имъ? Стали ли внимательнѣе къ своему долгу въ виду угрожавшей опасности? Увы, почти никакихъ мѣръ противъ враговъ, почти никакого положительнаго противодѣйствія имъ, никакой перемѣны къ лучшему мы не замѣчаемъ тогда въ литовской митрополіи. Все шло по старому и становилось даже хуже и хуже.

Первый свидѣтель тому самъ тогдашній митрополитъ Сильвестръ Бѣлькевичъ или Велькевичъ. Онъ былъ человѣкъ богатый, но почти не получившій образованія, и едва умѣлъ читать. Еще при Сигизмундѣ онъ служилъ королевскимъ скарбникомъ и ключникомъ въ Вильнѣ и, когда скончался настоятель виленскаго троицкаго монастыря, архимандритъ Алексій, выпросилъ себѣ у короля этотъ монастырь въ управленіе, разумѣется, чтобы пользоваться его имѣніями. Продолжая туже службу виленскаго скарбника и ключника и при Сигизмундѣ Августѣ, и называясь настоятелемъ виленскаго троицкаго монастыря, панъ Стефанъ Андреевичъ Велькевичь исходатайствовалъ себѣ новую грамату, которою король отдавалъ ему и кіевскую митрополію, по смерти митрополита Макарія, и обѣщался не отдавать ее никому другому,

спѣшествующу, на вся хулы нынѣшнихъ ересей обще списати обличеніе». А о Козмѣ, витебскомъ пасторѣ, писалъ къ Симону Будному: «и се товарищь вашъ Козма, егоже нарекосте Анъдрея, въ Витепъску ясно объявилъ богомерзъкое нынѣшнее ереси проповѣданіе, нетреба глагола Троицу именовати. И прочая хулы его вѣдятъ *войско*, *бывшее тогда*, и самъ великій гетманъ, и княжата и панове велиціи. И листъ показалъ тотъ Козма, яко отъ вашея сонмица посланъ з Вильня». Въ Витебскѣ и его округѣ литовское войско, подъ предводительствомъ вел. гетмана Николая Радзивила, находилось въ концѣ 1563 и въ нач. 1564 года. Отзывъ Захаріи Копыстенскаго объ Артеміѣ—въ Палинодіи, ч. II, раздѣл. 12, артикул. 4.

а съ тѣмъ вмѣстѣ оставлялъ за Велькевичемъ до его живота виленскій троицкій монастырь: и это было еще 10 іюля 1551 г., слѣд. за пять лѣтъ до смерти митрополита Макарія ([338]). По смерти послѣдняго, Велькевичъ объявленъ «нареченнымъ» митрополитомъ, хотя оставался въ свѣтскомъ званіи, носилъ свое мірское имя. Новогродскій воевода Иванъ Горностай, 25 марта 1556 г., жертвуя въ виленскій пречистенскій соборъ серебряный рукомойникъ, назначалъ его для употребленія, какъ самъ выражался, «нынѣшнему митрополиту нареченному *Стефану Андреевичу*». А черезъ полгода (30 сент. 1556 г.) этотъ Стефанъ Андреевичъ писался уже: «милостію Божіею мы, *Селивестръ*, нареченный архіепископъ, митрополитъ кіевскій и галицкій и всея Руси», т. е. успѣлъ уже принять монашество съ новымъ именемъ и, не проходя нисшихъ степеней церковнаго служенія, занялъ прямо митрополитскую каѳедру ([339]). Чего же можно было ожидать отъ такого митрополита? Можетъ быть, не совсѣмъ справедливо отзываются о немъ нѣкоторые латинскіе писатели, будто онъ былъ настолько простъ и необразованъ, что едвали и понималъ

([338]) Копія съ граматы Сигизмунда Августа, отъ 10 іюля 1551 г., изъ которой мы заимствовали изложенныя свѣдѣнія о Велькевичѣ, есть въ архивѣ бывшихъ уніатскихъ митрополитовъ, при св. Синодѣ (по Опис. № 145). Здѣсь король, между прочимъ, говоритъ, что отдаетъ скарбному своему Велькевичу митрополію, узнавъ его «верные, пильные, николи не омешканые, цнотливые службы» а оставляетъ за нимъ, до его живота, троицкій монастырь, видя, какъ онъ «во всихъ справахъ монастырскихъ радне ся заховалъ, накладаючи, окрашаючи церковь Божію властнымъ своимъ накладомъ».

([339]) Вилен. Археогр. Сборн. VI, № 17; Собр. грам. минск. губерн., № 16. Не знаемъ, откуда митрополитъ Евгеній заимствовалъ слѣдующія извѣстія: «За благословеніемъ на посвященіе (Сильвестра Белькевича) въ Константинополь посылалъ король Сигизмундъ Августъ своего дворянина, и, по полученіи, обвѣстилъ о томъ универсаломъ всему русскому духовенству» (Опис. Кіево-Соф. собора, стр. 118).

различіе своего исповѣданія отъ протестантскаго и неспособенъ былъ отражать коварства иновѣрцевъ ([340]); но то достовѣрно, что въ его-то особенно епархіи, именно въ новогрудскомъ воеводствѣ, какъ мы видѣли, протестанты и произвели наибольшія опустошенія среди православныхъ ([341]). Передаютъ еще латинскіе же писатели, будто митрополитъ Сильвестръ велъ дружбу съ кіевскимъ бискупомъ Николаемъ Пацомъ ([342]). Но эта дружба, если она подлинно существовала (а они могли сблизиться еще въ то время, когда оба были свѣтскими), не говоритъ въ пользу митрополита. Николай Пацъ, сынъ подляшскаго воеводы Николая, получившій отъ короля епископскую каѳедру за свои гражданскія заслуги, хотя былъ человѣкъ образованный, велъ жизнь роскошную, любилъ музыку, потомъ измѣнилъ своей вѣрѣ, сложилъ свой санъ, женился и сдѣлался протестантомъ—міряниномъ ([343]).

([340]) *Дубович.* Hierarchia, 185; *Кульш.* Wiara Prawosl., 195; *Кульчинск.* Specimen Eccl. Ruth., 125; *Стебельск.* Chronolog. 104.

([341]) Въ томѣ III-мъ Актовъ западной Россіи, въ примѣч. 26-мъ, сказано, будто, «по свидѣтельству самихъ польскихъ писателей, Сильвестръ былъ ревностный поборникъ православной вѣры и не допускалъ литовцевъ и русиновъ обольщаться новыми мнѣніями Лютера, Кальвина, Цвинглія, Социна и проч., которые, подъ защитою магнатовъ, овладѣли тогда умами не только польско-литовскаго дворянства, но и духовенства», и за тѣмъ сдѣлана ссылка: «см. *Ад. Нарамовскаго* Facies rerum Sarm., I, 282, и *Бандтке* Dz. król. Polsk. II, 168 и слѣд.». Тоже самое повторено, съ тѣмиже ссылками, и въ Исторіи русской церкви *преосв. Филарета*, т. III, 92, изд. 2. Къ изумленію, ни у Нарамовскаго, ни у Бандтке, мы не нашли въ указанныхъ мѣстахъ, да и въ другихъ, ни слова о митрополитѣ Сильвестрѣ и объ его дѣйствіяхъ въ охрану православія отъ еретиковъ.

([342]) *Gottlieb Friesius*, De episcopatu Kiiowiensi, p. 44—47, Warschaw. 1763. Съ какого времени Николай Пацъ началъ епископствовать въ Кіевѣ, съ точностію неизвѣстно; но въ 1563 г. на виленскомъ сеймѣ, въ числѣ другихъ духовныхъ сенаторовъ, находился и «князь Миколай бискупъ кіевскій» (А. З. Р. III, № 32, стр. 120).

([343]) *Lucaszewicz*, Dz. kosc. wyzn. Helw. w Litw., II, str. 290. Фризій въ озна-

На основаніи нашихъ домашнихъ документовъ, правда, немногихъ, можемъ заключать, что Сильвестръ, если и не отличался книжнымъ образованіемъ, былъ человѣкъ практическій. Онъ умѣлъ находить для себя покровителей и заступниковъ при дворѣ короля, въ родѣ, наприм., новогродскаго воеводы Павла Сопѣги, который и дѣйствительно помогалъ ему-митрополиту и обѣщался помогать до конца жизни. Умѣлъ удержать за собою, какъ мы уже говорили, виленскій троицкій монастырь съ его имѣніями, и сдѣлавшись митрополитомъ, хотя владѣнія митрополитской каѳедры были и безъ того значительны и получали еще новыя приращенія, наприм., въ 1559 г. отъ княгини Соломерецкой. Настоятельно требовалъ отъ своихъ намѣстниковъ и врядниковъ, каковъ былъ кіевскій протопопъ Яковъ Матеребозскій, чтобы они собирали и высылали ему дани и доходы съ подданныхъ крестьянъ и куничные пѣнязи съ священниковъ. Не отказывался брать подарки, можетъ быть, по укоренившемуся обычаю, за поставленіе на церковныя степени, и кіево-михайловскій игуменъ Сильвестръ, посылая одного, обучавшагося въ монастырѣ, дьяка для рукоположенія во священника, не стѣснялся прямо просить своего первосвятителя, чтобы онъ взялъ «за совершеніе священства малый подарокъ»: такъ какъ ставленикъ былъ человѣкъ бѣдный. Позволялъ себѣ даже явныя несправедливости съ корыстною цѣлію. Въ 1561 году кіевопечерскій архимандритъ Иларіонъ принесъ королю жалобу, что митрополитъ Сильвестръ причиняетъ разныя обиды печерской братіи и, между прочимъ, самовольно завладѣлъ кіево-николаевченномъ мѣстѣ (примѣч. 342) выражается о Папѣ, что онъ былъ in religione inconstans et varius, magis humanis, quam divinis rebus deditus.

скимъ пустыннымъ монастыремъ, со всѣми его имѣніями и угодьями, тогда какъ монастырь этотъ издавна находится подъ благословенствомъ печерскихъ архимандритовъ, которые и утверждаютъ для него игуменовъ. Король своею граматою (отъ 24 апрѣля) приказалъ митрополиту немедленно возвратить николаевскій монастырь, съ его имѣніями и угодьями, кіевопечерской лаврѣ и впредь не вмѣшиваться въ ея дѣла ([344]).

Впрочемъ, извѣстны нѣкоторыя дѣйствія и распоряженія митрополита Сильвестра, представляющія его и въ болѣе выгодномъ свѣтѣ. Архимандритъ супрасльскаго монастыря Сергій Кимбаръ писалъ къ митрополиту, что въ монастырь иногда приходятъ черные попы, съ желаніемъ пожить въ немъ, но «становенья въ попы не нашего», т. е. получившіе священство не въ литовской митрополіи отъ кого либо изъ владыкъ, а внѣ ея, и просилъ, чтобы митрополитъ благословилъ такимъ попамъ служить въ монастырѣ. Митрополитъ отвѣчалъ (25 сент. 1557), что даетъ благословеніе священникамъ, откуда бы они ни пришли, служить въ обители, если только каждый изъ нихъ представитъ архимандриту свою ставленую грамату и грамату отпускную отъ своего епископа или архіепископа. Равнымъ образомъ,—прибавилъ митрополитъ,—если придетъ въ обитель священникъ, имѣющій законную жену, и покажетъ архимандриту свою ставленую грамату, то и такой да священствуетъ; а если придетъ священникъ, не имѣющій жены, то и онъ, «присягу вчинивши предъ отцемъ архимандритомъ водлугъ науки нашое и тое присяги, якъ мы отцу

([344]) А. З. Р. III, № 18; А. Ю. и З. Р. I, №№ 136. 143. 238. Копія съ королевской граматы, отъ 24 апр. 1561 года, къ митроп. Сильвестру, по жалобѣ печерск. архимандрита Иларіона, есть въ архивѣ уніатскихъ митрополитовъ, при Св. Синодѣ (по Описи № 149).

архимандриту дали», да литургисуетъ. Присягалъ вдовый священникъ, вѣроятно, въ томъ, что онъ свободенъ отъ грѣха, за который виленскій соборъ 1509 года запретилъ вдовымъ попамъ священнослуженіе, и ведетъ жизнь чистую и цѣломудренную ([345]). Въ 1558 г. митрополитъ Сильвестръ вознамѣрился созвать въ Вильнѣ соборъ на первой недѣлѣ великаго поста, и о своемъ намѣреніи написалъ къ королю. Король своими листами оповѣстилъ всѣхъ епископовъ, архимандритовъ и предстоятелей православнаго духовенства, чтобы они съѣхались въ Вильну на соборъ къ назначенному митрополитомъ времени. Но за тѣмъ, узнавъ о тяжкой болѣзни и дряхлости супрасльскаго архимандрита Сергія Кимбара, самъ увѣдомилъ (2 февр. 1558) митрополита, что Сергій не можетъ явиться на соборъ, а пришлетъ вмѣсто себя уполномоченнаго человѣка духовнаго, ученаго, богобоязненнаго, и при этомъ выразилъ желаніе, чтобы на соборѣ, который составляется «стараньемъ» митрополита «ку постановенью вѣры и закону хрестіянского», все окончилось хорошо, согласно съ Словомъ и повелѣніемъ Божіимъ. Болѣе объ этомъ соборѣ свѣдѣній не имѣемъ. Можетъ быть, онъ былъ созванъ именно противъ протестантовъ и на немъ были обсуждаемы и приняты какія либо мѣры для противодѣйствія имъ, а можетъ быть, имѣлъ цѣлію исправленіе внутреннихъ безпорядковъ въ западно-русской церкви; во всякомъ случаѣ созваніе собора должно отнести къ чести митрополита Сильвестра: такъ какъ онъ своимъ собственнымъ «стараніемъ» созвалъ этотъ соборъ, а не по

([345]) Подлинная грамата митроп. Сильвестра доселѣ хранится въ библіотекѣ супрасльскаго монастыря и значится по описи подъ № 19. Самая средина граматы вырвана. Упоминается въ Вилен. Археогр. Сборн. IX, стр. 48—49.

приказанію короля, какъ было въ 1546 г. при митрополитѣ Макаріѣ ([346]). Епархіальныя свои права митрополитъ Сильвестръ защищалъ съ ревностію. Онъ пожаловался королю Сигизмунду Августу на слуцкаго князя Юрія Юрьевича, что въ его имѣніяхъ настоятели монастырей и всѣ священники не хотятъ слушаться своего архипастыря, не ѣздятъ къ нему для духовной науки, не даютъ ему куницъ соборныхъ и объѣздныхъ и иныхъ доходовъ, а врядники князя вступаются въ духовныя справы, чинятъ разводы, сами творятъ духовный судъ и берутъ на себя судебныя пѣни, не допуская во всемъ этомъ протопоповъ и врядниковъ митрополита. И король далъ грамату слуцкому князю (8 мая 1558), чтобы онъ велѣлъ въ своихъ имѣніяхъ всѣмъ духовнымъ лицамъ быть послушными митрополиту, ѣздить къ нему на соборъ для духовной науки, платить ему куницы и всякіе положенные доходы, запретилъ своимъ врядникамъ вмѣшиваться въ духовные справы и суды и не возбранялъ врядникамъ митрополичьимъ въѣзжать въ его имѣніе для справъ и судовъ духовныхъ. А когда бурмистръ и радцы виленскіе принесли жалобу митрополиту на своеволіе виленскихъ священниковъ, михайловскаго, воскресенскаго и никольскаго, отдавшихъ, безъ ихъ вѣдома, свои церковные домы въ залогъ, митрополитъ отвѣчалъ: «мы въ томъ неповинны предъ вами; вы сами избираете поповъ, а не мы; мы только, по вашему желанію, благословляемъ ихъ къ той или другой церкви, которую имъ даете; такъ сами-жъ и берегите церковные домы отъ такихъ своевольныхъ поповъ».

([346]) Вилен. Археогр. Сборн. IX, № 21, стр. 51. И эта грамата, также прорванная въ срединѣ, доселѣ цѣла въ подлинникѣ—въ библіот. супрасльскаго монастыря, подъ № 20, по Описи.

Впрочемъ, прибавилъ, что онъ уже писалъ этимъ священникамъ выкупить заложенные домы, но безъ успѣха; что не можетъ покарать виновныхъ ничѣмъ другимъ, какъ только неблагословеніемъ, т. е. запрещеніемъ священствовать, и одного изъ нихъ, попа михайловскаго, уже не благословилъ. Наконецъ, о двухъ остальныхъ попахъ просилъ увѣдомить, если они, и послѣ новаго напоминанія, не выкупятъ заложенныхъ домовъ. Что касается до «Поученія новопоставленному священнику» за подписью митрополита кіевскаго и галицкаго Сильвестра, то оно отнюдь не можетъ служить свидѣтельствомъ его образованія и знаній: потому что составлено по готовой формѣ, по которой писали и выдавали такія же поученія новопоставленнымъ священникамъ и всѣ архіереи ([347]).

Въ другихъ епархіяхъ видимъ безобразную раздачу архіерейскихъ каѳедръ королемъ и иногда еще болѣе безобразныя дѣйствія тѣхъ, кому каѳедры давались. *Пинскою* и туровскою епархіею управлялъ въ 1558 г. епископъ Макарій, тотъ самый, который получилъ ее (1552 г.) отъ королевы Боны. Эту епархію, еще при жизни его, вздумалъ просить себѣ другой епископъ, бывшій викаріемъ при митрополитѣ, и также называвшійся Макаріемъ. И король, по ходатайству всесильнаго тогда воеводы виленскаго Радзивила, и съ нимъ новогродскаго воеводы Ивана Горностая, выдалъ просителю свою грамату (22 апр. 1558), которою предоставлялъ ему занять каѳедру пинской епархіи, по смерти еще управлявшаго ею владыки Макарія. Точно также еще при жизни *полоцкаго* архіепископа Германа Хрептовича, король, какъ

([347]) А. З. Р. III, №№ 22. 31 и примѣч. 26; Вилен. Археогр. Сборн. VI, № 22.

самъ говоритъ, обращая благосклонное вниманіе на вѣрную службу полоцкаго боярина Глѣба Ивановича Корсака, и по ходатайству за него полоцкаго воеводы Станислава Довойны и полоцкихъ бояръ, пожаловалъ Корсаку грамату (28 марта 1558) на полоцкое владычество, по смерти архіепископа Германа, и вмѣстѣ на монастырь св. Михаила въ Городку, находившійся въ подаваньи королевскомъ. Надобно полагать, что Германъ послѣ этого скончался скоро: потому что 29 марта 1559 г. воевода Довойна, по приказанію короля, писалъ митрополиту Сильвестру, чтобы онъ поспѣшилъ назначить время для съѣзда къ нему ближайшихъ архіереевъ и вмѣстѣ съ ними рукоположилъ въ полоцкаго архіепископа Глѣба Корсака, который принялъ при этомъ монашество съ именемъ Герасима. Но, вѣрно, и Герасимъ скоро скончался,— или былъ лишенъ каѳедры: потому что къ 22 окт. 1562 г. успѣлъ скончаться и преемникъ его, панъ Григорій Марковичъ Воловичь, которому король, по своей ласкѣ, далъ-было владычество полоцкое и витебское до его живота. Такъ сказано въ граматѣ самого короля, которою онъ въ означенное время (т. е. 22 окт. 1562) предоставлялъ полоцкую каѳедру, по просьбѣ воеводы, бояръ и всѣхъ жителей земли полоцкой, иноку Арсенію Шишкѣ. Недолго пришлось и Арсенію владычествовать въ Полоцкѣ: не прошло и четырехъ мѣсяцевъ, какъ Полоцкъ былъ взятъ (15 февр. 1563) царемъ Иваномъ Васильевичемъ, и «нареченный владыка» полоцкій Арсеній отведенъ въ плѣнъ и сосланъ въ спасо-каменный монастырь ([348]). Въ епархіи *владимірской* на Волыни было еще

([348]) А. З. Р. III, №№ 20. 21. 30 и примѣч. 19. 25; Собр. граматъ минск. губ., № 18; А. И. I, № 168; А. Э. I, № 289, стр. 353.

хуже. Король пожаловалъ ее, по смерти епископа Іосифа въ 1565 г., почти разомъ двумъ лицамъ: шляхтичу Ивану Борзобогатому-Красенскому, который, впрочемъ, имѣлъ королевскую грамату на нее еще съ 1563 г. и носилъ имя «нареченнаго» владыки владимірскаго и брестскаго, и холмскому епископу Ѳеодосію Лозовскому. Первый поспѣшилъ прибыть съ королевскимъ листомъ во Владиміръ, и будучи «увязанъ» и введенъ королевскимъ чиновникомъ въ управленіе епархіею и во владѣніе архіерейскихъ домовъ, оставилъ здѣсь завѣдывать всѣмъ своего сына Василія, королевскаго секретаря, а самъ уѣхалъ къ королю. Въ это время (3 сент. 1565 г.) явился къ Василію королевскій дворянинъ Петръ Семеновичь и, показывая ему новый «увяжчій» королевскій листъ, спросилъ Василія: согласенъ ли онъ уступить владимірское владычество холмскому епископу Ѳеодосію? Василій отвѣчалъ, что безъ воли отца онъ ничего не можетъ сдѣлать, что листъ долженъ быть предъявленъ отцу, который находится въ Гроднѣ при королѣ. Черезъ полторы недѣли пріѣхалъ во Владиміръ самъ владыка холмскій Ѳеодосій, имѣя при себѣ отрядъ изъ двухъ сотъ конныхъ и трехъ сотъ пѣшихъ вооруженныхъ людей, и вновь послалъ тогоже королевскаго дворянина, съ увяжчимъ листомъ, спросить пана Василія: согласенъ ли онъ, по доброй волѣ, уступить владычество владимірское. Когда Василій повторилъ свой прежній отвѣтъ, то на другой день (14 сент.) Ѳеодосій, увеличивъ свой отрядъ до двухъ съ половиною тысячъ вооруженныхъ людей и разставивъ по разнымъ мѣстамъ девять пушекъ, приказалъ стрѣлять изъ нихъ по епископскому замку и соборной церкви, шесть разъ посылалъ свое войско на штурмъ замка и велѣлъ подложить подъ стѣны его огонь. Это

продолжалось цѣлый день; немало людей было убито, многія зданія и соборная церковь были повреждены выстрѣлами. Панъ Василій принужденъ былъ ночью бѣжать изъ замка, и торжествующій Ѳеодосій вступилъ въ управленіе и архіерейскимъ домомъ и всею владимірскою епархіею. Когда, по жалобѣ Ивана Борзобогатаго, король послалъ своего дворянина Ивана Богухвала звать Ѳеодосія на судъ, и Богухвалъ (12 окт.) явился съ королевскою граматою къ епископу въ соборной церкви, вдругъ по окончаніи заутрени, сопровождаемый нѣсколькими слугами Борзобогатаго, то Ѳеодосій, еще не принимая граматы, бросился съ своимъ посохомъ на одного изъ этихъ слугъ и сильно ударилъ его, а потомъ велѣлъ своимъ слугамъ бить прочихъ слугъ Борзобогатаго, топтать ихъ ногами и выгнать изъ церкви, и сказалъ: «еслибы самъ Борзобогатый былъ здѣсь, я велѣлъ бы и его изрубить въ куски и бросить псамъ». Прочитавъ затѣмъ королевскую грамату, отвѣчалъ Богухвалу: «на судъ не поѣду, мнѣ не за чѣмъ ѣхать; а ты берегись, какъ бы и тебѣ не приключилось чего дивнаго: вѣдь, грамата подложная, на ней нѣтъ подписи короля» ([349]). И Ѳеодосій остался на владимірской каѳедрѣ, и украшалъ ее собою еще много лѣтъ, такъ что намъ еще неразъ придется встрѣтиться съ его не менѣе достохвальными дѣяніями. *Луцкая* епархія была едвали счастливѣе владимірской. Послѣ епископа Никифора (упомин. 1564 г.), король отдалъ ее какому-то Марку Жаровницкому, который, подъ именемъ нареченнаго епископа луцкаго и острожскаго, и управлялъ ею, оставаясь въ свѣтскомъ званіи. Какъ управлялъ, можно отчасти догадываться изъ слѣдующаго: урядникъ его, панъ Немецкій, пріѣхалъ въ

([349]) Архив. Юго-западн. Россіи, ч. I, т. I, №№ 4. 5 и предисл. XVI. XXI.

1566 г. въ красносельскій монастырь и, увидѣвъ вышедшаго къ нему на встрѣчу нареченнаго игумена монастыря, Богдана Шашку, закричалъ: «зачѣмъ ты, песъ, служишь вечерню, когда владыка не благословилъ тебя служить?»—ударилъ игумена въ лицо, избилъ его жестоко и, вынувъ саблю, хотѣлъ даже умертвить; къ счастію, игуменъ вырвался и убѣжалъ. Послѣ Марка Жаровницкаго король отдалъ эту епархію, въ 1567 году, пану Ивану Борзобогатому, неуспѣвшему возвратить себѣ владимірской. Новый владыка также правилъ луцкою епархіею около трехъ лѣтъ, оставаясь свѣтскимъ, прежде нежели принужденъ былъ принять духовный санъ, и, какъ увидимъ, не стѣснялся творить такія вещи, что развѣ немногимъ уступалъ своему бывшему сопернику Лозовскому ([350]). Въ *львовской* или галицкой епархіи продолжалъ владычествовать уже извѣстный намъ Арсеній Болобанъ, который, едва сдѣлавшись викаріемъ митрополита, захотѣлъ насильно овладѣть двумя мѣстными монастырями, велъ съ ними постоянную тяжбу и началъ-было тяжбу съ самимъ своимъ первосвятителемъ Макаріемъ. Этотъ Болобанъ, имѣя у себя нѣсколько сыновей, сильно желалъ, чтобы одинъ изъ нихъ былъ его преемникомъ по каѳедрѣ. Для осуществленія своего желанія онъ въ 1566 г., выражая намѣреніе будтобы оставить ее, выпросилъ у Сигизмунда Августа грамату на львовскую епархію сыну своему Григорію. Григорій тотчасъ и вступилъ въ управленіе ею, не принимая ду-

([350]) Архив. Юго-западн. Россіи, ч. I, т. I, предисл. XVI. XXV. Здѣсь сказано, будто Маркъ Жаровницкій управлялъ луцкою епархіею съ 1561 по 1567 г.; а между тѣмъ въ 1564 г. епископомъ луцкимъ былъ, несомнѣнно, Никифоръ (Вилен. Археогр. Сборн. VII, № 16, стр. 29).

ховнаго сана, и управлялъ, подъ руководствомъ отца, болѣе трехъ лѣтъ до самой его кончины ([351]).

Раздавая, по своему усмотрѣнію, архіерейскія каѳедры, король продолжалъ раздавать точно такъ же и православные монастыри. Въ 1562 г. онъ пожаловалъ своему дворянину Боркулабу Корсаку въ пожизненное владѣніе полоцкій предтеченскій монастырь, находившійся въ королевскомъ подаваньи, со всѣми имѣніями и доходами и съ правомъ держать въ своей власти «поповъ, черницъ и чернцовъ», которые издавна были подчинены настоятелю того монастыря (значитъ, монастырь былъ мужеско-женскій), и имѣть въ немъ отъ себя духовную особу, человѣка ученаго, который умѣлъ бы вести въ монастырѣ духовную справу по греческому закону. Другой монастырь своего подаванья, виленскій троицкій, находившійся подъ владѣніемъ митрополита Сильвестра Бѣлькевича до его живота, король отдалъ-было потомъ двумъ разнымъ лицамъ: сперва пану Ѳедору Яцкевичу Бѣлькевичу, можетъ быть, родственнику митрополита Сильвестра, а вскорѣ, по ходатайству виленскаго воеводы Радзивила Чернаго, воложинскому попу Василію Мартиновичу. Происшедшія отсюда недоразумѣнія заставили Радзивила потребовать къ себѣ королевскія граматы, данныя обоимъ этимъ лицамъ, и когда онъ убѣдился, что пану Бѣлькевичу грамата дана прежде, то и приказалъ (ок. 1567) ввести его во владѣніе троицкимъ монастыремъ съ его фольварками; король же своею граматою объявилъ тогда монахамъ монастыря, чтобы они принимали Бѣлькевича за архимандрита. Кіевскій флоровскій монастырь не находился въ непосредствен-

([351]) Supplem. ad Hist. Russ. Monum., № 169, p. 463; *Зубрицк.* Галицкая Русь, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1862, III, отд. III, 63.

номъ подаваньи короля. Этотъ монастырь со всѣмъ, что онъ имѣлъ у себя «издавна», воевода кіевскій, князь Константинъ Константиновичъ Острожскій отдалъ, своею властію, кіевскому протопопу Якову Гулькевичу въ пожизненное владѣніе; а митрополитъ Сильвестръ благословилъ его и совершать службу въ томъ монастырѣ. Не довольствуясь этимъ, Гулькевичъ просилъ короля, чтобы онъ утвердилъ за нимъ флоровскій монастырь не только въ пожизненное, но и въ потомственное владѣніе. И король далъ протопопу подтвердительную грамату (17 мая 1566), что монастырь тотъ имѣютъ держать въ своей власти и совершать въ немъ службы онъ самъ, его дѣти и потомки, какіе будутъ годны быть священниками ([352]).

Всѣ такого рода дѣйствія король Сигизмундъ Августъ позволялъ себѣ, можетъ быть, и безъ намѣренія вредить православной церкви, хотя они дѣйствительно были ей вредны, но единственно по укоренившемуся обычаю. Этотъ король былъ чуждъ латинскаго фанатизма и отличался вѣротерпимостію. Покровительствуя самимъ протестантамъ, онъ не отказывалъ въ своемъ покровительствѣ и православнымъ. Дозволялъ имъ строить или возобновлять церкви: такъ, въ 1560 г. разрѣшилъ вновь соорудить въ Вильнѣ двѣ церкви, за три года предъ тѣмъ сгорѣвшія, рождественскую и пятницкую, съ переименованіемъ послѣдней въ богоявленскую. Дѣлалъ пособія православнымъ церквамъ и монастырямъ: наприм. церкви Пречистыя Богородицы въ Гроднѣ, или точнѣе, существовавшему при ней госпиталю назначилъ ежегодное пособіе въ десять копъ грошей изъ своихъ собственныхъ, королевскихъ имѣній;

([352]) А. З. Р. III, № 29; Вилен. Арх. Сб. VI, № 27; X, стр. 10; А. Ю. и З. Р. II, № 145.

пересопицкому монастырю пожаловалъ имѣніе Чемеринъ, которое въ 1564 г. дозволилъ промѣнять на имѣніе Дядковичи; а кіево-николаевскому пустынному подтвердилъ (1566) право на владѣніе островомъ Трухоновымъ съ дворцомъ на немъ и ѣзомъ на Черторыи. Охранялъ и защищалъ имущественныя и судебныя права православнаго духовенства: въ 1558 г., по жалобѣ священниковъ и всѣхъ крилошанъ города Мстиславля на мѣстнаго старосту, приказалъ ему выдавать, по прежнему, тамошнимъ монастырямъ и церквамъ денежную и медовую дань, завѣщанную имъ княземъ Михаиломъ Ивановичемъ Мстиславскимъ; въ 1563 г., по жалобѣ пинскаго и туровскаго владыки Макарія на князя Богдана Соломерецкаго, незаконно присвоившаго себѣ въ своемъ имѣніи Рычевѣ населенную землю туровской соборной успенской церкви, приказалъ ему возвратить эту землю церкви и туровскому владыкѣ; въ 1567 г., по жалобѣ кіевопечерскаго архимандрита, что и его самого и его чернецовъ иногда требуютъ на судъ кіевскаго воеводы, каштеляна и писаря украинскихъ замковъ, объявилъ и подтвердилъ всѣмъ, что печерскій монастырь находится въ подаваньи и въ оборонѣ самого короля, и что потому архимандрита и чернецовъ печерскихъ не должны судить ни воевода ни другія свѣтскія власти, но архимандрита можетъ судить только самъ король, а чернецовъ—только архимандритъ ([353]).

Подобныя благодѣянія, впрочемъ, оказывали православному духовенству въ Литвѣ и прежніе короли. Сигизмундъ Августъ рѣшился, наконецъ, сдѣлать для православныхъ то, на что не

([353]) Вилен. Археогр. Сборн. VI, №№ 30. 32; VII, № 16; Акт. Вилен. Комм. I, № 3; А. Ю. и З. Р. I, № 146; Матеріалы для истор. кіев. митрополіи, стр. 57.

рѣшались его предмѣстники: въ 1563 г. онъ отмѣнилъ или, какъ самъ выражается, разъяснилъ на виленскомъ сеймѣ извѣстный городельскій законъ короля Ягайлы и вел. князя Витовта, устранявшій православныхъ отъ занятія государственныхъ и общественныхъ должностей. Грамата, данная по этому случаю, заслуживаетъ полнаго нашего вниманія. Въ ней король говоритъ: когда мы созвали на генеральный сеймъ въ Вильнѣ нашихъ пановъ радъ, духовныхъ и свѣтскихъ, и другихъ урядниковъ вел. княжества литовскаго и дозволили, по ихъ просьбѣ, внести въ новонаписанный Статутъ ихъ земскія привиллегіи, то всѣ члены сейма, принося намъ за это благодарность, доложили, что нѣкоторые артикулы въ тѣхъ земскихъ привиллегіяхъ требуютъ «ширшого объясненія», и указали на двѣ статьи городельскаго постановленія. По одной изъ нихъ, привиллегіями и преимуществами, данными дворянству въ литовскомъ государствѣ, могутъ пользоваться только тѣ паны, которые держатся римской вѣры и получили польскіе шляхетскіе гербы; а по другой—на достоинства и должности, каковы воеводство, каштелянство и другія, даваемыя на всю жизнь, могутъ быть избираемы только послѣдователи римскаго костела. Указавъ на обѣ эти статьи городельскаго постановленія, которое подтверждено было потомъ и нашимъ дѣдомъ Казиміромъ, нашимъ дядею Александромъ, нашимъ отцемъ Сигизмундомъ, и нами самими, члены сейма единогласно просили насъ дать тѣмъ статьямъ достаточное разъясненіе. И мы съ панами радами нашими, принимая во вниманіе, что шляхетскіе роды вполнѣ заслужили, своею службою, тѣ привиллегіи, какія дарованы имъ городельскимъ постановленіемъ; что не только послѣдователи римской церкви, но и греческой, занимая при

нашихъ предкахъ и при насъ должности радовъ (сенаторовъ) и всякія другія должности, всегда показывали на разныхъ службахъ свою вѣрность и усердіе, и что городельское постановленіе, направленное къ нѣкоторому униженію лицъ, содержащихъ греческую вѣру и не получившихъ гербовъ, составлено такъ потому, что на городельскомъ сеймѣ были не всѣ, и особенно не были станы русскихъ земель, опредѣляемъ: отнынѣ всѣми привиллегіями, дарованными литовскому дворянству, должны пользоваться не только паны и шляхта римской вѣры, имѣющіе польскіе гербы, но равно и всѣ дворяне, какъ литовскаго, такъ и русскаго народа, лишь бы они были вѣры христіанской; а такъ же отнынѣ на всякія достоинства и должности, даже до сенаторской, имѣютъ быть избираемы не одни послѣдователи римскаго костела, но и всѣ вообще дворяне христіанской вѣры, литовцы и русскіе, каждый по своимъ заслугамъ и способностямъ, и ни одинъ дворянинъ христіанской вѣры не можетъ быть устраняемъ отъ этихъ привиллегій ([354]). Такимъ образомъ самъ король Сигизмундъ Августъ засвидѣтельствовалъ для насъ здѣсь три вещи: а) что городельское постановленіе, столько враждебное русскимъ или православнымъ, было подтверждаемо его дѣдомъ, дядею, отцемъ и имъ самимъ; б) что русскіе, несмотря на городельское постановленіе, занимали при всѣхъ этихъ короляхъ всякія, и самыя высшія, должности, и в) что на городельскомъ сеймѣ, издавшемъ такое постановленіе, вовсе не присутствовали представители русскихъ земель,—почему, прибавимъ отъ себя, не безъ основанія русскіе считали для себя это постановленіе необязательнымъ. Обращаясь къ опредѣленію или

([354]) А. З. Р. III, № 32.

объясненію городельскаго постановленія, состоявшемуся теперь на виленскомъ сеймѣ, мы должны сознаться, что оно имѣло въ виду не однихъ православныхъ, но вообще христіанъ–не католиковъ, слѣдовательно и протестантовъ всѣхъ сектъ, существовавшихъ тогда въ предѣлахъ литовскихъ, и здѣсь-то надобно искать причину, почему оно состоялось и могло состояться. Прежде на генеральныхъ сеймахъ въ королевской радѣ преобладающее большинство всегда составляли латиняне, и при такомъ преобладаніи нельзя было и думать, чтобы какой либо сеймъ согласился отмѣнить или измѣнить постановленіе, дававшее столько преимуществъ послѣдователямъ римской вѣры предъ православными. Теперь преобладающее значеніе въ королевской радѣ имѣли уже не латиняне, а протестанты, которые очень хорошо понимали, что городельское постановленіе, предоставлявшее разныя права, въ томъ числѣ, и право занимать высшія государственныя должности однимъ латинянамъ, лишало этихъ правъ не только православныхъ, но и протестантовъ, и вотъ они воспользовались на виленскомъ сеймѣ своею силою, въ соединеніи съ православными, чтобы измѣнить это постановленіе въ пользу вообще христіанъ-не католиковъ. На сеймѣ, въ составѣ королевской рады, находились тогда, судя по подписямъ подъ королевскою граматою, оба могущественные Радзивила, воевода виленскій и воевода троцкій—гетманъ литовскій, Евстафій Воловичь подскарбій вел. княжества литовскаго, Янъ Ходкевичь—стольникъ тогоже княжества и другіе, а со стороны православныхъ воевода кіевскій—князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, воевода новогродскій Павелъ Павловичъ Сопѣга, гетманъ дворный Григорій Ходкевичь, братъ его староста бѣльскій Юрій Ходкевичь и другіе, хотя были также и латинскіе бискупы: виленскій Валеріанъ, луцкій Янушъ Андрушевичь и кіевскій Николай Пацъ. Поэтому на королевскую грамату, данную на настоящемъ виленскомъ сеймѣ, слѣдуетъ смотрѣть не какъ на свидѣтельство благоволенія короля Сигизмунда Августа собственно къ православнымъ, но какъ на актъ его вѣротерпимости по отношенію ко всѣмъ исповѣданіямъ христіанскимъ,—актъ, которымъ желалъ король уравнять, по гражданскимъ правамъ, всѣхъ дворянъ великаго княжества литовскаго, какого бы исповѣданія христіанскаго они ни держались: римскаго, православнаго или протестантскаго. Слѣдуетъ присовокупить, что это же самое постановленіе виленскаго сейма Сигизмундъ Августъ подтвердилъ, съ нѣкоторыми новыми разъясненіями, и на гродненскомъ сеймѣ 1 іюля 1568 г., объявивъ, что впредь оно не должно нуждаться въ новыхъ подтвержденіяхъ, а должно сохранять свою силу навсегда ([355]).

Хотя многихъ изъ православныхъ пановъ увлекло тогда протестанство, но все же еще оставались между ними и приверженные къ вѣрѣ отцевъ и усердные къ православнымъ храмамъ и обителямъ. Князь Янушъ Козмичъ Жеславскій, вмѣстѣ съ матерію своею княгинею Анастасіею Гольшанскою, исполняя волю покойнаго родителя, подарилъ (12 іюня 1556) своему «дворецкому» монастырю во имя Пресв. Троицы три села со всѣми землями и угодьями, данями и доходами: монастырь этотъ упоминается теперь въ первый разъ. Князь Константинъ (Василій) Константиновичъ Острожскій, воево-

([355]) А. Ю. и З. Р. II, № 146. Циховскій говоритъ, что въ то время, praeter duos episcopos, in senatu Lithuanico vix unus atque alter reperiebatur, qui non fuerit heresin professus (Alloquior. Ossiecensium pag. 210).

да кіевскій, далъ (12 янв. 1560) кіево-михайловскому златоверхому монастырю, по просьбѣ игумена и братіи, островокъ Обрубный на верхнемъ концѣ Чарторыя, два озера Петриково и Плоское и сѣножати, которыми монастырь будтобы владѣлъ и прежде. Князь Иванъ Ѳедоровичъ Чарторыйскій, справца воеводства кіевскаго, вмѣстѣ съ намѣстникомъ кіевскаго воеводы Ѳедоромъ Тишею, отдали земельныя владѣнія находившагося тогда въ запустѣніи кирилловскаго монастыря пяти попамъ замковой николаевской церкви въ Кіевѣ, и король утвердилъ (23 іюня 1565) это даяніе. Въ Слуцкѣ упоминаются два новыхъ монастыря, прежде неизвѣстные: монастырь св. пророка Иліи (1556 г.) и монастырь николаевскій мороцкій (1558 г.), одолженные своимъ существованіемъ, вѣроятно, благочестію слуцкихъ православныхъ князей или гражданъ ([356]). Здѣсь же кстати упомянемъ и объ усердіи молдавскаго православнаго господаря Александра, съ какимъ онъ заботился о сооруженіи и содержаніи успенскаго храма въ городѣ Львовѣ, принадлежавшаго львовскому братству. Храмъ этотъ уже давно далъ трещины и угрожалъ паденіемъ. Братство само не въ состояніи было воздвигнуть его вновь. Окружная грамата митрополита Макарія (1547 г.), приглашавшая къ пожертвованіямъ на возобновленіе этого храма, принесла, вѣрно, мало пользы. Тогда братство обратилось за помощію къ молдавскому господарю Александру, который и принялъ братскую церковь подъ свое покровительство. Онъ написалъ (1558 г.) къ королю Сигизмунду Августу и ходатайствовалъ, чтобы львовскіе радцы или магистратъ уступили

([356]) А. Ю. и З. Р. I, №№ 131. 139. 145; Собр. грам. минск. губерн. № 16; А. З. Р. III, № 22.

православнымъ братчикамъ, за деньги, нѣкоторые матеріалы на сооруженіе церкви. Потомъ, впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ (1558—1566), велъ переписку съ самими членами братства, неоднократно присылалъ имъ деньги на строеніе храма, приготовилъ для него сосуды, образа, царскія врата, занавѣсы, ризницу и всю церковную утварь, купилъ колокола, покрылъ его мѣдью, позолотилъ на немъ кресты, доставлялъ ему воскъ для свѣчей и проч. ([357]).

Но тогда, какъ одни, болѣе или менѣе, благодѣтельствовали православнымъ монастырямъ, другіе, называвшіеся еще ихъ патронами, нерѣдко доводили монастыри до совершеннаго раззоренія. Напримѣръ, нѣкто панъ Семенъ Волловичь, можетъ быть, изъ числа тѣхъ Волловичей, которые приняли тогда протестантство, получивъ отъ короля (1560 г.) гродненскій колошскій монастырь въ свое управленіе, съ самаго начала повелъ дѣло такъ, что изъ монастыря разбѣжались всѣ монахи. Остался-было одинъ, котораго, за его зазорную жизнь, вынужденъ былъ прогнать самъ Волловичь, нанявъ для совершенія богослуженія въ монастырѣ бѣлаго священника за небольшую плату. А всѣ доходы монастыря обращалъ исключительно въ свою пользу, всѣмъ его имуществомъ и владѣніями распоряжался, какъ своею собственностію,—и это продолжалось восемь лѣтъ, пока король не отдалъ колошскаго монастыря другому, такому же пану ([358]).

Кончина митрополита Сильвестра случилась, вѣроятно, въ послѣднюю четверть 1567 года: потому что въ это время

([357]) Supplement. ad Hist. Russ. Monum. № 168; А. Ю. и З. Р. I, № 133.
([358]) Вилен. Археогр. Сборн. IX, стр. 427 — 428; Акт. Вилен. Коммис. I, № 33, стр. 126.

виленскій троицкій монастырь, который пожалованъ былъ королемъ митр. Сильвестру до его живота, король пожаловалъ уже другому лицу, пану Ѳедору Яцкевичу Бѣлькевичу. Но на преемство митр. Сильвестру еще въ 1565 году испрошена была грамата у короля Сигизмунда Августа однимъ епископомъ. Это былъ никто другой, какъ владыка холмскій Ѳеодосій Лозовскій, который въ томъ же году съ такою храбростію отвоевалъ себѣ епархію владимірскую у пана Ивана Борзобогатаго-Красенскаго. Несмотря, однакожъ, на королевскую грамату, такъ заблаговременно испрошенную, храброму епископу не суждено было сдѣлаться митрополитомъ, можетъ быть, вслѣдствіе этой самой, слишкомъ неумѣренной, храбрости ([359]).

II.

Въ первой половинѣ 1568 г. на каѳедру митрополіи кіевской и галицкой возведенъ былъ пинскій и туровскій епископъ Іона Протасовичъ-Островскій, носившій, впрочемъ, и въ сентябрѣ имя только *нареченнаго* митрополита ([360]). Въ томъ же году (21 сент.) виленскій бискупъ Валеріанъ Протасовичъ-Шушковскій, можетъ быть, дальній родственникъ

([359]) Увязчій листъ на троицкій монастырь данъ Ѳедору Бѣлькевичу въ октябрѣ 1567 г. (Вилен. Арх. Сборн. VI, № 27). О граматѣ короля, данной, въ 1565 г. холмскому епископу Ѳеодосію на митрополію, по смерти митр. Сильвестра, свидѣтельствуетъ митр. Евгеній въ Исторіи Росс. іерархіи, ч. I, стр. 413—414, изд. 2, хотя и не указалъ, гдѣ грамата эта находится.

([360]) А. З. Р. III, № 43; Вилен. Археогр. Сборн. VI, № 23. Что Іона взятъ на митрополію съ каѳедры пинской и туровской, объ этомъ говорятъ и латинскіе и наши писатели (*Кульчинск.* Specimen Eccl. Ruthen. 125; *Стебельск.* Chronolog. 105; *Евген.* Опис. Кіево-Соф. собора, 118; Истор. Росс. іерархіи,

Іоны, судя по фамиліи, купилъ въ Вильнѣ, за четыре тысячи копъ грошей, большой каменный домъ для іезуитовъ, неподалеку отъ своего бискупскаго дома ([361]). И если митрополиту Сильвестру, при самомъ вступленіи на каѳедру, суждено было встрѣтить новыхъ враговъ православной церкви въ лицѣ протестантовъ, то преемнику его, Іонѣ Протасовичу, вскорѣ по вступленіи на каѳедру, пришлось увидѣть предъ собою еще болѣе сильныхъ и опасныхъ враговъ православія въ обществѣ іезуитовъ. Протестанты въ Литвѣ прежде всего направили свое оружіе на латинянъ и за тѣмъ уже на православныхъ. Такъ и іезуиты сначала устремились здѣсь на протестантовъ, но вскорѣ повели борьбу и съ православными ([362]).

Орденъ іезуитовъ, всецѣло посвятившій себя на служеніе папству и римской церкви противъ всѣхъ ересей, особенно умножившихся въ XVI в., утвержденъ папою Павломъ III въ 1540 году. А чрезъ шестнадцать лѣтъ іезуиты проникли уже почти во всѣ страны западной Европы и имѣли въ ней девять своихъ провинцій, съ провинціалами во главѣ, и кромѣ того три провинціи внѣ Европы: въ Бразиліи, Ѳіопіи и

I, 423, изд. 2), хотя и неизвѣстно, на какомъ основаніи. Прежде Іона былъ женатъ и имѣлъ дѣтей (А. З. Р. III, примѣч. 2 и 34). Не былъ ли онъ тотъ самый королевскій дворянинъ Иванъ Протасовичъ, котораго въ 1540 г., какъ мы видѣли, Сигизмундъ I присылалъ въ Кіевъ, чтобы освободить изъ заключенія кіевопечерскаго архимандрита Софронія и выслать его, съ тремя иноками, къ митрополиту Макарію? (См. выше примѣч. 281 и текстъ, къ которому оно относится).

([361]) Вилен. Археогр. Сборн. III, № 20.

([362]) Главнымъ источникомъ свѣдѣній объ іезуитахъ въ Литвѣ, въ обозрѣваемое нами время, служитъ книга: Lituanicarum societatis Jesu historiarum provincialium pars prima, auctore *Stanislao Rostowski*, ex eadem societate et provincia sacerdote, Wilnae, 1768.

Индіи. Въ 1564 г. іезуиты водворились въ Польшѣ, именно въ Варміи, куда приглашены были мѣстнымъ епископомъ-кардиналомъ Станиславомъ Гозіемъ, и гдѣ въ самое короткое время успѣли показать себя съ самой выгодной стороны въ борьбѣ съ протестантами. Этотъ-то Гозій, который родомъ былъ изъ Вильны, человѣкъ весьма умный и просвѣщенный, отличавшійся величайшею приверженностію къ папству, бывшій нѣсколько времени предсѣдателемъ на тридентійскомъ соборѣ и пользовавшійся высокимъ авторитетомъ во всемъ католическомъ мірѣ, далъ совѣтъ виленскому бискупу Валеріану Протасовичу вызвать въ Вильну іезуитовъ для противодѣйствія усилившимся въ ней кальвинистамъ и другимъ сектантамъ. Протасовичь съ радостію послѣдовалъ совѣту и, купивъ, какъ мы уже сказали, домъ для помѣщенія іезуитовъ, просилъ Гозія о присылкѣ ихъ въ Вильну. Когда посланные Гозіемъ іезуиты приблизились къ Вильнѣ,—ихъ было пять: два священника изъ ольмюцкой іезуитской коллегіи—Вальтазаръ Гостовинъ и Андрей Фризій, два при нихъ помощника-лаика и, въ качествѣ вождя ихъ, вице-провинціалъ Франциск Суннерій,—Протасовичь, опасаясь, чтобы на нихъ не сдѣлали здѣсь нападенія еретики, отправилъ на встрѣчу прибывшимъ собственный экипажъ и отрядъ вооруженныхъ слугъ, подъ охраною которыхъ достойные ученики Лайолы и въѣхали въ литовскую столицу ([363]). Это было въ сентябрѣ 1569 г., вскорѣ послѣ того какъ окончился пресловутый люблинскій сеймъ

([363]) *Rostowski*, pag. 29 — 34. 66. До какой степени уважалъ самъ папа Пій V кардинала Гозія, какъ единственнаго ревнителя и защитника латинской вѣры въ Польшѣ, видно изъ писемъ перваго къ послѣднему (*Theiner*, Vetera Monum. Pol. et Lith., II, №№ 754. 759. 762. 763. 777. 785 и др.).

(10 янв.—12 авг. 1569 г.), на которомъ состоялось окончательное соединеніе Литвы съ Польшею. Такимъ образомъ въ одинъ и тотъ же годъ совершились два роковыя событія, имѣвшія гибельнѣйшія послѣдствія для всего западно-русскаго края и существовавшей въ немъ православной церкви. На люблинскомъ сеймѣ утверждена такъ-называемая *политическая унія* Литвы съ Польшею; но то была собственно не унія, не соединеніе двухъ государствъ на равныхъ правахъ, а подчиненіе и порабощеніе одного государства другому, литовскаго польскому, — порабощеніе, которое повело къ постепенному ослабленію и подавленію русской народности и русскаго языка въ литовскомъ государствѣ, бывшихъ дотолѣ здѣсь господствующими, хотя при заключеніи люблинской уніи и было постановлено, что литовцы и русскіе, наравнѣ съ поляками, будутъ всегда пользоваться всѣми своими правами, гражданскими и религіозными, и что для русскихъ всѣ граматы и указы будутъ всегда писаться, всякое дѣлопроизводство въ судахъ будетъ всегда совершаться не иначе, какъ на русскомъ языкѣ ([364]). А съ прибытіемъ іезуитовъ въ Вильну вновь начались почти уже забытыя попытки насадить въ Литвѣ такъ-называемую *церковную унію*, которая, наконецъ, и водворилась здѣсь, при содѣйствіи іезуитовъ, и повела къ постепенному подавленію православія во всемъ западно-русскомъ краѣ, и сопровождалась непрерывнымъ рядомъ притѣсненій и бѣдствій для православныхъ, не соглашавшихся принять ее, а за тѣмъ и для самихъ уніатовъ.

Домъ, въ который ввелъ бискупъ Валеріанъ іезуитовъ, пред-

([364]) См. привиллегіи, данныя на люблинскомъ сеймѣ 5-го іюня, 1-го іюля и 11-го августа—Volumina legum, II, pag. 84. 87. 92. 94, ed. Petersburg 1859.

ставлялъ удобное помѣщеніе для тридцати членовъ этого ордена, и былъ совершенно приспособленъ для устройства въ немъ іезуитскаго коллегіума. Кромѣ того Валеріанъ купилъ и подарилъ имъ еще два дома, находившіеся вблизи, съ обширными плацами, назначилъ на содержаніе самаго коллегіума по двѣ тысячи копъ литовскихъ грошей изъ своихъ имѣній, а на содержаніе при коллегіумѣ гимназіи опредѣлилъ нѣсколько своихъ деревень съ ихъ доходами. Когда все уже было подготовлено для открытія обоихъ этихъ заведеній, пріѣхалъ въ Вильну (въ іюлѣ 1570), по приказанію іезуитскаго генерала Франциска Боргія, провинціалъ австрійскихъ и польскихъ іезуитовъ Лаврентій Магій. При немъ находился Станиславъ Варшевицкій, сынъ варшавскаго кастеляна, получившій отличное образованіе въ виттембергскомъ университетѣ, неразъ исполнявшій должность секретаря при королѣ Сигизмундѣ Августѣ и его посланника къ разнымъ европейскимъ дворамъ, а съ 1567 г. самый ревностный іезуитъ, славный своею ученостію и краснорѣчіемъ. Открытіе іезуитскаго коллегіума и гимназіи Магій совершилъ съ особенною торжественностію, въ присутствіи бискупа Валеріана, его капитула и многочисленнаго духовенства,—причемъ, какъ сами іезуиты, такъ и ихъ ученики говорили рѣчи и стихи на языкахъ латинскомъ, греческомъ и еврейскомъ. Число братьевъ-іезуитовъ въ новооткрытомъ коллегіумѣ простиралось уже до 26-ти. Отъѣзжая изъ Вильны, Магій назначилъ ректоромъ этого коллегіума и гимназіи Станислава Варшевицкаго ([365]).

Школа всегда была въ рукахъ іезуитовъ самымъ могущественнымъ орудіемъ для ихъ пропаганды. Но открытая въ

([365]) *Rostowski*, pag. 37—42.

Вильнѣ гимназія ихъ въ началѣ почти не имѣла учениковъ. Православные, естественно, смотрѣли на нее съ подозрѣніемъ и не пускали туда своихъ дѣтей; у протестантовъ были свои гимназіи и школы въ Вильнѣ и другихъ мѣстахъ; сами католики предпочитали прежнія свои училища, особенно находившіяся при виленскомъ каѳедральномъ соборѣ св. Станислава. Бискупъ Валеріанъ написалъ окружное посланіе ко всей своей паствѣ, въ которомъ восхвалялъ ученость о. іезуитовъ и рекомендовалъ всѣмъ основанную ими гимназію. Мало по малу, когда въ Вильнѣ стали привыкать къ іезуитамъ, когда увидѣли блестящіе успѣхи ихъ учениковъ, особенно въ латинскомъ языкѣ, и узнали, что дѣтей бѣдныхъ родителей іезуиты обучаютъ у себя безплатно, ихъ гимназія начала наполняться, и въ нее посылали своихъ дѣтей даже православные. Въ томъ же 1570 г. іезуиты успѣли воспользоваться и другимъ своимъ обычнымъ орудіемъ въ борьбѣ съ иновѣрцами: разумѣемъ диспуты. Поводъ къ тому подали сами иновѣрцы, которыхъ было тогда множество въ Вильнѣ. Между ними наиболѣе славились своею ученостію два кальвинскихъ учителя: Андрей Трицезій и особенно Андрей Воланъ, съ юныхъ лѣтъ бывшій секретаремъ при князѣ Николаѣ Радзивилѣ Черномъ и издавшій много ученыхъ сочиненій. Однажды оба эти лица, съ большою толпою лютеранъ и кальвинистовъ, пришли въ коллегіумъ къ іезуитамъ и горделиво вызвали ихъ на пренія о вѣрѣ, предлагая вопросы о таинствѣ евхаристіи. Іезуиты приняли вызовъ и прежде всего спросили своихъ противниковъ: должно ли, по ихъ мнѣнію, вѣрить тому, чему учили св. отцы церкви? Получивъ утвердительный отвѣтъ, принесли множество книгъ, начали приводить свидѣтельства отцевъ, особенно Авгу-

стина и Амвросія, касавшіяся избранной темы, —завязался жаркій споръ, переходили съ предмета на предметъ и дѣло окончилось ничѣмъ. Недовольные тѣмъ, что это преніе было какбы домашнее, происходило въ стѣнахъ коллегіума, братья іезуиты сочли нужнымъ вызвать своихъ противниковъ на публичную борьбу, написали на бумагѣ нѣсколько богословскихъ тезисовъ для диспута, въ томъ числѣ и о таинствѣ евхаристіи, и привѣсили тезисы на дверяхъ свято-іоанновскаго костела, обращая свой вызовъ ко всѣмъ проходящимъ. Въ назначенное для диспута время, на площади предъ костеломъ, собралось множество жителей Вильны и между ними кальвинистовъ и другихъ сектантовъ. Пришли и отцы іезуиты; но изъ противниковъ никто не выступалъ для состязанія съ ними. Тогда находчивые отцы рѣшились произвесть диспутъ сами между собою, раздѣлившись на разныя партіи: одни изъ нихъ отстаивали ученіе Калвина, другіе Лютера и Цвинглія, третьи Арія и Социна, а четвертые ученіе римской церкви. Въ такомъ видѣ публичный диспутъ продолжался три дня сряду, въ присутствіи многочисленныхъ слушателей всѣхъ исповѣданій. Участвовавшіе въ спорѣ, казалось, защищали, каждый, свои мнѣнія съ искреннимъ убѣжденіемъ и ревностію; но споръ всегда оканчивался торжествомъ римской церкви и посрамленіемъ иновѣрцевъ. Подобными диспутами, часто потомъ возобновлявшимися, іезуиты до крайности унижали, въ глазахъ толпы, иновѣрныя исповѣданія и ихъ проповѣдниковъ и привлекали къ себѣ всеобщее уваженіе и сочувствіе ([366]).

Кромѣ двухъ указанныхъ средствъ, школы и диспутовъ, іезуиты всегда и вездѣ умѣли искусно дѣйствовать для своихъ

([366]) *Rostowski*, pag. 42—43.

цѣлей и другими средствами, собственно религіозными, каковы: богослуженіе, проповѣдь и исповѣдь. Этими средствами воспользовались они и въ Вильнѣ. Съ самаго своего прибытія они начали домогаться, чтобы имъ былъ отданъ архипресвитеріальный костелъ св. Яна (Іоанна), находившійся возлѣ ихъ дома, въ центрѣ города. Бискупъ Валеріанъ вполнѣ соглашался на ихъ желаніе; но настоятель костела, Петръ Роизій, родомъ испанецъ, нерасположенный къ братству Іисуса, не хотѣлъ уступать своей церкви и оставался непреклоннымъ, не смотря на всѣ увѣщанія и приказанія бискупа. Обратились къ королю, и король пожаловалъ грамату, которою передавалъ костелъ іезуитамъ. Вскорѣ, впрочемъ, послѣдовала и смерть Роизія (1571). Тогда іезуиты, овладѣвъ костеломъ, поспѣшили его обновить и украсить, устроили въ немъ новые престолы, выписали для него прекрасныя иконы и распятія, завели богатѣйшую ризницу и всю церковную утварь, отличный органъ и хоръ пѣвчихъ, и начали совершать богослуженіе съ такимъ великолѣпіемъ, какого прежде никто не видалъ въ Вильнѣ. Самъ престарѣлый бискупъ являлся къ нимъ на служеніе въ большіе праздники со всѣмъ своимъ капитуломъ. Все это производило на народъ неотразимое впечатлѣніе. Толпы богомольцевъ наполняли костелъ не только въ праздники, но и въ простые дни, такъ что отцы іезуиты, ежедневно совершая въ немъ для приходящихъ по нѣскольку службъ, выбивались изъ силъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ каждый день, утромъ и вечеромъ, по распоряженію Варшевицкаго, раздавались въ костелѣ проповѣди, то на польскомъ, то на латинскомъ, то на нѣмецкомъ, то на италіянскомъ языкахъ. Самъ Варшевицкій, обладавшій ораторскимъ талантомъ, говорилъ весьма часто, и вліяніе его

проповѣдей было до того сильно, что иногда весь народъ въ церкви рыдалъ. Въ 1573 г. прибылъ въ Вильну еще весьма даровитый іезуитъ, бывшій прежде каноникомъ львовскимъ, докторъ философіи Петръ Скарга, превосходившій самаго Варшевицкаго необыкновеннымъ краснорѣчіемъ. Проповѣди новаго духовнаго витіи съ перваго же дня начали привлекать массы слушателей всѣхъ исповѣданій и имѣли громадный успѣхъ. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ проповѣдей и пышныхъ церемоній, совершавшихся въ костелѣ, не только латиняне, но часто и иновѣрцы толпами окружали потомъ конфессіоналы іезуитскихъ духовниковъ, и число жаждавшихъ исповѣдаться было иногда такъ велико, что іезуиты приглашали себѣ на помощь другихъ монаховъ и ксендзовъ. Всѣ исповѣдавшіеся у іезуитовъ принимали отъ нихъ и причащеніе, а затѣмъ вносились въ списки право-вѣрующихъ и считались уже добрыми католиками ([367]).

Скарга, быстро сдѣлавшійся знаменитостію въ Вильнѣ, придумалъ еще средство для успѣховъ своего общества: онъ учредилъ (1573) при свято-іоанновскомъ костелѣ «братство тѣла Господня или таинства евхаристіи», по идеѣ, прямо направленное противъ протестантовъ. Въ это братство, которое не замедлили утвердить и папа и король, первые вписались бискупъ Валеріанъ и кардиналъ Гозій, а изъ свѣтскихъ виленскій войтъ, проконсулъ, бурмистръ и затѣмъ многіе другіе, духовные и міряне. Въ костелѣ устроена была особая часовня во имя тѣла Господня. Скарга выписалъ для нея изъ Рима большое распятіе прекрасной работы. Варшевицкій, ѣздившій

([367]) *Rostowski*, p. 46. 49. 50. Въ орденъ іезуитовъ поступилъ Скарга въ Римѣ, въ 1569 году (ibid. p. 32).

(1574), по приказанію папы, въ Швецію для убѣжденія короля Іоанна принять латинство, привезъ оттуда для часовни мощи св. Ѳеофила, которыя и положены въ ней, въ серебряной ракѣ. Члены братства дѣлали ежегодныя приношенія въ братскую кружку и принимали участіе въ церковныхъ церемоніяхъ и крестныхъ ходахъ, съ своимъ особымъ хоромъ пѣвчихъ, въ своихъ особыхъ костюмахъ, съ своими особыми знаменемъ, распятіемъ, фонарями, бубенчиками, и тѣмъ увеличивали пышность совершавшихся обрядовъ и увлекали толпу. Но главная обязанность братчиковъ состояла въ томъ, чтобы всѣми мѣрами содѣйствовать достиженію цѣлей іезуитской пропаганды. Нельзя не упомянуть здѣсь и объ одномъ обстоятельствѣ, по видимому, случайномъ, которое, однакожъ, весьма много послужило въ пользу іезуитовъ. Въ 1571 г. въ Вильнѣ свирѣпствовало страшное повѣтріе, такъ что всѣ, кто могъ, бѣжали изъ города. Уѣхалъ и бискупъ съ своимъ капитуломъ, разъѣхались и всѣ почти ксендзы. Но Варшевицкій съ нѣсколькими товарищами не покидалъ своего коллегіума. Они продолжали совершать церковныя службы и проповѣдать, посѣщали и утѣшали больныхъ, помогали бѣднымъ, ухаживали за умирающими, исповѣдывали ихъ и пріобщали. Болѣе двадцати другихъ братій обходили съ тоюже цѣлію окрестныя села и деревни и вездѣ являлись съ своею помощію, вещественною и духовною. Нѣкоторые изъ нихъ сами при этомъ заразились у одра больныхъ и умиравшихъ и поплатились жизнію. Такіе подвиги самоотверженія и христіанской любви не могли не подѣйствовать глубоко на мѣстное народонаселеніе и не возбудить въ немъ горячей признательности и расположенности къ отцамъ іезуитамъ ([368]).

([368]) *Rostowski*, p. 46. 53. 56; *Kraszewski*, Wilno, II, 420—421. 438.

Пріобрѣтши расположенность виленскихъ гражданъ, іезуиты начали, мало по малу, входить въ ихъ домы, проникать въ ихъ семейную жизнь; а такіе іезуиты, какъ Варшевицкій и Скарга, по самому своему образованію и общественному положенію, легко пролагали себѣ путь въ домы богатыхъ людей и магнатовъ. Вездѣ, куда ни являлись отцы, они старались заводить рѣчь о предметахъ вѣры, и своею ученостію, краснорѣчіемъ, иногда ловкими и побѣдоносными состязаніями съ иновѣрцами, дѣйствовали на совѣсть слушателей и увлекали ихъ сердца. Жилъ въ Вильнѣ родной братъ знаменитаго кардинала Гозія, по имени Ульрихъ, человѣкъ весьма богатый, но упорный калвинистъ. Всѣ усилія кардинала обратить его къ римской вѣрѣ оставались тщетными. Но Варшевицкій своими бесѣдами успѣлъ поколебать этого калвиниста, и онъ сдѣлался католикомъ. Еще важнѣе было обращеніе Яна Іеронимовича Ходкевича, маршалка литовскаго, державцы жмудскаго. Онъ былъ внукъ основателя супрасльскаго православнаго монастыря и самъ много лѣтъ оставался въ православіи, а совратившись въ калвинство, считался однимъ изъ главныхъ его опоръ и покровителей. Варшевицкій близко познакомился съ этимъ Ходкевичемъ еще въ виттембергскомъ университетѣ, гдѣ они вмѣстѣ воспитывались, и, поселившись въ Вильнѣ, началъ часто посѣщать домъ своего бывшаго товарища. Всѣ усилія хитраго іезуита были направлены къ тому, чтобы привлечь на свою сторону такого знатнаго вельможу; но послѣдній не поддавался и, желая осязательнѣе убѣдиться, какая вѣра истинная, пригласилъ къ себѣ лучшихъ протестантскихъ богословъ и предложилъ имъ вступить въ преніе съ Варшевицкимъ и другими іезуитами о таинствѣ евхаристіи. Этотъ до-

машній диспутъ возобновлялся нѣсколько разъ и иногда продолжался сряду до пяти часовъ. Наконецъ, Ходкевичъ призналъ протестантовъ побѣжденными, попросилъ себѣ латинскаго катихизиса и чрезъ нѣсколько дней принесъ въ руки папскаго нунція, кардинала Коммендонія, свое исповѣданіе вѣры, совершенно латинское, торжественно принялъ (1572 г.) католицизмъ, и актъ своего обращенія велѣлъ напечатать и распространить по всему краю ([369]). Вскорѣ іезуиты торжествовали новую и пріятнѣйшую для нихъ побѣду. Главный врагъ католицизма въ Литвѣ и главный насадитель здѣсь калвинизма, князь Николай Радзивилъ Черный († 1565 г.) оставилъ четырехъ сыновей, изъ которыхъ Николаю-Христофору было 16 лѣтъ, Юрію 9, Альберту 7 и Станиславу 6. Всѣ они были реформатскаго исповѣданія и воспитывались сначала въ виленской школѣ, а потомъ въ лейпцигской академіи. За старшимъ изъ нихъ Николаемъ, прозваннымъ Сироткою, іезуиты начали слѣдить еще со смерти его отца, и незамѣтно окружали неопытнаго юношу повсюду, во время его путешествій по Франціи и Италіи, стараясь колебать его вѣру. По возвращеніи на родину, онъ подпалъ здѣсь подъ вліяніе знаменитаго Скарги, который своими проповѣдями и увѣщаніями окончательно увлекъ его и заставилъ принять латинство (1574). Второй братъ Юрій, по возвращеніи изъ лейпцигской академіи, нашелъ въ отцовскомъ домѣ большія перемѣны: здѣсь, вмѣсто

([369]) *Rostowski*, pag. 50 — 52. У основателя супрасльскаго монастыря, Александра Ходкевича, было три сына: Іеронимъ — каштелянъ трокскій, староста жмудскій; Григорій — воевода витебскій, потомъ великій литовскій гетманъ, и Юрій — королевскій крайчій (Вилен. Археогр. Сборн. IX, стр. 48). Янъ Іеронимовичъ Ходкевичъ былъ сынъ старшаго изъ этихъ трехъ братьевъ.

калвинской молельни существовала уже великолѣпная католическая часовня, и главное общество составляли отцы іезуиты. Юноша неразъ вступалъ съ ними въ споры, но чувствовалъ себя всегда побѣжденнымъ и скоро послѣдовалъ примѣру брата. Юрій отправился въ Римъ, а престарѣлый бискупъ виленскій Протасевичъ, по совѣту іезуитовъ, объявилъ (17 мая 1574) въ своемъ капитулѣ, что желаетъ назначить князя Юрія Радзивила, намѣревающагося вступить въ духовное званіе, своимъ коадъюторомъ,—и чрезъ годъ (4 Іюля 1575) папа Григорій XIII дѣйствительно опредѣлилъ этого юношу, едва имѣвшаго девятнадцать лѣтъ, виленскимъ епископомъ—коадъюторомъ. Въ этомъ году приняли католичество и два младшіе брата, Албертъ и Станиславъ. Обращеніе къ латинству четырехъ братьевъ Радзивиловъ имѣло особенную важность уже потому, что они принадлежали къ знаменитѣйшему тогда роду литовскихъ вельможъ и своимъ примѣромъ могли увлечь многихъ, а еще болѣе потому, что, владѣя многочисленными имѣніями, въ которыхъ отецъ ихъ старался утвердить калвинство, они немедленно изгнали изъ этихъ имѣній реформатскихъ пасторовъ и ихъ церкви передали ксендзамъ. Совершались тогда, подъ вліяніемъ іезуитовъ, обращенія къ латинству и другихъ менѣе знатныхъ лицъ. Одинъ Варшевицкій обратилъ, въ разное время, болѣе ста человѣкъ. Про Скаргу же разсказываютъ слѣдующій случай: однажды, когда Скарга проходилъ по улицѣ, на него напалъ нѣкто Войцѣхъ Слѣповронскій, ярый калвинистъ, изъ придворныхъ виленскаго воеводы Николая Радзивила Рыжаго, и, не довольствуясь ругательствами, которыми осыпалъ іезуита, прижалъ его своею лошадью къ стѣнѣ и даже будтобы ударилъ по головѣ саблею. Скарга ничего не отвѣчалъ, а только поклонился и пошелъ своею дорогою. Свидѣтелей было не много, но они тотчасъ разгласили объ этомъ по всему городу. Бискупъ Валеріанъ хотѣлъ предать виновнаго суду; Скарга упросилъ вовсе не начинать дѣла. На другой день Слѣповронскій, по приказанію воеводы Радзивила, явился къ Скаргѣ просить прощенія; Скарга принялъ своего оскорбителя ласково, побесѣдовалъ съ нимъ съ кротостію, и простилъ его совершенно. Все это происшествіе произвело въ Вильнѣ на всѣхъ глубокое впечатлѣніе, и тогда же (1575 г.) 67 разновѣрцевъ, между ними и одинъ пасторъ, уже двѣнадцать лѣтъ бывшій въ духовномъ санѣ, обратились къ римской вѣрѣ ([370]).

Съ самаго прибытія іезуитовъ въ Вильну, здѣшніе протестанты очень хорошо понимали, какая опасность угрожала имъ, и старались принимать свои мѣры. Прежде всего пытались они соединиться между собою, чувствуя, что главная причина ихъ слабости заключается въ ихъ раздѣленіи на секты и постоянной внутренней борьбѣ. Съ этою цѣлію въ мартѣ 1570 г. калвинисты и лютеране составили въ Вильнѣ соборъ, на которомъ, послѣ долгихъ споровъ, уступая давленію своего главнаго покровителя Николая Радзивила Рыжаго, утвердили между собою соглашеніе; но это соглашеніе было только наружное. А въ апрѣлѣ тогоже года нѣкоторые представители литовскихъ протестантовъ отправлялись на соборъ, бывшій въ Сандомірѣ, и вмѣстѣ съ польскими калвинистами, лютеранами и морав-

([370]) *Rostowski*, p. 51. 54. 57. 58. 259 — 260; *Rychcicki*, Piotr Scarga i iego wiek, I, str. 203—206, Krakow, 1850; *Lucaszew.* Dz. kosc. wyzn. Helw. w Litw. I, 45–46.

скими братьями заключили союзъ противъ католиковъ, который, однакожъ, вскорѣ былъ нарушенъ лютеранскими пасторами. Пытались ученые протестанты въ Вильнѣ, какъ мы упоминали, дѣлать открытое нападеніе на іезуитовъ и вызывали ихъ на диспутъ, но должны были уступить. Тѣмъ менѣе могли они успѣшно состязаться съ своими противниками другимъ какимъ либо оружіемъ. Имѣли у себя протестанты ученыхъ и краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ; но не имѣли такихъ, какими были у іезуитовъ Скарга и Варшевицкій, увлекавшіе толпы. Равно не имѣли ни такого, какъ у іезуитовъ, пышнаго и торжественнаго богослуженія и церемоній, еще болѣе увлекавшихъ народныя массы; ни такого могущественнаго средства дѣйствовать на совѣсть вѣрующихъ, какимъ служилъ для іезуитовъ конфессіоналъ. Въ прежнее время, особенно при Радзивилѣ Черномъ, протестанты много могли разсчитывать на короля Сигизмунда Августа, столько покровительствовавшаго имъ; но въ послѣдніе годы своей жизни, подъ вліяніемъ сестры своей Анны, ревностной католички, и ея любимца—Варшевицкаго, король видимо склонился на сторону латинянъ и сталъ болѣе благопріятствовать іезуитамъ ([371]). По всему этому, не помышляя уже о какихъ либо наступательныхъ дѣйствіяхъ на своихъ враговъ, протестанты заботились только,

([371]) *Lucaszew.* Dz. kosc. wyzn. Helw. w Litw. I, 40 — 41. Нравственную перемѣну, совершившуюся въ Сигизмундѣ Августѣ, можно видѣть, между прочимъ, изъ собственноручнаго письма его къ папѣ Пію V (17 окт. 1570 г.), гдѣ король pontifici res suas conscientiæ reconditas commendat; а также изъ письма папы къ Сигизмунду Августу (5 дек. 1570 г.), гдѣ папа выражаетъ свою радость по тому случаю, что король взялъ назадъ свой приказъ, которымъ незадолго предъ тѣмъ дозволилъ-было послѣдователямъ августанскаго исповѣданія имѣть въ нѣкоторыхъ церквахъ Варшавы свои собранія и отправлять богослуженіе (*Theiner*, Vet. Monum. Pol. et Lit. II, №№ 801. 802).

какъ бы охранить себя отъ нихъ. По смерти Сигизмунда Августа (1572 г.), когда въ Варшавѣ собрался конвокаціонный сеймъ для распоряженій объ избраніи новаго короля (въ генв. 1573), протестанты употребили всѣ усилія, чтобы на сеймѣ утверждена была конституція о вѣротерпимости во всемъ литовско-польскомъ государствѣ, о равенствѣ предъ закономъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій,—и эта варшавская конституція, хотя утвержденная только большинствомъ сейма, служила потомъ для диссидентовъ главною опорою при защищеніи ими своихъ правъ ([372]). По избраніи на литовско-польскій престолъ Генриха, герцога анжуйскаго, протестанты, несмотря на всѣ противодѣйствія католиковъ, своею стойкостію вынудили новаго короля, при самой коронаціи (21 февр. 1574 г.), утвердить клятвенно варшавскую конституцію и тѣмъ оградить свободу ихъ вѣроисповѣданія и права. Когда Генрихъ бѣжалъ во Францію и на мѣсто его избранъ былъ Стефанъ Баторій, герцогъ семиградскій, протестанты могли радоваться, зная, что дотолѣ онъ покровительствовалъ ихъ единовѣрцамъ; но Баторій, по политическимъ видамъ, еще предъ коронованіемъ своимъ (1 мая 1576) открыто объявилъ себя католикомъ, и хотя потомъ, не колеблясь, подписалъ условія вѣротерпимости, предложенныя ему диссидентами, и утвердилъ своею присягою, но всегда оказывалъ предпочтеніе католикамъ и особенно іезуитамъ. Въ 1577 г. бискупъ Валеріанъ Протасовичь донесъ королю, что въ Вильнѣ покупаются или уже куплены дома или дворцы съ тою цѣлію, чтобы открывать въ нихъ училища, устроять храмы (delubra), учреждать

([372]) Наиболѣе важныя статьи этой конституціи 3-я и 4-я. Volum. legum II, p. 124—125.

отдѣльныя собранія, вопреки юрисдикціи виленскаго епископа, которому принадлежитъ попечительство о храмахъ и школахъ, и безъ соизволенія короля. Поэтому Стефанъ Баторій далъ приказъ (27 марта) канцлеру вел. княжества литовскаго, воеводѣ виленскому Радзивилу Рыжему, чтобы никто, какого бы онъ ни былъ достоинства и званія, не строилъ и не старался строить, публично и приватно, никакого новаго храма, дома или двора для открытія школъ и собраній въ городѣ Вильнѣ, а въ построенныхъ домахъ не заводилъ школъ или какихъ либо необычныхъ собраній, подъ штрафомъ утраты этихъ домовъ и уплаты въ казну десяти тысячъ копъ грошей, и чтобы канцлеръ вписалъ этотъ приказъ въ городскіе акты и опубликовалъ для всеобщаго свѣдѣнія, «сохраняя миръ между диссидентами въ вѣрѣ, и тѣмъ не менѣе не дозволяя имъ воздвигать и учреждать никакой новой школы, храма или дома для упомянутыхъ собраній». Такой приказъ королевскій тѣмъ болѣе долженъ былъ поразить Радзивила и всѣхъ виленскихъ протестантовъ, что, кажется, былъ направленъ прямо противъ самаго Радзивила, который только за мѣсяцъ предъ тѣмъ (15 февр.) продалъ своимъ единовѣрцамъ, за восемь тысячъ копъ грошей, свой горностаевскій дворъ и плацъ въ Вильнѣ, находившійся подлѣ покровской православной церкви, съ тѣмъ чтобы они соорудили тамъ для себя домъ и храмъ или зборъ на вѣчныя времена. Правда, спустя два съ половиною года, король, уступая просьбѣ Радзивила, утвердилъ (20 окт. 1579) и продажу его горностаевскаго двора и плаца кальвинистамъ и постройку ихъ храма ([373]); но для католиковъ и іезуитовъ

([373]) Акт. Вилен. Комм. VIII, № 1; Вилен. Археогр. Сборн. III, № 29, стр. 48—56.

сдѣлалъ тогда гораздо болѣе. По ходатайству бискупа Валеріана, маршалка Яна Ходкевича и самихъ іезуитовъ, Баторій еще въ 1578 г. (7 іюля) далъ ихъ коллегіи дипломъ, составленный Яномъ Димитріемъ Соликовскимъ, впослѣдствіи архіепископомъ львовскимъ, на званіе академіи съ правомъ производить баккалавровъ, магистровъ, лиценціатовъ и докторовъ свободныхъ наукъ, философіи и богословія. Вожди кальвинизма въ Вильнѣ очень встревожились, когда услышали, что король подписалъ грамату объ академіи; они явились къ нему и упрашивали его не издавать этой граматы, называя ее стѣсненіемъ для своихъ правъ и вѣроисповѣданія; но все было напрасно. Канцлеръ Радзивилъ не согласился приложить къ граматѣ печать, и вице-канцлеръ Евстафій Волловичь колебался приложить; но, когда король пригрозилъ ему удаленіемъ отъ должности, печать немедленно была приложена. А въ 1579 г., апр. 1, Баторій не только подтвердилъ виленской академіи всѣ прежнія ея права, но и сравнялъ ее съ краковскою академіею, и испросилъ для первой, чрезъ посла своего Димитрія Соликовскаго, утвердительную грамату (29 ноябр. 1579 г.) папы Григорія XIII ([374]). Такъ завершилось первое десятилѣтіе пребыванія іезуитовъ въ Литвѣ. Вызвавшій ихъ бискупъ Валеріанъ скончался въ концѣ тогоже 1579 г., и Скарга, обращаясь впослѣдствіи въ памяти его, не безъ самодовольства спрашивалъ: «повѣдай намъ, Валеріане, какова была Вильна въ то время, когда католическому

([374]) *Ioannis Demetrii Sulicovii* Commentarius brevis rerum polonicarum a morte Sigismundi Augusti, p. 123—126, Dantisci 1647; *Koialowicz*, Miscell., p. 113. 114. Самыя граматы короля и папы напечатаны цѣликомъ у *Лукашевича*—Historia Szkół w Koronie i wielk księstwie Litewsk. IV, 2—10, Poznań, 1851.

священнику едва можно было показаться на улицѣ и когда католикъ былъ такою рѣдкостію во всемъ великомъ княжествѣ литовскомъ, особенно между панами». Въ это десятилѣтіе іезуиты прочно утвердились въ Вильнѣ, одержали нѣсколько побѣдъ надъ протестантами и обезпечили себѣ дальнѣйшія побѣды надъ ними.

Въ это же десятилѣтіе начались и первые успѣхи іезуитовъ между православными, хотя пока еще мало замѣтные. Въ іезуитскую коллегію или гимназію, такъ скоро прославившуюся, охотно отдавали своихъ дѣтей и православные родители. Одинъ изъ нихъ, кастелянъ брацлавскій, Василій Загоровскій, въ 1577 г. написалъ въ своемъ завѣщаніи, чтобы его малолѣтнихъ сыновей прежде всего обучали русской граматѣ и письму у какого либо ученаго дьяка, потомъ пригласили въ домъ степеннаго баккалавра, который бы научилъ ихъ латинскому языку, а наконецъ отдали ихъ «до Вильни къ езуитомъ: бо тамъ фалятъ дѣтямъ добрую науку» ([375]). Княгиня Черторыжская увѣдомляла князя Курбскаго, что сынъ ея въ страхѣ Божіемъ и въ правовѣріи праотеческомъ утвержденъ, имѣетъ охоту къ свящ. писаніямъ и что она думаетъ послать его для дальнѣйшаго образованія въ Вильну къ о. іезуитамъ. Курбскій отвѣчалъ: «намѣреніе твое похвально; но не хочу отъ тебя утаить, что *многіе* родители, какъ княжескихъ родовъ, такъ и шляхетскихъ и честныхъ гражданъ, отдали-было туда своихъ дѣтей для обученія свободнымъ наукамъ, а іезуиты, еще не науча ихъ, едва не всѣхъ, въ ихъ неразумномъ возростѣ, своими хитрыми внушеніями отлучили отъ правовѣрія и перекрестили въ

([375]) Архив. Юго-запад. Россіи I, № 16, стр. 74.

свое полувѣріе, наприм., сыновей князя Кропинскаго и другихъ. Потому многіе отцы опять отобрали отъ нихъ своихъ дѣтей: ибо они (іезуиты) ненавистники и великіе противники нашему правовѣрію и называютъ четырехъ патріарховъ восточной церкви схизматиками, т. е. раскольниками, между тѣмъ какъ сами-то и суть истинные схизматики съ ихъ папою и со всѣми кардиналами» ([376]). Совращая православныхъ дѣтей, іезуиты старались совращать и взрослыхъ. Едва прошло три-четыре года со времени прибытія Скарги въ Вильну, какъ онъ издалъ здѣсь, въ типографіи обращеннаго имъ къ латинству князя Николая Христофора Радзивила, на польскомъ языкѣ сочиненіе подъ заглавіемъ: «о единствѣ церкви Божіей подъ единымъ пастыремъ и о греческомъ отступленіи отъ этого единства, съ предостереженіемъ и увѣщаніемъ русскимъ народамъ, держащимся грековъ» (1577). Въ предисловіи къ сочиненію онъ, между прочимъ, говоритъ: «когда я, по обязанности и ради святаго послушанія, произносилъ здѣсь, въ Вильнѣ, нѣсколько проповѣдей объ этомъ предметѣ, и многіе изъ лицъ греческаго закона прислушивались къ нимъ, то нѣкоторые сочли нужнымъ, чтобы я изложилъ все это на бумагѣ для печати». Слѣдовательно, уже въ то время іезуиты громили въ своихъ проповѣдяхъ не однѣ протестантскія секты, но и православіе, и многіе изъ православныхъ не отказывались слушать эти проповѣди. Для того, чтобы сочиненіе могло имѣть болѣе успѣха между русскими, Скарга посвятилъ его знаменитѣйшему изъ нихъ, князю Константину Константиновичу Острожскому, которому сдѣлался извѣстнымъ еще въ бытность свою львовскимъ каноникомъ. Въ своемъ

([376]) Сказанія князя Курбскаго, стр. 277, изд. 2.

обращеніи къ князю Скарга просилъ его со вниманіемъ прочитать сочиненіе это и выражалъ полную надежду, что князь увидитъ тогда евангельскую правду въ римской вѣрѣ, что сердце его, украшенное христіанскими добродѣтелями, побудитъ его начать и счастливо окончить дѣло единенія (уніи) русскихъ народовъ съ римскою церковію, и что онъ, какъ «первый въ греческомъ законѣ» и знатностію рода, и усердіемъ къ вещамъ божественнымъ, и славою добродѣтелей, и великимъ могуществомъ, употребитъ на то всѣ свои силы: такъ какъ, прибавлялъ хитрый іезуитъ, «Господь благоволилъ и старшаго сына вашего Януша привести къ единству св. церкви». А Янушъ, дѣйствительно, незадолго предъ тѣмъ, къ крайнему огорченію отца, увлеченъ былъ въ латинство іезуитами, находясь при дворѣ нѣмецкаго императора Максимиліана II для изученія ратнаго искуства ([377]).

Въ самомъ сочиненіи, въ первой части, Скарга старался доказать, что единая истинная церковь Христова, внѣ которой невозможно спастись, есть церковь римская, что Христосъ поставилъ въ церкви своей единаго верховнаго пастыря и главу—апостола Петра, что римскій папа есть преемникъ этого апостола и глава церкви, что онъ всегда имѣлъ верховную власть надъ всею церковію, созывалъ вселенскіе соборы, ставилъ и низлагалъ патріарховъ и проч. Во второй—разсматривалъ рядъ мнимыхъ отступленій греческой церкви отъ римской впродолженіе вѣковъ, начиная со втораго вселенскаго собора, и вмѣстѣ рядъ попытокъ къ возсоединенію съ нею до самой послѣдней флорентійской уніи: эта вторая, историческая, часть—самая обширная. Наконецъ, въ третьей части излагалъ убѣж-

([377]) *Stebelski*, Genealog. XX. Ostrogskich., str. 122.

денія и указывалъ мѣры къ соединенію русскихъ съ римскою церковію. Подъ этимъ соединеніемъ Скарга разумѣлъ никакую нибудь новую унію, съ новыми условіями, но именно унію флорентійскую: онъ прямо говорилъ русскимъ, что для уніи съ Римомъ имъ нужно только признать главенство папы и покориться ему и принять всѣ члены римской вѣры, а греческіе или русскіе обряды и церемоніи, непротивные вѣрѣ, останутся неприкосновенными (ч. III, разд. 6). Разсуждая о мѣрахъ къ возсоединенію русскихъ съ римскою церковію, Скарга писалъ: «много бы намъ помогли совѣщанія, доброе обхожденіе и товарищество съ русскими владыками и объясненія съ панами греческаго закона. Еслибы мы были внимательны, давно бы имѣли у себя русскія школы, пересмотрѣли бы всѣ русскія книги и имѣли бы своихъ единовѣрцевъ, опытныхъ въ славянскомъ языкѣ. Слѣдовало бы переводить для русскихъ на польскій или русскій языкъ сочиненія, сюда относящіяся, чтобы они яснѣе могли видѣть правду. Хорошо бы посылать къ главнѣйшимъ панамъ русскимъ нашихъ ученыхъ, которые показывали бы имъ заблужденія ихъ вѣры.... Весьма важно было бы, если бы и паны закона русскаго, а особенно митрополитъ съ владыками о томъ вмѣстѣ потолковали..., и составили свой сеймикъ, пригласивъ на него и ученыхъ католиковъ, которые могли бы въ глаза имъ сказать потребныя рѣчи» (ч. III, гл. 8). Такимъ образомъ еще въ 1577 г., въ первомъ своемъ сочиненіи объ уніи, Скарга уже довольно ясно начерталъ ту программу, которой слѣдовали впослѣдствіи іезуиты при дѣйствительномъ введеніи уніи. Это сочиненіе Скарги, послужившее прототипомъ для всѣхъ другихъ такихъ же сочиненій, написанныхъ потомъ іезуитами и уніатами, и отличавшееся, по

крайней мѣрѣ, кажущеюся историческою ученостію и краснорѣчіемъ, могло производить глубокое впечатлѣніе на русскихъ, почти вовсе незнакомыхъ съ церковною исторіею. И авторъ не безъ основанія разсчитывалъ на успѣхъ своей книги, посвящая и рекомендуя ее князю Константину Острожскому. Но надежды Скарги не исполнились. Князь Константинъ не совратился его книгою самъ и не захотѣлъ способствовать чрезъ нее совращенію другихъ, а пожелалъ, чтобы на нее было написано опроверженіе. Къ сожалѣнію, не находя, вѣроятно, между православными ученаго человѣка, онъ поручилъ это дѣло какому-то антитринитарію Мотовилѣ. Мотовило не упустилъ случая помѣстить въ своемъ опроверженіи и свои еретическія мысли. Курбскій, которому князь Константинъ прислалъ и книгу Скарги и книгу Мотовилы, будучи крайне недоволенъ послѣднею, отослалъ ее назадъ, и старался самъ, насколько могъ, писать небольшія сочиненія противъ іезуитовъ и распространять между православными. Такъ, къ княгинѣ Чертюрыжской онъ писалъ: «посылаю тебѣ, вмѣсто малаго подарка, листъ, нами написанный, которымъ мы отчасти отвѣчали противъ дерзновенія іезуитовъ, обороняя наше правовѣріе...; давай тотъ листъ читать и списывать правовѣрнымъ, ибо въ томъ нужда». Да и самая «исторія флорентійскаго собора», весьма краткая, но изложенная съ православной точки зрѣнія, написана Курбскимъ, можетъ быть, противъ такой же исторіи, помѣщенной въ книгѣ Скарги, но изложенной съ римской точки зрѣнія ([378]). Нашлись между русскими и такіе, которые скупали экземпляры книги Скарги и жгли ихъ: по крайней мѣрѣ, въ этомъ увѣрялъ самъ Скарга при второмъ

([378]) Сказанія кн. Курбскаго, стр. 277—278. 281—286. 294—300.

изданіи своего сочиненія въ 1590 году. Но, съ другой стороны, онъ удостовѣрялъ тогда, что книга его многимъ русскимъ принесла пользу, раскрыла имъ глаза, и что многіе изъ нихъ не переставали спрашивать объ ней. И еще за десять лѣтъ прежде другой знаменитый іезуитъ, Антоній Поссевинъ, посѣтившій Вильну, свидѣтельствовалъ папѣ, что «нѣкоторые русскіе князья обращены къ католической вѣрѣ» ([379]).

По отношенію къ протестантскимъ сектамъ, несмотря на всю враждебность ихъ православію, русскіе, вслѣдствіе сложившихся обстоятельствъ, начали уже теперь принимать совсѣмъ другое положеніе, нежели по отношенію къ новымъ своимъ врагамъ—іезуитамъ. Русскіе знали, что преимущественно протестанты отстояли ихъ гражданскія права, какъ и свои собственныя, на сеймахъ виленскомъ (1563) и гродненскомъ (1568) вопреки латинянамъ; знали, что протестанты отстояли и религіозныя ихъ права, вмѣстѣ съ своими, на варшавскомъ сеймѣ (1573) вопреки латинянамъ; русскіе видѣли и чувствовали, что у нихъ теперь съ протестантами одинъ грозный и сильнѣйшій врагъ—іезуиты, и что для борьбы съ этимъ врагомъ, для отраженія его нападеній между ними-русскими нѣтъ ученыхъ людей, тогда какъ между протестантами такихъ людей немало: все это вызывало православныхъ къ нѣкоторому сближенію съ протестантами. И вотъ мы видимъ, что главный вождь русскихъ, князь Острожскій,—а его примѣръ не могъ оставаться безъ подражанія, — держалъ при своемъ дворѣ и ласкалъ протестантскихъ книжниковъ, и что одному изъ нихъ, Мотовилѣ, онъ поручилъ написать опроверженіе на

([379]) См. Предисловіе *Скарги* ко второму изданію его книги; а свидѣтельство *Поссевина*— у *Старчевск.* Hist. Ruthen. script. exteri, II, pag. 286.

книгу Скарги, а другому, неизвѣстному по имени, «преложити на польщизну, лѣпшаго ради вырозумѣнія», бесѣду св. Іоанна Златоуста о вѣрѣ, надеждѣ и любви, переведенную на славянскій языкъ Курбскимъ (значитъ, польская рѣчь казалась уже тогда понятнѣе для русскихъ магнатовъ въ Литвѣ, чѣмъ славянская). Правда, такое сближеніе съ протестантами нѣкоторымъ православнымъ крайне не нравилось, и Курбскій рѣзко порицалъ князя Острожскаго, въ своихъ письмахъ къ нему, что онъ дружится и сообщается съ еретиками и призываетъ ихъ на помощь, что онъ поручилъ писать противъ іезуитовъ въ защиту православія отъявленному аріанину Мотовилѣ и перевесть на польскій языкъ бесѣду Златоуста человѣку, не только неискусному въ наукахъ, но и нечисто толкующему свящ. писаніе. Съ другой стороны, и нѣкоторые изъ протестантовъ, даже находившіеся въ добрыхъ отношеніяхъ съ русскими, дерзко нападали иногда на ихъ исповѣданіе и съ жаромъ отстаивали свои мнѣнія, какъ поступилъ, напримѣръ, въ 1575 г. панъ Кадіанъ Чаплій (у котораго еще проживали Ѳеодосій Косой и его товарищъ Игнатій) съ тѣмъ же княземъ Курбскимъ во время бесѣды ихъ въ домѣ воеводы волынскаго, князя Богуша Корецкаго и потомъ въ письмѣ къ Курбскому ([380]). Очень возможно, что и теперь бывали случаи совращенія русскихъ протестантами, хотя положительныхъ свидѣтельствъ объ этомъ нѣтъ; но за то извѣстны случаи, когда сами русскіе пытались обращать протестантовъ и когда отпадшіе въ какую либо протестантскую секту снова дѣлались православными. Такъ князь Курбскій убѣждалъ одного изъ вождей кальвинизма, вицеканцлера Евстафія Воловича, воз-

([380]) Сказанія кн. Курбскаго, стр. 254. 266—271. 281—287.

вратиться къ правовѣрію своихъ отцевъ, часто посылалъ ему бесѣды Златоуста для утвержденія въ церковныхъ догматахъ, и указывалъ старцу на его сѣдины и на бѣдствія отечества во время бывшаго тогда междуцарствія (1575—1576), призывавшія къ покаянію, хотя и не имѣлъ успѣха. А одинъ изъ молодыхъ волынцевъ, нѣкто панъ Ѳедоръ Бокей, увлекшійся было въ протестанство, снова принялъ родное исповѣданіе, къ общей радости православныхъ, и Курбскій писалъ ему наставленія, какъ беречься на будущее время отъ сѣтей ереси. Гваньини, служившій около того времени воинскимъ начальникомъ въ Витебскѣ, свидѣтельствуетъ: «хотя нѣкоторые вельможи Россіи, подвластной польскому королю, слѣдуютъ лютеранскому и цвингліеву ученію, но весь народъ и большая часть магнатовъ и благородныхъ твердо содержатъ вѣру, издревле принятую по обряду греческому» ([381]).

Обратимся теперь къ другимъ дѣламъ православной литовской митрополіи, совершавшимся въ разсматриваемое нами десятилѣтіе.

Митрополитъ Іона III Протасовичь едва вступилъ на первосвятительскую каѳедру, какъ показалъ себя пастыремъ весьма ревностнымъ и попечительнымъ. Онъ послалъ къ королю Сигизмунду Августу, находившемуся на гродненскомъ сеймѣ, грамату, въ которой изложилъ цѣлый рядъ просьбъ о нуждахъ своей церкви и духовенства, и тогда же получилъ отъ короля отвѣты, составленные на сеймѣ (25 іюня 1568). Замѣчательны особенно двѣ просьбы митрополита, какихъ прежде мы никогда не встрѣчали. Онъ желалъ искоренить

([381]) Сказан. кн. Курбск. стр. 272—275. 287; *Gvagnini* Moscoviae Descriptio, у *Старчев.* I, p. 17.

одно изъ самыхъ главныхъ золъ, отъ которыхъ страдала западно-русская церковь, и просилъ короля, чтобы ни въ вел. княжествѣ литовскомъ, ни въ русскихъ княжествахъ, принадлежащихъ къ коронѣ, духовныя достоинства не были даваемы людямъ свѣтскимъ, и чтобы, если кто изъ свѣтскихъ получитъ духовное достоинство и втеченіе трехъ мѣсяцевъ не приметъ духовнаго сана, епископы въ своихъ епископіяхъ, а архіепископъ въ своей архіепископіи, могли отбирать у таковыхъ достоинства и хлѣбы духовные и отдавать людямъ духовнымъ. Король изъявилъ свое согласіе на эту просьбу, признавая ее справедливою; но прибавилъ, что у тѣхъ, кто не захочетъ принять на себя духовнаго сана, не сами владыки и митрополитъ имѣютъ отбирать духовныя достоинства и отдавать другимъ, а должны немедленно извѣщать о томъ короля, и онъ, отбирая у таковыхъ достоинства, будетъ отдавать инымъ, по своей господарской волѣ, кому захочетъ. Вторая просьба митрополита, вѣроятно, возбуждена была современными обстоятельствами. Еще въ 1563 г., на виленскомъ сеймѣ, Сигизмундъ Августъ, вопреки городельскому постановленію, совершенно уравнялъ православныхъ дворянъ въ своемъ государствѣ, по гражданскимъ правамъ, съ дворянами римской вѣры и предоставилъ тѣмъ и другимъ одинаковую возможность занимать всякія должности, даже сенаторскія, и это же самое подтвердилъ теперь вновь на гродненскомъ сеймѣ. Естественно было ожидать, что король не откажется уравнять точно такъ же и православныхъ архіереевъ, по гражданскимъ правамъ, съ архіереями латинскими. И вотъ митрополитъ Іона осмѣлился просить, чтобы по тому примѣру и обычаю, какъ бискупы римскаго закона имѣютъ мѣсто и голосъ въ королевской ла-

вицѣ (сенатѣ), и владыки греческаго закона могли имѣть мѣсто и голосъ въ тойже королевской радѣ, какъ имѣли предшественники его-митрополита, православные архіепископы. Трудно предположить, чтобы Іона позволилъ себѣ высказать здѣсь предъ королемъ совершенную ложь, ссылаясь на своихъ предшественниковъ, еслибы, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ (наприм. Григорій болгаринъ, Мисаилъ, Іосифъ Болгариновичь, угодные латинянамъ) не засѣдали иногда въ королевской радѣ, хотя прямыхъ свидѣтельствъ о томъ неизвѣстно. Самъ ли Сигизмундъ Августъ не хотѣлъ дать православнымъ владыкамъ столь важное преимущество, или онъ не встрѣтилъ согласія на то со стороны сейма, только на эту просьбу послѣдовалъ отвѣтъ: «его королевская милость отлагаетъ то до иного времени».

Другія просьбы митрополита Іоны, довольно обычныя, касались судебныхъ и имущественныхъ правъ православныхъ архіереевъ и всего духовенства. Митрополитъ просилъ: а) чтобы король выдалъ граматы ко всѣмъ обывателямъ въ его государствѣ съ строгимъ запрещеніемъ свѣтскимъ особамъ вступаться въ справы и суды, принадлежащіе духовнымъ особамъ; б) чтобы владыкъ и прочее духовенство, по церковнымъ имѣніямъ, не позывали до вряду (суда) замковаго и земскаго, а судилъ ихъ самъ король, опекѣ и оборонѣ котораго подлежатъ церковныя наданья (пожалованныя имѣнія); в) чтобы всѣ стародавнія церковныя наданья, которыя несправедливо, силою, забраны многими лицами у церквей божіихъ, были возвращены имъ, каждой по принадлежности, властію короля, и г) чтобы всѣ имѣнія архіереевъ и прочаго духовенства, по королевскимъ граматамъ, чрезъ вѣрныхъ особъ были описаны,

© ГПБ

обмежованы и ограждены. На первую просьбу послѣдовалъ отвѣтъ: граматы о томъ изъ королевской канцеляріи выданы будутъ. На вторую: когда дѣло будетъ касаться имѣній, пожалованныхъ самимъ королемъ, тогда духовные будутъ вызываться на судъ къ королю, а въ дѣлахъ по всѣмъ другимъ имѣніямъ будутъ вызываться въ тотъ судъ, въ какой слѣдуетъ по Статуту. На третью просьбу: митрополитъ и владыки имѣютъ указать королю такихъ лицъ, равно и то, когда и что ими взято. На четвертую: король отлагаетъ это до полнаго сейма, имѣющаго быть для обывателей вел. княжества литовскаго съ обывателями польской короны.

Въ остальныхъ своихъ просьбахъ митрополитъ касался самаго себя и своей епархіи. Онъ просилъ, чтобы архіепископство галицкое, по старовѣчному обычаю, отдано было въ его руки и справу: видно, викарій, епископъ львовскій, совсѣмъ отбился отъ рукъ своего архипастыря. Король отложилъ это, какъ и дѣло объ обмежеваніи церковныхъ земель, до полнаго сейма. Митрополитъ жаловался королю на виленскихъ гражданъ, что они забрали къ себѣ граматы, принадлежащія архіепископіи, на пожалованныя ей земли и фундуши, и просилъ, чтобы тѣ граматы, по приказанію короля, были у нихъ отобраны. Король предложилъ митрополиту требовать отъ мѣщанъ тѣ граматы судебнымъ порядкомъ. Митрополитъ доносилъ, что въ Новогрудкѣ (его постоянной резиденціи) предъ тѣмъ было десять церквей, имѣвшихъ стародавнія наданья и фундуши, но при производившемся уволочномъ измѣреніи земель, всѣ люди и земли и пожитки отъ тѣхъ церквей отобраны и въ замѣнъ имъ ничего не дано, такъ что нѣкоторыя церкви опустѣли; а потому билъ челомъ господарю,

чтобы онъ велѣлъ изъ своихъ собственныхъ, господарскихъ земель новогрудскихъ отвести для церквей двадцать уволокъ и въ каждой уволокѣ по два морга сѣножати да по два морга лѣса, а въ городѣ дать попамъ и церковнымъ служителямъ свободные домы и огороды. Король отвѣчалъ, чтобы ему представлена была точная вѣдомость, гдѣ и что взято, и кто и когда взялъ, а потомъ онъ поступитъ по своему усмотрѣнію ([382]).

Какія были послѣдствія изложенныхъ просьбъ митрополита, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ, и отвѣтовъ короля, это начало обнаруживаться скоро. Король далъ обѣщаніе митрополиту разослать граматы о неприкосновенности духовныхъ справъ и судовъ, и дѣйствительно исполнилъ. Одна изъ такихъ граматъ сохранилась, именно данная луцкому и браславскому старостѣ, князю Богушу Корецкому (23 дек. 1568 г.). Изъ нея, прежде всего, узнаемъ, по какому поводу митрополитъ просилъ объ этомъ. Онъ написалъ къ королю на гродненскій сеймъ, что считаетъ весьма нужнымъ, по долгу своего пастырства, объѣхать и обозрѣть всѣ монастыри и церкви въ своей архіепископіи, увидѣть, какъ служители церкви исполняютъ, каждый, свои обязанности, устроить, гдѣ окажется нужнымъ, чинъ и порядокъ въ духовныхъ справахъ и судахъ; а какъ самъ онъ, при множествѣ церковныхъ дѣлъ, не можетъ быть вездѣ, то намѣренъ послать для того въ разныя мѣста своихъ посланцовъ, для безпрепятственной дѣятельности которыхъ и необходимы королевскія граматы. Изложивъ все это въ граматѣ къ князю Корецкому, король приказывалъ ему, чтобы онъ, во всемъ повѣтѣ браславскомъ и винницкомъ,

([382]) А. З. Р. III, № 43 и примѣч. 34.

ни самъ не вступался ничѣмъ въ справы и суды духовные и никого не допускалъ вступаться; чтобы всѣмъ архимандритамъ, игуменамъ, протопопамъ, *десятинникамъ*, попамъ и вообще всему духовенству и мірянамъ велѣлъ оказывать, по духовнымъ дѣламъ, всякое послушаніе посланцамъ митрополита, и не только посланцамъ, но и его *намѣстникамъ* и протопопамъ и всѣмъ, кого они на то поставятъ, и чтобы оказывалъ всѣмъ этимъ лицамъ, съ своей стороны, всякую помощь, когда они потребуютъ, и каралъ непослушныхъ имъ и непокорныхъ (383).

Король обѣщалъ митрополиту не давать духовныхъ достоинствъ свѣтскимъ людямъ и отбирать у нихъ эти достоинства черезъ три мѣсяца, если не согласятся принять духовнаго сана. Этого обѣщанія король почти вовсе не исполнялъ. Знаемъ только, что онъ отнялъ виленскій троицкій монастырь у пана Ѳедора Бѣлкевича, именно за его несогласіе принять духовный санъ, и пожаловалъ (15 февр. 1569 г.) самому митрополиту Іонѣ во вниманіе къ его вполнѣ ревностному пастырскому служенію (384). Но, съ другой стороны, знаемъ, что еще въ 1568 г. король далъ пинскую и туровскую епархію пану Андрею Русину-Берестецкому, который и правилъ ею до самой своей кончины, около половины 1572 г., оставаясь свѣтскимъ паномъ и нося имя нареченнаго владыки пинскаго и туровскаго (385). Знаемъ также, что у пана Ивана Борзо-

(383) А. З. Р. III, № 46.

(384) Грамата объ этомъ короля напечатана у *Крашевскаго*-- Wilno, III, str. 51—52. Снес. А. З. Р. III, примѣч. 8.

(385) Архив. юго-западн. Россіи, ч. I, т. I, №№ 7. 12, стр. 24. 27. 52—53. Этотъ Андрей Русинъ назначенъ на епархію, вѣроятно, тотчасъ послѣ Іоны, взятаго на митрополію.

богатаго-Красенскаго, который еще съ 1567 г. занималъ каѳедру луцкую и острожскую, король не только не отнималъ епархіи, но кромѣ того пожаловалъ ему (26 дек. 1569) въ пожизненное владѣніе, ради его вѣрныхъ заслугъ господарю и рѣчи посполитой съ молодыхъ лѣтъ, жидичинскій монастырь со всѣми селами, фольварками, дворами и доходами. Митрополиту оставалось дѣйствовать противъ этого пана только своими духовными мѣрами. Нѣсколько разъ первосвятитель напоминалъ ему и убѣждалъ его принять епископскій санъ, но Красенскій не обращалъ на то никакого вниманія. Наконецъ, въ октябрѣ 1570 г. митрополитъ послалъ пану свою «неблагословенную грамату», изобразивъ въ ней подробно его непослушаніе церкви и высшей церковной власти, и вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ своимъ окружнымъ посланіемъ всѣмъ князьямъ, боярамъ и обывателямъ земли волынской и всему духовенству луцкой и острожской епархіи, что нареченнаго владыку луцкаго и острожскаго, пана Ивана Борзобогатаго, онъ-митрополитъ «неблагословилъ». Послѣ этого только Красенскій увидѣлъ необходимость согласиться на принятіе духовнаго сана и былъ посвященъ (1571 г.) во епископа, подъ именемъ Іоны (386).

Король указалъ митрополиту требовать, судебнымъ порядкомъ, отъ виленскихъ гражданъ взятые ими документы на имѣнія митрополіи. Но, видно, этимъ путемъ митрополитъ ничего не могъ добиться, и потому продолжалъ утруждать короля своими просьбами, объясняя, что сами городскія власти Вильны, войтъ, бурмистры и всѣ радцы забрали тѣ документы еще при покойномъ митрополитѣ Сильвестрѣ, свое-

(386) А. З. Р. III, № 47; Архив. юго-запад. Россіи, ч. I, т. I, № 8.

вольно и безъ всякаго права, и съ тѣхъ поръ распоряжаются ими, какъ хотятъ, требуютъ митрополитскихъ людей, живущихъ въ Вильнѣ на церковной землѣ, въ свою ратушу, судятъ ихъ, берутъ съ нихъ оброки и, несмотря на многократныя напоминанія, не соглашаются возвратить митрополіи ея документы. Король послалъ, наконецъ, къ названнымъ виленскимъ властямъ свой листъ и своего дворянина Богуша Овсяного, который и отобралъ у нихъ документы, принадлежащіе митрополіи, и передалъ митрополиту; но многихъ документовъ не оказалось, о чемъ тогда же заявлено было королю и, по его приказанію, записано въ королевскія книги (10 февр. 1569). А чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по новой жалобѣ митрополита, король подтвердилъ (1 авг.) виленскому войту и всей радѣ, чтобы они отнюдь не касались людей митрополичьихъ, живущихъ на церковной землѣ въ Вильнѣ, не подчиняли ихъ своей власти и суду, а оставили ихъ, какъ было всегда, подъ властію митрополичьяго намѣстника ([387]).

Король указалъ митрополиту представить вѣдомость, гдѣ и что̀ взято у новогрудскихъ церквей и духовенства при уволочномъ размежеваніи земель, и обѣщался поступить по своему усмотрѣнію. Когда требуемая вѣдомость была представлена митрополитомъ, король въ точности исполнилъ его просьбу по этому предмету, изложенную нами прежде: именно приказалъ (граматою отъ 15 февр. 1569 г.) новогрудскому воеводѣ Павлу Ивановичу Сопѣгѣ, въ замѣнъ земель, отобранныхъ, при межеваніи, у новогрудскихъ церквей на королевскій замокъ въ Новогрудкѣ, выдѣлить изъ королевскихъ земель замка 20 уволокъ пашни, да къ каждой

([387]) Вилен. Археогр. Сборн. VI, №№ 24. 26.

уволокѣ по два морга сѣножати и по два морга лѣса, всего 80 морговъ, а въ городѣ отвести домы и огороды для духовенства тѣхъ церквей. Митрополиту же предоставилъ, чтобы онъ самъ распредѣлилъ всѣ эти земли, домы и огороды между новогрудскими церквами и духовенствомъ ([388]).

Заботился митрополитъ Іона о виленскихъ церквахъ и, въ частности, о своемъ каѳедральномъ пречистенскомъ соборѣ, а также о своемъ троицкомъ монастырѣ и другихъ своихъ владѣніяхъ. Нѣкоторые изъ виленскихъ бурмистровъ, радцевъ, лавниковъ и мѣщанъ русской вѣры, еще при митрополитѣ Сильвестрѣ, неизвѣстно, по какому праву, забрали въ свои руки имущества виленскихъ церквей, пречистенской, спасской и другихъ, какъ то: золото, серебро, драгоцѣнные камни, перлы, а особенно церковныя деньги; также мѣста и домы въ Вильнѣ и капиталы, пожертвованные разными лицами на поддержаніе виленскихъ церквей и при нихъ госпиталей; наконецъ, даже тѣ деньги, которыя бросались въ кружки и столпы при церквахъ, госпиталяхъ и другихъ мѣстахъ города для пособія бѣднымъ. Забрали—будтобы съ тою цѣлію, чтобы все хранить въ цѣлости, а иное употреблять на церкви и госпитали и на дѣла благотворительности; между тѣмъ употребляли только на самихъ себя, на свои пожитки и обороты. Иные изъ этихъ лицъ уже умерли, не передавъ никому забранныхъ церковныхъ вещей и не оставивъ никакого отчета. Митрополитъ Іона донесъ о всемъ этомъ королю, и когда король поручилъ ему же самому разслѣдовать дѣло во всѣхъ

([388]) Грамата Сигизмунда Августа отъ 15 февр. 1569 г. на имя новогр. воеводы Павла Ивановича Сопѣги помѣщена въ подтвердительной на нее граматѣ Сигизмунда III (отъ 15 янв. 1610 г.), копія съ которой есть въ архивѣ бывшихъ уніатскихъ митрополитовъ, при св. Синодѣ (по Описи № 151).

подробностяхъ, то митрополитъ объяснилъ, почему не можетъ принять на одного себя такого порученія. Тогда король назначилъ двухъ коммисаровъ—брестскаго воеводу Юрія Тышкевича и смоленскаго каштеляна Григорія Тризну, чтобы они, съѣхавшись въ назначенное время въ Вильну къ митрополиту, потребовали къ себѣ всѣхъ виновныхъ, произвели самое тщательное дознаніе о забранныхъ ими церковныхъ и госпитальныхъ имуществахъ, опредѣлили, сколько убытку причинили они церквамъ и госпиталямъ, отобрали у нихъ все, что еще сохранилось изъ забраннаго, и передали по принадлежности. Въ числѣ разныхъ даней, какія шли на виленскій пречистенскій соборъ, по завѣщаніямъ благотворителей, находилась денежная и медовая дань съ села или деревни Турецъ, пожалованная еще въ 1486 г. княгинями Зубревицкою и Трабскою. Эта дань за 1567 г. не была внесена жителями. Митрополитъ Іона отнесся объ этомъ къ владѣльцу села, великому гетману литовскому Григорію Александровичу Ходкевичу, и Ходкевичъ приказалъ (19 сент. 1568) своимъ подданнымъ, чтобы они, по стародавнему обычаю, сполна заплатили дань посланцу митрополита и за прошлый годъ и за истекавшій. У виленскаго святотроицкаго монастыря было только два имѣнія, пожертвованныя ему (1536—1539) княземъ Матвѣемъ Головчинскимъ. Лучшее изъ нихъ—Свинтыники постоянно усиливались отнять у монастыря потомки жертвователя. Ярославъ и Щастный Головчинскіе, и держали въ своемъ владѣніи. Митрополитъ Іона, управлявшій теперь свято-троицкимъ монастыремъ, обратился съ просьбою къ литовскому маршалку Яну Ходкевичу, которому оба названныя лица приходились турьями, чтобы онъ подѣйствовалъ на нихъ въ пользу

обители. И Ходкевичъ, хотя былъ уже не православнымъ, а латинянином, написалъ (4 декаб. 1572) письмо къ своимъ родственникамъ и убѣждалъ ихъ возвратить монастырю отнятое ими имѣніе, говоря, что и самъ онъ недавно былъ лютераниномъ и поступалъ такъ же, какъ они, но никогда не видѣлъ, чтобы кому либо принесло пользу отнятое у церкви ([389]). На одно изъ кіевскихъ имѣній митрополита, на село Толокну, сдѣлалъ нападеніе какой-то панъ властный Горностай, завладѣлъ этимъ селомъ и не хотѣлъ его возвратить митрополиту, несмотря на граматы короля: Митрополитъ Іона, чрезъ своего кіево-софійскаго намѣстника Богуша Гулькевича-Глѣбовскаго, принесъ жалобу кіевскому воеводѣ, князю К. К. Острожскому. И Острожскій два раза писалъ (8 янв. 1576 г. и 30 янв. 1577 г.) князьямъ, земскимъ врядникамъ и всей шляхтѣ земли кіевской, жившимъ около Овруча, чтобы они съѣхались вмѣстѣ, отобрали село Толокну у пана Горностая и передали кіевскому намѣстнику митрополита, а два имѣнія Горностая, за его вину, «привернули» къ кіевскому королевскому замку ([390]).

Въ 1576 г. митрополитъ Іона, глубокій старецъ, почувствовалъ, что уже не въ силахъ, какъ должно, нести всѣхъ, лежащихъ на немъ, высокихъ обязанностей. И потому рѣшился уступить свое архіепископское достоинство дворянину Ильѣ Іоакимовичу Кучѣ, котораго признавалъ для того годнымъ, удерживая однакожъ за собою старѣйшинство въ дѣлахъ ду-

([389]) Вилен. Арх. Сборн. VI, №№ 23. 28; X, № 2, стр. 218, Снес. стр. 11—12.

([390]) Окружное посланіе князя К. К. Острожскаго, по этому случаю, къ дворянству кіевской земли отъ 30 янв. 1577 г. хранится въ архивѣ бывшихъ уніатскихъ митрополитовъ, при Св. Синодѣ (по Описи № 615).

ховныхъ до своей кончины, и въ этомъ смыслѣ выдалъ Ильѣ Кучѣ грамату за своею печатью и подписью. Куча данную митрополитомъ грамату представилъ королю Стефану Баторію и просилъ, чтобы онъ изъявилъ свое согласіе и пожаловалъ ему митрополію кіевскую и галицкую,—о чемъ тогда же ходатайствовали и нѣкоторые паны рады. Король, имѣя въ виду, что Іона самъ добровольно уступилъ свое достоинство и снисходя на ходатайство своихъ пановъ радъ, далъ Ильѣ Кучѣ королевскую грамату (23 сент. 1576) на митрополію кіевскую и галицкую съ тѣмъ, чтобы онъ, пока живъ Іона, правилъ ею, какъ они условились между собою, а по смерти Іоны принялъ ее въ свое полное управленіе, по примѣру всѣхъ прежнихъ митрополитовъ. Илія немедленно былъ произведенъ въ санъ епископа митрополитомъ Іоною и началъ свое служеніе; но едва прошло полгода, какъ Іона скончался. Тогда король отправилъ грамату (апр. 1577) къ цареградскому патріарху Іереміи II, въ которой, извѣщая о кончинѣ митрополита кіевскаго и галицкаго и о томъ, что на это достоинство уже назначенъ имъ-королемъ «смиренный владыка Илія Куча», просилъ первосвятителя благословить Илію на митрополію кіевскую и галицкую и всея Руси, и прибавилъ: «за что́ обычную благодарность отъ насъ, какъ и отъ предковъ нашихъ, вы получите»,—знакъ, что за благословленіе и утвержденіе западно-русскихъ митрополитовъ патріархамъ всегда посылались деньги или подарки ([391]). Время архипастырской дѣятельности новаго митрополита было весьма непродолжительно. Единственнымъ памятникомъ ея остается грамата, которую далъ Илія (6 іюля 1577) своему кіево-софійскому намѣстнику,

([391]) А. З. Р. III, №№ 71. 80.

Богушу Гулькевичу-Глѣбовскому, уполномочивая его выкупить два, принадлежавшія митрополіи, селища, Филимоновщину и Багриновъ, на собственныя деньги и за то пользоваться доходами съ этихъ имѣній: въ заслугу Гулькевичу митрополитъ поставилъ то, что онъ немало пособилъ своими деньгами при исправленіи великой софійской церкви въ Кіевѣ, и покрылъ ее, и обилъ, вѣроятно, свинцовыми досками ([392]). Въ слѣдующемъ году тотъ же самый софійскій намѣстникъ, Богушъ Гулькевичъ-Глѣбовскій принесъ отъ имени митрополита Иліи жалобу кіевскому воеводѣ, князю К. К. Острожскому на земянина и вознаго земли кіевской Ермолая Опалиса за то, что люди его, по его приказанію, напали на проѣзжавшаго атамана или старосту одного имѣнія митрополичьяго, Деомида Степановича, избили его почти до смерти, ограбили все, что при немъ было, и тѣмъ причинили немалый ущербъ митрополиту. И князь Острожскій послалъ позывный листъ (отъ 25 окт. 1578 г.) къ возному Ермолаю Опалису, чтобы онъ явился въ гродскій кіевскій судъ, вмѣстѣ съ своими людьми, произведшими разбой и грабежъ, и далъ отвѣтъ въ присутствіи митрополичьяго намѣстника Богуша Гулькевича-Глѣбовскаго ([393]). Въ послѣдній разъ упоминается объ Иліѣ, какъ митрополитѣ кіевскомъ и галицкомъ и всея Руси, въ февралѣ 1579 г. ([394]).

Изъ прочихъ западно-русскихъ владыкъ того времени извѣстный уже намъ епископъ владимірскій Ѳеодосій Лозовскій, по прежнему, воинствовалъ и своевольничалъ. Въ апрѣлѣ

([392]) А. З. Р. III, № 83.

([393]) Этотъ позывный листъ находится въ архивѣ бывшихъ уніатскихъ митрополитовъ, при Св. Синодѣ (по Описи, № 669).

([394]) А. З. Р. III, № 110.

1569 г. онъ со множествомъ своихъ слугъ напалъ подъ вечеръ, «разбойнымъ и райтарскимъ обычаемъ , на проѣзжавшихъ по большой дорогѣ Петра Лысовскаго, Ѳедора и Семена Ставецкихъ, и перваго изъ нихъ ранилъ въ голову собственною рукою, затѣмъ велѣлъ всѣхъ ихъ бить, ограбить, связать и отвезти въ епископскій замокъ подъ стражу. Въ іюнѣ 1573 г. лично сдѣлалъ наѣздъ, съ толпою вооруженныхъ людей, на имѣніе Гулевичей, которые тогда же принуждены были принести объ этомъ жалобу. Имѣнія своей каѳедры раздавалъ въ управленіе своимъ дѣтямъ и пріятелямъ, а одно изъ нихъ, по имени Ѳедоровецъ, даже подарилъ «на вѣчность» боярину своему Тимоѳею. И король хотя замѣтилъ, что владыка не имѣлъ права дарить такъ церковное имѣніе, но, по просьбѣ Тимоѳея, утвердилъ (іюл. 1572) за нимъ этотъ даръ, чрезъ что каѳедра навсегда лишилась означеннаго имѣнія. Замѣтимъ еще, что епископъ Ѳеодосій носилъ на рукѣ своей кольцо по примѣру латинскихъ бискуповъ ([395]). Другой извѣстный намъ владыка, луцкій и острожскій, Іона Борзобогатый также своевольно распоряжался своими церковными имѣніями. Имѣніе луцкой каѳедры Жабче, съ укрѣпленнымъ замкомъ, онъ отдалъ зятю своему Александру Жоравницкому, старостѣ луцкому, въ приданое за своею дочерью. Еще два села—Ставокъ, принадлежавшее луцкой каѳедрѣ, и Невжинъ, принадлежавшее жидичинскому монастырю, отдалъ зятю же своему, дворянину Филиппу Водичкѣ «до его живота»,—и Сигизмундъ Августъ, всегда благоволившій къ Борзобогатому, утвердилъ (30 мая 1572) такое его распоряженіе съ тѣмъ,

([395]) Архив. Югозападн. Россіи, ч. I, т. I, предисл. XIII и №№ 6. 13, стр. 58; А. З. Р. III, № 54; Акт. Вилен. Комм. III, № 6, стр. 9.

чтобы и преемники его не отбирали у Водички данныхъ ему селъ до самой его кончины. Замокъ Хорлупъ, съ относящимися къ нему селеніями, пожалованный луцкой епископіи еще вел. княземъ Свидригайломъ, Іона промѣнялъ (въ 1574 г.) чрезъ сына своего Василія, королевскаго секретаря, князьямъ Радзивиламъ, дѣтямъ Николая Чернаго, на имѣніе Фалимичь. получивъ отъ нихъ полторы тысячи золотыхъ придачи въ пользу сына Василія, между тѣмъ какъ село Фалимичь и въ половину не стоило хорлупскаго имѣнія. а для благовидности исходатайствовалъ (5 сент. 1574) на эту мѣну разрѣшеніе короля Генриха ([396]). Въ львовской епархіи, по смерти епископа Арсенія Болобана (въ нач. 1569), тотчасъ началась борьба изъ-за архіерейской каѳедры. Сынъ покойнаго Григорій считалъ ее своею въ силу еще прежде полученной королевской граматы. Но арцыбискупъ львовскій Станиславъ Шломовскій, вспомнивъ свое давнее право назначать намѣстниковъ кіевскаго митрополита въ Галиціи, представилъ королю своего кандидата для занятія этой каѳедры, какого-то Ивана Лопатку-Осталовскаго, имѣвшаго уже пресвитерскій санъ. И король послалъ старостамъ львовскому и галицкому свою грамату (16 іюня 1569), въ которой объяснялъ, что хотя прежде онъ обѣщалъ покойному владыкѣ Арсенію Болобану предоставить занимаемое имъ владычество его сыну Григорію, но обѣщалъ по невѣдѣнію права, заявленнаго теперь львовскимъ арцыбискупомъ, и потому приказывалъ теперь ввести Ивана Лопатку, какъ во Львовѣ, такъ и въ Галичѣ, въ управленіе львовскою епархіею и отнять ее у Григорія Болобана. Во Львовѣ Ло-

([396]) Архив. Югозап. Россіи, ч. I. т. I, предисл. XXVI и №№ 10. 46, стр. 209; А. Ю. и З. Россіи, I, № 165.

патка дѣйствительно былъ введенъ, и ему переданы были какъ каѳедральная церковь св. Георгія, такъ и епископскія имѣнія. Но лишь только приступили къ томуже въ Галичѣ,— Григорій Болобанъ оказалъ сопротивленіе, и львовскій староста остановилъ дѣло. Король строго подтвердилъ старостѣ (1 авг.), чтобы онъ непремѣнно исполнилъ возложенное на него порученіе. Но въ то время, какъ староста съ нѣсколькими свидѣтелями и Иваномъ Лопаткою вновь прибылъ въ галицкій каѳедральный монастырь—Крылосъ и убѣждалъ здѣсь монаховъ повиноваться Лопаткѣ, какъ своему законному архипастырю, и требовалъ отъ нихъ монастырскіе ключи для передачи ему, внезапно явился Григорій Болобанъ и, протестуя, говорилъ, что онъ, по волѣ короля, законный пастырь львовской епархіи, что управляетъ ею уже болѣе трехъ лѣтъ, представилъ на то подлинную королевскую грамату прежде полученную, и заявилъ, что на дняхъ, именно 6-го августа, онъ исходатайствовалъ себѣ отъ короля еще новую, подтвердительную грамату на львовское владычество. Староста и вся коммиссія опять остановили дѣло въ виду заявленныхъ королевскихъ граматъ. Не довольствуясь этимъ, Григорій Болобанъ отправился во Львовъ и, съ своими сообщниками, выгналъ Ивана Лопатку изъ архіерейскихъ палатъ и владѣній. А когда, по приказанію короля, мѣстный староста началъ вновь вводить, въ львовской каѳедральной церкви, Ивана Лопатку въ управленіе епархіею, въ присутствіи многихъ свидѣтелей и самаго арцыбискупа, тогда Григорій Болобанъ, находившійся тутъ же, съ бранью бросился на Лопатку и не далъ старостѣ ключей отъ церкви. Чтобы положить конецъ столько прискорбной борьбѣ, которой самъ же былъ виною, король велѣлъ

митрополиту виленскому Іонѣ рукоположить Ивана Лопатку въ санъ епископа львовскаго и, по рукоположеніи, объявляя объ этомъ (15 авг. 1570) всѣмъ жителямъ галицкой Руси, приказывалъ имъ признавать Лопатку за дѣйствительнаго владыку, поставленнаго митрополитомъ, а львовскому старостѣ подтверждалъ защищать и охранять новопоставленнаго владыку отъ обидъ и притѣсненій со стороны Григорія Болобана. Но послѣдній не унимался и продолжалъ вести тяжбу съ Лопаткою изъ-за львовской каѳедры еще болѣе пяти лѣтъ до самой его кончины. Послѣ того львовскій староста самъ, своею властію, ввелъ Григорія Болобана (1576 г.) въ управленіе львовскою епархіею, какъ законнаго архипастыря, на основаніи прежней граматы, данной ему покойнымъ королемъ Сигизмундомъ Августомъ. Принялъ ли теперь Григорій Болобанъ епископскій санъ съ именемъ Гедеона, или еще нѣсколько времени оставался свѣтскимъ владыкою, неизвѣстно ([397]). На каѳедру пинской епархіи, по смерти нареченнаго владыки Андрея Русина, избранъ былъ протопопъ замковаго дмитріевскаго собора въ Пинскѣ, Кириллъ Семеновичъ Терлецкій, и избранъ не королемъ, какъ бывало прежде, а панами радами: это случилось, вѣроятно, въ междуцарствіе послѣ бѣгства изъ Польши короля Генриха. Сами паны рады дали Кириллу и грамату на пинскую епископію и на всѣ принадлежащія ей имѣнія, сами и отправили его, съ своею граматою, къ митрополиту Іонѣ, который и рукоположилъ его во епископа. А когда на престолъ польскій взошелъ Стефанъ Баторій, епископъ Кириллъ испросилъ себѣ (8 іюля 1576) подтвердительную королевскую грамату на данное ему панами радами вла-

([397]) Supplement. ad H. R. Monum. №№ 169—176, pag. 460—466.

дычество пинское и туровское ([398]). Въ 1578 г. онъ жаловался королю, что владѣльцы населенныхъ имѣній въ пинской епархіи отнимаютъ у него изъ-подъ власти и суда всѣхъ поповъ и людей православной вѣры и не позволяютъ ни ему, ни его протопопамъ и слугамъ въѣзжать въ эти имѣнія для духовныхъ дѣлъ, а сами вступаются въ духовныя справы и суды, несмотря на данную еще прежде королевскую грамату, запрещавшую имъ такое своеволіе. Король далъ подтвердительный универсалъ къ землевладѣльцамъ пинской епархіи, чтобы они не вмѣшивались въ духовныя справы и суды и не стѣсняли законныхъ правъ пинскаго владыки ([399]). Полоцкая епархія, послѣ взятія Полоцка русскимъ войскомъ (1563), не упразднилась, и хотя съ того времени въ Полоцкъ присылались архіепископы изъ Москвы, называвшіеся полоцкими и великолуцкими, но и въ Литвѣ, послѣ нѣкотораго перерыва, существовали свои архіепископы полоцкіе, витебскіе и мстиславскіе, вѣроятно, жившіе въ Мстиславлѣ или Могилевѣ. Таковы были: Варсонофій Валахъ, неизвѣстно когда рукоположенный, и преемникъ его Ѳеофанъ-Богданъ Рпинскій или Рыпинскій. Послѣдній, изъ земянъ ошмянскаго повѣта, былъ прежде протопопомъ въ Марковѣ и получилъ грамату на полоцкое владычество и на всѣ его имѣнія отъ пановъ радъ, вѣроятно, въ періодъ междуцарствія, и, по ихъ ходатайству, возведенъ въ архіерейскій санъ митрополитомъ Іоною, а съ

([398]) А. З. Р. III, № 65 и примѣч. 48. Въ граматѣ этой неточно сказано, будто паны рады отдали пинскую каѳедру Кириллу Терлецкому послѣ Макарія Евлашевскаго: ее занималъ, послѣ Макарія, хотя и очень недолго, Іона Протасовичъ, скоро избранный на митрополію, и за нимъ еще *нарсченный* епископъ Андрей Русинъ, правившій пинскою епархіею нѣсколько лѣтъ (см. примѣч. 385).

([399]) Вилен. Археогр. Сборн. VI, № 124, стр. 285.

воцареніемъ Стефана Баторія испросилъ себѣ у него подтвердительную грамату (15 дек. 1576). Этотъ владыка былъ, видно, большой охотникъ до управленія монастырями: онъ выпросилъ ихъ себѣ почти разомъ три. Одинъ изъ нихъ, могилевскій Спасскій, держалъ прежде, по граматѣ Сигизмунда Августа, протопопъ могилевскій Иванъ; а когда онъ скончался, то владыка Ѳеофанъ, получивъ этотъ монастырь, со всѣми его имѣніями и доходами, въ свое управленіе отъ маршалка земскаго великаго княжества литовскаго, Яна Ходкевича, поспѣшилъ испросить на то утвержденіе со стороны короля (19 февр. 1578). Два другіе монастыря находились въ Мстиславлѣ: николаевскій нагорный и пустынскій. Первый держалъ, по граматѣ Сигизмунда Августа, мстиславскій попъ Евпатій, послѣдній—сынъ его Матѳей. А какъ они не хотѣли принять монашества, то владыка Ѳеофанъ донесъ объ этомъ королю и просилъ отобрать у нихъ оба монастыря и пожаловать ему. Король, ссылаясь на ходатайство подканцлера Воловича, отозвавшагося о Ѳеофанѣ съ большою похвалою, дѣйствительно предоставилъ ему (24 іюня 1578) тотъ и другой монастыри, со всѣми ихъ имѣніями, въ пожизненное управленіе. Нельзя сказать, чтобы владыка Ѳеофанъ нуждался въ имѣніяхъ монастырей для своего содержанія: потому что, по его просьбѣ, еще въ 1577 г. король Стефанъ Баторій приказалъ возвратить ему всѣ владѣнія полоцкой каѳедры, присвоенныя разными лицами, послѣ взятія Полоцка, въ тотъ промежутокъ времени, пока каѳедра оставалась вакантною ([400]).

Раздача православныхъ монастырей свѣтскимъ лицамъ никогда еще, кажется, не совершалась такъ часто, какъ теперь.

([400]) А. З. Р. III, №№ 75. 91. 94. 98 и примѣч. 51.

Шесть изъ нихъ были розданы Сигизмундомъ Августомъ въ послѣдніе годы его жизни. Гродненскій колошскій монастырь, и безъ того раззоренный, онъ отдалъ гродненскому подкоморію пану Павлу Котовичу (12 авг. 1568), который и распоряжался имъ двѣнадцать лѣтъ; заручайскій успенскій въ Овручскомъ замкѣ—писарю земли кіевской, шляхтичу Богухвалу Павшѣ (17 іюня 1570) въ пожизненное владѣніе, съ тѣмъ чтобы онъ держалъ отъ себя въ монастырѣ духовное лицо въ качествѣ игумена; минскій вознесенскій—дворянину Ивану Ивановичу Бакѣ. Но этотъ Бака держалъ монастырь такъ небрежно, что въ немъ не осталось ни чернеца, ни священника, и богослуженіе совсѣмъ прекратилось, а принадлежащее монастырю село Тростенецъ уступилъ князю Петру Горскому, и потому брестскій воевода Гавріилъ Горностай призналъ нужнымъ отобрать (1576) монастырь у Баки. Кіевскій межигорскій монастырь король сперва (1571 г.) пожаловалъ-было своему писарю Евтихію Высоцкому только въ пожизненное владѣніе, а потомъ (1572), по его просьбѣ, и «на вѣчность», въ потомственное владѣніе. Еще два монастыря, дерманскій и чернчицкій спасскій отданы были (1571)—первый королевскому земянину Михаилу Игнатовичу Дчусѣ, а послѣдній вельможному пану стольнику Дорогостайскому; но оба эти монастыря, по смерти Сигизмунда Августа, отобраны были (1574—1575) кіевскимъ воеводою княземъ Константиномъ Константиновичемъ Острожскимъ у названныхъ пановъ, конечно, за нерадивое или раззорительное управленіе ([401]). Король Стефанъ Баторій

([401]) Акт. Вилен. Комм. I, № 33, стр. 126; Вилен. Арх. Сборн. IX, стр. 429; А. Ю. и З. Р. I, №№ 157. 164; Собр. грам. минск. губ., №№ 22. 24; А. З. Р. III, № 53; Архив. Югозап. Россіи, ч. I, т. I, предисл. XVI и № 11.

отдалъ монастыри: кобринскій спасскій, который держалъ дотолѣ какой-то Василій Григорьевичь, дворянину Николаю Кирдеевичу въ пожизненное управленіе (1576); минскій троицкій, бывшій предъ тѣмъ въ держаньи какого-то Артемія Червяцкаго, дворянину Богушу Невельскому въ пожизненное же управленіе (1576); черейскій троицкій, основанный еще около половины XV в. смоленскимъ епископомъ—митрополитомъ Мисаиломъ, одному изъ потомковъ его, подляшскому воеводичу Ивану Сопѣгѣ (1578), который предъявилъ граматы, что монастыремъ этимъ всегда владѣли его отецъ и дѣдъ. А минскій вознесенскій монастырь, отобранный (1576) у дворянина Баки, переходилъ за тѣмъ, въ самое короткое время, три раза изъ однѣхъ рукъ въ другія. Сначала Баторій отдалъ его дворянину Богушу Невельскому, и вскорѣ потомъ, по просьбѣ Невельскаго, пожелавшаго уступить монастырь земянину минскаго повѣта Стефану Достоевскому, утвердилъ (7 сент. 1577) за этимъ послѣднимъ. Когда же митрополитъ кіевскій Илія Куча, каштелянъ минскій Янъ Глѣбовичь и нѣкоторые минскіе шляхтичи донесли королю, что Стефанъ Достоевскій даже не греческаго закона, держитъ монастырь только для своего пожитку, и въ монастырѣ служба Божія никогда не совершается, и просили, чтобы монастырь былъ отнятъ у Достоевскаго и отданъ земянину минскаго же повѣта Михаилу Рогозѣ, человѣку богобоязненному и въ письмѣ святомъ умѣлому, изъявившему при томъ желаніе принять монашество, тогда Баторій, ссылаясь на извѣстное постановленіе гродненскаго сейма, объявленное митрополиту Іонѣ, чтобы свѣтскіе люди, получившіе отъ короля духовный хлѣбъ, но втеченіе трехъ мѣсяцевъ не захотѣвшіе принять духовный санъ, были лишаемы этого

хлѣба, приказалъ (17 февр. 1579) взять у Достоевскаго минскій вознесенскій монастырь и отдать Михаилу Рогозѣ, съ тѣмъ чтобы онъ, сдѣлавшись монахомъ и архимандритомъ, правилъ монастыремъ до своего живота. При передачѣ этого монастыря Михаилу Рогозѣ, уже архимандриту (17 ноября), оказалось, до какого жалкаго состоянія монастырь былъ доведенъ. Въ немъ церковь вознесенія Господня деревянная была опалая и гнилая; иконъ въ ней находилось одинадцать старыхъ и слинялыхъ; въ алтарѣ престолъ, покрытый выбойкою, евангеліе старое, немного обитое мѣдью, потиръ и дискосъ оловянные, кадило старое мѣдное; книгъ—двѣнадцать мѣсячныхъ миней, евангеліе учительное, уставъ, три октоиха, прологъ, двѣ тріоди, требникъ, апостолъ и псалтырь; двѣ ризы, одинъ епитрахиль; въ придѣлѣ Благовѣщенія престолъ ободранный; на колокольнѣ три колокола; всѣ избы и прочія строенія въ монастырѣ деревянныя, старыя, иныя безъ кровли; ограда вокругъ монастыря и монастырскаго сада вся разобрана ([402]).

Рядомъ съ раздачею монастырей свѣтскимъ людямъ, ведшею почти всегда къ раззоренію обителей, совершались иногда и благотворенія монастырямъ, проявлялась и заботливость объ устроеніи ихъ, но только гораздо рѣже, чѣмъ прежде. Княгиня Анна Нелединская записала (10 октябр. 1568) на трокскій рождественскій монастырь два поля въ пустошѣ Янкишки съ находившимся тамъ дворомъ, постройками и домашнимъ скотомъ. Король Сигизмундъ Августъ далъ кіевскимъ монастырямъ нѣсколько жалованныхъ граматъ, хотя лишь подтверди-

([402]) А. Ю. и З. Р. I, №№ 172. 174; А. З. Р. III, №№ 89. 101. 110; Собр. грам. минск. губ., №№ 27. 28.

тельныхъ, на прежнія ихъ имѣнія и привиллегіи. Такія граматы выданы: кіево-выдубицкому монастырю—на владѣніе землею Звѣринцемъ, вновь обмежеванною кіевскимъ воеводою Константиномъ Константиновичемъ Острожскимъ (1568); кіево-михайловскому—на всѣ прежнія его имѣнія (1570); кіево-николаевскому — также на всѣ прежнія имѣнія (1570) и на право избранія себѣ архимандрита съ благословенія и утвержденія не кіево-печерскаго архимандрита, какъ было доселѣ, а кіевскаго митрополита (1572); кіево-печерскому—на право держать общину въ монастырѣ и избирать себѣ архимандрита (1570), на право посылать старцевъ своихъ и слугъ въ московскіе сѣверскіе города для сбора дани (1571) и на владѣніе селомъ Вишенки въ кіевскомъ повѣтѣ (1571) ([403]). Къ сожалѣнію, въ печерскомъ монастырѣ вновь появлялись искатели настоятельскаго мѣста и между ними происходила борьба, конечно, не къ благу обители. Въ 1571 г. сильно домогался этого мѣста шляхтичъ Богданъ Шашковичь Конюскій, ссылаясь на то, что архимандритъ печерскаго монастыря Иларіонъ Песочинскій и братія будтобы добровольно, съ согласія кіевской шляхты, уступили ему, передъ врядомъ кіевскаго замка и королевскими ревизорами, архимандритство печерское, отдали ему монастырь и всѣ владѣнія его и документы на владѣнія, и засвидѣтельствовали это граматою за своими подписями. Между тѣмъ, когда король поручилъ воеводѣ русскому Юрію Язловецкому сдѣлать на мѣстѣ дознаніе, архимандритъ Иларіонъ объявилъ, что своего архимандритства и права на монастырь никогда добровольно не уступалъ, а что королевскіе ревизоры отняли у него монастырскіе документы и граматы и отдали Коню-

([403]) Вилен. Археогр. Сб. II, № 88; А. З. Р. III, №№ 44. 49. 52; А. Ю. и З. Р. I, №№ 156. 161. 163; II, № 147.

скому,—почему воевода тотчасъ же и возвратилъ Иларіону настоятельство. Король и рада утвердили распоряженіе воеводы особенно потому, что никто и не имѣлъ права уступать и передавать печерскій монастырь безъ вѣдома и соизволенія короля. Въ 1573 г., по смерти Иларіона Песочинскаго, называлъ себя печерскимъ архимандритомъ какой-то Іона Деспотовичь, который и распоряжался монастырскимъ имуществомъ; но въ слѣдующемъ году печерская братія избрала себѣ въ настоятеля шляхтича Мелетія Хрептовича и просила короля Генриха утвердить избраннаго, говоря, что настоятельство это, по смерти Иларіона Песочинскаго, уже не малое время «ваковало», т. е. было не занято. Между тѣмъ, пока Мелетій, утвержденный королемъ (15 марта 1574), еще не успѣлъ сдѣлаться дѣйствительнымъ архимандритомъ, въ Кіевѣ уже существовалъ другой нареченный печерскій архимандритъ Сильвестръ іерусалимецъ, котораго признавали и братія, и шляхта, и самъ воевода князь К. К. Острожскій. Когда этотъ Сильвестръ пріѣхалъ въ Минскъ къ митрополиту, вѣроятно, для посвященія въ санъ архимандрита, то Мелетій, находившійся тамъ же, можетъ быть, съ тою же цѣлію, сдѣлалъ, со множествомъ слугъ, нападеніе на Сильвестра, отнялъ у него все церковное золото и серебро, и слугъ, и коней, и возы, и все, что онъ имѣлъ. Напрасно кіевскій воевода князь Острожскій ходатайствовалъ (14 марта 1575) за Сильвестра предъ могущественнымъ Яномъ Ходкевичемъ и просилъ оказать справедливость; Мелетій, нося уже имя печерскаго архимандрита, успѣлъ выпросить себѣ подтвердительную грамату на настоятельство (10 ноября 1576) у новаго короля Стефана Баторія, который вслѣдъ за тѣмъ (13 ноября) издалъ свой

листъ ко всѣмъ сановникамъ, шляхтѣ и обителямъ въ государствѣ, чтобы признавали Мелетія Хрептовича Богуринскаго законнымъ архимандритомъ кіево-печерскаго монастыря. Въ томъ же 1576 г. Баторій пожаловалъ грамату запорожскимъ казакамъ, по которой они имѣли на Днѣпрѣ (въ 80-ти верстахъ ниже Кіева) свой городъ Терехтемировъ и свой терехтемировскій монастырь, и назывались его «фундаторами и подавцами» (404).

Два сына основателя супрасльскаго монастыря, называвшіе себя его ктиторами, Григорій Александровичъ Ходкевичь, панъ виленскій, гетманъ литовскій, и Юрій Александровичъ Ходкевичь, панъ трокскій, староста пинскій, замѣчая, что въ послѣднее время начали въ монастырѣ происходить нестроенія, и уставъ. данный ихъ отцемъ и митрополитомъ Іосифомъ Солтаномъ, не вполнѣ соблюдался, съѣхались въ монастырь и здѣсь, вмѣстѣ съ архимандритомъ его Тихономъ и всею братіею, составили и изложили (2 окт. 1568) нѣсколько пояснительныхъ и дополнительныхъ правилъ, которыя назвали своимъ завѣтомъ. Въ завѣтѣ, между прочимъ, было постановлено: а) церковныя службы совершать въ монастырѣ по церковному уставу, безъ малѣйшаго отъ него отступленія; б) первоначальный уставъ монастыря написать на доскѣ и повѣсить въ трапезѣ, чтобы всѣмъ былъ вѣдомъ для руководства; в) деньги и прочіе доходы, церковные и монастырскіе, архимандритъ не долженъ брать къ себѣ и одинъ распоряжаться ими, какъ велось въ послѣднее время; но всѣ эти

(404) А. Ю. и З. Р. I, №№ 162. 168. 169; Вилен. Арх. Сборн. IV, №№ 12. 13; Архив. югозападн. Россіи, ч. I, т. I, №№ 14. 15. Снес. № 86, стр. 353; *М. А. Максимовичъ.* Собр. сочиненій, II, 262, Кіев. 1877; Архив. югозападн. Россіи, ч. III, т. I, стр. 236.

© ГПБ

деньги и доходы должна принимать въ трапезѣ вся братія, вмѣстѣ съ архимандритомъ, потомъ вносить въ казнохранилище за церковною печатью; точно такъ же съ вѣдома всей братіи должны совершаться и расходы; г) для большаго порядка въ помощь архимандриту избираются изъ среды братіи шесть человѣкъ, съ которыми онъ и правитъ монастыремъ и распоряжается въ монастырскихъ имѣніяхъ; д) въ монастырѣ мяснаго не ѣсть, хмѣльнаго не держать; е) архимандритъ не долженъ имѣть стола особо, а ѣсть вмѣстѣ съ братіею въ трапезѣ; ж) въ церковь долженъ приходить къ началу всякой службы; з) не долженъ самъ ѣздить по фольваркамъ для подбиранія пчелъ и можетъ посѣщать фольварки только однажды въ годъ; и) монаховъ, приходящихъ изъ чужихъ монастырей, не избирать ни въ келари, ни въ экономы и ни на какую монастырскую службу; і) въ настоятели монастыря избирать только изъ своихъ постриженцевъ и проч. ([405]).

Но въ то время, когда православные монастыри въ Литвѣ, постоянно раздаваемые въ управленіе свѣтскимъ людямъ, болѣе и болѣе приходили въ упадокъ, когда благотворенія монастырямъ становились рѣже и рѣже и лишь немногіе, въ родѣ братьевъ Ходкевичей, показывали иногда нѣкоторую заботливость объ устроеніи ихъ, нашелся человѣкъ, который одинъ основалъ въ своихъ владѣніяхъ три монастыря. Это былъ князь Богушъ Ѳедоровичъ Корецкій, воевода земли волынской, староста луцкій, браславскій и винницкій. Монастыри, имъ основанные, были: корецкій, маренинскій и городинскій. Каждый изъ нихъ онъ надѣлилъ и обезпечилъ фундушами, которые и завѣщалъ (21 іюня 1576) своему сыну и

([405]) Вилен. Археогр. Сб. IX, № 22, стр. 58.

потомкамъ никогда не отнимать. Къ сожалѣнію, главный опекунъ, избранный княземъ Богушемъ, надъ его оставшимися имѣніями, знатный магнатъ Янъ Ходкевичь скоро отдалъ (29 март. 1577) одинъ изъ этихъ монастырей, маренинскій, въ пожизненное управленіе какому-то «пану филозофу» Сисину Калѣчицкому, со всѣми отчинами и доходами, хотя, быть можетъ, этотъ Сисиній, человѣкъ «доброй науки въ вѣрѣ закону греческаго», сдѣлался потомъ и архимандритомъ обители, по примѣру двухъ первыхъ ея архимандритовъ, упоминаемыхъ въ тойже граматѣ Ходкевича ([406]). Встрѣчались тогда между православными и такіе, которые, если и не основывали монастырей, то устрояли церкви и при нихъ гошпитали и школы. Каштелянъ брацлавскій Василій Загоровскій завѣщалъ (11 іюля 1577) устроить въ городѣ Владимірѣ, при своей фамильной Ильинской церкви, гошпиталь на двѣнадцать человѣкъ нищихъ и недужныхъ и школу, въ которой бы мѣстный церковный дьякъ обучалъ дѣтей граматѣ и списывалъ книги для употребленія въ церкви, а въ своемъ имѣніи Суходолахъ—построить новую церковь вознесенія Господня и при ней гошпиталь также на двѣнадцать человѣкъ. И на все это, равно какъ и на содержаніе приходскаго духовенства, назначилъ достаточныя средства. О существованіи гошпиталей въ Луцкѣ упоминаетъ въ своемъ завѣщаніи (13 дек. 1569) архимандритъ жидичинскаго монастыря Іона, который назначилъ на русскій гошпиталь въ Луцкѣ пять копъ грошей и на лядскій три копы грошей ([407]).

([406]) Архив. югозападн. Россіи, ч. I, т. I, № 17; А. З. Р. III, № 79.
([407]) Архив. югозападн. Россіи, ч. I, т. I, № 7, стр. 25. 27, и № 16.

Хотя при заключеніи люблинской уніи между Литвою и Польшею было постановлено, что русскіе и литовцы будутъ пользоваться всѣми правами наравнѣ съ поляками и русскимъ будутъ издаваться указы и граматы только на русскомъ языкѣ, но скоро начались отступленія отъ этого закона. Въ 1576 г. всѣ дворяне воеводства брацлавскаго писали къ королю Стефану Баторію, что къ нѣкоторымъ изъ нихъ недавно присланы изъ королевской канцеляріи граматы не на русскомъ, а на польскомъ языкѣ, вопреки люблинской уніи, и просили, чтобы король приказалъ впредь выдавать или присылать къ нимъ граматы изъ королевской канцеляріи не на иномъ, какъ на русскомъ языкѣ. Опираясь на тоже постановленіе люблинскаго сейма, русскіе въ Галиціи старались и себѣ исходатайствовать равенство правъ съ поляками, не жалѣя для того никакихъ издержекъ. И король Сигизмундъ Августъ издалъ на варшавскомъ сеймѣ, 20 мая 1572 г., грамату, которою объявлялъ, что русскіе въ Галиціи наравнѣ съ прочими жителями имѣютъ право на общественныя должности, могутъ владѣть движимымъ и недвижимымъ имуществомъ и вести торговлю, и запретилъ, подъ страхомъ пѣни въ 2000 угорскихъ золотыхъ, притѣснять или преслѣдовать, какъ самихъ русиновъ, такъ и ихъ православное духовенство. Но эта грамата, особенно въ городѣ Львовѣ, не исполнялась поляками. Подтверждали ее потомъ, по просьбѣ русскихъ, король Генрихъ Валуа (15 апр. 1574) и король Стефанъ Баторій (26 марта 1577); но безъ всякой пользы: притѣсненія русскихъ, несмотря на всѣ ихъ протесты, не прекращались, тѣмъ болѣе, что самъ же Баторій въ 1578 г. ограничилъ права русскихъ,

предоставленныя означенною граматою ([408]). Все это, впрочемъ, для многострадальной Галиціи было явленіемъ обыкновеннымъ. Но скоро начались притѣсненія православнымъ не въ одной Галиціи, но и въ великомъ княжествѣ литовскомъ.

III.

Въ іюнѣ 1579 года каѳедру литовской митрополіи занималъ уже новый *нареченный* митрополитъ Онисифоръ Петровичъ Дѣвоча или Дѣвочька. Родомъ онъ былъ, какъ можно догадываться, изъ галицкихъ дворянъ и до поступленія на митрополію имѣлъ въ своемъ управленіи, еще по граматѣ короля Сигизмунда Августа, лаврашевскій монастырь, который потомъ удерживалъ за собою и впродолженіе своего митрополитствованія. На высшую церковную должность назначенъ былъ, вѣроятно, прямо изъ свѣтскихъ людей, нимало неподготовленный къ ней предшествовавшимъ служеніемъ церкви, какъ прежде назначены были Сильвестръ Бѣлькевичъ и Илія Куча: по крайней мѣрѣ, ни въ числѣ архіереевъ, ни въ числѣ настоятелей и другихъ духовныхъ лицъ того времени имя Онисифора Дѣвочьки не встрѣчается. Еще прискорбнѣе было то, что онъ возведенъ былъ въ санъ архіерея-митрополита, вопреки каноновъ, изъ двоеженцевъ, къ общему соблазну вѣрующихъ ([409]). А между тѣмъ западно-русская

([408]) А. З. Р. III, № 64; *Зубрицк.* Лѣтоп. львов. братства, подъ 1572—1578 г.; Галицк. Русь, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1862, III, отд. III, стр. 60. 66.

([409]) А. З. Р. III, примѣч. 66; А. Ю. и З. Р. I, № 200; А. З. Р. IV, № 149, стр. 206. Галицко-русскіе дворяне въ своемъ посланіи къ митрополиту Онисифору выражались: «есмо *братья* вашей милости» (А. З. Р. III, № 146, стр. 290).

церковь нуждалась тогда болѣе, чѣмъ когда либо прежде, въ пастыряхъ и архипастыряхъ достойнѣйшихъ, какъ по умственнымъ качествамъ, такъ и по нравственнымъ. Враги ея— латиняне, особенно іезуиты съ каждымъ днемъ усиливались и усиливали на нее свои нападенія. Завязывалась борьба открытая, въ которой православные хотя старались принимать всѣ мѣры для своей обороны, но, достаточно неприготовленные и не имѣя искусныхъ вождей, по неволѣ, во многомъ должны были уступать своимъ противникамъ.

Доселѣ дѣятельность литовскихъ іезуитовъ сосредоточивалась въ Вильнѣ и направлена была преимущественно на подавленіе протестантства. Теперь они успѣли утвердиться и въ другихъ мѣстахъ западно-русскаго края, и въ нѣкоторыхъ почти исключительно для совращенія православныхъ. Въ августѣ 1579 г. Стефанъ Баторій осадилъ Полоцкъ. При королѣ и войскѣ постоянно находились іезуиты. Сначала осада шла неудачно отъ постоянныхъ проливныхъ дождей. По совѣту іезуитовъ, король приказалъ служить въ лагерѣ молебствія, а самъ далъ обѣтъ основать въ Полоцкѣ, какъ только онъ будетъ взятъ, іезуитскую коллегію. По взятіи города (27 сент.), Баторій, въ благодарность Богу за одержанную побѣду, дѣйствительно тотчасъ же основалъ тамъ коллегію и костелъ для іезуитовъ, отдалъ имъ во владѣніе всѣ русскія церкви и монастыри въ Полоцкѣ, именно восемь церквей и семь монастырей, большею частію, разоренныхъ, а вмѣстѣ и всѣ принадлежавшія имъ имѣнія. Нѣкоторыя изъ этихъ имѣній были расхищены въ предшествовавшее смутное время, а три находились въ пожизненномъ владѣніи смоленскаго каштеляна Зеновича; но король велѣлъ назначить коммиссію, которая разслѣдовала дѣло и возвратила іезуитамъ одинадцать селъ, а въ 1583 г. къ нимъ присоединены королевскою граматою и три села, бывшія во власти Зеновича. Новою своею граматою (11 апр. 1584) король уступилъ іезуитамъ и разныя дани, которыя прежде шли съ пожалованныхъ имъ крестьянъ въ королевскую казну и на земскія повинности. Варшавскій сеймъ 1585 г. утвердилъ за полоцкими іезуитами всѣ, подаренныя имъ, православныя церкви, монастыри и ихъ имѣнія. Такое дѣйствіе Стефана Баторія было вопіющею несправедливостію. Жители Полоцка почти всѣ были православные, и онъ оставилъ имъ только одну церковь, каѳедральную, софійскую, и за однимъ только владыкою-архіепископомъ утвердилъ всѣ прежнія его имѣнія; а всѣ прочія церкви и монастыри съ ихъ имѣніями насильно отнялъ у православныхъ и отдалъ іезуитамъ. И для чего отдалъ? Для того, какъ самъ говоритъ въ граматѣ (20 генв. 1582), чтобы они основали семинарію для воспитанія юношества, распространяли въ схизматическихъ странахъ католическую вѣру, устрояли латинскіе приходы, и слѣд. искореняли православіе. Очень естественно, если православные жители Полоцка относились, въ началѣ, къ іезуитамъ враждебно и противодѣйствовали имъ, какъ только могли. Открытая іезуитами семинарія или школа едва имѣла до пяти учениковъ; но вскорѣ въ ней находились уже многіе ученики и, въ числѣ ихъ, даже дѣти мѣстнаго православнаго владыки ([410]). Въ 1582 г., получивъ подъ свою

[410]) *Sulicovii* Commentar. brevis rerum polonic., p. 121—122; *Rostowski*, Litvanic. Societ. Iesu Hist. I, p. 86—87. 91—93; А. З. Р. III, №№ 137. 143 и примѣч. 80; *Stebelsk.* Chronolog. 158. Полоцкимъ православнымъ владыкою былъ тогда Ѳеофанъ-Богданъ Рыпинскій, бывшій прежде протопопомъ въ Марковѣ и имѣвшій дѣтей. О расположенности его къ латинянамъ свидѣтельствуетъ и Поссевинъ (Supplem. ad Hist. Russ. Monum., pag. 401).

власть Ливонію, Баторій лично посѣтилъ городъ Ригу, сопровождаемый іезуитами, и принимая мѣры къ возстановленію между жителями страны католицизма, основалъ и въ Ригѣ іезуитскую коллегію, при церкви св. Іакова. Эта коллегія, при которой скоро открыта была и школа, назначалась, прежде всего, для привлеченія къ латинству мѣстныхъ протестантовъ, но могла оказывать вліяніе и на православныхъ, которые имѣли въ самой Ригѣ свою церковь св. Николая, находившуюся въ вѣдомствѣ полоцкаго архіепископа. Третью коллегію іезуитовъ и при ней школу основалъ (1585) въ своемъ имѣніи Несвижѣ князь Николай Христофоръ Радзивилъ, и надѣлилъ ее богатыми имѣніями. Изъ Несвижа, который находился въ новогрудскомъ воеводствѣ, іезуиты часто предпринимали путешествія по сосѣднимъ городамъ и особенно въ Новогрудокъ, и въ немъ одномъ обратили въ латинство до тридцати человѣкъ православныхъ. Слѣдуетъ упомянуть и о четвертой коллегіи іезуитской, которую основала еще въ 1571 г., по совѣту Скарги, тогда пока львовскаго каноника, одна польская магнатка, Софія Одровонжъ, въ своемъ городѣ Ярославлѣ: потому что городъ этотъ, находившійся въ Галиціи, въ перемышльской епархіи (нынѣ мѣстечко люблинской губерніи), былъ окруженъ сплошнымъ православнымъ народонаселеніемъ. Ярославская коллегія имѣла свои миссіи, при латинскихъ бискупахъ, въ городахъ Львовѣ и Луцкѣ, гдѣ также много обитало православныхъ, а ярославская школа, существовавшая при коллегіи, по своему устройству, принадлежала къ числу высшихъ ([411]). Но главнымъ мѣстомъ іезуитской дѣятельности

([411]) *Sulicov.*, Comment. brevis rer. polon., 139—144; *Koialow.* Miscell., 117; *Rostowski*, Litv. Soc. Iesu Hist. I, 106—110. 121. 130. 260; *Stebelsk.*

оставалась Вильна. Здѣсь, кромѣ академіи, которая быстро возрастала и въ 1586 г. имѣла уже 54 іезуита и 700 воспитанниковъ, въ руки іезуитовъ отданы были еще два новыя училища, двѣ семинаріи. Одна изъ нихъ, епархіальная семинарія, устроена была (1582—1584) виленскимъ бискупомъ—кардиналомъ Юріемъ Радзивиломъ, который на содержаніе ея пожертвовалъ нѣсколько своихъ имѣній. Другая получила начало по мысли Антонія Поссевина. Совершивъ путешествіе въ Москву безъ всякаго успѣха для католицизма, Антоній пришелъ къ убѣжденію, что для обращенія русскихъ московскаго государства къ римской вѣрѣ надобно прежде обратить къ ней ихъ единовѣрцевъ, живущихъ въ Литвѣ и Польшѣ подъ властію короля-латинянина, что при этомъ обращеніи можно на время дозволить имъ богослуженіе на славянскомъ или греческомъ языкѣ, чтобы они, мало по малу, отъ своихъ несовершенныхъ обрядовъ переходили къ древнимъ греческимъ и наконецъ перешли къ обряду латинскому, лишь бы только приняли догматы флорентійскаго собора, и указывалъ папѣ Григорію XIII, какъ на первое средство къ обращенію русскихъ, на учрежденіе двухъ семинарій: въ Римѣ и въ Вильнѣ. Въ Римѣ семинарія или коллегія была учреждена въ 1581 г. для молодыхъ людей изъ грековъ и другихъ восточныхъ христіанъ, въ томъ числѣ и русскихъ, и изъ нея вышло немало ученыхъ мужей, особенно грековъ, бывшихъ усердными пропагандистами католицизма и уніи между своими прежними единовѣрцами. Въ Вильнѣ семинарія основана въ 1582 г. папою Григоріемъ XIII, обѣщавшимъ отпускать

Genealog. XX. Ostrogskich, p. 131; *Lucaszewicz*, Historya szkol..., IV, 72. 119. 145—147.

на нее ежегодно по 1200 коропатовъ изъ собственной казны, и основана собственно для воспитанія русскихъ юношей съ цѣлію пропаганды между православными обитателями края. Впрочемъ, эта послѣдняя семинарія существовала недолго: потому что, какъ объясняетъ самъ Поссевинъ, преемники папы Григорія XIII († 1585) перестали высылать на содержаніе ея ту сумму денегъ, которую назначилъ и высылалъ Григорій XIII ([412]). Кромѣ коллегій и другихъ учебныхъ заведеній, іезуиты старались учреждать церковныя братства. Старшее изъ нихъ братство Тѣла Господня или Евхаристіи, основанное, по мысли Скарги, какъ мы видѣли, еще въ 1573 г. при костелѣ св. Яна, ежегодно совершало въ Вильнѣ свою церковную процессію, при особомъ участіи всѣхъ отцевъ іезуитовъ и ихъ многочисленныхъ питомцевъ, и всегда привлекало ею толпы народа всѣхъ исповѣданій. Но никогда эта процессія не отличалась такою торжественностію, пышностію и обстановкою, какъ въ 1586 г., когда она привлекла къ себѣ несмѣтное множество разновѣрцевъ даже изъ окрестныхъ мѣстъ Вильны, и произвела на нихъ такое впечатлѣніе, что многіе родители побрали своихъ дѣтей изъ протестантской школы и отдали въ іезуитскую, а изъ взрослыхъ, вскорѣ за тѣмъ, болѣе трехъ сотъ человѣкъ приняли латинскую вѣру. Самымъ важнымъ для себя пріобрѣтеніемъ въ это время считали іезуиты обращеніе знаменитаго впослѣдствіи канцлера Льва Сапѣги, который еще въ юности, когда воспитывался въ Саксоніи, измѣнилъ православію и принялъ кальвинство, а

([412]) *Rostowcki*, Litv. S. Iesu Hist. I, 113. 157; *Iaroszewicz*, Obraz Litwy, III, 87; *Possevin.* in Supplement. ad Hist. Russiæ Monum. pag. 35—39. 70. 402. 403; *Ciampi*, Bibliografia critica I, 287; *Allatii* de ecclesiæ occid. et orient. perp. consensu, lib. III, c. VII, pag. 986.

теперь, подъ вліяніемъ Скарги, сдѣлался католикомъ. Въ томъ же 1586 г. учреждено при іезуитскомъ свято-яновскомъ костелѣ братство Маріи (sodalitas Mariana), вскорѣ распространившееся по всей странѣ. А въ 1588 — 1589 г., когда въ Вильнѣ свирѣпствовало повѣтріе, образовалось при томъ же костелѣ братство милосердія Господня, и члены братства, преимущественно іезуиты, съ великимъ усердіемъ посѣщали больныхъ, безъ различія вѣроисповѣданія, въ домахъ и госпиталяхъ, кормили бѣдныхъ и убогихъ у своего кляштора, утѣшали и напутствовали умирающихъ и не упускали случаевъ обращать облагодѣтельствованныхъ ими иновѣрцевъ къ своему исповѣданію: въ это время однихъ православныхъ они обратили пятьдесятъ три человѣка ([413]). Такимъ образомъ, іезуитскія братства имѣли главною своею цѣлію латинскую пропаганду.

Православные ничего не могли противопоставить, съ своей стороны, всѣмъ этимъ коллегіямъ и семинаріямъ, которыя заводили іезуиты въ разныхъ мѣстахъ Литвы и Польши, и, чувствуя потребность въ образованіи, волею или неволею принуждены были отдавать своихъ дѣтей въ тѣже училища. Антоній Поссевинъ самъ видѣлъ русскихъ дѣтей и студентовъ, изъ бѣднаго сословія и изъ богатаго, въ виленской коллегіи—академіи, и свидѣтельствовалъ, что русскіе обучались также

([413]) *Rostowski*, Litv. S. Iesu Hist. I, 157—159. 166—169. Когда московскіе послы, въ 1610 г., настаивали предъ польскими панами, чтобы королевичъ Владиславъ, избранный въ государи Россіи, принялъ православіе, то сказали гетману Льву Сапѣгѣ: «а тебѣ, Льву Ивановичу, и больше всѣхъ надобно о томъ радѣть..., потому что *дѣдъ твой и отецъ и ты самъ и иные вашего рода* многіе были въ нашей православной вѣрѣ греческаго закона, и не вѣдомо, какимъ обычаемъ ты съ нами теперь поразрознился: такъ тебѣ по нашей вѣрѣ прихоже поборать» (*Соловьев.* Исторія Россіи, VIII, 359).

въ ярославской коллегіи и ольмюцкой семинаріи. Но зная по опыту, какъ видно изъ отзыва Курбскаго княгинѣ Черторижской о виленской коллегіи, что въ іезуитскихъ училищахъ дѣти могутъ потерять вѣру отцевъ и за тѣмъ сдѣлаться проводниками латинства въ родную среду, православные начали заботиться объ учрежденіи своихъ собственныхъ училищъ. Доселѣ мы не встрѣчали никакихъ слѣдовъ даже первоначальныхъ школъ въ литовской митрополіи и ни одного объ нихъ свидѣтельства; теперь находимъ указанія на существованіе (1572) церковной школы въ Туровѣ и на учрежденіе (1577 г.) такой же школы во Владимірѣ Волынскомъ. А одинъ протестантскій писатель (Павелъ Одербонъ), бывшій пасторомъ въ Ковнѣ, входившій въ собесѣдованія съ русскими священниками, посѣщавшій Вильну и въ пречистенскомъ соборѣ видѣвшій богослуженіе самаго митрополита Онисифора, въ своемъ сочиненіи, писанномъ въ 1581 г., свидѣтельствуетъ слѣдующее: «русскіе всегда имѣютъ при церквахъ школы; здѣсь тридцатилѣтній юноша обучаетъ дѣтей первымъ началамъ граматы; алхвавитъ ихъ весьма похожъ на древній греческій. Катихизиса не преподаютъ никакого, а предлагаютъ дѣтямъ только молитвы къ Пресв. Дѣвѣ и св. Николаю, написанныя въ книгахъ; впрочемъ, изучаютъ апостольскій символъ, нѣсколько измѣненный. За тѣмъ слѣдуютъ псалмы Давида, которые они употребляютъ и днемъ и ночью». Безъ сомнѣнія, такія школы мало могли оказывать помощи для противодѣйствія латинской пропагандѣ: онѣ давали только своимъ питомцамъ возможность развиваться и обогащаться познаніями впослѣдствіи чрезъ чтеніе книгъ. Но «князья острожскій и слуцкій, какъ писалъ Антоній Поссевинъ въ

1581 г., имѣли типографіи и школы, которыми далеко и широко поддерживалась схизма», слѣдовательно школы, уже не первоначальныя ([414]). О слуцкой школѣ дальнѣйшихъ извѣстій не сохранилось; но острожская школа, основанная княземъ Константиномъ Константиновичемъ около 1580 г., по сношенію съ цареградскимъ патріархомъ и съ благословенія его, продолжала существовать и дѣйствительно была не изъ первоначальныхъ. Въ ней обучали не только славянскому языку, но и наукамъ греческимъ и латинскимъ. Первымъ ректоромъ этой гимназіи князь опредѣлилъ ученаго мужа Герасима Смотрицкаго, бывшаго дотолѣ подстаростою каменецкимъ, уважаемаго русскими, назначивъ ему достаточное жалованье и подаривъ два села, Баклаевку и Борисовку въ острожскомъ княжествѣ. Учителемъ школы былъ приглашенный княземъ изъ Греціи извѣстный Кириллъ Лукарисъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи цареградскимъ патріархомъ. Въ гимназіи воспитывались многіе русскіе юноши, какъ благороднаго, такъ и простаго званія, и въ числѣ ихъ два сына Герасима Смотрицкаго. Острожская школа, при которой тогда же открыта была и типографія, называлась не только гимназіею, но иногда даже академіею, какъ назвалъ ее въ своемъ сочиненіи самъ Герасимъ Смотрицкій, и принесла немало пользы православной церкви въ ея борьбѣ съ латинянами: это увидимъ впослѣдствіи ([415]). Не менѣе принесла пользы

([414]) *Possevin.* in Supplem. ad Hist. Russ. Monum., p. 36. 38. 39; Опис. рукоп. Румянц. Муз., стр. 127; Архив. югозапад. Россіи ч. I, т. I, стр. 16; *Oderbon.* De Russorum religione, apud *Starczewsk.* Hist. Ruthen. Script. exteri, II, p. 39—40.

([415]) А. З. Р. IV, № 149, стр. 206. Свѣдѣнія объ острожской школѣ и ея первомъ ректорѣ передаетъ намъ Яковъ Суша (Susza), бывшій холмскимъ уніатскимъ епископомъ, въ своей, нынѣ весьма рѣдкой, книгѣ: Saulus et Paulus,

православной церкви въ томъ же отношеніи и другая школа — львовская. Къ началу 1586 г. прибылъ въ городъ Львовъ патріархъ антіохійскій Іоакимъ, путешествовавшій въ Москву за милостынею. Увидѣвъ во Львовѣ «нерадѣніе о исправленіи въ росскомъ родѣ», первосвятитель далъ совѣтъ православнымъ жителямъ завести братство, школу и типографію, и извѣстилъ о томъ вселенскаго патріарха Іеремію. Братство во Львовѣ существовало издавна при городской церкви успенія Пресв. Богородицы; но оно, видно, не имѣло опредѣленнаго устава и прочнаго внутренняго устройства. Теперь братство испросило себѣ уставъ у антіохійскаго патріарха и какбы образовалось вновь. Этотъ уставъ гласилъ: 1) всякій желающій вступить въ братство, мѣщанинъ, шляхтичь или кто другой, изъ жителей города или изъ сторонніхъ, долженъ дать вступнаго въ братскую кружку шесть грошей. Живущіе въ городѣ братья должны сходиться въ братскій домъ однажды въ четыре недѣли, или какъ случится надобность, и давать въ четыре недѣли по полгроша въ братскую кружку. А братья,

sive Meletius Smotriscius, Romæ, 1666. О ректорѣ школы, который былъ отцемъ Мелетія Смотрицкаго, говоритъ: Progenitor eius Erasmus Smotriski vicecapitaneum castri camenensis plurimo egit tempore. Vir morum singularium nec exilis doctrinæ: quippe qui graecarum latinarumque litterarum, nec non slavonicæ linguæ, cumprimis peritus fuerit. А о школѣ—слѣдующее: Inde Ostrogiæ liberali effuso aëre, non slavonicæ duntaxat linguæ, sed græcarum iuxta atque latinarum artium, erexit (dux Ostrogiensis) palæstram, in qua rhutenam multam, qua nobilem, qua plebejam, aluit iuventutem. Cæterum videns dictum Erasmum Smotrycki, vicecapitaneum camenecensem, eruditionis Rnthenos inter haud spernendae auctoritate sua tantum apud eum perfecit, ut relicto publice honore, eius gymnasii rectorem subierit. Cui etiam dignos labore census designavit villasque insuper Baklajowka et Borysowka, e ducatu Ostrogiensi adiecit... Далѣе говорится о двухъ сынахъ ректора и ихъ учителѣ Кириллѣ Лукарисѣ (pag. 14. 15—16). Этотъ Герасимъ Смотрицкій въ концѣ изданной имъ книги: *Календарь римски новы*, Острогъ, 1587, сдѣлалъ замѣтку: «написано у академіи острозьской».

живущіе далеко отъ братства, даютъ по шести грошей въ годъ. 2) Каждый годъ братья избираютъ изъ среды себя четырехъ старшинъ, которые, по окончаніи года, и даютъ отчетъ предъ всѣми. Кружка братская должна находиться у старшаго изъ нихъ, а ключъ отъ нея у младшаго. 3) Въ своихъ засѣданіяхъ, окончивъ всѣ дѣла, братья должны читать свящ. книги и скромно другъ съ другомъ разговаривать. 4) Если братъ заболѣетъ, неимѣющій достатка, братья помогаютъ ему братскими деньгами; если впадетъ въ бѣду и напасть, ему даютъ деньги въ долгъ безъ лихвы; если умретъ, всѣ провожаютъ его въ церковь и потомъ до могилы съ братскими свѣчами. 5) Всѣ братья записываютъ своихъ родственниковъ въ поминникъ братской успенской церкви, по которому они и поминаются братскимъ священникомъ; а дважды въ годъ должны совершаться литургіи за все братство: заздравная и заупокойная, и при этомъ раздается посильная милостыня бѣднымъ. Кромѣ того въ уставѣ говорилось о самоуправленіи и самосудѣ братства и опредѣлялись наказанія виновнымъ: виновный осуждался или сидѣть на колокольнѣ, или давать братству опредѣленное количество воску или на то и другое. А «если кто изъ братій,—присовокуплялось въ уставѣ,—пренебрежетъ съ гордостію церковнымъ братскимъ судомъ, тотъ да судится, какъ преступникъ церкви, и если въ четыре недѣли не покается, то какъ поганецъ и явный грѣшникъ отлучается: священникъ имѣетъ обличить его предъ всѣми въ церкви и отлучить отъ церкви. И когда какой либо братъ будетъ отлученъ братствомъ отъ церкви, чрезъ братскаго священника, тогда ни протопопъ, ни епископъ, не въ правѣ благословить отлученнаго, пока онъ не покорится братству»...

Далѣе братству этому предоставлялась власть и по отношенію къ лицамъ стороннимъ, не входившимъ въ составъ его: а) если братія увидятъ или услышатъ, что при какой либо церкви или въ иномъ какомъ либо братствѣ живутъ не по закону міряне или духовные, то должны напомнить таковымъ словесно или письменно, а въ случаѣ ихъ неисправленія, донесть о нихъ епископу; б) если и епископъ пойдетъ противъ закона истины и станетъ править церковію не по правиламъ св. апостоловъ и св. отцевъ, то такому епископу да противятся всѣ, какъ врагу истины; в) этому львовскому братству дается первенство и старѣйшинство между всѣми братствами, какъ прежде основанными, такъ и имѣющими возникнуть: всѣ они должны сообразоваться съ его правилами и ему подчиняться... и проч. Въ заключеніи устава патріархъ написалъ: «этому праву, данному нами въ вѣчные роды, не должны противиться ни епископъ, ни мірскія власти, и никто другой; а иначе будутъ подъ клятвою св. богоносныхъ отцевъ седми вселенскихъ соборовъ». Давъ братству уставъ, патріархъ Іоакимъ написалъ, отъ 1 генв. 1586 г., окружное посланіе ко всему духовенству и мірянамъ западнорусской церкви, въ которомъ, объявляя, что граждане львовскіе желаютъ открыть у себя школу и при ней печатню греческаго и русскаго письма, и построить новую каменную церковь и домы для школы, печатни и гошпиталя, приглашалъ всѣхъ православныхъ дѣлать вспоможеніе на такія богоугодныя дѣла. Подобныя же воззванія отъ 1 и 20 мая дѣлалъ по своей епархіи и львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ. Въ іюнѣ тогоже года прибылъ отъ вселенскаго патріарха, въ качествѣ экзарха его, елассонскій митрополитъ Арсеній, и самъ

началъ обученіе въ школѣ, которое и продолжалъ два года. Тогда же начертанъ былъ и порядокъ или уставъ этой школы, устроенной, какъ сказано въ началѣ его, «при храмѣ успенія пречистыя Божія Матери, накладомъ всего братства львовскаго и всего посполитаго народа россійскаго». Въ уставѣ довольно подробно опредѣлены обязанности учителя (дидаскала) и учениковъ и отношенія къ школѣ членовъ братства и родителей учениковъ, и сказано, что учитель долженъ обучать не только чтенію и письму, но и грамматикѣ, реторикѣ, діалектикѣ, музыкѣ, св. евангелію и книгамъ апостольскимъ, и по всѣмъ этимъ наукамъ выдавать записки ученикамъ; а послѣ обѣда обучать пасхаліи, ариѳметикѣ, церковному пѣнію; въ субботы послѣ вечерни учить дѣтей страху Божію и обязанностямъ ихъ къ родителямъ и другимъ людямъ; въ праздники и воскресные дни—объяснять ученикамъ значеніе праздниковъ и положенныя на тѣ дни чтенія, евангельскія и апостольскія. Изъ устава не видно, чтобы въ львовской школѣ преподавался латинскій языкъ, и она называлась только школою греческаго и славянскаго письма. Во всякомъ случаѣ, по составу наукъ, это была школа если не изъ высшихъ, то изъ среднихъ. Къ концу 1586 г. львовскій епископъ Гедеонъ, письмомъ къ львовскому братству (16 дек.), совершенно одобрилъ порядокъ, заведенный въ братской школѣ и типографіи. А къ концу слѣдующаго года пожаловалъ братству свою грамату (отъ 1-го декабря) и цареградскій патріархъ Іеремія, которою благословилъ и утвердилъ и братство и его училище и типографію, и въ заключеніе которой сказалъ: «если же кто явится растлителемъ всего этого, тотъ, какъ врагъ Божій, и убійца, и ненавистникъ добра, да будетъ отлученъ отъ Св.

живоначальныя, единосущныя и нераздѣльныя Троицы, и проклятъ, и непрощенъ по смерти» ([416]).

Кромѣ львовскаго православные имѣли у себя и другія братства, получившія устройство гораздо прежде, нежели появились въ Литвѣ братства іезуитскія. Таковы были православныя братства въ Вильнѣ панское, купецкое и кушнерское, намъ уже извѣстныя, и въ Мстиславлѣ мѣщанское. Три первыя испросили себѣ теперь подтвердительныя граматы отъ короля Стефана Баторія въ 1582 и 1584 г., а послѣднее, мстиславское — въ 1579 г. ([417]). Къ нимъ начали присоединяться и новыя братства: напримѣръ, въ 1582 г. образовалось братство роское, въ предмѣстіи города Вильны—Росѣ при церкви пречистыя Богородицы, называвшееся братствомъ шапошниковъ, сермяжниковъ и ноговичниковъ, которые, впрочемъ, составили собою не только церковное братство, но и цехъ, и потому имѣли въ уставѣ своемъ правила двоякаго рода; а въ 1589 г. образовалось братство кушнерское или скорнячное въ городѣ Могилевѣ ([418]). Всѣ эти братства, совершенно сходныя между собою по устройству, съ которымъ мы имѣли случай познакомиться прежде, приносили свою долю

([416]) Предисловіе къ Грамматикѣ Еллино-словенскаго языка, напеч. въ Львовѣ 1591 г., въ Опис. старопечатныхъ книгъ графа Толстова, стр. 64—67; Собр. граматъ минской губ., № 139, стр. 300 — 305; Чтен. Москов. Истор. Общ. 1848, VI, отд. IV, 55 – 60; Памятн., изд. Кіевск. Коммиссіею, III, №№ 1. 3; А. З. Р. III, № 157; *Зубрицк.* Лѣтоп. львов. братства, подъ 1586 годомъ; А. З. Р. II, № 154. Въ этой послѣдней граматѣ, содержащей въ себѣ уставъ львовской школы, вовсе не сказано, что онъ былъ изданъ 1 генв. 1586 г. и утвержденъ патріархомъ Іоакимомъ, а только упоминается въ началѣ, что Іоакимъ 1-го генв. 1586 г. находился во Львовѣ.

([417]) Собр. грам. городовъ — Вильны, Ковна, II, №№ 1. 2; А. З. Р. III, №№ 109. 131. О мстиславскомъ братствѣ въ граматѣ замѣчено, что оно существовало уже «съ давныхъ часовъ».

([418]) Вилен. Археогр. Сборн. I. № 57; А. Ю. и З. Р. I, № 188.

пользы уже тѣмъ, что заботясь «о потребахъ церквей Божіихъ и гошпиталей», доставляли имъ вещественныя средства для содержанія, а еще болѣе тѣмъ, что, соединяя православныхъ въ церковные союзы во имя православной вѣры, поддерживали и возбуждали въ своихъ членахъ любовь къ ней и привязанность, и тѣмъ предохраняли ихъ отъ увлеченія въ другія исповѣданія. Но, по обстоятельствамъ времени, для православныхъ нужны были теперь еще братства другаго рода, съ болѣе широкою задачею, — братства, которыя заботились бы не о вещественныхъ только потребностяхъ своихъ храмовъ, при которыхъ они существовали, и своихъ гошпиталей, но и о духовныхъ потребностяхъ самой церкви православной, объ огражденіи и защищеніи ея отъ враговъ— іезуитовъ, при помощи школы, науки, просвѣщенія. Одно изъ такихъ братствъ, львовское, мы уже видѣли; другое подобное братство образовалось въ Вильнѣ при свято-троицкомъ монастырѣ, подъ названіемъ: «братство церковное троицкое». Въ уставѣ новаго братства нѣтъ и помину ни о покупкѣ меда, ни о братскихъ пиршествахъ въ извѣстные праздники года, продолжавшихся по три дня, и хотя оно не отказывалось отъ преслѣдованія тѣхъ же цѣлей, къ какимъ стремились и прежнія братства, т. е. отъ вспомоществованія церквамъ и гошпиталямъ и вообще бѣднымъ и несчастнымъ, но главнѣйшимъ своимъ дѣломъ считало содержаніе училища и типографіи, воспитаніе юношества въ духѣ православія и изданіе книгъ, потребныхъ церкви. Въ частности, въ уставѣ говорилось: 1) всякъ, желающій вписаться въ духовное братство, долженъ внести въ братскую кружку (скрынку) вписнаго, сколько хочетъ и можетъ. Потомъ каждый вписавшійся братъ

обязанъ въ каждое воскресенье, послѣ ранней обѣдни, зайти въ церковное братство и, по своей волѣ и возможности, дать въ братскую кружку на милостыню. Каждый годъ однажды, въ четвертую недѣлю по Рождествѣ Христовѣ, имѣетъ быть общая складчина братчиковъ, по волѣ и силѣ каждаго изъ нихъ, на поддержаніе братства. Наконецъ, въ братскую кружку поступаетъ и то, что кто либо при кончинѣ своей, самъ добровольно, дастъ и запишетъ на церковное братство. 2) На эти доходы имѣетъ быть совершаема ранняя Божія служба братскимъ попомъ и діакономъ у братскаго алтаря въ троицкомъ монастырѣ четыре раза въ недѣлю: въ воскресенье, среду, пятницу и субботу, а въ каждую пятницу, послѣ ранней обѣдни, должно совершаться еще всѣмъ троицкимъ соборомъ молебствіе за братчиковъ, за господаря и за все христіанство: за то попамъ и діакону и слугамъ церковнымъ будетъ итти плата изъ братской кружки. Изъ нея же братство будетъ посылать и въ каждую церковь, гдѣ случится храмовой праздникъ, по шести грошей на богомолье, а черницамъ и *черницамъ* будетъ давать на содержаніе каждую недѣлю, по мѣрѣ возможности. 3) По гошпиталямъ, тюрьмамъ и убогимъ по улицамъ братство будетъ раздавать милостыню два раза въ годъ: на Рождество Христово и на Пасху. Равнымъ образомъ, если кто либо изъ братчиковъ, по допущенію Божію, обѣднѣетъ, онъ будетъ получать пособіе изъ братской кружки; если убогій братчикъ подвергнется болѣзни, и ему будетъ даваться вспоможеніе и все нужное отъ братства; если братчикъ скончается и не на что будетъ погребсти его, братство погребетъ его на свои средства. 4) Братство содержитъ школу, и въ братской школѣ будутъ даромъ обучаться

дѣти членовъ братства и убогіе сироты языкамъ русскому, греческому, латинскому и польскому. Братство имѣетъ содержать въ своемъ распоряженіи людей ученыхъ, духовныхъ и свѣтскихъ для науки школьной, для поученія народа въ церкви и для церковнаго пѣнія. Братство открываетъ собственную типографію, въ которой будутъ печататься книги, потребныя для школы и для церкви, на языкахъ греческомъ, славянскомъ, русскомъ и польскомъ. Подробный свой уставъ виленское троицкое братство напечатало, съ благословенія митрополита Онисифора, еще въ 1588 г., и тогда же вошло въ сношенія съ братствомъ львовскимъ. Львовское братство, основавшее у себя школу за два года предъ тѣмъ, начавъ печатаніе «еллино-словенской граматики», собранной «спудеями» (студентами) его школы изъ разныхъ грамматикъ, поспѣшило послать первые печатные листы книги братству виленскому. Это послѣднее, въ своемъ отвѣтномъ письмѣ къ львовскому братству, выразивъ благожеланіе, чтобы Богъ помогъ ему окончить печатаніе грамматики, просило выслать сто или двѣсти экземпляровъ книги, по отпечатаніи ея, въ Вильну съ обозначеніемъ цѣны, а также прислать одного или двухъ дьяковъ, которые, сами зная науку, могли бы обучать и другихъ, обѣщая имъ щедрое вознагражденіе. При письмѣ виленское братство отправило къ львовскому тридцать экземпляровъ своего печатнаго устава и еще книгу Маргаритъ (не видно, печатную или рукописную) съ статьею «на арменьскую ересь», послѣдователей которой немало было во Львовѣ. Въ заключеніе письма виленскіе братчики просили львовскихъ, чтобы они выслали копію съ граматы, данной ихъ братству вселенскимъ патріархомъ Іереміею ([419]).

([419]) А. З. Р. IV, №№ 4. 18.

Іезуиты не ограничивались заведеніемъ въ разныхъ мѣстахъ своихъ коллегій и школъ, устроеніемъ братствъ, но дѣйствовали на иновѣрцевъ, и въ частности на православныхъ, еще словомъ устнымъ и печатнымъ. Проповѣдывали не только въ церквахъ, но и на площадяхъ, на торжищахъ и на другихъ общественныхъ сборищахъ; всегда и вездѣ искали случаевъ вызывать православныхъ на открытыя состязанія о предметахъ вѣры; издавали и распространяли между православными сочиненія для совращенія ихъ въ латинство. Въ послѣднемъ отношеніи болѣе всѣхъ показалъ ревности Антоній Поссевинъ. Во время своего непродолжительнаго пребыванія въ Вильнѣ онъ издалъ на русскомъ языкѣ нѣсколько сотъ латинскихъ катихизисовъ, хотя, какъ самъ сознавался впослѣдствіи, русскіе типографчики — «схизматики» посмѣялись надъ нимъ и, при печатаніи книгъ, «внесли въ нихъ различныя заблужденія», т. е. исправили катихизисы по своему. А чего не успѣлъ сдѣлать самъ, то совѣтывалъ сдѣлать другимъ. Онъ совѣтывалъ, прежде всего, издать на латинскомъ языкѣ два извлеченія изъ исторіи или апологіи флорентійскаго собора, которую приписывали тогда латиняне уважаемому православными цареградскому патріарху Геннадію Схоларію, — извлеченіе, въ вопросахъ и отвѣтахъ, о происхожденіи Св. Духа и извлеченіе о главенствѣ папы, и потомъ раздать эти книги, въ видѣ подарка, всѣмъ русскимъ студентамъ въ виленской академіи, ярославской коллегіи и ольмюцкой семинаріи, чтобы они распространяли книги между своими родными, друзьями и знакомыми, а также издать для тѣхъ же студентовъ сочиненіе Ѳомы Аквината противъ заблужденій грековъ. Совѣтывалъ за

тѣмъ напечатать на русскомъ языкѣ катихизисъ Петра Канизія и такъ называемый римскій катихизисъ, сократить и издать на русскомъ языкѣ сочиненіе Скарги о единствѣ церкви и нѣкоторыя изъ житій Святыхъ, составленныхъ Скаргою, и послѣднія даромъ раздавать русскимъ попамъ для чтенія въ церквахъ; пересмотрѣть и исправить, разумѣется, въ латинскомъ духѣ, русскія евангелія, псалмы, молитвы, минеи и другія богослужебныя книги,—и для подобныхъ изданій оставилъ въ Вильнѣ іезуитамъ денегъ ([420]). Не знаемъ, всѣ ли эти совѣты Поссевина исполнились, но нѣкоторые дѣйствительно исполнились. Въ 1581 г. издано въ Вильнѣ, въ радзивиловской типографіи, первое извлеченіе изъ подложнаго сочиненія Геннадія Схоларія—апологіи флорентійскаго собора о происхожденіи Св. Духа, расположенное въ вопросахъ и отвѣтахъ. Извлеченіе это сдѣлалъ іезуитъ Василій Амасскій или Замасскій, родомъ русскій, находившійся съ Поссевиномъ въ Москвѣ, и назначилъ свою книгу именно для русскихъ студентовъ. Въ 1582 г. изданъ въ Римѣ, на русскомъ языкѣ, катихизисъ или богословіе Петра Канизія; а въ 1585 г. напечатанъ въ Вильнѣ, на томъ же языкѣ, переведенный съ латинскаго «катихизисъ или наука всѣмъ православнымъ христіанамъ». Скарга хотя не сдѣлалъ сокращенія своей книги о единствѣ церкви, но издалъ въ 1582 г. небольшое дополненіе къ ней, на латинскомъ и на польскомъ языкахъ, «о заблужденіяхъ русскихъ и причинахъ, по которымъ Греція отдѣлилась отъ римской церкви». Іезуитъ Гербестъ, бывшій ректоромъ ярославской коллегіи, издалъ въ 1586 г. на поль-

([420]) *Ciampi*, Bibliografia critica, I, 287; II, 263; Supplement. ad Hist. R. Monum., № 11, p. 39—40. 403.

скомъ языкѣ сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Выводы вѣры костела римскаго и исторія греческой неволи до уніи—изъ болѣе обширной церковной исторіи, написанной для обращенія Руси, выписалъ капланъ Гербестъ». Наконецъ одинъ изъ четырехъ братьевъ — Радзивиловъ, дѣтей Николая Чернаго, самый младшій, Станиславъ перевелъ съ греческаго и издалъ въ томъ же 1586 г., на латинскомъ и польскомъ языкахъ, все подложное сочиненіе патріарха Геннадія Схоларія—апологію флорентійскаго собора ([421]).

Православные очень хорошо понимали, что для многихъ изъ нихъ, особенно слабыхъ и неискусныхъ въ вѣрѣ, іезуитскіе проповѣди и диспуты могутъ быть очень опасными, и потому признавали за лучшее, по возможности, уклоняться отъ тѣхъ и другихъ или ходить къ іезуитамъ на диспуты только съ своими учеными. «Совѣтуйте нашимъ, — писалъ князь Курбскій одному изъ бурмистровъ Вильны, Кузьмѣ Мамоничу, извѣстному содержателю славянской типографіи,— чтобы безъ ученыхъ нашей страны они не сражались съ іезуитами и не ходили къ нимъ на ихъ поученія», и далѣе: «снова прошу, чтобы наши не ходили къ нимъ часто на ихъ поученія безъ искусныхъ нашихъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ православные знали, что лучшая защита для православія противъ всѣхъ нападеній іезуитовъ заключается въ писаніяхъ древнихъ св. отцевъ церкви, и что всѣ новоизмышленные догматы и заблужденія латинства, проповѣдуемые іезуитами, уже достаточно опровергнуты въ писаніяхъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ грековъ, и потому старались добыть себѣ тѣ и другія писанія. Курбскій († 1583) пріобрѣлъ себѣ всѣ творенія Златоуста, Григорія богослова, Василія великаго, Кирилла александрійскаго, Іоанна Дамаскина и церковную исторію Никифора Каллиста, съ латинскимъ переводомъ, и самъ на старости лѣтъ выучился по-латыни, изучивъ также грамматику, діалектику и другія науки; упросилъ своего родственника, молодаго князя Михаила Оболенскаго, который былъ уже женатъ, оставить жену и дѣтей и провести три года въ Краковѣ и два года въ Италіи для изученія высшихъ наукъ на латинскомъ языкѣ, а по возвращеніи князя, вмѣстѣ съ нимъ и при содѣйствіи какого-то юноши Амвросія, «въ писаніи искуснаго и верха философіи внѣшней достигшаго», принялся переводить съ латинскаго писанія св. отцевъ. Онъ переводилъ не цѣликомъ, а отдѣльныя бесѣды и отрывки, которые считалъ наиболѣе нужными для обличенія іезуитовъ, наприм., тѣ, гдѣ говорилось объ исхожденіи Св. Духа, противъ чистилища и под., и эти бесѣды разсылалъ, для чтенія и поученія, своимъ знакомымъ. Цѣликомъ же перевелъ только двѣ книги св. Іоанна Дамаскина: Богословіе или точнѣе изложеніе православной вѣры и Діалектику — книги, самыя необходимыя для приготовленія православныхъ къ борьбѣ съ іезуитами. Небольшой сборникъ переводовъ Курбскаго содержавшій всего три статьи: одну патріарха Геннадія Схоларія, другую Дамаскина, третью Златоуста, напечатали въ 1585 г., въ Вильнѣ, братья Мамоничи, посвятивъ книгу пану Воловичу ([422]). Въ тоже время князь Константинъ Константино-

([421]) *Wiczniewskiego* Historia Literatury Polskiej, VIII, 282—283. 285—288. 291. 318; IV, 286, Krakow, 1851; *Сахаров.* Обозр. Слав.-русск. библіогр., № 72; Очеркъ Славяно-русск. библіогр. *Ундольскаго*, №№ 93. 97; *Kraszewsk.* Wilno, IV, str. 125.

([422]) Сказанія князя *Курбскаго*, стр. 257—258. 261—262. 287—289; Жизнь князя Андрея Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, II, 310—311, Кіевъ, 1849;

вичъ Острожскій успѣлъ пріобрѣсть съ Аѳона, въ славянскомъ переводѣ, два лучшія, хотя и не обширныя, сочиненія позднѣйшихъ грековъ, направленныя противъ латинянъ, именно Григорія и Нила митрополитовъ солунскихъ, и далъ, прежде всего, списать пріобрѣтенную книгу пану Гарабурдѣ, типографщику въ Вильнѣ, и князю Курбскому. Послѣдній, прочитавъ книгу, былъ въ восхищеніи, и писалъ къ виленскому бурмистру Козьмѣ Мамоничу: «не ужасайтесь софизматовъ іезуитскихъ, но стойте твердо въ православной вѣрѣ и будьте бодры и трезвенны... Пусть они выдали книжки противъ нашей церкви, прикрашенныя языческими силлогизмами и превращающія апостольскую теологію. Вотъ, по милости Божіей, намъ подана въ помощь книга отъ св. горы и принесена какбы рукою Божіею... Въ этой книгѣ не только теперешнія іезуитскія дудки, но всѣ силлогизмы, измышленныя ихъ папою, кардиналами и выше небесъ превознесеннымъ ихъ богословомъ Ѳомою (Аквинатомъ) и ядовито изрыгнутые на восточную церковь, опровергнуты ясно и полно... Совѣтую вамъ прочитать это мое письмо всему собору виленскому, мужамъ, въ правовѣрныхъ догматахъ стоящимъ, да возревнуютъ ревностію Божіею по праотеческомъ родномъ своемъ правовѣріи. Наймите добраго писаря, возмите ту книгу у пана Гарабурды или у меня и, списавъ ее, читайте прилежно»... Эту же самую книгу, принесенную князю Острожскому съ Аѳона, Курбскій посылалъ и къ какому-то латинянину, а съ нею еще извѣстное намъ посланіе Максима грека къ боярину Ѳедору Карпову противъ Николая—Нѣмчина и совѣтывалъ, чтобы латинянинъ не только самъ прочиталъ посылаемыя рукописи, но и далъ прочитать ихъ своимъ іезуитамъ, говоря, что тамъ найдутъ они готовые отвѣты на всѣ свои силлогизмы ([423]). Позаботились православные, въ частности, дать отвѣтъ и на тѣ сочиненія, которыя изданы были тогда, для совращенія ихъ, іезуитами. Противъ книги Гербеста: «Выводы вѣры римскаго костела» — издано было въ 1587 г., вѣроятно, въ Острогѣ, сочиненіе: «ключь царства небеснаго», посвященное сыну князя острожскаго Александру Константиновичу ([424]). Противъ небольшой книги Василія Амасскаго объ исхожденіи Св. Духа напечатано въ Острогѣ «Исповѣданіе объ исхожденіи Св. Духа» (1588 г.). Противъ сочиненія Скарги о единствѣ церкви, равно какъ и противъ названной книги Амасскаго, написано клирикомъ острожскимъ Василіемъ въ томъ же 1588 г. и тогда же или вскорѣ за тѣмъ напечатано въ Острогѣ большое сочиненіе—Сборникъ (въ 339 листовъ, т. е. 678 страницъ), заключавшій въ себѣ шесть отдѣленій: а) о единой истинной православной вѣрѣ и о св. соборной апостольской церкви (этимъ заглавіемъ перваго отдѣла обыкновенно называется и весь Сборникъ, не имѣющій общаго заглавія); б) объ исхожденіи Св. Духа отъ единаго Отца; в) о первенствѣ римскаго епископа; г) объ опрѣснокахъ, о субботнѣмъ постѣ, о литургіи великаго поста, о безженствѣ священниковъ, о чистилищѣ; д) объ измѣненіи дней праздниковъ и самаго дня

Описс. рукоп. Румянц. Муз., №№ 193. 376, стр. 241—243. 555—557; *Сахаров.* Обозр. Слав.-русск. библіогр., № 75.

([423]) Сказанія *кн. Курбскаго*, стр. 236—238. 302; нашей Исторіи Русск. Церкви VII, 279—280.

([424]) Напечатано при книгѣ *Малышевскаго*: «Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ», II, прилож. III, стр. 101—118, Кіев. 1872. Это небольшое сочиненіе не могло быть написано въ 1584 году, потому что книга самаго Гербеста издана только въ 1585 г. (См. у *Малышев.* тамъ же II, прилож. II, стр. 28).

Пасхи вслѣдствіе новаго календаря: е) о святыхъ храмахъ и почитаніи св. иконъ. Это послѣднее сочиненіе, по тому времени, весьма основательное и направленное не только противъ латинянъ — іезуитовъ, но отчасти и противъ протестантовъ, могло приносить существенную пользу православнымъ. Наконецъ, противъ подложной исторіи или апологіи флорентійскаго собора, переведенной Станиславомъ Радзивиломъ, явилась тогда «исторія о листрійскомъ, т. е. разбойническомъ феррарскомъ или флорентійскомъ соборѣ, вкратцѣ, но справедливо написанная», какъ догадываются, тѣмъ же острожскимъ клирикомъ Василіемъ ([425]). Можно, по справедливости, сказать, что если православные, едва начинавшіе знакомиться со школою и наукою, еще не въ состояніи были успѣшно бороться съ іезуитами на диспутахъ, то ни мало не уступали своимъ противникамъ по сочиненіямъ, которыя съумѣли отыскать въ защиту себя, а отчасти и сами составляли и издавали въ свѣтъ. Слова Скарги, будто книгу его о единствѣ церкви русскіе скупили и сожгли, не подтверждаются болѣе никѣмъ; а о самихъ іезуитахъ достовѣрно извѣстно, что они жгли книги иновѣрцевъ. Главный патронъ виленскихъ іезуитовъ бискупъ Юрій Радзивилъ, какъ только прибылъ изъ Рима на свою епархію (1581 г.), приказалъ силою забрать изъ всѣхъ книжныхъ магазиновъ Вильны иновѣрческія книги и сжечь; равно и старшій братъ его, воевода виленскій Николай Сиротка не только отбиралъ, но и скупалъ подобныя книги и предавалъ

([425]) Очеркъ Слав.-русск. библіогр. *Ундольск.*, №№ 102. 104; Опис. рукоп. Румянц. Муз., № 295. «Исторія о Листрійскомъ соборѣ» нѣсколько времени оставалась извѣстною только по рукописямъ и напечатана лишь въ 1598 году. въ Острогѣ, а недавно вновь издана при книгѣ «Апокрисисъ» въ Кіевѣ, въ 1870 году.

огню, и, въ частности, пожертвовалъ 5000 дукатовъ, чтобы скупить, по возможности, экземпляры калвинской библіи, изданной нѣкогда его отцемъ, и также сжечь. Сожженіе этихъ книгъ совершилось торжественно предъ іезуитскимъ костеломъ св. Іоанна ([426]).

Въ 1582 году папа Григорій XIII обнародовалъ буллу (отъ 13 февраля) о введеніи новаго календаря, извѣстнаго теперь подъ именемъ григоріанскаго. Король Стефанъ Баторій вскорѣ за тѣмъ издалъ указъ, чтобы новый календарь былъ принятъ въ Польшѣ и Литвѣ всѣми его подданными, не только католиками, но и иновѣрцами, и въ томъ числѣ православными. Іезуиты и вообще ревнители латинства не могли не воспользоваться такимъ благопріятнымъ случаемъ для своихъ цѣлей. Они разсчитывали, что если православные примутъ новый календарь, и слѣд. начнутъ праздновать свою пасху и другіе подвижные праздники вмѣстѣ съ католиками, то это послужитъ первымъ шагомъ къ дальнѣйшему религіозному сближенію и соединенію тѣхъ и другихъ. Но православные никакъ не соглашались подчиниться новому календарю и отказаться отъ прежняго, очень хорошо понимая, что тутъ вопросъ касается ихъ церковнаго обряда и вѣры, и потому не можетъ быть рѣшенъ властію короля, а подлежитъ рѣшенію вселенскаго патріарха. Между ними начались волненія, какъ и между армянами и другими иновѣрцами, равно не хотѣвшими принимать новаго календаря. Князь К. К. Острожскій поспѣшилъ написать къ цареградскому патріарху Іереміи и просилъ его наставленій. Іеремія, вмѣстѣ съ александрійскимъ

([426]) Грамата Стефана Баторія отъ 25 сент. 1581 года, напеч. въ Апокрисисѣ, стр. 49—51; *Rostowski*, Litvanic. Soc. Iesu Histor. I, 205. 259.

патріархомъ Сильвестромъ, прислалъ князю, еще въ концѣ тогоже 1582 г., посланіе, въ которомъ объяснялъ, что новый календарь нарушаетъ постановленіе перваго вселенскаго собора о времени празднованія пасхи, огражденное анаѳемою, что этотъ календарь есть новая схизма папы и отступленіе отъ вселенской церкви, что самыя астрономическія вычисленія, положенныя въ основу новаго календаря, далеко неточны, и потому убѣждалъ князя и всѣхъ православныхъ не отступать отъ древняго календаря и не принимать новаго. Въ самомъ началѣ слѣдующаго года (11 января) патріархъ написалъ по томуже случаю грамату къ кіевскому митрополиту Онисифору и всѣмъ подчиненнымъ ему епископамъ, извѣщая ихъ, что посылаетъ къ нимъ двухъ своихъ экзарховъ, Никифора протосинкелла и Діонисія архимандрита, чтобы они подробнѣе разузнали дѣло на мѣстѣ, а съ ними, въ качествѣ переводчика, и спудея Ѳеодора, родомъ изъ западно-русскаго края. Съ этимъ же Ѳеодоромъ послалъ патріархъ по тому же случаю краткую грамату православнымъ жителямъ города Вильны и болѣе подробную ко всѣмъ православнымъ кіевской митрополіи, извѣщая, что еще прежде писалъ объ этомъ предметѣ князю Острожскому. Оба патріаршіе экзарха, по случившимся татарскимъ набѣгамъ на южную Россію, не могли туда проникнуть, а послали только спудея Ѳеодора для доставленія патріаршихъ граматъ, кому слѣдовало, отъ себя же написали (28 апр. 1583 г.) къ пинскому епископу Кириллу Терлецкому, чтобы онъ, равно какъ митрополитъ и всѣ епископы, поразсказали о происходящихъ у нихъ притѣсненіяхъ православнымъ отъ латинянъ спудею Ѳеодору для передачи патріарху. Достойно замѣчанія, что какъ патріархъ въ своихъ граматахъ

митрополиту и жителямъ Вильны, такъ и оба экзарха въ письмѣ къ пинскому епископу, усильно просили оказать спудею Ѳеодору денежное пособіе для его ученія и для покупки книгъ «внѣшнихъ любомудрецовъ и ученыхъ ѳеологовъ», а патріархъ давалъ обѣщаніе вскорѣ отпустить Ѳеодора на родину, «да и тамо имъ процвѣтутъ ученія», и послать съ нимъ еще другаго «мужа упремудрена» съ тоюже цѣлію ([427]). Въ ноябрѣ (20 ч.) 1583 г. патріархъ Іеремія издалъ еще грамату о новомъ календарѣ, по просьбѣ обратившихся къ нему армянъ, которыхъ также принуждали къ принятію этого календаря. Въ этой окружной граматѣ ко всему и православному и армянскому духовенству въ Литвѣ патріархъ снова убѣждалъ не слѣдовать новому календарю, но праздновать пасху и прочіе праздники по пасхаліи, установленной на первомъ вселенскомъ соборѣ ([428]).

Несмотря, однакожъ, на всѣ эти граматы патріарха, на которыя, безъ сомнѣнія, ссылались православные, ихъ хотѣли силою принудить къ принятію новаго календаря. Это особенно обнаружилось во Львовѣ. Въ 24 день декабря 1583 г., когда православные готовились праздновать Рождество Христово по старому календарю, извѣстный поборникъ іезуитизма, львовскій арцибискупъ Янъ-Димитрій Суликовскій велѣлъ своему брату Войцеху запечатать всѣ православныя церкви въ горо-

([427]) Всѣ упомянутыя посланія патріарха и двухъ его экзарховъ напечатаны были въ острожской типографіи, еще въ 1584 г. (*Сахаров.* Обзор. Слав.-русск. библ., № 73), а недавно изданы вновь при книгѣ *Малышевскаго*: «Александр. патр. Мелетій Пигасъ», II, придож. III, 84—100. Въ граматахъ къ жителямъ Вильны и всѣмъ православнымъ, отправленныхъ вмѣстѣ съ граматою къ митрополиту отъ 11 янв. 1583 г., патріархъ говорилъ, что онъ послалъ отвѣтъ свой о томъ же къ князю Острожскому *прежде* (—стр. 90. 100).

([428]) А. З. Р. III, № 138.

дѣ. Войцехъ, взявъ съ собою канониковъ изъ капитулы и отрядъ вооруженныхъ и сопровождаемый толпою латинской черни, обошелъ всѣ русскія церкви, выгналъ изъ нихъ богомольцевъ и священниковъ, не давъ имъ окончить литургіи, потомъ заперъ церкви и запечаталъ печатью арцибискупа, а ключи отъ церквей взялъ съ собою. Православные сильно волновались и негодовали, а львовскій епископъ Гедеонъ внесъ протестъ въ городскія книги. Когда вѣсть объ этомъ дошла до короля, онъ написалъ (9 янв. 1384 г.) бурмистру и радцамъ львовскимъ: «мы узнали, что армяне и люди греческаго обряда упорно держатся стараго календаря, не взирая на данныя нами доселѣ по этому предмету запрещенія (значитъ, король дѣйствительно издавалъ такія запрещенія). Посему повелѣваемъ, чтобы всѣ люди того обряда, соблюдая свою вѣру и держась стараго календаря (король, очевидно, дѣлаетъ уступку), не дерзали нарушать святость и католическихъ праздниковъ, случающихся по новому календарю. А если кто изъ нихъ будетъ въ эти праздники заниматься работами или производить торговлю, того, безъ всякаго извиненія, наказывать лишеніемъ сработанныхъ вещей и полученныхъ за торговлю денегъ». Но, вѣрно, не въ одномъ Львовѣ, а и въ другихъ мѣстахъ и особенно въ Вильнѣ православные подвергались такимъ же притѣсненіямъ отъ латинянъ: потому что, черезъ двѣнадцать дней, король принужденъ былъ издать другую, болѣе рѣшительную грамату ко всѣмъ властямъ въ государствѣ и особенно въ Вильнѣ. «Принимая новоисправленный календарь, — говорилъ король, мы и въ мысляхъ не имѣли запрещать обряды и праздники греческіе, а учинили то для порядка дѣлъ гражданскихъ... Всякъ воленъ, теперь и впредь,

содержать свою вѣру и богослуженіе и отправлять свои праздники, и никто не долженъ за то терпѣть никакого затрудненія, укоризны, убытка и грабежей; и люди греческаго закона, безъ соизволенія своего старшаго патріарха, не должны быть насильно принуждаемы къ новому календарю. Мы желаемъ и повелѣваемъ, чтобы вы не возбраняли имъ совершать и праздновать свои праздники и не дѣлали имъ за то укоризны, грабежей и никакого безчестія, но болѣе старались о сохраненіи мира и согласія между разновѣрцами. Мы обязаны, по силѣ законовъ и присяги нашей, одинаково охранять спокойствіе всѣхъ нашихъ подданныхъ» ([429]). Между тѣмъ епископъ львовскій Гедеонъ, не ограничиваясь однимъ протестомъ, рѣшился позвать арцибискупа Суликовскаго, на собиравшемся тогда въ Варшавѣ сеймѣ, къ отвѣту за оскорбленіе святыни и нарушеніе общественной тишины. Вмѣстѣ съ Гедеономъ прибыли на сеймъ многіе галицко-русскіе дворяне; обѣщался пріѣхать и митрополитъ Онисифоръ, чтобы вмѣстѣ отстаивать право православной церкви, но не пріѣхалъ. Тогда огорченные дворяне написали къ митрополиту посланіе, въ которомъ говорили, что считаютъ за великое несчастіе находиться подъ его пастырствомъ, что онъ нисколько не радитъ ни о св. вѣрѣ, ни о защитѣ своихъ словесныхъ овецъ отъ волковъ, что при немъ православные терпятъ такія бѣды, какихъ не бывало никогда, каковы поруганіе святыни, запираніе и запечатаніе церквей и проч. А Гедеонъ, уступая посредничеству сильныхъ лицъ, канцлера Евстафія Воловича, воеводы кіевскаго князя Острожскаго и другихъ, согласился

([429]) A. 3. P. III, №№ 139. 140; Supplement. ad H. R. Monum. №№ 59. 178, p. 148. 467.

прекратить дѣло и заключить мировую съ своимъ противникомъ. Въ мировой записи (15 февр. 1585 г.) оба іерарха, забывая всѣ прежнія взаимныя оскорбленія и протесты, условились, чтобы обѣ стороны, католики и православные, не дѣлали одна другой никакихъ препятствій въ празднованіи праздниковъ и въ отправленіи обрядовъ богослуженія, впредь до будущаго соглашенія, относительно календаря, между греческими патріархами и римскимъ папою. Король же вслѣдъ за тѣмъ издалъ новую грамату (18 мая 1585 г.), въ которой, повторяя, что принялъ въ своихъ владѣніяхъ новый календарь только для лучшаго порядка дѣлъ, а вовсе не для того, чтобы дѣлать людямъ греческой вѣры какое либо насиліе въ богослуженіи и обрядахъ, правахъ и волностяхъ, и упоминая о состоявшемся на варшавскомъ сеймѣ соглашеніи между львовскими арцибискупомъ и епископомъ, говорилъ: «посему, чтобы на будущее время тверже и надежнѣе могъ быть сохраняемъ миръ между разновѣрцами, мы вознамѣрились дать, позволить и утвердить людямъ греческой вѣры, обитающимъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ, полную власть и свободу—спокойно содержать всѣ уставы и обряды греческаго богослуженія, по порядку и росписанію стараго календаря, такъ же строить церкви своего благочестія, госпитали и школы, каменныя и деревянныя, снабжать ихъ доходами и содержать по принятымъ у нихъ добрымъ обычаямъ, которые дозволены и утверждены привиллегіями отъ нашихъ предковъ... И пока между римскимъ папою и греческими патріархами не будетъ окончательно рѣшенъ споръ объ употребленіи календаря, ни мы, ни наши урядники, не будемъ принуждать сохраняющихъ греческіе обряды къ принятію новаго календаря». Но и послѣ этого волненія изъ-за календаря не прекращались. Къ изумленію, сами православные въ Полоцкѣ, составлявшіе большинство народонаселенія, вздумали принуждать латинянъ, которыхъ было тамъ, вмѣстѣ съ іезуитами, весьма мало, къ празднованію праздниковъ по старому календарю, и въ латинскіе праздники по новому календарю занимались работами, ремеслами, торговлею. Потому король далъ приказъ (18 іюля 1586 г.) полоцкимъ властямъ, чтобы никто изъ мѣстныхъ обитателей не принуждалъ католиковъ совершать праздники по старому календарю и никто не работалъ въ католическіе праздники по новому календарю. Но въ Вильнѣ и другихъ мѣстахъ, по прежнему, латиняне принуждали православныхъ праздновать праздники по новому календарю, такъ что самъ митрополитъ Онисифоръ, а съ нимъ бурмистры, радцы и нѣкоторые изъ поспольства города Вильны, греческаго закона, пріѣзжали къ королю въ Гродно съ жалобою, за всѣ эти принужденія, на латинянъ, и просили себѣ свободы вѣроисповѣданія, какъ говоритъ король въ своей граматѣ (8 сент. 1586 г.), «на основаніи вольностей, дарованныхъ имъ отъ предковъ нашихъ, на основаніи конфедераціи (варшавской), данной диссидентамъ во владѣніяхъ нашихъ, которая принята и утверждена была нами при нашемъ короновании, и на основаніи нашихъ граматъ, данныхъ по этому предмету». Перечисливъ за тѣмъ всѣ эти граматы, нами только-что разсмотрѣнныя, король продолжалъ: «посему приказываемъ вамъ, уряду городскому вилснскому и всѣмъ вообще обывателямъ, а особенно начальствующимъ въ государствѣ нашемъ, вел. княжествѣ литовскомъ, не дѣлать людямъ греческой вѣры, въ Вильнѣ и во всѣхъ другихъ городахъ, ника-

кихъ затрудненій и препятствій въ празднованіи, по древнему закону и обычаю, ихъ праздниковъ..., и не позывать и не отдавать ихъ въ эти дни въ ратушу къ суду войтскому, радецкому, лавничему»... и проч. ([430]). Эта грамата дана Стефаномъ Баторіемъ незадолго до его кончины (12 дек. 1586), и другихъ королевскихъ граматъ по вопросу о новомъ календарѣ уже не было; но споры и столкновенія изъза него между латинянами и православными не прекращались. Завязалась даже литературная полемика: іезуиты отстаивали новый календарь, православные писали противъ него и защищали старый календарь, и это продолжалось еще очень долго ([431]).

Для характеристики тогдашнихъ отношеній между православными и латинянами можно указать еще на два случая. Въ 1579 г., дек. 15, король писалъ къ двумъ владыкамъ, луцкому и владимірскому, что, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, попы греческой вѣры вмѣшиваются въ справы луцкаго бискупства, и по обрядамъ своего закона крестятъ дѣтей католиковъ, совершаютъ имъ браки, даютъ разводы, напутствуютъ Св. тайнами умирающихъ латинянъ, а умершихъ погребаютъ,—отъ чего происходитъ великое смущеніе въ народѣ. И потому приказывалъ, чтобы впредь въ епархіяхъ луцкой и владимірской православные священники не совершали ничего подобнаго для исповѣдниковъ римской вѣры, а за

([430]) А. З. Р. III, №№ 146. 147. 164. 166; Собр. грам. городовъ минск. губ., № 31; Собр. грам. городовъ—Вильны, Ковна, I, №№ 72. 73; Апокрисис., стр. 43—44. 46—48.

([431]) Со стороны іезуитовъ писали, наприм., Гродзицкій (*Kraszewsk.*, Wilno, IV, 129); со стороны православныхъ: Герасимъ Смотрицкій, клирикъ Василій въ книгѣ о вѣрѣ и др. (*Сахаров.* Обозр. Слав.-русск. библ., №№ 78. 80; *Малышевск.* Алекс. патр. Мелетій Пигасъ, II, прилож. III, 118—133).

нарушеніе этого приказа угрожалъ тому и другому владыкѣ штрафомъ въ десять тысячъ копъ грошей литовскихъ. Въ 1584 г. ксендзы викаріи главнаго костела луцкаго заявили жалобу въ городской ратушѣ, что четвертаго генваря, когда они начали служить въ своемъ костелѣ Божію мшу, явились предъ дверьми костела бурмистры, радцы и лавники города Луцка (которые въ жалобѣ поименованы), ихъ помощники и весьма многіе другіе ихъ соумышленники, съ великимъ шумомъ и крикомъ, начали поносить срамными словами духовныхъ особъ и всѣхъ слугъ костельныхъ, грозили всѣхъ ихъ схватить и избить, а самый храмъ разрушить, и что, не довольствуясь этимъ, похваляются еще и на будущее время дѣлать такія же нападенія на костелъ и на ксендзовъ. Важно здѣсь то, что подобныя дѣйствія противъ латинянъ совершала не простая чернь, а позволяли себѣ нѣкоторые даже изъ представителей городской власти, бурмистры, радцы и лавники, конечно, не римской вѣры ([432]).

Вообще, во дни митрополита Онисифора, борьба между латинянами и православными обнаружилась въ такомъ видѣ, въ какомъ не обнаруживалась доселѣ. Православные начали противодѣйствовать лятинянамъ не однимъ терпѣніемъ, не одними протестами предъ властями и жалобами королю, но и тѣми же оружіями, какія употреблялись самими латинянами: ихъ школамъ противопоставляли свои школы, ихъ братствамъ—свои братства, ихъ сочиненіямъ—свои сочиненія, ихъ посягательствамъ и притѣсненіямъ въ спорахъ о календарѣ—свои по-

([432]) Архив. югозапад. Россіи, ч. I, т. I, №№ 18. 37. Что эти власти были русской вѣры и непріязненно относились къ костелу луцкому, видно и изъ граматы, № 30.

сягательства и притѣсненія, гдѣ могли. Къ изумленію, во всей этой борьбѣ, касавшейся непосредственно вѣры и церкви, не принимали почти никакого участія западно-русскіе архипастыри. Пусть будетъ справедливо, что сами они, по своей малообразованности, неспособны были охранять и защищать свое духовное стадо мечемъ Слова Божія; но они имѣли немало матеріальныхъ средствъ, чтобы заводить школы для приготовленія образованныхъ пастырей церкви, приглашать и содержать ученыхъ мужей, издавать готовыя сочиненія, направленныя противъ латинства (433). Правда, и архипастыри наши, начиная съ митрополита, не всегда были не дѣятельными, и они имѣли свои заботы и нерѣдко даже вели своего рода борьбу; но изъ-за чего? Изъ-за своихъ личныхъ интересовъ, а не интересовъ церкви, изъ-за своихъ правъ имущественныхъ и судебныхъ.

Митрополиту Онисифору, еще въ 1579 г., король пожаловалъ виленскій троицкій монастырь въ пожизненное владѣніе. Митрополитъ для непосредственнаго завѣдыванія монастыремъ назначилъ отъ себя игумена Сильвестра, которому, при королевскомъ дворянинѣ, и передали все монастырское имущество виленскіе бурмистры, радцы, лавники и мѣщане православной вѣры. Эти лица издавна пользовались правомъ, по укоренившемуся обычаю, ежегодно повѣрять и переписывать имущества всѣхъ виленскихъ церквей и троицкаго монастыря. Но игуменъ Сильвестръ не сталъ допускать ихъ къ такой повѣркѣ въ своемъ монастырѣ. Бурмистры и радцы неразъ жаловались митрополиту; митрополитъ не хотѣлъ уважить ихъ

(433) О русскихъ владыкахъ въ Литвѣ Поссевинъ отзывался: Theologiae prorsus sunt ignarissimi (Supplement. ad H. R. Monum., № 11, pag. 32). Подобное же говорилъ объ нихъ и князь Курбскій (Сказанія, стр. 236—237).

жалобы и просьбы. Тогда они, замѣчая въ монастырѣ «шкоды не малые» и опасаясь, чтобы не произошло еще большихъ шкодъ, обратились съ своими жалобами къ самому королю, и король приказалъ (7 іюля 1582) митрополиту допускать виленскихъ бурмистровъ и радцевъ къ ежегодной повѣркѣ имущества въ троицкомъ монастырѣ. Черезъ два года тѣже православные бурмистры и радцы доносили королю, что троицкій монастырь, «для не частаго бываньа до Вильны и отлеглости митрополитовы», пришелъ въ великое обнищаніе, зданія въ немъ исказились, и по другимъ дѣламъ нѣтъ никакого порядка, и потому просили, чтобы король, хотя по смерти митрополита, отдалъ имъ тотъ монастырь въ завѣдываніе. И король своею граматою (27 мая 1584) предоставилъ виленскимъ бурмистрамъ и радцамъ троицкій монастырь, съ тѣмъ чтобы они приняли его въ свою власть и подаванье уже по смерти митрополита Онисифора, и собирая всякіе доходы и пожитки съ того монастыря, съ его дворцовъ, людей и земельныхъ владѣній, употребляли эти доходы, какъ сами выразили желаніе въ своей просьбѣ, на церковныя потребности монастыря, на поправку монастырскихъ зданій, на содержаніе архимандрита, поповъ, чернецовъ и убогихъ *черницъ* (о существованіи женскаго монастыря въ Вильнѣ при мужескомъ-троицкомъ не упоминалось уже болѣе полустолѣтія), а также на построеніе школъ и на содержаніе людей въ граматѣ умѣлыхъ, для обученія дѣтей греческаго закона (вотъ когда еще православные жители Вильны помышляли о заведеніи у себя школъ, между тѣмъ какъ митрополиту и на мысль не приходило употребить на это доходы съ своего троицкаго монастыря!). Въ слѣдующемъ году митрополитъ

принесъ жалобу королю, что нѣкоторыя власти, особенно урядники и намѣстники въ городахъ и селахъ господарскихъ, вступались въ духовныя справы, принадлежащія ему-митрополиту и его духовенству, и разводили женъ отъ мужей, получая себѣ отъ того прибытокъ, къ ущербу епархіальнаго архіерея. И король издалъ окружную грамату (25 февр. 1585), чтобы никто изъ обитателей великаго княжества литовскаго, ни свѣтскія, ни духовныя лица, какъ римскаго, такъ и греческаго закона, по силѣ дарованныхъ митрополиту привиллегій, не вмѣшивались въ принадлежащіе ему и его духовенству церковные доходы и во всѣ духовныя справы и суды, и не расторгали браковъ, къ нарушенію его правъ ([434]).

Въ тоже самое время митрополитъ, а съ нимъ и прочіе русскіе владыки представили королю грамату, данную имъ еще въ 1511 г. королемъ Сигизмундомъ I, на всѣ вообще церковныя права ихъ, по граматамъ вел. князя Витовта и королей Казиміра и Александра, и просили Стефана Баторія, чтобы онъ подтвердилъ представленную ему грамату. И Баторій приказалъ вписать эту грамату въ книги своей королевской канцеляріи, подтвердилъ на вѣчныя времена своею граматою отъ 25 февраля 1585 г., и въ заключеніи послѣдней сказалъ, что русскій митрополитъ и подчиненные ему епископы имѣютъ безпрепятственно отправлять всѣ свои духовныя дѣла и суды, а всѣ князья и паны и люди всякаго званія, римской вѣры и греческой, никогда не должны вступаться въ ихъ церковныя дѣла, суды и доходы ([435]). Въ 1589 г.

([434]) Вилен. Археор. Сборн. VI, № 37; А. З. Р. III, №№ 144. 149. А о томъ, что митрополитъ рѣдко бывалъ и проживалъ въ Вильнѣ, свидѣтельствуетъ, согласно съ А. З. Р. III, № 144, и Гваньини (у *Старчев.* I, pag. 17).

([435]) Эта подтвердительная грамата Стефана Баторія есть въ архивѣ бывшихъ уніатскихъ митрополитовъ, при Св. Синодѣ (Акты архива, книга I, № 10) а заключеніе ея напечатано въ Опис. Кіево-Соф. Собора, прибавл. стр. 55—56.

митрополитъ, а съ нимъ и всѣ епископы, архимандриты, игумены и все православное духовенство писали къ королю Сигизмунду III, находившемуся на варшавскомъ сеймѣ, что пожалованныя имъ въ разныя времена польскими королями и вел. князьями литовскими, также шляхтою и другими благочестивыми людьми церковныя имѣнія болѣе и болѣе приходятъ въ опустошеніе, обнищаніе и уменьшеніе: потому, что когда умираетъ митрополитъ или кто либо изъ владыкъ, архимандритовъ и другихъ духовныхъ владѣльцевъ, тотчасъ его бывшія имѣнія берутъ въ свою власть мѣстные воевода или староста, или державца, и сами пользуются ими до тѣхъ поръ, пока на мѣсто умершаго не будетъ назначенъ королемъ другой законный владѣлецъ. Въ этотъ промежутокъ времени свѣтскіе чины не только опустошаютъ церковныя имѣнія и своими вымогательствами разгоняютъ церковныхъ крестьянъ, но и утрачиваютъ или истребляютъ королевскія граматы и другіе документы, данные владыкамъ, монастырямъ и церквамъ на ихъ имѣнія. Почему и просили короля, чтобы впредь, по смерти митрополита, владыкъ и другихъ духовныхъ особъ, принадлежавшія имъ церковныя имѣнія поступали въ вѣдѣніе не свѣтскихъ властей, а епархіальнаго крылоса, и чтобы крылошане каждой соборной церкви, т. е. протопопъ и старшіе съ нимъ пресвитеры, принимали въ свои руки эти имѣнія по описи, собирали съ нихъ доходы и потомъ все въ цѣлости передавали тѣмъ законнымъ владѣльцамъ, которые будутъ назначены вновь. Просьбу православнаго митрополита и духовенства на сеймѣ поддержали всѣ паны рады и всѣ про-

чіе члены сейма. II Сигизмундъ III пожаловалъ митрополиту Онисифору и подвѣдомымъ ему владыкамъ грамату (22 марта 1589) въ томъ самомъ смыслѣ, какъ они просили, выражаясь въ ней, что считаетъ своимъ долгомъ сохранять неприкосновенными всѣ права и русскаго духовенства, какъ духовенства римскаго-католическаго, а ко всѣмъ свѣтскимъ сановникамъ въ государствѣ издалъ окружную грамату, чтобы они, по смерти тѣхъ или другихъ духовныхъ сановниковъ, не присвоивали себѣ управы въ принадлежавшихъ имъ церковныхъ мѣстностяхъ ([436]).

Въ полоцкой епархіи продолжалъ владычествовать архіепископъ Ѳеофанъ—Богданъ Рыпинскій. Онъ уже имѣлъ въ своемъ владѣніи, какъ мы видѣли, три монастыря: одинъ въ Могилевѣ—спасскій и два въ Мстиславлѣ—нагорный и пустынскій. Въ 1581 г., когда скончался мстиславскій хоружій Богданъ Селицкій, державшій, по граматѣ еще Сигизмунда Августа, монастырь онуфріевскій, самый богатый изъ мстиславскихъ монастырей, владыка Ѳеофанъ выпросилъ себѣ у короля Стефана Баторія въ пожизненное управленіе и этотъ монастырь, четвертый, со всѣми людьми и землями, со всѣми данями, доходами и пожитками. Какъ управлялъ Ѳеофанъ своими монастырями, можно заключать изъ жалобы могилевскихъ бурмистровъ, радцевъ и всѣхъ жителей королю, въ которой они говорили, что спасская церковь въ монастырѣ, сооруженная ихъ собственнымъ накладомъ и всегда находившаяся въ ихъ власти и подаваньи, теперь, когда, по волѣ короля, сталъ держать монастырь владыка Ѳеофанъ, «вельми опала»: потому что самъ онъ въ Могилевѣ никогда не бываетъ, а отдалъ монастырь арендатору, который заботится только о своихъ прибыткахъ, но церкви не поправляетъ и о богослуженіи въ ней не старается, такъ что чернецамъ и черницамъ въ монастырѣ не чѣмъ содержаться. Вслѣдствіе чего Стефанъ Баторій и приказалъ (5 марта 1585) архіепископу уступить ту церковь съ монастыремъ жителямъ города, чтобы они ее оправили и имѣли въ своей власти и подаваньи, и чтобы монастырскіе доходы употребляли на нужды церкви, и на содержаніе монастырскихъ поповъ, чернецовъ и черницъ, какъ подтвердилъ (14 іюня 1588) и король Сигизмундъ III. По кончинѣ Ѳеофана, король Сигизмундъ III назначилъ (22 сент. 1588) на полоцкую епархію архимандрита пинскаго лещинскаго монастыря, Аѳанасія Терлецкаго, «человѣка учтиваго, побожнаго и въ письмѣ святомъ закону греческаго добре ученаго», какъ рекомендовали его нѣкоторые паны рады, и пожаловалъ ему въ держанье тѣже три монастыря, которые держалъ въ началѣ Ѳеофанъ: могилевскій спасскій (значитъ, опять отнятый у горожанъ) и мстиславскіе—нагорный-николаевскій и пустынскій. Но объ этомъ полоцкомъ владыкѣ, который приходился роднымъ дядею извѣстному епископу пинскому, потомъ луцкому, Кириллу Терлецкому, наша рѣчь впереди ([437]).

Владимірской епархіи пришлось еще увидѣть и испытать немало прискорбнаго во дни своего пресловутаго епископа Ѳеодосія Лозовскаго. Ссылаясь на свою глубокую старость и неспособность править дѣлами епархіи и охранять свои цер-

([436]) А. З. Р. IV, № 14; Акт. Вилен. Комм. II, № 5. Объ этомъ же еще въ 1576 г. просилъ короля Стефана Баторія епископъ владимірскій Ѳеодосій (Архив. югозападн. Россіи, ч. I, т. I, № 13).

([437]) А. З. Р. III, №№ 127. 152; IV, №№ 6. 7 и примѣч. 6 и 49; Вилен. Археогр. Сборн. I, № 59.

ковныя имѣнія отъ стороннихъ нападеній, Ѳеодосій просилъ у короля дозволенія «спустить», т. е. уступить свою епархію кіево-печерскому архимандриту Мелетію Хрептовичу Богуринскому. Король изъявилъ на то свое согласіе и, по ходатайству пановъ радъ, далъ Мелетію грамату (23 дек. 1579), чтобы онъ принялъ отъ Ѳеодосія владимірскую епархію со всѣми церковными скарбами, привиллегіями, фундушами, со всѣми имѣніями, пожитками, доходами, со всѣми слугами и боярами церковными, и чтобы, вмѣстѣ съ владычествомъ владимірскимъ, продолжалъ держать и кіево-печерское архимандритство со всѣми его правами до конца своей жизни. Вслѣдъ за тѣмъ Ѳеодосій далъ Мелетію запись (15 генв. 1580), что спустилъ ему, по своей доброй волѣ, съ дозволенія короля, владимірскую епархію со всѣми ея имѣніями; а королевскій дворянинъ Черниковскій дѣйствительно ввелъ Мелетія, какъ нареченнаго епископа владимірскаго, въ управленіе епархіею (20 апр.) и передалъ ему всѣ имѣнія, которыя прежде держалъ бывшій епископъ Ѳеодосій. И что же? Спустя четыре дня, Мелетій заявилъ во владимірской ратушѣ и просилъ записать его заявленіе въ городскія книги, что онъ, по весьма важнымъ причинамъ, арендовалъ свою владимірскую епископію, со всѣми ея имѣніями, бывшему ея епископу Ѳеодосію, до его живота, что самъ будетъ постоянно пребывать въ Кіевѣ, на настоятельскомъ мѣстѣ въ печерскомъ монастырѣ, и что управлять всѣми дѣлами владимірской епархіи довѣрилъ и поручилъ брату своему Семену Хрептовичу Богуринскому и зятю епископа Ѳеодосія Михаилу Дубницкому, владимірскому войту. А на слѣдующій день (25 апр.) представилъ въ туже ратушу, для внесенія въ городскія книги, свою росписку, въ которой

говорилъ, что арендовалъ всѣ свои епископскія имѣнія бывшему владимірскому епископу Ѳеодосію за тысячу польскихъ злотыхъ ежегодно, и что Ѳеодосій уже заплатилъ ему-Мелетію, по его просьбѣ, разомъ сполна всю арендную сумму за всѣ годы до своего живота, какбудто время кончины Ѳеодосія наперед было извѣстно. Сдѣлка очевидная и самая недостойная! Ѳеодосію хотѣлось сложить съ себя бремя епархіальнаго управленія, но не хотѣлось разстаться съ архіерейскими имѣніями,—и онъ достигъ своей цѣли. Мелетій желалъ пріобрѣсть себѣ право на богатую владимірскую епархію безъ всякой за нее платы и издержекъ,—и онъ пріобрѣлъ: вмѣсто платы Ѳеодосію собственныхъ денегъ, онъ только оставилъ за нимъ его прежніе доходы съ архіерейскихъ имѣній до его кончины. А кромѣ того, доходы съ епархіи, по дѣламъ управленія и суда, предоставилъ своему брату и зятю Ѳеодосія. Правда, нашелся у Мелетія совмѣстникъ, панъ Станиславъ Жолковскій, судя по имени, латинянинъ, суррогаторъ бѣлзскій, которому еще прежде король пожаловалъ грамату на владычество владимірское; но Мелетій «досыть учинилъ», т. е. удовлетворилъ Жолковскому, и онъ навсегда отказался отъ своего права на эту епархію за себя и за своихъ дѣтей. Мелетій, вѣроятно, разсчитывалъ, что глубокій старецъ-Ѳеодосій скончается скоро; а между тѣмъ онъ жилъ еще почти десять лѣтъ. И во все это время несчастная епархія находилась подъ игомъ войта Михаила Дубницкаго, который забиралъ себѣ церковную казну, разорялъ епископскія имѣнія, истреблялъ жалованныя на нихъ граматы, выскабливалъ даже въ напрестольномъ евангеліи фундушевыя записи. Соборный крылосъ или «капитула», какъ началъ онъ тогда называться

во Владимірѣ по примѣру латинской капитулы, рѣшился-было заявить на Дубницкаго жалобу въ городскомъ урядѣ или ратушѣ; но Ѳеодосій строго возбранилъ это священникамъ-крылошанамъ и нѣкоторыхъ изъ нихъ избилъ своимъ посохомъ ([438]). Заслуживаетъ вниманія и то, что бывшій владыка Ѳеодосій, хотя арендовалъ только епископскія имѣнія, вмѣшивался однакожъ и въ дѣла епархіальныя, обѣщавшія ему выгоду. Въ 1583 г. онъ разбиралъ судное дѣло брацлавскаго каштеляна Василія Загоровскаго, вступившаго во второй бракъ съ княгинею Чарторыйскою, при жизни первой жены, не получившей развода, и призналъ Чарторыйскую законною женою Загоровскаго, вопреки всякому праву, конечно, изъ корыстныхъ побужденій. Впродолженіе своего многолѣтняго управленія епархіею Ѳеодосій, заботясь только о своихъ личныхъ выгодахъ, не обращалъ вниманія ни на свой каѳедральный соборъ, ни на свой епископскій замокъ: тотъ и другой пришли въ крайнюю ветхость и требовали существенныхъ исправленій; въ соборѣ недоставало сосудовъ и украшеній, не было достаточно духовенства и пѣвчихъ. Князь Константинъ Константиновичъ «напомнилъ» владыкѣ Ѳеодосію, что надобно все это исправить и восполнить. И вотъ Ѳеодосій, вмѣстѣ съ крылошанами соборной церкви, составилъ письменный актъ (25 іюля 1588), въ которомъ назначалъ: семь своихъ епископскихъ селъ съ ихъ доходами на исправленіе соборной церкви и епископскаго замка и на другія ихъ потребности; два села—на то, чтобы имѣть еще при соборѣ двухъ дьяконовъ, двухъ или трехъ дьяковъ и нѣсколькихъ пѣвчихъ, большихъ и малыхъ; два села,—чтобы содержать при соборѣ двухъ «казнодѣевъ»

([438]) Архив. югозападн. Россіи, ч. I, т. I, №№ 19—24. 57.

или проповѣдниковъ для поученія народа въ церкви; всѣхъ епископскихъ людей, жившихъ въ городѣ Владимірѣ—на заведеніе школы при епископскомъ замкѣ и на содержаніе двухъ баккалавровъ, которые бы обучали дѣтей по гречески и по славянски, и одно село—на устройство и содержаніе при соборной церкви гошпиталя. Для того, чтобы собирать доходы съ этихъ селъ и употреблять по назначенію составлена была коммиссія изъ двухъ духовныхъ лицъ—протоіерея и священника и двухъ владимірскихъ мѣщанъ, а для наблюденія за ними опредѣлены были владимірскій подстароста Андрей Романовскій и войтъ Михаилъ Дубницкій. Коммиссія дожна была собирать и употреблять доходы съ означенныхъ селъ только впродолженіе трехъ лѣтъ, а потомъ передать всѣ тѣ имѣнія опять владимірскому епископу, въ его полное владѣніе. Дѣло, безъ сомнѣнія, весьма доброе; но сомнительно, чтобы Ѳеодосій могъ дѣйствительно принесть отъ себя такую большую жертву, а не ограничился только составленіемъ письменнаго акта. Еще сомнительнѣе, чтобы дѣло это доведено было до конца, еслибы оно и началось: потому что Ѳеодосій скоро скончался (прежде 30 апр. 1589), и ни откуда не видно, чтобы преемникъ его Мелетій Хрептовичь, все еще называвшійся лишь нареченнымъ епископомъ, согласился исполнить волю своего предмѣстника ([439]).

Имя Ѳеодосія Лозовскаго невольно напоминаетъ имя другаго, подобнаго ему, епископа, бывшаго нѣкогда ему совмѣстникомъ по владимірской епархіи, Іоны Борзобогатаго-Кра-

([439]) Архив. югозападн. Россіи, ч. I, т. I, №№ 35. 55. 57. Мелетій и въ августѣ 1589 г. былъ еще *нареченнымъ* епископомъ (Акт. Вилен. Комм. VI, стр. 28—29).

сенскаго, правившаго теперь луцкою епархіею. Іона также жилъ исключительно для своихъ личныхъ интересовъ и, не довольствуясь доходами съ своихъ церковныхъ имѣній и обыкновенными пошлинами, какія шли ему со всего епархіальнаго духовенства, онъ налагалъ на священниковъ еще новыя подати по своему произволу, дѣлалъ вымогательства, и если священники не уступали, запечатывалъ ихъ церкви, какъ запечаталъ въ 1583 г. всѣ семь приходскихъ церквей въ самомъ Луцкѣ, предоставляя священникамъ служить только въ соборѣ. А сынъ Борзобогатаго Василій и его дѣти Константинъ и Василій грабили архіерейскія имѣнія и церкви. Изъ замка Жабче взяли пять пушекъ и множество другаго оружія и частію раздарили, а болѣе—перевезли въ свое имѣніе. Въ селѣ Рожищахъ совершенно опустошили церковь, забравши изъ нее и книги, и образа, и колоколъ, и всѣ прочія вещи. Въ монастырѣ Дубищскомъ разогнали монаховъ, взяли изъ церкви нѣсколько книгъ и два большихъ колокола, разобрали деревянныя келліи, перевезли дерево въ свое имѣніе и тамъ пожгли на уголья, а изъ монастырскаго желѣзнаго клепала велѣли наковать топоровъ ([440]). Всего же болѣе Іона показалъ себя въ своихъ дѣйствіяхъ и сопротивленіяхъ самому королю Стефану Баторію, какъ архимандритъ жидичинскаго монастыря. Получивъ этотъ монастырь еще отъ Сигизмунда Августа въ пожизненное управленіе, Іона расточалъ его казну, разорялъ имѣнія и отчуждалъ ихъ то мѣною, то другими способами, и довелъ монастырь до великаго обнищанія. Стефанъ Баторій приказалъ князю К. Острожскому отобрать жидичинскій монастырь отъ Іоны Борзобогатаго и отдать въ управленіе

([440]) Архив. югозапад. Россіи, ч. I, т. I, №№ 33. 46, стр. 209—210.

греку Ѳеофану, епископу меглинскому (28 мая 1580). И такъ какъ Іона не хотѣлъ повиноваться, ссылаясь на грамату Сигизмунда Августа, то князь Острожскій, съ толпою слугъ и татаръ, насильно овладѣлъ монастыремъ и его имѣніями, и выгналъ изъ монастыря Іону (30 іюня). Послѣдній принесъ на князя жалобу въ луцкій городскій судъ за насиліе; но судъ, имѣя въ виду, что князь исполнялъ только волю короля, призналъ дѣло подлежащимъ суду самаго короля (авг. 1). Тогда Іона и сынъ его Василій Красенскій начали дѣлать всякія неправды и притѣсненія епископу меглинскому Ѳеофану, стараясь вытѣснить его изъ монастыря. Ѳеофанъ пожаловался королю, и король поручилъ жидичинскій монастырь въ опеку и оборону князю К. К. Острожскому, чтобы онъ всячески оберегалъ монастырь отъ притязаній и нападеній епископа Іоны (5 дек.). Іона, однакожъ, не унимался и продолжалъ свои происки. Король счелъ нужнымъ выдать Ѳеофану меглинскому новую подтвердительную свою грамату на жидичинскій монастырь (23 ноябр. 1582), а Іонѣ приказалъ дать отчетъ въ управленіи этимъ монастыремъ каштеляну земли волынской Михаилу Мышкѣ и старостѣ луцкому Александру Пронскому, назначенному теперь опекуномъ жидичинскаго монастыря (18 февр. 1583). Несмотря на все это, Іона напалъ на монастырь съ отрядомъ вооруженныхъ людей, произвелъ въ немъ кровопролитіе, выгналъ изъ монастыря Ѳеофана, и самъ поселился тамъ съ своими близкими родными. Князь Пронскій послалъ на монастырь своихъ вооруженныхъ людей, чтобы выгнать изъ него Іону, но на первый разъ не имѣлъ успѣха (26 авг. 1583). Іона проживалъ въ монастырѣ и владѣлъ имъ еще почти годъ. Князь Пронскій вновь по-

слалъ (10 мая 1584) на монастырь до трехъ сотъ человѣкъ, пѣшихъ и конныхъ, съ пушками и другимъ огнестрѣльнымъ орудіемъ, овладѣлъ монастыремъ, выгналъ оттуда Іону съ его семействомъ, велѣлъ выкопать кости его невѣстки и сына и выбросить за монастырскія стѣны; а чтобы Красенскіе вновь не завладѣли монастыремъ, окопалъ его рвомъ, укрѣпилъ и оставилъ въ немъ сотню воиновъ. Между тѣмъ Іона, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Василіемъ и внукомъ Михаиломъ Гулевичемъ, по жалобѣ Ѳеофана меглинскаго, за насильственное изгнаніе послѣдняго изъ жидичинскаго монастыря, за окровавленіе монастыря и за раны, нанесенныя слугамъ и пріятелямъ Ѳеофана, присужденъ былъ къ банниціи, т. е. къ лишенію всѣхъ гражданскихъ правъ и изгнанію изъ отечества, и король, по просьбѣ обвиненныхъ, только на шесть мѣсяцевъ отсрочилъ (15 февр. 1585) исполненіе этого приговора, чтобы дать имъ время перенесть дѣло на разсмотрѣніе высшаго суда. Но еще до истеченія шести мѣсяцевъ Іона скончался ([441]).

Преемникомъ Іоны назначенъ былъ (29 мая 1585) епископъ Кириллъ Терлецкій, доселѣ занимавшій каѳедру въ Пинскѣ. И этотъ владыка, какъ въ пинской епархіи, такъ и въ луцкой, ознаменовалъ свое управленіе преимущественно заботами о своихъ архіерейскихъ правахъ, имущественныхъ и судебныхъ. Въ 1582 г. онъ велъ тяжбу съ пинскимъ земяниномъ Тенюкою объ одной своей отчинѣ и имѣлъ успѣхъ; въ 1584 г. подалъ разомъ шесть жалобъ на замковскій урядъ въ Пинскѣ о невыдаваньи доходовъ съ пинскаго староства на

([441]) Тамъ же №№ 25—29. 31. 32. 34. 40. 41. 46. Спес. А. З. Р. III, № 156.

соборную владычную церковь и на другія, о вмѣшательствѣ уряда въ справы и суды духовные и проч.; въ 1585 г. февр. 15, исходатайствовалъ у короля своимъ церковнымъ людямъ освобожденіе отъ дачи подводъ посламъ и гонцамъ господарскимъ и другимъ лицамъ и право производить мѣстную торговлю безъ платежа пошлинъ ([442]). Еще болѣе подобныхъ хлопотъ предстояло Кириллу въ луцкой епархіи. Когда королевскій коморникъ началъ (9 сент. 1585) вводить Кирилла въ управленіе епархіею и передавать ему соборную церковь св. Іоанна богослова, то оказалось, что невѣстка покойнаго владыки Ѳеодосія, находившаяся при его кончинѣ вмѣстѣ съ двумя своими сыновьями, Константиномъ и Василіемъ Красенскими, забрала изъ собора всю ризницу съ церковнымъ серебромъ и епископскими облаченіями, сундукъ съ привиллегіями и граматами на архіерейскія имѣнія; большой золотой крестъ, съ дорогимъ камнемъ, стоившій тысячу золотыхъ; дорогое, серебромъ окованное Евангеліе, писанное на пергаменѣ и называвшееся екатерининскимъ, и нѣкоторыя другія книги, и вынула изъ иконы Богородицы большой драгоцѣнный камень, въ шестьсотъ талеровъ, и отослала въ Данцигъ для продажи. А при передачѣ королевскимъ коморникомъ новому владыкѣ архіерейскихъ имѣній обнаружилось, что нѣкоторыя изъ нихъ разорены и ограблены бывшимъ епископомъ Ѳеодосіемъ и его дѣтьми, другія обмѣнены, третьи подарены имъ его роднымъ ([443]). Кириллъ предалъ суду всѣхъ своихъ крылошанъ или «капитулу епископіи луцкой», обвиняя

([442]) А. З. Р. III, №№ 133. 150; Вилен. Археогр. Сборн. VI, № 38.

([443]) Архив. югозапад. Россіи, ч. I. т. I, № 53, стр. 233. Передача имѣній Кириллу Терлецкому тянулась съ 9 сент. 1585-го по 11 марта 1586 г. (тамъ же №№ 43. 45—47).

ихъ въ томъ, что они, вмѣстѣ съ покойнымъ владыкою, раздавали церковныя имѣнія свѣтскимъ лицамъ, отдавали въ аренду, мѣняли и закладывали, ко вреду церкви. Но крылошане и предъ судомъ земскимъ въ Луцкѣ, и предъ митрополитомъ объяснили (въ маѣ 1586), что они никогда не были приглашаемы покойнымъ владыкою для совѣщаній объ его имѣніяхъ, и ни въ какихъ его сдѣлкахъ объ имѣніяхъ не участвовали, ни къ какимъ записямъ и листамъ касательно ихъ не прикладали своихъ печатей и не подписывались. Для возвращенія же себѣ своихъ архіерейскихъ имѣній Кириллъ рѣшался на самыя крайнія мѣры. Одно изъ такихъ имѣній— замокъ Жабче, какъ мы упоминали, Ѳеодосій отдалъ въ приданое за своею дочерью зятю своему, старостѣ луцкому Александру Жаровницкому. Чтобы отнять у Жаровницкихъ этотъ замокъ, Кириллъ, еще въ ноябрѣ 1585 г., поручилъ родному своему брату Ярошу Терлецкому, съ нѣсколькими десятками вооруженныхъ слугъ, бояръ, гайдуковъ, конныхъ и пѣшихъ, сдѣлать нападеніе сперва на самый замокъ, потомъ на два, принадлежавшіе къ нему, приселка—Колодязи и Губинъ; но слуги Жаровницкаго, тамъ и здѣсь, отбили это нападеніе. Спустя почти годъ, Кириллъ послалъ (25 окт. 1586) на замокъ болѣе сильный отрядъ, изъ тысячи человѣкъ слишкомъ, въ которомъ находились Татары, Угры, Сербы, Волохи, гайдуки, съ пушками и другимъ оружіемъ. Эти воины обложили Жабче со всѣхъ сторонъ, пошли на штурмъ и, вломившись въ замокъ, многихъ убили, другихъ ранили и избили, а имущество разграбили и подѣлили между собою; такъ же поступили потомъ съ обоими приселками замка, прогнали Жаровницкихъ и возвратили луцкому епископу одно

изъ принадлежащихъ ему имѣній. Жаровницкіе заявляли предъ судомъ протесты на дѣйствія епископа Кирилла и записывали въ актовыя книги; но потомъ примирились съ нимъ, уступили ему имѣніе Жабче, и король велѣлъ записи ихъ въ актовыхъ книгахъ уничтожить (444). Кириллъ, очевидно, принадлежалъ къ томуже разряду западно-русскихъ архіереевъ, къ какому принадлежали Ѳеодосій Лозовскій и Іона Борзобогатый, и хотя былъ избранъ на святительство изъ протоіереевъ, но, происходя изъ знатнаго дворянскаго рода, жилъ не какъ духовное лице, а по обычаю тогдашнихъ магнатовъ, держалъ въ епископскомъ замкѣ многочисленную толпу слугъ, имѣлъ собственныя пушки и отрядъ вооруженныхъ гайдуковъ, всегда готовыхъ на борьбу съ непріятелями своего владыки (445).

Едва прошелъ годъ со времени удаленія Іоны Борзобогатаго изъ жидичинскаго монастыря, какъ на этотъ монастырь сдѣлалъ нападеніе другой епископъ — львовскій и галицкій, Гедеонъ Болабанъ. Онъ послалъ роднаго брата своего, пана Григорія Болабана съ нѣсколькими десятками жолнеровъ, которые, внезапно вторгнувшись въ стѣны монастыря, овладѣли имъ, «выбили» изъ него настоятеля, епископа меглинскаго Ѳеофана, и объявили монастырь принадлежащимъ епископу Гедеону Болабану (8 авг. 1585). Напрасно Ѳеофанъ протестовалъ и жаловался: Гедеонъ не хотѣлъ отдать ему монастыря. Прибывшій въ концѣ года во Львовъ антіохійскій патріархъ Іоакимъ старался склонить Гедеона къ уступчиво-

(444) Архив. югозападн. Россіи, ч. I, т. I, №№ 44. 49. 51. 52; А. Ю. и З. Р. I, № 218, стр. 262.

(445) Архив. югозапад. Россіи, ч. I, т. I, № 73.

сти, и Гедеонъ дѣйствительно примирился-было съ Ѳеофаномъ и далъ даже письменное обязательство возвратить ему отнятый монастырь; но потомъ отказался отъ своего обязательства и съумѣлъ повесть дѣло такъ, что самъ король Стефанъ Баторій, доселѣ защищавшій Ѳеофана, пожаловалъ жидичинскій монастырь Гедеону (6 сент. 1586), и въ своей граматѣ даже не упомянулъ, что монастырь находился въ управленіи Ѳеофана, а выразился, что жидичинское архимандритство передается Гедеону, какъ вакантное послѣ луцкаго владыки Іоны Борзобогатаго ([446]). Въ тоже время Гедеонъ показалъ и другой примѣръ своеволія. Когда антіохійскій патріархъ Іоакимъ находился во Львовѣ и узналъ, что русскіе имѣютъ обычай приносить въ церковь, на второй день праздника Рождества Христова и на Св. Пасху, пироги и мяса для освященія, то издалъ, отъ имени цареградскаго патріарха, окружное посланіе по львовской епархіи, чтобы русскіе оставили этотъ обычай, какъ не существующій на востокѣ. Братство львовское охотно покорилось распоряженію патріарха; но Гедеонъ не хотѣлъ покориться и тогоже требовалъ отъ братства. А какъ члены братства предпочитали повиноваться болѣе патріарху, то Гедеонъ двукратно (22 марта и 30 апр. 1586) предалъ ихъ анаѳемѣ, какъ непокорныхъ своему епархіальному владыкѣ. И хотя вскорѣ онъ примирился–было съ братствомъ и показывалъ свое сочувствіе заведенному имъ училищу, но такъже скоро снова прогнѣвался на братство и началъ дѣлать ему всякія притѣсненія. Узнавъ объ этомъ, цареградскій патріархъ Іеремія писалъ (въ ноябрѣ 1587) Гедеону: «мы слышали, что ты сопротивляешься и возбраняешь и вредишь дѣлающимъ доброе... Испытавъ все истинно, мы обрѣли въ тебѣ убійцу и ненавистника добра; ты поступаешь, не какъ архіерей, а какъ врагъ Божій. Завѣщаваемъ тебѣ, чтобы ты нимало не противорѣчилъ существующему во Львовѣ братству въ заботахъ его о дѣлахъ, потребныхъ роду благочестивыхъ. Если же еще услышу, что ты возбраняешь благое, то сначала, какъ обидчикъ, будешь отлученъ, а потомъ подвергнешься и болѣе тяжкому церковному наказанію». Но на Гедеона не дѣйствовали патріаршія угрозы, и не прекратили его враждебныхъ отношеній къ братству. Въ 1588 г., генв. 7, онъ запретилъ священникамъ отправлять богослуженіе въ братской церкви и совершать христіанскія требы для львовскихъ мѣщанъ за то будтобы, что они присвояли себѣ власть въ дѣлахъ церковныхъ; на Свѣтлый Праздникъ приказалъ своему намѣстнику святить пасхи въ церкви только для вѣрныхъ, а не для тѣхъ, которые дерзновенно отлучаются отъ церкви, разумѣя членовъ братства; наконецъ, въ августѣ требовалъ старшихъ братчиковъ въ Вильну на судъ собора за то, что они, находясь подъ анаѳемою отъ своего епископа, осмѣлились войти въ церковь и сбросили съ каѳедры присланнаго имъ священника. Кромѣ того, Гедеонъ старался вооружить противъ братства и братской школы мѣстную шляхту и обитателей сосѣднихъ городовъ, и запрещалъ учить въ этой школѣ ([447]).

На пинскую архіерейскую каѳедру, послѣ Кирилла Терлецкаго, перемѣщенъ былъ епископъ Леонтій Зиновьевичъ Пельчицкій, управлявшій дотолѣ епархіею холмскою и бельз-

([446]) Архив. югозапад. Россіи, ч. I, т. I, №№ 42. 50. 53; А. З. Р. IV, № 5.

([447]) А. З. Р. III, № 167; Памятн. Кіев. Коммис. III, № 2; *Зубрицк.* Лѣтоп. Львов. братства, подъ 1586 и 1588 годами.

скою, гдѣ упоминается еще въ 1583 г. По поводу этого перемѣщенія Стефанъ Баторій издалъ (8 іюля 1585) разомъ три граматы, объясняющія весь ходъ назначенія и вступленія тогдашнихъ архіереевъ на епархіи. Въ первой граматѣ объяснялъ всѣмъ, что Леонтій Зиновьевичь Пельчицкій съ молодыхъ лѣтъ оказалъ «добрые, вѣрные и цнотливые заслуги» своимъ государямъ, и что, желая вознаградить его за это, онъ-король, по ходатайству нѣкоторыхъ пановъ радъ, далъ Леонтію епископію пинскую и туровскую съ церковію соборною успенія Пресв. Богородицы, и со всѣми другими церквами и монастырями епархіи, и со всѣмъ духовенствомъ, и со всѣми имѣніями и подданными, издавна принадлежащими той епископіи. Другою граматою приказывалъ дворянину своему Сарницкому, чтобы онъ отправился въ Пинскъ и «увязалъ» вновь назначеннаго епископа, передалъ ему церковь соборную и всѣ другія церкви епархіи, а равно передалъ по инвентарю и всѣ «добра» или имѣнія архіерейской каѳедры. Третьею граматою король увѣдомлялъ всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ людей пинской епархіи о назначеніи имъ новаго владыки Леонтія Зиновьевича Пельчицкаго и приказывалъ имъ признавать его за истиннаго своего владыку и оказывать ему надлежащую честь и послушаніе. Въ 1588 г. архимандритъ пинскаго лещинскаго монастыря Аѳанасій Терлецкій, будучи назначенъ на полоцкую архіепископію, уступилъ свои права на этотъ монастырь мѣстному епископу Леонтію, и король Сигизмундъ III, по просьбѣ Леонтія, утвердилъ за нимъ этотъ монастырь въ пожизненное управленіе ([448]).

([448]) Архивъ югозапад. Россіи, ч. I, т. I, стр. 165. А. З. Р. III, № 156; IV, № 9.

Сохранились немногія извѣстія еще объ одномъ епископѣ того времени—перемышльскомъ и самборскомъ. Въ 1585 г. галицко-русскіе православные дворяне писали митрополиту Онисифору, между прочимъ, слѣдующее: «перемышльская епископія отдана нѣкоему тіуну Стефану Брылинскому, подданному пана старосты перемышльскаго. Панъ староста, взявъ въ свою власть это епископство и привиллегію на монастырь Св. Спаса въ Горахъ, распоряжается церковными имѣніями, какъ ему угодно; а тотъ негодный нареченный епископъ не смѣетъ противъ него ничего сказать, ни сдѣлать, какъ подданный... А что тотъ тіунъ не годенъ къ епископскому служенію, какъ человѣкъ неученый въ Словѣ Божіемъ, и по другимъ причинамъ, объ этомъ мы всѣ знаемъ и даемъ свидѣтельство, посему и просимъ усердно, чтобы твоя милость не производилъ его въ епископскій санъ до другаго сейма, на которомъ шляхта и обыватели земли перемышльской и самборской покажутъ предъ королемъ и панами радами о негодности того тіуна. Еслибы даже твоя милость имѣлъ о томъ негодномъ нареченномъ епископѣ листы отъ короля и пановъ радъ, не спѣши производить его во епископа»... Не смотря, однакожъ, на все это, Брылинскій былъ произведенъ во епископа: въ 1591 году, по актамъ, упоминается, что епископъ перемышльскій Арсеній (вѣроятно монашеское имя Стефана) Брылинскій скончался и оставилъ свою епархію въ самомъ разстроенномъ состояніи ([449]).

Пособія и благотворенія православнымъ монастырямъ и церквамъ становились все рѣже и незначительнѣе. Король Стефанъ Баторій далъ подтвердительныя граматы: кіево-пе-

([449]) А. З. Р. III, № 146, стр. 290; IV, № 29 и примѣч. 26.

черскому монастырю на два села, Хомичи и Озеряне, двумъ гомельскимъ священникамъ на прежніе церковные угодья и доходы и одному пинскому священнику на небольшой участокъ поля, а кромѣ того дозволилъ кіево-печерскому монастырю возобновить городъ Василевъ и даровалъ жителямъ его магдебургское право и другія привиллегіи (1579 — 1586) (450). Слуцкій князь Юрій Юрьевичь подтвердилъ грамату своего отца о денежной, хлѣбной и медовой дани причту успенскаго собора въ Слуцкѣ (1583). Панъ Иванъ Хрептовичь записалъ пять уволокъ земли на церковь пречистыя Богородицы въ Липскѣ (1585). Староста остр҃инскій Ярославъ Солганъ, построивъ въ селѣ Волчинцахъ церковь во имя св. Николая и св. Георгія, назначилъ на содержаніе священника три уволоки земли, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ и преемники его совершали богослуженіе на славянскомъ языкѣ по греческому обряду: замѣчательная черта времени (1586). Княгиня Анна Свирская завѣщала на виленскій пречистенскій соборъ свой домъ въ Вильнѣ, на троицкій монастырь въ томъ же городѣ десять копъ грошей и столько же на прочія виленскія церкви (1588) (451).

Между тѣмъ раздача православныхъ монастырей людямъ свѣтскимъ и иногда духовнымъ продолжалась по прежнему, если даже не усиливалась. Король Стефанъ Баторій раздалъ монастыри: а) спасскій во Владимірѣ—земянину своему Михаилу Оранскому и его дѣтямъ, безъ обязательства вступать въ духовный санъ (1578 и 1580 г.); б) варваринскій женскій

(450) А. З. Р. III, №№ 117. 141. 142. 162. 163.

(451) Собран. грам. минск. губ., № 30; Акт. Вилен. Комм. I, № 1; III, № 11; Вилен. Арх. Сборн. VI, № 39.

въ Пинскѣ, находившійся дотолѣ въ пожизненномъ управленіи земянки Софіи Воловичевой-Кирдѣевой, другой земянкѣ Раинѣ Воиновой (1580); в) уневскій въ г. Львовѣ—дворянину Василію Болабану (1581); г) брацлавскій на озерѣ Неспѣши, который держалъ дотолѣ Семенъ Воловичь, дворянину Ждану Левоновичу съ условіемъ, чтобы онъ принялъ духовный санъ (1581); д) пречистенскій, женскій, въ Луцкѣ на св. горѣ,—Ѳеодорѣ Боговитиновнѣ-Загоровской (1583); е) мстиславскій пустынскій—поповскому сыну Матѳею Евпатьевичу, съ согласія полоцкаго архіепископа Ѳеофана-Богдана, которому монастырь этотъ прежде былъ пожалованъ (1585); ж) кобринскій спасскій—дворянину Ивану Гоголю, подъ условіемъ, чтобы онъ принялъ духовный санъ (1586). Король Сигизмундъ III пожаловалъ мстиславскій онуфріевскій монастырь князю Богдану Озерецкому-Друцкому, изъявившему желаніе принять духовный санъ (1588), а мстиславскій нагорный—мѣстному протоіерею Ивану Ипатьевичу въ пожизненное управленіе (1589). Слѣдуетъ присовокупить, что не одни архіереи имѣли въ своемъ управленіи по нѣсколько монастырей, а иногда и архимандриты. Такъ, архимандритъ Михаилъ Рогоза, управлявшій съ 1579 г. минскимъ вознесенскимъ монастыремъ, получилъ еще отъ слуцкихъ князей въ пожизненное управленіе слуцкій троицкій монастырь въ 1582 г. и слуцкій мороцкій въ 1589 г., мая 20 (452).

Вѣсти о нестроеніяхъ въ западно-русской церкви, безъ сомнѣнія, неразъ доходили до ея верховнаго пастыря, вселен-

(452) Памятн. Кіев. Коммис. I, отд. II, №№ IV—VII; А. З. Р. III, №№ 118. 126. 129. 132. 155. 158; IV, №№ 8. 12. 15; Архив. югозапад. Россіи, ч. I, т. I, №№ 36. 38.

ского патріарха; наконецъ, онъ увидѣлъ ихъ и собственными очами. До 1588 года ни одинъ изъ цареградскихъ патріарховъ не посѣтилъ русской церкви, хотя подъ властію ихъ она находилась уже ровно шесть столѣтій. Патріархъ Іеремія II первый рѣшился отправиться въ Москву и избралъ путь чрезъ Польшу и Литву. Въ началѣ мая 1588 г. онъ прибылъ на границы Польши, и послалъ письмо къ польскому канцлеру Яну Замойскому, прося у него дозволенія остановиться въ его имѣніи Замостьѣ. Канцлеръ, хотя былъ латинской вѣры, принялъ у себя первосвятителя востока и всю его свиту съ полною предупредительностію и любовію. Въ свитѣ петріарха находился митрополитъ монемвасійскій Іероѳей, а въ Замостьѣ къ нимъ присоединился еще, ок. 20 мая, архіепископъ эласонскій Арсеній, бывшій дотолѣ учителемъ въ львовской братской школѣ, который и описалъ это путешествіе патріарха. Замойскій исходатайствовалъ своему высокому гостю королевскую грамату на свободный проѣздъ въ предѣлахъ Польши и Литвы, и распорядился, чтобы на всемъ пути ему оказываемы были надлежащее вниманіе и почесть. Быстро проѣхалъ Іеремія черезъ Брестъ, и къ 3-му іюня прибылъ въ Вильну. Здѣсь на встрѣчу его вышли всѣ (православные) жители города, большіе и малые, и потомъ принимали его съ величайшими почестями. Члены недавно образовавшагося святотроицкаго виленскаго братства представили первосвятителю свой печатный уставъ. Іеремія одобрилъ уставъ и укрѣпилъ своею печатью. Далъ братству благословенную грамату (отъ 5 іюня) и дозволилъ ему имѣть братскую школу греческаго, латинскаго и русскаго языка (о польскомъ не упомянулъ), равно и друкарню для печатанія книгъ. Предоставилъ митрополиту, съ

его намѣстникомъ и со всѣмъ духовенствомъ, по просьбѣ всего братства, отлучать отъ братства всенародно въ церкви тѣхъ братчиковъ, которые будутъ не покоряться истинѣ и подавать соблазнъ другимъ; а самъ напередъ изрекъ свое неблагословеніе на всякаго, кто дерзнетъ разорять братство, или клеветать на него, или вносить въ него несогласіе и раздоръ, будетъ ли то архіепископъ, или епископъ, или кто либо иной изъ духовенства или кто изъ мірянъ всякаго чина, возраста и сана. Въ заключеніе же граматы, которую приказалъ прочитать по всѣмъ церквамъ, убѣждалъ православныхъ не отступать отъ того «праведнаго пути», на которомъ они находятся, и пребывать вѣрными во всемъ церковнымъ постановленіямъ, какія приняли они изначала. Въ Вильнѣ также предсталъ предъ патріархомъ епископъ меглинскій Ѳеофанъ, и жаловался на львовскаго епископа Гедеона за то, что послѣдній насильно отнялъ у него жидичинскій монастырь и не возвращаетъ, хотя далъ письменное обязательство предъ антіохійскимъ патріархомъ Іоакимомъ возвратить отнятый монастырь Ѳеофану. Іеремія, разсмотрѣвъ эту жалобу, вмѣстѣ съ находившимися при немъ двумя греческими іерархами, послалъ свою окружную грамату во Львовъ, Каменецъ и Галичь къ мѣстнымъ священникамъ и градоначальникамъ, и извѣщалъ въ ней, что епископъ Гедеонъ, какъ отвергшійся всего, въ чемъ обѣщался предъ антіохійскимъ патріархомъ, и преступившій свое письменное обязательство лишается сана и власти, если не исполнитъ даннаго обѣщанія, не примирится съ Ѳеофаномъ и не возвратитъ ему жидичинскаго монастыря. Въ Вильнѣ оставался Іеремія только двѣнадцать дней, и за

тѣмъ черезъ Оршу отправился въ Россію, вездѣ сопутствуемый вниманіемъ и почестями ([453]).

Ровно черезъ годъ, на возвратномъ своемъ пути изъ Москвы, патріархъ Іеремія испросилъ себѣ, 7 іюля, у польскаго короля Сигизмунда III, дозволеніе обозрѣть находящуюся въ его владѣніяхъ православную митрополію и совершать въ ней духовною властію все, что окажется нужнымъ. Черезъ восемь дней, когда Іеремія уже прибылъ въ Вильну, король написалъ универсалъ ко всѣмъ властямъ и жителямъ королевства, чтобы никто не препятствовалъ патріарху совершать свое дѣло и судить, рядить и чинить расправу надъ всѣми духовными лицами греческаго закона, отъ самыхъ высшихъ до низшихъ ([454]). А 21 іюля патріархъ уже издалъ окружную грамату ко всѣмъ литовскимъ епископамъ, въ которой говорилъ: «мы слышали отъ многихъ благовѣрныхъ князей, пановъ и всего христіанства и сами своими очами видѣли, что у васъ двоеженцы и троеженцы литургисаютъ»....; и повелѣвалъ низложить всѣхъ такихъ священниковъ, епископу же пинскому Леонтію угрожалъ отлученіемъ за то, что онъ утаилъ такихъ священниковъ, бывшихъ въ его епархіи. Въ этой граматѣ Іеремія ни слова не сказалъ о самомъ митрополитѣ Онисифорѣ; но какъ и онъ оказался двоеженцемъ, то патріархъ теперь же низложилъ и его своимъ патріаршимъ декретомъ, подъ которымъ подписались и западно-русскіе владыки ([455]). Надобно замѣтить, что къ пріѣзду Іереміи въ Вильну здѣсь собраны были митрополитъ, епископы, архимандриты, игумены, протоіереи и священники, т. е. цѣлый соборъ; что недостатки литовскаго духовенства патріархъ могъ видѣть и слышать объ нихъ еще въ то время, когда путешествовалъ черезъ Литву въ Москву; что необходимыя для патріарха свѣдѣнія могли быть уже подготовлены, по его предварительному распоряженію, и что потому-то онъ и въ состояніи былъ такъ скоро, въ присутствіи собора или вмѣстѣ съ соборомъ, издать постановленіе о низложеніи священниковъ, двоеженцевъ и троеженцевъ, и составить декретъ о низложеніи митрополита, подписанный самими литовскими епископами, хотя потомъ и говорилось, даже въ оффиціальныхъ бумагахъ, будто Онисифоръ оставилъ митрополію, «по своей доброй волѣ въ облегченіе своей старости и болѣзни» ([456]). Таковы были первыя дѣйствія патріарха Іереміи въ Литвѣ на возвратномъ пути его изъ Россіи.

([453]) *Arsenii Elassonis* Iter in Moscoviam (Histor. Ruthen. Scriptor. exter. II, p. 369—370, ed. *Starczewsk.*); Собран. грам. городовъ Вильны, Ковно, II, № 3; А. З. Р. IV, № 5; Supplem. ad Hist. Russiae Mon. № 60.

([454]) А. Ю. и З. Р. I, № 191; II, № 157. Универсалъ короля тогда же, 18 іюля, былъ внесенъ въ городскія книги Вильны и прибитъ на всѣхъ церквахъ и городскихъ воротахъ (А. З. Р. IV, № 16, стр. 21).

([455]) А. З. Р. IV, №№ 17. 149, стр. 206. 207, и примѣч. 17. Члены львовскаго православнаго братства въ своемъ объявленіи, изданномъ въ 1600 г., между прочимъ, говорили: «въ духовномъ сословіи умножились безпорядки при худомъ пастырствѣ кіевскаго и галицкаго митрополита Онисифора Дѣвочки, двоеженца и человѣка вѣры сомнительной. Онъ дозволилъ епископами быть двоеженцамъ, а инымъ епископамъ жить съ женами, несмотря на монашескіе обѣты, и намножилъ *нѣсколько тысячъ* поповъ двоеженцевъ и троеженцевъ, подозрѣваемыхъ въ разныхъ преступленіяхъ. Вселенскій патріархъ, отецъ Іеремія, находясь въ Вильнѣ, митрополита низложилъ..... поповъ двоеженцевъ отставилъ»... и проч. (*Зубрицк.* Лѣтоп. львов. братства, подъ 1600 годомъ).

([456]) О томъ, что тогда собраны были въ Вильнѣ митрополитъ, епископы и прочее духовенство, упоминаетъ самъ патріархъ (А. З. Р. IV, № 20, стр. 27). А о томъ, будто Онисифоръ оставилъ свою каѳедру по доброй своей волѣ, говоритъ король (Собр. грам. Вильны, Ковна. II, № 5).

IV.

Непрерывная борьба, которую уже около тридцати трехъ лѣтъ выдерживала православная церковь въ западно-русскомъ краѣ, противъ протестантства и іезуитизма, была для нея крайне тяжела и гибельна по своимъ послѣдствіямъ. Въ этой борьбѣ нападающими являлись всегда враги западно-русской церкви, а она представляла собою сторону болѣе страдательную, чѣмъ дѣятельную. И борьба лишила ее многихъ, весьма многихъ сыновъ, потеря которыхъ тѣмъ была для нея чувствительнѣе, что они принадлежали преимущественно къ болѣе образованному классу. Но, что еще важнѣе, эта борьба обнаружила во всемъ свѣтѣ, предъ взорами самихъ послѣдователей западно-русской церкви, ея жалкое состояніе, ея внутреннее разстройство и безсиліе, и породила въ нихъ желаніе искать какого либо выхода изъ такого состоянія, какой либо перемѣны къ лучшему.

Оба короля, Сигизмундъ Августъ и Стефанъ Баторій, въ царствованіе которыхъ происходила эта борьба, болѣе благопріятствовали врагамъ западно-русской церкви, нежели ей. Сигизмундъ Августъ, хотя принадлежалъ къ римской церкви, былъ постоянно явнымъ покровителемъ протестантовъ, по крайней мѣрѣ, въ Литвѣ, а подъ конецъ жизни склонился на сторону іезуитовъ. Вѣротерпимость, которою онъ отличался, простиралась и на православныхъ. Онъ не притѣснялъ ихъ, старался даже ограждать ихъ, какъ въ Галиціи, отъ притѣсне-

ній со стороны латинянъ. Онъ не отказывалъ въ просьбахъ и православнымъ іерархамъ, церквамъ, монастырямъ; но нѣкоторыя просьбы, болѣе важныя, каковы, наприм., были заявленныя на гродненскомъ сеймѣ отъ лица митрополита Іоны, отклонялъ и отлагалъ до будущаго времени, а другія, если и удовлетворялъ, то самъ же иногда и нарушалъ данныя по нимъ распоряженія. Самое важное для православныхъ дѣло его царствованія состояло въ томъ, что онъ отмѣнилъ несправедливое городельское постановленіе, устранявшее православныхъ дворянъ отъ высшихъ, общественныхъ и государственныхъ, должностей; но и это онъ сдѣлалъ не столько ради православныхъ, сколько ради своихъ возлюбленныхъ протестантовъ. А два другія важнѣйшія дѣянія его царствованія: соединеніе Литвы съ Польшею и допущеніе въ Литву іезуитовъ направлены были рѣшительно ко вреду православныхъ или русскихъ, къ постепенному подавленію ихъ народности и вѣры. Стефанъ Баторій, при самомъ вступленіи на престолъ сдѣлавшійся изъ протестанта католикомъ, до конца жизни остался покровителемъ іезуитовъ. Онъ окружилъ себя ими, умножалъ ихъ коллегіи, надѣлялъ ихъ имѣніями, возвелъ ихъ виленскую коллегію на степень академіи, предоставивъ ей одной высшее образованіе во всемъ литовскомъ княжествѣ. При своей коронаціи онъ далъ клятву соблюдать вѣротерпимость въ государствѣ, установленную варшавскою конфедераціею 1573 года; но не всегда исполнялъ эту клятву по отношенію даже къ протестантамъ, которымъ запретилъ, напримѣръ, открывать въ Вильнѣ кирхи и школы, а тѣмъ болѣе по отношенію къ православнымъ. Онъ подтвердилъ всему православному духовенству его древнія права, подтверждалъ и

отдѣльнымъ іерархамъ, церквамъ и монастырямъ ихъ имущественныя права; но онъ отнялъ у православныхъ въ Полоцкѣ всѣ ихъ церкви, кромѣ одной, соборной, со всѣми церковными имѣніями, и отдалъ іезуитамъ, чтобы они устроили тамъ свою коллегію и совращали православныхъ въ латинство. Отнялъ нѣкоторыя права у православныхъ въ Галичѣ, которыя самъ же прежде подтвердилъ-было за ними для уравненія ихъ съ латинскими обитателями города. Онъ издалъ указъ о припятіи новаго календаря и всѣми православными въ государствѣ, хотя вскорѣ принужденъ былъ отмѣнить этотъ указъ, увидѣвъ его послѣдствія.

Всѣ четыре православныхъ митрополита, при которыхъ происходила эта борьба, нимало не соотвѣтствовали потребностямъ времени. Сильвестръ Бѣлькевичь, прямо изъ мірянина митрополитъ, человѣкъ едва граматный, даже не въ состояніи былъ, еслибы и хотѣлъ, дѣйствовать словомъ истины, наставлять и вразумлять ввѣренныхъ его пастырскому водительству, охранять и защищать ихъ отъ нападеній враговъ. Іона Протасевичь показалъ себя пастыремъ ревностнымъ и попечительнымъ, но и его заботы не простирались далѣе матеріальныхъ нуждъ церкви и охраненія ея правъ, имущественныхъ и судебныхъ. Илія Куча, такъ же изъ мірянъ прямо митрополитъ, появился на своей каѳедрѣ на самое короткое время и потомъ навсегда сокрылся, не оставивъ по себѣ никакого слѣда. Послѣдній митрополитъ Онисифоръ Дѣвочка былъ ниже даже этихъ своихъ предмѣстниковъ и своею невнимательностію къ долгу и допускаемыми злоупотребленіями возбуждалъ ропотъ и жалобы въ самихъ своихъ пасомыхъ. Изъ числа прочихъ тогдашнихъ архіереевъ въ западно-русскихъ епархіяхъ мы не можемъ указать ни одного, который бы засвидѣтельствовалъ о себѣ своею ревностію о вѣрѣ и вообще о высшихъ интересахъ православной церкви. Напротивъ, въ этотъ именно несчастный для литовской митрополіи періодъ и процвѣтали въ ней, цѣлые десятки лѣтъ, такіе іерархи, какъ Ѳеодосій Лозовскій и Иванъ или Іона Борзобогатый-Красенскій, — іерархи, какіе возможны были только въ западно-русскомъ краѣ подъ владычествомъ Польши, и какихъ даже тамъ въ прежнія времена не бывало. Въ этотъ же періодъ начали свою дѣятельность и довольно проявили себя и два другіе владыки, развѣ немного уступавшіе только-что названнымъ, Кириллъ Терлецкій и Гедеонъ Болобанъ, хотя во всемъ свѣтѣ они показали себя уже впослѣдствіи. Первою заботою всѣхъ тогдашнихъ владыкъ была забота о собственныхъ выгодахъ, изъ-за которыхъ единственно они и домогались архіерейскихъ каѳедръ, надѣленныхъ церковными имѣніями, и за которыми гонялись потомъ всю жизнь, добывая себѣ новыя и новыя имѣнія, выпрашивая у короля въ свое управленіе новые монастыри и доводя эти монастыри до крайняго разоренія, хотя имѣнія владыкъ, особенно владимірскаго, луцкаго и полоцкаго, были и безъ того очень не скудны ([457]). Самое коренное зло для высшей западно-русской іерархіи и всей церкви состояло въ томъ, что короли-латиняне раздавали въ ней архіерейскія каѳедры по своему произволу и часто одну и туже каѳедру отдавали двумъ-тремъ лицамъ, вслѣдствіе чего возникали между послѣдними препирательства, тяжбы, взаимныя насилія, нерѣдко кровопролитія, къ соблазну

([457]) Архив. югозапад. Россіи, ч. I, т. I, №№ 45. 46. 47. 90; А. Ю. и З. Р. I, № 218; Вилен. Арх. Сборн. I, №№ 59. 73.

для православныхъ, къ глумленію для иновѣрцевъ. Но никогда это зло не достигало до такой высокой степени, до какой достигло при Сигизмундѣ Августѣ и Стефанѣ Баторіѣ.

Тоже самое зло простиралось и на православныя церкви и монастыри. Особенно монастыри раздавались теперь свѣтскимъ людямъ такъ часто и такъ неразборчиво, какъ никогда прежде; иногда раздавались даже иновѣрцамъ, иногда одинъ монастырь отдавался двумъ лицамъ разомъ. Послѣдствія извѣстны: имѣнія монастырей постепенно разорялись и истощались; самые монастыри съ ихъ церквами оставлялись въ совершенномъ пренебреженіи, ветшали и обрушались; все цѣнное изъ нихъ уносилось или увозилось; монашеская жизнь падала ниже и ниже ([458]). Въ виду всего этого и усердіе православныхъ къ св. обителямъ ослабѣвало, пожертвованія на монастыри становились рѣже и рѣже, новыхъ монастырей почти не возникало. Во весь періодъ встрѣчаемъ только три новыхъ монастыря: корецкій, марецкій и городинскій, основанные впрочемъ однимъ только лицемъ, княземъ Корецкимъ, въ его имѣніяхъ, да еще три-четыре монастыря, упоминаемые въ первый разъ: дворецкій богородичный въ имѣніи князя Жеславскаго, ильинскій и николаевскій мороцкій въ Слуцкѣ, чернчицкій на Волыни, и монастырь честнаго креста въ имѣніи князя Чарторыжскаго, хотя всѣ они могли быть основаны прежде ([459]). Число православныхъ церквей даже въ главныхъ городахъ, гдѣ находились каѳедры владыкъ, не возрастало, а въ нѣкоторыхъ и уменьшалось. Въ Вильнѣ, по свидѣтельству Одербона, бывшаго около 1580 г. протестант-

([458]) См., напримѣръ, Архив. югозапад. Россіи, ч. I, т. I, № 39.

([459]) О монастырѣ честнаго креста упоминается въ 1580 г. (Памятн. Кіев. Комм. I, отд. II, № 8).

скимъ пасторомъ въ Ковнѣ, русскіе будтобы «имѣли тридцать церквей и почти всѣ каменныя». Но это свидѣтельство сомнительно. Другой иностранецъ, Гваньини, жившій въ тоже самое время воинскимъ начальникомъ въ витебской крѣпости, говоритъ только, что въ Вильнѣ «всѣхъ церквей римскаго и русскаго исповѣданія, каменныхъ и деревянныхъ, находится около сорока», и что «русскихъ церквей виднѣется въ ней болѣе, нежели римскихъ» ([460]). По нашимъ же домашнимъ документамъ, кромѣ тѣхъ 18-ти или 20-ти церквей, которыя мы видѣли въ Вильнѣ еще въ первой половинѣ XVI вѣка, можемъ указать развѣ только на одну, новую церковь, пречистенскую на Росѣ (упом. ок. 1582 г.), если и она не появилась въ предшествовавшее время; кромѣ того, вновь сооружены (1560) двѣ погорѣвшія церкви изъ прежнихъ: рождественская и пятницкая ([461]). Въ Луцкѣ и Владимірѣ было по осми церквей; но нѣтъ основанія думать, чтобы какая либо изъ нихъ была основана и построена въ настоящій періодъ. Въ Новогродкѣ существовало прежде десять церквей, а теперь, по свидѣтельству митрополита Іоны, нѣкоторыя изъ нихъ опустѣли, хотя, съ возвращеніемъ имъ церковныхъ имѣній, быть можетъ, открылись вновь. Въ Полоцкѣ число православныхъ церквей, приходскихъ и монастырскихъ, восхо-

([460]) Гваньини именно говоритъ: ipsa Wilna romanum cultum sequitur, sed media pars Ruthenorum eam incolit, *pluresque ecclesiae in ea ruthenicae, quam romanae*, conspiciuntur (Moscoviae Descript., у *Старчев.* Hist. Ruthen. script. exteri, I, p. 18. Снес. Собр. грам. Вильны, Ковна, предисл. LVI—LVII). А Одербонъ пишетъ о русскихъ: Wilnae *triginta templa* habent, omnia fere opere latericio structa (De Russor. relig., у *Старчев.* тамъ же II, 39).

([461]) Вилен. Арх. Сборн. I, № 57; VI, № 30. Пречистенская церковь на Росѣ была во имя рождества Пречистыя Богородицы, и существовала еще въ 1595 году (Акты Вилен. Комм. VIII, № 9).

дило въ прежнія времена до пятнадцати; когда же Стефанъ Баторій отдалъ (1579) всѣ эти церкви, кромѣ соборной. вмѣстѣ съ ихъ имѣніями іезуитамъ, православные едва въ состояніи были втеченіе десяти слѣдующихъ лѣтъ соорудить себѣ или только обновить три церкви: спасскую, христорождественскую и козмо-даміанскую ([462]). Нужно при этомъ сказать, что православные церкви и монастыри, несмотря на ихъ бѣдность и разоренія, какимъ подвергались отъ своихъ свѣтскихъ, да и отъ духовныхъ, владѣльцевъ, должны были еще, по назначенію отъ правительства, отбывать земскія подати и другія повинности, отъ которыхъ не освобождались и владыки, равно какъ и латинскіе бискупы съ своимъ духовенствомъ ([463]).

([462]) Архив. югозапад. Россіи, ч. I, т. I, №№ 33. 39. 57; А. З. Р. III, № 43; Вилен. Арх. Сборн. I, № 59, стр. 174.

([463]) Такъ: а) въ 1563 г. русскіе владыки, монастыри и все духовенство, какъ и латинскіе бискупы и все духовенство, платили серебщизну со всѣхъ своихъ людей и имѣній (А. З. Р. III, № 33, стр. 125); б) по универсаламъ 1564-го и 1565-го г., русскіе попы обязаны были, каждый съ своей церкви, заплатить по копѣ; бискупы армянскіе и русскіе владыки—со всѣхъ своихъ чиншовъ, денежныхъ и всякихъ, отъ каждой гривны по шести съ половиною грошей, а намѣстники владыкъ, каждый, по четыре злота монеты (Volumina legum, II, pag. 39. 62); в) въ 1566 г. митрополитъ Сильвестръ внесъ поголовный сборъ съ имѣній своихъ, по три гроша съ головы (Вилен. Арх. Сборн. X, стр. 10); г) въ 1568 г. король Сигизмундъ Августъ писалъ (отъ 20 іюля) митрополиту Іонѣ, чтобы онъ собралъ опредѣленныя тогда городенскимъ сеймомъ дани съ духовныхъ имѣній и доставилъ въ казну, безъ всякаго протеста, какой заявило римско-католическое духовенство,—и митрополитъ Іона послалъ приказъ (отъ 18 авг.) своему софійскому намѣстнику, пану Ѳедору Тишѣ собрать со всѣхъ подданныхъ митрополіи серебщизну и отдать земскимъ сборщикамъ (объ граматы въ архивѣ бывшихъ уніат. митрополитовъ, при Св. Синодѣ, по Описи за №№ 612 и 613); д) въ 1569 г. жидичинскій архимандритъ Іона собралъ слѣдовавшія за этотъ годъ подати съ имѣній своего монастыря для передачи земскимъ сборщикамъ (Архив. югозападн. Россіи, ч. I, т. I, стр. 26). Были также универсалы въ 1577 и послѣдующіе годы для собиранія даней съ духовенства (Volumina legum, II, pag. 176. 178).

Не осталась, впрочемъ, борьба православія съ протестантствомъ и особенно съ іезуитами въ западно-русскомъ краѣ и безъ добрыхъ послѣдствій для православныхъ. Она пробудила ихъ отъ духовнаго усыпленія и застоя, возбудила въ нихъ энергію и вызвала ихъ на такую дѣятельность, какой прежде они не знали. И прежде уже существовали между ними, хотя немногія, братства, такъ–называемыя медовыя, съ религіозною цѣлію; но вся эта цѣль ограничивалась попеченіемъ лишь о матеріальныхъ нуждахъ нѣкоторыхъ церквей и богадѣлень. Теперь начали возникать въ западной Россіи такія братства, которыя желали служить не своимъ только церквамъ, а всей церкви православной, для удовлетворенія не столько вещественныхъ, сколько духовныхъ ея потребностей, способствовать распространенію просвѣщенія въ русскомъ народѣ, приготовлять ему учителей вѣры и благочестія, защитниковъ православія отъ иновѣрцевъ. Такія братства и возникли теперь въ Львовѣ и Вильнѣ. Самъ патріархъ вселенскій благословилъ ихъ и принялъ подъ свое особое покровительство, надѣясь со временемъ увидѣть въ нихъ надежный оплотъ противъ подготовлявшейся уже въ краѣ церковной уніи съ Римомъ. Одновременно съ братствами возникли въ краѣ и православныя училища, о какихъ прежде русскіе и понятія не имѣли: училища острожское, львовское, наконецъ, виленское. Въ нихъ начали обучать не одной славянской грамотѣ, но и языкамъ: греческому, латинскому, польскому и наукамъ: грамматикѣ, риторикѣ, діалектикѣ и другимъ. И такимъ образомъ для русскихъ въ первый разъ открылась возможность получать научное образованіе въ своихъ собственныхъ школахъ и въ духѣ своей вѣры, безъ опасенія

увлечься, при воспитаніи, въ какое либо иновѣріе. За училищами и изъ училищъ начала возникать и русская духовная литература на пользу родной церкви, и вскорѣ появились даже такіе удачные литературные опыты, каковы книга о вѣрѣ и исторія о листрійскомъ или флорентійскомъ соборѣ острожскаго клирика Василія. Къ услугамъ литературы стали открываться въ краѣ, одна за другою, и славянскія типографіи, и нашлись люди, достойные признательной памяти, которые не щадили ни своихъ трудовъ, ни издержекъ, для изданія въ этихъ типографіяхъ такихъ книгъ, въ которыхъ наиболѣе нуждалась мѣстная православная церковь. Первая, изданная теперь здѣсь, книга было «Евангеліе учительное», точнѣе, сборникъ проповѣдей и поученій изъ разныхъ св. отцевъ и другихъ духовныхъ писателей на всѣ воскресные и праздничные дни, для наставленія православныхъ въ истинахъ вѣры и нравственности, и извѣстный по рукописямъ еще съ XIV вѣка. Книга напечатана въ Заблудовѣ, имѣніи найвысшаго гетмана литовскаго Григорія Александровича Ходкевича, но въ той самой типографіи, въ которой напечатанъ и первопечатный московскій «Апостолъ», и которую перенесли съ собою въ Литву первые московскіе печатники, діаконъ Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимоѳеевъ Мстиславецъ, принужденные удалиться изъ Москвы. Литовско-русскій православный вельможа принялъ ихъ у себя съ любовію, водворилъ въ названномъ своемъ имѣніи и далъ имъ всѣ средства для изданія, въ 1569 г., этой книги «къ наученію, какъ самъ говоритъ, людемъ христіанскимъ закону *нашего* греческаго». Въ слѣдующемъ году издана въ Заблудовѣ и вторая книга Псалтырь съ Часословцемъ, иждивеніемъ тогоже вельможнаго пана, но

трудами только одного Ивана Ѳедорова. Вскорѣ за тѣмъ, когда Ходкевичъ, удрученный глубокою старостію и недугами, приказалъ прекратить книгопечатаніе въ Заблудовѣ, Иванъ Ѳедоровъ отправился съ своею московскою типографіею въ городъ Львовъ; но нашелъ здѣсь мало себѣ сочувствія, и только при пособіи немногихъ, священниковъ и мірянъ, а болѣе при пособіи двухъ сыновей прежняго своего покровителя Ходкевича, уже скончавшагося, издалъ въ 1574 г. книгу Апостолъ, а за нею, какъ можно догадываться, и нѣкоторыя другія книги. Но крайняя бѣдность, въ какую впалъ здѣсь Ѳедоровъ, вынудила его въ 1579 г. заложить свою типографію одному еврею, у котораго она и куплена была лѣтъ черезъ шесть львовскимъ успенскимъ братствомъ, и послужила основаніемъ для знаменитой впослѣдствіи львовской братской типографіи. Между тѣмъ сотрудникъ Ѳедорова Петръ Тимоѳеевъ Мстиславецъ перешелъ изъ Заблудова въ Вильну, и напечаталъ здѣсь, въ 1575—1576 г., двѣ книги: Евангеліе напрестольное и Псалтырь, иждивеніемъ двухъ братьевъ, пановъ Зарецкихъ, въ только-что основанной типографіи братьевъ Мамоничей (464). А Ив. Ѳедоровъ, лишившійся своей типографіи въ Львовѣ, переселился, по приглашенію князя К. К. Острожскаго, въ Острогъ, гдѣ заводилъ князь свою собственную типографію.

Давно уже благочестивый князь, скорбя глубоко о несчастномъ положеніи своей церкви и своихъ единовѣрцевъ, задумалъ издать для нихъ полную славянскую библію. Но

(464) Опис. старопеч. книгъ графа Толстова, №№ 17—20, стр. 28—45; *Сахаров.* Обозр. Слав.—русск. библ., №№ 50. 51. 55—57; *Зубрицк.* Hystoryczne badania o drukarniach... w Galicyi, Lwow, 1836,—см. Actum in cshola iudaica civitatis Leopolensis.

не находилъ сначала во всѣхъ славянскихъ странахъ ни полнаго списка свящ. книгъ ни «дѣлателей». Потомъ, продолжая свои поиски, нашелъ такой списокъ въ Москвѣ (это былъ списокъ такъ-называемой геннадіевской библіи), который и выпросилъ у царя Ивана Васильевича; досталъ «много и иныхъ вивлій, различныхъ письменъ и языковъ». Но когда повелѣлъ сличить между собою добытые списки, то оказалось множество разностей и поврежденій. Это заставило князя послать въ далекія страны, въ монастыри греческіе, сербскіе, болгарскіе и къ самому вселенскому патріарху Іереміи и просить себѣ новыхъ, самыхъ исправныхъ и свидѣтельствованныхъ, списковъ библіи, а также и «людей наказанныхъ въ писаніяхъ святыхъ еллинскихъ и словенскихъ». Получивъ желаемое, князь приказалъ избраннымъ лицамъ сличить списки славянской библіи, исправить ее, гдѣ нужно, по греческому тексту семидесяти толковниковъ и приготовить къ напечатанію. Самое же печатаніе поручилъ лучшему тогда въ краѣ мастеру печатныхъ дѣлъ Ивану Ѳедорову. Приступивъ къ печатанію полной библіи, вѣроятно, еще въ 1579 г., требовавшему продолжительнаго времени, Ѳедоровъ, по мысли князя, издалъ прежде, въ 1580 г., одинъ новый завѣтъ съ Псалтырью, который и поднесъ князю, «яко первый овощь отъ дому его печатнаго». А 12-го іюля тогоже года выпустилъ изъ типографіи первое изданіе и всей славянской библіи, за которымъ послѣдовало и второе ея изданіе, помѣченное 12 авг. 1581 года. Впрочемъ, въ строгомъ смыслѣ, это вовсе не было второе изданіе библіи: потому что она не была напечатана вновь, а осталась таже, но только перепечатаны въ ней: листъ заглавный, листъ 276-й, которымъ оканчивались

историческія книги свящ. писанія, и листъ послѣдній, на которомъ помѣщены послѣсловіе отъ типографа и выходъ. Кто были трудившіеся надъ приготовленіемъ текста для острожской печатной библіи, неизвѣстно: можетъ быть, къ числу ихъ принадлежали первый ректоръ острожскаго училища Герасимъ Даниловичъ Смотрицкій, написавшій одно изъ предисловій къ этой библіи вмѣстѣ съ стихами, и первый дидаскалъ тогоже училища Кириллъ Лукарисъ, какъ знатокъ греческаго языка. Но трудъ ихъ, какъ первый въ своемъ родѣ опытъ, былъ очень несовершенъ: въ текстѣ острожской библіи много неточностей, неправильностей и иногда весьма важныхъ ошибокъ. При всемъ томъ изданіе острожской библіи было въ свое время величайшимъ благодѣяніемъ для всѣхъ сыновъ русской церкви, не только западной, но и восточной, не имѣвшихъ дотолѣ въ печати своей славянской библіи, и остается донынѣ драгоцѣннымъ памятникомъ, свидѣтелемъ какъ о благочестіи знаменитаго князя и существовавшемъ тогда общеніи между обоими половинами русской церкви, — ибо библія была напечатана преимущественно по списку, присланному изъ Москвы, и московскимъ типографщикомъ, — такъ и объ этомъ самомъ типографщикѣ, весьма искусномъ и всею душею преданномъ своему дѣлу, положившемъ начало печатанію славянскихъ книгъ для православной церкви не въ одной московской, но и въ западной Россіи, гдѣ, вскорѣ по отпечатаніи острожской библіи, онъ и нашелъ себѣ могилу ([465]).

([465]) Опис. Старопеч. книгъ графа Толстова, №№ 21. 22, стр. 45—60; Опис. рукоп. Моск. Синод. библіотеки, I, предисл., стр. VIII; *Румянц.* Сборн. памятн., относящ. до книгопечатанія въ Россіи, I, 46—49, Москв. 1872. Ука-

Въ остальные годы настоящаго паріода печатаніе такихъ же книгъ на западѣ Россіи продолжалось въ Острогѣ и Вильнѣ. Въ острожской типографіи изданы: Посланія константинопольскаго патріарха Іереміи къ князю острожскому и другимъ, по случаю новаго календаря (1584); «Календарь римскы новы»—Герасима Даниловича Смотрицкаго (1587) и Сборникъ или книга о вѣрѣ — клирика Василія (1588). Въ Вильнѣ, въ типографіи Мамоничей напечатаны: Псалтырь (1581), Октоихъ — Василіемъ Михайловичемъ Гарабурдою (1582), Служебникъ (1583), Сборникъ, содержащій діалогъ патріарха Геннадія и проч. (1585) и слѣдованная Псалтырь (1586). Въ послѣдней типографіи издана въ 1588 г. и не церковная книга — «Статутъ вел. княжества литовскаго», но служившая руководствомъ и для церковныхъ судовъ въ порядкѣ и формахъ судопроизводства ([466]).

Нельзя умолчать здѣсь и о бывшихъ тогда попыткахъ къ переводу свящ. книгъ на языкъ общенародный. Гетманъ Ходкевичь, въ предисловіи къ изданному имъ (1568 г.) учительному Евангелію, сознается, что онъ имѣлъ намѣреніе переложить эту книгу, «выразумѣнія ради простыхъ людей», на «простую мову»; но не рѣшился только изъ опасенія ошибокъ. Другіе были смѣлѣе и рѣшительнѣе. Пересопницкій архимандритъ Григорій перевелъ полное Четвероевангеліе «на мову рускую изъ языка блъгарскаго», т. е. съ церковнославянскаго языка на ту южно-русскую или малорусскую рѣчь, съ множествомъ польскихъ словъ, какою говорили тогда въ западной Россіи. Переводчикъ трудился цѣлыя пять лѣтъ, съ 15 авг. 1556 по 29 авг. 1561 г., въ монастырѣ жеславскомъ при церкви святыя и живоначальныя Троицы; а всѣ, необходимыя при трудѣ, издержки доставляла благовѣрная княгиня Анастасія Юрьевна Гольшанская, дочь князя Козмы Ивановича Жеславскаго. Южно-русское евангеліе предназначалось и для употребленія церковнаго и, можетъ быть, дѣйствительно употреблялось въ церкви мѣстнаго монастыря: потому что снабжено указателями, какіе обыкновенно дѣлались въ евангеліяхъ такого рода; да и переводчикъ ясно сказалъ въ одной изъ своихъ приписокъ, что перевелъ евангеліе «для читанія церквей Божіихъ, для науки люду христіанского». Единственный списокъ этого евангелія, самый подлинникъ переводчика, писанный прекраснымъ уставомъ на тонко-выдѣланномъ пергаменѣ, доселѣ цѣлъ и хранится въ библіотекѣ полтавской дух. семинаріи. А спустя лѣтъ двадцать, ок. 1580 г., какое-то малороссійское евангеліе даже напечатано было, вмѣстѣ съ славянскимъ текстомъ, въ два столбца, въ типографіи Василія Тяпинскаго. Былъ ли то новый переводъ евангелія на малорусское нарѣчіе, или переводъ пересопницкаго архимандрита Григорія, сказать не можемъ ([467]).

заніе ошибокъ въ острожскомъ изданіи библіи можно читать въ предисловіи къ изданію ея, при Императрицѣ Елисаветѣ, въ 1751 г.

([466]) *Сахаров.* Обозр. Слав.-русск. библіограф., №№ 68 — 70. 73. 75. 76. 78. 79. 80. Несмотря, однакожъ, на существованіе типографій, въ которыхъ печатались церковно-богослужебныя книги, нѣкоторые еще переписывали эти книги для церковнаго употребленія. Такъ, слуцкій князь Юрій Юрьевичь Олельковичь собственноручно переписалъ, очень красивымъ почеркомъ, напрестольное Евангеліе и пожертвовалъ въ слуцкій троицкій монастырь съ слѣдующею надписью: «Сіе св. Евангеліе, рукою власною, Юрій Юрьевичь Олелько, княжа Слуцкое, во имя пресвятыя живоначальныя Троицы, Отца и Сына и Св. Духа, вѣчными часы, до с. м. благочестиваго архимандріи слуцкой, для вѣчнаго богомолія и спасенія души своея, во незабытную память прародителей своихъ К. С., родителей, самаго себя, Анно 1581 выписалъ, року Р. Х. 1582, іюня 4, надалъ». Евангеліе это доселѣ сохраняется въ означенномъ монастырѣ.

([467]) Опис. старопеч. книгъ графа Толстова, стр. 30—31; *Сахаров.* Обозр.

Существовали, безъ сомнѣнія, и тогда въ западно-русской церкви люди благочестивые, искренне ей преданные, желавшіе ей добра и трудившіеся для нея. Но всѣ усилія ихъ оказывались слишкомъ недостаточными, чтобы извлечь ее изъ того плачевнаго состоянія, до котораго она была доведена не одними своими врагами, постоянно ратовавшими противъ нея, но и самыми своими первосвятителями. Весьма краткое, но яркое, изображеніе этого состоянія находимъ въ посланіи галицко-русскихъ дворянъ къ послѣднему митрополиту Онисифору (отъ 14 февр. 1585 г.). Упомянувъ здѣсь, прежде всего, о грубомъ насиліи, совершенномъ тогда латинянами православнымъ во Львовѣ, по поводу новаго календаря, и о запечатаніи церквей ихъ, дворяне продолжали: «а что сказать о порубаніи св. крестовъ, объ отобраніи колоколовъ въ замокъ и отдачѣ ихъ жидамъ? И ты еще самъ даешь открытые листы на помощь жидамъ противъ церкви Божіей, къ потѣхѣ ихъ, а къ большему поруганію нашего св. закона и къ нашему сожалѣнію. Какія при томъ совершаются опустошенія церквей! Изъ церквей дѣлаются іезуитскіе костелы, и имѣнія, что бывали наданы на церкви Божіи, привернуты къ костеламъ. Въ честныхъ монастыряхъ, вмѣсто игуменовъ и братіи, живутъ игумены съ женами и дѣтьми, и владѣютъ и правятъ церквами Божіими; изъ большихъ крестовъ дѣлаютъ малые и изъ того, что подано въ честь и хвалу Богу, совершаютъ святокрадство, и устрояютъ себѣ пояса, ложки, злочестивые сосуды для своихъ похотей; изъ ризъ дѣлаютъ саяны, изъ епитрахилей брамы. Но что еще прискорбнѣе, ваша милость, самъ одинъ, поставляешь епископовъ, безъ свидѣтелей и безъ насъ, братіи своей, чего и правила вамъ не дозволяютъ. И при такомъ незаконномъ поставленіи возводятся въ великій епископскій санъ люди негодные, которые, къ поруганію св. закона, на епископскомъ сѣдалищѣ живутъ, безъ всякаго стыда, съ женами и рождаютъ дѣтей. И множество иныхъ и иныхъ великихъ бѣдъ и нестроеній,—о чемъ мы, къ сожалѣнію, теперь писать не можемъ. Епископовъ наставилось много, по два на каждую каѳедру: оттого и порядокъ сгибъ. Мы, по своему долгу, предостерегаемъ вашу милость, и молимъ, и просимъ: Бога ради, осмотрись, вспомни святыхъ твоихъ предмѣстниковъ, митрополитовъ кіевскихъ, и возревнуй ихъ благочестію. Не прогнѣвайся на насъ: намъ жаль души твоей; ты за все долженъ дать отвѣтъ Господу Богу. Особенно же даемъ знать твоей милости, что архіепископія кіевская (т. е. кіево-софійскій соборъ), находящаяся нынѣ подъ твоею властію, отдана нѣкоему еретику жолнеру, а архимандритія уневская обѣщана такому же»... и проч. ([468]).

Слав.-русск. библ., № 63. Подробное описаніе пересопницкаго списка евангелія, сдѣланное протоіереемъ *Ник. Дмитрашко*, напечатано, подъ заглавіемъ: «Замѣчательная рукопись полтавской семинаріи», въ Полтав. Епарх. Вѣдом. 1874 г. №№ 8 и 9.

([468]). А. З. Р. III, № 146. Снес. А. З. Р. IV, стр. 43.

ГЛАВА IV.

УНІЯ.

I.

Приступаемъ къ изученію событія, которое можно назвать результатомъ всей предшествовавшей жизни западно-русской митрополіи и, частнѣе, результатомъ всѣхъ дѣйствій латино-польскаго правительства противъ этой церкви, всѣхъ усилій литовскихъ іезуитовъ и другихъ ревнителей латинства къ подчиненію ея римскому первосвященнику, и которое зовется *церковною унією*. Литовско-польскіе государи, такъ широко и неразборчиво пользовавшіеся въ этой митрополіи правомъ подаванья архіерейскихъ каѳедръ, монастырей, иногда и церквей, постепенно вели и, наконецъ, привели іерархію ея, а чрезъ іерархію и всю паству, къ совершенному нравственному изнеможенію и разстройству. Главные вожди церкви — архипастыри, потерявшіе почти всякое значеніе въ глазахъ своихъ пасомыхъ, оставались духовными сановниками только по имени и по одеждѣ, а на дѣлѣ это были настоящіе свѣтскіе паны, изъ среды которыхъ и избирались; жили и дѣйствовали, какъ паны, заботились только о собственныхъ имѣніяхъ и

интересахъ, изъ-за которыхъ вели постоянную борьбу между собою и съ мірянами, старались пріобрѣтать новые и новые монастыри въ свое управленіе, переходить съ одной каѳедры на другую, болѣе богатую, и способны были жертвовать всѣмъ, самою вѣрою. Іезуиты, работавшіе въ Литвѣ уже двадцать лѣтъ, успѣли, своими школами, своею проповѣдію и диспутами, и особенно своими сочиненіями, достаточно познакомить русскихъ духовныхъ и мірянъ, съ своими понятіями о подготовлявшейся уніи, и иныхъ поколебать въ вѣрѣ, другихъ даже обратить къ латинству, третьихъ предрасположить къ себѣ льстивыми обѣщаніями, а главное—успѣли посадить на королевскомъ престолѣ своего питомца, преданнаго имъ всею душею, Сигизмунда III, который, подъ ихъ руководствомъ, готовъ былъ употребить всѣ мѣры для насажденія уніи въ своемъ государствѣ.

Пріѣздъ въ Литву вселенскаго патріарха,—событіе совершенно неожиданное и случайное (патріархъ посѣщалъ теперь русскую церковь въ первый разъ со времени ея основанія),—нисколько не смутилъ іезуитовъ и другихъ поборниковъ уніи. Напротивъ, они даже думали воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для своихъ цѣлей. Сохранилось письмо тогдашняго бискупа луцкаго, Бернарда Маціевскаго, къ папскому нунцію въ Польшѣ, неаполитанскому архіепископу Аннибалу, проливающее немало свѣта на эти затѣи. Маціевскій писалъ (отъ 23 авг. 1588): «въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда я отправился въ Подляхію, въ другую половину моей епархіи, тамъ проѣзжалъ въ Москву цареградскій патріархъ Іеремія II, сверхъ моего ожиданія, весьма скоро переѣхалъ тотъ городъ, въ которомъ я находился. Наступающая ночь помѣшала мнѣ

догнать его, и я поспѣшилъ въ Брестъ, гдѣ, казалось, онъ остановится; но и оттуда онъ уѣхалъ прежде моего прибытія. Чрезъ нѣсколько дней господинъ брестскій судья (а извѣстно, замѣтимъ отъ себя, что брестскимъ судьею былъ тогда Адамъ Потѣй), хотя схизматикъ, но по авторитету, образованію и опытности человѣкъ недюжинный, и въ религіозныхъ дѣлахъ, по видимому, самый свѣдущій между своими, послѣ нѣсколькихъ бесѣдъ о религіи съ находящимся со мною здѣсь отцемъ іезуитомъ, неоднократно приходилъ ко мнѣ, и съ величайшею настойчивостію убѣждалъ меня, чтобы мы, съ другими епископами и богословами католическими, старались объ уніи русскихъ съ римскою церковію, особенно въ настоящее время, когда представляется къ тому такой удобный случай, какой едвали когда можетъ повториться. Онъ говорилъ, что само Провидѣніе Божіе устроило такъ, что въ наши страны прибылъ цареградскій патріархъ. Прибавлялъ, что надобно больше стараться о собесѣдованіяхъ съ греками, нежели объ изданіи сочиненій противъ русскихъ пли опроверженіяхъ противъ нихъ, какія бываютъ въ нашихъ проповѣдяхъ. Если патріархъ согласится на бесѣду и будетъ побѣжденъ и обличенъ въ заблужденіи, тогда онъ-судья и многіе другіе, знатные родомъ и добродѣтелями, ничего столько не желающіе, какъ того, чтобы состоялось, въ духѣ любви и кротости, собесѣдованіе нашихъ съ патріархомъ, не захотятъ болѣе подчиняться ему и слѣдовать его заблужденію. Если же онъ уклонится отъ состязанія, то подвергнется подозрѣнію въ дѣйствительной схизмѣ, и тѣмъ удобнѣе будетъ оставленъ русскими. Передавалъ еще добрый мужъ, что онъ съ своими весьма усердно будетъ наблюдать,

пришелъ ли патріархъ, чтобы ограбить своихъ владыкъ и поповъ, или чтобы позаботиться о спасеніи ввѣренныхъ ему душъ. Наконецъ, указалъ даже путь, какимъ должно слѣдовать къ достиженію этой уніи по вѣрѣ. Вотъ, говорилъ, патріархъ назначилъ въ Вильнѣ соборъ митрополита и владыкъ на праздникъ рождества пресв. Дѣвы Маріи; а они, безъ сомнѣнія, желали бы, чтобы соборъ состоялся здѣсь въ Брестѣ, который и ближе для нихъ, и чаще посѣщается ими, нежели Вильна. Такъ пусть же король заставитъ патріарха перенести соборъ изъ Вильны въ Брестъ. А вы, епископы, съ вашими архіепископами и богословами, которымъ поручилъ Богъ заботиться о спасеніи людей, между тѣмъ дѣлайте то, чего требуетъ отъ васъ вашъ долгъ. Повѣрьте,—писалъ уже отъ себя нунцію бискупъ Маціевскій, — что слышанное нами весьма много утѣшило насъ и обнадежило, и я убѣжденъ, что и ваше преосвященство отнюдь не пренебрежете настоящимъ, столь удобнымъ случаемъ пособить нашимъ русскимъ въ ихъ ревности, которою они пламенѣютъ» (469). Вотъ еще когда Потѣй помышлялъ объ уніи и даже училъ самихъ латинянъ, какъ вести это дѣло! Совѣтомъ Потѣя имъ не пришлось воспользоваться тотчасъ же: предполагавшійся, по слухамъ, соборъ въ Вильнѣ на праздникъ рождества Богородицы не состоялся; патріархъ спѣшилъ въ Москву и въ іюлѣ былъ уже тамъ. Но можно гадать, какъ готовились они встрѣтить патріарха въ Литвѣ на его возвратномъ пути. Не безъ причи-

(469) *Theiner*, Vetera Monum. Poloniae et Lithuaniae, III, № 46, p. 41—42. А что судьею брестскимъ былъ тогда Адамъ Потѣй, свидѣтельствуетъ его біографія, составленная Львомъ Кишкою и напечатанная имъ при изданіи потѣевыхъ проповѣдей, въ польскомъ переводѣ: Kazania i Homilie męża Bożego Hipacyusza Pocieja, metropolity Kijowskiego, w Supraslu 1714.

ны, самъ король прибылъ въ Вильну, съ нѣсколькими сенаторами, къ пріѣзду Іереміи, оставался въ ней во все время его здѣсь пребыванія и предоставилъ ему безпрепятственно заниматься своими церковными дѣлами въ странахъ Литвы и Польши. Патріархъ, однакожъ, вѣрно, зналъ о намѣреніяхъ іезуитовъ и латинскихъ прелатовъ, и счелъ за лучшее не вступать съ ними ни въ какія собесѣдованія и переговоры о вѣрѣ и уніи ([470]). Къ сожалѣнію, на сторону ревнителей уніи вскорѣ перешли, одинъ за другимъ, сами западно-русскіе іерархи: они дѣйствовали не спѣшно, а исподоволь и со всею возможною осторожностію и скрытностію. Дѣло тянулось около семи лѣтъ, и въ первыя пять лѣтъ было почти незамѣтно посреди другихъ дѣлъ и событій, совершавшихся тогда въ литовской митрополіи.

Едва прошло пять дней со времени низверженія митрополита Онисифора (21 іюля 1589), какъ король Сигизмундъ III пожаловалъ (27 іюля) грамату на митрополію архимандриту минскаго вознесенскаго монастыря, «шляхетнѣ урожоному» Михаилу Васильевичу Рогозѣ, и въ этой граматѣ говорилъ, что Михаила избрали на митрополію «панове рада и рыцарство великаго княжества литовскаго, закону и послушенства церкви греческой», и что, по ихъ-то просьбѣ, избранный и удостоивается митрополитской каѳедры. Трудно повѣрить послѣднимъ словамъ граматы: панове рада еще могли участво-

([470]) Впослѣдствіи сами западно-русскіе епископы, выражая свое недовольство противъ патріарховъ, говорили: «до насъ пріѣздчаючи, жадныхъ диспутацій зъ иновѣрными не чинятъ, и съ письма Божіего отвѣтовъ, хотя бъ хто и потребовалъ, зъ ними мѣти не хотятъ» (A. З. Р. IV, № 55, стр. 79). А извѣстно, что до того времени изъ цареградскихъ патріарховъ пріѣзжалъ въ Литву только одинъ Іеремія.

вать въ избраніи Михаила, по крайней мѣрѣ, тѣ, которые находились съ королемъ въ Вильнѣ; но православное рыцарство, т. е. дворянство литовской земли, разсѣянное по всей странѣ, рѣшительно не могло, въ такой короткій срокъ, принять участія въ избраніи митрополита, и о рыцарствѣ упомянуто въ граматѣ, можетъ быть, потому только, что о немъ обыкновенно упоминалось въ подобныхъ граматахъ короля, и она написана по готовой, издавна установившейся формѣ, если не предположить намѣренія скрыть правду ([471]). Извѣстно письмо виленскихъ іезуитовъ къ Рогозѣ, писанное въ то время, когда онъ былъ уже митрополитомъ. Здѣсь они напоминаютъ ему, что онъ возведенъ на свою каѳедру «безъ содѣйствія» дворянства, а только опредѣленіемъ самаго короля; увѣряютъ митрополита, что они «тѣмъ пламеннѣе желаютъ его благорасположенія, чѣмъ бо́льшую и бо́льшую усматриваютъ въ немъ склонность къ латинской церкви», что «велика будетъ радость всѣхъ латинянъ, когда они увидятъ счастливое совершеніе столь давно желаемой уніи въ правленіе и при мудрой дѣятельности такого великаго пастыря», что «не менѣе блистательно будетъ, когда онъ, въ качествѣ примаса восточной церкви, находящейся въ польскихъ владѣніяхъ, будетъ засѣдать въ сенатѣ, рядомъ съ примасомъ королевства» и, между прочимъ, даютъ Рогозѣ такой совѣтъ: «что̀ касается мірянъ, особенно простаго народа, то, какъ вы доселѣ благоразумно поступали, такъ и впредь вамъ нужно, сколько возможно, беречься, чтобы не подать имъ малѣйшаго повода догадаться о вашихъ намѣре-

([471]) A. З. Р. IV, № 19. При королѣ находилось тогда лишь нѣсколько сенаторовъ (тамъ же № 16, стр. 20).

ніяхъ и цѣляхъ» (472). Мы отвергаемъ мнѣніе, будто Михаилъ Рогоза воспитывался у іезуитовъ, былъ ихъ ученикомъ: іезуиты появились въ Литвѣ только съ 1569 г., а Михаилъ въ 1576 г. былъ уже «дворнымъ» писаремъ у воеводы волынской земли, князя Богуша Корецкаго, и съ 1579 г. сдѣлался архимандритомъ минскаго вознесенскаго монастыря (473). Но приведенныя слова іезуитскаго письма невольно располагаютъ думать, не вошли ли іезуиты въ сношеніе съ Рогозою еще до избранія его на митрополію и, обольстивъ его обѣщаніемъ митрополитской каѳедры и сенаторскаго кресла, если онъ согласится дѣйствовать въ пользу уніи, не условились ли съ нимъ, какъ ему дѣйствовать на митрополитской каѳедрѣ, чтобы до времени скрывать отъ православныхъ свои намѣренія и цѣли? А за тѣмъ, можетъ быть, и убѣдили короля избрать Рогозу на митрополію. Ненапрасно патріархъ Іеремія будтобы не хотѣлъ святить Михаила Рогозу въ митрополита и когда знатные люди начали ходатайствовать за него, то сказалъ: «аще достоинъ есть, якоже вы глаголете, буди достоинъ; аще ли же нѣсть достоинъ, а вы его за достойнаго удаете, азъ чистъ есмь: вы узрите». Патріархъ могъ узнать отъ близкихъ людей, какъ состоялось избраніе Михаила, или могъ возымѣть подозрѣніе по самой скорости избранія (474). Впрочемъ, мы выдаемъ мысль о сношеніяхъ іезуи-

(472) Это письмо іезуитовъ къ Рогозѣ, по свидѣтельству Лукашевича, «извлечено изъ переписки виленской коллегіи» и напечатано имъ въ книгѣ: Dzieje kosc. wyznania helweck. w Litwie, I, str. 70—72, Poznan. 1842. Сомнѣваться въ подлинности письма нѣтъ основанія.

(473) Архив. югозапад. Россіи, ч. I, т. I, № 17, стр. 105; А. З. Р. III, № 110.

(474) А. З. Р. IV, № 149, стр. 206; П. Собр. Русск. Лѣт. II, 369.

товъ съ Рогозою еще до избранія его на митрополію, не болѣе, какъ за догадку, которую можно принять, но едва ли не справедливѣе отвергнуть. По крайней мѣрѣ, до самаго конца 1594 г. мы не увидимъ никакихъ слѣдовъ, чтобы онъ имѣлъ наклонность къ уніи и старался скрывать эту наклонность. И только съ конца 1594 г., когда онъ далъ письменное согласіе на унію, онъ дѣйствительно всячески старался скрывать отъ православныхъ свое участіе въ этомъ дѣлѣ, впродолженіи двухъ лѣтъ, до самаго брестскаго собора (8 окт. 1596 г.). Письмо іезуитовъ къ Рогозѣ могло быть написано уже въ 1596 г., даже незадолго предъ брестскимъ соборомъ, и заключать въ себѣ совѣтъ митрополиту — держаться тогоже правила скрытности, какого онъ держался съ конца 1594 г., а не со времени своего избранія на митрополію. Въ первый день августа 1589 г. Рогоза былъ уже митрополитомъ и, вѣроятно, въ этотъ самый день патріархъ и посвятилъ его въ виленскомъ пречистенскомъ соборѣ (475).

Тогоже числа Іеремія издалъ грамату, обращенную ко всѣмъ православнымъ народамъ востока, грекамъ, арабамъ, болгарамъ, молдаванамъ, сербамъ, русскимъ и волохамъ, ко всѣмъ ихъ святителямъ и прочему духовенству и, въ частности, къ новопоставленному митрополиту кіевскому и всея Руси Михаилу. Въ граматѣ патріархъ говорилъ: «Извѣщаемъ васъ, что во время пребыванія нашего здѣсь, въ странахъ польскаго короля, въ присутствіи мѣстнаго архіепископа, епископовъ и всего церковнаго причта, намъ донесено отъ многихъ свидѣтелей, что издавна приходятъ сюда, ради

(475) А. З. Р. IV, № 20.

своихъ нуждъ, изъ нашихъ странъ греческихъ, изъ областей всѣхъ четырехъ патріарховъ, митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты и прочіе калугеры и чинятъ здѣсь, въ нашей парафіи, превышенія власти въ церковныхъ дѣйствіяхъ, между здѣшними владыками, архимандритами, игуменами и иными церковными людьми, самовольно литургисаютъ, и однихъ благословляютъ, другихъ анаѳематствуютъ и отлучаютъ, и вообще позволяютъ себѣ то, что должно принадлежать здѣсь только намъ, въ нашей парафіи, и поставленнымъ нами митрополиту и епископамъ. Посему на будущее время, приказываемъ тебѣ, новоосвященному митрополиту кіевскому и всея Руси Михаилу, чтобы ты не дозволялъ и возбранялъ такимъ духовнымъ лицамъ литургисать и совершать какія либо другія церковныя дѣйствія въ твоей парафіи, а еслибы кто изъ нихъ захотѣлъ противиться настоящему моему писанію, того я отлучаю, чрезъ твою святыню, отъ церкви Божіей и предаю клятвѣ». Этимъ распоряженіемъ патріархъ надѣялся прекратить одно изъ самыхъ большихъ золъ, какія совершались тогда въ литовской митрополіи. А что̀ такое зло дѣйствительно существовало, укажемъ, для примѣра, на случай въ супрасльскомъ монастырѣ. Сюда въ 1582 г. прибылъ архіепископъ охридскій Гавріилъ, титуловавшій себя патріархомъ первой Юстиніаны, Болгаріи, Сербіи, Молдавіи и проч., и не только литургисалъ здѣсь, но и написалъ на имя ктиторовъ монастыря Ходкевичей грамату, въ которой извѣщалъ ихъ, что, по дарованной ему свыше власти, онъ благословилъ настоятеля монастыря, архимандрита Тимоѳея Злобу, «человѣка почтеннаго и святаго»,

носить, по примѣру другихъ, святительскую шапку или митру, какъ будто здѣсь была охридская епархія ([476]).

Между тѣмъ, какъ вселенскій патріархъ устроялъ въ Вильнѣ дѣла литовской митрополіи, король Сигизмундъ III совершилъ, съ своей стороны, для тойже цѣли такое дѣйствіе, которое не могло не порадовать сердце первосвятителя. Мы видѣли, что еще въ іюнѣ 1588 г. Іеремія, переѣзжая черезъ Вильну, благословилъ православныхъ ея жителей учредить при виленскомъ свято-троицкомъ монастырѣ братство, съ училищемъ и типографіею, и сдѣлалъ свои распоряженія для огражденія и процвѣтанія братства на будущее время. Но вотъ прошелъ годъ, а братство доселѣ не имѣло утвержденія отъ своего короля. Теперь, 21-го іюля, король пожаловалъ православнымъ виленскимъ гражданамъ свою грамату, которою не только утверждалъ навсегда свято-троицкое братство, его уставъ, школу, типографію и всѣ, сдѣланныя въ братствѣ патріархомъ, распоряженія, но еще приказывалъ, чтобы никакой урядъ, трибунальскій, городскій, земскій, не возбранялъ желающимъ дѣлать пожертвованія на братство движимымъ и недвижимымъ имуществомъ; чтобы по всѣмъ внутреннимъ дѣламъ своимъ, несогласіямъ, обидамъ, новое братство судилось собственнымъ судомъ, безъ всякаго вмѣшательства властей духовныхъ и свѣтскихъ, а по дѣламъ съ сторонними лицами подлежало непосредственно суду самаго короля, и чтобы домъ братства былъ свободенъ отъ всякихъ постоевъ и другихъ городскихъ и земскихъ повинностей ([477]).

Изъ Вильны патріархъ отправился, сопровождаемый ми-

([476]) А. З. Р. IV, № 20; Вилен. Археогр. Сборн. IX, № 28.
([477]) А. З. Р. IV, № 18; Собр. грам. городовъ—Вильны, Ковна, II, № 4

трополитомъ и епископами, въ супрасльскій монастырь, гдѣ низложилъ настоятеля, архимандрита Тимоѳея Злобу, оказавшагося виновнымъ въ убійствѣ, а къ 6-му августа прибылъ въ Брестъ ([478]). Здѣсь на праздникъ Преображенія Господня торжественно совершилъ литургію, на которой посвятилъ епископа луцкаго и острожскаго, Кирилла Терлецкаго, въ санъ своего экзарха, и въ тотъ же день издалъ къ митрополиту, епископамъ и всему литовскому духовенству слѣдующую грамату: «объявляемъ вамъ, что, усматривая настоятельную потребность въ томъ, чтобы паства стада Христова умножалась, а лѣнивые пастыри были побуждаемы къ славословію Божію и навыкали доброму строенію церковному, и избравъ для сего мужа разумнаго, духовнаго и искуснаго, сына нашего смиренія, Кирилла Терлецкаго, епископа луцкаго и острожскаго, мы даемъ его вамъ отъ себя экзархомъ, что зовется по латини кардиналомъ, и благословили его соборне, какъ намѣстника нашего, совѣтываться съ вами во всемъ и церковный санъ украшать благолѣпно всякими добрыми правами, а небрегущихъ, и студныхъ, и безчинныхъ строителей вразумлять, подкрѣплять и, властію нашею, запрещать и низлагать невозбранно. Ваша любовь, всѣ вмѣстѣ, признавайте его за бо̀льшаго, честію, между вами, какъ насъ самихъ, считайте его уполномоченнымъ на устроеніе церковное, принимайте отъ него наставленія и мудрствуйте смиренно, имѣя попеченіе о церкви и ея чадахъ». Грамата эта подписана,

([478]) О посѣщеніи патріархомъ супрасльскаго монастыря—см. Вилен. Археогр. Сборн. IX, стр. 88; о низложеніи архимандрита Тимоѳея Злобы—А. З. Р. IV, стр. 208, и у *Зубрицк.* Лѣтоп. львов. братства, подъ 1600 годомъ. Въ 30-й день іюля 1589 г. Тимоѳей еще настоятельствовалъ въ супрасльскомъ монастырѣ (Вилен. Арх. Сборн. IX, № 32).

кромѣ патріарха, митрополитомъ кіевскимъ Михаиломъ и епископами: владимірскимъ—Мелетіемъ Хрептовичемъ, пинскимъ—Леонтіемъ Пельчицкимъ, холмскимъ—Діонисіемъ Збируйскимъ и львовскимъ—Гедеономъ Болобаномъ. Недоставало только двухъ владыкъ: полоцкаго—Аѳанасія Терлецкаго и перемышльскаго—Арсенія Брылинскаго, которые, вѣроятно, по старости и болѣзнямъ, не могли явиться къ патріарху и, какъ увидимъ, скоро потомъ скончались. Такимъ образомъ, если въ Вильнѣ патріархъ поставилъ митрополита и не могъ не поставить, какъ избраннаго королемъ, то въ Брестѣ поставилъ своего экзарха, избраннаго по своему личному усмотрѣнію, и облекъ его властію даже бо̀льшею, нежели митрополита. Это была новая должность въ западно-русской церкви, никогда прежде не существовавшая (доселѣ только по временамъ приходили къ намъ патріаршіе экзархи), и учрежденіемъ ея патріархъ открыто выразилъ свое недовѣріе къ митрополиту Михаилу: потому что какбы отнялъ у него высшую власть надъ его митрополіею и передалъ своему экзарху. Послѣднее, самымъ наглядным образомъ, подтвердилось въ тотъ же день: патріархъ далъ на имя Кирилла Терлецкаго ту самую грамату, которую въ Вильнѣ далъ-было на имя митрополита, и что̀ прежде поручалъ митрополиту, то теперь возложилъ на своего экзарха, именно чтобы онъ въ литовской митрополіи, какъ парафіи цареградскаго патріарха, не дозволялъ приходящимъ изъ странъ востока духовнымъ лицамъ литургисать и совершать какія либо другія церковныя дѣла, а противящихся отлучалъ, именемъ патріарха, отъ церкви и предавалъ анаѳемѣ. Въ граматѣ Кириллу, почти дословно сходной съ данною прежде на имя митропо-

лита, патріархъ прибавилъ слѣдующія замѣчательныя слова: «дозирая всякіе чины между духовными и свѣтскими въ парафіи нашей, мы обрѣли между ними великіе раздоры, заблужденія и несогласія» ([479]). На Кирилла, если только не предположить здѣсь со стороны его какихъ либо тайныхъ происковъ, могъ пасть выборъ патріарха потому, что Кириллъ казался болѣе другихъ способнымъ для такой высокой должности въ церкви: до поступленія на архіерейскую каѳедру онъ былъ протоіереемъ въ Пинскѣ, и слѣд. членомъ епархіальнаго крылоса—капитулы и могъ на практикѣ познакомиться съ законами духовнаго управленія и суда и пріобрѣсть опытность въ дѣлахъ церковныхъ, тогда какъ прочіе тогдашніе владыки взяты были на святительскія каѳедры прямо изъ свѣтскихъ людей или изъ монастырской кельи, какъ митрополитъ Рогоза. Во всякомъ случаѣ учрежденіе новой должности экзарха въ литовской митрополіи съ такою властію, оскорбительное для мѣстнаго митрополита, не могло обѣщать ничего добраго и для всей митрополіи: трудно понять поступокъ патріарха.

Изъ Бреста переѣхалъ патріархъ въ Замостье къ вельможному пану Займоскому, канцлеру Польши, у котораго гостилъ и прежде, когда ѣхалъ въ Москву. Сюда прибыли три епископа: владимірскій, луцкій и львовскій. Патріархъ подвергъ ихъ своему духовному суду и, какъ самъ выражается, «во всемъ по чину искусивши ихъ, отпустилъ съ миромъ, прощенныхъ и благословенныхъ». Но Гедеонъ львовскій остался при патріархѣ и началъ разсказывать ему разныя недостойные вещи про луцкаго владыку, Кирилла Терлецкаго, и подкладать для подписи патріарха листы противъ Кирилла, тогда какъ прежде; пока Кириллъ находился здѣсь лично, ничего не говорилъ на него, а обращался съ нимъ любезно и во всемъ побратски съ нимъ соглашался. Это возбудило въ патріархѣ подозрѣніе, онъ увидѣлъ въ Гедеонѣ клеветника, дѣйствующаго по зависти и злобѣ, и 14-го августа издалъ грамату на имя Кирилла, который, вѣроятно, провѣдавъ о козняхъ Гедеона, поспѣшилъ возвратиться въ Замостье, чтобы ихъ разстроить. Въ граматѣ патріархъ, сказавъ объ этихъ козняхъ, объявлялъ, что если онъ, по невѣдѣнію, подписалъ какіе либо листы противъ епископа луцкаго, обманутый Гедеономъ,—такъ какъ не зналъ языка русскаго и славянскаго,—то листы эти считать недѣйствительными и подложными; еслибы даже и на будущее время кто либо сталъ показывать листы его противъ тогоже епископа, то и всѣ тѣ листы считать неподлинными и недѣйствительными. Ибо онъ, патріархъ, «отпустилъ отъ себя отца Кирилла на луцкую епархію прощеннымъ и благословеннымъ до живота его», и еще, находя его мужемъ искуснымъ и во всѣхъ дѣйствіяхъ, по правиламъ св. отцевъ, скорымъ и свѣдущимъ, сдѣлалъ его «старѣйшиною» надъ всѣми епископами или экзархомъ, и далъ ему, какъ своему намѣстнику, власть исправлять всѣхъ епископовъ, надзирать за ними, а негодныхъ низвергать ([480]).

([479]) Архив. югозапад. Россіи, ч. I, т. I, № 60, стр. 254; А. З. Р. IV, № 20, п. 11.

([480]) А. З. Р. IV, № 21. Послѣ этого странными представляются разсказы автора «Перестроги» про епископа луцкаго Кирилла Терлецкаго, да и про самаго патріарха Іеремію и другихъ (А. З. Р. IV, № 149, стр. 206—208 и дал.). Въ Перестрогѣ, напримѣръ, говорится: а) будто патріархъ, еще во время своего проѣзда въ Москву черезъ Литву, низложилъ здѣсь митрополита Онисифора и поставилъ на его мѣсто Михаила Рогозу, — между тѣмъ

Нельзя не подивиться дѣйствіямъ патріарха, онъ на слово вѣритъ епископу Гедеону и подписываетъ нѣсколько граматъ противъ Кирилла Терлецкаго; вѣритъ потомъ на слово Кириллу, и издаетъ грамату въ пользу его и противъ Гедеона: чѣмъ объяснить такія дѣйствія? Въ тоже время Гедеонъ пытался повредить предъ патріархомъ и львовскому церковному

какъ это случилось уже по возвращеніи Іереміи изъ Москвы; б) будто, отъѣзжая въ Москву, Іеремія приказалъ, къ возвращенію его изъ Москвы, созвать въ Литвѣ соборъ, а Кириллъ Терлецкій и другіе епископы, опасаясь, чтобы и ихъ, за ихъ пороки, не постигла участь, какой подвергся Онисифоръ, упросили митрополита Рогозу не созывать собора, и соборъ не былъ созванъ,—между тѣмъ какъ возвратившагося изъ Москвы Іеремію встрѣтилъ въ Вильнѣ цѣлый соборъ духовенства; в) будто бы, прибывши изъ Москвы въ Литву, патріархъ остановился въ Замостьѣ и, недовольный на митрополита, не исполнившаго его приказанія, послалъ къ нему, чрезъ его же протонотарія Григорія, грамату, чтобы онъ непремѣнно созвалъ соборъ для суда надъ порочными епископами; но Кириллъ Терлецкій и епископъ львовскій Гедеонъ, черезъ своихъ верховыхъ, отняли у Григорія, на пути, патріаршую грамату и самаго избили почти до смерти,—между тѣмъ какъ патріархъ имѣлъ соборъ и въ Вильнѣ, гдѣ низложилъ Онисифора, и въ Брестѣ, гдѣ возвелъ въ санъ экзарха Кирилла Терлецкаго, и самъ непосредственно судилъ въ Замостьѣ трехъ епископовъ: владимірскаго, луцкаго и львовскаго, и отпустилъ ихъ отъ себя прощенныхъ и благословенныхъ; г) будто патріархъ, находясь уже въ Валахіи, прислалъ оттуда свою грамату владимірскому епископу Мелетію Хрептовичу, чтобы Кирилла Терлецкаго судили на соборѣ и осудили, но Кириллъ съумѣлъ похитить эту грамату у Мелетія,—между тѣмъ какъ еще въ Замостьѣ патріархъ далъ Кириллу свою грамату, которою призналъ его прощеннымъ и благословеннымъ до его живота. Вообще хотя безъименный авторъ «Перестроги» былъ современникомъ описываемыхъ имъ событій и писалъ около 1605 г.; но онъ, по простотѣ, внесъ въ свое сочиненіе, безъ разбора, все, что говорилось тогда между православными про Кирилла Терлецкаго и другихъ виновниковъ ненавистной уніи, особенно непохвальнаго и позорнаго для нихъ, и хотя въ «Перестрогѣ» есть, безспорно, извѣстія достовѣрныя, но они перемѣшаны съ извѣстіями искаженными и перепутанными народною молвою, и изложены безъ надлежащей хронологіи, какъ это обыкновенно бываетъ въ народныхъ разсказахъ. Къ сожалѣнію, эти извѣстія перешли потомъ, безъ повѣрки, и въ Густинскую лѣтопись, и въ Полинодію Захаріи Копыстенскаго, и въ Описаніе Кіево-соф. собора—митр. Евгенія, и въ нѣкоторыя другія сочиненія объ уніи.

братству, противъ котораго имѣлъ давнюю вражду. Патріархъ зналъ объ этой враждѣ еще въ Царьградѣ и даже, какъ мы упоминали, угрожалъ Гедеону отлученіемъ, если онъ не перестанетъ вредить братству. Но вражда не прекращалась. Добиваясь отнять у братства оба его монастыря, онуфріевскій и уневскій, Гедеонъ пригласилъ къ себѣ игумена Симеона, и уговорилъ его и находившагося при немъ монаха внести въ львовскія городскія книги запись, будто они отъ имени всей братіи передаютъ права на онуфріевскій монастырь епископу Гедеону. Но иноки и львовское братство, какъ только узнали объ этомъ, протестовали; братство не пустило Гедеона въ монастырь, а родственниковъ его, покушавшихся занять монастырь силою, отразило оружіемъ. Гедеонъ обратился съ жалобою къ патріарху, во время пребыванія его въ Замостьѣ, и успѣлъ выпросить у него грамату, которою старшіе братчики, Иванъ Красовскій, Юрій и Иванъ Косьмичи—Рогатины отлучались отъ церкви за то, что защищали онуфріевскій монастырь оружіемъ, а еще прежде сбросили съ церковной каѳедры священника, присланнаго мѣстнымъ епископомъ. Недолго, однакожъ, пришлось торжествовать Гедеону: братчики явились къ патріарху, объяснили ему, какъ все происходило, и онъ въ 26 день августа отмѣнилъ свое прежнее распоряженіе и обѣщался разсмотрѣть подробно спорное дѣло объ онуфріевскомъ монастырѣ ([481]).

Между тѣмъ прошло еще болѣе двухъ мѣсяцевъ: патріархъ собирался уже оставить литовскую митрополію, и къ

([481]) *Зубрицк.* Лѣтоп. львов. братства подъ 1589 годомъ.

нему съѣхались митрополитъ и пять епископовъ (вѣроятно, кромѣ полоцкаго и перемышльскаго, какъ было и въ Брестѣ), чтобы проститься съ нимъ и принять его благословеніе. Съ ними-то, находясь уже въ Тарнополѣ, патріархъ и разсмотрѣлъ дѣло объ онуфріевскомъ монастырѣ и вообще о пререканіяхъ между Гедеономъ и братствомъ, выслушавъ при этомъ, въ защиту братства, рѣчь на греческомъ языкѣ, которую говорилъ учитель братской школы Кириллъ. Соборъ рѣшилъ, что братство не должно подлежать власти львовскаго епископа, имѣетъ право управлять онуфріевскимъ монастыремъ, который издавна признается ставропигіальнымъ, и слѣд. независимымъ отъ мѣстнаго епископа, избирать для своей церкви священниковъ, равно какъ и удалять ихъ, исключать изъ среды своей неспокойныхъ членовъ, содержать школу и типографію и обязано вспомоществовать бѣднымъ ученикамъ своей школы. Рѣшеніе это подписано было патріархомъ, митрополитомъ и пятью епископами 13 ноября 1589 г. въ городѣ Каменецъ-Подольскѣ. Тогда же патріархъ пожаловалъ львовскому братству новую свою грамату, въ которой подтвердилъ всѣ предоставленныя ему права и уставъ и вновь оградилъ ихъ анаѳемою противъ всякихъ покушеній со стороны мѣстнаго епископа и другихъ лицъ, и кромѣ того опредѣлилъ, чтобы во Львовѣ, кромѣ братскаго училища, не открывалось никакой другой общественной школы для православныхъ дѣтей, и чтобы родители, если пожелаютъ имѣть для своихъ дѣтей особаго дидаскала, не допускали обучаться съ ними сторонних дѣтей, а приходскіе священники имѣли, каждый при своей церкви, только по одному или по два ученика

«для послуги» ([482]). Въ томъ же ноябрѣ мѣсяцѣ, хотя неизвѣстно, какого числа и въ какомъ мѣстѣ, Іеремія издалъ окружную грамату ко всему духовенству и мірянамъ западнорусской церкви. Въ граматѣ первосвятитель говорилъ, что въ числѣ другихъ уклоненій, какія замѣтилъ онъ въ литовской своей епархіи, находятся и три слѣдующія: первое — приношеніе пасхи въ церковь на праздникъ Воскресенія Христова; второе—приношеніе въ церковь, на второй день праздника Рождества Христова, хлѣбнаго печенія какбы въ честь болѣзней рожденія пресв. Богородицы,—что нечестиво и запрещено 79 правиломъ шестаго вселенскаго собора; третье—празднованіе нѣкоторыми пятницы и непразднованіе воскреснаго дня. Патріархъ училъ признавать пасхи, приносимыя въ церковь, за простой хлѣбъ, а не за святой, какъ думали нѣкоторые, и строго запрещалъ, подъ угрозою проклятія, дѣлать хлѣбное приношеніе будтобы въ честь Богоматери на второй день праздника Рождества Христова и праздновать пятницу вмѣсто воскреснаго дня ([483]). Этимъ, сколько доселѣ достовѣрно извѣстно, окончились дѣйствія и распоряженія патріарха Іереміи въ западно-русской церкви. Гадательно можно прибавить еще то, что патріархъ, когда находился въ Замостьѣ, или уже по выѣздѣ оттуда, пожаловалъ владимірскому епископу Мелетію Хрептовичу званіе протоѳронія (первопрестольника) между литовскими епископами, т. е. далъ ему право считаться между ними первымъ по каѳедрѣ послѣ митрополита,—то вожделѣнное право, изъ-

([482]) *Зубрицк.* тамъ же и подъ тѣмъ же годомъ; Собр. грам. минск. губерніи, № 139, стр. 305—307; Памятн., изд. Кіевск. Коммис., III, №№ 4. 5.

([483]) А. З. Р. IV, № 22, п. 1.

за котораго прежде неразъ поднимали споръ владимірскіе владыки съ полоцкимъ и всегда должны были уступать послѣднему. Теперь Мелетій, можетъ быть, пользуясь отсутствіемъ полоцкаго владыки Аѳанасія, котораго почему-то ниразу не видимъ при патріархѣ, выпросилъ себѣ это право и, хотя въ Брестѣ подъ граматою 6-го августа, еще не подписался протоѳроніемъ, но по отъѣздѣ патріарха уже подписывался этимъ именемъ, какъ потомъ подписывался и его преемникъ ([484]).

Весь слѣдующій (1590) годъ, по отъѣздѣ цареградскаго первосвятителя, митрополитъ кіевскій и подчиненные ему епископы дѣйствовали, по видимому, только по его предначинаніямъ и указаніямъ, для благоустроенія своихъ церковныхъ дѣлъ. Въ Львовѣ, кромѣ древняго братства при храмѣ успенія Пресв. Богородицы, которое патріархъ Іеремія призналъ своимъ ставропигіальнымъ, какъ и виленское-троицкое, образовались новыя небольшія братства при церквахъ никольской, ѳедоровской, богоявленской. Нѣкоторые изъ членовъ этихъ братствъ, соединившись съ епископомъ Гедеономъ, старались всячески вредить ставропигіальному, распространяли о немъ разныя клеветы, противодѣйствовали успѣхамъ проповѣди, раздававшейся въ его церкви, запрещали ходить въ его школу для «грамматическаго, діалектическаго и риторическаго ученія», и производили многія другія безчинства и смущенія въ православномъ народѣ. Желая оградить ставропигіальное братство и его школу отъ такихъ злыхъ людей, митрополитъ послалъ на нихъ свою неблагословенную грамату (отъ 13 іюля), которою

([484]) Архив. югозапад. Россіи, ч. I, т. I, № 60, стр. 255; A. З. P. IV, № 22, п. 11.

отлучалъ ихъ отъ общества вѣрующихъ и предавалъ клятвѣ, запрещалъ имъ ходить въ храмъ Божій, а равно отлучалъ и тѣхъ, кто захотѣлъ бы имѣть съ ними какое-либо общеніе, даже въ пищи и питіи, пока они не покаятся и не исправятся. Въ граматѣ митрополитъ указывалъ именно на то, что, своимъ противодѣйствіемъ братской школѣ, эти люди противились «узаконенію и заповѣди святѣйшаго вселенскаго патріарха киръ Іереміи, верховнаго нашего господаря и пастыря» ([485]).

Къ 20-му іюня съѣхались въ Брестъ митрополитъ и всѣ епископы, кромѣ полоцкаго и перемышльскаго, которые не явились, вѣроятно, потому же, почему не явились и къ патріарху. Здѣсь отцы собора, прежде всего, обратили вниманіе на плачевное состояніе своей церкви и говорили другъ другу: «на св. восточную церковь происходятъ частыя гоненія и великое преслѣдованіе, а на насъ чрезвычайныя и неслыханныя отягощенія отъ разныхъ чиновъ; въ духовенствѣ великія нестроенія и между нѣкоторыми нашими христіанами развратъ, несогласія, непослушанія, безчинства, — отъ чего во многихъ мѣстахъ оказывается уменьшеніе хвалы Божіей». Выразивъ за тѣмъ свое сожалѣніе о такомъ состояніи церкви и желаніе привести все въ стародавній добрый порядокъ, а также позаботиться «о школахъ, о наукахъ, о гошпиталяхъ и иныхъ добрыхъ справахъ», отцы постановили: а) впредь каждый годъ имѣть соборъ въ Брестѣ 24-го іюня; б) если кто изъ епископовъ не пріѣдетъ на соборъ, долженъ безпрекословно внести въ кружку пятьдесятъ копъ грошей литовскихъ на церковныя потребы; в) если станетъ оправдываться

([485]) A. З. P. IV, № 24.

болѣзнію, долженъ на слѣдующемъ соборѣ подтвердить присягою дѣйствительность своей болѣзни, прежде нежели займетъ свое мѣсто на соборѣ; г) если и потомъ не пріѣдетъ на соборъ и не захочетъ присягнуть, въ такомъ случаѣ безъ милосердія долженъ быть лишенъ своей каѳедры, развѣ только представитъ важную причину, почему не былъ на соборѣ; д) каждый владыка долженъ имѣть съ собою на соборѣ всѣхъ своихъ архимандритовъ, игуменовъ, протопоповъ и священниковъ, въ письмѣ Божіемъ наученыхъ; а если кто изъ нихъ не явится на соборъ, тотъ немедленно будетъ лишенъ своего сана. Кромѣ того, отцы собора—а) утвердили какое-то постановленіе, которое нѣкоторые изъ нихъ незадолго предъ тѣмъ подписали въ Бельзѣ, и которое, къ сожалѣнію, не дошло до насъ и осталось неизвѣстнымъ; б) обязались—не дозволять въ своихъ епархіяхъ простымъ людямъ держать монастыри и жить въ нихъ; не вмѣшиваться въ дѣла чужихъ епархій совершеніемъ въ нихъ и для нихъ какихъ либо церковныхъ требъ, и не поставлять у себя священниковъ распутныхъ, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, пени въ сто копъ грошей литовскихъ на церковныя нужды; в) наконецъ, опредѣлили, чтобы на слѣдующій соборъ, имѣющій быть въ 1591 г., каждый владыка привезъ съ собою всѣ привиллегіи и фундушевые листы на церковныя имѣнія и вольности, и чтобы тогда обсудить, гдѣ бы хранить эти привиллегіи и листы. Того-же 20-го іюня отцы собора подписали еще одно постановленіе, не представляющее, впрочемъ, почти ничего новаго. Оно касалось трехъ, уже извѣстныхъ намъ, уклоненій, противъ которыхъ патріархъ Іеремія издалъ свою грамату, именно: приношенія пасхи въ день Воскресенія Христова, приношенія хлѣбовъ на второй день по Рождествѣ Христовомъ и празднованія пятницы вмѣсто воскресенья. Отцы собора, ссылаясь на декретъ патріарха, съ своей стороны, строжайше запретили означенныя отступленія, а тѣхъ, которые продолжали бы упорно держаться ихъ, предали анаѳемѣ ([486]).

Продолжая свои засѣданія, соборъ постановилъ еще два судебныхъ рѣшенія. Первое—22-го іюня, по жалобѣ львовскаго ставропигіальнаго братства на епископа Гедеона за то, что онъ вновь сдѣлалъ нападеніе, чрезъ своихъ братьевъ, Адама и Ивана Болобановъ, на онуфріевскій монастырь, предавалъ братство въ церквахъ анаѳемѣ и проч. Соборъ, выслушавъ обѣ стороны, подтвердилъ опредѣленіе прежняго собора, бывшаго при патріархѣ Іереміи въ Тарнополѣ, что онуфріевскій монастырь долженъ принадлежать братству, а само братство должно быть свободно отъ власти львовскаго епископа. Кромѣ того соборъ опредѣлилъ, чтобы львовское братство могло распространяться по всей литовской митрополіи т. е. чтобы по образцу его вездѣ устроялись одинакія братства ([487]). Другое соборное рѣшеніе состоялось 28-го іюня, по жалобѣ епископа меглинскаго Ѳеофана на тогоже епископа Гедеона и его племянника, Григорія Болобана, которому онъ, съ дозволенія короля (отъ 23 іюля 1589), пере-

([486]) А. З. Р. IV, № 22, п. 11; № 25.

([487]) *Зубрицк.* Лѣтоп. львов. братства, подъ 1590 годомъ; Памятник., изд. Кіев. Коммис. III, №№ 6. 7; Собран. грам. Минск. губ. № 139, стр. 300. Здѣсь сказано: «доспѣвшу священному собору во великомъ градѣ Берестейскомъ, року тысеча пятсот деветдесятого мѣсяца іюня, преосвященный архіепископъ митрополитъ кіевскій и галицкій и всея Россіи и всѣ освещенные и честные епископы, привилейнымъ писаніемъ своимъ, соборно утвердиша и во всей епархіи быти брацтву сему повелѣша, зоставуючи кождое слово взуполной моцы, да вездѣ единакіе брацтва будутъ».

далъ въ управленіе жидичинскій монастырь. Ѳеофанъ говорилъ, что когда онъ ѣхалъ изъ Волыни, съ листами патріарха Іереміи, въ Кіевъ къ печерскому архимандриту Мелетію Хрептовичу, епископу владимірскому, и на пути остановился переночевать въ городѣ Чернеховѣ, то Григорій Болобанъ, по приказанію дяди своего епископа Гедеона, внезапно напалъ на него-Ѳеофана, избилъ его и ограбилъ на тысячу золотыхъ червонныхъ, а потомъ повлекъ еще избитаго и израненнаго къ мѣстному судьѣ, чтобы посадить въ темницу за то, будтобы онъ-Ѳеофанъ спалилъ гумно въ жидичинскомъ монастырѣ. Гедеонъ отвѣчалъ: «все то племянникъ мой дѣлалъ безъ моего вѣдома и приказанія». Но когда соборъ потребовалъ, чтобы Гедеонъ подтвердилъ свои слова присягою, онъ не захотѣлъ присягнуть, а заключилъ съ Ѳеофаномъ, при посредствѣ самихъ же епископовъ и другихъ знатныхъ лицъ, мировую, заплативъ ему полтораста золотыхъ червонныхъ. Соборъ согласился на это и, по просьбѣ Ѳеофана, выдалъ ему о томъ свою грамату за подписомъ всѣхъ членовъ ([488]).

Между тѣмъ, какъ Гедеонъ продолжалъ упорную борьбу съ львовскимъ братствомъ, усиливаясь подчинить его своей епархіальной власти и увеличить свои владѣнія отнятіемъ у него онуфріевскаго монастыря, и другіе владыки не переставали хлопотать о своихъ правахъ, имущественныхъ и іерархическихъ. Луцкій владыка Кириллъ Терлецкій еще въ прошломъ году, какъ только издана была королевская грамата (22 марта) о неприкосновенности церковныхъ имѣній православнаго духовенства и о невмѣшательствѣ въ управленіе ими свѣтскихъ сановниковъ, поспѣшилъ, чрезъ своего уполномоченнаго, записать ее (23 апр.) въ луцкія городскія замковыя книги. Не довольствуясь этимъ, онъ настоялъ теперь (19 генв. 1590), чрезъ своего уполномоченнаго, чтобы таже грамата внесена была и въ земскія луцкія книги. Тотъ же епископъ обратился къ князю К. К. Острожскому, имѣвшему многія владѣнія въ луцкой епархіи, и жаловался ему на его намѣстниковъ и старостъ, что они, иные будучи сами римской вѣры, притѣсняютъ православныхъ священниковъ грабятъ, бьютъ, сажаютъ въ темницы, къ униженію православной церкви, требуютъ къ себѣ на судъ, отрываютъ отъ богослуженія, а низверженныхъ пресвитеровъ принимаютъ и даютъ имъ церкви. И князь Константинъ далъ приказъ (16 іюня) всѣмъ своимъ намѣстникамъ и старостамъ навсегда, чтобы они не касались священниковъ, не судили ихъ и не рядили, и вообще не вмѣшивались въ дѣла, подлежащія луцкому и острожскому владыкѣ. Вскорѣ за тѣмъ Кириллъ, вмѣстѣ съ своимъ капитуломъ или крылошанами, принесъ жалобу (4 окт.) на королевскаго секретаря, Мартына Броневскаго, что онъ, съ своими слугами и другими вооруженными людьми, сдѣлалъ наѣздъ на имѣніе луцкой каѳедры Фалимичи, разграбилъ его, прогналъ изъ него урядниковъ владыки и началъ самъ владѣть Фалимичами, какъ своею собственностію. Дядя Кирилла, архіепископъ полоцкій Аѳанасій Терлецкій два раза начиналъ тяжбу съ могилевскими гражданами изъ-за спасскаго могилевскаго монастыря, на который имѣлъ королевскую грамату. Но въ первый разъ, какъ только граждане заявили ему свою грамату, данную имъ королемъ

([488]) Архив. югозапад. Россіи, ч. I, т. I, № 65.

еще прежде на тотъ же монастырь, Аѳанасій безпрекословно уступилъ имъ монастырь во владѣніе и даже выдалъ имъ запись (25 марта 1590), что если онъ впредь начнетъ претензіи на монастырь, то обязанъ будетъ заплатить пятьсотъ копъ грошей королю и столько же могилевскимъ гражданамъ. А спустя полтора мѣсяца (10 мая) вновь позвалъ, чрезъ своего уполномоченнаго, бурмистровъ и радцевъ города Могилева на королевскій судъ изъ-за тогоже монастыря. Но и королевскій судъ, принявъ во вниманіе, что жителямъ Могилева дана была грамата на спасскій монастырь прежде, нежели владыкѣ, присудилъ управленіе монастыремъ могилевской радѣ ([489]).

Въ одной изъ граматъ, какія издали литовскіе іерархи на брестскомъ соборѣ 1590-го года, они засвидѣтельствовали, что на этомъ соборѣ присутствовали также «многіе знатные свѣтскіе чины» и, во главѣ ихъ, «панъ Адамъ Потѣй, каштелянъ брестскій»,—тотъ самый Потѣй. который еще въ 1588 г., какъ мы видѣли, обнаружилъ необыкновенную ревность объ уніи ([490]). Трудно допустить, чтобы онъ, находясь теперь въ такихъ близкихъ сношеніяхъ съ своими владыками, не входилъ, по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторыми изъ нихъ въ собесѣдованія и переговоры объ излюбленномъ предметѣ. Но если и происходили тогда у нѣкоторыхъ владыкъ съ Потѣемъ подобныя совѣщанія, то происходили тайно, и остались для насъ тайною. Единственный голосъ объ уніи, какой раздался во всеуслышаніе въ Литвѣ, впродолженіе 1590 года, былъ

([489]) Архив. югозапад. Россіи, ч. I, т. I, №№ 58. 61. 64. 67; A. 3. P. IV, № 23.

([490]) A. 3. P. IV, № 22, п. 11, стр. 31.

голосъ іезуита Скарги. Онъ, во второй разъ, напечаталъ свое сочиненіе о единствѣ церкви, и посвятилъ книгу уже не князю Острожскому, а самому королю Сигизмунду III. Въ посвященіи почтенный патеръ говорилъ, что книга эта многимъ принесла пользу, и что многіе другіе не перестаютъ спрашивать о ней и обращаются къ нему съ просьбою издать ее вновь, — почему онъ и выпускаетъ ее на ловитву человѣческихъ душъ. Потомъ просилъ короля, именемъ любви его къ своимъ подданнымъ и ревности о славѣ Божіей, всѣми мѣрами стараться въ своемъ государствѣ о соединеніи еретиковъ (протестантовъ) и схизматиковъ (православныхъ) съ римскою церковію: ибо «это его долгъ, какъ короля христіанскаго, чтобы, заботясь о единствѣ Рѣчи посполитой, онъ помогалъ и единству церковному, безъ котораго не только никто не можетъ спастись, но не можетъ долго существовать и единство Рѣчи посполитой». Еретиковъ, продолжалъ іезуитъ, остается уже мало, и ихъ еще бы убыло, еслибы верховная власть въ государствѣ могла пользоваться противъ нихъ своими старинными правами. Гораздо труднѣе обращать схизматиковъ—русскихъ, которые обыкновенно ссылаются на своихъ отцевъ и предковъ и на древность своего исповѣданія. Но не невозможно обращеніе и ихъ, такъ какъ. по примѣру грековъ, *многіе и русскіе нынѣ обращаются:* было бы только побольше ревности со стороны польскаго духовенства и содѣйствія отъ свѣтской власти. Въ самой книгѣ Скарга помѣстилъ особую главу о томъ, кто наиболѣе долженъ стараться объ уніи, и объяснялъ, что это долгъ, прежде всего, католическаго духовенства въ Литвѣ и Польшѣ, потомъ—короля и католическихъ пановъ, наконецъ—и пановъ

русскаго закона, преимущественно же митрополита и владыкъ, которые могли бы, съ дозволенія короля, составить для того свой сеймикъ и пригласить ученыхъ католиковъ (ч. III, гл. 8). Голосъ Скарги не остался безъ отвѣта: въ слѣдующемъ году на него отозвались нѣкоторые и изъ русскихъ владыкъ, хотя не вдругъ, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ началѣ 1591 года Рогоза посѣтилъ свою галицкую митрополію,—чего, сколько извѣстно, доселѣ ни разу не дѣлали кіевскіе митрополиты,—и къ 17-му генваря прибылъ во Львовъ. Здѣсь, въ числѣ множества православныхъ, встрѣтила его и братская школа, и привѣтствовала довольно обширнымъ стихотвореніемъ, въ которомъ выражала свою радость при видѣ архипастыря, свои мольбы къ нему, свои на него надежды. Одни стихи, частію были пѣты ликами или хорами учениковъ, частію произнесены отдѣльными отроками въ церкви, въ присутствіи всего народа; другіе же произнесены на другой день въ самой школѣ, при посѣщеніи ея митрополитомъ ([491]). Находясь во Львовѣ, Рогоза, прежде всего (17 генв.), приказалъ напечатать въ братской типографіи опредѣленіе брестскаго собора 1590 г. касательно трехъ извѣстныхъ отступленій и разослать по всей львовской епархіи, къ непремѣнному руководству: распоряженіе, конечно, вызвано было тѣмъ, что самъ епископъ Гедеонъ, хотя подписалъ на соборѣ это опредѣленіе, но не хотѣлъ держаться его относительно приношенія и освященія пасхи и находилъ себѣ послѣдователей въ епархіи. Потомъ митрополитъ, какъ епархіальный архіерей, освятилъ для ставропигіальнаго братства

([491]) Этотъ привѣтъ митрополиту Михаилу Рогозѣ вскорѣ за тѣмъ былъ напечатанъ въ львовской братской друкарнѣ 1-го февраля 1591 г., а недавно перепечатанъ въ Кіевскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ за 1874 г., №№ 5 и 6.

небольшую церковь, во имя трехъ святителей, устроенную въ колокольнѣ,—такъ какъ успенская церковь братства еще въ 1586 г. сгорѣла,—и благословилъ вновь строить эту церковь; 23-го генваря совершилъ литургію въ онуфріевскомъ монастырѣ и разсмотрѣлъ привиллегіи братства на этотъ монастырь; 24-го издалъ грамату, которою благословлялъ дидаскаловъ школы, Стефана и Кирилла, и способныхъ студеевъ (студентовъ) проповѣдывать не только въ братской церкви, но и въ другихъ, съ дозволенія мѣстныхъ настоятелей, а 25-го публично судилъ въ церкви своего викарія, епископа Гедеона, по жалобамъ на него братства, и, признавъ Гедеона виновнымъ, запретилъ ему угнетать братство подъ страхомъ лишенія сана,—что̀ подтвердилъ потомъ и вселенскій патріархъ граматою отъ 4-го марта ([492]).

Несмотря, однакожъ, на такое отношеніе къ Гедеону, митрополитъ, еще находясь въ Галиціи, поручилъ ему обозрѣть сосѣднюю перемышльскую епархію, въ которой скончался тогда епископъ Арсеній Брылинскій. Гедеонъ нашелъ эту епархію въ крайнемъ разстройствѣ. Священники не покорялись своему епископу, не ѣздили къ нему на соборы, не брали у него св. мура для таинства, совершали всякаго рода беззаконные браки и вѣнчали мущинъ на похищенныхъ ими дѣвицахъ, беззаконно расторгали браки, а что̀ всего хуже—сами, по смерти своихъ женъ, держали у себя наложницъ и нѣкоторые, будучи второженцами, священствовали. Вслѣдствіе чего и въ народѣ господствовала полная распущенность; иные мало знали о Богѣ, не умѣли ни вѣровать,

([492]) А. З. Р. IV, № 22, п. 11, стр. 31; № 27; Памятн., изд. Кіев. Коммис., III, № 8; *Зубрицк.* Лѣтоп. львов. братства, подъ 1591 годомъ.

ни молиться, и больше обращались къ волхвамъ и чародѣямъ нежели къ Богу. Гедеонъ издалъ грамату (12 марта), въ которой, изложивъ всѣ эти недостатки, замѣченные имъ въ перемышльской епархіи, убѣждалъ духовенство исправиться, угрожалъ ему неблагословеніемъ и клятвою отъ митрополита, которому обязанъ былъ донесть обо всемъ, а тѣхъ священниковъ, которые не перестанутъ жить беззаконно и безстудно, поручалъ намѣстнику перемышльскаго владыки отлучать отъ всякаго священнослуженія, и въ концѣ граматы присовокупилъ: «что же касается до листовъ, напечатанныхъ и разосланныхъ изъ Львова, чтобы на Воскресеніе Христово брашенъ въ церковь не приносить и не освящать, то пусть тѣ листы не соблазняютъ васъ и всѣхъ православныхъ людей, хотя и подписаны епископами; но пусть будутъ, по стародавнему христіанскому обычаю, приносы въ церковь и освященіе брашенъ на Воскресеніе Христово, съ несомнѣнною вѣрою и доброю совѣстію; лишь бы только не волхвовали надъ тѣми освященными брашнами и не творили чаръ, а, удѣливши часть освященнаго брашна нищимъ, все остальное разомъ потребляли» (493). Такимъ образомъ, исполняя одно распоряженіе митрополита, Гедеонъ въ тоже время открыто шелъ противъ другаго его распоряженія, и не только не хотѣлъ самъ, но и училъ другихъ, и притомъ въ чужой епархіи, не покоряться опредѣленію собора и патріарха.

По смерти Арсенія Брылинскаго, епископа перемышльскаго, мѣстныя власти желали видѣть на своей архіерейской каѳедрѣ его племянника, человѣка еще молодаго и женатаго, и, можетъ быть, встрѣтивъ или опасаясь встрѣтить несогласіе

(493) А. З. Р. IV, № 29.

на то со стороны митрополита, обратились съ просьбою къ самому патріарху. И патріархъ Іеремія писалъ Рогозѣ: «архонты Перемышля своимъ прошеніемъ убѣждаютъ насъ дать твоей святынѣ позволеніе, чтобы ты рукоположилъ племянника покойнаго перемышльскаго владыки; но какъ онъ воинъ, и молодъ, и имѣетъ жену, и потому оказывается недостойнымъ архіерейскаго сана, то да не дерзнешь хиротонисать его во епископа, подъ опасеніемъ запрещенія и отлученія, неразрѣшимаго и вѣчнаго. Да и никого другаго, подобнаго ему, не рукополагай... Повелѣваю твоему преосвященству поступать, какъ должно, и отнюдь не посвящать въ архіерейство неразсудно мірскихъ сановниковъ, или другихъ, имѣющихъ женъ, но посвящать іеромонаховъ, игуменовъ, архимандритовъ: да будетъ такъ, а не иначе». Ни имени, ни фамиліи лица, о которомъ ходатайствовали предъ патріархомъ изъ Перемышля, мы не знаемъ; но знаемъ, что на мѣсто Арсенія Брылинскаго во епископа перемышльскаго былъ поставленъ (прежде 30 авг.), Михаилъ Копыстенскій, тоже человѣкъ женатый: не онъ ли и былъ племянникомъ Арсенія? Во всякомъ случаѣ, значитъ, митрополитъ не исполнилъ приказанія патріарха (494). И выходитъ: епископы не слушались митрополита, а митрополитъ не слушался патріарха,

(494) А. З. Р. IV, № 33, стр. 43 и примѣч. 28. Перемышльскій епископъ Арсеній Брылинскій скончался прежде 12-го марта 1591 г. (А. З. Р. IV, № 29). Между тѣмъ 30-го августа тогоже года какой-то перемышльскій епископъ далъ письменное разрѣшеніе братству города Гродка принять уставъ братства львовскаго (*Зубрицк.* Лѣтопис. львов. братства, подъ 1591 г.). Это могъ быть не кто другой, какъ преемникъ Арсенія Михаилъ Копыстенскій. Королевская же грамата на перемышльское епископство дана Михаилу Копыстенскому еще 20 іюня 1591 года. Она хранится въ архивѣ перемышльскаго уніатскаго собора (Матеріалы для исторіи западно-русской церкви, въ Труд. Кіев. дух. Акад., 1878, мартъ, прилож., стр. 30).

и всякія угрозы запрещеніемъ, низложеніемъ, отлученіемъ отъ церкви потеряли силу.

Другую грамату къ Михаилу Рогозѣ патріархъ прислалъ (17 мая 1591) отъ имени своего патріаршаго синода. Въ граматѣ прежде всего рѣшались четыре вопроса, которые, какъ можно догадываться, предложены были письменно нашимъ митрополитомъ. Первый вопросъ: въ какое время за литургіей должно учить народъ въ церкви; второй: въ какомъ мѣстѣ совершать крещеніе; третій: подъ какими условіями совершать бракъ православныхъ съ армянками, и четвертый: каковъ долженъ быть учитель церкви и проповѣдникъ? Патріархъ съ своимъ синодомъ отвѣчалъ, что учить народъ за литургіей можно по прочтеніи Апостола и послѣ херувимской пѣсни; совершать крещеніе, какъ и всѣ таинства, должно въ церкви или молитвенномъ домѣ; армянки предъ вступленіемъ въ бракъ съ православными должны не только отречься отъ армянской ереси, но и принять православное крещеніе, а учитель народа и проповѣдникъ долженъ быть самъ чистой и непорочной жизни. За тѣмъ патріархъ продолжалъ: «слышно, что нѣкоторые у васъ порицаютъ «новодрукованную граматику» (изданную львовскимъ братствомъ); да не возбраняется ни отъ кого это общеполезное дѣло, подъ страхомъ запрещенія и отлученія. Слышно также, что у васъ, по окончаніи литургіи не раздается антидоръ и не прикладываются къ св. иконамъ: отселѣ да творится и у васъ, какъ у насъ, и вѣрующіе, пріемля антидоръ, да лобызаютъ св. иконы. А игуменъ ставропигіальнаго монастыря, настоятель братской церкви и начальникъ училища да будутъ подъ властію митрополита кіевскаго, а не львовскаго епископа..... Считаю нужнымъ напомнить и о томъ, чтобы во епископы отнюдь не хиротонисать священника, имѣющаго жену, но только вдовствующаго и бывшаго мужемъ одной жены. Тотъ, кто пріемлетъ епископію, какъ нѣкоторую мзду за свою воинскую службу, далекъ отъ церковныхъ законовъ; рѣшающіеся принять епископскій санъ должны прежде постричься въ монашество и облечься въ монашескую одежду, и въ такомъ видѣ приводить ихъ къ рукоположенію» ([495]).

Львовское ставропигіальное братство, въ силу опредѣленія брестскаго собора, прошлаго года, начало распространяться и за предѣлы Львова. Въ городѣ Гологорскѣ той-же епархіи составилось братство при церкви св. великомученика Димитрія, и священникъ этой церкви Василій принялъ уставъ братства львовскаго, за что̀ и подвергся (16 апрѣля) проклятію отъ епископа Гедеона, обвинявшаго его въ томъ, будто онъ производилъ смущеніе и соблазны въ людяхъ, возбраняя имъ приносить въ церковь пасхи для освященія. А 30-го августа, по образцу львовскаго, образовалось братство въ городѣ Гродкѣ перемышльской епархіи, и приняло уставъ львовскаго братства, съ письменнаго разрѣшенія самаго своего епископа. Но самое замѣчательное братство возникло тогда, по образцу львовскаго, въ городѣ Брестѣ владимірской епархіи. Епископъ владимірскій и брестскій Мелетій Хрептовичь, архимандритъ кіево-печерскій, далъ гражданамъ Бреста свой листъ, которымъ дозволялъ имъ построить при соборной николаевской церкви «вольную городскую русскую школу», чтобы въ ней могли обучаться дѣти не только жителей города, но и всѣхъ, кто только пожелаетъ, и предоставилъ этимъ гражданамъ

([495]) А. Ю. и З. Р. II, № 159.

быть «опекунами и дозорцами» соборной церкви и всѣхъ ея имѣній, и оберегать ее отъ всякихъ неправдъ и притѣсненій. Граждане дѣйствительно соорудили домъ для школы противъ своего городскаго собора, и тогда просили короля, чтобы онъ утвердилъ листъ, данный имъ епископомъ Мелетіемъ, освободилъ ихъ училищный домъ отъ всякихъ господарскихъ и городскихъ повинностей и дозволилъ имъ учредить при соборной церкви духовное братство по образцу львовскаго. Король своею граматою (28 ген.) исполнилъ всѣ эти просьбы. И новое братство снеслось съ львовскимъ и получило отъ него для себя его уставъ ([496]).

Еще въ прошломъ году, на брестскомъ соборѣ, православные владыки жаловались другъ другу на чрезвычайныя отягощенія и притѣсненія, какія испытывали они отъ разныхъ чиновъ,—и вотъ, въ настоящемъ году, притѣсненія эти не только не уменьшились, а кажется, даже усилились. Болѣе всѣхъ пришлось потерпѣть старѣйшинѣ владыкъ или экзарху, епископу луцкому Кириллу Терлецкому. По окончаніи прошлогодняго собора, Кириллъ, подвергшись болѣзни, отправился въ Сандоміръ для излеченія, спрятавъ все свое имущество, находившееся въ острожскомъ епископскомъ домѣ, въ его кладовыхъ. Чрезъ нѣсколько времени войскій луцкій Жданъ Боровицкій распустилъ слухъ о смерти Кирилла, а самъ завладѣлъ епископскимъ дворомъ въ Острогѣ, сорвалъ печати съ кладовыхъ, отбилъ замки у дверей и у сундуковъ, и позабралъ деньги, серебрянные сосуды, оружіе и богатыя одежды. Все это освидѣтельствовано потомъ (въ маѣ 1591),

([496]). *Зубрицк.* Начало уніи, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1848, VII, отд. III, стр. 30—31; Лѣтоп. львов. братства, подъ 1591 годомъ; А. З. Р. IV, № 28; Собр. грам. минск. губ., № 139.

по требованію Кирилла, вознымъ. Кириллъ принесъ жалобу князю К. К. Острожскому, который былъ очень къ нему расположенъ; но Боровицкій, не менѣе пользовавшійся благоволеніемъ князя, удостовѣрилъ его, что Кириллъ вымышляетъ, и кромѣ того поразсказалъ князю о весьма важныхъ преступленіяхъ луцкаго владыки. Князь пригласилъ Кирилла къ себѣ, и здѣсь свидѣтели прямо въ глаза ему перечислили эти его преступленія. Кириллъ на все отвѣчалъ только, что это басни и подготовлено его соперникомъ; но съ того времени уже лишился расположенности князя Острожскаго ([497]). Новый врагъ Кириллу явился въ лицѣ луцкаго старосты Александра Семашки, который происходилъ отъ древняго русскаго православнаго рода, но недавно совратился въ латинство. Этотъ Семашка, въ отсутствіе Кирилла изъ Луцка, поставилъ у воротъ луцкаго замка, въ которомъ находились православная соборная церковь и архіерейскій домъ, своего привратника съ гайдуками и приказалъ имъ брать по грошу и по два со всѣхъ православныхъ, духовныхъ и мірянъ, идущихъ въ церковь, а иначе никого не пропускать. Когда, 11-го апрѣля, возвратился епископъ, то гайдуки пропустили въ замко-

([497]) Архив. югозапад. Россіи, ч. I, т. I, № 76; А. З. Р. IV, № 149. Здѣсь говорится: «уловилъ его (Кирилла) діаволъ сребролюбіемъ, невоздержаніемъ, чужеложствомъ, убійствомъ и иными, симъ подобными, выступками, о которыхъ его выступкахъ мало не весь свѣтъ вѣдалъ». А когда узналъ объ нихъ и князь Острожскій, и пригласилъ къ себѣ Кирилла, тогда «свѣдки стали у очію его, и признали о двоженствѣ его, о забитью Филиппа маляра, о мѣшканью въ чужеложствѣ зъ братовою роженою, о кованью фальшивыхъ червонныхъ золотыхъ и проч.» (—стр. 207. 210). Нельзя, конечно, вѣрить всѣмъ этимъ обвиненіямъ, какія взводили на Кирилла Терлецкаго враги его, хотя, быть можетъ, не безъ основаній; но, судя и по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ о дѣйствіяхъ Кирилла, которыя мы уже видѣли и еще увидимъ, онъ былъ человѣкъ очень и очень не высокой нравственности.

выя ворота только его одного съ мальчикомъ, а всѣхъ прочихъ слугъ и всего имущества его не пропустили, отъ чего оно, находясь подъ дождемъ цѣлую ночь, частію перепортилось, частію же было расхищено. Въ Страстную Субботу и Свѣтлое Воскресеніе, 20 и 21 апрѣля, въ соборной церкви вовсе не было богослуженія: потому что некому было служить. Все духовенство Луцка, въ эти дни, толпилось у воротъ замка, но никто изъ духовныхъ не былъ пропущенъ ни въ церковь, ни къ епископу. Самъ епископъ въ оба дни сидѣлъ въ заключеніи, не ѣлъ и не пилъ, иззябъ отъ холода и отощалъ: потому что къ нему не пропускали ни съѣстныхъ припасовъ, ни слугъ, а иныхъ даже вытолкали изъ замка. Между тѣмъ Семашка, потѣшаясь надъ епископомъ, въ оба дни приходилъ въ его соборную церковь и въ притворѣ ея заводилъ танцы и другія игры съ музыкою, приказывалъ своимъ гайдукамъ стрѣлять изъ своей комнаты въ золоченный крестъ и куполъ собора, потомъ и въ церковныя стѣны, и гайдуки отбили отъ креста двѣ цѣпи, повредили куполъ и, на стѣнѣ церковной, образъ св. Іоанна богослова, во имя котораго былъ освященъ соборъ. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, когда владыка Кириллъ, желая поправить свою соборную церковь, нанялъ уже мастеровыхъ и велѣлъ доставлять къ собору строительные матеріалы, Семашка не пропустилъ въ замокъ возовъ съ деревомъ и забралъ дерево себѣ. Въ началѣ іюня онъ потребовалъ епископа къ себѣ на судъ, обвиняя его въ томъ, будто онъ и его слуги, 1-го іюня, вошли въ замокъ со множествомъ военнаго оружія, вопреки закона, потомъ не выдали этого оружія присланнымъ отъ старосты лицамъ и не заплатили штрафа. Кириллъ оправдывался предъ судомъ, представлялъ свидѣтелей, что ничего

этого не было; но староста не хотѣлъ слушать оправданій, продолжалъ настаивать на уплатѣ штрафа и не принялъ отъ епископа апелляціи въ трибунальскій судъ. Чрезъ нѣсколько дней Семашка вновь потребовалъ епископа на судъ, принявъ жалобу на него отъ священника Соколовскаго, котораго владыка, за порочную жизнь, лишилъ мѣста. Напрасно уполномоченный Кирилла, въ его присутствіи, доказывалъ на судѣ, что это дѣло свѣтскому суду не подлежитъ и представилъ на то королевскую грамату. Семашка бросилъ грамату на столъ и велѣлъ дѣло продолжать, и когда уполномоченный владыки сталъ говорить о порочности священника, то староста замѣтилъ, что и попъ немало знаетъ про самаго луцкаго владыку; затѣмъ, черезъ столъ, шепнулъ адвокату Соколовскаго: «скажи: попъ знаетъ, что ко владыкѣ приводили развратную женщину». Когда уполномоченный владыки началъ протестовать, Семашка, называя его презрѣннымъ псомъ Русиномъ, велѣлъ взять его своимъ гайдукамъ, которые и избили его въ присутствіи владыки. Всѣ эти возмутительныя дѣйствія Семашки противъ епископа Кирилла были тогда же засвидѣтельствованы возными. Тотъ же Семашка сдѣлалъ нападеніе и на владѣніе львовскаго епископа Гедеона Болобана—жидичинскій монастырь. Во время происходившей при монастырѣ ярмарки сюда прибылъ, по приказанію Семашки, луцкій подстароста съ отрядомъ вооруженныхъ людей, и 19-го мая насильно вторгнулся въ жидичинскій монастырь и, поселившись въ немъ, разсылалъ по ярмаркѣ своихъ слугъ и гайдуковъ собирать, отъ имени луцкаго старосты и въ его пользу, мыто и всѣ прочіе доходы, какіе до того времени собирались на мона-

стырь, приблизительно на тысячу польскихъ злотыхъ ([498]). Земяне князя Албрехта Николаевича Радивила, литовскаго маршалка, два раза нападали (5 окт. и 11 ноября) на церковное имѣніе Радиловичи, принадлежавшее пинскому и туровскому владыкѣ Леонтію Пельчицкому, и каждый разъ разгоняли изъ того села всѣхъ жителей, угоняли ихъ скотъ и разграбляли все ихъ имущество. А когда епископъ принесъ на это жалобу и въ назначенное время лично явился на судъ въ городецкій замокъ Радивила, то намѣстникъ князя, безъ всякой причины, не захотѣлъ производить судъ въ назначенный день, а отложилъ до слѣдующаго дня, такъ что епископъ, высказавъ протестъ, отъѣхалъ ни съ чѣмъ. Даже старецъ Онисифоръ, прежній митрополитъ, неперестававшій, и по оставленіи каѳедры, держать лаврашевскій монастырь, видя постоянныя нападенія сторонніхъ лицъ на имѣнія этого монастыря и не находя возможности оборонять ихъ, при своей дряхлости и слабости, принужденъ былъ совсѣмъ отказаться отъ управленія монастыремъ и передать его на волю короля, который тотчасъ же и пожаловалъ (28 авг.) лаврашевскій монастырь, въ пожизненное управленіе, свѣтскому лицу Михаилу Брольницкому ([499]). Было бы, безъ сомнѣнія, несправедливо считать всѣ эти и подобныя нападенія на православныхъ владыкъ за прямыя притѣсненія православной церкви и объяснять только непріязнію нападавшихъ къ православію: такія нападенія были тогда между своевольными панами очень обыкновенны; имъ подвергались не одни духовные, но и свѣтскія лица, безъ различія вѣръ; да и нѣко-

([498]) Архив. югозапад. Россіи, ч. I, т. I, №№ 69—75.
([499]) Вилен. Археогр. Сборн. VI, № 40; А. Ю. и З. Р. I, № 200.

торые изъ православныхъ владыкъ, какъ мы видѣли, не разъ сами нападали, вооруженною силою, на чужія имѣнія и монастыри. Но въ тѣхъ возмутительныхъ дѣйствіяхъ, какія позволялъ себѣ луцкій староста Семашка, противъ Кирилла Терлецкаго, нельзя не видѣть болѣе одной личной ненависти къ нему: тутъ видна ненависть къ Кириллу, какъ именно къ православному епископу, ненависть вообще къ православному духовенству и мірянамъ, ненависть къ православному богослуженію, вѣрѣ и церкви; тутъ видно намѣреніе раздражить Кирилла до послѣдней степени и вывести изъ терпѣнія. Невольно возникаетъ мысль, не дѣйствовалъ ли луцкій староста по настроенію отъ другихъ, а не отъ себя только, и не хотѣлъ ли этими вопіющими притѣсненіями вынудить Кирилла къ измѣнѣ православію для уніи. Латинскимъ бискупомъ въ Луцкѣ былъ тогда Бернардъ Маціевскій, тотъ самый, который еще въ 1588 г., при проѣздѣ патріарха Іереміи черезъ Литву, такъ ревностно хлопоталъ объ уніи, вмѣстѣ съ Адамомъ Потѣемъ, и котораго впослѣдствіи самъ папа призналъ однимъ изъ главнѣйшихъ виновниковъ совершившейся уніи ([500]). Очень естественно, если этотъ ревни-

([500]) Въ своемъ посланіи къ бискупу Бернарду Маціевскому отъ 7 февр. 1596 г., по принятіи Потѣемъ и Терлецкимъ уніи въ Римѣ, папа Климентъ VIII писалъ: Quanta portio ad fraternitatem tuam pertineat huius gaudii, quo nunc in Domino fruimur, de ruthenorum episcoporum ad romanam catholicam ecclesiam conversione, plane scimus, et pietatem tuam saepe nobis perspectam hoc etiam nomine valde in Domino commendamus, reddet tibi copiosam mercedem iustus iudex in die tribunationis, qui tantopere optasti et pro tua virili laborasti, ut divulsa membra suo capiti iterum unirentur. И далѣе, поручая Бернарду присутствовать на соборѣ по этому дѣлу, который долженъ составиться въ Литвѣ, выразился: quae agenda diximus, accuratius et diligentius fient, te praesertim adiutore, qui hanc salutarem causam peculari zelo complexus es (*Theiner*, Vetera monum. Polon. et Lith. III, № 188, pag. 257).

тель уніи, съ своимъ тайнымъ совѣтникомъ Потѣемъ, прежде всего устремилъ свою ревность на епископа Кирилла, частію уже потому, что онъ жилъ въ томъ же городѣ Луцкѣ, а еще болѣе потому, что Кириллъ, какъ экзархъ, какъ старѣйшина русскихъ епископовъ, могъ потомъ дѣйствовать и на нихъ. И вотъ, когда, быть можетъ, замѣтили, что Кириллъ, несмотря на всѣ собесѣдованія съ нимъ объ уніи, на всѣ убѣжденія принять ее, все еще колебался и не рѣшался измѣнить вѣрѣ отцевъ, и признали необходимымъ употребить противъ него крайнія принудительныя мѣры и довести его до того, чтобы онъ поспѣшилъ къ принятію уніи, какъ къ послѣднему и единственному средству для спасенія себя отъ бѣдствій.

Бросается въ глаза и то обстоятельство, что всѣ эти притѣсненія отъ Семашки обрушились на Кирилла, какъ разъ, предъ тѣмъ временемъ, когда ему надлежало ѣхать на брестскій соборъ, т. е. втеченіе апрѣля, мая и первой половины іюня. Можно судить, въ какомъ состояніи души долженъ былъ явиться Кириллъ къ 24-му іюня въ Брестъ. Если и на прошлогоднемъ соборѣ православные владыки горько жаловались другъ другу на неслыханныя притѣсненія, претерпѣваемыя ими отъ разныхъ чиновъ, то какая жъ жалоба о томъ должна была раздаться на соборѣ теперь изъ устъ луцкаго епископа? Мы не знаемъ, что въ дѣйствительности происходило на этомъ соборѣ: извѣстій о немъ не сохранилось. Но сохранилась слѣдующая грамата, писанная въ Брестѣ 24-го іюня 1591 г. и подписанная четырьмя православными епископами: «Во имя Божіе да будетъ. Мы, нижепоименованные епископы, объявляемъ, что, будучи обязаны заботиться не о своемъ только спасеніи, но и о христіанскихъ людяхъ, о стадѣ Христовыхъ овецъ, ввѣренныхъ намъ Богомъ, о мирѣ и соединеніи ихъ, желаемъ, по милости Божіей, признавать нашимъ пастыремъ единаго верховнаго пастыря и истиннаго намѣстника св. Петра на римской каѳедрѣ, святѣйшаго папу, и имѣть его нашею главою, и ему подлежать и повиноваться, отъ чего ожидаемъ великаго умноженія хвалы Божіей въ св. церкви, и не желаемъ болѣе переносить того на нашей совѣсти. Но, соглашаясь отдать нашу волю и мысль въ послушаніе святѣйшему отцу и подчинить церкви Божіи верховной власти святѣйшаго папы римскаго, мы выговариваемъ себѣ только то, чтобы святѣйшій папа римскій оставилъ намъ до скончанія вѣка неотмѣненными и ненарушимыми всѣ церемоніи и обряды, т. е. службу Божію и весь церковный порядокъ, какіе издавна содержитъ наша св. восточная церковь, а его королевская милость, панъ нашъ милостивый, обезпечилъ намъ, его граматами, наши вольности и утвердилъ артикулы, которые нами будутъ поданы. При такомъ обезпеченіи и утвержденіи граматами отъ святѣйшаго папы и его королевской милости, мы соглашаемся и настоящимъ листомъ нашимъ обѣщаемся и обязуемся поддаться подъ верховную власть и благословеніе святѣйшаго отца, папы римскаго, для чего, исповѣдуя единому въ Троицѣ Богу нашу мысль и желаніе сердца нашего, мы и выдали настоящій листъ, за подписаніемъ властныхъ рукъ нашихъ и приложеніемъ нашихъ печатей, старшему брату нашему, его милости Кирпллу Терлецкому, экзарху и епископу луцкому и острожскому». Подъ этою грамотою, составленною въ самый первый день брестскаго собора (24 іюня), подписались епископы: луцкій—Кириллъ Тер-

лецкій, львовскій — Гедеонъ Болобанъ, пинскій — Леонтій Пельчицкій и холмскій — Діонисій Збируйскій: почему же не подписались остальные владыки? Полоцкій архіепископъ Аѳанасій Терлецкій, вѣроятно, совсѣмъ не былъ на соборѣ, по тойже причинѣ, по какой не былъ и на прошлогоднемъ соборѣ, не являлся и къ самому патріарху, т. е. по дряхлости и болѣзни; потому же могъ не быть на соборѣ и другой старецъ—епископъ владимірскій, Мелетій Хребтовичь, обыкновенно проживавшій въ кіево-печерскомъ монастырѣ и года черезъ полтора скончавшійся; а въ Перемышль только-что еще былъ назначенъ новый епископъ, по смерти Арсенія Брылинскаго, Михаилъ Копыстенскій граматою короля отъ 20-го іюня. Что же касается до митрополита, то онъ могъ намѣренно уклониться отъ подписанія граматы, не имѣя еще наклонности къ уніи, или считая преждевременнымъ обнаруживать свою наклонность. А можетъ быть, на соборѣ произошли разногласія по этому вопросу, и разногласія до того сильныя, что самый соборъ былъ закрытъ ([501]). По крайней мѣрѣ, извѣстно, что въ Брестѣ вновь, въ октябрѣ тогоже 1591-го года, собирался соборъ, на которомъ присутствовали всѣ владыки, кромѣ полоцкаго и перемышльскаго. На этомъ соборѣ, 26 окт., священникъ города Гологорска Василій, ставъ съ очей на очи съ епископомъ Гедеономъ, оправдывался въ тѣхъ преступленіяхъ, за которыя послѣдній анаѳематствовалъ его, и соборъ призналъ всѣ дѣйствія священника согласными

([501]) Представленная грамата четырехъ епископовъ напечатана, на польскомъ языкѣ, въ книгѣ: Ἀντίρρησις (Antirrisis) abo Apologia przeciwko Krzystofowi Philaletowi..., str. 56—57, w Wilnae 1600. Что грамата написана епископами на брестскомъ соборѣ 1591-го года, въ этомъ впослѣдствіи увѣрялъ Потѣя самъ Кириллъ Терлецкій (тамъ же str. 46). Снес. примѣч. 494.

съ декретомъ вселенскаго патріарха Іереміи и опредѣленіемъ прошлогодняго собора, освободилъ о. Василія отъ клятвы и благословилъ его священствовать, преподавъ вмѣстѣ благословеніе и всему братству св. Димитрія гологорскому, чтобы оно продолжало существовать навсегда, сохраняя чинъ и весь порядокъ братства львовскаго. А на слѣдующій день, 27 окт., соборъ, разсуждая о братствахъ, опредѣлилъ считать только два братства ставропигіальными, не подлежащими епархіальной власти: львовское и виленское, священникамъ же ихъ быть подъ благословеніемъ архіепископа и подъ обороною всего собора, и вновь подтвердилъ епископу Гедеону, чтобы онъ не препятствовалъ львовскому братству управлять принадлежащими ему церквами, школою, типографіею и гошпиталемъ ([502]).

Необходимо допустить, что владыки уполномочили митрополита, вѣроятно, на томъ же брестскомъ соборѣ принести королю жалобу на вмѣшательство свѣтскихъ людей въ церковные справы и суды, и что митрополитомъ дѣйствительно была принесена такая жалоба. Ибо 2-го генваря 1592 г. король издалъ окружную грамату ко всѣмъ властямъ, чинамъ и владѣльцамъ великаго княжества литовскаго, въ которой говорилъ: «мы имѣемъ вѣдомость отъ велебнаго и въ Бозѣ достойнаго Михаила Рогозы, архіепископа, митрополита кіевскаго и галицкаго и всея Руси, что вы вступаетесь въ справы духовныя, греческаго закона, принадлежащія митрополиту и епископамъ, судите ихъ поповъ, расторгаете браки, не до-

([502]) *Зубрицк.* Лѣтоп. Львов. братства, подъ 1591 годомъ; А. З. Р. IV, № 33, п. 1. Самая грамата собора отъ 26 октября, за подписомъ всѣхъ, присутствовавшихъ на немъ, владыкъ, напечатана у *Зубрицкаго*: «Начало уніи», въ Чтен. Моск. Истор. Общ. 1848, VII, отд. III, 30—31.

пускаете надлежащаго послушанія митрополиту въ дѣлахъ духовныхъ», и за тѣмъ, вслѣдствіе просьбы митрополита, приказывалъ, чтобы свѣтскія лица поповъ не судили, браковъ не расторгали и не вмѣшивались въ духовныя справы, а оставляли все это митрополиту и епископамъ ([503]). Но тогда, какъ митрополитъ скоро и успѣшно исполнилъ возложенное на него епископами порученіе, экзархъ Кириллъ Терлецкій, уполномоченный нѣкоторыми изъ нихъ начать дѣло объ уніи, почему-то медлилъ или не находилъ возможности довести о томъ до свѣдѣнія короля, и только 18 мая 1592 г. появилась королевская грамата въ отвѣтъ на заявленіе объ уніи этихъ четырехъ епископовъ. Король говорилъ въ граматѣ, что къ нему обратились епископы греческаго исповѣданія, луцкій, львовскій, пинскій и холмскій, выражая желаніе быть подъ верховною властію единаго святѣйшаго пастыря, съ сохраненіемъ только своихъ церемоній и порядковъ въ церквахъ, и что онъ-король, видя такое спасительное намѣреніе епископовъ, принимаетъ ихъ съ радостію. Потомъ удостовѣрялъ своимъ господарскимъ словомъ, за себя и за всѣхъ своихъ преемниковъ, что если названные епископы греческой вѣры и съ ними духовенство, по какимъ либо причинамъ, подвергнутся неблагословенію и клятвамъ отъ патріарховъ и митрополитовъ, то все это не причинитъ ни малѣйшаго вреда ни епископамъ, ни духовенству. Обѣщалъ также господарскимъ словомъ, что онъ никогда не отниметъ у нихъ, какія бы ни были противъ нихъ жалобы и обвиненія, епископскихъ каѳедръ и имѣній, которыми они владѣютъ, и не отдастъ другимъ, напротивъ еще придастъ имъ и каждому, кто также

([503]) A. З. Р. IV, № 31.

покажетъ склонность къ уніи, новыя вольности и льготы, какими пользуются римскіе духовные. А подъ конецъ граматы присовокупилъ, что даетъ ее, въ подтвержденіе своихъ обѣщаній, именно Кириллу Терлецкому, владыкѣ луцкому, Гедеону Болобану, владыкѣ львовскому, Леонтію Пельчицкому, владыкѣ пинскому и Діонисію Збируйскому, владыкѣ холмскому ([504]). Достойно замѣчанія, что, ровно черезъ мѣсяцъ послѣ полученія этой граматы, Кириллъ Терлецкій, несмотря на то, что возбудилъ восемь судебныхъ дѣлъ противъ луцкаго старосты Александра Семашки и дѣла эти не были еще окончены, явился (18 іюня), вмѣстѣ съ противникомъ своимъ, въ гродскій владимірскій судъ, и здѣсь оба заявили, что, при посредствѣ добрыхъ пріятелей, они примирились, и потому прекращаютъ и уничтожаютъ всѣ возникшія между ними тяжбы ([505]).

Митрополитъ продолжалъ заботиться о львовскомъ ставропигіальномъ братствѣ. Въ началѣ 1592 г. онъ, въ другой разъ, посѣтилъ свою галицкую митрополію и городъ Львовъ, имѣя въ виду «многое смущеніе» жителей края «отъ иновѣрныхъ и своихъ нерадивыхъ безчинныхъ пастырей» (намекъ на Гедеона Болобана). Находясь во Львовѣ, первосвятитель издалъ (21 генв.) окружное посланіе, которымъ приглашалъ всѣхъ благочестивыхъ христіанъ сотворить милостыню отъ избытковъ своихъ на нужды братства: такъ какъ оно разомъ должно было строить и свою каменную церковь и всѣ церковные свои дома—для гошпиталя, школы, друкарни и помѣщенія духовенства ([506]).

([504]) A. Ю. и З. Р. I, № 202.
([505]) Архив. югозапад. Россіи, ч. I, т. I, № 79.
([506]) A. З. Р. IV, № 32.

Братство поддерживало непосредственныя сношенія и съ вселенскимъ патріархомъ, и два посланія къ нему, писанныя братствомъ въ настоящемъ году, содержатъ весьма любопытныя свѣдѣнія о тогдашнемъ состояніи не только самого братства, но отчасти и всей западно-русской митрополіи. Въ посланіи отъ 6-го февраля братчики писали: «непрестанными бѣдами томитъ насъ Гедеонъ, епископъ львовскій; людей раздѣлилъ и на братство наше вооружилъ; заповѣдалъ всѣмъ подъ клятвою, священникамъ и мірянамъ, отвращаться отъ насъ; монастырь св. Онуфрія, ставропигіонъ нашъ ктиторскій, подъ благословеніемъ митрополита находящійся, ограбилъ, игумена обезчестилъ. Нынѣ на соборѣ мы показали грамату вашей святыни о томъ монастырѣ и о священникѣ нашемъ братскомъ при церкви успенія Богородицы, котораго архіепископъ принялъ подъ свое благословеніе, а епископъ проклинаетъ, равно какъ и игумена въ монастырѣ. Мы жаловались на епископа на соборѣ; но, безчиннаго ради собора, суда о томъ не было, на будущій соборъ отложили. Архіепископъ и епископы утвердили, чтобы впредь священники братствъ львовскаго и виленскаго были подъ благословеніемъ архіепископскимъ и подъ защитою всего собора; но епископъ, по давнему своему противленію, и нынѣ противится, и между всякими чиновными людьми оклеветалъ насъ, такъ что не можемъ сооружать ни церкви, ни школы, какъ бы слѣдовало. Потому мы отпустили нашихъ дидаскаловъ, Кирилла въ Вильну, Лаврентія въ Брестъ; а другіе разошлись по инымъ мѣстамъ, и только Стефанъ остается здѣсь». Съ другой стороны, братчики сообщали патріарху и радостныя извѣстія, что Ѳедоръ Скуминъ (Тышкевичь), воевода новгородскій, и Богданъ Сопѣга, воевода мин-

скій, со многими знатными чинами, еще на брестскомъ соборѣ заявили желаніе, чрезъ своихъ пословъ, вступить въ львовское братство, а теперь вновь прислали своихъ пословъ и окончательно утвердили единство свое съ братствомъ, чтобы вмѣстѣ заботиться объ общей пользѣ и защищать братство отъ всякой напасти. Обращаясь къ другимъ дѣламъ церкви, братчики увѣдомляли патріарха: «священники благоговѣйные разошлись изъ нашего города въ иныя страны, ради гоненія отъ епископа; а двоеженцы, какъ вездѣ, такъ и въ нашемъ городѣ литургисаютъ, попирая декреты твоего святительства. Епископы холмскій (Діонисій Збируйскій) и пинскій (Леонтій Пельчицкій) живутъ съ женами; еще и перемышльскій епископъ (Михаилъ Копыстенскій) съ женою на епископство возведенъ: видя это, двоеженцы смѣло литургисаютъ. О многомъ другомъ мы написали александрійскому патріарху (Мелетію) въ отвѣтъ на его писаніе. Церковь сильно смущается; люди сановитые, впавшіе въ разныя ереси и хотѣвшіе возвратиться къ своему правовѣрію, нынѣ отказываются отъ того, порицая церковное безчиніе, а всѣ люди единогласно говорятъ: если не исправится въ церкви беззаконіе, то въ конецъ разойдемся, отступимъ подъ римское послушаніе и будемъ жить въ безмятежномъ покоѣ. Нѣкоторые неправо возвѣстили твоему святительству, будто у насъ есть люди, не почитающіе св. иконъ: нѣтъ такихъ ни въ братствѣ нашемъ, ни въ цѣломъ городѣ. Но случилось, что когда нашъ архіепископъ пришелъ сюда, въ свою галицкую митрополію, то въ городѣ Рогатинѣ увидѣлъ икону, на которой, вмѣсто лика Спасителя, изображенъ былъ Богъ Отецъ съ сѣдинами; такая же нашлась и въ Галичѣ. Архіепископъ велѣлъ вынести эти иконы изъ церкви и

написать на нихъ Спасово изображеніе. Но Гедеонъ, епископъ львовскій, по отъѣздѣ архіепископа, велѣлъ въ Галичѣ икону невидимаго Бога Отца поставить въ церкви выше всѣхъ иконъ и подписать: «Ветхій деньми»; а священника той церкви низложилъ, церковь вновь освятилъ, и, поучая народъ, обвинялъ архіепископа въ иконоборствѣ ([507]). Онъ же нѣкій хлѣбъ на Воскресеніе Христово, называемый пасхою, по старому еретичеству, приказываетъ освящать, на соблазнъ церкви; святятъ также пятницу въ каждую седмицу, и на другой день Рождества Христова приносятъ въ церковь пироги къ униженію Богородицы. Все это велитъ епископъ держать по старому и не соблазняться прещеніями твоего святительства. И смутился народъ, и уничижена твоя пастырская заповѣдь».

Другое свое посланіе (отъ 7-го сент.) братчики писали въ крайнемъ недоумѣніи и скорби. Врагъ братства, епископъ Гедеонъ, съумѣлъ какимъ-то образомъ добыть отъ патріарха и прислалъ братству грамату, которою Іеремія какбы уничтожалъ всѣ прежнія свои граматы и привиллегіи, данныя братству, приказывалъ удалить митрополита, какъ обидчика, отъ завѣдыванія братскими монастырями и другими учрежденіями, и передавалъ братство въ вѣдѣніе Гедеона. Члены братства не могли понять, какимъ образомъ могло это случиться,—фактъ, дѣйствительно, бросающій на патріарха невыгодную тѣнь,—опровергали клеветы, взведенныя на митрополита, и умоляли, чтобы Іеремія вновь призналъ во всей крѣпости свои прежнія граматы братству, а послѣднюю вмѣнилъ въ ничто; чтобы поручилъ братство опять попеченію митрополита, а не

([507]) См. объ этомъ—Supplem. ad Hist. Russiae Monum., №№ 182—184, p. 470—472.

отдавалъ епископу Гедеону, и приказалъ изслѣдовать все это дѣло на слѣдующемъ соборѣ въ Брестѣ. Затѣмъ братчики продолжали: «прежде всего да вѣдаетъ твоя святыня, что у насъ такъ-называемые святители, а по истинѣ сквернители, обѣщавшись иночествовать, живутъ невозбранно съ женами; нѣкоторые, многобрачные, святительствуютъ, другіе прижили дѣтей съ блудницами. Если таковы святители, то какимъ же быть священникамъ? Когда митрополитъ обличалъ ихъ на соборѣ предъ всѣми и требовалъ, чтобы они перестали священствовать, они отвѣчали: «пусть прежде святители перестанутъ святительствовать, послушаютъ закона, тогда и мы послушаемъ». Горе міру отъ соблазновъ! Епископы похитили себѣ архимандритства и игуменства, ввели въ монастыри своихъ родственниковъ и мірскихъ урядниковъ, истощили всѣ церковныя имѣнія и испразднили иночество, такъ что въ монастыряхъ не обрѣтается иноковъ и священноиноковъ, но по временамъ совершаютъ службы мірскіе священники. Церковь наша православная оказывается исполненною всякаго зловѣрія, и люди смущаются недоумѣніемъ, не настоитъ ли время погибели. Многіе утвердили совѣтъ предаться римскому единоначальному архіерейству и пребывать подъ папою римскимъ, совершая въ церкви невозбранно все свое по закону греческой вѣры. А папа римскій прислалъ своего іерея и велѣлъ во всѣхъ здѣшнихъ костелахъ совершать службу на квасномъ хлѣбѣ и такимъ общеніемъ соединяться съ церквами нашими. Виленскій іезуитъ Петръ Скарга напечаталъ книгу о вѣрѣ своей и о греческомъ заблужденіи и вручилъ королю, и власть мірская потрясла всѣ наши города, и готовятся совершить по своему хотѣнію. Народъ же разсуждаетъ, что вѣра Хри-

стова можетъ правовѣрно исповѣдываться и подъ римскою властію, какъ было изначала: потому что въ многоначаліи нашемъ безначаліе обрѣтается, отеческіе законы попраны и ложь лицемѣрствующихъ православіемъ учителей покрыла церковь... Молимъ твое святительство, не прими всего этого за клевету отъ насъ, но внемли разсудительно и возвѣсти всему честному собору... А мы, имѣющіе во градѣ Львовѣ столько труда съ нынѣшнимъ епископомъ Болобаномъ, какъ прежде имѣли съ его отцемъ, епископомъ львовскимъ, стараемся не о себѣ, а о своей церкви: у насъ есть спокойныя жилища въ окрестныхъ городахъ. Попы епископа уже два раза измѣняли, отдавая папскому уряду церковные ключи... Если еще въ третій разъ совершатъ такую же измѣну, то, конечно, мы уже не оборонимъ своей церкви: ибо прежде не было въ нашемъ городѣ іезуитовъ, которые поосѣдали много русскихъ церквей, а нынѣ они живутъ въ нашемъ городѣ, и, не имѣя у себя церкви, постоянно выжидаютъ случая, какъ бы отъ насъ ее похитить» ([508]). Изъ этого свидѣтельства открывается, что въ 1592 г. дѣло объ уніи принимало уже значительные размѣры. Кромѣ четырехъ епископовъ, объявившихъ королю свою готовность подчиниться папѣ,—о чемъ, какъ видно, львовское братство еще не знало,—многіе и изъ православныхъ мірянъ, въ виду крайнихъ безпорядковъ въ своей церкви, гласно выражали точно такое же намѣреніе; папа открыто принималъ во Львовѣ свои мѣры къ сближенію съ православными и къ привлеченію ихъ; мірская власть готовилась дѣйствовать по своему, и въ средѣ львовскаго духовенства находились уже лица, измѣнявшія православію.

([508]) А. З. Р. IV, № 33.

Окружное посланіе, которымъ въ началѣ года приглашалъ митрополитъ Рогоза всѣхъ православныхъ дѣлать пожертвованія львовскому братству на сооруженіе церкви и церковныхъ домовъ, вѣрно, мало принесло пользы. И потому, 15-го іюня, братство рѣшилось обратиться съ тоюже цѣлію къ московскому царю Ѳеодору Ивановичу, и, для большаго успѣха, вмѣстѣ съ собственною челобитною къ царю, отправило еще три посланія терновскаго митрополита Діонисія, возвращавшагося тогда изъ Москвы чрезъ Львовъ: одно къ самому Ѳеодору Ивановичу, другое къ царицѣ Иринѣ, третье къ боярину Борису Годунову, и приложило собственное же посланіе къ думному дьяку Андрею Щелкалову. Во всѣхъ этихъ граматахъ выражались нужды братства и просьбы о милостынѣ на сооруженіе начатыхъ имъ построекъ. Благочестивый царь пожаловалъ: пять сороковъ соболей и пять сороковъ куницъ на постройку церкви, пятьдесятъ венгерскихъ червонцевъ на позолоту царскихъ вратъ, двадцать рублей на священниковъ и діаконовъ и десять рублей на госпиталь. Вскорѣ за тѣмъ братство получило пособіе на постройку своей церкви и отъ молдавскаго господаря Аарона, къ которому обращалось съ такою же просьбою. А цареградскій патріархъ Іеремія прислалъ братству грамату, которою признавалъ новостроющуюся успенскую церковь его своею ставропигіею, и слѣд. независимою отъ мѣстнаго епископа, подобно тому, какъ прежде призналъ своею ставропигіею и онуфріевскій монастырь братства. Но едва ли не всего важнѣе для братства была милость короля Сигизмунда Ш. Доселѣ оно существовало только по граматамъ патріарховъ и постановленіямъ соборовъ, а еще не было утверждено королемъ. Теперь, 15 го октября, по ходатайству

кіевскаго воеводы Константина Острожскаго и новогрудскаго воеводы Ѳедора Скумина Тышкевича, король пожаловалъ братству разомъ двѣ граматы: одною утвердилъ за нимъ всѣ привиллегіи, данныя ему духовными властями, и, въ частности, право содержать школу и типографію; другою же утвердилъ за братствомъ онуфріевскій монастырь. Къ сожалѣнію, королевская милость братству возбудила злобу его недоброжелателей. По приказанію ректора латинской школы во Львовѣ Криштофа, ученики его толпами нападали на учениковъ братской школы, собиравшихъ себѣ по городу милостыню, отнимали у нихъ собранную милостыню, а самихъ подвергали тяжкимъ побоямъ; иныхъ же увлекали въ свою школу и безчеловѣчно сѣкли, или заключали въ желѣзныя оковы и продерживали цѣлыя ночи,— чего при прежнихъ ректорахъ никогда не бывало. Братство принуждено было два раза приносить на это, чрезъ своихъ уполномоченныхъ и ректора своей школы Стефана, жалобы въ львовскій замковый судъ. А епископъ Гедеонъ, недовольный тѣмъ, что и король утвердилъ за братствомъ онуфріевскій монастырь, упросилъ короля назначить коммиссію, подъ предсѣдательствомъ луцкаго епископа Кирилла Терлецкаго, изъ двухъ духовныхъ и двухъ свѣтскихъ лицъ латинской вѣры, для изслѣдованія и рѣшенія вопроса: чьей власти должны подлежать онуфріевскій монастырь и городская успенская церковь братства, власти ли митрополита, которому они поручены патріархомъ, или власти львовскаго владыки ([509]).

До какой степени львовское братство имѣло уже значеніе

([509]) А. З. Р. IV, № 34; Дополн. къ Акт. Ист. I, № 139; Памятн., изд. Кіев. Коммис. III, № 9; *Зубрицк.* Лѣтоп. львов. братства, подъ 1592 годомъ; Supplement. ad Hist. Russ. Monum., №№ 61—62, p. 151.

между православными, по крайней мѣрѣ, въ Галиціи, можно заключать изъ письма къ нему перемышльскаго епископа Михаила Копыстенскаго (22 дек. 1592). Про этого епископа, равно какъ про митрополита, злые люди распространили какія-то «дивныя и неподобныя и неслушныя рѣчи». Митрополитъ извѣстилъ его объ этомъ, и совѣтывалъ, чтобы онъ написалъ, по поводу тѣхъ рѣчей, львовскому братству. Копыстенскій, для подробнѣйшаго объясненія дѣла, послалъ въ Львовъ къ братчикамъ своего любимаго слугу, пана Александра Попеля, и просилъ вѣрить ему во всемъ. А самъ написалъ только, что чувствуетъ себя во всѣхъ справахъ, какъ шляхетныхъ, такъ и духовныхъ, «годнымъ» и готовъ показать это предъ всѣми; что желалъ бы и самъ поѣхать въ Львовъ для личныхъ объясненій съ братіями, но боится какого-то страшнаго своего врага, похваляющагося убить его на дорогѣ, и что этотъ врагъ и другіе его помощники всячески стараются отнять у него-Михаила епископію и предоставить такому, который бы всѣ церковныя стяжанія отдавалъ въ ихъ руки. Въ чемъ состояли неподобныя рѣчи про митрополита и перемышльскаго епископа, противъ которыхъ оправдывался послѣдній, изъ письма его не видно. Но не были ли это слова самаго львовскаго братства, которыя помѣстили они въ своемъ посланіи (отъ 6 февр.) къ вселенскому патріарху, что «перемышльскій епископъ съ женою на епископство возведенъ»? Во всякомъ случаѣ, мысль, будто это была молва о преклонности Михаила Копыстенскаго къ уніи, и будто онъ въ своемъ письмѣ къ львовскому братству опровергалъ эту именно молву, есть совершенно произвольная догадка ([510]).

([510]) А. З. Р. IV, № 42. А между тѣмъ въ заглавіи этого посланія, неизвѣ-

Виленское свято-троицкое братство «размножилось»: въ число членовъ его вступили Ѳедоръ Скуминъ воевода новгородскій и Богданъ Сопѣга воевода минскій со многими другими знатными лицами, какъ извѣщало патріарха отъ 6-го февр. львовское братство. Средства виленскаго братства также увеличивались. Богданъ Сопѣга еще въ 1588 г., будучи каштеляномъ смоленскимъ, подарилъ братству каменный домъ и дворъ въ Вильнѣ, находившійся на большой замковой улицѣ предъ рыбнымъ рынкомъ и приносившій немалые доходы. Въ 1591 г. братство купило каменный домъ у пана Яна Николая Нарушевича, а въ слѣдующемъ году получило въ даръ домъ отъ одного изъ членовъ своихъ, кравца Яцка Кондратовича: оба дома стояли рядомъ, вблизи троицкаго монастыря, на противоположной сторонѣ улицы у острой брамы. Здѣсь-то помѣстило братство свою школу и ея учителей, во главѣ которыхъ находился Кириллъ, прибывшій изъ Львова. А король Сигизмундъ III освободилъ въ 1592 г., своею граматою, братскіе домы отъ всякаго постоя и другихъ городскихъ повинностей. Одно только важное неудобство испытывало братство: оно имѣло у себя свой церковный причтъ, но не имѣло своей церкви; а троицкій монастырь, при которомъ оно существовало, братству не принадлежалъ. Еще въ 1584 г., какъ мы видѣли, Стефанъ Баторій предоставилъ право на этотъ монастырь виленскимъ бурмистрамъ, радцамъ и лавникамъ, греческой вѣры, которые составляли особое братство, панское или бурмистровское или городское, но предоставилъ съ тѣмъ, чтобы они вступили въ управленіе мона-

стно почему, сказано издателями, будто здѣсь Михаилъ Копыстенскій опровергаетъ взведенную на него молву о преклонности къ уніи.

стыремъ только по смерти митрополита Онисифора. Когда Онисифоръ оставилъ митрополію, король Сигизмундъ III приказалъ-было (6 авг. 1589) немедленно передать монастырь виленскимъ бурмистрамъ, радцамъ и лавникамъ; но приказъ не былъ исполненъ, вѣроятно, потому что Онисифоръ заявилъ о своемъ правѣ владѣть монастыремъ до своего живота. Въ слѣдующемъ году, однакожъ, Онисифоръ самъ добровольно уступилъ монастырь названнымъ городскимъ властямъ и выдалъ имъ на то свой листъ, который тогда же и вписанъ былъ въ городскія книги. А въ 1592 г. листъ этотъ былъ представленъ королю, который, по просьбѣ виленскихъ бурмистровъ и радцевъ, и утвердилъ за ними навсегда троицкій монастырь, чтобы они имѣли его, какъ и прочія виленскія церкви, въ своемъ «дозорѣ и подаваньи», и употребляли монастырскіе доходы точно такъ, какъ указано было еще въ граматѣ короля Стефана Баторія, данной имъ на троицкій монастырь. Вслѣдствіе этого церковный причтъ свято-троицкаго братства не иначе могъ отправлять службы въ церкви троицкаго монастыря, какъ съ дозволенія бурмистровъ, радцевъ и лавниковъ, и хотя они, по ходатайству братства, дали это позволеніе, но всегда съ неудовольствіемъ смотрѣли на то, что братское духовенство не признавало надъ собою ихъ власти, а дѣйствовало по распоряженіямъ своего братства. И вотъ въ октябрѣ 1592 г. бурмистры, радцы и лавники донесли виленскому намѣстнику митрополита, протопопу Ивану Парѳеновичу, что вызванные откуда-то троицкимъ братствомъ священники, Симеонъ и Ѳеодосій, съ діакономъ Герасимомъ, вводятъ новыя церемоніи при совершеніи крещенія и вѣнчанія. Намѣстникъ потребовалъ у священни-

ковъ отчета; они не захотѣли ему отвѣчать, а сказали только: «мы священники братскіе и тебѣ не подчинены, но имѣемъ своихъ старшихъ—пановъ братчиковъ, и ихъ однихъ обязаны слушать; на это у братства есть листъ, данный самимъ митрополитомъ». Тогда бурмистры рѣшили отложить дѣло до пріѣзда митрополита въ Вильну, и просили только о. протопопа записать о томъ въ его урядовыя книги. Въ виду такихъ неудобствъ и притѣсненій со стороны бурмистровъ, свято-троицкое братство еще въ началѣ октября 1592 года испросило себѣ у короля новую грамату, которою онъ, подтверждая всѣ прежнія права, пожалованныя имъ братству (21 іюля 1589), утвердилъ за нимъ и оба новые дома и грунты, имъ пріобрѣтенные, и дозволилъ братчикамъ: «церковь набоженства своего на тыхъ помененныхъ кгрунтахъ домовъ ихъ братскихъ, яковую мѣти похочутъ, муромъ и деревомъ збудовати и всякихъ обиходовъ набоженства ихъ, водлугъ звычая хрістіанскаго, свободнѣ и добровольнѣ ужывати» ([511]). Кромѣ троицкаго братства, въ Вильнѣ продолжали существовать и другія, прежде основанныя, братства, наприм., бурмистровское—городское, на которое въ настоящемъ году сестра митрополита Михаила Рогозы, Марина Гостомская завѣщала сто копъ литовскихъ грошей. А въ другихъ городахъ возникали новыя братства: въ Минскѣ образовалось и утверждено граматою короля (11 сент. 1592) при соборной церкви братство по образцу львовскаго, вп-

([511]) А. З. Р. IV, №№ 33. 35. 41; Вѣстник. Западн. Россіи, 1865—1866, кн. V, отд. I, № 1; Вилен. Археогр. Сборн. X, стр. 101. 111—112; Собр. грам. Вильны, Ковна, II, № 5. Грамата Сигизмунда III, которою онъ дозволилъ братству построить себѣ новую церковь, помѣщена въ граматѣ Владислава IV, данной томуже братству въ 1633 г. (Собран. грам. городовъ—Вильны, Ковно..., ч. II, № 42; Вѣстник. Западн. Россіи, 1865—1866, кн VIII, отд. I, № 3).

ленскаго-троицкаго и брестскаго, съ школою и госпиталемъ; въ Кричевѣ и Оршевѣ утверждены (окт. 11 и 15) братства въ прежнемъ родѣ, такъ называемыя «медовыя», безъ училищъ. Въ Перемышлѣ желали основать братство, по чину львовскаго, вмѣстѣ съ училищемъ, о чемъ и писали львовскому братству, какъ самъ епископъ Михаилъ Копыстенскій (отъ 1 іюля и 30 авг. 1592), такъ и граждане (отъ 19 авг.). И училище дѣйствительно учредили, при помощи присланнаго изъ Львова дидаскала о. Александра; но учредили ли такъ же и братство и получили ли на то грамату отъ короля, неизвѣстно ([512]).

Въ высшей церковной іерархіи, втеченіе 1592 г., произошла только одна перемѣна. Скончался полоцкій архіепископъ Аѳанасій Терлецкій, и король, граматою отъ 16-го февр., пожаловалъ полоцкое владычество Богушу Селицкому, съ молодыхъ лѣтъ постоянно служившему ротмистромъ въ украинскихъ королевскихъ замкахъ, и предоставилъ ему тѣже владѣнія, какія держалъ его предмѣстникъ, за исключеніемъ мстиславскаго онуфріевскаго монастыря и имѣнія Паныни, отданнаго королемъ князю Богдану Озерецкому. Но этотъ Богушъ, въ монашествѣ Наѳанаилъ, былъ уже человѣкъ старый и болѣзненный, никакого участія въ дѣлахъ объ уніи не принималъ; не ѣздилъ даже, подобно своему предмѣстнику, на происходившіе тогда соборы, хотя оставался на каѳедрѣ до половины 1595 г. ([513]). И нельзя не сознаться, что, при назначеніи Богуша Селецкаго на архіепископію, король во-

([512]) Вилен. Археогр. Сборн. VI, № 125, стр. 288; А. З. Р. IV, №№ 36. 38. 39; Матеріалы для истор. запад.-русск. церкви, въ Труд. Кіев. Дух. Ак. 1878, Мартъ, прилож. стр. 29—35.

([513]) А. Ю. и З. Р. I, № 201; А. З. Р. IV, примѣч. 49,—снес. №№ 64. 86

дился только желаніемъ наградить его за прежнюю его службу, а вовсе не имѣлъ въ виду дать въ немъ поборника уніи.

Гораздо важнѣе была другая перемѣна въ высшей церковной іерархіи, случившаяся въ началѣ слѣдующаго (1593) года. Въ 13-й день генваря скончался, въ одномъ изъ имѣній кіево-печерской лавры—Городкѣ, кіево-печерскій архимандритъ и епископъ владимірскій и брестскій Мелетій Хрептовичь Богуринскій. Оставшееся послѣ него имѣніе подверглось, какъ обыкновенно бывало тогда, немалому расхищенію отъ разныхъ лицъ, въ томъ числѣ, и отъ луцкаго владыки Кирилла Терлецкаго, который, прибывъ лично въ Городокъ, присвоилъ себѣ богатую мантію покойнаго и дорогой клобукъ и забралъ многія бумаги, предавъ другія огню ([514]). Преемникомъ Мелетія на владимірской каѳедрѣ суждено было сдѣлаться человѣку, который явился потомъ однимъ изъ самыхъ главныхъ дѣятелей при введеніи уніи. Адамъ Потѣй родился въ 1541 г. отъ православныхъ родителей. Отецъ его, Левъ, былъ подскарбіемъ и писаремъ при королѣ Сигизмундѣ I. Образованіе свое Адамъ получилъ въ кальвинской школѣ князя Радзивила, извѣстнаго покровителя протестантовъ, и послѣ въ краковской академіи. По окончаніи воспитанія, долго служилъ у того же князя Радзивила, и въ это время сдѣлался протестантомъ, измѣнивъ вѣрѣ отцевъ. Отъ Радзивила перешелъ на королевскую службу, и былъ сначала писаремъ у короля, потомъ судьею въ Брестѣ, наконецъ брестскимъ каштеляномъ, удостоившись вмѣстѣ званія сенатора. Былъ женатъ на дочери Острожецкаго князя Ѳеодора, Аннѣ,

([514]) Архив. югозападн. Россіи, ч. 1, т. 1, №№ 81 — 86. О днѣ кончины Мелетія—тамъ же стр. 360.

отъ которой имѣлъ нѣсколько дѣтей. Въ протестантствѣ оставался довольно продолжительное время; но, какъ самъ говоритъ, безъ малаго за двадцать лѣтъ до своего поступленія въ духовное званіе, слѣд. около 1574 г., снова принялъ православіе, которое всегда содержали его предки. Первыя мысли объ уніи съ Римомъ посѣялъ въ Адамѣ Потѣѣ, если вѣрить его біографу, папскій нунцій кардиналъ Коммендоній, и въ 1588 г., какъ мы видѣли, Потѣй, будучи брестскимъ судьею, уже обнаруживалъ сильную склонность къ принятію уніи. Трудно предположить, чтобы онъ не обнаруживалъ этой своей склонности и въ послѣдующее время, среди самихъ владыкъ и другихъ знатныхъ лицъ, собиравшихся въ Брестѣ на соборы. И неудивительно, если желавшіе уніи съ Римомъ, какъ только сдѣлалась свободною брестская и владимірская каѳедра, поспѣшили предложить ее Потѣю, и Потѣй, теперь уже вдовый, охотно принялъ ее, надѣясь, въ новомъ санѣ, успѣшнѣе повести дѣло, которому столько сочувствовалъ. Самъ владыка луцкій Кириллъ Терлецкій постригъ Адама въ монашество, давъ ему новое имя Ипатія, и это совершалось торжественно, въ главномъ городѣ епархіи—Владимірѣ, въ присутствіи воеводы кіевскаго и старосты владимірскаго князя К. К. Острожскаго, который болѣе всѣхъ содѣйствовалъ возведенію Потѣя въ санъ епископа владимірскаго. Въ мартѣ, четвертаго числа, Сигизмундъ III извѣщалъ князя Острожскаго, что далъ владычество владимірское брестскому каштеляну Адаму Потѣю за его заслуги предъ королемъ и рѣчью посполитою, и приказывалъ сдѣлать распоряженіе о передачѣ Потѣю всѣхъ имѣній владимірской каѳедры; а двадцатаго числа король послалъ грамату митрополиту,

чтобы онъ посвятилъ брестскаго каштеляна, человѣка фамиліи старожитной, способнаго, искуснаго въ греческомъ законѣ и благочестиваго, въ санъ епископа владимірскаго ([515]). Въ лицѣ новаго владыки владимірскаго унія пріобрѣла себѣ такого поборника, какого прежде не находила между русскими владыками. Онъ имѣлъ предъ ними три важныя преимущества. Превосходилъ ихъ своею знатностію: былъ сенаторомъ и находился въ связяхъ съ самыми высшими государственными сановниками. Превосходилъ своимъ образованіемъ: хорошо понималъ и православіе и латинство, владѣлъ даромъ слова и искусствомъ излагать свои мысли, зналъ языкъ латинскій. Превосходилъ своею привязанностію къ уніи: тогда какъ Кириллъ Терлецкій и другіе владыки рѣшались принять унію по своекорыстію, искали въ ней только собственныхъ выгодъ, какъ засвидѣтельствовала уже первая грамата къ нимъ короля, Потѣй дѣйствовалъ по убѣжденію, по крайней мѣрѣ, въ началѣ, и показалъ свою пламенную ревность объ уніи еще въ то время, когда былъ свѣтскимъ лицемъ и не могъ ожидать себѣ отъ нея личныхъ выгодъ, хотя впослѣдствіи, въ санѣ епископа, и онъ увлекся тѣмъ же своекорыстіемъ. Всѣ эти преимущества, естественно, ставили Потѣя на одно изъ первыхъ мѣстъ въ кругѣ лицъ, желавшихъ единенія съ римскою церковію.

Къ числу такихъ лицъ принадлежалъ, на ту пору, и князь К. К. Острожскій, хотя онъ понималъ унію нѣсколько иначе, чѣмъ другіе. Едва прошло около трехъ мѣсяцевъ съ посвященія Потѣя во епископа, какъ Острожскій написалъ къ нему

([515]) Біографія Потѣя, составленная Львомъ Кишкою (см. выше примѣч. 469); Архив. югозапад. Россіи, ч. I, т. I, № 87; A. Z. P. IV, №№ 44. 70, стр. 98, и № 149, стр. 209—210.

посланіе (отъ 21 іюня). Князь говорилъ (представимъ вкороткѣ сущность этого замѣчательнаго посланія): «Съ давняго времени, видя крайній упадокъ и оскуденіе матери нашей, св. восточной церкви, «всѣхъ церквей начальнѣйшей», я размышлялъ и заботился о томъ, какимъ бы способомъ возвратить ее въ прежнее, благоустроенное состояніе. Сѣтуя о паденіи ея и о поруганіи, какому подвергается она отъ еретиковъ и отъ самихъ, отторгнувшихся отъ нея, римлянъ, бывшихъ нѣкогда нашими братьями, я осмѣлился, чрезъ своихъ старшихъ духовныхъ, совѣтываться о нѣкоторыхъ нужныхъ рѣчахъ св. писанія съ папскимъ легатомъ Антоніемъ Поссевиномъ, когда онъ былъ здѣсь; но ничего не вышло. Нынѣ, все занятый тою же мыслію и заботою о церкви Божіей и отправляясь, для поправленія моего здоровья, въ края сосѣдніе съ мѣстопребываніемъ папы, я могъ бы кое-что сдѣлать, еслибы на то была воля Божія и дозволеніе нашихъ архипастырей. Еслибы всѣ вы одинаково на предстоящемъ вашемъ духовномъ соборѣ порадѣли и поразсудили, какимъ бы образомъ положить начало къ примиренію церквей, тогда я, находясь въ тѣхъ краяхъ, употребилъ бы, съ Божіею помощію, и за началомъ и благословеніемъ вашимъ, всѣ мои усилія, чтобы повести и наклонить дѣло къ вожделенному соединенію. Да хорошо было бы, мнѣ кажется, еслибы ты, милостивый отче, самъ, своею особою, переговоривъ съ митрополитомъ и епископами, поѣхалъ къ московскому великому князю, поразсказалъ тамъ, какое гоненіе, поруганіе и уничиженіе терпитъ здѣшній народъ русскій въ церковныхъ порядкахъ и церемоніяхъ, и попросилъ бы великаго князя и тамошнихъ духовныхъ, чтобы они, вмѣстѣ съ нами, позаботились, какъ бы

прекратить такое раздѣленіе церквей и уничиженіе русскаго народа. Усердно прошу тебя, какъ многомилостиваго господина и пріятеля, а особенно какъ теплаго ревнителя вѣры Христовой, принять въ этомъ искреннее участіе и со всею силою и властію постараться на предстоящемъ соборѣ, вмѣстѣ съ прочими владыками, чтобы положить начало если не къ соединенію церквей (что всего было бы желательнѣе), то, по крайней мѣрѣ, къ улучшенію положенія православныхъ. Всѣ вы знаете, что люди нашей религіи сдѣлались до того равнодушными, лѣнивыми и невнимательными, что не только не заступаются за церковь Божію и за вѣру свою старожитную, но многіе сами насмѣхаются надъ нею и убѣгаютъ въ разныя секты. А все это умножилось преимущественно отъ того, что у насъ не стало учителей, не стало проповѣди Слова Божія, не стало науки. Пришло на насъ, наконецъ, то, что у насъ не остается ничего, чѣмъ бы мы могли утѣшиться въ нашемъ законѣ. Слѣдуетъ намъ сказать словами пророка: *кто дастъ главѣ нашей воду и очамъ нашимъ источникъ слезъ*, чтобы мы могли оплакивать, день и ночь, упадокъ и обнищаніе нашей вѣры и закона? Все опроверглось и упало, со всѣхъ сторонъ скорбь, сѣтованіе и бѣда, и если еще не будемъ заботиться, Богъ вѣсть, что съ нами будетъ. Я, съ своей стороны, въ другой и третій разъ прошу: Бога ради, и по вашей пастырской обязанности и изъ страха мести Божіей, постарайтесь постановить что либо доброе и положить какой либо добрый начатокъ». Къ этому письму князь приложилъ и собственноручную записку о тѣхъ условіяхъ, какія считалъ необходимыми при заключеніи уніи. Онъ желалъ: 1) «чтобы, прежде всего, намъ, т. е. православнымъ, всецѣло оставаться при всѣхъ

своихъ обрядахъ, какіе содержитъ восточная церковь; 2) чтобы паны римляне церквей нашихъ и ихъ имѣній на свои костелы не отбирали; 3) чтобы, по заключеніи уніи, они не принимали тѣхъ изъ нашихъ, которые захотѣли бы перейти въ католичество, а особенно не принуждали къ тому при заключеніи браковъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ; 4) чтобы духовные наши были въ такомъ же почетѣ, какъ ихъ, а особенно чтобы нашъ митрополитъ и владыки имѣли мѣсто въ радѣ и на сеймахъ, хотя и не всѣ; 5) нужно переслаться съ патріархами, чтобы и они склонились къ уніи, и мы единымъ сердцемъ и едиными устами хвалили Господа Бога; 6) нужно послать къ Московскому и къ Волохамъ, чтобы и они, вмѣстѣ съ нами, согласились на унію: всего лучше, по моему мнѣнію, въ Москву послать отца епископа владимірскаго, а къ Волохамъ львовскаго; 7) нужны также исправленія нѣкоторыхъ вещей въ церквахъ нашихъ, особенно касательно людскихъ вымысловъ; 8) весьма нужно позаботиться о школахъ и свободныхъ наукахъ, особенно для образованія духовенства, чтобы мы могли имѣть ученыхъ пресвитеровъ и хорошихъ проповѣдниковъ: ибо отъ того, что нѣтъ наукъ, въ нашемъ духовенствѣ великая грубость умножилась» ([516]). Такимъ образомъ, побужденіемъ къ уніи для князя К. К. Острожскаго была единственно его любовь къ своей церкви и къ своему народу, та любовь, которая не могла безъ горести видѣть ихъ крайне тяжкаго положенія въ Литвѣ и надѣялась найти въ уніи послѣднее средство къ улучшенію этого положенія. А главнѣйшимъ условіемъ для желаемой уніи князь считалъ, чтобы она была заклю-

([516]) А. З. Р. IV, № 45.

чена съ Римомъ съ согласія духовныхъ представителей всей православной церкви, а не однихъ литовскихъ іерарховъ.

Ни письма князя Острожскаго, ни его записки объ уніи, писанныхъ дня за три до брестскаго собора, Потѣй никому на соборѣ не показалъ. Какъ человѣкъ свѣдущій въ церковныхъ дѣлахъ, онъ понялъ, что въ такомъ обширномъ объемѣ унія неосуществима, что ни на востокѣ, ни тѣмъ болѣе въ Москвѣ никогда не согласятся признать папу главою церкви. Потому отвѣчалъ двумъ посланцамъ князя, принесшимъ его письмо: «далъ бы Богъ, чтобы когда нибудь исполнилось то, чего желаетъ его княжеская милость; но на нашемъ вѣку того не случится, и если князь не написалъ объ этомъ митрополиту, то я не смѣю и слова молвить о такихъ вещахъ, ибо митрополитъ не расположенъ къ римлянамъ». А ѣхать въ Москву Потѣй рѣшительно отказался, ссылаясь на то, что тамъ его могутъ подвергнуть истязаніямъ и казни ([517]). Не такой уніи желали въ Литвѣ, особенно правительство: здѣсь имѣли въ виду собственно унію мѣстную; старались привлечь въ унію только тотъ русскій и вообще православный народъ, который жилъ въ литовско-польскихъ владѣніяхъ, чтобы совершенно оторвать его отъ Москвы, къ которой влекло его единовѣріе, и сблизить, сроднить съ Польшею, отъ которой отталкивало его латинство, и потомъ мало-помалу всецѣло его окатоличить и ополячить. На такую-то мѣстную унію и изъявляли уже свое согласіе нѣкоторые литовско-русскіе владыки, какъ мы видѣли изъ отвѣтной граматы къ нимъ короля. Предложеніе объ уніи въ смыслѣ князя Острожскаго, еслибы оно и объявлено было епископомъ По-

([517]) Antirrisis abo Apologia..., str. 46.

тѣемъ на брестскомъ соборѣ, едвали бы встрѣтило сочувствіе со стороны и прочихъ отцевъ собора.

Чѣмъ же занимались на этомъ соборѣ? Изъ всѣхъ дѣяній собора 1593 года намъ извѣстно только одно рѣшеніе его о львовскомъ епископѣ Гедеонѣ, который не переставалъ вести борьбу съ братствомъ, или точнѣе, съ самимъ митрополитомъ. Мы уже упомянули, что Гедеонъ упросилъ короля назначить коммиссію для рѣшенія вопроса, кому должна принадлежать власть надъ церквами львовскаго братства. Эта коммиссія, состоявшая изъ четырехъ латинянъ, подъ предсѣдательствомъ православнаго епископа, открыла свои дѣйствія 6-го февраля и единогласно рѣшила, что обѣ братскія церкви, со всѣмъ имуществомъ, и самое братство должны подлежать власти епископа Гедеона, а не митрополита, хотя предсѣдатель почему-то рѣшенія не подписалъ. Братство подало апелляцію королю. А митрополитъ, крайне огорченный такими происками своего викарія, послалъ (15 февр.) Гедеону не только отъ себя, но и полученное отъ патріарха, запрещеніе править епархіею, за то, что онъ, епископъ, упорно отвергаетъ всѣ бывшія постановленія патріарха и соборовъ относительно львовскаго братства и, вопреки церковныхъ правилъ, перенесъ это дѣло на свѣтскій, королевскій судъ. Гедеонъ, однакожъ, не хотѣлъ повиноваться. Тогда митрополитъ отправилъ къ нему позывъ явиться на соборный судъ въ Брестѣ. Гедеонъ не явился, и соборъ судилъ его заочно, и 27 іюня осудилъ на отлученіе. Рѣшеніе собора вручено было Гедеону вознымъ при двухъ свидѣтеляхъ изъ шляхты, но не произвело на владыку никакого дѣйствія ([518]). Такая

([518]) *Зубрицк.* Лѣтоп. львов. братства, подъ 1593 годомъ.

непокорность, самонадѣянность и своеволіе Гедеона остались бы для насъ необъяснимыми, еслибы мы не знали торжественнаго обѣщанія, даннаго ему и тремъ другимъ епископамъ, изъявившимъ желаніе принять унію, королемъ Сигизмундомъ III, что никакія клятвы и запрещенія, со стороны патріарха или митрополита, не причинятъ имъ ни малѣйшаго вреда.

Наступилъ 1594 годъ, и митрополитъ, получая извѣстія, что Гедеонъ не перестаетъ архіерействовать, послалъ къ нему (16 генв.) еще позывъ явиться лично на судъ собора, имѣющаго открыться въ Брестѣ 24-го іюня. Но Гедеонъ не явился и теперь; а отправилъ въ Брестъ только своего уполномоченнаго, который заявилъ на соборѣ, въ самый день его открытія, что соборъ незаконенъ, — такъ какъ на немъ, съ митрополитомъ, всего два епископа, владимірскій и луцкій, и созванъ онъ въ отсутствіе и безъ вѣдома короля, находившагося тогда въ Швеціи,—и что такой соборъ не въ правѣ производить судъ надъ епископомъ. Несмотря, однакожъ, на протестъ, соборъ осудилъ Гедеона заочно, и, вслѣдствіе соборнаго рѣшенія, 10-го іюля митрополитъ, сѣдши самъ въ брестской соборной церкви на амвонѣ, при собраніи великаго множества народа всѣхъ сословій, приказалъ архидіакону возгласить, что львовскій епископъ Гедеонъ «отлучается отъ всѣхъ справъ святительскихъ до того часу, ажъ ся церкви Божой справитъ». Когда же вскорѣ за тѣмъ поступили новыя жалобы на Гедеона, что онъ насильно завладѣлъ уневскимъ монастыремъ и жестоко обходится съ монахами, вовсе не помышляя о какомъ либо исправленіи, то митрополитъ созвалъ соборъ у себя въ Новогрудкѣ, и въ 26 день сентября, по опредѣленію собора на основаніи прежнихъ рѣшеній, патріаршихъ и соборныхъ, низложилъ Гедеона «съ стану епископского и отъ всего сана святительскаго». А на слѣдующій день написалъ къ канцлеру Польши Яну Замойскому посланіе, въ которомъ, довольно подробно изложивъ весь ходъ дѣла, какъ Гедеонъ притѣснялъ львовское братство и посягалъ на права своего архипастыря-митрополита, какъ два раза подвергался за это осужденію и запрещенію отъ патріарха, два раза подвергался тому же отъ соборовъ, какъ, несмотря на троекратные позвы, не хотѣлъ явиться на судъ духовный и какъ, наконецъ, дѣйствительно низложенъ, митрополитъ просилъ канцлера предупредить короля, чтобы онъ, если Гедеонъ обратится къ нему съ жалобою, отнюдь не отмѣнялъ соборнаго рѣшенія, помня свою присягу, данную при коронаціи, не нарушать правъ духовенства, какъ римскаго, такъ и греческаго ([519]). Совершенно произвольна догадка, будто митрополитъ преслѣдовалъ Гедеона за его склонность къ уніи, которой самъ не сочувствовалъ, и отстаивалъ братство, какъ противившееся уніи. Митрополитъ отстаивалъ не столько братство, сколько самаго себя, свою власть, свои права, на которыя посягалъ его своевольный викарій; митрополитъ преслѣдовалъ, силою церковныхъ законовъ, епископа, который не хотѣлъ подчиняться не только своему архипастырю, но и соборамъ, и самому патріарху. Объ уніи тутъ не было и помину.

Соборъ 1594 г., открывшійся въ Брестѣ съ 24 іюня, дѣйствительно, не могъ имѣть законной силы: потому что

([519]) *Зубрицк.* тамъ же, подъ 1594 годомъ; А. З. Р. IV, №№ 50. 51; Архив. югозапад. Россіи, ч. I, т. I, № 104,—снес. № 107.

король Сигизмундъ III находился тогда въ Швеціи; а сеймовою конституціею предшествовавшаго года запрещены были всякіе съѣзды, сеймы или соборы въ отсутствіе короля. На эту конституцію, въ самомъ началѣ собора, указалъ епископъ луцкій Кириллъ Терлецкій, и въ тоже время митрополитъ получилъ письменное напоминаніе о ней отъ примаса королевства, гнѣзненскаго архіепископа. Потому собравшіеся на соборъ рѣшили, что такъ какъ они съѣхались къ урочному дню на соборъ въ надеждѣ возвращенія, къ этому времени короля, а король доселѣ не возвратился, да и не всѣ епископы пріѣхали, то соборъ, имѣя въ виду означенную конституцію, не будетъ заниматься никакими дѣлами, кромѣ дѣлъ судныхъ, которыхъ конституція та не запретила (разумѣлся судъ надъ еп. Гедеономъ). Снисходя, однакожъ, на просьбы пословъ виленскаго святотроицкаго братства, прибывшихъ съ инструкціею, подписанною панами сенаторами и другими знатными членами братства, и желая облегчить работу будущаго собора, настоящій соборъ рѣшился разсмотрѣть эти просьбы и сдѣлать по нимъ свое постановленіе, въ видѣ проэкта, который имѣлъ быть утвержденъ на соборѣ послѣдующаго года. Въ проэктѣ было опредѣлено: 1) оставляемъ въ силѣ лишь тѣ церковныя братства, которыя имѣютъ благословеніе отъ святѣйшихъ патріарховъ и одобрены митрополитомъ и всѣми епископами, и желаемъ не только не препятствовать, но и всячески содѣйствовать ихъ процвѣтанію; а всѣ иныя церковныя братства, противныя этимъ, хотя бы получили начало отъ какого либо епископа, знать не хочемъ и возбраняемъ; 2) священники братскихъ церквей должны во всѣхъ епархіяхъ находиться подъ властію мѣстныхъ архіереевъ, кромѣ братской успенской церкви въ Львовѣ и львовскаго онуфріевскаго монастыря, состоящихъ подъ благословеніемъ митрополита; 3) такъ какъ священники троицкаго братства въ Вильнѣ терпятъ препятствія въ отправленіи церковныхъ службъ отъ священниковъ бурмистровскихъ, то благословляемъ братству построить свою церковь на братской землѣ, *по данной ему королемъ граматѣ*; а пока церковь построится, священники братскіе пусть служатъ въ троицкомъ монастырѣ; впрочемъ, и послѣ построенія церкви, срѣтенскій придѣлъ въ троицкомъ монастырѣ, по благословенію патріарха и граматѣ короля, долженъ навсегда оставаться за братствомъ для отправленія церковныхъ службъ; 4) оставляемъ двѣ главнѣйшія школы, одну въ Вильнѣ, другую во Львовѣ, при церковныхъ братствахъ, подъ верховною властію митрополита; а всѣ иныя, малыя, школы, основанныя въ подрывъ этимъ братскимъ школамъ, не должны существовать: только для помочи священникамъ дозволяется при каждой церкви имѣть и обучать двухъ, трехъ дѣтей; 5) утверждаемъ типографіи, согласно съ опредѣленіемъ собора 1591 г., но съ условіемъ, чтобы въ епархіи митрополита ничего не печаталось и не издавалось безъ его воли, равно какъ и во Львовѣ, а въ епархіяхъ епископовъ—безъ воли епископовъ; 6) признаемъ справедливою мысль, чтобы митрополитъ и епископы посылали своихъ уполномоченныхъ на сеймики для участія въ избраніи кандидатовъ на архіерейскія вакансіи, и будемъ стараться, чтобы на то послѣдовало разрѣшеніе короля ([520]). Подъ этою соборною граматою изъ архіереевъ подписались только митрополитъ и Ипатій Потѣй, а Кириллъ Терлецкій не подписался, хотя и

([520]) Архив. югозапад. Россіи, ч. I, т. I, № 107; A. Z. P. IV, № 48.

онъ поименованъ въ началѣ граматы, и неизвѣстно, было ли въ послѣдствіи утверждено изложенное въ ней постановленіе.

Изъ этой же соборной граматы узнаемъ, что число церковныхъ братствъ тогда очень увеличилось. На соборѣ, по свидѣтельству ея, вмѣстѣ съ духовенствомъ, присутствовали послы отъ братствъ не только намъ уже извѣстныхъ, виленскаго, львовскаго, брестскаго, но и бывшихъ доселѣ неизвѣстными: красноставскаго, гольшанскаго, городецкаго, галицкаго, бѣльскаго и «многихъ» другихъ. Самое младшее изъ нихъ было братство бѣльское, которое хотя уже образовалось, но получило благословеніе отъ своего епископа только послѣ собора. Въ своей благословенной граматѣ, отъ 29 іюня, Ипатій Потѣй дозволялъ этому братству принять чинъ и порядокъ братствъ львовскаго и виленскаго, отдавалъ братству бѣльскую соборную церковь св. Богоявленія, со всѣмъ имуществомъ, разрѣшалъ построить при церкви школу, больницу, гошпиталь, избирать для своей церкви священниковъ и для школы учителей, предоставлялъ братству внутреннее самоуправленіе и грозилъ проклятіемъ всякому, кто сдѣлался бы соблазнителемъ и разорителемъ братства ([521]). Сохранился «реэстръ» лицъ, вписавшихся въ виленское троицкое братство на 1594 годъ, и здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ имя самаго митрополита Михаила Рогозы, потомъ слѣдуютъ имена: Ѳедора Скумина — воеводы новогродскаго, Филона Кмиты Чернобыльскаго — воеводы смоленскаго и другихъ вельможныхъ пановъ и паней — Сопѣгъ, Сангушковной, Мстислав-

([521]) А. З. Р. IV, № 49. Извѣстна и другая грамата Потѣя, данная въ настоящемъ году, которою онъ приказывалъ епархіальному духовенству, чтобы оно само не расторгало браковъ, а представляло дѣла объ этомъ на разсмотрѣніе своего владыки (А. З. Р. IV, № 47).

скихъ, Соколинскихъ, Полубенскихъ, Масальскихъ, Огинскихъ, и множество другихъ лицъ, обоего пола, разныхъ сословій. Общее число братчиковъ простиралось до 368 ([522]). Матеріальныя средства этого братства такъ же умножались. Отъ князя Александра Полубенскаго оно получило въ даръ (1593 г.) фольваркъ Судерви, въ виленскомъ повѣтѣ, на содержаніе братскихъ священниковъ и школы; а у виленскаго купца Павла Михайловича Снипки купило (1594 г.), за триста копъ грошей, домъ, по сосѣдству съ двумя другими, которыми оно уже владѣло на большой улицѣ близъ острой брамы. Часть денегъ, слѣдующихъ за домъ, Снипка уступилъ, своимъ завѣщаніемъ, братству съ тѣмъ, чтобы оно ежегодно отпускало по три копы грошей на троицкій гошпиталь и по двѣ копы на росскій. Но священники братства, дѣйствительно, терпѣли стѣсненія отъ виленскихъ бурмистровъ и радцевъ, владѣвшихъ троицкимъ монастыремъ. Узнавъ однажды, что эти священники отслужили вечерню у большаго троицкаго алтаря, съ дозволенія митрополита, бурмистры и радцы явились (24 янв. 1594) къ самому митрополиту и объявили, что онъ поступилъ вопреки ихъ права, даннаго имъ королями на всѣ виленскія церкви и на троицкій монастырь, а за тѣмъ просили, чтобы впредь, безъ ихъ вѣдома, владыка такъ не распоряжался,—и митрополитъ счелъ за лучшее уступить ([523]).

([522]) Реэстръ этотъ напечатанъ въ Чтен. Моск. Истор. Общ. 1859, III, отд. III, 29—40. Но здѣсь, вмѣсто 1594 года, безъ сомнѣнія, по ошибкѣ, показанъ 1584 г., когда братство еще не существовало и Рогоза не былъ еще митрополитомъ.

([523]) Вилен. Археогр. Сборн. VI, № 41; Акт. Вилен. Археогр. Комм. VIII, № 5; Собр. грам. Вильны, Ковна, II, №№ 7. 8.

II.

Прошло три года, какъ четыре православныхъ епископа въ Литвѣ рѣшились принять унію, на извѣстныхъ условіяхъ. и заявить о томъ своему королю, и около двухъ лѣтъ, какъ король далъ епископамъ торжественное обѣщаніе выполнить предложенныя ими условія, насколько будетъ зависѣть отъ него,—и съ тѣхъ поръ дѣло какбудто остановилось, и мы не видимъ никакихъ слѣдовъ его. Знаемъ только, что въ 1592 г. многіе и изъ мірянъ въ Галиціи, при видѣ плачевнаго состоянія своей церкви, желали согласиться на унію, и папа принималъ тамъ нѣкоторыя мѣры для привлеченія русскихъ; знаемъ еще, что въ 1593 г. на владимірскую каѳедру возведенъ былъ извѣстный ревнитель уніи Потѣй, и самъ князь Острожскій писалъ къ нему посланіе объ уніи, — и больше ничего. А между тѣмъ, дѣло, начатое четырьмя епископами и королемъ, отнюдь не прекращалось; оно велось тайно и, хотя медленно, подвигалось впередъ, при участіи, съ одной стороны, епископовъ Кирилла Терлецкаго и Ипатія Потѣя, а съ другой — короля и его сенаторовъ, какъ духовныхъ, т. е. латинскихъ прелатовъ, такъ и свѣтскихъ. Въ 21-й день мая 1594 г. въ городскій владимірскій урядъ явился, съ своими крылошанами, владыка луцкій Кириллъ и просилъ внести въ актовыя книги листъ, начинавшійся слѣдующими словами: «Я, Кириллъ Терлецкій, милостію Божіею, экзархъ, епископъ луцкій и острожскій, и мы, капитула или крылошане луцкой соборной церкви св. Іоанна Богослова, объявляемъ всѣмъ и каждому, что, по волѣ и промышленію Бога, въ Троицѣ славимаго, и при усердномъ стараніи и содѣйствіи его королевской милости, пана нашего милостиваго Сигизмунда III и пановъ радъ, духовныхъ и свѣтскихъ, наступило давно желанное примиреніе и соединеніе, возстановилась братская любовь между двумя, столько времени разрозненными по вѣрѣ, церквами, восточною и западною, съ признаніемъ святѣйшаго папы римскаго верховнымъ пастыремъ и намѣстникомъ апостольскимъ. А чтобы точнѣе утвердить это соединеніе и засвидѣтельствовать покорность святѣйшему отцу папѣ, его королевская милость опредѣлилъ послать въ Римъ двухъ особъ, въ Бозѣ велебнаго отца Ипатія Потѣя, прототрона, епископа владимірскаго и брестскаго, и меня, епископа луцкаго, и на разныя дорожныя потребности позволилъ мнѣ своею граматою заложить одно изъ церковныхъ имѣній». Далѣе говорилось въ листѣ, что Кириллъ дѣйствительно заложилъ церковное имѣніе Водирари на сорокъ лѣтъ городскому владимірскому писарю Станиславу Кандыбѣ, занявъ у него 2000 польскихъ злотыхъ ([524]). Вотъ до чего уже доведено было дѣло объ уніи! И, однакожъ, въ немъ недоставало еще самаго главнаго и самаго существеннаго. Король, съ своими сенаторами, далъ согласіе на соединеніе русской церкви, находившейся въ его владѣніяхъ, съ римскою; но необходимо еще было согласіе самихъ іерарховъ западно-русской церкви и, во главѣ ихъ, митрополита: отъ ихъ только лица и можно было вести рѣчь объ уніи съ римскимъ первосвя-

([524]) Архив. югозапад. Россіи, ч. I, т. I, № 101. Нельзя не замѣтить, что въ этомъ же году, когда Кириллъ Терлецкій такъ хлопоталъ объ уніи, онъ творилъ и другія недостойныя дѣла (тамъ же №№ 94—100. 103).

щенникомъ. Король назначилъ послать въ Римъ двухъ депутатовъ изъ среды русскихъ же святителей; но необходимо было, чтобы этимъ депутатамъ дали отъ себя уполномоченность всѣ остальные ихъ собратія. Вѣрно, надѣялись легко и скоро получить ихъ согласіе, почему король и разрѣшилъ Кириллу Терлецкому заложить церковное имѣніе для путевыхъ издержекъ. А между тѣмъ потребовалось болѣе года и стоило многихъ хлопотъ и усилій, чтобы добиться отъ русскихъ владыкъ того, чего отъ нихъ желали.

Болѣе всѣхъ, разумѣется, пришлось хлопотать Ипатію Потѣю и Кириллу Терлецкому, уже назначеннымъ депутатами къ папѣ. Что дѣлали они для этой цѣли съ 21 мая, когда огласилось ихъ назначеніе, по декабрь 1594 г., съ точностію неизвѣстно. Можетъ быть, они объѣзжали, какъ и говорится у нѣкоторыхъ польскихъ историковъ, литовскіе и польскіе города, собирали на съѣзды православное духовенство и шляхту и убѣждали ихъ изъявлять согласіе на унію ([525]). Достовѣрно только, что въ началѣ декабря Потѣй и Терлецкій составили отъ лица всѣхъ русскихъ іерарховъ слѣдующій декретъ или приговоръ: «Мы, нижеподписавшіеся, глубоко чувствуемъ лежащую на насъ обязанность вести словесныхъ овецъ Христовыхъ къ тому единству въ вѣрѣ, которому научилъ насъ Христосъ, и особенно въ настоящее несчастное время, когда между людьми такъ умножились ереси, и многіе отступаютъ отъ нашей православной вѣры, наиболѣе потому, что мы разъединены съ римлянами, дѣтьми одной и тойже матери—каѳолической церкви, и не можемъ пособлять другъ другу. По уставу мы всегда просимъ Бога въ молит-

([525]) *Stebelski*, Chronolog., pag. 162.

вахъ нашихъ о соединеніи вѣры, на дѣлѣ же никогда о томъ не старались, а смотрѣли только на нашихъ старшихъ (т. е. патріарховъ), ожидая, что они постараются. Но надежда на нихъ все болѣе и болѣе ослабѣваетъ, потому что они находятся въ поганской неволѣ и ничего не могутъ сдѣлать, хотя бы и хотѣли. Отъ временъ Христа Спасителя и апостоловъ предки наши всегда признавали одного старшаго первопрестольника и пастыря въ церкви Божіей—святѣйшаго папу римскаго, и доколѣ то было, въ церкви существовалъ порядокъ, и ересямъ трудно было распространяться. Но когда настало много старшихъ и первопрестольниковъ, которые начали себѣ приписывать ту власть, теперь мы видимъ, до какого раздѣленія пришла церковь Божія и какую силу берутъ еретическія секты. Потому, не желая, чтобы и впредь гибли человѣческія души отъ такого раздѣленія, мы умыслили, съ Божіею помощію, соединиться, какъ было и прежде, съ братіею нашею римлянами подъ однимъ видимымъ верховнымъ пастыремъ, и даемъ себѣ предъ Господомъ Богомъ обѣтъ, что мы всѣмъ сердцемъ и со всею ревностію будемъ стараться, каждый порознь, о приведеніи и прочаго нашего духовенства и всего народа къ томуже соединенію. А для большаго возбужденія себя къ тому мы составили между собою настоящій письменный актъ, которымъ и свидѣтельствуемъ нашу полную и неизмѣнную волю на соединеніе съ римскимъ костеломъ». Актъ этотъ написанъ 2-го декабря 1594 г. и подписанъ, въ подлинникѣ, только двумя епископами: владимірскимъ Ипатіемъ Потѣемъ и луцкимъ Кирилломъ Терлецкимъ, которыхъ потому и слѣдуетъ признать его составителями. Но за тѣмъ они старались собрать подписи и прочихъ

іерарховъ,—такъ какъ, по другому, современному же списку, подъ актомъ этимъ подписались еще, кромѣ Потѣя и Терлецкаго: Михаилъ, митрополитъ кіевскій и галицкій и всея Руси; Григорій архіепископъ, владыка полоцкій и витебскій; Леонтій Пельчицкій, епископъ пинскій и туровскій; Діонисій Збируйскій, епископъ холмскій и белзскій; Іона Гоголь, архимандритъ кобринскій, и тотъ же Іона Гоголь, нареченный епископъ пинскій и туровскій ([526]). Изъ этихъ подписей необходимо заключить, что собираніе ихъ производилось очень долго: потому что, наприм., Григорій архіепископъ полоцкій могъ подписаться только послѣ 5-го мая 1595 г., когда онъ сдѣланъ коадъюторомъ полоцкаго архіепископа Ѳеанаила Селицкаго (вовсе не подписавшагося), или, вѣрнѣе, только послѣ 22-го сентября, когда сдѣлался его преемникомъ; равно и Іона Гоголь, хотя могъ быть и подписаться нареченнымъ епископомъ пинскимъ и туровскимъ еще при жизни пинскаго епископа Леонтія Пельчицкаго, но преемникомъ его сдѣлался только послѣ 22-го сент. 1595 г. ([527]). А это было уже, какъ увидимъ, предъ отъѣздомъ Потѣя и Терлецкаго въ Римъ. И потому легко понять, отъ чего подъ актомъ нѣтъ подписей епископовъ — львовскаго Гедеона Болобана и перемышльскаго Михаила Копыстенскаго: къ тому времени оба они уже отказались отъ всякаго участія въ уніи. Такимъ образомъ, настоящій актъ, придуманный Потѣемъ и Терлецкимъ, при появленіи своемъ, не могъ имѣть никакого вліянія на дѣло уніи.

Гораздо важнѣе было другое событіе, совершившееся къ

([526]) А. З. Р. IV, № 53.
([527]) А. З. Р. IV, №№ 64. 85. 86.

концу тогоже 1594 г. подъ вліяніемъ луцкаго владыки Кирилла Терлецкаго. По его приглашенію, съѣхались въ городъ Соколъ епископы: львовскій Гедеонъ, перемышльскій Михаилъ и холмскій Діонисій ([528]). Здѣсь Кириллъ старался изобразить предъ ними плачевное состояніе православной церкви и особенно порицалъ ея главныхъ архипастырей—восточныхъ патріарховъ, и своими хитрыми словами довелъ епископовъ до того, что они, во первыхъ, составили и подписали приговоръ, въ которомъ выражали свое согласіе на принятіе уніи, и который рѣшили послать, чрезъ самаго же Кирилла Терлецкаго, къ митрополиту, прося его благословенія, а во вторыхъ, написали условія (артикулы), на основаніи которыхъ, соглашались принять унію, и поручили, вѣроятно, томуже луцкому владыкѣ изложить эти условія предъ королемъ. Въ началѣ своихъ условій епископы говорили: «видимъ мы въ нашихъ старшихъ, т. е. патріархахъ, великое нестроеніе и незаботливость о церкви Божіей; сами они въ неволѣ и, вмѣсто четырехъ патріарховъ, теперь явилось ихъ уже восемь (чего прежде никогда не бывало). Видимъ, какъ они живутъ тамъ, на своихъ каѳедрахъ, и подкупаются другъ подъ другомъ, какъ утратили свои соборныя церкви. А пріѣзжая къ намъ, они не ведутъ никакихъ диспутовъ съ иновѣрными и не хотятъ давать отвѣтовъ отъ св. писанія, хотя бы кто и

([528]) Гедеонъ, въ своемъ протестѣ, говоритъ, будто этотъ съѣздъ былъ еще 27-го іюня 1594 г. (Архив. югозапад. Россіи, ч. I, т. I, № 109). Но—а) изъ современнаго документа видно, что Гедеонъ съ 24-го іюня по 10-е іюля означеннаго года не видѣлся съ К. Терлецкимъ (тамъ-же № 107); б) Потѣй въ письмѣ отъ 16-го генваря 1595 г. упоминаетъ о съѣздѣ епископовъ въ Соколѣ, какъ о чёмъ-то недавнемъ и еще неизвѣстномъ митрополиту (А. З. Р. IV, № 56); в) въ Антиррисисѣ, составленномъ грекомъ Аркудіемъ подъ вліяніемъ тогоже Потѣя, сказано даже, что этотъ съѣздъ епископовъ въ Соколѣ былъ уже въ 1595 г. (str. 47).

требовалъ, а лишь собираютъ съ насъ свои пожитки болѣе, нежели сколько слѣдовало бы, и набравъ, откуда ни попало, денегъ, подкупаютъ другъ друга тамъ, въ землѣ поганской. Потому мы, не желая болѣе оставаться подъ такимъ ихъ пастырствомъ, единодушно согласились и желаемъ приступить къ соединенію вѣры и признать святѣйшаго папу римскаго нашимъ единымъ верховнымъ пастыремъ. Только просимъ, чтобы господарь обезпечилъ насъ, съ нашими епископіями, своею граматою и навсегда утвердилъ слѣдующіе артикулы: а) чтобы обряды и церемоніи въ нашихъ церквахъ не нарушались ни въ чемъ до скончанія вѣка; б) чтобы русскія владычества, церкви, монастыри и ихъ имущества оставались въ цѣлости, и все духовенство, по стародавнему обычаю, подъ властію, благословеніемъ и подаваньемъ епископовъ; в) чтобы всѣ церковныя дѣла и служба Божія не нарушались никѣмъ, ни изъ духовныхъ, ни изъ свѣтскихъ, и отправлялись по старому календарю; г) чтобъ господарь благоволилъ дать намъ почетъ на сеймѣ и мѣсто въ радѣ (сенатѣ); д) чтобы проклятія, какія могутъ быть на насъ отъ патріарха, не причинили никакого вреда ни намъ, ни нашему духовенству; е) чтобы монахи изъ Греціи, которые пріѣзжаютъ сюда грабить насъ и которыхъ мы смѣло можемъ назвать шпіонами, никакой власти надъ нами больше не имѣли; ж) чтобы листы и привиллегіи, какіе понадавали у насъ патріархи, ради прибытковъ своихъ, братствамъ и на разныя справы въ народѣ, отъ чего размножились секты и ереси, были уничтожены; з) чтобы каждый новоизбранный епископъ былъ посвящаемъ отъ митрополита кіевскаго, а самаго митрополита посвящали всѣ епископы, съ благословенія папы

римскаго, и безъ всякой платы; и) чтобы всѣ эти артикулы король утвердилъ намъ своими граматами, одною на латинскомъ, а другою на русскомъ языкѣ; і) чтобы король постарался объ утвержденіи тѣхъ же артикуловъ и граматою святѣйшаго папы, и чтобы мы удостоены были такихъ же вольностей, какими пользуются въ коронѣ польской и вел. княжествѣ литовскомъ арцибискупы, бискупы, прелаты и все римское духовенство» ([529]).

Когда владыка луцкій Кириллъ, по порученію епископовъ, собиравшихся въ Соколѣ, явился къ митрополиту съ ихъ посланіемъ и приговоромъ объ уніи, митрополитъ изъявилъ на нее, и въ своей стороны, согласіе, и собственноручно написалъ свои «пункты», по которымъ поручилъ томуже Кириллу, отправлявшемуся къ королю съ «артикулами» отъ епископовъ, ходатайствовать предъ польскимъ канцлеромъ и гетманомъ Замойскимъ. «Прежде всего,—писалъ Рогоза,—по несогласію самихъ нашихъ старшихъ, патріарховъ. я хочу съ иными *нѣкоторыми епископами* признать верховную власть святѣйшаго папы римскаго, сохранивши въ цѣлости всѣ обычаи и обряды нашей восточной церкви. А его милость, пана гетмана просить, да обезпечитъ насъ король своею граматою, чтобы я, митрополитъ, оставался на своей митрополіи до конца жизни, во всякой чести, уваженіи и покоѣ; чтобы я, по примѣру моихъ предмѣстниковъ, имѣлъ мѣсто въ радѣ и всѣ вольности наравнѣ съ римскими духовными; чтобы неблагословенные листы на насъ отъ патріарховъ, если какіе

([529]) А. З. Р. IV, №№ 55. 149, стр. 211. Въ Антиррисисѣ прямо сказано, что эти условія уніи написаны означенными владыками на съѣздѣ въ Соколѣ (str. 47). Потѣй не бывшій тогда на съѣздѣ, подписался подъ этими условіями, вѣрно, уже впослѣдствіи.

будутъ принесены, не имѣли никакой силы и значенія; чтобы монахи изъ Греціи больше у насъ не бывали и въ непріятельскую московскую землю не пропускались. Особенно просить пана гетмана, чтобы не пускали, съ листами къ намъ отъ патріарховъ, людей перехожихъ и проѣзжихъ: ибо мы справедливо признаемъ ихъ шпіонами». Легко примѣтить, что митрополитъ изложилъ въ своихъ пунктахъ, хотя короче, тѣже главныя мысли, какія были изложены въ артикулахъ епископовъ, и даже воспользовался кое-гдѣ тѣмиже выраженіями: знакъ, что артикулы епископовъ были ему показаны и имъ прочитаны. Эта собственноручная записка Рогозы, уцѣлѣвшая доселѣ, служитъ неопровержимымъ доказательствомъ, что еще къ концу 1594 г. онъ изъявилъ свое согласіе на унію и изъявилъ изъ-за своихъ личныхъ выгодъ ([530]). Но, вручая Кириллу Терлецкому эту свою записку, митрополитъ позаботился упросить его, чтобы онъ не открывалъ о происходившемъ между ними и о данномъ имъ—митрополитомъ согласіи на унію никому изъ православныхъ, даже самому Ипатію Потѣю. Когда послѣдній, въ генварѣ слѣдующаго (1595) года, находясь въ Торчинѣ у князя бискупа луцкаго Бернарда Мацѣевскаго, встрѣтился тамъ съ Терлецкимъ и спросилъ его о свиданіи его съ митрополитомъ послѣ съѣзда епископовъ въ Соколѣ, то Кириллъ отвѣчалъ, что хотя онъ былъ у митрополита, но о съѣздѣ ему и о тайныхъ рѣшеніяхъ съѣзда ничего не сказалъ. И потому Потѣй спѣшилъ (отъ 16-го генв.) сообщить митрополиту за новость, которую съ трудомъ будтобы вывѣдалъ отъ Кирилла, что въ Соколѣ «всѣ уже епископы списались»

([530]) А. З. Р. IV, № 54.

приступить къ соединенію съ римлянами, и что о томъ дано уже знать кое-кому и изъ верховныхъ лицъ. За тѣмъ Потѣй продолжалъ: «когда я имѣлъ объ этомъ разговоръ съ княземъ-бискупомъ луцкимъ, то онъ просилъ меня и владыку луцкаго, чтобы мы привели къ тому же и вашу милость, указывая на немалыя отъ того выгоды для церкви Божіей. Я говорилъ съ княземъ о великихъ обидахъ, которыя мы терпимъ не только отъ нихъ, католиковъ, но и отъ своихъ; говорилъ, что нѣтъ у насъ согласія; старшаго своего, митрополита, считаемъ ни за-что, противъ него бунтуемъ, на его граматы и проклятія не обращаемъ вниманія, и вовсе не хотимъ имѣть надъ собою старшаго. Бискупъ мнѣ отвѣчалъ: «знаю, знаю; но отъ чего же это такъ дѣлается? Отъ того, что порядка между вами нѣтъ, а ваши патріархи объ этомъ не заботятся; только за тѣмъ сюда пріѣзжаютъ, чтобы васъ грабить и сѣять между вами несогласія, выдавая граматы на граматы. Но когда будете въ уніи, тогда все пойдетъ иначе; старшій будетъ имѣть бо́льшее значеніе, и всѣ будутъ его слушать и бояться». Говорили далѣе о томъ, чтобы приступить къ уніи безъ насилія совѣсти и вѣры нашей, вспомнили и о мѣстѣ въ радѣ, и на все получили добрый отвѣтъ и обѣщаніе помогать намъ. Говорили и о томъ, что ваша милость, хотя бы и хотѣлъ привести дѣла въ порядокъ, но средствъ не имѣетъ по обѣдненію старшей каѳедры. Бискупъ отвѣчалъ: «это послѣднее дѣло; будемъ стараться, чтобы та каѳедра, для бо́льшей важности, получила хорошее содержаніе», и самъ указалъ на печерскій, говоря: «приличнѣе управлять имъ митрополиту кіевскому, нежели живущимъ тамъ пьяницамъ». И просилъ насъ о томъ, чтобы мы сами ѣхали къ

вашей милости и обо всемъ съ вами договорились. «А когда согласитесь,—сказалъ,—дайте намъ тихонько знать, а мы уже не только отъ короля, но и отъ самаго папы пословъ къ вамъ имѣть будемъ съ приглашеніемъ васъ къ уніи, и синодъ отъ короля будетъ назначенъ; тамъ, на томъ синодѣ, будемъ трактовать съ вами, какъ бы прежде всего согласиться въ томъ, въ чемъ мы не сходимся; тамъ же обезпечено будетъ вамъ, чего вы желаете, относительно цѣлости вашей вѣры и вашихъ церемоній». Съ тѣмъ мы и разстались, обѣщавшись ѣхать къ вашей милости. И потому прошу: сдѣлайте милость, увѣдомьте насъ, гдѣ можемъ васъ найти»... Далѣе Потѣй увѣдомлялъ митрополита: «я видѣлъ у луцкаго владыки грамату короннаго канцлера, въ которой пишетъ, что король желаетъ видѣться съ вашею милостью, и чтобы владыка луцкій такъ же ѣхалъ къ королю (то не даромъ); но луцкій обѣщался не ѣхать, пока не увидимся съ вашею милостью». Это значило, что Кириллъ Терлецкій успѣлъ уже исполнить возложенное на него порученіе отъ митрополита и епископовъ и побывалъ у короннаго канцлера и короля, который потому-то и приглашалъ теперь къ себѣ митрополита вмѣстѣ съ Кирилломъ. Въ заключеніе Потѣй прибавлялъ: «а письма этого, покорно прошу, никому ваша милость не показывай, ибо я повѣряю то вашей милости, какъ старшему пастырю» ([531]). Такимъ образомъ, и митрополитъ скрытничалъ, и Кириллъ Терлецкій, и Потѣй: всѣ чего-то опасались. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что опасались они наиболѣе своихъ же могущественныхъ мірянъ, которые могли, своимъ вліяніемъ, повредить имъ и замышляемому ими дѣлу, каковы особенно

([531]) А. З. Р. IV, № 56.

были воеводы: кіевскій князь Острожскій и новогродскій Скуминъ-Тышкевичъ. Вотъ что, наприм., писалъ къ послѣднему митрополитъ, отъ 20 генв., послѣ того какъ получилъ, чрезъ Терлецкаго, приговоръ епископовъ, собиравшихся въ Соколѣ, и самъ вручилъ Терлецкому такое же отъ себя согласіе на унію: «Православный, вельможный и милостивый панъ воевода! Стараясь давать знать вашей милости, какъ столпу церкви нашей, обо всѣхъ новостяхъ, касающихся церкви и меня, извѣщаю васъ о новой новинкѣ, никогда неслыханной предками нашими и вашею милостію: посылаю вамъ, въ копіи, листъ, писанный ко мнѣ отцами епископами, о намѣреніи ихъ подчиниться римскому костелу. Посмотри самъ, ваша милость, какъ панъ мудрый и осмотрительный, и что тебѣ покажется, поскорѣй отпиши мнѣ. А я, безъ воли Божіей и вашей милости, и не думаю на то согласиться, опасаясь какого либо подступу и прелести для нашей церкви и утѣшаясь мыслію: если весь міръ пріобрѣту, а душу свою потеряю, чѣмъ выкуплю?» (Матѳ. 16, 26) ([532]).

Смѣлѣе всѣхъ дѣйствовалъ Гедеонъ, епископъ львовскій. Не довольствуясь тѣмъ, что далъ свое согласіе на унію, вмѣстѣ съ другими епископами, въ Соколѣ, Гедеонъ созвалъ еще соборъ у себя во Львовѣ (28 генв. 1595 г.). Здѣсь присутствовали архимандриты, игумены, іеромонахи, протопопы и священники не изъ одной только львовской епархіи, но «изъ разныхъ воеводствъ, земель и повѣтовъ» Литвы и Польши, и даже нѣсколько духовныхъ сановниковъ изъ-за границы. И всѣ присутствовавшіе единогласно постановили: «мы, нижеподписавшіеся, признаемъ св. католическую римскую

([532]) А. З. Р. IV, № 57.

церковь, отъ которой неразумно, послѣ вселенскаго флорентійскаго собора, отторглись греческіе патріархи, за церковь истинную, имѣющую власть надъ всею вселенною, и настоящимъ нашимъ письменнымъ актомъ обѣщаемъ и присягаемъ, подъ утратою вѣчнаго спасенія, не отступать отъ святѣйшихъ первопрестольниковъ римскихъ. А еслибы кто либо изъ насъ, по превратности сердца, отступилъ самъ или содѣйствовалъ своимъ мірянамъ отступить отъ сего исповѣданія и подчиненія святѣйшему папѣ, тогда да не напишется имя такого отступника съ праведными, и епископство его да пріиметъ другой. Усердно просимъ верховныхъ пастырей нашихъ, преосвященнаго митрополита и епископовъ, чтобы они спасеное дѣло св. уніи съ римскимъ престоломъ окончили безъ отлагательства, донесли святѣйшему папѣ римскому наше сердечное исповѣданіе и союзное рукописаніе, и испросили всѣмъ намъ благословеніе отъ его святѣйшества». Подъ актомъ подписались, послѣ епископа Гедеона, Лука митрополитъ бѣлградскій, Паисій епископъ викрасскій (изъ Греціи), Аѳанасій архимандритъ съ св. горы аѳонской, а изъ русскихъ — архимандриты: кіево-печерскій (Никифоръ Туръ), супрасльскій, дерманскій, игумены: дубенскій, смольницкій, протопопы: подгаецкій (Несторъ Кузменичь), скальскій, ратенскій, слуцкій, нѣсколько намѣстниковъ архіерейскихъ, іеромонаховъ, священниковъ и монастырскихъ старцевъ ([533]). Постановленіе это, судя по составу собора, не могло не огласиться и, безъ сомнѣнія, было доставлено митрополиту и епископамъ: такъ какъ къ нимъ-то и обращался соборъ въ этомъ постановленіи съ своею просьбою.

([533]) А. З. Р. IV, № 58.

Между тѣмъ митрополитъ, довѣрившись одному Кириллу Терлецкому, продолжалъ скрываться даже отъ Ипатія Потѣя, и, несмотря на письмо послѣдняго, всячески уклонялся отъ свиданія съ нимъ. Равно и Терлецкій, въ точности выдерживая данное митрополиту обѣщаніе, продолжалъ дѣйствовать скрытно отъ Потѣя, такъ что положеніе послѣдняго становилось тяжелымъ, и онъ рѣшился вновь писать къ митрополиту (11 февр.): «Ваша милость на мое писаніе ничего мнѣ не отписали, и я теперь самъ не знаю, что будетъ дальше; а не слѣдовало бы вашей милости считать то для себя маловажнымъ. Ради Бога прошу, дай мнѣ знать вѣрно о твоемъ умыслѣ: я и доброе и злое за вашу милость готовъ терпѣть, и ни въ чемъ не отступлю отъ вашей милости. Тамъ вашей милости легче между своими, а мы тутъ въ зубахъ: коли захотятъ, могутъ насъ съѣсть. Не знаю, доложилъ ли я въ прежнемъ письмѣ вашей милости, что я видѣлъ у луцкаго владыки грамату короннаго канцлера, въ которой пишетъ, что король желаетъ съ вами видѣться. Когда поѣдишь къ королю, заѣзжай ко мнѣ: очень нужно. Спрашивалъ я владыку луцкаго, за чѣмъ онъ ѣдетъ къ королю, — и тотъ подъ присягою отвѣчалъ: «самъ не знаю; у меня нѣтъ дѣла ни своего, ни чужаго». А теперь, безъ меня, знать, вслѣдствіе другой граматы, былъ у канцлера и поѣхалъ въ Краковъ. Богъ знаетъ, что это такое. Лишь то вѣдаю, что при дворѣ обо мнѣ говорятъ: «на кого мы надѣялись, тотъ теперь хуже всѣхъ». Оттого меня минуютъ и королевскіе и канцлеровы листы, и сеймиковыхъ листовъ мнѣ не прислано, а у Луцкаго все то есть. Ради Бога подумай, какъ бы намъ не остаться въ послѣднихъ... Если теперь нельзя намъ съ тобою видѣться,

то, ради Бога, постарайся разослать пригласительныя граматы къ собору на св. Іоанна (24 іюня), потому что теперь особенно намъ нужно съѣхаться всѣмъ. Ради Бога прошу, отвѣчай мнѣ обо всемъ на письмѣ: ничего не опасайся, ты какбы камень въ море бросишь» ([534]). Впрочемъ, томительное состояніе Ипатія Потѣя было непродолжительно. Кириллъ Терлецкій, находясь у короля, и испросивъ себѣ у него подтвердительную грамату (отъ 9-го февр. 1595 г.) на званіе экзарха, не забылъ, вѣрно, сдѣлать благопріятный отзывъ и о своемъ сотрудникѣ, и король прислалъ Потѣю слѣдующую грамату (отъ 18 февр.): «Мы уразумѣли ваше пламенное желаніе и добрую волю къ соединенію церкви Божіей греческой съ католическою римскою, какъ бывало издавна, подъ властію одного пастыря, святѣйшаго папы римскаго. Такое ваше желаніе и намѣреніе не только хвалимъ, но и съ благодарностію отъ васъ принимаемъ, и увѣрены, что это дѣло Духа Святаго и беретъ свое начало отъ Бога, который, какъ самъ въ Троицѣ единъ, такъ и церковь свою святую въ единствѣ имѣть хочетъ, и одного пастыря въ ней поставилъ... Желаемъ и напоминаемъ, чтобы вы въ томъ добромъ и блаженномъ своемъ предпріятіи не только не уставали, но, какъ можно, усерднѣе и скорѣе о томъ старались. Самъ Господь Богъ, отъ котораго исходитъ все доброе, будетъ вамъ въ помощь и уготовитъ вамъ за то стократную мзду въ царствѣ своемъ небесномъ. А мы, принявъ васъ въ нашу королевскую оборону, всегда вамъ паномъ ласковымъ и милостивымъ быть хочемъ, и святѣйшему папѣ римскому особенно засвидѣтельствуемъ васъ и стараніе ваше. Только не нужно медлить,

([534]) А. З. Р. IV, № 59.

надобно, какъ можно скорѣе, доводить до конца это похвальное дѣло, о чемъ подробнѣе говорить съ вами мы поручили велебному епископу луцкому, которому дайте во всемъ полную вѣру» ([535]).

Если усердіе Ипатія Потѣя такъ оцѣнилъ самъ король, то усердіе львовскаго владыки Гедеона желалъ оцѣнить митрополитъ Рогоза, и въ немъ произошла удивительная перемѣна. Доселѣ, какъ мы видѣли, онъ постоянно стоялъ за львовское братство и преслѣдовалъ Гедеона и не далѣе, какъ съ полгода назадъ, на брестскомъ соборѣ, на который Гедеонъ не захотѣлъ явиться, осудилъ его заочно и отлучилъ отъ святительскаго служенія. А теперь, когда Гедеонъ ясно показалъ свою наклонность къ уніи на съѣздѣ въ Соколѣ и еще яснѣе на соборѣ во Львовѣ, митрополитъ самъ началъ искать возможности простить осужденнаго епископа и примириться съ нимъ. Во Львовѣ совершенно неожиданно получена была запись отъ имени митрополита, составленная 25 февр. 1595 г., въ которой говорилось: «еслибы осужденный епископъ Гедеонъ Болобанъ обратился съ просьбою о помилованіи, извиняясь тѣмъ, что онъ не могъ, по причинѣ набѣга татаръ, опустошавшихъ въ 1594 г. Галичъ и Крылосъ, явиться на соборъ по спору съ братствомъ, и попросилъ бы новаго срока для явки, то митрополитъ дозволяетъ ему вновь начать духовный судъ по тяжбѣ съ братствомъ о монастырѣ и городской церкви». Братство поняло, откуда повѣялъ вѣтеръ, и немедленно внесло въ городскія книги протестъ, что митрополитъ не въ правѣ самъ собою отмѣнять постановленіе собора, утвержденное патріархомъ. Но дѣло тѣмъ не ограни-

([535]) Архив. югозапад. Россіи, ч. I, т. I, № 60; А. З. Р. IV, № 60.

чилось. Вскорѣ митрополитъ нашелъ случай лично видѣться съ Гедеономъ въ слуцкомъ монастырѣ. Что говорили они тогда, осталось между ними; только въ заключеніе свиданія, митрополитъ разрѣшилъ осужденнаго Гедеона и далъ ему свою благословенную грамату, по прежнему, святительствовать. Объ этомъ митрополитъ тогда же (въ мартѣ) увѣдомилъ князя К. К. Острожскаго. Но какъ увѣдомилъ? Онъ не только скрылъ отъ князя о своемъ сочувствіи уніи и о собственноручной записи, ввѣренной имъ Кириллу Терлецкому, не только умолчалъ и о двукратно уже заявленномъ согласіи Гедеона на унію, но прямо выставлялъ себя и Гедеона ревнителями православія и врагами уніи и ея поборниковъ. Вотъ самыя слова митрополитова посланія: «Когда я, какъ прежде, такъ и нынѣ, сообразно съ нашимъ продолжительнымъ совѣщаніемъ, старался обнаружить тотъ скрытый обманъ, весьма кстати случилось, что я засталъ теперь въ слуцкомъ монастырѣ отца владыку львовскаго, отъ котораго, надѣюсь, не возстанетъ тотъ вредный для нашей восточной церкви и всего православнаго народа пожаръ. Онъ ничего не знаетъ о томъ предпріятіи другихъ епископовъ, весьма противится ихъ злымъ умысламъ и далъ клятву на евангеліи, что какъ о томъ не знаетъ, такъ и не желаетъ сообщаться съ ними, и обѣщался, всячески развѣдывая объ этомъ въ королевствѣ, извѣщать меня и вашу княжескую милость обо всемъ, о чемъ ни услышитъ. А такъ какъ онъ былъ осужденъ опредѣленіемъ нашего духовнаго собора, то, во вниманіе къ обѣщанію его тщательно наблюдать за проступками прочихъ епископовъ при дворѣ и у себя, заблагоразсудилось мнѣ освободить его отъ осужденія,—вслѣдствіе чего и дали мы ему грамату на-

шего благословенія, для утвержденія его въ томъ обѣщаніи. Объ этомъ особенно вашей княжеской милости, какъ оку православной церкви, слѣдуетъ стараться и развѣдывать, чтобы заслужить приносимую за васъ всѣми христіанами молитву. Наиболѣе же благоволите беречься того райскаго змія и коварной лисицы (Кирилла Терлецкаго), о которомъ я говорилъ вашей милости»... ([536]). Можно судить, до какого упадка доведена была совѣсть митрополита Рогозы, когда онъ могъ такъ беззастѣнчиво низвращать правду и такъ смѣло говорить ложь. И эта беззастѣнчивость тѣмъ представляется возмутительнѣе, что другому вельможному пану, воеводѣ Скумину, митрополитъ писалъ о Гедеонѣ совсѣмъ иное и говорилъ объ его отступленіи къ уніи. Свидѣтель—самъ Скуминъ, который отъ 10-го мая такъ отвѣчалъ митрополиту: «утѣшило меня твое письмо, извѣстившее меня о твоемъ добромъ здоровьѣ; но съ великою скорбію читалъ я то, что пишешь ты о положеніи дѣлъ въ церкви Божіей въ наши плачевныя времена. И слѣпой можетъ видѣть, что всему виною несогласіе братства съ владыкою Гедеономъ. Не менѣе виновникомъ того, безъ всякаго сомнѣнія, можемъ признать и патріарха нашего константинопольскаго, который своими граматами, сюда высылаемыми, произвелъ всю эту смуту и до того привелъ духъ и воспалилъ противниковъ, что владыка львовскій, томимый отъ братства, не только долженъ былъ броситься въ такое отщепенство, но, думаю, радъ былъ бы взять въ помощь себѣ и душевнаго врага,—что и дока-

([536]) *Зубрицк.* Лѣтоп. львов. братства, подъ 1595 годомъ; Письмо митрополита къ кн. Острожскому—въ Апокрисисѣ, стр. 25—26, и въ Опис. Кіево-Соф. Собора, прилож. № 14, стр. 63.

залъ, и другихъ увлекъ за собою. Если это стало по волѣ Божіей, то будетъ твердо, а если нѣтъ, то скоро отмѣнится. О томъ я теперь мудрствовать не хочу. Что же теперь съ тѣмъ дѣлать, спрашиваете меня ваша милость; но сердцевѣдецъ Богъ вѣдаетъ, что я не могу дать тутъ никакого совѣта, одно только скажу: еслибы мы захотѣли противиться всѣмъ, то какъ бы мы не напрасно трудились. Причинъ тому вижу много, но бумагѣ повѣрить не хочу. Желалъ бы видѣться съ вашею милостію и наговориться о томъ» ([537]).

Не одинъ митрополитъ, а и Потѣй такъ же обманывалъ князя Острожскаго. Когда разнесся слухъ, что Терлецкій ѣздилъ къ королю въ Краковъ посломъ отъ нѣкоторыхъ лицъ, согласившихся на унію, и князь Острожскій спросилъ Потѣя, письмомъ изъ Турова (отъ 9-го марта), гдѣ находится и что чудачитъ владыка луцкій, то Потѣй, уже получившій изъ Кракова отъ короля, черезъ Кирилла Терлецкаго, похвальную грамату за свое усердіе къ уніи, отвѣчалъ (17 марта) князю изъ Владиміра: «О бытности въ Краковѣ отца владыки луцкаго я узналъ уже здѣсь, по пріѣздѣ моемъ. Но чтобы онъ отъ кого былъ посылаемъ туда,—Богомъ свидѣтельствуюсь,—

([537]) Antirrisis, str. 48; Апокрис., стр. 29; Опис. Кіево-Соф. собора, прилож. № 14, стр. 66; А. З. Р. IV, № 63. Тоже, что сказалъ здѣсь Скуминъ о владыкѣ львовскомъ Гедеонѣ, повторяли и другіе. «Не дивно,—писалъ въ 1601 г. Ипатій Потѣй, — что владыка львовскій отпалъ отъ св. уніи: онъ рѣшился-было на нее non sincero corde и не для славы Божіей, а по своимъ личнымъ побужденіямъ,—потому что на него нападали патріархи за львовское братство, какъ свидѣтельствуютъ и сами львовскіе братчики. Равно и архіепископъ львовскій могъ бы повѣдать, что Гедеонъ пріѣзжалъ къ нему въ Дунаево и, со слезами повергаясь къ ногамъ его, просилъ освободить его-владыку изъ неволи константинопольскихъ патріарховъ, обѣщаясь быть въ послушаніи римскому папѣ. А луцкій владыка готовъ показать evidentissimis testimoniis, что не кто другой, какъ Гедеонъ первый зачалъ ту унію и отступилъ отъ патріарховъ» (Supplem. ad Hist. Russ. Monum. № 186, pag. 474).

о томъ я и не слыхалъ, и не думаю, чтобъ онъ ѣздилъ туда отъ кого либо посломъ. А чтобы мы хотѣли что нибудь такое постановить между собою, о томъ намъ и не снилось. Развѣ мы не видимъ, что хотя бы всѣ мы, епископы, согласились на ту унію, а христіанство все не соизволяло на нее, то это было бы только напраснымъ трудомъ и безчестіемъ намъ предъ нашими овцами... Да намъ бы и не позволительно было заключать или начинать такое дѣло столь тайно, безъ собора и безъ вѣдома всѣхъ братій нашихъ меньшихъ, но равныхъ намъ слугъ церкви Божіей, и прочихъ христіанъ, а особенно безъ вашихъ милостей, пановъ христіанскихъ: не дай Богъ о семъ и подумать». Но, получивъ вскорѣ послѣ того довольно рѣзкое письмо отъ Острожскаго (писанное 21 марта), Потѣй хотя не скрывалъ уже предъ нимъ своего сочувствія къ уніи, однакожъ все еще старался умалять свое участіе въ этомъ дѣлѣ, и отвѣчалъ князю (25 марта): «Покорно благодарю за предостереженіе, и признаюсь, я считалъ бы унію полезною не столько для своей корысти и дальнѣйшаго возвышенія, сколько для умноженія хвалы Божіей: разумѣю не такую унію, чтобы намъ совсѣмъ претвориться въ иной образъ, а такую, чтобы мы, оставаясь въ цѣлости, исправили только нѣкоторыя вещи, которыхъ держимся больше по упрямству, нежели по истинѣ... Много могъ бы я писать вашей милости, что дѣется въ моей брестской епископіи, какое притѣсненіе терпятъ христіане въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Еще бы я утѣшался тѣмъ, еслибы крестъ тотъ они несли съ покорностію, а то отпадаютъ не по одному, громадами, видя наше безсиліе, и, Богъ вѣдаетъ, съ кѣмъ мы останемся. Что касается новостей краковскихъ, то, думаю, онѣ невѣрны; а

еслибъ даже были вѣрны, не разумѣйте здѣсь моей особы: ибо не только о кардинальствѣ или митрополіи не помышляю, но часто плачусь на себя и за тотъ санъ, который ношу, и на того, кто меня къ нему направилъ, особенно видя, что дѣлается на свѣтѣ. О бланкетахъ ни о какихъ не вѣдаю, никому ихъ ни на что не давалъ. Но и я кое-что вѣдаю и самое вѣрное...; если кто самъ себя за святаго выдаетъ, а насъ порочитъ, то нѣтъ ничего тайнаго, чтобы не сдѣлалось явнымъ (не намекъ ли здѣсь на митрополита?). Одно знаю, что я ничего не начиналъ; но если всѣ пойдутъ за чѣмъ-нибудь добрымъ, то я бы не хотѣлъ остаться позади»... ([538]).

Тайна митрополита Рогозы, которую онъ довѣрилъ только одному Терлецкому и скрывалъ даже отъ Потѣя, сдѣлалась, наконецъ, извѣстною послѣднему. И оба они, Терлецкій и Потѣй, въ началѣ мая, отправлялись въ Краковъ, по порученію самаго митрополита, чтобы исходатайствовать ему то, чего онъ добивался за свою измѣну православію. Когда же они, окончивъ возложенное на нихъ порученіе съ полнымъ успѣхомъ, возвратились на родину и просили митрополита назначить имъ свиданіе, митрополитъ, хотя назначилъ и мѣсто и время для свиданія, самъ не явился. Огорченные епископы написали къ нему (отъ 20 мая): «Мы въ точности исполнили волю и письменный приказъ вашей милости, какъ нашего старшаго, пріѣхали въ Кобринъ въ пятое воскресенье по пасхѣ, прождали тебя здѣсь три дня, надѣясь, что ваша милость явишься въ урочное время, какъ обѣщался въ письмѣ. Но, не дождавшись ни тебя, ни какого либо посланца отъ тебя, и не зная причины, почему ваша милость не пожало-

([538]) А. З. Р. IV, № 63; Опис. К.-Соф. Собора, прилож. стр. 66.

валъ, мы принуждены были разъѣхаться. Теперь мы сами нарочно шлемъ къ вашей милости, и въ письмѣ своемъ не благодаримъ тебя за то, что ты погордился не столько надъ нами, твоею братіею, но и надъ кое-кѣмъ нáбольшимъ, кому извѣстно было объ этомъ предполагавшемся нашемъ съѣздѣ. И, по правдѣ, вспомнилъ бы ваша милость, съ чѣмъ ты отправилъ насъ, и какъ тамъ благодарно то было принято: все, чего ты хотѣлъ, теперь имѣешь въ рукахъ своихъ, привиллегіи, граматы увяжчыя (на владѣніе кіево-печерскимъ монастыремъ) и банницію на того человѣка (кіево-печерскаго архимандрита Никифора Тура). Дивно намъ, что ваша милость, самъ о томъ просивши, теперь то покидаешь, и пренебрегаешь ласкою, тебѣ предложенною. Еслибы мы знали, гдѣ ты находишься, то сами поѣхали бы къ тебѣ; но, не зная этого, мы просимъ вашу милость бросить все и, какъ можно скорѣе, пріѣхать къ намъ въ Брестъ, какъ для своихъ дѣлъ, которыя не терпятъ отлагательства, такъ и для общихъ. А если не пріѣдешь, то, право, ты насъ выдашь на снѣденіе; насъ погубишь, да и самъ не воскреснешь: ибо это не съ своимъ братомъ шутить» ([539]). Необходимо сказать, что, по смерти епископа владимірскаго Мелетія Хрептовича (13 генв. 1593), бывшаго вмѣстѣ архимандритомъ кіево-печерскаго монастыря, послѣдній отданъ былъ королемъ Никифору Туру, который хотя вступилъ въ управленіе монастыремъ и назывался нареченнымъ архимандритомъ его, но не хотѣлъ дѣйствительно принять на себя сана архимандрита. Митрополитъ два раза присылалъ къ нему (въ мартѣ и сентябрѣ 1594 года), чтобы онъ явился для посвященія, и въ первый разъ Ники-

([539]) А. З. Р. IV, № 66.

форъ Туръ отвѣчалъ посланному: «отцу митрополиту нѣтъ до меня дѣла; пусть онъ смотритъ за порядкомъ въ Новогородкѣ, а не тутъ», во второй же — слѣдующимъ образомъ: «какъ прежде я тебѣ сказалъ, что панъ твой митрополитъ не имѣетъ здѣсь никакой власти, съ тѣмъ и теперь тебя отпускаю» (540). Противъ этого-то человѣка, не хотѣвшаго покориться митрополиту, король и выдалъ теперь, по ходатайству Терлецкаго и Потѣя, грамату на имя митрополита (отъ 5-го мая), въ которой говорилъ, что если, въ самомъ дѣлѣ, Никифоръ Туръ доселѣ не принялъ сана архимандрита, и кромѣ того расточаетъ монастырское имущество, то митрополитъ взялъ бы у него «до своего секвестру», чрезъ королевскаго дворянина, печерскій монастырь, со всѣмъ, что̀ ему принадлежитъ, и имѣлъ бы тотъ монастырь въ своемъ держаньи (541). Въ тотъ же день король написалъ и къ самому Никифору Туру, что такъ какъ онъ расточаетъ церковное имущество, за что̀ и подвергся уже клятвѣ отъ старшаго пастыря, и такъ какъ отказывается принять посвященіе въ санъ архимандрита,—а, по сеймовому постановленію 1568 года, свѣтскіе люди, получившіе какую либо духовную должность, но втеченіе трехъ мѣсяцевъ не принявшіе посвященія, должны быть лишаемы этой должности,—то и онъ лишается архимандритства и настоятельства въ кіево-печерскомъ монастырѣ, и непремѣнно долженъ сдать тотъ монастырь, со всѣми имѣніями,

(540) Первое донесеніе объ этомъ митрополичьяго посланнаго, отъ 22 марта 1594 г., есть въ архивѣ бывшихъ уніатскихъ митрополитовъ, при Св. Синодѣ (по Опис. № 4); а послѣднее донесеніе, отъ 6 окт. 1594 г., напечатано въ Архивѣ юго-запад. Россіи, ч. I, т. I, № 106, и въ А. З. Р. IV, № 52.

(541) А. Ю. и З. Р. II, № 161. Потѣй и Терлецкій уже называли митрополита, на пакетѣ своего посланія къ нему отъ 20 мая, «архимандритомъ кіевскимъ печерскимъ» (А. З. Р. IV, № 66, стр. 93).

подъ секвестръ, митрополиту. Надобно замѣтить, что еще прежде король испросилъ у папы Климента VIII особую буллу (отъ 4 марта 1595 г.), которою кіевская лавра, со всѣми ея имѣніями, назначалась кіевскимъ митрополитамъ подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, если они будутъ содержать унію съ Римомъ (542). Слѣд., если король отдавалъ теперь лавру митрополиту Рогозѣ, то имѣлъ уже отъ него согласіе на принятіе уніи. Впрочемъ, Никифоръ Туръ приказанію короля не покорился.

Письмо Терлецкаго и Потѣя, отъ 20 мая, не могло не подѣйствовать на митрополита Рогозу, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за письмомъ онъ получилъ грамату о томъ же отъ самаго короля. И вотъ 1-го іюня, слѣд. черезъ десять дней послѣ написанія этого письма, митрополитъ, вмѣстѣ съ тремя владыками: владимірскимъ, луцкимъ и пинскимъ (Леонтіемъ) и кобринскимъ архимандритомъ Іоною Гоголемъ, подписалъ подробнѣйшіе артикулы или условія уніи для представленія папѣ и королю, а 12-го іюня митрополитомъ и всѣми владыками подписано соборное посланіе къ папѣ съ изъявленіемъ согласія на принятіе уніи (543).

Въ артикулахъ (изложимъ ихъ съ возможною краткостію) говорилось: а) о Св. Духѣ исповѣдуемъ, что Онъ исходитъ

(542) Грамата короля къ Никифору Туру отъ 5 мая 1595 г. — въ архивѣ бывшихъ уніат. митроп., при Св. Синодѣ, по Описи, за № 619. Булла папы Климента VIII отъ 4 марта 1595 г. впослѣдствіи вписана въ гродскую Житомирскую книгу 1760 года (Архив. юго-запад. Россіи, ч. II, т. I, предисл. стр. XLIV).

(543) Артикулы написаны были на польскомъ языкѣ, но извѣстны только въ латинскомъ переводѣ, недавно напечатанномъ, подъ заглавіемъ: Articuli, quorum cautionem petimus a dominis romanis, priusquam accedamus ad unionem romanae ecclesiae. Versio coaeva ex originali, polonico idiomate scripto (*Theiner*, Vetera monum. Polon. et Lithuan., III, № 185, p. 234—237). А соборное посланіе къ папѣ—въ А. З. Р. IV, № 68.

не отъ двухъ началъ, не двоякимъ исхожденіемъ, но исходитъ отъ одного начала, какъ источника, — отъ Отца *чрезъ Сына*; б) всѣ наши литургіи—Василія Великаго, Златоуста и Епифанія (?) или преждеосвященныхъ даровъ, всѣ наши молитвы и всѣ вообще обряды и церемоніи восточной церкви желаемъ сохранять въ совершенной неизмѣнности и совершать на нашемъ языкѣ; в) таинство евхаристіи, какъ было всегда у насъ, да преподается подъ двумя видами, равно и таинство крещенія и его форма да остаются у насъ, какъ было доселѣ, безъ всякой перемѣны и прибавленія; г) о чистилищѣ не возбуждаемъ спора, но желаемъ слѣдовать ученію церкви, и новый календарь, если нельзя удержать стараго, примемъ, но съ условіемъ, чтобы порядокъ и образъ празднованія нами пасхи и всѣ прочіе наши праздники, въ томъ числѣ и праздникъ Богоявленія, 6-го генваря, не существующій въ римской церкви, остались неприкосновенными и неизмѣнными; д) не принуждать насъ къ крестному ходу въ праздникъ тѣла Христова, у насъ не существующій, и ко всѣмъ другимъ римскимъ праздникамъ и церемоніямъ, какихъ нѣтъ въ нашей церкви; е) супружество священниковъ нашихъ должно оставаться неизмѣннымъ; ж) митрополія, епископства и другія духовныя должности у насъ да отдаются людямъ не иной націи и вѣры, какъ только русской и греческой, и мы просимъ короля, чтобы онъ, по нашимъ канонамъ, оставилъ за нами, духовными, право избирать на вакантныя каѳедры, митрополитскую и епископскія, по четыре кандидата, изъ которыхъ одного онъ самъ будетъ утверждать; з) епископы нашего обряда не должны ѣздить въ Римъ за граматами для посвященія и, по прежнему, да посвящаются нашимъ митрополитомъ; да и самъ митрополитъ, хотя и обязывается ѣздить туда за такою граматою, долженъ, по возвращеніи изъ Рима, посвящаться нашими епископами; и) просимъ, чтобы митрополитъ и епископы нашего обряда имѣли мѣсто въ государственномъ сенатѣ, наравнѣ съ римскими епископами ([544]); і) граматы объ открытіи генеральныхъ сеймовъ и частныхъ сеймиковъ должны быть къ намъ присылаемы; к) просимъ, чтобы граматы изъ Греціи съ запрещеніями на насъ были строго запрещены и не имѣли никакой силы; чтобы архимандриты и другія духовныя лица нашего обряда, которые не захотятъ повиноваться намъ, не смѣли нигдѣ священнодѣйствовать, и чтобы епископы или монахи изъ Греціи не совершали въ нашихъ епархіяхъ никакихъ духовныхъ требъ, въ подрывъ уніи; л) еслибы впослѣдствіи кто либо изъ людей нашего обряда захотѣлъ принять обрядъ римскій, этого не должно быть допускаемо: ибо мы и безъ того будемъ въ одной церкви, подъ властію одного пастыря; м) супружества между лицами нашего и римскаго обряда должны быть разрѣшены; но, по бракѣ, лица эти не должны принуждать другъ друга къ перемѣнѣ вѣры, какъ находящіяся въ одной

([544]) Стоитъ привести полное изложеніе этого условія: ut autem, говорятъ владыки, eo maior penes nos maneat auctoritas, ovibusque nostris maiori venerationi et obseruantiae simus, petimus, metropolitanum et episcopos ritus nostri ad senatum sacrae regiae Maiestatis admitti, multis et iustis de causis. Siquidem eandem dignitatem, officium et characterem cum ritus romanae ecclesiae episcopis gerimus. Deinde cum aliquis nostrum super dignitate senatoria in senatu iuramentum praestabit, poterit et super obedientia summo pontifici debita idem iuramentum praestare, ne forte in posterum tale dissidium contigat, quale post obitum Isidori metropolitae kiowiensis fuit; idque eam ob causam, quod cum episcopi ritus nostri nulla iusiurandi obligatione tenerentur, maximoque locorum intervallo disiuncti essent, facile ab unione, in synodo Florentina conclusa, discesserunt. Sed cum quisque illorum iuramento senatorio obligatus fuerit, difficile est, ut aliquis de dissid io et dissensione moliri quidcunque audeat.

церкви; н) просимъ, чтобы церковныя имѣнія, которыя иными изъ нашихъ предмѣстниковъ незаконно переданы свѣтскимъ людямъ, возвращены были церкви, и никто не долженъ произвольно распоряжаться церковнымъ имуществомъ безъ согласія епископа и капитулы; о) по смерти митрополита и епископовъ, церковныя имѣнія должны поступать въ вѣдѣніе не свѣтскихъ чиновъ, а капитулы, впредь до назначенія новаго владыки, а собственныя имущества владыкъ переходятъ, по наслѣдству, къ ихъ родственникамъ; п) настоятели монастырей и монастыри должны оставаться въ подчиненіи своимъ епархіальнымъ архіереямъ; р) просимъ, чтобы на суды трибунальскіе и другіе, по примѣру римскаго духовенства, и мы могли назначать по два духовныхъ депутата нашего обряда, для защиты нашихъ правъ; с) архимандриты и всѣ вообще духовныя лица нашего обряда должны пользоваться тѣмъ же уваженіемъ въ народѣ и такими вольностями и привиллегіями, какъ и духовенство римское, по давней граматѣ короля Владислава (1543 г.), и какъ сами лично, такъ и церковныя имѣнія ихъ, должны быть свободны отъ податей; т) да не будетъ намъ возбраняемо звонить въ колокола въ наши праздники, носить къ больнымъ св. тайны публично, по нашему обычаю, и совершать торжественно наши крестные ходы; у) монастыри и храмы нашего обряда да не обращаются въ римскія церквп; а если кто изъ католиковъ опустошитъ ихъ, то долженъ исправить или вновь выстроить; ф) коллегіи или духовныя братства, недавно учрежденныя патріархами и утвержденныя королемъ, какъ то: въ Вильнѣ, Львовѣ, Брестѣ и другихъ мѣстахъ, если они согласятся принять унію, да останутся въ цѣлости, но только въ подчиненіи митрополиту или

епископу той епархіи, въ которой находятся; х) да позволено будетъ намъ имѣть семинаріи и школы греческаго и славянскаго языка, такъ же типографіи для печатанія книгъ, подъ надзоромъ митрополита и епископовъ, безъ позволенія которыхъ ничего не должно быть издаваемо; ц) просимъ, чтобы свѣтскія особы, въ имѣніяхъ которыхъ, часто по ихъ желанію, священники самовольно разсторгаютъ браки, не защищали такихъ священниковъ и не препятствовали духовной власти творить судъ надъ ними, а если они, за неповиновеніе или другой проступокъ подвергнутся отлученію отъ епископа, не позволяли имъ священствовать безъ разрѣшенія епископа, и чтобы всѣ церкви въ городахъ и другихъ мѣстахъ, построенныя дворянами или горожанами, находились подъ властію и управленіемъ епархіальныхъ епископовъ, а не свѣтскихъ людей, ихъ строителей; ч) если кто либо, за какой либо важный проступокъ, будетъ отлученъ епископомъ нашего обряда, то пусть и римлянами считается онъ отлученнымъ и не принимается къ ихъ обряду, какъ и мы будемъ поступать по отношенію къ отлученнымъ римскою церковію; ш) если, при помощи Божіей, со временемъ и прочіе наши братья восточной церкви приступятъ къ уніи съ церковію западною, и потомъ, общимъ согласіемъ всей вселенской церкви, будетъ опредѣлено что либо, относящееся къ порядку и измѣненію церемоній греческой церкви, то да будемъ и мы въ томъ участниками, какъ люди тогоже обряда и вѣры; щ) такъ какъ нѣкоторые изъ нашихъ, по слухамъ, отправились въ Грецію, чтобы воспринять на себя церковныя должности и, по возвращеніи, властвовать въ клирѣ и судить насъ, то мы просимъ, чтобы король приказалъ не пропускать такихъ

лицъ въ предѣлы своихъ владѣній, въ предотвращеніе смуты между пастырями и народомъ. Въ заключеніе изложенныхъ артикуловъ подписавшіе ихъ говорили: «поручаемъ эти артикулы нашимъ почтеннымъ братьямъ епископамъ, владимірскому Ипатію Потѣю и луцкому Кириллу Терлецкому, чтобы они испросили на нихъ, именемъ нашимъ и своимъ, утвержденіе отъ верховнаго первосвященника и короля. И тогда мы, успокоенные относительно нашей вѣры, таинствъ и обрядовъ, тѣмъ смѣлѣе и безъ всякаго стѣсненія совѣсти приступимъ къ соединенію съ римскою церковію, чтобы и другіе, видя, какъ все наше остается въ цѣлости, охотно послѣдовали за нами».

Въ соборномъ своемъ посланіи къ папѣ Клименту VIII митрополитъ и епископы писали: «Святѣйшій отецъ, верховнѣйшій пастырь церкви Христовой и государь нашъ милостивый! Вспоминая прежнее единство и согласіе церкви Божіей, восточной и западной, какое предки наши имѣли подъ управленіемъ св. апостольскаго римскаго престола, и видя ея нынѣшнее раздѣленіе, мы всегда поражались великою жалостію и скорбію сердца, и всегда молились Богу о соединеніи вѣры, ожидая, не помыслятъ ли и не постараются ли объ этомъ соединеніи верховные пастыри восточной церкви, подъ властію которыхъ мы доселѣ находились. Но теперь видимъ, что надежда на нихъ напрасна, что они ничего не могутъ сдѣлать для этого, не столько по нежеланію, сколько по тяжкой неволѣ, въ какой пребываютъ у свирѣпаго тирана магометанскаго. Посему мы сами, обитая въ здѣшнихъ краяхъ, подъ властію христіанскаго государя, яснѣйшаго короля польскаго и великаго князя литовскаго, на свободѣ и вольности, и не желая оставаться виновными и предъ собою

и предъ ввѣренными намъ овцами стада Христова и носить на своей совѣсти погибель столькихъ человѣческихъ душъ отъ раздѣленія церкви, рѣшились, съ Божіей помощью, приступить къ тому соединенію, какое прежде имѣла церковь восточная съ западною и которое предки наши постановили на флорентійскомъ соборѣ, чтобы въ этой св. уніи, подъ верховною властію вашей святыни, мы могли едиными устами и единымъ сердцемъ славить и хвалить пречестное и великое имя Отца и Сына и Св. Духа. Вслѣдствіе того мы, съ вѣдома и сонзволенія нашего господаря Сигизмунда III, приложившаго также свое стараніе къ этому св. дѣлу, посылаемъ къ вашей святынѣ, святѣйшій отецъ, братій нашихъ, велебныхъ въ Бозѣ, Ипатія Потѣя, прототронія, епископа владимірскаго и брестскаго, и Кирилла Терлецкаго, экзарха, епископа луцкаго и острожскаго. Имъ мы поручили ударить челомъ вашей святынѣ и предложить, чтобы ваша святыня согласился оставить насъ всѣхъ при вѣрѣ, таинствахъ и всѣхъ церемоніяхъ и обрядахъ восточной церкви, ни въ чемъ ихъ не нарушая, и утвердилъ то для насъ за себя и за своихъ преемниковъ. И въ такомъ случаѣ мы уполномочили названныхъ братій нашихъ принести, отъ имени всѣхъ насъ, архіепископа, епископовъ, всего духовенства и всѣхъ нашихъ словесныхъ овецъ, покорность сѣдалищу св. Петра и вашей святыни и поклониться вашей святынѣ, какъ нашему верховнѣйшему пастырю. Когда все, о чемъ просимъ, мы получимъ отъ вашей святыни, тогда и сами и съ нашими потомками станемъ послушными тебѣ и твоимъ преемникамъ и будемъ всегда подъ управленіемъ вашей святыни. А для большаго подтвержденія нашихъ словъ мы, подписавши сей нашъ листъ

руками нашими, запечатали его и своими печатьми. Дано въ царствованіе господаря нашего въ коронѣ польской и великомъ княжествѣ литовскомъ, лѣта отъ Р. Х. 1595, мѣсяца іюня 12 дня, по старому календарю». Подъ актомъ подписались, послѣ митрополита и двухъ избранныхъ депутатами къ папѣ, нареченный архіепископъ полоцкій Григорій и епископы: перемышльскій Михаилъ Копыстенскій, львовскій Гедеонъ Болобанъ, холмскій Діонисій Збируйскій, пинскій Леонтій Пельчицкій, а также кобринскій архимандритъ и нареченный епископъ пинскій Іона Гоголь. Въ то время, какъ Григорій могъ уже называться нареченнымъ архіепископомъ полоцкимъ, такъ и Іона Гоголь—нареченнымъ епископомъ пинскимъ, хотя еще живы были ихъ предмѣстники. Впрочемъ могло случиться и такъ, что оба эти нареченные владыки подписались подъ актомъ не теперь, а уже послѣ 22-го сентября, когда они дѣйствительно получили епархіи. Да и самая эта соборная грамата владыкъ едвали составлена была на соборѣ: такъ какъ въ ней не обозначено мѣсто, гдѣ былъ соборъ и гдѣ она написана; а въ соборныхъ граматахъ это обыкновенно обозначалось. Соборы составлялись гласно, каждый разъ по особому разрѣшенію короля, и на соборы, по тогдашнему обычаю, съѣзжались не одни епископы съ своимъ духовенствомъ, но и послы отъ братствъ и вообще многіе знатные міряне. Такихъ соборовъ, естественно, боялись и избѣгали владыки, замышлявшіе унію,—они съѣзжались одни на тайные съѣзды, и тамъ обсуждали между собою и подготовляли свое темное дѣло. На одномъ изъ подобныхъ съѣздовъ, вѣроятно, и составлена настоящая грамата и первоначально подписана только тѣми владыками, которые присутствовали на съѣздѣ ([545]).

Какъ бы то, впрочемъ, ни было, но Терлецкій и Потѣй, назначенные королемъ и его радою, еще въ маѣ прошлаго года, послами въ Римъ для заключенія уніи, добились, наконецъ, того, безъ чего не могли ѣхать и имѣть успѣха. Они получили уполномоченность на это и отъ высшаго западнорусскаго духовенства, получили отъ него условія уніи для представленія королю и папѣ, получили и соборное посланіе къ папѣ съ изъявленіемъ покорности ему отъ лица не только всего духовенства, но и всей паствы. Теперь, казалось, можно было уже смѣло ѣхать въ Римъ. Но лишь только пронеслась вѣсть, что митрополитъ и епископы подписали актъ объ уніи и отправили къ королю, какъ раздались протесты со стороны мірянъ. Протесты были до того сильны и важны, что ревнители уніи сочли нужнымъ нѣсколько помедлить, старались какъ нибудь успокоить протестующихъ, убѣдить ихъ, привлечь къ себѣ, усилить свою партію, между тѣмъ какъ ревнители православія не хотѣли уступать, старались разстроить замышляемое дѣло, воспрепятствовать его дальнѣйшему ходу: и поѣздка въ Римъ уполномоченныхъ отсрочилась еще болѣе, чѣмъ на три мѣсяца. Тутъ дѣйствовали, съ одной стороны, митрополитъ, Ипатій Потѣй, прочіе епископы

([545]) Объ этихъ «съѣздахъ покутныхъ», которые составляли тогда между собою владыки и на которыхъ замышляли поддаться папѣ и подписывались на унію, сохранились современныя свидѣтельства виленскихъ бурмистровъ, радцевъ и лавниковъ (Вилен. Археогр. Сборн. VII, № 40) и виленскаго духовенства (A. Z. P. IV, № 90). Авторъ Антиррисиса также говоритъ, что совѣщанія владыкъ объ уніи происходили въ разныхъ мѣстахъ, то въ Литвѣ, то въ Коронѣ, и тамъ владыки давали и свои подписи на унію, но что настоящая ихъ грамата или соборное посланіе къ папѣ составлена въ Брестѣ 12 іюня 1595 года (—str. 86).

и наиболѣе самъ король, а съ другой—виленскіе православные бурмистры, радцы и лавники, виленское духовенство и троицкое братство, Скуминъ-Тышкевичь, и особенно князь К. К. Острожскій.

Жалкій митрополитъ, по прежнему, не стыдился, противъ совѣсти, выставлять себя предъ православными вовсе неучаствующимъ въ дѣлѣ уніи и говорить ложь. Двѣнадцатаго іюня онъ подписалъ соборное посланіе къ папѣ, а четырнадцатаго извѣщалъ воеводу Скумина, что епископы луцкій, львовскій, перемышльскій, холмскій и пинскій, уже тому четыре года, согласились на унію и получили грамату отъ короля, что соглашается на унію и владыка владимірскій, и, препровождая къ Скумину означенную королевскую грамату, о себѣ присовокуплялъ: «звали и меня для этого на дняхъ въ Брестъ, о чемъ и королевскій листъ былъ ко мнѣ присланъ; но я, безъ воли и совѣта вашей милости и собратьи моей и безъ позволенія посполитыхъ людей, на это не рѣшился, но взялъ себѣ на размышленіе шесть недѣль, и, давъ знать объ этомъ вашей милости, послалъ также и къ воеводѣ кіевскому, и какой совѣтъ оттуда будетъ, тотчасъ извѣщу вашу милость. Еслибъ я согласился на унію, то отъ короля обѣщана большая ласка, за несогласіе же—немилость и притѣсненіе всему христіанству. Не оставить ли митрополію? Уже есть наготовѣ митрополитъ—владыка луцкій, которому обѣщано и владычество за нимъ оставить и дать ему митрополію. Нуженъ мнѣ совѣтъ вашей милости. Хотѣлъ бы я при всякихъ вольностяхъ матку нашу—церковь оставить, а не подъ ярмомъ; только бы условія были обезпечены грамотами». Возмущенный такою наглою скрытностію и ложью,

Скуминъ отвѣчалъ митрополиту (отъ 29 іюня): «изволилъ увѣдомить меня ваша милость, что отъ владыкъ началось дѣло объ уніи безъ вашего соизволенія. Но я получилъ извѣстіе отъ королевскаго двора, что послѣ сейма краковскаго были въ Краковѣ у короля послы отъ всего нашего духовенства и показали предъ королемъ письменное позволеніе отъ вашей милости и вѣрящія отъ васъ граматы... Теперь вы спрашиваете у меня совѣта, что тутъ дѣлать? Но трудно совѣтовать о томъ, на что уже согласились и что королю подали и утвердили; совѣтъ мой тутъ былъ бы напрасенъ, только на смѣхъ». Не знаемъ, отвѣчалъ ли и что отвѣчалъ митрополиту воевода кіевскій, князь Острожскій, которому онъ писалъ, безъ сомнѣнія, въ томъ же родѣ, какъ и Скумину. Но не можемъ не привести здѣсь еще одного современнаго извѣстія, живо рисующаго, до какого нравственнаго упадка дошелъ тогда митрополитъ Рогоза. Въ іюнѣ 1595 г. проѣзжали въ Австрію черезъ Литву послы московскаго государя Ѳеодора Ивановича и остановились въ городѣ Борисовѣ. Узнавъ объ этомъ, Рогоза прислалъ къ нимъ изъ Новогродка своего архидіакона Григорія, и архидіаконъ говорилъ: «хотѣлъ-было митрополитъ видѣться съ вами, да боится Поляковъ, такъ какъ нынѣ онъ и всѣ люди греческой вѣры въ гоненіи отъ Поляковъ. Одинъ за него стоялъ воевода новогродскій Ѳедоръ Скуминъ, но и тотъ нынѣ ему отказалъ и не хочетъ за него стоять: ибо всѣ паны рады, польскіе и литовскіе, возстали на воеводу за то, что онъ держитъ митрополита греческой вѣры, а не римской. Хочетъ митрополитъ Михайло оставить митрополію и отойти въ монастырь, а на его мѣсто папа тотчасъ пришлетъ своего бискупа. И нынѣ митрополитъ прислалъ бить вамъ челомъ:

прежде ему бывала царская милость, присылаема была милостыня для его убожества; пожаловали бы ему на милостыню и теперь, а онъ будетъ Бога молить за государя и государыню и за все христіанство». Послы отвѣчали, что митрополиту Михаилу слѣдуетъ стоять крѣпко и пострадать, хотя бы и до смерти, но вѣры православной и своего престола не оставлять; а что до милостыни, то ему недавно уже прислана царская милостыня съ Степаномъ Котовымъ, съ ними же не прислано ничего. Впрочемъ, на другой день послы послали митрополиту отъ себя, за здоровье государя и государыни, пять золотыхъ угорскихъ ([546]).

Спустя четыре дня послѣ подписанія соборнаго посланія къ папѣ писалъ къ князю Острожскому и Потѣй, между прочимъ, слѣдующее: «О насъ разсѣяли невѣрные слухи, будто мы уже совсѣмъ пристали къ римской вѣрѣ и согласились служить мшу и употреблять опрѣсноки... Всему не вѣрьте, хотя и знаю, что много новинъ доносятъ вамъ о нѣкоторыхъ изъ насъ, будто мы постановили что-то противное нашей вѣрѣ и церкви. Ничего еще не постановлено, ни худого, ни добраго; но мы такъ несчастны, что насъ выдаютъ уже за отщепенцевъ и еретиковъ, и подозрительно смотрятъ на наши съѣзды. Удивительно! Всѣмъ еретикамъ всякихъ сектъ вольно съѣзжаться, установлять порядокъ въ своихъ сборищахъ; а намъ, горькимъ епископамъ, имѣющимъ неразрывное преемство отъ Христа и апостоловъ, нельзя промышлять и совѣтоваться о церкви Божіей, тогда какъ мы имѣемъ благочестивыхъ пановъ, патроновъ нашей вѣры, между которыми мы, безъ всякой лести, признаемъ вашу княжескую милость глав-

([546]) А. З. Р. IV, № 69; *Карамз.* И. Г. Р. X, примѣч. 476.

нымъ свѣтиломъ нашей религіи... Пока между нами не было еще ничего вѣрнаго, я не извѣщалъ вашей милости. А теперь въ чемъ мы условились между собою и на что соглашаемся, то посылаю вамъ на письмѣ. Я радъ бы и самъ быть у васъ, чтобы объяснить, для чего мы такъ поступаемъ, вспоминая увѣщаніе ваше, писанное ко мнѣ въ Брестъ, чтобы мы старались о соединеніи съ римскою церковію, только безъ нарушенія вѣры и религіи нашей. Дайже Богъ, чтобы и теперь ваша милость, имѣя тоже желаніе, ласково помогъ намъ въ этомъ дѣлѣ, и постарался о немъ. Униженно и слезно прошу именемъ Божіимъ: не увлекайся гнѣвомъ, но съ спокойнымъ и умиленнымъ смысломъ прочитай наши артикулы. Увидишь, что въ нихъ нѣтъ ничего новаго или касающагося нашей вѣры, кромѣ одного календаря; но календарь не есть догматъ вѣры, а такая церемонія, которую, безъ нарушенія совѣсти, церковь можетъ отмѣнить. Далъ бы Богъ, чтобы я съ вашею милостію могъ гдѣ либо повидѣться предъ моимъ отъѣздомъ къ королю, къ которому я долженъ, по его приказанію, отправляться немедленно: знай, что я побываю прежде въ Люблинѣ, на трибуналѣ по моимъ тяжебнымъ дѣламъ съ добрыми сосѣдями» ([547]). Князь Острожскій, безъ сомнѣнія, внимательно прочиталъ присланныя ему въ копіи условія уніи и соборное посланіе митрополита и епископовъ къ папѣ; но увидѣлъ, что это совсѣмъ не та унія, которой онъ желалъ и о которой писалъ въ Брестъ къ Потѣю, что она заключается безъ согласія восточныхъ патріарховъ и всего московскаго духовенства и князя, заключается одними западнорусскими владыками, безъ участія даже ихъ низшаго духо-

([547]) А. З. Р. IV, № 70.

венства и паствы. И неудивительно, если князь написалъ въ отвѣтъ Потѣю суровое письмо, въ которомъ прямо говорилъ, что не признаетъ его болѣе за пастыря церкви, и хочетъ всѣми силами противиться такой уніи ([548]). И вслѣдъ за тѣмъ, разразился еще слѣдующимъ воззваніемъ ко всѣмъ православнымъ обитателямъ Литвы и Польши, духовнымъ и свѣтскимъ (отъ 24 іюня): «Съ молодости моей я воспитанъ моими преименитыми благочестивыми родителями въ истинной вѣрѣ, въ которой, съ Божіею помощію, и доселѣ пребываю, и надѣюсь непоколебимо пребывать до конца жизни. Я наученъ и убѣжденъ благодатію Божіею, что кромѣ единой истинной вѣры, насажденной въ Іерусалимѣ, нѣтъ другой вѣры истинной. Но въ нынѣшнія времена, злохитрыми кознями вселукаваго діавола, сами главные начальники нашей истинной вѣры, прельстившись славою свѣта сего и помрачившись тьмою сластолюбія, наши мнимые пастыри, митрополитъ съ епископами, претворились въ волковъ и, отвергшись единой истинной вѣры св. восточной церкви, отступили отъ нашихъ вселенскихъ пастырей и учителей, и приложились къ западнымъ, прикрывая только въ себѣ внутренняго волка кожею своего лицемѣрія, какъ овчиною; они тайно согласились между собою, окаянные, какъ христопродавецъ Іуда съ жидами, оттогнуть благочестивыхъ христіанъ здѣшней области, безъ ихъ вѣдома, и вринуть съ собою въ погибель, какъ и самыя сокровенныя писанія ихъ объявляютъ. Но человѣколюбецъ Богъ не попуститъ въ конецъ лукавому умыслу ихъ совершиться, если только ваша милость постараетесь пребыть въ христіанской любви и повинности. Дѣло идетъ не о тлѣнномъ имѣніи и по-

([548]) Antirrisis abo Apologia..., str. 61.

гибающемъ богатствѣ, но о вѣчной жизни, о безсмертной душѣ, которой дороже ничего быть не можетъ. Весьма многіе изъ обитателей нашей страны, особенно православные, считаютъ меня за начальника православія въ здѣшнемъ краѣ, хотя самъ я признаю себя не большимъ, но равнымъ каждому, стоящему въ правовѣріи. Потому, опасаясь, какъ бы не остаться виновнымъ предъ Богомъ и предъ вами, и узнавъ достовѣрно о такихъ отступникахъ и явныхъ предателяхъ церкви Христовой, извѣщаю о нихъ всѣхъ васъ, какъ возлюбленную мою о Христѣ братію, и хочу вмѣстѣ съ вами стоять за одно противъ враговъ нашего спасенія, чтобы, съ Божіею помощію и вашимъ ревностнымъ стараніемъ, они сами впали въ тѣ сѣти, которыя скрытно на насъ готовили... Что можетъ быть безстыднѣе и беззаконнѣе? *Шесть* или *семь* злонравныхъ человѣкъ злодѣйски согласились между собою, и, отвергшись пастырей своихъ, святѣйшихъ патріарховъ, отъ которыхъ поставлены, осмѣливаются властно, по своей волѣ, отторгнуть всѣхъ насъ, правовѣрныхъ, будто безсловесныхъ, отъ истины и низвергнуть съ собою въ пагубу. Какая намъ можетъ быть отъ нихъ польза? Вмѣсто того, чтобы быть свѣтомъ міру, они сдѣлались тьмою и соблазномъ для всѣхъ... Если татарамъ, жидамъ, армянамъ и другимъ въ нашемъ государствѣ сохраняются, безъ всякаго нарушенія, ихъ законы: не тѣмъ ли болѣе намъ, истиннымъ христіанамъ, будетъ сохраняться нашъ законъ, если только всѣ мы соединимся вмѣстѣ и за одно усердно стоять будемъ? А я, какъ доселѣ, во все время моей жизни, служилъ трудомъ и имѣніемъ моимъ непорочному закону св. восточной церкви, въ размноженіи св. писаній и книгъ и въ прочихъ благочестивыхъ вещахъ, такъ

и до конца, при помощи Божіей, обѣщаюсь служить всѣми моими силами на пользу моихъ братій, правовѣрныхъ христіанъ, и хочу, вмѣстѣ со всѣми вами, правовѣрными, стоять въ благочестіи, пока достанетъ силъ»... ([549]). Можно судить, какое впечатлѣніе должно было произвести на православныхъ обитателей Литвы и Польши такое воззваніе князя Острожскаго. Прежде между ними носились лишь темные слухи о какой-то измѣнѣ, замышляемой ихъ архипастырями: теперь всѣми уважаемый князь объявлялъ рѣшительно, что митрополитъ и епископы, несомнѣнно, уже положили измѣнить св. восточной церкви и присоединиться къ западной, какъ самъ онъ удостовѣрился изъ ихъ тайныхъ писаній, и что, измѣняя сами, они своевольно хотятъ увлечь за собою и свою паству. Прежде, смущаясь слухами о недобрыхъ намѣреніяхъ своихъ владыкъ, многіе могли недоумѣвать, что же имъ дѣлать, гдѣ искать опоры и руководства: теперь тотъ, кого признавали начальникомъ православія въ краѣ, призывалъ всѣхъ стать съ нимъ за одно на защиту православной вѣры противъ отступниковъ и предателей и общими силами воспрепятствовать ихъ злому замыслу. И дѣйствительно движенія противъ уніи немедленно начали обнаруживаться въ разныхъ мѣстахъ: въ Львовѣ, Вильнѣ, Новогродкѣ.

Въ Львовѣ, къ изумленію, подалъ примѣръ самъ епископъ—Гедеонъ Болобанъ. Еще въ началѣ іюня онъ пріѣзжалъ въ Острогъ къ князю Константину, но лишь съ просьбою, чтобы князь примирилъ его съ львовскимъ братствомъ. Теперь, въ концѣ іюня, Гедеонъ снова былъ у князя, можетъ быть, съ

([549]) А. З. Р. IV, № 71.

прежнею просьбою. но при этомъ, по убѣжденію ли отъ князя, или самъ собою, выразилъ намѣреніе отказаться торжественно отъ всякаго участія въ дѣлѣ уніи и, вѣроятно, условился съ княземъ, гдѣ и когда это сдѣлать. По крайней мѣрѣ, въ тотъ самый день, именно 1-го іюля, когда Гедеонъ явился въ городскій владимірскій урядъ, тамъ уже находились самъ князь Острожскій и нѣсколько другихъ вельможныхъ пановъ. Въ ихъ-то присутствіи Гедеонъ и сдѣлалъ слѣдующій протестъ для внесенія въ актовыя книги: «Въ 1590 г., 24 іюня, находясь на соборѣ въ Брестѣ мы, епископы: луцкій Кириллъ, пинскій Леонтій, хелмскій Діонисій и львовскій — я, Гедеонъ, опредѣлили принесть королю жалобу на обиды, претерпѣваемыя православными отъ латинянъ, и просить его милостей; для представленія нашей жалобы и просьбы мы избрали о. Кирилла Терлецкаго, а для написанія той и другой дали ему четыре мембрана (бланковыхъ листа) съ нашими подписями и печатями. Потомъ въ 1591 г., 27 іюня, находясь на съѣздѣ въ Соколѣ, мы, епископы: луцкій Кириллъ, перемышльскій Михаилъ, хелмскій Діонисій и львовскій—я, Гедеонъ, опять избрали о. Кирилла и дали ему четыре нашихъ бланкета, съ нашими подписями и печатьми, для принесенія королю такой же точно жалобы отъ насъ и просьбы. Но теперь дошла до меня вѣсть, что о. владыка луцкій написалъ на тѣхъ листахъ что-то иное, представилъ королю какія-то предложенія отъ насъ, какое-то постановленіе, противное нашей вѣрѣ, правамъ и вольностямъ, чего я ему никогда не поручалъ. Противъ такого постановленія, написаннаго владыкою луцкимъ или другими лицами, я протестую: потому что оно составлено въ противность правиламъ и обы-

чаямъ нашей православной вѣры, нашимъ правамъ и вольностямъ, безъ вѣдома и дозволенія патріарховъ, нашихъ духовныхъ начальниковъ, безъ совѣщаній духовнаго собора, а также безъ воли свѣтскихъ сословій, какъ знатныхъ старожитныхъ фамилій, такъ и простыхъ людей православной вѣры, безъ согласія которыхъ мы ничего дѣлать и рѣшать не можемъ» (550). Въ послѣднихъ словахъ протеста ярко высказывались тѣ самыя мысли, какихъ держались самъ князь К. К. Острожскій и другіе ревнители православія и на основаніи которыхъ они отвергали затѣянную теперь епископами унію. Протестъ Гедеона могъ имѣть, въ свое время, весьма важное значеніе: онъ бросалъ новую и самую мрачную тѣнь на дѣло уніи, основанное будтобы на подлогѣ, и тѣмъ сильнѣе могъ отталкивать отъ нея православныхъ. Но, по истинѣ, протестъ этотъ былъ несправедливъ и не заслуживалъ вѣры. То правда, что на брестскомъ соборѣ 1590 года епископы жаловались другъ другу на обиды, какія терпѣли отъ свѣтскихъ чиновъ, но не четыре только епископа, а всѣ; слѣд. еслибы на соборѣ дѣйствительно было положено принесть жалобу королю, то, конечно, всѣми присутствовавшими епископами, а не четырьмя. Отъ чего же на бланкетахъ, данныхъ съ этою цѣлію, Терлецкому, не подписались ни митрополитъ, ни владимірскій владыка Мелетій Хрептовичъ, которые также присутствовали на соборѣ? Видно, четыре епископа дали свои бланкеты на что-то другое, на что не согласны были ни митрополитъ, ни владыка Мелетій. Вѣроятно, на одномъ изъ бланкетовъ, данныхъ четырьмя епископами въ Брестѣ, Терлецкій и написалъ извѣстное ихъ заявленіе объ уніи, помѣтивъ его, впрочемъ, не 1590, а 1591 годомъ (551). На это заявленіе король еще въ 1592 г. отвѣчалъ четыремъ епископамъ извѣстною граматою, которая, безъ сомнѣнія, тогда же была имъ объявлена. Почему же Гедеонъ не протестовалъ тогда противъ подлога, сдѣланнаго Терлецкимъ? Достовѣрно и то, что Гедеонъ и другіе епископы, бывшіе на съѣздѣ въ Соколѣ, дали Терлецкому, на самомъ ли съѣздѣ или въ иное время, бланкеты съ своими подписями и печатями (552). Но какъ же они рѣшились вновь сдѣлать Терлец-

(550) *Зубрицк.* Лѣтоп. львов. братства, подъ 1595 годомъ; Архив. югозапад. Россіи, ч. I, т. I, № 109.

(551) Въ описи имущества Кирилла Терлецкаго за 1596 г., между прочимъ, значатся «мембраны духовные на унію и зъѣдноченіе съ костеломъ римскимъ, запечатанные и подписанные, *три*», и именно за печатями и подписями епископовъ: луцкаго, пинскаго, львовскаго и холмскаго (А. Ю и З. Р. I, № 218, стр. 263). А такъ какъ этими епископами, по свидѣтельству Гедеона, дано было *четыре* такихъ мембрана Кириллу Терлецкому (Архив. югозап. Р., ч. I, т. I, № 109), то на одномъ изъ нихъ, вѣроятно, и была написана извѣстная грамота или заявленіе ихъ объ уніи. Грамата эта, какъ мы уже замѣтили (примѣч. 501), была написана въ 1591 году; но самые мембраны, если только она на одномъ изъ нихъ написана могли быть даны Кириллу еще въ 1590 г., а онъ не находилъ только случая, втеченіе года, воспользоваться этими мембранами. Обычай давать мембраны, дѣйствительно, существовалъ тогда между западнорусскими владыками. Въ архивѣ бывшихъ уніатскихъ митрополитовъ, при Св. Синодѣ, находятся четыре такихъ мембрана или бланка, по Описи № 1007. Одинъ бланкъ за печатьми и подписями *пяти* владыкъ: Мелетія владимірскаго, Кирилла луцкаго, Арсенія перемышльскаго, Гедеона львовскаго и Діонисія холмскаго. Время на бланкѣ не обозначено; но онъ данъ, безъ сомнѣнія, не на брестскомъ соборѣ 1591 года, когда Арсенія перемышльскаго не было уже въ живыхъ, и не на соборѣ 1590 г., на которомъ Арсеній не присутствовалъ. Другой бланкъ за печатьми и подписями *четырехъ* владыкъ: Кирилла луцкаго, Михаила перемышльскаго, Діонисія холмскаго и Гедеона львовскаго. На бланкѣ неизвѣстною рукою помѣчено, что онъ данъ въ Соколѣ 1594 г., іюня 7. На двухъ остальныхъ бланкахъ приложены только четыре епископскихъ печати, но подписей нѣтъ.

(552) Въ тойже описи имущества Кирилла Терлецкаго, за 1596 г., значатся еще три мембрана за печатями и подписями епископовъ: луцкаго, перемышльскаго, львовскаго и холмскаго, т. е. именно тѣхъ, которые находились на съѣздѣ въ Соколѣ (А. Ю. и З. Р. I, стр. 263. Снес. примѣч. 551).

кому такую отъ себя довѣренность, когда однажды онъ уже обманулъ ихъ и злоупотребилъ ихъ бланкетами? Съ чего это вздумали четыре епископа, съѣхавшись въ Соколѣ, принесть жалобу королю на обиды, претерпѣваемыя православною церковію, когда такая жалоба отъ лица всѣхъ епископовъ только въ 1592 г. была принесена самимъ митрополитомъ и вызвала извѣстный универсалъ короля? Нѣтъ, вѣрно въ оба раза бланкеты даны были епископами Терлецкому для той именно цѣли, для которой онъ ихъ и употребилъ. А еслибы и не для той, еслибы мы и повѣрили Гедеону, будто Терлецкій злоупотребилъ бланкетами,—есть другія, несомнѣнныя свидѣтельства, что Гедеонъ живѣйшимъ образомъ участвовалъ въ дѣлѣ уніи: подъ его предсѣдательствомъ былъ соборъ во Львовѣ 28 генв. 1595 г., и подъ опредѣленіемъ собора о согласіи на унію первый подписался Гедеонъ; а 12 іюня онъ, вмѣстѣ со всѣми прочими владыками, подписался и подъ соборнымъ посланіемъ ихъ къ папѣ. Зачѣмъ же Гедеонъ умолчалъ объ этихъ двухъ актахъ, протестуя во владимірскомъ городскомъ урядѣ противъ уніи и мнимыхъ злоупотребленій Терлецкаго? Князь Острожскій, безъ сомнѣнія, зналъ правду; но онъ надѣялся, что Гедеонъ теперь отстанетъ отъ прочихъ владыкъ и перейдетъ на сторону противниковъ уніи, и потому написалъ къ львовскому братству (6 іюля) и убѣждалъ его примириться съ Гедеономъ. Но за то Терлецкій принесъ королю жалобу на Гедеона, за его несправедливую протестацію, оскорбительную для чести Кирилла, и Гедеонъ, черезъ два мѣсяца, позванъ былъ на королевскій судъ ([553]).

Въ Вильнѣ слухи объ измѣнѣ епископовъ и во главѣ

([533]) А. З. Р. IV, № 72; Архив. югозапад. Россіи, ч. I, т. I, № 113.

ихъ мѣстнаго епархіальнаго архіерея - митрополита производили великое смущеніе. И потому, 13-го іюля, виленскіе православные бурмистры, радцы и лавники отправили своихъ пословъ и просьбу къ главному начальнику или воеводѣ Вильны, наивысшему гетману литовскому, князю Криштофу Радзивилу. Въ просьбѣ они извѣщали князя, что въ народѣ русскомъ, для котораго настало теперь несчастное и плачевное время, происходятъ тревога и волненіе отъ старшихъ его въ законѣ греческомъ, отъ владыкъ и отъ самаго митрополита, и при томъ не въ одной только Вильнѣ, но и во всѣхъ панствахъ его королевской милости. А это отъ того, что владыки и митрополитъ, безъ вѣдома своихъ старшихъ, отцевъ патріарховъ, отъ которыхъ получаютъ благословеніе, и безъ вѣдома всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ людей закона греческаго, вопреки своего долга и присяги, устроивши между собою тайные съѣзды, умыслили поддаться римскому папѣ, принять новый календарь, и, къ великому вреду древняго христіанскаго закона греческаго, придумали между собою какія-то новшества и «артикулы» и «подписались» признать папу своимъ главою. За тѣмъ бурмистры, съ радцами и лавниками, просили князя Радзивила, чтобы онъ допустилъ къ себѣ и благосклонно выслушалъ ихъ пословъ, которымъ они поручили подробнѣе донести ему о всемъ дѣлѣ, и чтобы онъ былъ для нихъ, какъ живущихъ въ его воеводствѣ, «помощью и оборонцемъ», а митрополиту напомнилъ своею граматою объ его пастырскомъ долгѣ. Въ тоже время священники виленскаго троицкаго братства и особенно дидаскалъ братской школы Стефанъ Зизаній за несомнѣнное разглашали въ народѣ, что митрополитъ и владыки про-

дали свою вѣру. Узнавъ объ этомъ, Рогоза прислалъ въ Вильну своего посланца, который старался убѣждать всѣхъ. что слухи невѣрны. Но посланцу не повѣрили. Зизаній и за нимъ братскіе священники еще болѣе и настойчивѣе стали говорить въ своихъ проповѣдяхъ противъ своихъ недостойныхъ архипастырей. Тогда митрополитъ прислалъ этимъ священникамъ и Зизанію свою грамату (отъ 16 іюля), которою строго предостерегалъ ихъ, чтобы они не разсѣевали ложнаго слуха и не возмущали народа, а въ противномъ случаѣ угрожалъ отлучить ихъ отъ церкви и, какъ бунтовщиковъ, предать королевскому суду ([554]).

Въ Новгородкѣ первымъ противникомъ уніи явился самъ воевода Скуминъ. Онъ вошелъ въ сношеніе съ княземъ Острожскимъ и просилъ его ходатайствовать предъ королемъ о созваніи гдѣ либо съѣзда или собора, на которомъ православные міряне могли бы поразсудить объ этомъ съ своими заблуждающими пастырями. А потомъ, посѣтивъ Вильну, бесѣдовалъ о замыслѣ епископовъ съ бурмистрами и со всею радою виленскою и узнавъ, что они шлютъ своего посланца къ князю Острожскому просить его совѣта и помощи въ такомъ, отъ вѣка неслыханномъ и прискорбномъ, дѣлѣ. присоединилъ и свою просьбу о томъ же и вновь написалъ князю (отъ 18 іюля), чтобы онъ исходатайствовалъ у короля дозволеніе созвать съѣздъ или соборъ православныхъ, духовныхъ и мірянъ, если не въ Новогродкѣ, то въ Гроднѣ или Брестѣ ([555]).

Въ послѣднихъ числахъ іюня Потѣй и Терлецкій отправились въ Краковъ, и, на пути, Потѣй заѣхалъ, по своимъ

([554]) Вилен. Археогр. Сборн. VII, № 40; А. З. Р. IV, № 73.
([555]) А. З. Р. IV, № 74.

дѣламъ, въ Люблинъ, какъ и увѣдомлялъ князя Острожскаго еще въ письмѣ отъ 16 іюня. Здѣсь-то желаніе Потѣя, выраженное въ томъ же письмѣ, исполнилось: онъ имѣлъ случай видѣться съ княземъ Острожскимъ, благодаря стараніямъ воеводы подляшскаго, князя Заславскаго. При личномъ свиданіи съ Острожскимъ, Потѣй показалъ ему подлинныя граматы владыкъ объ уніи за ихъ подписями и печатьми, разсказалъ подробно все дѣло, какъ и съ какого времени оно началось и кто былъ первымъ его виновникомъ. Потомъ предложилъ князю, чтобы онъ поступилъ съ граматами объ уніи по своему усмотрѣнію, хотябы даже сжегъ ихъ, но только-бы самъ началъ вновь это святое дѣло и сталъ во главѣ его. Наконецъ, павши къ ногамъ князя, со слезами просилъ, чтобы онъ самъ, съ своимъ могуществомъ, взялся за это дѣло, къ которому самъ же прежде подалъ поводъ, и чтобы довелъ дѣло до конца,—и тогда всѣ владыки будутъ слушаться его, князя, во всемъ и ничего болѣе не станутъ дѣлать безъ его воли. Острожскій выслушалъ слова Потѣя благосклонно и сказалъ, чтобы владыки ходатайствовали предъ королемъ о созваніи собора, а онъ-князь готовъ употребить на томъ соборѣ всѣ усилія, чтобы постановленіе объ уніи могло состояться съ согласія всего христіанства. Потѣй обѣщался исполнить волю князя, и сдержалъ свое слово. Когда оба епископа, владимірскій и луцкій, прибыли въ Краковъ, они прежде всего представили королю граматы объ уніи, подписанныя владыками, и письмо отъ митрополита, а потомъ начали настоятельно просить короля о созваніи собора и говорили: «мы сами подписались на унію, но нужно намъ подумать и объ овцахъ Христовыхъ нашей паствы, чтобы и они съ нами со-

гласились». Особенно указывали на то, что князь Острожскій, крѣпчайшій столбъ и украшеніе православной церкви въ Литвѣ, еще не согласился на унію и требуетъ собора. Король рѣшился-было уступить; хотѣли уже писать о соборѣ грамату митрополиту и универсалы. Но въ это время до короля стали съ разныхъ сторонъ доходить извѣстія, что русскіе и не думаютъ о принятіи уніи, напротивъ списываются между собою, чтобы ей противиться. Тогда король внезапно перемѣнилъ свое намѣреніе и совершенно отказалъ въ созваніи собора ([556]).

Между тѣмъ, будучи весьма обрадованъ согласіемъ владыкъ на унію, король, подъ вліяніемъ своихъ совѣтниковъ, принималъ всѣ мѣры для поддержанія и дальнѣйшаго движенія этого дѣла. Въ одинъ и тотъ же день (28 іюля) изданы были королемъ разомъ три граматы: одна къ князю Острожскому, другая къ митрополиту Рогозѣ, третья къ старостамъ пограничныхъ замковъ въ Польшѣ. Въ граматѣ къ Острожскому Сигизмундъ III, увѣдомляя его, какъ «передоваго человѣка въ своей религіи», о согласіи владыкъ подчиниться папѣ и соединиться съ римскою церковію, выражалъ надежду, что князь, сколько извѣстно, сильно желавшій дожить до уніи, теперь утѣшится, возблагодаритъ Бога и будетъ содѣйствовать ея успѣху. Потомъ говорилъ, что вся христіанская церковь со временъ апостоловъ признавала одного намѣстника св. Петра на престолѣ римскомъ и подчинялась ему, какъ свидѣтельствуютъ «сама наука и сознаніе св. докторовъ греческихъ», и что, пока цареградскій патріархъ бралъ благословеніе отъ намѣстниковъ Христовыхъ, онъ благо-

([556]) Antirrisis, str. 61—63; Письмо Потѣя къ князю Острожскому—въ Апокрисисѣ, стр. 29—30.

денствовалъ, а когда началъ выдавать себя за равнаго съ ними, то подвергся, вмѣстѣ со всею своею паствою, тяжкому игу невѣрныхъ. Еще далѣе король извѣщалъ, будто александрійскій патріархъ и епископы валахскіе, сербскіе и болгарскіе изъявили тогда, чрезъ пословъ, свою покорность папѣ, и снова выражалъ надежду, что князь поспѣшитъ своимъ содѣйствіемъ уніи и тѣмъ окажетъ великую и вѣчную заслугу. «Что же касается до съѣзда или собора, о которомъ просили насъ *сами ваши епископы*,—писалъ король въ заключеніе,—то онъ намъ неугоденъ. Судить о дѣлахъ спасенія принадлежитъ власти пастырей; за ними и мы обязаны идти, какъ за нашими пастырями, не испытывая, чему учатъ тѣ, которыхъ Духъ Святый далъ намъ въ вожди до конца жизни. Притомъ же такіе съѣзды, обыкновенно, болѣе затрудняютъ дѣла, нежели приносятъ какую либо пользу. Впрочемъ, подробнѣе переговорить о всемъ отъ нашего имени съ вашею свѣтлостію мы поручили князю Яну Жеславскому, воеводѣ подляшскому, и сильно желаемъ, чтобы ты, для вѣчной славы и награды, со всѣмъ усердіемъ помогалъ своимъ епископамъ въ ихъ св. предпріятіи, и чтилъ и жаловалъ ихъ, какъ своихъ пастырей». Въ граматѣ къ митрополиту король, прежде всего, изъявлялъ ему свою похвалу и благодарность за выраженную имъ въ письмѣ и чрезъ пословъ, Потѣя и Терлецкаго. рѣшимость отказаться отъ послушанія цареградскому патріарху и подчиниться, вмѣстѣ со всѣми владыками, папѣ; потомъ убѣждалъ митрополита, чтобы онъ, не обращая вниманія ни на что и не смущаясь никакими угрозами ни отъ кого, стоялъ твердо въ своемъ добромъ намѣреніи и старался довесть его до конца, вмѣстѣ съ своею братіею, и, наконецъ, давалъ

обѣщаніе исполнить всѣ представленныя ему просьбы митрополита и владыкъ и оставить во всей цѣлости и неприкосновенности обряды и порядки ихъ церкви. А граматою къ пограничнымъ старостамъ король приказывалъ, чтобы они не пропускали въ Литву и Польшу никакихъ посланцевъ отъ патріарховъ, съ ихъ листами или и безъ листовъ, ко владыкамъ или къ кому другому, самихъ посланцевъ задерживали, листы же у нихъ отбирали и отсылали къ королю ([557]). Этимъ уже исполнялась одна изъ просьбъ, заявленныхъ владыками королю.

Спустя два дня (30 іюля) онъ издалъ грамату, обращенную не къ митрополиту только и епископамъ, но и ко всему православному духовенству, которою отзывался какъ на эту, такъ и на нѣкоторыя другія ихъ просьбы. Сказавъ о томъ, что онъ «часто» напоминалъ духовнымъ греческаго закона, особенно старшимъ, стараться о соединеніи въ его владѣніяхъ послѣдователей греческой вѣры съ римлянами и что, наконецъ, митрополитъ и всѣ епископы единодушно положили соединиться съ римскимъ костеломъ и подчиниться папѣ, съ сохраненіемъ только своихъ таинствъ и обрядовъ, король объявлялъ владыкамъ свою признательность и, съ своей стороны, давалъ имъ и всему духовенству, за себя и за своихъ преемниковъ, торжественное обязательство: а) не придавать никакой силы и значенія неблагословеніямъ и проклятіямъ, какія вздумали бы патріархи присылать въ своихъ граматахъ на духовенство и владыкъ, принявшихъ унію, и даже не пропускать такихъ граматъ въ предѣлы Литвы и Польши; б) не отнимать ни у кого изъ владыкъ, до самой ихъ кончины, ихъ

([557]) А. З. Р. IV, №№ 75—77.

каѳедръ и церковныхъ имѣній; в) уравнять русское духовенство, въ правахъ и вольностяхъ, съ духовенствомъ римскимъ, согласно съ граматою короля Владислава, данною послѣ флорентійской уніи: такъ какъ эту самую унію и принимаетъ теперь русское духовенство. Еще чрезъ два дня (2 авг.) король издалъ новую грамату, въ которой высказывалъ обѣщаніе исполнить не нѣкоторыя только, а всѣ просьбы, изложенныя въ извѣстныхъ намъ артикулахъ или условіяхъ уніи, которыя представлены были ему Потѣемъ и Терлецкимъ отъ имени митрополита, епископовъ и всего духовенства. Исполненіе этихъ просьбъ, перечисляемыхъ въ граматѣ, должно было послѣдовать, по словамъ короля, тотчасъ, какъ окончательно состоится унія; только о двухъ просьбахъ онъ выразился не довольно рѣшительно. «О мѣстѣ въ сенатѣ (для митрополита и владыкъ),—говорилъ король,—мы обѣщаемъ разсудить съ панами радами нашими и съ чинами рѣчи посполитой: такъ какъ это дѣло принадлежитъ власти сейма... А чтобы монастыри и церкви русскіе не были обращаемы въ костелы, это въ нашихъ королевскихъ имѣніяхъ мы запретимъ, но въ имѣніяхъ шляхетскихъ сдѣлать того не можемъ» ([558]).

Надобно замѣтить, что Потѣй и Терлецкій, по прибытіи въ Краковъ, если еще не прежде, раздѣлили врученные имъ владыками артикулы или условія уніи на двѣ части: особо изложили тѣ условія, которыя подлежали разсмотрѣнію короля, и представили королю, и особо—тѣ, которыя подлежали разсмотрѣнію папы, и представили папскому нунцію, находившемуся въ Краковѣ. Король, съ своей стороны, отвѣчалъ на эти условія, какъ мы видѣли, граматою отъ 2-го августа.

([558]) А. З. Р. IV, №№ 78. 79.

А папскій нунцій прислалъ свой отвѣтъ Потѣю и Терлецкому еще 1-го августа. Въ отвѣтѣ нунцій удостовѣрялъ, что просьбы русскихъ владыкъ, которыя касаются догматовъ, какъ выраженныя согласно съ католическою вѣрою и опредѣленіями флорентійскаго собора, папа, безъ сомнѣнія, приметъ и одобритъ, и что онъ навѣрно уступитъ и по остальнымъ просьбамъ, относящимся къ праву человѣческому, если найдетъ ихъ не противорѣчащими католической вѣрѣ и согласными съ здравымъ разумомъ ([559]).

Объявивъ свое согласіе на условія уніи, предложенныя владыками, король полагалъ, что пора отправить избранныхъ депутатовъ съ этими условіями и къ римскому первосвященнику. Поэтому разрѣшилъ, 28 іюля, Кириллу Терлецкому отдать въ аренду, для покрытія путевыхъ издержекъ, всѣ церковныя имѣнія луцкой епархіи на двадцать лѣтъ, хотя съ тоюже цѣлію въ прошломъ году уже отдано было имѣніе Водирари на сорокъ лѣтъ, и въ тотъ же день подписалъ приказъ въ суды и уряды земель волынской, русской и подольской, чтобы судебныя дѣла, касающіяся Потѣя и Терлецкаго, были пріостановлены до ихъ возвращенія изъ Рима. А Потѣю и Терлецкому велѣлъ ѣхать домой и готовиться въ дальнюю дорогу, съ тѣмъ чтобы они возвратились въ Краковъ не позже, какъ черезъ четыре недѣли ([560]). Въ послѣдовавшія за тѣмъ четыре недѣли и вообще во все время до поѣздки Потѣя и Терлецкаго въ Римъ ни митрополитъ со владыками, ни князь

([559]) Эти особыя изложенія условій, составленныя Потѣемъ и Терлецкимъ, и отвѣтъ имъ папскаго нунція напечатаны у *Гарашевича*: Annales ecclesiae Ruthenae, 178—185, Leopol. 1862.

([560]) Архив. югозапад. Россіи, ч. I, т. I, №№ 110. 111; Antirrisis, str. 63.

Острожскій, ни самъ король не оставались недѣятельными по отношенію къ уніи.

Митрополитъ прислалъ въ Вильну указъ (отъ 12 авг.), которымъ требовалъ своего намѣстника, протопопа Ивана Парѳеновича и всѣхъ виленскихъ священниковъ къ себѣ, въ Новгородокъ, на судъ, черезъ полтора мѣсяца, а до того времени запрещалъ всѣмъ имъ священнослуженіе, за то, что они, вмѣстѣ съ нѣкоторыми мѣщанами виленскими, бунтовали и дѣлали протесты противъ своего архипастыря, возмущая народъ. И въ Вильнѣ, дѣйствительно, во всѣхъ православныхъ церквахъ на шесть недѣль прекращено было богослуженіе: доказательство, что не одни священники виленскаго троицкаго братства съ братскимъ дидаскаломъ Стефаномъ Зизаніемъ, но и все вообще виленское духовенство возставало на Рогозу за его измѣну православію. Разразившись такимъ гнѣвомъ на своихъ подчиненныхъ, митрополитъ отъ тогоже 12-го августа писалъ къ князю Острожскому, повидимому, съ глубокою скорбію и смиреніемъ: «Я не въ силахъ достаточно оплакать, пока живъ буду, нынѣшняго горестнаго состоянія, въ которое попалъ, по несчастію, за грѣхи мои. Что дѣлать мнѣ впредь, знаетъ только Богъ-сердцевѣдецъ. Подлинно, приходится мнѣ положить жезлъ и поблагодарить за него его королевскую милость, чтобъ прожить спокойно, а не какъ теперь. Я обнесенъ предъ вашею княжескою милостію, будтобы забылъ долгъ и призваніе свое и отважился попрать богослуженіе и вѣру восточной церкви, увлекаясь алчностью или гоняясь за монастыремъ кіево-печерскимъ, о которомъ и не думаю. Хотя его королевская милость и поручилъ-было мнѣ взять этотъ монастырь въ управленіе до вре-

мени, но я на это не покушаюсь..... Что же — до вѣры и закона греческаго, то могъ ли бы я отважиться нарушить такое великое и важное дѣло, за которое готовъ лишиться не только имѣнія, но и жизни, особенно имѣя подпорою вашу княжескую милость, безъ котораго всякое дѣло шатко?... Бога ради, благоволите намъ, духовнымъ и мірскимъ, созвать соборъ, въ которомъ настоитъ великая и необходимая нужда. Здѣсь, въ Литвѣ, желаютъ его всѣ православные. Если будетъ воля вашей княжеской милости, то легко можете исходатайствовать это у короля. А соборъ долженъ быть не въ иномъ мѣстѣ, какъ только въ Новогродкѣ». Въ такомъ же тонѣ писалъ митрополитъ отъ 19-го авг. къ новогродскому воеводѣ Ѳедору Скумину и, увѣряя его, что отнюдь не отдавался въ послушаніе римскому костелу, говорилъ между прочимъ: «не зная ничего по латыни, я не умѣлъ бы и служить съ капланомъ римскимъ у одного алтаря. Пусть тотъ, кто старается объ этомъ, и ищетъ себѣ мѣста въ сенатѣ и ласки у короля; а я, грѣшный человѣкъ, желалъ бы лучше быть съ сынами Зеведеовыми, нежели между прегордыми и суемудренными. О новомъ календарѣ мы полагали-было разсудить, но только на соборѣ со всѣми вами, нашими вѣрными христіанами... Получивъ извѣстіе, что владыки владимірскій и луцкій на дняхъ были у короля и собираются пуститься въ Римъ, я послалъ къ нимъ своего посланца, напоминая имъ, чтобы они оставили свое предпріятіе, которое можетъ произвесть въ нашемъ христіанскомъ народѣ великое смятеніе, если не кровопролитіе». А между тѣмъ на другой день, т. е. 20-го авг., Рогоза извѣщалъ князя Николая Христофора Радзивила (Сиротку) воеводу трокскаго, что

посланный имъ ректоръ нѣсвижской іезуитской коллегіи приходилъ къ нему - Рогозѣ и «повѣдалъ ему отъ лица князя все, что касается желанія его — митрополита вступить въ унію съ св. католическимъ костеломъ». Наконецъ, спустя еще десять дней, митрополитъ обратился ко всему православному духовенству и народу своей митрополіи и говорилъ въ своей граматѣ (отъ 1 сент.): «Знаю, что вы имѣете предубѣжденіе противъ меня, будто я съ нѣкоторыми владыками ввожу новые какіе-то обычаи въ нашу каѳолическую восточную церковь, вопреки уставамъ и правиламъ св. апостоловъ и св. отцевъ. Увѣдомляю васъ настоящимъ моимъ писаніемъ: я не думалъ и думать не хочу, чтобы отдать свои права и вѣру въ поруганіе, быть отступникомъ своего исповѣданія и ни во что вмѣнить рукоположеніе святѣйшаго патріарха. Не помышляйте жъ такъ обо мнѣ, но, пребывая твердо и неподвижно въ страхѣ Божіемъ, въ нашей вѣрѣ христіанской и въ св. Божіей церкви восточной, не давайте колебать себя, подобно трости, бурнымъ вѣтрамъ. А я обѣщаюсь защищать то, съ вашими милостями, до пожертвованія моею жизнію» ([561]).

Въ то время, какъ митрополитъ надѣялся обуздать противниковъ уніи и успокоить православное духовенство и народъ то проявленіями своей епархіальной власти, то увѣреніями, что онъ непричастенъ уніи, напротивъ ревностно стоитъ за православіе, владыки луцкій, перемышльскій, львовскій и холмскій смѣло и открыто выставляли себя борцами

([561]) А. З. Р. IV, №№ 80. 83. 84, стр. 117; Акты Вилен. Коммис. VIII, № 7; Апокрис., стр. 24 — 27; Опис. Кіево-Соф. собора, прилож. № 14, стр. 64; Матеріалы для истор. запад.-русск. церкви, въ Труд. кіев. дух. Ак. 1878, Мартъ, прилож. стр. 44.

за унію. Собравшись въ Луцкѣ, они составили (27 авг.) письменный актъ, въ которомъ говорили: «Мы приняли унію съ любовію, и не только исповѣдали ее сердцемъ и устами, вмѣстѣ съ митрополитомъ нашимъ Михаиломъ Рогозою, но и подтвердили нашими писаніями. Теперь, утверждая ее снова, мы добровольно постановили, что не отступимъ отъ нея до смерти; а если кто изъ насъ захочетъ разорвать унію или препятствовать ей, такого мы отвергаемъ, и будемъ просить, чтобы онъ былъ лишенъ всѣхъ правъ. Постановляемъ также, чтобы въ епархіяхъ нашихъ, луцкой, перемышльской, львовской и холмской, никто изъ мірянъ не вступался въ наши духовныя дѣла и не смѣлъ противиться этому нашему постановленію, подъ анаѳемою; а каждый противящійся будетъ отлученъ отъ св. Христовыхъ таинъ и не будетъ допускаемъ въ храмъ Божій». Впрочемъ, подпись имени Гедеона львовскаго подъ этою граматою, послѣ того какъ онъ торжественно протестовалъ противъ уніи, невольно возбуждаетъ подозрѣніе, не составлена ли грамата безъ его вѣдома и участія, не написалъ ли ее Терлецкій на одномъ изъ бланкетовъ, данныхъ ему на съѣздѣ въ Соколѣ Гедеономъ и епископами перемышльскимъ и холмскимъ. Подозрѣніе тѣмъ болѣе представляется вѣроятнымъ, что подъ граматою находятся подписи только епископовъ, съѣзжавшихся въ Соколѣ, а нѣтъ подписей прочихъ владыкъ и даже Потѣя ([562]). Гораздо важнѣе была другая мѣра, какая употреблена была тогда отъ лица всѣхъ владыкъ въ пользу уніи. Въ Вильнѣ была издана написанная отъ ихъ имени небольшая книга, подъ названіемъ: «Унія». Книга посвящена была новогродскому воеводѣ Ѳе-

([562]) А. З. Р. IV, № 82. Снес. примѣч. 552.

дору Скумину. и въ концѣ посвященія безъименный авторъ назвалъ себя «здавна знаемымъ слугою. а теперь и уставичнымъ богомольцею» воеводы, какъ, изъ числа поборниковъ уніи, могъ выразиться о себѣ преимущественно Потѣй. Въ предисловіи къ читателю авторъ горько жаловался на ненависть, укоризны и угрозы, какія терпѣли владыки, желавшіе уніи, отъ своего русскаго народа, и убѣждалъ этотъ народъ возвратиться къ тому «прежнему и давнему» соединенію съ римскою церковію, въ которомъ, будтобы, находились его предки (любимая мысль Потѣя). Въ самой книгѣ изложены были слѣдующія пять статей, которыя считались тогда главнѣйшими препятствіями для русскихъ къ принятію уніи: а) о происхожденіи Св. Духа, б) о чистилищѣ, в) о верховной власти папы въ церкви, г) о новомъ календарѣ и д) объ антихристѣ или о томъ, что папа не есть антихристъ. Экземпляры книги распространены были, въ большомъ количествѣ, по всей Литвѣ съ цѣлію расположить и привлечь православныхъ къ соединенію съ римскою церковію ([563]).

Князь Острожскій не терялъ надежды добиться созванія собора даже послѣ того, какъ получилъ извѣстіе отъ самаго короля, что соборъ ему неугоденъ. Но теперь князь желалъ собора, несомнѣнно, съ одною только цѣлію, чтобы подорвать унію, затѣянную владыками. Въ этихъ видахъ онъ отправилъ своего посла, пана Лустовскаго, на протестантскій соборъ, имѣвшій быть 12-го числа августа въ Торунѣ, и далъ послу писанную инструкцію. Въ инструкціи князь горько жа-

([563]) Полное заглавіе этой книги: «Унія, альбо выкладъ преднейшыхъ артыкуловъ ку зъодноченью Грековъ с костеломъ рымскимъ належащыхъ. У Вильни, року Божого 1595, за дозволеннемъ старшыхъ». Экземпляръ этой книги есть въ библіотекѣ кіево-печерской лавры (Опис. Кіево-Соф. соб., стр. 135).

ловался на короля, что онъ, вопреки своей присягѣ при коронаціи, стѣсняетъ свободу христіанскихъ исповѣданій, кромѣ одного латинскаго; увѣрялъ протестантовъ, что какъ прежде былъ къ нимъ расположенъ, такъ остается и теперь расположеннымъ, и всякую обиду и притѣсненіе имъ считаетъ за обиду себѣ; приглашалъ ихъ соединиться противъ латинянъ съ православными и дружно отстаивать свои исповѣданія, говоря, что тогда король не рѣшится дѣйствовать на нихъ силою, такъ какъ къ нимъ можетъ собраться до пятнадцати, если не до двадцати тысячъ войска; жаловался также на своихъ владыкъ, что они тайно замыслили унію съ латинянами, и, безъ согласія своихъ пасомыхъ, вздумали вести ихъ отъ Христа къ антихристу, т. е. къ папѣ, и навязываютъ имъ новый, римскій календарь; наконецъ, выражалъ желаніе, чтобы и протестанты прислали своихъ депутатовъ на русскій соборъ, когда онъ откроется. Отправляя въ Торунь своего уполномоченнаго и давая ему такую инструкцію, князь Острожскій, конечно, не предполагалъ, что она можетъ сдѣлаться извѣстною королю. И потому, чрезъ нѣсколько времени, отправилъ къ нему другаго своего посла, пана Грабковича, ходатайствовать о созваніи православнаго собора для разсужденій объ уніи. Къ несчастію, инструкція князя была перехвачена, или съ нея была добыта копія, и представлена королю. Разгнѣванный король не захотѣлъ самъ отвѣчать Острожскому, а поручилъ написать къ нему какому-то его родственнику, сенатору, который и объяснилъ князю, что его рѣзкая и неосторожная инструкція попала въ руки короля и чрезвычайно огорчила его, что послѣ такихъ отзывовъ князя о королѣ и угрозъ ему пятнадцати-или-двадцати-тысячнымъ войскомъ,

послѣ такихъ отзывовъ о самомъ папѣ, какъ антихристѣ, послѣ такихъ сношеній и соглашеній князя съ еретиками для противодѣйствія католикамъ, о какомъ либо соборѣ православныхъ, по вопросу о соединеніи ихъ съ римскою церковію, не можетъ быть и рѣчи ([564]). И разсчеты князя Острожскаго разрушить на соборѣ зачинавшуюся унію, еще до поѣздки двухъ владыкъ въ Римъ, сами рушились.

Со стороны короля употреблена была въ это время только одна мѣра къ обезпеченію и упроченію замышляемой уніи. Онъ, по прежнему, пользовался правомъ подаванья «духовныхъ хлѣбовъ». Такъ, пожаловалъ онъ православные монастыри: мстиславскій онуфріевскій литовскому канцлеру Льву Сапѣгѣ (1594 г.), пинскій лещинскій земянину Александру Плетенецкому (1595), пинскій женскій св. Варвары какой-то Людмиллѣ Сосновской (1595), минскій вознесенскій бытенскому игумену Паисію, съ согласія митрополита Рогозы, которому монастырь этотъ принадлежалъ (1515), мстиславскій никольскій сыну мстиславскаго протопопа Степану Ивановичу, съ согласія его отца, владѣвшаго тѣмъ монастыремъ (1595) ([565]). По этому же праву король издалъ теперь, 22-го сентября, двѣ жалованныя граматы: одну архимандриту кобринскаго монастыря Іонѣ Гоголю на пинскую епископію, по смерти владыки Леонтія Пельчицкаго; другую протонотарію кіевской митрополіи Григорію Загорскому на архіепископію полоцкую, по смерти владыки Наѳанаила Селицкаго. Въ обѣихъ грамотахъ, какъ обыкновенно, предоставлялось избраннымъ право

([564]) Означенная инструкція князя Острожскаго и письмо къ нему напечатаны въ Antirrisisѣ, str. 64–71.

([565]) А. З. Р. IV, №№ 62. 67. 81; А. Ю. и З. Р. I, №№ 211. 213.

и па жалуемое владычество и на принадлежащія ему церковныя имѣнія; но кромѣ того помѣщены и двѣ особенности, которыхъ въ прежнихъ граматахъ такого рода не встрѣчалось. Король говорилъ, что даетъ Іонѣ пинское владычество и Григорію полоцкое «за поданьемъ» архіепископа митрополита кіевскаго Михаила Рогозы и «за залѣценьемъ» владыкъ, владимірскаго Ипатія Потѣя и луцкаго Кирилла Терлецкаго; а—что̀ еще важнѣе—прямо обязывалъ обоихъ вновь избранныхъ на архіерейство, что тотъ и другой «повиненъ будетъ» признать верховную власть папы римскаго и навсегда отдаться въ послушаніе ему, которое доселѣ отдавалось константинопольскому патріарху. Оба новые архіерея, рады-не рады, должны были сдѣлаться поборниками уніи. Теперь-то, вѣроятно, они и подписались, вслѣдъ за прочими владыками, подъ извѣстными намъ граматами на унію, хотя, какъ мы уже замѣчали, могли подписаться и прежде ([566]).

Давно уже прошли четыре недѣли, на которыя отсрочена была поѣздка въ Римъ Потѣя и Терлецкаго, и прошли безплодно. Православные не только не сдавались на унію, но еще сильнѣе противъ нее вооружились. Опасно было болѣе выжидать и отсрочивать поѣздку, чтобы не погибло и то, что было подготовлено для заключенія уніи. И вотъ, вѣроятно, 24-го сентября, Потѣй и Терлецкій отправились, наконецъ, въ Римъ. Пускаясь въ такой дальній путь, Терлецкій счелъ нужнымъ написать духовное завѣщаніе: 19 сентября оно было написано въ Краковѣ, 22-го занесено, по просьбѣ Терлецкаго, въ книги королевской канцеляріи, а 24-го выдано ему въ копіи, утвержденной самимъ коро-

([566]) A. 3. P. IV, №№ 85. 86.

лемъ. И въ тотъ же день король издалъ, на польскомъ языкѣ, манифестъ ко всѣмъ своимъ подданнымъ, въ которомъ говорилъ: «Считая за величайшее счастіе, еслибы намъ со всѣми вѣрными и любезными нашими подданными находиться въ одной католической церкви, подъ властію одного верховнаго пастыря, римскаго папы, и вмѣстѣ съ ними славить Бога едиными устами и единымъ сердцемъ, и признавая такое соединеніе нашихъ подданныхъ по вѣрѣ весьма полезнымъ и необходимымъ для цѣлости и прочности самой Рѣчи Посполитой, мы старались и непрестаемъ стараться, чтобы и тѣхъ изъ нашихъ любезныхъ подданныхъ, которые уклонились отъ единства католической церкви, отечески привести къ этому единству ради ихъ собственнаго блага. И Господь, по милости своей, благословилъ наше стараніе: пастыри греческой вѣры съ немалымъ числомъ народа обратились къ соединенію съ католическою церковію подъ властію римскаго апостольскаго сѣдалища. Объявляемъ о семъ всѣмъ нашимъ подданнымъ, какъ тѣмъ, которые принадлежатъ къ римскому костелу, чтобы они, вмѣстѣ съ нами, возрадовались обращенію собратій и возблагодарили Бога, такъ и тѣмъ, которые еще не соединились съ католическою церковію, чтобы они послѣдовали примѣру своихъ пастырей и приняли унію, которую еще на флорентійскомъ соборѣ, при нашихъ прадѣдахъ, приняли самъ греческій цезарь и патріархъ. И какъ тогда, при соединеніи по вѣрѣ, были дозволены апостольскимъ престоломъ и въ цѣлости сохранены обряды и церемоніи греческой церкви, такъ и теперь, приступая къ тойже уніи, кіевскій митрополитъ и иные владыки желаютъ, чтобы имъ были сохранены всѣ стародавніе обряды и церемоніи ихъ церкви, и

для того *послали* (wysłały) въ Римъ къ святому отцу братій своихъ, двухъ владыкъ, владимірскаго и луцкаго» ([567]).

Отъѣздъ Потѣя и Терлецкаго въ Римъ, безъ воли и согласія православныхъ мірянъ, еще болѣе возмутилъ ихъ и вооружилъ противъ владыкъ и замышляемой ими уніи. Князь Острожскій немедленно написалъ митрополиту рѣзкое письмо, въ которомъ выражался, что «православіе и вѣра теперь совсѣмъ преданы ими подъ власть римскую». И въ тоже время, по распоряженію князя, разсѣяны были по всей Литвѣ его листы, напечатанные подъ его именемъ въ Острогѣ, въ которыхъ митрополитъ подвергался самымъ сильнымъ порицаніямъ и укоризнамъ и прямо назывался отступникомъ и Іудою-предателемъ. Прочитавъ это письмо и печатные листы князя Острожскаго, митрополитъ едва могъ притти въ себя, и 28-го сентября отвѣчалъ ему, что терпитъ напрасно, что, будучи усерднымъ слугою и недостойнымъ богомольцемъ князя, не оставлялъ извѣщать его объ уніи, какъ, съ какого времени и отъ кого она началась, и присовокуплялъ: «какъ прежде я говорилъ, такъ и теперь говорю, что еслибы ваша княжеская милость захотѣлъ быть причастникомъ той уніи, то и я не отказался бы итти за вашею милостію, какъ за вождемъ; а если иначе, то я готовъ за св. вѣру и законъ свой пострадать до крови и вкусить смерть» (по одному этому можно судить, каковъ былъ митрополитъ!...). Князь укорялъ его еще за то, что онъ послалъ своего служителя Григорія въ Краковъ и потомъ, вмѣстѣ съ Потѣемъ и Терлецкимъ, отправилъ въ Римъ, что домогался получить въ свое непосредственное

([567]) Вилен. Археогр. Сборн. I, № 64; Архив. югозапад. Россіи, ч. I, т. I, № 114.

управленіе полоцкую епархію. Митрополитъ отвѣчалъ, что посылалъ Григорія въ Краковъ вовсе не за тѣмъ, чтобы ѣхать съ епископами въ Римъ, а чтобы удержать ихъ отъ поѣздки, предпринятой безразсудно, безъ совѣщаній на соборѣ, о чемъ можетъ засвидѣтельствовать князю и владимірскій урядъ, и что полоцкаго владычества себѣ вовсе и не помышлялъ искать и не домогался, какъ можетъ удостовѣриться князь отъ знающихъ людей. Наконецъ, князь требовалъ отъ митрополита, чтобы онъ созвалъ соборъ. На это митрополитъ отвѣчалъ: «не угодно ли вашей княжеской милости написать отъ себя къ оставшимся епископамъ, чтобы они немедленно съѣхались для совѣщаній ко мнѣ, какъ своему старшему? Ибо къ моимъ письмамъ касательно нуждъ церковныхъ они глухи всегда, а по совѣту вашей княжеской милости, я увѣренъ, охотнѣе пріѣдутъ ко мнѣ въ Новгородокъ. И если они согласятся и объявятъ о томъ вашей милости, то, для большей силы, весьма нужно, чтобы на открытомъ письмѣ ко мнѣ отъ вашей милости, кромѣ печати и подписи вашей, было до двухъ сотъ печатей и подписей знатныхъ пановъ изъ дворянства нашей греческой вѣры, которыхъ вы приготовите для крѣпкаго сопротивленія такой измѣнѣ. А я, получивъ отъ васъ этотъ листъ, тотчасъ же готовъ буду съ епископами составить, сообразно съ вашимъ, и свой листъ и подписать, чтобы признать его и на урядѣ» ([568]). Т. е. митрополитъ предоставлялъ самому князю созвать епископовъ на соборъ для противоборства уніи, очень хорошо зная, что епископы, связанные предъ королемъ данными ими письменными обязательствами принять унію, на такой соборъ не поѣдутъ.

([568]) А. З. Р. IV, № 87.

Новогродскій воевода Ѳедоръ Скуминъ писалъ къ одному изъ почетнѣйшихъ гражданъ Вильны Козьмѣ Мамоничу, что между православными христіанами происходитъ великая смута, и кто причиною тому, онъ въ точности не знаетъ; что онъ многократно письмами своими просилъ митрополита открыться и сказать правду, но не добился вѣрнаго слова. Мамоничь показалъ письмо Скумина виленскому православному духовенству, и оно отвѣчало воеводѣ (въ ноябрѣ): «Наши владыки, вмѣсто того чтобы собираться на соборы въ Брестѣ въ назначенное время для всего духовенства, вздумали собираться между собою на тайные съѣзды. Такъ съѣзжались они въ Соколѣ, гдѣ начали ту злую унію, потомъ въ Красномъ Ставѣ, а нынѣ собирались въ Кобринѣ и въ Брестѣ, и митрополитъ, отъѣзжая туда изъ Вильны, не сказалъ ни слова о томъ собраніи, а говорилъ, будто ему нужно ѣхать на трибуналъ въ Люблинъ... Посылали и мы къ отцу митрополиту наше писаніе, чтобы онъ, не тревожа церкви Христовой, сказалъ о себѣ правду, но доселѣ не получили никакого извѣстія. Только, недѣли три тому назадъ, присылалъ онъ къ церковному нашему братству и панамъ бурмистрамъ своего писаря Григорія, который за несомнѣнное повѣдалъ, что владыки поддались папѣ, отступивъ отъ православныхъ патріарховъ, и показывалъ о томъ самыя писанія владыкъ и королевскую грамату. Тогда, узнавъ достовѣрно, что владыки и митрополитъ сдѣлали то тайно, безъ вѣдома патріарховъ, низшаго духовенства и всѣхъ православныхъ христіанъ, мы—все православное виленское духовенство протестовали предъ Богомъ и всѣмъ христіанскимъ народомъ, какъ въ книгахъ нашихъ духовныхъ, такъ и во всѣхъ урядахъ свѣтскихъ, что мы о

такомъ отступленіи отъ нашихъ святѣйшихъ патріарховъ не мыслили и не знали, и на то не соизволяли, и обязуемся непоколебимо стоять при всемъ благочестіи св. восточной соборной церкви. Извѣщая объ этомъ вашу милость, мы просимъ тебя быть, вмѣстѣ съ иными многими православными, защитникомъ и поборникомъ нашей благочестивой вѣры» ([569]). Нельзя здѣсь не отдать чести тогдашнимъ православнымъ священникамъ литовской столицы и, во главѣ ихъ, достойному о. протопопу Ивану Парѳеновичу. Всѣ они уже перенесли, за свою ревность о православіи, шестинедѣльное запрещеніе священнослуженія отъ митрополита; всѣ, по его требованію, явились къ нему на судъ, вѣроятно, въ первой половинѣ октября, —и, несмотря на это, не переставали смѣло протестовать противъ уніи, ратовать за отеческую вѣру и тѣмъ подавать примѣръ прочему духовенству и мірянамъ.

Опаснѣе всѣхъ противниковъ уніи въ Вильнѣ казался митрополиту братскій дидаскалъ и вмѣстѣ проповѣдникъ Стефанъ Зизаній, именно потому, что онъ, будучи ученѣе другихъ и оффиціальнымъ проповѣдникомъ, могъ сильнѣе дѣйствовать на народныя массы и увлекать ихъ. Еще въ половинѣ іюля, какъ мы видѣли, митрополитъ, своею граматою, строго запрещалъ Стефану возбуждать православныхъ противъ ихъ архипастырей и угрожалъ ему тяжкими наказаніями. Но запрещенія и угрозы, вѣрно, не остановили ревностнаго борца за вѣру. И вотъ, 30-го сентября, митрополитъ прислалъ ему новую свою грамату и говорилъ: «Ты избранъ нами въ проповѣдника только на время, но не имѣешь права проповѣдывать, потому что не имѣешь хиротоніи для благовѣстія;

([569]) А. З. Р. IV, № 90.

ты учишь православный народъ вопреки каноновъ и не по преданію церкви, а своимъ домысломъ; ты возгордился, неистовствуешь противъ всѣхъ насъ, своихъ пастырей, и попралъ повелѣніе наше; ты не въ правѣ никого судить и обличать, не имѣя духовнаго сана, а между тѣмъ безстудно порицаешь съ амбона всѣхъ духовныхъ, отъ высшихъ до низшихъ; ты въ Вильнѣ возмущаешь церкви, раздвоилъ народъ и, особенно въ послѣднее время, яришься и клевещешь на пастырей и на наше церковное управленіе. Всѣ епископы, архимандриты, игумены и все духовенство жалуются на твою гордость и своеволіе намъ и самому королю и единогласно положили составить противъ тебя соборъ. Но какъ для созванія собора нужно предварительно испросить королевское позволеніе, то мы, еще до того собора, не благословляемъ тебя, какъ противника церкви Божіей, и отлучаемъ отъ проповѣди, да не дерзнешь дѣлать ничего, что прилично крылошанамъ, даже пѣть и читать». Черезъ мѣсяцъ (28 окт.) митрополитъ дѣйствительно приглашалъ духовенство на соборъ, который назначалъ въ Новогродкѣ на 25-е число генваря 1596 года. Судя по граматѣ митрополита, соборъ предполагался большой, съ участіемъ духовныхъ и свѣтскихъ людей, по настоятельнымъ требованіямъ князя Острожскаго, для обсужденія и рѣшенія важнаго вопроса объ уніи. Но на самомъ дѣлѣ, въ назначенное время, соборъ состоялся очень небольшой: свѣтскихъ людей на немъ вовсе не было, а изъ духовныхъ, кромѣ двухъ владыкъ, присутствовали только четыре архимандрита, шесть протопоповъ и одинъ священникъ епархіи митрополита; цѣлію же собора было лишь осужденіе Стефана Зизанія. При открытіи собора было заявлено, что Зизаній, несмотря на

сдѣланный ему позывъ явиться на судъ собора, не явился и никого отъ себя не прислалъ. Обвиненіе противъ него состояло въ томъ, будто онъ впалъ въ великое еретичество, училъ людей «по вся часы», что Господь нашъ Іисусъ Христосъ не есть нашъ Ходатай передъ Богомъ Отцемъ, и будто изложилъ эти мысли въ своей книжкѣ на римскій костелъ, напечатанной по-польски, доказывая ихъ не изъ Слова Божія и писаній св. отцевъ, а своими силлогизмами. Книжка читана была на соборѣ, и, по выслушаніи ея, соборъ опредѣлилъ (27 генв): Стефана Зизанія, какъ еретика, отлучить отъ церкви; единомысленнымъ съ нимъ двумъ братскимъ священникамъ, Василію и Герасиму, запретить священнослуженіе, а свѣтскихъ людей, единомысленныхъ съ Зиновіемъ, предать анаѳемѣ. Страннымъ представляется, что подъ этимъ декретомъ, рядомъ съ митрополитомъ и полоцкимъ архіепископомъ Германомъ (бывшимъ Григоріемъ Загорскимъ), подписался и Гедеонъ Болобанъ, хотя впослѣдствіи онъ же и оправдалъ Зизанія. Какъ только узнали объ этомъ декретѣ Зизаній и два братскіе священника, они тотчасъ прислали въ Новогродокъ свою протестацію чрезъ братскаго діакона Алексѣя Блашковича, который, именемъ всего троицкаго братства, просилъ записать ее въ городскія книги. Протестовавшіе говорили: а) тотъ соборъ не былъ составленъ по правиламъ св. отцевъ: потому что многіе духовные люди и мы сами о немъ не знали, и изъ виленскаго духовенства на немъ никто не былъ; б) намъ не присылали ни одного позва явиться на соборъ и судили насъ заочно, а правила св. отцевъ не дозволяютъ никого судить и предавать клятвѣ заочно, прежде нежели будутъ сдѣланы три позва; в) на томъ соборѣ не было судіи,

который бы могъ разсудить насъ съ о. митрополитомъ и постановить декретъ: ибо мы первые позвали митрополита на судъ за его измѣну православной церкви, о чемъ и вносили много разъ въ духовныя и свѣтскія книги, и онъ, какъ прежде позванный нами на судъ и нашъ соперникъ, не можетъ быть намъ судіею по девятому правилу четвертаго вселенскаго собора. А въ Сына Божія единороднаго мы вѣруемъ и учимъ другихъ вѣровать такъ, какъ содержитъ и учитъ св. каѳолическая православная церковь. Но справедливость требуетъ сознаться, что Стефанъ Зизаній, какъ ни ревновалъ о православіи противъ уніи и латинства, дѣйствительно не чуждъ былъ того заблужденія, за которое его соборнѣ осудили. Незадолго предъ тѣмъ онъ издалъ на польскомъ языкѣ небольшую книжку «Катехизисъ» или краткое объясненіе никейскаго символа, направленное противъ латинянъ. Эта книжка не дошла до насъ; но, по свидѣтельству современнаго латинскаго писателя Желиборскаго, тогда же издавшаго на нее опроверженіе, въ ней находились слѣдующія слова: «проклинаемъ еретиковъ, которые умаляютъ честь Сына Божія, называя Его ходатаемъ предъ Богомъ Отцемъ; мы вѣруемъ, что Христосъ возсѣдаетъ одесную Бога Отца и имѣетъ одинаковую съ Нимъ честь и славу, а не меньшія; а потому Онъ и не ходатай, ибо кто ходатайствуетъ предъ кѣмъ за другихъ, тотъ не можетъ возсѣдать рядомъ съ тѣмъ, предъ кѣмъ ходатайствуетъ, и не имѣетъ равнаго съ нимъ могущества». Нельзя, конечно, оправдывать Зизанія за это заблужденіе, но не слѣдуетъ строго и осуждать. Русскіе въ Литвѣ, дотолѣ жившіе въ простотѣ вѣры, только-что начинали знакомиться съ школою, съ науками и, въ частности, съ наукою богословскою. Изучить ее сами во всѣхъ подробностяхъ, на основаніи источниковъ православнаго ученія, еще не успѣли. Обстоятельнаго руководства для богословствованія, т. е. православнаго катехизиса, еще не имѣли. И потому неудивительно, если по нѣкоторымъ вопросамъ, въ жару полемики противъ латинянъ, иногда увлекались ложными протестантскими мнѣніями, не сознавая, что они не согласны съ православіемъ. Отвергая, наприм., латинское чистилище, тотъ же Зизаній, какъ въ своемъ упомянутомъ катехизисѣ, такъ и въ другомъ своемъ сочиненіи: „Казанье св. Кирилла іерусалимскаго объ антихристѣ“, отвергалъ частный судъ и воздаяніе послѣ него грѣшникамъ во адѣ и праведникамъ на небѣ, а за Зизаніемъ отвергали и другіе православные богословы, Леонтій Карповичь, Андрей Мужиловскій. Такое колебаніе молодой богословствовавшей мысли между православными было неизбѣжно, пока не явилось для нея довольно подробное руководство отъ лица церкви: «Православное Исповѣданіе» митрополита Петра Могилы ([570]).

Относясь съ такою враждебностію къ представителямъ виленскаго троицкаго братства, возставшимъ противъ уніи, не лучше относился митрополитъ и къ другому знатнѣйшему тогда братству львовскому, не скрывавшему своего сопротивленія уніи. Какъ только полученъ былъ во Львовѣ королевскій манифестъ отъ 24-го сентября, что митрополитъ и владыки отдались папѣ и послали къ нему своихъ пословъ, и для обнародованія прибитъ былъ на воротахъ города, право-

([570]) А. З. Р. IV, №№ 88. 89. 91. 92; *Голубев.* Библіограф. замѣчанія о нѣкоторыхъ старопечатныхъ церковно-славянск. книгахъ конца XVI и XVII стол. (въ Труд. кіев. дух. Академіи, 1876, I, 129—135). Снес. А. Ю. и З. Р. II, стр. 272. 285.

славное братство львовское немедленно внесло протестъ въ городскія книги противъ замысла своихъ недостойныхъ архипастырей и объявило, что митрополитъ, отщепенецъ отъ православной церкви, уже не можетъ быть судьею въ спорахъ братства съ епископомъ Гедеономъ. Узнавъ объ этомъ, митрополитъ послалъ братству отъ 10 декабря позывъ явиться на судъ въ Новогродокъ 15 генваря 1596 г., и именно по спорамъ братства съ Гедеономъ. А такъ какъ никто изъ братства на судъ не явился къ назначенному сроку, то митрополитъ своимъ постановленіемъ 20 генваря уничтожилъ всѣ прежнія рѣшенія, какія сдѣланы были имъ самимъ и соборами въ пользу братства противъ Гедеона, призналъ братство виновнымъ во всемъ, а Гедеона невиннымъ, подчинилъ ему онуфріевскій монастырь и городскую братскую церковь и присудилъ братство къ уплатѣ всѣхъ понесенныхъ по этому процессу убытковъ. Братство, разумѣется, не покорилось рѣшенію митрополита и протестовало въ городскихъ книгахъ. Но у митрополита была тутъ и другая цѣль: онъ хотѣлъ привлечь на свою сторону поколебавшагося Гедеона. И, казалось, имѣлъ даже успѣхъ: потому что, какъ мы видѣли, Гедеонъ 27-го генв. присутствовалъ у митрополита на соборѣ и не отказался подписать декретъ противъ Зизанія и другихъ ревнителей православія. Но это было уже послѣднее колебаніе Гедеона. Князь Острожскій употребилъ всѣ усилія для примиренія его съ львовскимъ братствомъ, и Гедеонъ скоро явился во главѣ православнаго духовенства, отстаивавшаго свое исповѣданіе ([571]).

Не оставался и король безучастнымъ къ своей излюблен-

([571]) *Зубрицк.* Лѣтоп. львов. братства, подъ 1595 и 1596 годами.

ной уніи въ виду тѣхъ манифестацій, какія дѣлали противъ нее православные послѣ изданія имъ манифеста отъ 24 сентября. Въ манифестѣ король объявлялъ, что старался и старается привлекать къ католической церкви своихъ любезныхъ подданныхъ, еще не-унитовъ, отечески; а по обнародованіи манифеста сталъ дѣйствовать на нихъ совсѣмъ не поотечески. «Нападки на богослуженіе послѣдователей древней греческой церкви,—говоритъ одинъ современникъ, писавшій противъ уніи отъ имени православныхъ,—начали появляться тотчасъ, какъ издана была въ 1592 г. королевская грамата нѣкоторымъ епископамъ, изъявившимъ согласіе подчиниться папѣ ([572]). Но сильнѣе и открытѣе сдѣлались они въ 1593 г., уже по отъѣздѣ въ Римъ Потѣя и Терлецкаго. Въ это время открылось прямое преслѣдованіе нашего богослуженія, а началось оно по универсаламъ самого короля, и именно въ имѣніяхъ и городахъ королевскихъ. Запечатывали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ церкви, забирали изъ нихъ церковныя облаченія; въ праздники, отправляемые по старому календарю, силою выгоняли народъ изъ храма, нападали на духовенство; запрещали нашимъ священникамъ ходить въ ризахъ съ св. дарами чрезъ площадь и открыто провожать мертвыхъ по обычаю греческой церкви. По праздникамъ не дозволяли намъ звонить въ колокола и отправлять обряды нашего богослуженія; а тѣхъ, которые этимъ приказаніямъ и запрещеніямъ не хотѣли повиноваться, удручали пенями, заключеніемъ, побоями

([572]) Въ подтвержденіе этого можно указать на тѣ притѣсненія въ вѣрѣ, какія терпѣли православные во Львовѣ отъ поляковъ и латинскаго духовенства, и которыя князья Адамъ Вишневецкій и Кириллъ Ружинскій, съ товарищами, подробно перечислили въ своей протестаціи, внесенной въ львовскія городскія книги, въ началѣ мая 1595 года (Supplement. ad Hist. Russiae Monum., № 63).

и другими способами. Въ тоже время и въ тѣхъ же королевскихъ городахъ дѣлали нападенія на школы нашей греческой вѣры, выгоняли изъ нихъ дѣтей и нищихъ, тащили въ свои школы, били, сажали въ тюрьмы и подвергали всякимъ посмѣяніямъ. Въ нѣкоторыхъ королевскихъ городахъ, люди греческой вѣры, вопреки давнимъ обычаямъ, были устраняемы отъ должностей, отъ цѣховъ, отъ ремеслъ, и притѣсняемы въ судахъ и разныхъ другихъ дѣлахъ. Со стороны православныхъ заявлено было, въ разныхъ мѣстахъ, много протестовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, кому, гдѣ и когда сдѣланы были насилія» ([573]).

Все это происходило послѣ того, какъ Потѣй и Терлецкій отправлены были въ Римъ, и прежде, нежели они оттуда возвратились. Посмотримъ же теперь, какъ исполнили они возложенное на нихъ порученіе, и что послѣдовало по возвращеніи ихъ въ отечество.

III.

Потѣй и Терлецкій отправились въ путь съ немалою свитою изъ духовныхъ лицъ и мірянъ. Путешествіе ихъ соединено было съ большими трудностями и продолжалось семь недѣль. Въ Римъ прибыли послы 15-го ноября, и вскорѣ два раза были приняты папою Климентомъ VIII въ частной аудіенціи, по ихъ собственнымъ словамъ, «съ несказанною милостію и ласковостію». Они представили папѣ: а) декретъ или приговоръ западно-русскихъ владыкъ объ уніи отъ

([573]) Апокрисис., стр. 302—303. Авторъ тутъ же изъявлялъ готовность всякому желающему подтвердить свои слова фактами.

2-го декабря 1594 г.; б) артикулы владыкъ или условія уніи отъ 1-го іюня 1595 г. и в) соборное посланіе владыкъ къ папѣ съ изъявленіемъ согласія на унію отъ 12-го іюня того-же года. Представляя эти документы, послы, отъ лица всѣхъ архипастырей западно-русской церкви, «униженно просили, какъ разсказываетъ самъ папа, принять ихъ въ лоно католической римской церкви, съ сохраненіемъ ихъ обрядовъ и церемоній при совершеніи божественныхъ службъ и таинствъ, согласно съ уніею, постановленною на флорентійскомъ соборѣ между западною церковію и восточною, греческою; а съ своей стороны выражали готовность осудить всѣ ереси и расколы, отвергнуть всѣ заблужденія, которыя отвергаетъ и осуждаетъ св. церковь римско-католическая, особенно же тѣ, изъ-за которыхъ они доселѣ были отдѣлены отъ нея, правильно произнесть и содержать исповѣданіе католической вѣры, оказать и всегда оказывать должное послушаніе и покорность папѣ, какъ истинному намѣстнику Христову, и св. апостольскому сѣдалищу». Затѣмъ послы представили папѣ письма отъ короля и отъ трехъ духовныхъ сенаторовъ: краковскаго епископа и кардинала Юрія Радзивила, львовскаго архіепископа Яна—Димитрія Суликовскаго и луцкаго епископа Бернарда Маціевскаго. Принявъ документы отъ пословъ и выслушавъ ихъ просьбу, папа приказалъ еще внимательно обсудить эти документы и просьбу конгрегаціи своихъ кардиналовъ и начальникамъ инквизиціи, и дѣло затянулось почти на шесть недѣль. Послы не разъ просили объ ускореніи его, но слышали въ отвѣтъ: «отдохните получше послѣ такой дороги». А жить имъ было хорошо. Для помѣщенія ихъ данъ былъ дворецъ, неподалеку отъ замка самаго папы, искусно украшенный

обоями и снабженный всѣмъ потребнымъ, и съѣстные припасы отпускались имъ, по приказанію папы, въ изобиліи. Въ теченіе этого времени, кромѣ обсужденія документовъ и просьбы, представленныхъ Потѣемъ и Терлецкимъ, составленъ былъ планъ торжественной аудіенціи, въ которой хотѣлъ принять ихъ папа, переведены были на латинскій языкъ документы, написано и переведено по русски исповѣданіе вѣры, которое должны были произнесть оба посла, и вообще подготовлено было все, что совершилось потомъ на торжественной аудіенціи. Наконецъ, 23-го декабря состоялась и самая аудіенція ([574]).

Аудіенція происходила со всею торжественностію въ большой залѣ папскаго дворца, называвшейся Константиновою. Папа, въ пышномъ облаченіи, возсѣдалъ на своемъ тронѣ

([574]) О путешествіи Потѣя и Терлецкаго въ Римъ и о томъ, какъ совершилось тамъ принятіе ими уніи, сохранились современныя свидѣтельства: 1) письмо самихъ Потѣя и Терлецкаго изъ Рима къ Гедеону Болобану (Архив. югозапад. Россіи, ч. I, т. I, № 116, стр. 482—485); 2) постановленіе самаго папы Климента VIII объ уніи русскаго народа съ римскою церковію (*Theiner*. Vetera monum. Polon. et Lith. III, № 185, pag. 240 — 245); 3) протоколъ о томъ же, составленный папскими нотаріями (ibid. pag. 245—249); 4) посланіе папы Климента VIII къ русскимъ митрополиту и епископу о томъ же (ibid. pag. 250 — 252); 5) посланія Климента VIII къ польскому королю (—pag. 252—253) и его сенаторамъ, духовнымъ и свѣтскимъ (— p. 253—260); 6) De Ruthenis ad communionem sedis apostolicae receptis monumentum, составл., по приказанію Климента VIII, тогдашнимъ историкомъ Бароніемъ (напеч. въ концѣ VII тома его Annal. ecclesiast. Antverp. 1658). Всѣ три документа: посланіе русскихъ владыкъ къ папѣ, ихъ декретъ объ уніи и ихъ артикулы или условія уніи, принесенные Потѣемъ и Терлецкимъ въ Римъ и переведенные тогда на латинскій языкъ, напечатаны также у *Тейнера*, III, № 185, pag. 232 — 240. О двухъ первыхъ документахъ говорится и въ постановленіи папы объ уніи, и въ протоколѣ о томъ же, а у Баронія они представлены цѣликомъ; объ артикулахъ же или условіяхъ уніи, предложенныхъ владыками не столько папѣ, сколько королю, упоминаетъ одинъ папа только въ своемъ посланіи къ королю.

подъ балдахиномъ, и съ нимъ засѣдала вся священная коллегія кардиналовъ, состоявшая изъ тридцати трехъ членовъ. Тутъ же, за мѣстомъ засѣданія коллегіи, огражденнымъ рѣшеткою, присутствовали, стоя, многіе архіепископы, епископы и прелаты (между ними и знаменитый историкъ церковный Цезарь Бароній), послы Франціи и другихъ земель, высшіе сановники и придворные чины папы и кардиналовъ, знатные иностранцы, въ томъ числѣ изъ Литвы и Польши, воспитанники греческой уніатской коллегіи въ Римѣ и множество другихъ лицъ духовнаго и свѣтскаго званія. Въ это торжественное собраніе, по приказанію папы, введены были двумя церемоніймейстерами русскіе послы, епископы Ипатій Потѣй и Кириллъ Терлецкій, сопровождаемые всѣми пріѣхавшими съ ними спутниками. Подошедши съ своею свитою къ самому входу въ засѣданіе свящ. коллегіи, оба посла сдѣлали три привѣтственныя колѣнопреклоненія, и немедленно приблизились къ папѣ, поцѣловали его ноги, и, стоя на колѣняхъ, кратко объяснили цѣль своего посольства (говорилъ Потѣй, какъ знавшій по латыни) и подали папѣ привезенные ими документы: декретъ западно-русскихъ владыкъ объ уніи и ихъ соборное посланіе къ папѣ. Потомъ, по указанію церемоніймейстеровъ, отошли ко входу въ засѣданіе коллегіи, гдѣ вся ихъ свита стояла на колѣняхъ. Папа приказалъ прочитать въ слухъ представленные ему документы ([575]). Виленскій каноникъ Евстафій Воловичъ, знавшій по русски, ставъ

([575]) Потѣй и Терлецкій еще прежде объяснили папѣ, что посланіе къ нему подписано всѣми русскими владыками, а декретъ ихъ объ уніи не подписанъ— Гедеономъ львовскимъ и Михаиломъ перемышльскимъ, потому что эти два владыки, подъ конецъ, измѣнили уніи и отдѣлились отъ прочихъ (Antirrisis, str. 85—86). Въ такомъ видѣ папа и велѣлъ читать оба документа.

на лѣвую сторону сѣдалища папскаго, прочелъ документы въ подлинномъ текстѣ; а папскій секретарь Силвій Антонинъ, ставъ по правую сторону тогоже сѣдалища, прочелъ ихъ въ латинскомъ переводѣ: прежде читанъ былъ по русски и по латыни декретъ владыкъ объ уніи, а послѣ точно такъ же ихъ посланіе къ папѣ. Во время чтенія Потѣй и Терлецкій, въ знакъ покорности, наклоняли головы и повергались на колѣни. По окончаніи чтенія, секретарь папы Силвій Антонинъ, перешедши на лѣвую сторону его сѣдалища, произнесъ, съ его благословенія, къ посламъ слѣдующую рѣчь: «Наконецъ, послѣ ста пятидесяти лѣтъ, возвращаетесь вы, русскіе епископы, къ камню вѣры, на которомъ основалъ Христосъ церковь свою, къ матери и учительницѣ всѣхъ церквей — церкви римской. Никакое слово, самое краснорѣчивое и сильное, не въ состояніи выразить всей радости нашего святѣйшаго отца. Духъ его восторгается къ Богу и признаетъ Его премудрость... И вы, безъ сомнѣнія, признаете и не перестанете исповѣдывать величайшую благость Господа, просвѣтившаго сердца ваши своимъ божественнымъ свѣтомъ и вразумившаго васъ, что не въ тѣлѣ тѣ члены, которые не соединены съ главою: не можетъ приносить никакого плода вѣтвь, оторванная отъ лозы; высыхаютъ потоки, разъединенные съ своимъ источникомъ; не можетъ имѣть Бога отцемъ тотъ, кому церковь не мать,—церковь единая католическая и апостольская, подъ одною видимою главою—римскимъ первосвященникомъ, отцемъ отцевъ, пастыремъ пастырей... Итакъ, разумно и благочестиво поступили вашъ достопочтенный митрополитъ и вы съ епископами, когда возжелали соединенія съ католическою церковію, внѣ которой нѣтъ спасенія, и изъ

такихъ далекихъ странъ пришли сюда, чтобы явить покорность законному преемнику св. Петра, истинному намѣстнику Христову на землѣ, и отвергши древнія заблужденія въ вѣрѣ, принять отъ него вѣру чистую, неповрежденную. Но какъ *сердцемъ вѣруется въ правду, усты же исповѣдуется во спасеніе* (Рим. 10, 10), то восполните, достопочтенные епископы, радость его святѣйшества и этой свящ. коллегіи, произнесите теперь исповѣданіе католической вѣры»... и проч. (576).

Тогда Потѣй и Терлецкій, по указанію церемоніймейстеровъ, опять приблизились къ папѣ и стали на колѣни, имѣя позади себя двухъ канониковъ: луцкаго Луку Докторея и виленскаго Евстафія Воловича. Предъ послами поставлено было евангеліе на аналоѣ, и каждому изъ нихъ вручено было исповѣданіе католической вѣры, написанное по русски и по

(576) Подобно секретарю Силвію Антонину, сказавшему, что русскіе, послѣ ста пятидесяти лѣтъ, возвращаются къ римской церкви, и Бароній въ своемъ описаніи тогоже событія выразился, что церковь русская, послѣ флорентійскаго собора вновь увлеченная въ схизму церковію греческою, post centum et quinquaginta annos, какбы пробудилась отъ сна и поспѣшила прислать въ Римъ свое посольство (Annal. eccles., tom. VII, ad calcem, pag. 738). Да и самъ папа Климентъ VIII въ своемъ постановленіи объ уніи русскаго народа съ римскою церковію засвидѣтельствовалъ, что это случилось, longo quidem temporis intervallo, post annos fere centum quinquaginta et amplius, postea quam primum a piae memoriae Eugenio papa IV in generali concilio Florentino Graeci recepti et reconciliati ecclesiae fuerant (*Theiner*, III, p. 241). Лучшее доказательство, что въ западно-русской митрополіи до этого времени со временъ флорентійскаго собора никакой уніи съ Римомъ не существовало! Равнымъ образомъ и Ипатій Потѣй въ посланіи къ князю К. К. Острожскому отъ 3-го іюня 1598 г. писалъ: «Благодатію Бога вседержителя, безъ котораго воли ничто человѣку невозможно, сталосе соединеніе межи церковью греческою и рымскою въ панствѣ его королевское милости, пана нашего милостивого, которое по такъ долгомъ времени сцызмы проклятое, *мало не полтораста лѣтъ*, недбалостью старшихъ церковныхъ, *по соборѣ флорентійскомъ* отлогомъ лежало, а теперь часовъ нашихъ одновлено, постановлено и утверженo есть». (А. Ю. и З. Р. I, № 224, стр. 281).

латини и подписанное ими. Первый прочелъ это исповѣданіе Ипатій Потѣй по латини, и, въ заключеніе, положа обѣ руки на евангеліе, клялся. Потомъ тоже исповѣданіе отъ лица Ипатія прочелъ по русски кононикъ Евстафій Воловичь, и Ипатій снова клялся, положа руки на евангеліе. Въ свою очередь Кириллъ Терлецкій прочелъ исповѣданіе вѣры по русски, такъ какъ онъ не зналъ латинскаго языка, и, въ заключеніе, положа обѣ руки на евангеліе, клялся. За Кирилломъ тоже исповѣданіе прочелъ отъ его имени по латини каноникъ Лука Докторей, и Кириллъ снова клялся, положа руки на евангеліе. Это исповѣданіе вѣры не было какое либо новое, составленное самими послами, а написано было по готовой формѣ, установленной папою для всѣхъ вообще грековъ, т. е. православныхъ, желавшихъ соединенія съ римскою церковію. Но въ началѣ и концѣ исповѣданія сдѣланы были примѣненія, соотвѣтствовавшія особому положенію пословъ. Представимъ это исповѣданіе вполнѣ, по важности его въ исторіи уніи. Потѣй и Терлецкій, одинъ за другимъ, произносили:

«Святѣйшій и блаженнѣйшій отецъ! Я, смиренный Ипатій Потѣй (Кириллъ Терлецкій), Божіею милостію, прототронъ, епископъ владимірскій и брестскій (экзархъ, епископъ луцкій и острожскій), родомъ русскій, одинъ изъ пословъ достопочтенныхъ во Христѣ отцевъ прелатовъ тойже націи, именно: Михаила Рогозы, архіепископа, митрополита кіевскаго и галицкаго и всея Руси, Григорія, нареченнаго архіепископа полоцкаго и витебскаго, Іоны Гоголя, избраннаго во епископа пинскаго и туровскаго, Михаила Копыстенскаго епископа перемысльскаго и самборскаго, Гедеона Болобана епископа

львовскаго и Діонисія Збируйскаго епископа хелмскаго,—нарочито избранный ими и посланный, вмѣстѣ съ достопочтеннымъ во Христѣ отцемъ Кирилломъ Терлецкимъ, экзархомъ, епископомъ луцкимъ и острожскимъ (Ипатіемъ Потѣемъ, прототрономъ, епископомъ владимірскимъ и брестскимъ), тойже націи, другимъ посломъ тѣхъ же господъ прелатовъ и товарищемъ моимъ, съ тою цѣлію, чтобы заключить и принять унію съ вашимъ святѣйшествомъ и св. церковію римскою и отъ имени всѣхъ ихъ, всего ихъ духовенства и всѣхъ ввѣренныхъ имъ овецъ, принести должное повиновеніе св. престолу блаженнаго Петра и вашему святѣйшеству, какъ верховному пастырю вселенской церкви, — находясь у ногъ вашего святѣйшества и намѣреваясь произнесть нижеписанное исповѣданіе св. православной вѣры, по формѣ, предписанной для грековъ, возвращающихся къ единству римской церкви, какъ отъ имени названныхъ выше господъ архіепископа и епископовъ русскихъ, такъ и отъ моего собственнаго, вмѣстѣ съ товарищемъ моимъ, обѣщаю и ручаюсь, что сами господа архіепископъ и епископы съ удовольствіемъ одобрятъ это исповѣданіе, и примутъ его, и утвердятъ, и вновь изложатъ, по означенной формѣ, отъ слова до слова, и, подписавъ своими руками, съ приложеніемъ своихъ печатей, пришлютъ къ вашему святѣйшеству въ слѣдующемъ видѣ:

«Твердо вѣрую и исповѣдую все, что содержится *въ символѣ вѣры*, который употребляется римскою церковію. Вѣрую во единаго Бога Отца..., и во единаго Господа нашего Іисуса Христа, Сына Божія единороднаго..., и въ Духа Святаго, Господа животворящаго, иже отъ Отца «и Сына» исходящаго..... аминь».

© ГПНТБ СОРАН

«Еще вѣрую, принимаю и исповѣдую все то, что̀ опредѣлилъ и объявилъ *св. вселенскій флорентійскій соборъ* относительно уніи западной и восточной церкви. То есть: Духъ Святый имѣетъ личное свое бытіе отъ Отца вмѣстѣ и отъ Сына, и отъ обоихъ вѣчно исходитъ, какъ отъ одного источника. Когда св. отцы и учители говорятъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца чрезъ Сына, это значитъ, что и Сынъ, по выраженію грековъ, есть причина (causa), а по выраженію латинянъ, начало (principium) бытія Св. Духа, какъ и Отецъ. И если все, что имѣетъ Отецъ, Онъ далъ и своему единородному Сыну, кромѣ отчества, то Сынъ вѣчно имѣетъ отъ Отца и то, что и отъ Него исходитъ Духъ Святый. Выраженіе: «и отъ Сына»—внесено въ символъ законно и разумно для уясненія истины и по настоятельной нуждѣ. Еще: таинство тѣла Христова истинно совершается какъ на прѣсномъ, такъ и кисломъ пшеничномъ хлѣбѣ, и священники могутъ совершать это таинство на томъ и на другомъ хлѣбѣ, каждый по обычаю своей церкви, западной или восточной. Еще: души тѣхъ, которые умерли съ покаяніемъ въ любви Божіей, но не успѣли удовлетворить за свои грѣхи плодами, достойными покаянія, очищаются, по смерти, наказаніями въ чистилищѣ. А для облегченія этихъ наказаній полезны имъ пособія еще живущихъ христіанъ, какъ то: литургіи, молитвы, милостыни и другія дѣла благочестія, какія обыкновенно совершаютъ вѣрующіе за другихъ вѣрующихъ по установленію церкви. Души тѣхъ, которые, послѣ крещенія, не осквернились никакимъ грѣхомъ, а равно и тѣхъ, которые, по оскверненіи себя грѣхомъ, очистились еще въ тѣлѣ или по смерти, тотчасъ пріемлются на небо и ясно видятъ самаго Бога, единаго въ трехъ Ипостасѣхъ, по различію однакожъ заслугъ, одинъ другаго совершеннѣе. А души тѣхъ, которые умерли въ смертномъ грѣхѣ или только въ первородномъ, тотчасъ нисходятъ во адъ и подвергаются, хотя и не одинаковымъ, наказаніямъ. Еще: св. апостольскій престолъ и римскій первосвященникъ имѣетъ первенство на всю вселенную: римскій папа есть преемникъ блаж. Петра, князя апостоловъ, истинный намѣстникъ христовъ, глава всей церкви, отецъ и учитель всѣхъ христіанъ, и ему въ лицѣ блаж. Петра предана Господомъ нашимъ І. Христомъ полная власть пасти всю церковь и управлять ею, какъ говорится въ дѣяніяхъ вселенскихъ соборовъ и въ свящ. канонахъ».

«Кромѣ того исповѣдую и принимаю все, что̀ св. апостольская церковь римская предлагаетъ исповѣдывать и принимать по опредѣленіямъ *св. вселенскаго тридентійскаго собора*, сверхъ содержащагося въ вышеизложенномъ символѣ вѣры. Въ частности: вполнѣ пріемлю апостольскія и церковныя преданія и прочія постановленія тойже церкви. Пріемлю также свящ. писаніе по тому смыслу, какой содержала и содержитъ св. мать церковь, которой одной принадлежитъ разсуждать объ истинномъ смыслѣ и истолкованіи свящ. писанія, и никогда не буду понимать и толковать его иначе, какъ только по единодушному согласію отцевъ. И исповѣдую, что семь, въ истинномъ и собственномъ смыслѣ, таинствъ новаго завѣта, которыя установлены Господомъ нашимъ І. Христомъ и необходимы для спасенія рода человѣческаго, хотя не всѣ необходимы каждому человѣку, именно: крещеніе, муропомазаніе, евхаристія, покаяніе, елеосвященіе, священство и бракъ;

всѣ они сообщаютъ благодать, и изъ нихъ крещеніе, мvропомазаніе и священство не могутъ быть повторяемы безъ святотатства. Пріемлю и установленные католическою церковію обряды при совершеніи всѣхъ названныхъ таинствъ. Пріемлю все, что опредѣлено и обнародовано на св. тридентійскомъ соборѣ о первородномъ грѣхѣ и оправданіи. Исповѣдую, что въ литургіи приносится Богу истинная, дѣйствительная и умилостивительная жертва за живыхъ и умершихъ, и что въ святѣйшемъ таинствѣ евхаристіи, истинно, дѣйствительно и существенно находятся тѣло и кровь вмѣстѣ съ душею и божествомъ Господа нашего І. Христа, и бываетъ преложеніе всего существа хлѣба въ тѣло и всего существа вина въ кровь, каковое преложеніе католическая церковь называетъ пресуществленіемъ. Признаю, что и подъ однимъ только видомъ принимается весь Христосъ и истинное таинство. Твердо содержу, что чистилище есть, и что находящіяся тамъ души получаютъ облегченіе отъ пособія вѣрующихъ; равно и то, что святыхъ, царствующихъ вмѣстѣ со Христомъ, должно почитать и призывать, что они молятся за насъ Богу, и что мощи ихъ должны быть чтимы. Непоколебимо признаю, что иконы Христа, Приснодѣвы-Богородицы и другихъ святыхъ должно содержать и воздавать имъ надлежащую честь и почтеніе. Утверждаю, что власть индулгенцій оставлена церкви Христомъ, и что употребленіе ихъ весьма полезно для христіанскаго народа. Признаю св. католическую и апостольскую церковь римскую матерью и учительницею всѣхъ церквей; а римскому папѣ, преемнику блаж. Петра, князя апостоловъ, и намѣстнику І. Христа, обѣщаю и клятвою подтверждаю истинное повиновеніе. Принимаю также и исповѣдую и все

прочее, что̀ предано, опредѣлено и обнародовано св. канонами и вселенскими соборами, въ особенности же св. соборомъ тридентійскимъ; а все противное, всякія схизмы и ереси, осужденныя, отвергнутыя и анаѳематствованныя церковію, и я осуждаю, отвергаю и анаѳематствую».

«А что сію истинную католическую вѣру, безъ которой никто не можетъ спастись, и которую я здѣсь добровольно исповѣдую и истинно содержу, я буду стараться, при помощи Божіей, всѣми моими силами, содержать и исповѣдывать цѣлою и неповрежденною до послѣдняго моего дыханія, а также проповѣдывать ее и моимъ подчиненнымъ или тѣмъ, которые ввѣрены будутъ моему пастырскому попеченію, — въ этомъ я, тотъ же Ипатій Потѣй, прототронъ. епископъ владимірскій и брестскій (Кириллъ Терлецкій, экзархъ, епископъ луцкій и острожскій), посолъ вышеназванныхъ господъ, архіепископа и епископовъ русскихъ, какъ отъ ихъ имени, по ихъ довѣренности, такъ и отъ моего собственнаго, торжественно обѣщаюсь и клянусь: такъ да поможетъ мнѣ Богъ и сіе св. Его евангеліе».

По прочтеніи этого исповѣданія Потѣемъ и Терлецкимъ, аналой съ евангеліемъ былъ принятъ, и они приблизились къ папѣ и, не безъ слезъ, облобызали его ноги. А папа сначала сказалъ имъ, тихимъ голосомъ. нѣсколько словъ, въ томъ числѣ и слѣдующія: «я не хочу господствовать надъ вами; хочу на себѣ носить тяготы ваши». Потомъ, обнявъ и облобызавъ того и другаго посла, объявилъ во всеуслышаніе, что принимаетъ ихъ, какъ и отсутствующихъ митрополита Михаила и всѣхъ русскихъ епископовъ, съ ихъ клиромъ и народомъ русскимъ, живущимъ во владѣніяхъ польскаго ко-

роля, въ лоно католической церкви и сочетаваетъ и соединяетъ съ нею въ одно тѣло. И, обратившись къ кардиналу-пресвитеру Юлію Антонію, старшему духовнику и инквизитору, приказалъ ему, чтобы онъ публично разрѣшилъ, по установленной формѣ, властію папы, епископовъ Ипатія и Кирилла, и ихъ спутниковъ, какъ пресвитеровъ и клириковъ, такъ и мірянъ, и всѣхъ русскихъ, находящихся въ Римѣ, отъ епитимій, запрещеній и всякихъ духовныхъ наказаній, какимъ, быть можетъ, они подверглись за схизму, ереси и вообще религіозныя заблужденія, и благословилъ, властію же папы, обоихъ епископовъ и при нихъ пресвитеровъ и клириковъ оставаться въ томъ санѣ, какимъ они облечены, продолжать свое служеніе церкви и пользоваться всѣми правами и церковными имѣніями, какими доселѣ пользовались. А обратившись къ самимъ епископамъ Ипатію и Кириллу, предоставилъ имъ власть разрѣшить точно такъ же и благословить, отъ имени папы, митрополита и прочихъ епископовъ русскихъ, съ тѣмъ, чтобы каждый изъ нихъ, въ свою очередь, разрѣшилъ такимъ же образомъ, въ своей епархіи, всѣхъ духовныхъ и мірянъ, которые примутъ унію, и благословилъ пресвитеровъ и клириковъ продолжать свое служеніе церкви. Наконецъ, по просьбѣ Ипатія и Кирилла и по соизволенію папы, подведены были къ цѣлованію ногъ его всѣ ихъ спутники, духовные и міряне, и его святѣйшество, преподавъ общее благословеніе всѣмъ, находившимся въ залѣ собранія, оставилъ ее.

Въ память совершившагося такимъ образомъ соединенія русскихъ съ римскою церковію составленъ былъ, въ тотъ же день (23 дек. 1595 г.) папскими протоногаріями и секретарями, по приглашенію главнаго прокурора, письменный актъ или протоколъ, въ которомъ подробно изложено было, какъ происходило это достопамятное событіе въ торжественномъ собраніи свящ. коллегіи кардиналовъ, подъ предсѣдательствомъ папы. Вскорѣ (21 генв. 1596) и самъ папа написалъ и утвердилъ особое «постановленіе», въ которомъ, не менѣе подробно изложивъ «на память потомству», какъ пришли къ нему послы отъ русскихъ іерарховъ, просившихъ уніи съ римскою церковію, и какъ совершилась эта унія въ Римѣ, говорилъ въ заключеніе, между прочимъ: «мы, настоящимъ нашимъ постановленіемъ, принимаемъ достопочтенныхъ братьевъ, Михаила архіепископа-митрополита и прочихъ епископовъ русскихъ, со всѣмъ ихъ клиромъ и народомъ русскимъ, живущимъ во владѣніяхъ польскаго короля, въ лоно католической церкви, какъ наши члены во Христѣ, и во свидѣтельство такой любви къ нимъ, по апостольской благосклонности, позволяемъ имъ и разрѣшаемъ всѣ свящ. обряды и церемоніи, какія употребляютъ они при совершеніи божественныхъ службъ и святѣйшей литургіи, такъ же при совершеніи прочихъ таинствъ и другихъ священнодѣйствій, если только эти обряды и церемоніи непротивны истинѣ и ученію католической вѣры и не препятствуютъ общенію съ римскою церковію, — позволяемъ и разрѣшаемъ, несмотря ни на какія другія, противоположныя, постановленія и распоряженія апостольскаго престола». Наконецъ, въ память тойже уніи, состоявшейся въ Римѣ, выбита была медаль, золотая и серебряная. На одной сторонѣ ея изображенъ только папа съ надписью: Clemens VIII Pont. Max. A. V.; а на другой представлены: папа, сидящій на тронѣ, съ сидящимъ подлѣ него,

на особомъ сѣдалищѣ, кардиналомъ, и благословляющій русскихъ пословъ; русскіе послы (ясно видѣнъ только одинъ), на колѣняхъ предъ папою, и за ними два стоящіе, вѣроятно, каноника, находившіеся позади нихъ, когда они читали исповѣданіе вѣры, и сдѣлана надпись, вверху: Ruthenis receptis, внизу: 1596. Эту медаль торжественно роздалъ самъ папа въ праздникъ св. апостоловъ (577).

Такимъ образомъ Потѣй и Терлецкій, принимая, отъ лица западно-русскихъ іерарховъ и всей будтобы ихъ паствы, унію въ Римѣ, *совершенно отверглись православія*, осудили и отвергли всѣ тѣ пункты ученія, по которымъ доселѣ, какъ православные, отдѣлялись отъ римской церкви, и вообще осудили, отвергли и анаѳематствовали всѣ, по понятіямъ ея, схизмы (слѣд. и всю православную церковь) и ереси, осужденныя, отвергнутыя и анаѳематствованныя папою. А съ другой стороны—*вполнѣ приняли римскую вѣру* или латинство, со всѣми ея ученіями и постановленіями, какъ они изложены не только на флорентійскомъ, но и на тридентійскомъ соборѣ. И если папа, по снисхожденію, дозволилъ русскимъ, принявшимъ унію, сохранять свои церковные обряды и церемоніи, то лишь тѣ, которые, на его взглядъ, окажутся непротивными истинѣ и ученію католической вѣры и не препятствующими общенію русскихъ съ римскою церковію. А это значило, что папа оставлялъ за собою, когда ему вздумается, запретить неугодные ему русскіе обряды, если не какъ противные истинѣ и католической вѣрѣ, то какъ препятствующіе общенію русскихъ съ латинянами. Потѣй и Терлецкій, безъ сомнѣнія, и сами понимали, что зашли далеко и переступили границы, указанныя ихъ довѣрителями въ посланіи къ папѣ и въ артикулахъ уніи. Въ посланіи къ папѣ, нами уже приведенномъ прежде, митрополитъ и владыки говорили только: «съ Божіею помощію, мы рѣшились приступить къ тому соединенію, которое предки наши постановили на *флорентійскомъ* соборѣ»..., и далѣе: «мы поручили (нашимъ уполномоченнымъ) ударить челомъ вашей святынѣ и предложить, чтобы ваша святыня согласился оставить насъ всѣхъ при *вѣрѣ*, таинствахъ и всѣхъ церемоніяхъ и обрядахъ восточной церкви, ни въ чемъ ихъ не нарушая». Между тѣмъ, уполномоченные согласились принять не только постановленное на флорентійскомъ соборѣ, но и все, постановленное на соборѣ тридентійскомъ; уполномоченные съумѣли коекакъ отстоять неприкосновенность лишь таинствъ и обрядовъ восточной церкви, а ея вѣрою, т. е. всѣми особенностями ея вѣры, пожертвовали латинству (578). Въ артикулахъ митрополитъ и владыки сказали: «о Св. Духѣ исповѣдуемъ, что Онъ исходитъ отъ Отца чрезъ Сына». Уполномоченные же приняли совершенно римское ученіе, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и Сына (579). Несмотря, однакожъ, на такую измѣну православію, Потѣй и Терлецкій не постыдились написать изъ Рима отъ 30 дек. 1595 г. къ краковскому бискупу Юрію Радзивилу, что исповѣданіе греческой вѣры сохранено

(577) См. Баронія, въ самомъ концѣ VII тома его лѣтописей: тамъ представлена и копія этой медали.

(578) Достойно замѣчанія, что въ латинскомъ переводѣ посланія къ папѣ, какъ оно читалось въ торжественномъ собраніи предъ папою, слово: *при вѣрѣ*— намѣренно опущено (*Theiner*, III, p. 237). Это не могло быть безъ вѣдома Потѣя, который зналъ по латини и самъ читалъ посланіе въ собраніи по латини.

(579) Впрочемъ, за литургіею дозволено было уніатамъ читать символъ безъ прибавленія: *и отъ Сына*, въ силу того, что папа разрѣшилъ имъ вообще совершать ихъ богослуженіе по прежнему, безъ перемѣны.

для нихъ ненарушимо святѣйшимъ отцемъ, что они исполнили свое дѣло даже лучше, нежели надѣялись, и имъ оставлены не только всѣ обряды и таинства, но и символъ вѣры въ древнемъ видѣ, безъ прибавки: *и отъ Сына*. А за тѣмъ просили бискупа склонить короля, чтобы онъ своими грамотами успокоивалъ православныхъ относительно уніи, объявляя имъ, что они «все свое имѣютъ въ цѣлости», и тѣмъ подготовлялъ ихъ къ принятію уніи ([580]).

Потѣй и Терлецкій, по принятіи ими уніи, болѣе мѣсяца оставались въ Римѣ и пользовались особымъ благоволеніемъ папы. На другой день, 24-го декабря, предъ праздникомъ Рождества Христова, папа совершалъ торжественную вечерню, со множествомъ кардиналовъ, архіепископовъ и епископовъ. Въ числѣ ихъ находились, въ своихъ облаченіяхъ, и русскіе послы, и поставлены были выше всѣхъ латинскихъ епископовъ. Но папа, какъ только увидѣлъ Потѣя и Терлецкаго, велѣлъ поставить ихъ еще выше, поближе къ нему. Въ послѣдующее время онъ часто приглашалъ ихъ къ сослуженію съ собою, особенно въ церкви св. Петра, часто принималъ ихъ у себя, и сдѣлалъ обоихъ своими «придворными прелатами и ассистентами». Съ соизволенія папы, они посѣтили всѣ базилики Рима, поклонились его святынямъ, и вездѣ были

([580]) Апокрисис., стр. 71—72. По свидѣтельству автора Перестроги Потѣй и Терлецкій напечатали въ Римѣ по русски книжку о новомъ календарѣ и привезли съ собою (A. 3. P. IV, № 149, стр. 213. 225). Отъ этой книжки случайно уцѣлѣли донынѣ два листка, изъ которыхъ видно, что она была напечатана «въ Риме, въ друкарнѣ апостольской ватиканской», 1596 года, кириллицею, и что въ книжкѣ предложенъ былъ пасхальный ключъ съ наставленіемъ, какъ пользоваться новымъ календаремъ, чтобы оставался цѣлымъ и ненарушимымъ порядокъ старой пасхаліи (*Голѣвацк.* Книга о новомъ календарѣ, напеч. въ Римѣ въ 1596 году; см. Записк. Академіи Наукъ 1877).

встрѣчаемы съ полнымъ вниманіемъ и радушіемъ ([581]). Съ наступленіемъ февраля (1596 г.), послы начали собираться въ обратный путь, и папа въ одинъ день (7-го числа) подписалъ шестнадцать посланій, чтобы переслать ихъ, съ послами, въ Литву и Польшу. Посланія адресованы были: одно къ митрополиту и епископамъ русскимъ, другое къ королю и четырнадцать къ литовскимъ и польскимъ сенаторамъ, духовнымъ и свѣтскимъ. Въ посланіи къ митрополиту и владыкамъ папа, прежде всего, благословлялъ Бога, просвѣтившаго ихъ и подвигшаго искать соединенія съ истинною церковію; потомъ восхвалялъ ихъ самихъ за ихъ благочестивое намѣреніе и рѣшимость, извѣщалъ ихъ, какъ прибыли къ нему посланные ими епископы, Ипатій и Кириллъ, и исполнили возложенное на нихъ порученіе, съ какою любовію онъ относился къ нимъ, и продолжалъ: «все, о чемъ они просили насъ, мы охотно исполнили, сколько возможно. Мы позволили вамъ, какъ позволено было и на флорентійскомъ соборѣ, удержать ваши обряды и церемоніи, которые не нарушаютъ цѣлости католической вѣры и нашего взаимнаго соединенія. Мы рекомендовали васъ и ваши церкви и ваши имѣнія особенному вниманію короля Сигизмунда, нашего возлюбленнаго сына, и просили его, чтобы онъ не только защищалъ васъ и все ваше своею властію, но жаловалъ васъ новыми своими милостями и сопричислилъ васъ къ сенаторамъ царства, пока вы будете пребывать въ повиновеніи римской церкви. Объ этомъ же писали мы и ко многимъ сенаторамъ

([581]) Въ посланіи къ митрополиту и владыкамъ русскимъ папа писалъ: Fratres nostros Hypatium et Cyrillum episcopos—*praelatos nostros domesticos et assistentes* fecimus, qui saepius nobiscum interfuerunt ad sacrum et tremendum sacrificium... et caet.

царства, духовнымъ и свѣтскимъ... Теперь остается только, чтобы и вы искренне приняли и утвердили то, что сдѣлано въ Римѣ послами вашими. Для этого мы желаемъ, чтобы ты, братъ архіепископъ, нашею властію назначилъ помѣстный соборъ и созвалъ своихъ епископовъ: пусть каждый изъ васъ исповѣдуетъ, въ публичномъ собраніи, католическую вѣру по той самой формулѣ, по какой исповѣдали ее здѣсь два ваши посла, епископы, и точно также пусть каждый дастъ торжественное обѣщаніе повиноваться намъ и апостольскому престолу. И о всемъ, что будетъ совершено на вашемъ соборѣ, пришлите намъ письменный документъ, надлежащимъ образомъ утвержденный и засвидѣтельствованный, чтобы онъ навсегда сохранялся въ нашихъ архивахъ во свидѣтельство потомству о вашемъ обращеніи къ католической церкви. Мы написали и къ латинскимъ епископамъ, львовскому, луцкому и хелмскому, чтобы они присутствовали на вашемъ соборѣ, въ знакъ братской любви и общенія». Въ посланіи къ королю, выражая свою радость по случаю обращенія русскихъ и привѣтствуя его съ такимъ радостнымъ событіемъ, которое началось только при его помощи, по его ревности и благочестію, папа извѣщалъ, что для окончанія и утвержденія этого спасительнаго дѣла онъ приказалъ митрополиту Михаилу Рогозѣ созвать помѣстный соборъ, на которомъ будутъ присутствовать и три латинскіе іерарха, и выражалъ надежду, что король окажетъ свое содѣйствіе созванію этого собора. Потомъ просилъ Сигизмунда, чтобы онъ обратилъ свое благосклонное вниманіе на жалкое положеніе русскихъ владыкъ, ихъ церквей, домовъ, школъ и имѣній, и позаботился объ улучшеніи этого положенія, чтобы онъ тщательно исполнилъ «артикулы, представленные русскими епископами», которые преимущественно относятся къ нему и которые онъ уже обѣщался исполнить. А особенно просилъ и ходатайствовалъ о томъ, чтобы король принялъ русскихъ владыкъ въ число духовныхъ сенаторовъ польскаго государства и уравнялъ во всѣхъ почестяхъ съ епископами римскими,—при чемъ объяснялъ, что это возвыситъ русскихъ владыкъ въ глазахъ народа, усилитъ ихъ вліяніе на народъ и послужитъ къ распространенію и утвержденію уніи, а вмѣстѣ привлечетъ къ королю сердца не только русскихъ владыкъ, но и всего русскаго духовенства и народа и повліяетъ на укрѣпленіе и возвышеніе самаго государства. «И будетъ для тебя славою во всемъ потомствѣ.—заключалъ папа,—что твоею властію, стараніемъ, совѣтомъ, помощію, русскіе возвратились на путь спасенія и къ единству католической церкви». Изъ посланій папы къ сенаторамъ семь написаны имъ къ сенаторамъ духовнымъ и семь къ сенаторамъ свѣтскимъ. Во всѣхъ этихъ посланіяхъ главное содержаніе одно и тоже: въ каждомъ папа, извѣщая о присоединеніи русскихъ къ римской церкви, просилъ того или другаго сенатора содѣйствовать, своимъ вліяніемъ, принятію русскихъ владыкъ въ число сенаторовъ. Кромѣ того, въ посланіяхъ къ львовскому архіепископу Яну Димитрію и епископамъ—хелмскому Станиславу и луцкому Бернарду папа приказывалъ имъ присутствовать на соборѣ русскихъ епископовъ, который созоветъ митрополитъ Рогоза. Въ посланіи же къ луцкому епископу прибавлялъ еще: «знаемъ вполнѣ, какое участіе принималъ ты въ обращеніи русскихъ владыкъ къ римско-католической церкви... Да воздастъ тебѣ правед-

ный Судія обильную награду, въ день воздаянія, за то, что ты такъ ревностно желалъ этого и столько, по силамъ твоимъ, въ этомъ потрудился» (582).

Обратное путешествіе Потѣя и Терлецкаго въ отечество не было такъ продолжительно, какъ путешествіе ихъ къ папѣ. Изъ Рима они не могли выѣхать раньше 7-го февраля, а къ марту были уже дома, и луцкій бискупъ Бернардъ Маціевскій, перваго или втораго числа марта, воспѣлъ въ своемъ костелѣ: Te, Deum, laudamus, т. е. благодарственный молебенъ, по тому случаю, что «владыки луцкій и владимірскій пріѣхали изъ Рима въ добромъ здоровьѣ, счастливо и съ радостями» (583). Возвратившіеся владыки, разумѣется, не замедлили доставить королю и митрополиту посланіе отъ папы, и теперь надлежало ожидать созванія собора. Король не могъ болѣе этому противиться: такъ какъ собора требовалъ самъ папа, и соборъ былъ необходимъ, чтобы докончить начатое въ Римѣ и чтобы унія, принятая тамъ двумя уполномоченными, принята была и тѣми, отъ имени которыхъ они дѣйствовали и за которыхъ торжественно поручились. Но обстоятельства не позволили немедленно заняться созваніемъ собора: потому что и въ Польшѣ и въ Литвѣ заняты были тогда сборами и поѣздками на генеральный сеймъ, происходившій въ Варшавѣ. И этимъ обстоятельствомъ православные, еще до собора, съумѣли воспользоваться противъ возвратившихся изъ Рима Потѣя и Терлецкаго и привезенной ими уніи. Земскіе послы или депутаты, избранные на провинціальныхъ сеймикахъ въ воеводствахъ кіевскомъ, волынскомъ, минскомъ, новогрудскомъ, полоцкомъ и другихъ, явившись на генеральный сеймъ, подали отъ имени всѣхъ своихъ избирателей просьбы королю, чтобы Потѣй и Терлецкій были лишены духовнаго сана, такъ какъ они, безъ вѣдома православныхъ и своихъ духовныхъ начальниковъ, патріарховъ, ѣздили въ Римъ и самовольно отдались подъ власть папы, и привезли оттуда великія перемѣны въ вѣрѣ, и чтобы король, по силѣ варшавской конфедераціи 28 генваря 1573 г., которую и его предмѣстники и онъ самъ подтвердили присягою при своей коронаціи, благоволилъ дать православнымъ епископовъ православной вѣры, а не иной, въ замѣнъ этихъ отступниковъ. Такую же просьбу подалъ на сеймѣ королю и лично отъ себя князь К. К. Острожскій. Но какъ король не дѣлалъ никакого распоряженія по этимъ просьбамъ, а между тѣмъ сеймъ приближался къ концу, то князь Острожскій и депутаты отъ православныхъ, въ послѣдній день сейма, торжественно объявили королю, сенату и вообще сейму, что они и весь русскій народъ не будутъ признавать Потѣя и Терлецкаго своими епископами и не будутъ терпѣть и допускать ихъ духовной власти въ своихъ имѣніяхъ. Кромѣ того, Острожскій, въ 5-й день мая, внесъ отъ своего имени этотъ самый протестъ противъ Потѣя и Терлецкаго въ актовыя книги варшавскаго сейма, а депутаты внесли, на слѣдующій день, два такіе же протеста въ радзіевскія градскія книги: одинъ за общею ихъ подписью, другой же за подписью уполномоченнаго ими князя Юрія Друцкаго-Горскаго, посла воеводства кіевскаго. Копіи съ этихъ протестовъ, законно засвидѣтельствованныя, разосланы были по воеводствамъ. Подобные про-

(582) Всѣ эти посланія папы, какъ мы уже указали, въ примѣч. 574, напечатаны у Тейнера. Снес. примѣч. 500.

(583) Архив. югозапад. Россіи, ч. 1, т. 1, № 116, стр. 480.

тесты вносились тогда въ актовыя книги и въ другихъ городахъ, и особенною обстоятельностію отличался протестъ, внесенный въ апрѣлѣ отъ имени православныхъ гражданъ литовской столицы—Вильны ([584]).

Какъ ни много Потѣй и Терлецкій надѣялись на короля, но и на нихъ не могли не произвесть самаго тяжелаго впечатлѣнія такіе сильные и многочисленные протесты. Терлецкій даже до того перепугался, что, на всякій случай, всѣ свои документы и все движимое имущество, чрезъ брата своего Яроша Терлецкаго, отдалъ для храненія какому-то пинскому мѣщанину Григорію Крупѣ, и 4 мая, тотчасъ по окончаніи варшавскаго сейма, явившись лично въ королевскую канцелярію въ Варшавѣ, просилъ записать въ актовыя книги подробный реэстръ этихъ документовъ и имущества, и въ концѣ реэстра присовокупилъ, что многихъ другихъ вещей своего имущества онъ, къ сожалѣнію, въ такое короткое время припомнить не можетъ, какъ будто кто нудилъ его спѣшить. А въ виду того, что князь Острожскій и русскіе депутаты на варшавскомъ сеймѣ рѣшительно заявили, что не станутъ признавать Потѣя и Терлецкаго за православныхъ епископовъ и подчиняться имъ, послѣдній обратился къ королю съ просьбою пожаловать ему новую грамату на епископію луцкую и туровскую, говоря, будтобы прежняя грамата, данная ему Стефаномъ Баторіемъ 9 мая 1585 г., похищена, вмѣстѣ съ другими документами, какими-то буйными людьми во время отъѣзда его—Терлецкаго въ Римъ, между тѣмъ какъ и грамата эта и всѣ другіе документы Терлецкаго значатся

([584]) Апокрисис., стр. 53—57; Архив. юго-запад. Россіи, ч. I, т. I, № 123, стр. 533—537. Князь Острожскій отправился на этотъ варшавскій сеймъ еще въ первыхъ числахъ марта (тамъ же стр. 481).

цѣлыми въ только-что упомянутомъ нами реэстрѣ его имущества, заявленномъ уже по возвращеніи его въ отечество. И король дѣйствительно пожаловалъ Терлецкому грамату (21 мая), которою предоставлялъ ему и теперь, послѣ подчиненія его католической церкви, спокойно держать владычество луцкое и острожское со всѣми его имѣніями, пока самъ захочетъ, и удостовѣрялъ за себя и за своихъ преемниковъ, что никогда не удалятъ Кирилла и никому не позволятъ удалить его, до самой его кончины, отъ этого владычества и имѣній. Очень вѣроятно, что подобную подтвердительную грамату король далъ тогда и Ипатію Потѣю на епископію владимірскую и брестскую: такъ какъ и ему угрожала таже опасность, что и Терлецкому. Чрезъ нѣсколько дней король предоставилъ еще Кириллу Терлецкому въ пожизненное управленіе кобринскій спасскій монастырь со всѣми его имѣніями, хотя Кириллъ и безъ того былъ очень не бѣденъ ([585]). Оградивъ владыкъ луцкаго и владимірскаго отъ протестовъ, сдѣланныхъ противъ нихъ на варшавскомъ сеймѣ, Сигизмундъ III не оставилъ безъ вниманія и протеста, сдѣланнаго православными въ Вильнѣ. И граматою отъ 22-го мая приказалъ митрополиту, чтобы онъ сперва предалъ своему духовному суду, а потомъ отослалъ для наказанія въ судъ свѣтскій поповъ и проповѣдниковъ виленскаго троицкаго братства, какъ

([585]) А. Ю. и З. Р. I, № 218; Архив. югозапад. Россіи, ч. I, т. I, № 119; А. З. Р. IV, № 96. О состояніи Кирилла Терлецкаго можно судить по описи его имущества за 1596 г., гдѣ объ однѣхъ деньгахъ сказано: «грошей готовыхъ въ золотѣ, чирвоными золотыми, копъ литовскихъ тысячей двенадцать; таляровъ старыхъ двѣ тысячи; монеты деветьсотъ копъ грошей литовскихъ; лянцуховъ три, и въ одномъ золотыхъ чирвоныхъ сто и чотырнадцать, у другомъ шестьдесятъ девять, у третьемъ сто девять»... и проч. (А. Ю. и З. Р. I, № 218, стр. 265).

бунтовщиковъ и возмутителей, за то, что они, согласившись съ нѣкоторыми виленскими гражданами, членами того братства, производятъ своими проповѣдями и печатными сочиненіями на польскомъ и русскомъ языкахъ смуты въ народѣ и не только не способствуютъ соединенію между христіанами, но возбуждаютъ между ними вражду, раздоры и столкновенія, и чтобы совсѣмъ отнялъ у троицкаго братства церковный алтарь, будтобы незаконно предоставленный ему доселѣ въ троицкомъ монастырѣ, и отдалъ законнымъ владѣльцамъ монастыря, виленскимъ бурмистрамъ и радцамъ, братству же не дозволялъ болѣе никакого доступа къ тому монастырю и церкви Св. Троицы. А когда митрополитъ увѣдомилъ, что проповѣдникъ виленскаго троицкаго братства Стефанъ Зизаній и братскіе попы Василій и Герасимъ еще прежде осуждены и анаѳематствованы соборомъ за ихъ проповѣди и самовольно издаваемыя ими сочиненія, и, несмотря на то, упорно продолжаютъ свое дѣло, и выслалъ этихъ мнимыхъ бунтовщиковъ въ распоряженіе короля, то король присудилъ ихъ на изгнаніе изъ своего государства и окружною граматою (23 мая) далъ приказъ, чтобы никто нигдѣ у себя ихъ не принималъ, никто не оказывалъ имъ никакого пособія и не имѣлъ съ ними никакого общенія; если же гдѣ встрѣтятъ ихъ, то взяли бы ихъ подъ стражу и увѣдомили о томъ короля ([586]).

([586]) А. З. Р. IV, №№ 94. 95. Что касается до сочиненій, которыя, по словамъ королевской граматы, изданы были тогда на русскомъ и польскомъ языкахъ казнодѣями троицкаго братства, то здѣсь, конечно, разумѣются два сочиненія Стефана Зизанія: 1) краткій катехизисъ, направленный противъ латинянъ и напечатанный на одномъ польскомъ языкѣ, вѣроятно, въ 1595 г., если не прежде (см. выше примѣч. 570 и текстъ), и 2) „казанье св. Кирилла, патр. іерусалимскаго, о антихристѣ“, которое вовсе не есть «казанье» св. Кирилла, а сочиненіе самаго Зизанія, также направлено противъ латинянъ и напечатано на двухъ языкахъ,—русскомъ и польскомъ въ 1596 году, въ Вильнѣ. Противъ этого сочиненія въ томъ же 1596 г. издана въ Вильнѣ кѣмъ-то изъ латинянъ брошюрка: Plewy Stephanka Zyzanicy heretyka, z cerkwi Ruskiey wykletego (*Сахаров.* Обзор. Слав.-русск. библіогр., № 99; *Голубев.* Библіограф. замѣч., въ Труд. кіев. Д. Акад. 1876, I, 129).

Когда варшавскій сеймъ совершенно окончился, король призналъ благовременнымъ издать универсалъ ко всѣмъ своимъ подданнымъ греческаго закона о созваніи собора и объявлялъ имъ: «Имѣя въ виду древнее соединеніе церквей восточной и западной, всегда способствовавшее возвышенію и процвѣтанію царства, и подражая примѣру великихъ государей, старавшихся о соединеніи этихъ церквей, раздѣлившихся между собою, пламенно желаемъ и мы находиться въ одной вѣрѣ со всѣми нашими подданными и вмѣстѣ съ ними единымъ сердцемъ и устами славить Бога... Потому, среди другихъ нашихъ государственныхъ заботъ, склонили мы нашъ помыслъ и на то, чтобы людей греческой религіи въ нашемъ государствѣ привесть къ прежнему единству съ церковію католическою, римскою, подъ властію одного верховнаго пастыря. Съ этою цѣлію, съ согласія высшихъ особъ греческаго духовенства, вашихъ старшихъ отправлены были въ Римъ послами къ папѣ владыки владимірскій и луцкій, которые, побывавъ у св. отца, уже вернулись назадъ и не принесли оттуда съ собою ничего новаго и противнаго вашему спасенію, ничего различнаго отъ вашихъ обычныхъ церковныхъ церемоній, напротивъ, согласно съ древнимъ ученіемъ св. отцевъ греческихъ и св. соборовъ, сохранили вамъ все въ цѣлости, о чемъ и имѣютъ дать вамъ подробный отчетъ. И какъ не мало знатныхъ людей греческой вѣры, желающихъ св. уніи, просили насъ, чтобы мы для окончанія этого дѣла, ве-

лѣли созвать соборъ, то мы и позволили вашему митрополиту, киръ Михаилу Рогозѣ созвать соборъ въ Брестѣ, когда признаетъ то, съ другими вашими старшими духовными, наиболѣе удобнымъ, будучи увѣрены, что вы, когда хорошо поразсудите, ничего полезнѣе, важнѣе и утѣшительнѣе для себя не найдете, какъ св. соединеніе съ католическою церковію, которое водворяетъ и умножаетъ между народами согласіе и взаимную любовь, охраняетъ цѣлость государственнаго союза и другія блага, земныя и небесныя». Затѣмъ король говорилъ, что явиться на соборъ вольно будетъ всякому православному, только бы каждый пріѣзжалъ съ надлежащею скромностію и не приводилъ съ собою непотребной толпы; что, кромѣ католиковъ и православныхъ, между которыми должно состояться соединеніе, никакіе другіе люди иной вѣры на соборъ не могутъ быть допущены, и, кромѣ дѣла объ уніи, на соборѣ никакихъ сторонніхъ дѣлъ не должно быть возбуждаемо. Наконецъ, король напоминалъ, чтобы и на соборѣ, какъ вездѣ, соблюдалось полное уваженіе къ его верховной власти и все совершалось, съ благословеніемъ Божіимъ, въ мирѣ и согласіи, на радость ему-королю и всей Рѣчи Посполитой. Этотъ королевскій универсалъ изданъ былъ еще 29 мая или, какъ по другому списку, 14 іюня. А митрополитъ, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, подписалъ свою окружную грамату о созваніи собора только 21 августа и самый соборъ назначилъ на 8-е октября, объявляя въ ней также, чтобы на соборъ пріѣзжалъ каждый благовѣрный христіанинъ греческаго закона «для прислуханья и обмышливанья», а если кто не захочетъ прибыть самъ, то прислалъ бы своихъ уполномоченныхъ ([587]).

([587]) Архив. югозапад. Россіи, ч. I, т. I, № 120. А. З. Р. IV, №№ 97. 100.

Несмотря, однакожъ, на корол евскій универсалъ и митрополичью грамату о созваніи собора, на которомъ долженъ былъ окончательно рѣшиться вопросъ объ уніи, противники уніи не успокоивались и причиняли немало безпокойствъ митрополиту и королю. Въ іюнѣ собрались въ Вильну на чередный трибунальный судъ депутаты со всего великаго княжества литовскаго. Дидаскалъ виленскаго троицкаго братства Стефанъ Зизаній, осужденный митрополитомъ на отлученіе отъ церкви, а королемъ на изгнаніе, подалъ этимъ депутатамъ какую-то жалобу на митрополита. И жалоба была принята, митрополитъ потребованъ на судъ. А когда митрополитъ отвѣчалъ, что не подлежитъ трибунальному суду, депутаты не уважили этого, разсмотрѣли жалобу Зизанія, судили митрополита заочно и признали виновнымъ. Митрополитъ нашелся вынужденнымъ жаловаться королю, и король съ изумленіемъ писалъ депутатамъ (отъ 21 іюня), что они позволили себѣ судить митрополита по такому дѣлу, по которому и онъ, король, не могъ бы его судить, и приказывалъ имъ не приводить своего декрета противъ митрополита въ исполненіе. Подобное же случилось и въ Кіевѣ. Нѣкоторые лица вздумали вести тяжебныя дѣла противъ митрополита, по его церковнымъ имѣніямъ, въ городскомъ урядѣ кіевскомъ, и урядъ принималъ эти дѣла, посылалъ къ митрополиту позвы явиться на судъ и, не обращая вниманія на объясненія митрополита, что городскій урядъ не въ правѣ судить его, постановлялъ свои рѣшенія. Пришлось митрополиту снова искать защиты у короля, и король (отъ 19 авг.) напоминалъ кіевскому воеводѣ, князю Острожскому, чтобы городскій урядъ въ Кіевѣ, вопреки закону и обычаю, не требовалъ по та-

кимъ дѣламъ митрополита къ отвѣту, а отсылалъ такія дѣла въ подлежащіе суды, согласно со Статутомъ. Черезъ нѣсколько дней король получилъ извѣстіе изъ Вильны, что нѣкоторые граждане, составляющіе троицкое братство, которое недавно, какъ мы видѣли, онъ приказалъ совсѣмъ отдалить отъ троицкаго монастыря, возстаютъ противъ королевской власти, разрушаютъ начатое св. дѣло, которое должно было бы привести къ соединенію по вѣрѣ народъ христіанскій, увлекаютъ за собою и другихъ гражданъ, нарушаютъ общественный покой, и, купивъ мѣсто въ Вильнѣ, хотятъ строить себѣ церковь не столько для совершенія хвалы Божіей, сколько для расширенія своей ереси и противодѣйствія уніи. Поэтому король далъ приказъ (отъ 29 авг.) виленскимъ бурмистрамъ, радцамъ и лавникамъ, чтобы они не допускали такихъ безпорядковъ и возмущеній, а бунтовщиковъ и нарушителей общественнаго спокойствія предавали суду и наказывали, и рѣшительно возбранили имъ строить себѣ церковь,—между тѣмъ какъ на постройку этой церкви троицкое братство еще въ 1594 г. имѣло разрѣшительную грамату отъ самаго же короля. Замѣтимъ, что рѣчь идетъ о постройкѣ троицкимъ братствомъ той церкви, при которой вскорѣ образовался знаменитый въ исторіи уніи виленской свято-духовъ монастырь, существующій доселѣ. Еще чрезъ нѣсколько дней къ королю пришло извѣстіе, что и всѣ вообще православные жители столичнаго города Вильны, духовные и міряне, взбунтовались противъ своего митрополита Михаила Рогозы и противятся ему, дѣлаютъ между собою тайныя сходки, допускаютъ въ свои совѣщанія и людей разныхъ вѣръ, издаютъ протестаціи противъ своего архипастыря. Это вызвало короля по-

слать ко всему виленскому духовенству, сановникамъ и прочимъ гражданамъ строгій приказъ (отъ 12 сент.), чтобы они, какъ духовныя овцы, повиновались во всемъ своему митрополиту и другимъ архипастырямъ, прекратили свои возмущенія противъ нихъ и своевольныя сходки; а если не прекратятъ, то, какъ бунтовщики и нарушители общественнаго спокойствія, подвергнутся законнымъ преслѣдованіямъ и наказаніямъ ([588]).

Потѣй и Терлецкій, по возвращеніи изъ Рима, старались дѣлать и съ своей стороны все, что могли, противъ враговъ привезенной ими уніи и вообще противъ не соглашавшихся принять ее. Одинъ изъ священниковъ луцкаго владыки, Михаилъ, состоявшій при немъ проповѣдникомъ, принесъ, 3-го марта, въ жидичинскій монастырь письмо на имя львовскаго епископа Гедеона и отдалъ письмо племяннику Гедеонову, управлявшему монастыремъ, Григорію Болобану. Письмо писано было Потѣемъ и Терлецкимъ еще 29 дек. 1595 г. изъ Рима и заключало въ себѣ извѣстія о ихъ путешествіи, пребываніи въ Римѣ и сношеніяхъ съ папою. Какъ только Григорій распечаталъ это письмо и поднесъ къ свѣчѣ, чтобы прочитать подписи, его тотчасъ обдало какимъ-то порошкомъ, отъ котораго онъ впалъ въ разслабленіе и едва не умеръ. Князь Острожскій, ѣхавшій тогда на варшавскій сеймъ и остановившійся въ жидичинскомъ монастырѣ, видѣлъ Григорія въ его смертельной болѣзни и помогъ ему своими лекарствами. Нѣсколько оправившись, Григорій послалъ (17 марта) въ градскій владимірскій урядъ протестацію противъ Терлецкаго и самое его письмо для внесенія въ актовыя книги. А впо-

([588]) А. З. Р. IV, №№ 98. 99. 101 (спис. № 48, стр. 68). 102.

слѣдствіи началъ было противъ Терлецкаго и формальное дѣло въ луцкомъ градскомъ урядѣ; когда же урядъ объявилъ, что дѣло ему не подлежитъ, то подалъ апелляцію въ главный люблинскій трибуналъ. Отрава, чрезъ письмо, назначалась ревнителями уніи, конечно, не Григорію, а Гедеону Болобану, измѣнившему уніи, и трудно отвергнуть подлинность этого событія ([589]). Въ своихъ епархіяхъ Потѣй и Терлецкій употребляли всѣ мѣры, чтобы привлекать на свою сторону духовенство и мірянъ. Священниковъ, которые не соглашались на унію, изгоняли изъ приходовъ, лишали сана, заключали въ темницы; а на мірянъ, не покорявшихся убѣжденіямъ, изрекали анаѳему. Разительный случай тому былъ въ Брестѣ. Члены брестскаго церковнаго братства, по примѣру братства виленскаго троицкаго, рѣшительно вооружились противъ уніи и не хотѣли слушать своего владыки. Они перестали даже ходить въ свои церкви, гдѣ, по приказанію его, совершалось богослуженіе съ поминовеніемъ папы, а предпочитали собираться на молитву по домамъ, тайно, нѣкоторые же посѣщали и протестантскія кирхи. Никакія убѣжденія Потѣя, ни словесныя, ни письменныя, не могли поколебать этихъ людей, твердыхъ къ вѣрѣ своихъ отцевъ. Тогда Потѣй далъ указъ (3 окт.) протопопу и всѣмъ священникамъ брестскимъ, чтобы они, подъ страхомъ клятвы и отлученія, не ходили въ домы ни къ одному изъ этихъ непослушныхъ, не крестили ихъ дѣтей, не преподавали имъ св. таинъ Христовыхъ, не погребали ихъ умершихъ и вообще не совершали для нихъ никакихъ церковныхъ требъ, а призна-

([589]) Архив. югозапад. Россіи, ч. I, т. I, № 116, и предисл. LXVI. LXVIII. Такія же письма, только безъ порошка, вѣроятно, написали тогда Потѣй и Терлецкій изъ Рима и прочимъ владыкамъ, своимъ единомысленникамъ.

вали всѣхъ ихъ за еретиковъ, проклятыхъ церковію. И несчастные братчики принуждены были, за неимѣніемъ священниковъ, сами читать молитвы родильницамъ, крестить дѣтей, проповѣдывать слово Божіе и проч. ([590]).

Слухъ о принятіи уніи въ Римѣ нѣкоторыми западнорусскими владыками скоро достигъ и отдаленнаго востока. Многіе изъ русскихъ писали объ этомъ къ константинопольскому патріарху, и просили его прислать къ нимъ кого либо изъ ученыхъ людей на помощь ([591]). И помощь съ востока была подана. Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ написалъ (отъ 30 авг.) обширное посланіе на имя князя К. К. Острожскаго и прочихъ православныхъ князей и пановъ, священниковъ и всего христоименитаго православнаго народа въ малой (т. е. западной) Россіи. Въ этомъ посланіи первосвятитель восхвалялъ всѣхъ благовѣрныхъ русскихъ за ихъ твердость въ благовѣріи и непреклонность къ уніи и убѣждалъ ихъ оставаться твердыми до конца, рѣзко обличалъ отступившихъ отъ православія и предавшихся папѣ, довольно подробно говорилъ противъ главенства папы и его нововведеній и въ защиту бѣдствующей восточной церкви, наконецъ приглашалъ отступниковъ покаяться и возвратиться въ лоно своей родной матери, православной церкви, а въ случаѣ ихъ нераскаянности, давалъ православнымъ совѣтъ избрать себѣ новаго митрополита и епископовъ. Какъ ни строго было приказаніе короля не пропускать въ Литву никакихъ

([590]) Апокрисисъ, стр. 303—307; Антирризисъ, стр. 167. 168. 170. О насильственномъ вторженіи Потѣя въ Ильинскій монастырь и его неистовствахъ въ алтарѣ ильинской церкви — см. Архив. югозапад. Россіи, ч. I, т. I, № 121.

([591]) Ekthesis abo krótkie zebranie spraw, które się działy na partykularnym, to iest, pomiastnym synodzie w Brzesciu Litewskim, str. 2, w Krakowie 1597; A. Z. P. IV, № 149, стр. 213.

посланій отъ восточныхъ патріарховъ, но это посланіе было получено княземъ Острожскимъ и впослѣдствіи напечатано. Еще важнѣе для православныхъ западно-руссовъ было то, что патріархъ Мелетій, вмѣстѣ съ своимъ посланіемъ, прислалъ къ нимъ и своего уполномоченнаго, протосинкелла александрійской церкви, ученаго Кирилла Лукариса, котораго присылалъ къ нимъ и въ 1594 г. съ подобнымъ посланіемъ ([592]). Въ тоже время прибылъ въ Литву и уполномоченный отъ константинопольскаго престола великій протосинкеллъ константинопольской церкви Никифоръ, лице весьма замѣчательное. За его умъ и познанія его называли *мудрѣйшимъ* (σοφιστατος), и хотя, по своему сану, онъ былъ не болѣе, какъ архидіаконъ при патріархѣ, но удостоился цѣлые три года управлять, въ качествѣ мѣстоблюстителя, всею цареградскою патріархіею, предъ послѣднимъ вступленіемъ патріарха Іереміи II на каѳедру и впродолженіе путешествія его въ Россію. А вскорѣ по возвращеніи Іереміи константинопольскій соборъ, бывшій подъ его предсѣдательствомъ въ 1592 г., облекъ Никифора, какъ «мужа, исполненнаго всякой науки и мудрѣйшаго», властію занимать первое мѣсто на всѣхъ соборахъ въ предѣлахъ цареградскаго патріархата, имѣть преимущество чести предъ самими митрополитами и именемъ вселенскаго патріарха рѣшать на соборахъ всѣ вопросы, касающіеся вѣры и церкви. Предъ прибытіемъ въ Литву онъ долго находился въ Молдавіи, и тамъ, по дарованной ему

([592]) Посланіе Мелетія—въ Апокрисисѣ, стр. 265—280, и въ книгѣ *Малышевскаго*: Александр. патріархъ Мелетій Пигасъ..., II, прилож. I, № 16, стр. 28—44. А другое посланіе тогоже патріарха, гдѣ онъ говоритъ о посольствѣ къ русскимъ Кирилла Лукариса еще въ 1594 г.,—тамъ же у *Малышев.* № 15, стр. 27.

власти, предсѣдательствовалъ на соборѣ двухъ митрополитовъ, валашскаго и молдавскаго, и четырехъ епископовъ, бывшемъ противъ уніи, и подъ соборною граматою (отъ 17 авг. 1595 г.) подписался «мѣстоблюстителемъ» святѣйшаго константинопольскаго престола. Изъ Молдавіи Никифоръ отправился въ Литву, но на границѣ, вслѣдствіе королевской граматы не пропускать пословъ отъ цареградскаго патріарха, былъ задержанъ и заключенъ въ Хотинѣ, хотя тому были и другія причины, какъ самъ онъ свидѣтельствуетъ. Изъ этого заключенія, которое продолжалось довольно долго, Никифоръ, однакожъ, во-время успѣлъ освободиться, можетъ быть, благодаря содѣйствію русскихъ. Ибо сами русскіе и писали къ Никифору въ Молдавію и просили его поспѣшить къ нимъ немедленно, и какъ только онъ прибылъ въ Литву, князь Острожскій и всѣ паны волынскіе приняли его съ радостію и послали двухъ знатныхъ своихъ шляхтичей увѣдомить о прибытіи его короля ([593]). Присутствіе Никифора на приближавшемся брестскомъ соборѣ имѣло для русскихъ величайшую важность: по чрезвычайной уполномоченности Никифора, ему принадлежало преимущество предъ самимъ митрополитомъ Рогозою и предсѣдательствованіе на соборѣ. Еще недѣли за три до собора Никифоръ, въ качествѣ экзарха константинопольскаго престола, написалъ Рогозѣ (отъ 13 сент.): «Извѣщаемъ твою святыню, что вселенскій патріархъ, узнавъ о замѣшательствахъ, произведенныхъ въ вашей церкви нѣкоторыми владыками и нововведеніями, прислалъ насъ сюда, какъ своего экзарха

([593]) А. З. Р. IV, № 117, стр. 161—164; № 149, стр. 213; А. Ю. и З. Р. I, № 210; Апокрис., стр. 129—131; *Петрушевича*—Акты, относящіеся къ исторіи южно-западной Руси, стр. 127—128, Львовъ 1868 г.; Ekthesis albo krótkie zebranie..., str. 2.

для прекращенія этихъ замѣшательствъ, а когда мы сюда прибыли, то получили о томъ разныя донесенія. Одни повѣдали намъ, что твоя святыня еще поминаешь имя патріарха въ церковныхъ молитвахъ и вообще держишься прежняго порядка; другіе же донесли, что ты уже совсѣмъ не поминаешь имя патріарха и не слѣдуешь св. обычаямъ и догматамъ восточной церкви,—чему однакожъ мы не вѣримъ. Посему просимъ твою святыню, чтобы ты изложилъ намъ въ своемъ писаніи всю правду и тѣмъ далъ намъ возможность разобрать и прекратить происшедшія у васъ замѣшательства и водворить между церквами покой, и чтобы ты всячески постарался поскорѣе увидѣться съ нами въ какомъ либо мѣстѣ» ([594]). Можно судить, какъ тяжело было митрополиту Рогозѣ узнать въ такое время о появленіи въ Литвѣ этого патріаршаго экзарха.

Насталъ, наконецъ, соборъ, столь давно желанный,—соборъ, далеко превосходящій всѣ прежніе соборы западно-русской церкви, и по важности предмета, о которомъ долженъ былъ разсуждать, и по оригинальному или необычному своему составу, и по многочисленности лицъ, съѣхавшихся на соборъ ([595]). Предметомъ разсужденій собора былъ вопросъ о

([594]) Это письмо Никифора напечатано въ книгѣ: Ekthesis, str. 9—10. Никифоръ называетъ себя въ письмѣ посланнымъ отъ царегр. патріарха *Іереміи*, не зная, конечно, что Іеремія, во время его долговременнаго отсутствія изъ Царьграда, скончался еще въ 1594 году. Чрезъ нѣсколько времени Никифоръ назывался уже посланнымъ отъ патріарха *Гавріила*, котораго и приказалъ поминать въ церквахъ литовской митрополіи (А. З. Р. IV, №№ 103. 111).

([595]) О брестскомъ соборѣ сохранились современныя извѣстія, какъ православныхъ, такъ и латинянъ. Къ извѣстіямъ перваго рода относятся: 1) «Синодальный универсалъ», писанный и подписанный 9 окт. 1596 г православными, присутствовавшими на брестскомъ соборѣ (Архив. юго-запад. Россіи, ч. I, т. I, № 123, стр. 518—532; Апокрис., стр. 15—24); 2) Ekthesis, albo krótkie zebranie spraw, które się działy na partykularnym, to iest, pomiastnym synodzie w Brzesciu Litewskim, w Krakowie 1597; 3) Вѣстовыя повѣстки неизвѣстныхъ

перемѣнѣ одного вѣроисповѣданія на другое, православнаго на латинское, цѣлымъ народомъ, иначе вопросъ объ уніи западно-руссовъ съ Римомъ. Въ составъ собора должны были войти, съ одной стороны, лица, уже принявшія унію и рѣшившіяся принять ее, равно какъ покровительствующіе имъ латиняне, а съ другой—православные, твердые въ своемъ исповѣданіи и противившіеся уніи, которыхъ, однакожъ, надѣялись привлечь къ ней. По числу членовъ обѣ стороны были весьма неравны. На сторонѣ православныхъ находились: 1) два патріаршихъ экзарха: Никифоръ отъ патріарха цареградскаго и Кириллъ Лукарисъ отъ александрійскаго, и кромѣ того изъ цареградской же патріархіи: Лука митрополитъ велиградскій; Макарій архимандритъ монастыря Симона-Петра на св. горѣ, по порученію Паисія епископа веноцкаго, и Матѳей архимандритъ святогорскаго пантелеимонова монастыря, по порученію Амфилохія епископа мукацкаго; 2) два западно-русскихъ епископа: Гедеонъ Болобанъ епископъ львовскій и Михаилъ Копыстенскій епископъ перемышльскій, и съ ними девять архимандритовъ: кіево-печерскій Никифоръ Туръ, дерманскій, супрасльскій, пинскій и другіе, два игумена и множество протоіереевъ, священниковъ, монаховъ, по одному свидѣтельству, до 106-ти, а по другому, болѣе 200; 3) многіе государственные сановники и послы или депутаты. Въ числѣ первыхъ были князь К. К. Острожскій съ

лицъ о происшествіяхъ на брестскомъ соборѣ (А. З. Р. IV, № 106); 4) Перестрога, списс. львовскимъ священникомъ, бывшимъ на брестскомъ соборѣ (А. З. Р. IV, № 149, стр. 214—216). Латинянами издано только одно сочиненіе іезуита Скарги: Synod Brzeskj, w Krakowie 1597 (перепечатано цѣликомъ въ изданіи Апокрисиса, стр. 401—451, Кіев. 1870). Противъ этого сочиненія Скарги издана православными книга «Апокрисисъ» въ 1597 г., а противъ Апокрисиса издана латинянами или уніатами книга «Антиррисисъ» въ 1600 году.

сыномъ своимъ Александромъ, воеводою волынскимъ; князь Александръ Полубенскій каштелянъ новогродскій; столникъ земли волынской Андрей Боговитинъ, судья земскій луцкій Чапличь, судья гродскій владимірскій Павловичь и другіе. Въ числѣ пословъ одни были отъ воеводствъ и повѣтовъ: литовскаго, кіевскаго, русскаго, волынскаго, брацлавскаго, перемышльскаго, пинскаго, другіе—отъ городовъ: Вильны, Львова, Пинска, Бѣльска, Бреста, Каменца подольскаго, Кіева, Владиміра, Минска, Слуцка и проч., третьи отъ братствъ: виленскаго и львовскаго. Не должно удивляться, что на соборъ съѣхалось такое множество не однихъ духовныхъ, но и мірянъ: самъ король и потомъ митрополитъ приглашали на этотъ соборъ, своими граматами, всѣхъ православныхъ, а митрополитъ еще прибавлялъ, что если кто не можетъ пріѣхать, то прислалъ бы своихъ пословъ; да и соборъ касался вопроса, слишкомъ близкаго всякому православному. На сторонѣ уніатовъ находились: 1) представители западно-русской церкви: митрополитъ Михаилъ Рогоза, владыки—владимірскій Ипатій Поцѣй, луцкій Кириллъ Терлецкій, полоцкій Германъ, пинскій Іона Гоголь, холмскій Діонисій Збируйскій, и съ ними, вѣроятно, нѣсколько другихъ духовныхъ, изъ которыхъ, впрочемъ, извѣстны только три архимандрита: браславскій, лаврашовскій и минскій; 2) послы папы, имъ самимъ назначенные: Янъ Дмитрій Соликовскій арцыбискупъ львовскій, Бернардъ Маціевскій бискупъ луцкій, Станиславъ Гомолицкій бискупъ холмскій, и съ ними четыре іезуита: знаменитый Скарга, другъ короля; товарищъ Скарги Іустъ Робъ, Максимъ Латерна, бывшій духовникъ Стефана Баторія, и Каспаръ Нагай; 3) послы короля, прибывшіе, впрочемъ,

только на вторый день собора: гетманъ литовскій, князь Христоферъ-Николай Радзивилъ; канцлеръ литовскій Левъ Сапѣга и подскарбій литовскій, староста брестскій, Димитрій Халецкій, и кромѣ того великое множество другихъ лицъ, знатныхъ и незнатныхъ, имена которыхъ остались неизвѣстными ([596]). Надобно замѣтить, что при съѣздѣ на соборъ допущено было двоякое нарушеніе королевской граматы, которою разрѣшалось созываніе собора. Грамата говорила, чтобы, кромѣ католиковъ и православныхъ, на соборъ не допускались никакіе иновѣрцы. Между тѣмъ къ сторонѣ православныхъ, и безъ того многочисленной, присоединились еще многіе протестанты, можетъ быть, изъ мѣстныхъ же жителей города Бреста. Впрочемъ, они только оказывали вниманіе православнымъ, подкрѣпляли ихъ своими совѣтами, возбуждали противъ латинянъ, по своей обычной враждѣ къ послѣднимъ, но въ рѣшеніи дѣлъ православнымъ духовенствомъ на соборѣ не принимали ни малѣйшаго участія. Грамата требовала еще, чтобы всѣ приходили на соборъ, какъ можно, скромнѣе и не приводили съ собою толпы. Между тѣмъ князь Острожскій и другіе православные паны явились съ множествомъ вооруженныхъ людей, съ татарами, гайдуками, казаками и даже съ пушками ([597]). Но это было только мѣрою предосторожности. Православные знали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло; знали

([596]) Православные, бывшіе на брестскомъ соборѣ, перечислены и въ Синодальномъ универсалѣ (стр. 528—530 въ означенномъ Архивѣ..). и еще подробнѣе въ Ектезисѣ (str. 20—22. 32—33). А находившіеся на сторонѣ уніатской упоминаются—въ A. Z. P. IV, № 103, и у Скарги: Synod Brzeskj (стр. 401 и въ Апокрисисѣ). По вѣстовымъ повѣсткамъ неизвѣстныхъ, на брестскомъ соборѣ присутствовало 105 русскихъ пресвитеровъ (A. Z. P. IV, стр. 146), а по Ектезису—болѣе 200 (str. 33).

([597]) Апокрисис., стр. 134; Антиррис., стр. 147.

что если они явятся безъ подобной охраны, то противъ нихъ на соборѣ могутъ употребить насиліе, и если не принудятъ ихъ къ принятію уніи, то непремѣнно воспрепятствуютъ имъ составить свой соборъ для осужденія уніи.

Съѣхавшись въ Брестъ нѣсколько прежде срока, назначеннаго для открытія собора, православные посылали къ митрополиту свои посольства, какъ для привѣтствованія его, такъ и для узнанія отъ него о мѣстѣ, времени, порядкѣ собраній и другихъ дѣлахъ собора. Но посланные были отпускаемы митрополитомъ или совсѣмъ безъ отвѣтовъ, или съ отвѣтами, очень непріятными и нимало не клонившимися къ любви и согласію, даже съ совершеннымъ огорченіемъ. Наканунѣ собора, т. е. 5-го октября, посылали къ митрополиту и находившимся съ нимъ владыкамъ и протосинкеллы Никифоръ и Кириллъ свою грамату съ привѣтствіемъ отъ себя и съ напоминаніемъ, чтобы митрополитъ и владыки явились представителямъ патріарховъ для засвидѣтельствованія должнаго почтенія и для предварительныхъ совѣщаній относительно собора. Но посламъ данъ былъ отвѣтъ: «подумаемъ; если слѣдуетъ явиться, явимся», и не явились. Князь Острожскій такъ же посылалъ къ митрополиту знатныхъ людей, желая съ нимъ видѣться; но митрополитъ на то не согласился, а просилъ князя, чтобы онъ постарался увидѣться съ нимъ и съ владыкою владимірскимъ въ домѣ послѣдняго ([598]). Очень

([598]) Синодал. универсалъ—въ Апокрис., стр. 16; въ Архивѣ, стр. 520; Ekthesis, str. 3; Antirrisis, str. 149. Авторъ Перестроги пишетъ, что онъ самъ былъ въ числѣ пословъ къ митрополиту Рогозѣ, и что митрополитъ будтобы сказалъ имъ: «я не отступаю отъ православія и отъ пастыря, который меня въ мой санъ посвятилъ, и приду къ вамъ, и хочу съ вами радѣть о томъ, и готовъ чинить то, что Богъ всѣмъ намъ и посламъ патріаршимъ на сердце положитъ», но въ слѣдующую ночь отступники до того уговорили митрополита,

понятно, почему митрополитъ, съ своими единомышленниками, наканунѣ собора дѣйствовалъ такъ уклончиво, нерѣшительно, боязливо: положеніе ихъ было крайне затруднительное. Для нихъ вопросъ объ уніи былъ уже рѣшенъ окончательно, и они шли на соборъ за тѣмъ только, чтобы повторить тамъ исповѣданіе вѣры, которое произнесли въ Римѣ Потѣй и Терлецкій, и дать торжественную клятву на покорность папѣ. А для православныхъ вопросъ этотъ вовсе не былъ рѣшенъ, и они съѣхались на соборъ, чтобы еще разсуждать объ уніи и съ нескрываемымъ намѣреніемъ совершенно ее отвергнуть. Что жъ вышло бы, еслибы эти люди съ такими противоположными цѣлями и намѣреніями сошлись вмѣстѣ для совокупныхъ разсужденій? Въ тоже время митрополитъ ясно понималъ, что если онъ согласится съ православными составить одинъ соборъ, въ такомъ случаѣ предсѣдательство на соборѣ должно принадлежать не ему-митрополиту, а уполномоченному отъ цареградскаго патріарха протосинкеллу Никифору, и тогда, при многочисленности православныхъ на соборѣ, не только дѣло уніи можетъ совершенно разстроиться, но и онъ самъ, митрополитъ, и единомысленные съ нимъ владыки могутъ подвергнуться, съ позоромъ, соборному суду и осужденію за измѣну православію. Наконецъ, митрополитъ и бывшіе съ нимъ владыки находились въ большомъ страхѣ въ виду той военной силы, какую привели съ собою православные, и не зная, въ комъ искать себѣ охраны и защиты: такъ какъ королевскіе послы тогда еще на соборъ не прибыли.

что онъ на другой день уже присталъ къ нимъ (A. 3. P. IV, стр. 214). Такой отвѣтъ митрополита посламъ другими свидѣтельствами не подтверждается.

Наступило и 6-е октября. Необходимо было открыть соборъ, — и что же придумалъ митрополитъ? Не давая никакого извѣстія православнымъ, онъ съ одними своими единомышленниками отправился въ соборную церковь св. Николая и выслушалъ тамъ литургію, потомъ прочиталъ молитвы, съ призываніемъ Св. Духа, которыя обыкновенно читались предъ началомъ собора, и такимъ образомъ совершивъ открытіе собора, приказалъ записать этотъ первый соборный актъ публичному нотарію: болѣе ничего въ тотъ день на соборѣ не было ([599]). Между тѣмъ православные, съ наступленіемъ 6-го октября, не имѣя никакого распоряженія отъ митрополита, не знали, что дѣлать и гдѣ собираться. Нѣкоторые непремѣнно желали собраться въ какой-либо церкви; но всѣ церкви въ Брестѣ, по приказанію мѣстнаго владыки Ипатія Потѣя, были заперты. И православные, не желая насильно ворваться въ какую либо церковь и произвесть смятеніе, рѣшились собраться въ частномъ домѣ у пана Райскаго, гдѣ, кажется, была квартира князя Острожскаго и находилась весьма обширная зала, служившая протестантскою молельною. Собрались здѣсь православные первоначально съ тою цѣлію, чтобы ожидать приглашенія отъ митрополита и перейти въ другое мѣсто, если оно будетъ митрополитомъ указано. Но они прождали до самой вечерни, и ничего не дождались. Тогда «мы,—разсказываютъ сами православные,—послали къ его милости, отцу арцибископу львовскому (Соликовскому), объявить ему о нашемъ желаніи и готовности приступить къ дѣламъ собора, удивляясь при этомъ и жалуясь, что митрополитъ не дѣлаетъ никакого приступа къ собору въ тотъ день,

([599]) Antirrisis, str. 26.

который самъ онъ, въ окружной своей граматѣ, назначилъ къ открытію собора, и даетъ проходить опредѣленному сроку. Посланные, по нашему порученію, съ такимъ же объявленіемъ ѣздили и къ митрополиту; но не нашли его ни дома, ни въ церкви, ни въ другихъ мѣстахъ, на которыя имъ указывали. Однакожъ, чтобы онъ не могъ отговориться невѣдѣніемъ, посланные объявили о своемъ посольствѣ владыкѣ пинскому (Гоголю) и просили его передать о томъ митрополиту, когда найдетъ его гдѣ нибудь». Депутація, посланная, по предложенію протосинкелла Никифора, къ митрополиту, состояла изъ шести лицъ: двухъ архимандритовъ, одного протопопа и трехъ пресвитеровъ, а при нихъ находился нотарій Григорій и имѣлъ при себѣ грамату — парагностикъ, которымъ митрополитъ и владыки приглашались явиться предъ лице патріаршихъ экзарховъ, чтобы потомъ, вмѣстѣ съ ними, пойти въ какую либо церковь и тамъ открыть засѣданіе собора. Отправивъ свою депутацію и вскорѣ за тѣмъ, вѣроятно, узнавъ случайно, что митрополитъ уже открылъ, въ соборной церкви, свой отдѣльный соборъ, съ одними своими единомысленниками, православные положили немедленно открыть, еще до возвращенія депутаціи, и свой, особый соборъ въ той самой залѣ или молельнѣ, въ которой находились. Съ этою цѣлію, прежде всего, раздѣлились на двѣ половины или кола: коло духовное и коло свѣтское. То и другое коло должны были засѣдать особо. Духовные избрали себѣ двухъ примикиріевъ: протопопа заблудовскаго Нестора для наблюденія за порядкомъ въ засѣданіяхъ кола и острожскаго пресвитера и проповѣдника Игнатія для завѣдыванія соборными нотаріями. Свѣтскіе избрали изъ среды своей Демьяна Гулевича, бывшаго посломъ изъ Волыни, чтобы

онъ былъ маршалкомъ въ ихъ колѣ. Потомъ духовные освятили залу по православному; прочитали молитвы, обычныя предъ открытіемъ собора, и по срединѣ своего духовнаго кола положили на аналоѣ св. евангеліе. Какъ только все устроилось, первымъ заговорилъ Гедеонъ епископъ львовскій и, съ одной стороны, свидѣтельствуя о преданности св. восточной церкви всѣхъ, прибывшихъ на соборъ, а съ другой осуждая митрополита Рогозу и другихъ владыкъ за то, что они не предстали предъ лице патріаршихъ уполномоченныхъ, предложилъ начать разсмотрѣніе дѣла, которое они, владыки, затѣяли. Всѣ присутствовавшіе изъявили-было согласіе. Но вспомнили, что надо пождать возвращенія депутаціи и отвѣта отъ митрополита. Тутъ выступили-было нѣкоторые изъ пословъ, прибывшихъ отъ разныхъ воеводствъ, повѣтовъ, городовъ, и выражали желаніе заявить собору данныя имъ инструкціи. Но было уже поздно, и соборъ отложилъ слушаніе инструкцій (600). Такимъ образомъ, въ первый день, назначенный для открытія собора, открыты два отдѣльные собора: уніатскій и православный; но ни на томъ, ни на другомъ не было еще ничего опредѣлено и рѣшено.

(600) Синодальн. универсалъ—въ Аноkр. 16—17; въ Архивѣ 520—521; Ekthesis 5—6. Между этими двумя сказаніями, одно другое дополняющими, въ описаніи перваго дня собора есть разногласія. Мы старались, по возможности, согласовать ихъ; но держались преимущественно Синодальнаго универсала, какъ составленнаго прежде и лицами, присутствовавшими на самомъ соборѣ. Въ Эктезисѣ сказано, что на два кола раздѣлились православные съ самаго утра, еще прежде нежели отправили пословъ къ митрополиту; что послы застали митрополита вмѣстѣ со владыками; что митрополитъ отвѣчалъ посламъ: «переговоримъ съ арцыбискупомъ Димитріемъ Суликовскимъ и бискупами луцкимъ и хелмскимъ, и потомъ, можетъ быть, придемъ къ вамъ», и что православные напрасно ожидали митрополита до самаго вечера. Что домъ пана Райскаго, гдѣ открылся соборъ православныхъ, былъ квартирою князя Острожскаго, можно догадываться изъ словъ вѣстовой отписки неизвѣстнаго (А. З. Р. IV, № 106, п 1).

На другой день, 7-го октября, въ четвергъ, православные опять собрались въ залу своихъ засѣданій и начали ожидать, не пришлетъ ли къ нимъ кого митрополитъ съ объясненіемъ о вчерашнемъ своемъ поступкѣ и съ приглашеніемъ ихъ на совѣщанія; но ожиданія были напрасны. Тогда велиградскій митрополитъ Лука сказалъ: «ваша святость ясно изволите видѣть, что митрополитъ съ владыками самъ себя осуждаетъ; онъ, очевидно, не осмѣливается предстать предъ соборъ вслѣдствіе дѣлъ, имъ затѣянныхъ». Всѣ сознавали справедливость этихъ словъ; но, по предложенію предсѣдателя Никифора, отправили къ Рогозѣ новое посольство изъ шести новыхъ духовныхъ лицъ: трехъ архимандритовъ, двухъ протопоповъ и одного пресвитера,—нотарія Андрея, которому и врученъ былъ парагностикъ. Между тѣмъ въ этотъ день прибыли королевскіе послы, и находившіеся на соборѣ бискупы, прежде всего, просили пословъ охранить и обезопасить соборъ отъ той вооруженной толпы, которую привели съ собою православные. Послы снеслись съ княземъ Острожскимъ, и онъ далъ имъ слово, что спокойствіе отнюдь не будетъ нарушено. Затѣмъ послы условились, съ бискупами и владыками, что засѣданія собора должны происходить въ соборной николаевской церкви, и письменное объявленіе объ этомъ велѣли прибить къ дверямъ, какъ самой николаевской церкви, такъ и римскаго костела. Но въ то время, когда королевскіе послы еще совѣщались съ епископами, имъ дано было знать, что какое-то посольство отыскиваетъ митрополита и направилось къ дому владимірскаго владыки. Послы поспѣшили къ митрополиту, и застали тамъ посланныхъ отъ православнаго собора съ грамотою, которою и велѣли прочитать въ слухъ. Въ грамотѣ по-

рицали митрополита за то, что онъ присталъ къ латинянамъ и составилъ съ ними соборъ, безъ совѣщанія съ православными; отвергали этотъ соборъ, отказывали митрополиту въ послушаніи, и грозили проклятіемъ и низложеніемъ съ каѳедры, если онъ не раскается вмѣстѣ съ своими сообщниками. Королевскіе послы отправили трехъ своихъ пановъ спросить князя Острожскаго, съ его ли вѣдома и согласія была та грамата и посольство къ митрополиту, и когда князь отвѣчалъ утвердительно, сами пріѣхали къ князю и, находясь у него, дали знать православному собору, что явятся въ его засѣданіе. Пословъ долго ждали; но они не явились, можетъ быть, потому что были уже сумерки. Между тѣмъ возвратились ходившіе къ митрополиту отъ лица собора и объявили, что митрополитъ принялъ ихъ съ яростію и презрѣніемъ и сказалъ, что имъ не дано будетъ никакого отвѣта ([601]). Такъ окончился второй день собора, и ни на уніатскомъ, ни на православномъ соборѣ не сдѣлано было почти ничего.

Въ третій день, пятницу, 8-го октября, на православномъ соборѣ была уже большая дѣятельность. Лишь только открылось засѣданіе, какъ поднялись сильные голоса противъ митрополита за то, что онъ оставилъ безъ вниманія двѣ граматы къ нему патріаршихъ экзарховъ, Никифора и Кирилла (отъ

([601]) Синодал. универсалъ—въ Апокрис. 17—19; въ Архивѣ 521—523; *Скарги* Synod Brzeski—въ Апокрис. 401—402; Ekthesis, str. 6—8. И при описаніи втораго дня собора между сказаніями есть разногласія. Въ Эктезисѣ, наприм., сказано, что въ парагностикѣ, посланномъ теперь православными къ митрополиту и владыкамъ, говорилось только: «мы вчера посылали къ вамъ духовныхъ особъ для приглашенія васъ явиться на соборъ; но какъ вы не пришли, хотя мы ждали васъ до вечера, то мы снова приглашаемъ васъ, вторымъ нашимъ парагностикомъ, чрезъ духовныхъ особъ, и просимъ васъ, чтобъ вы пришли на соборъ», и что владыки отвѣчали посламъ собора: «напрасно насъ ждете; мы не пойдемъ» (str. 7—8).

13 сент. и 5 окт.), которыя тутъ же и были прочитаны, и два соборныя приглашенія. Но предсѣдатель собора, держась строго правилъ церковныхъ, предложилъ послать къ митрополиту и владыкамъ еще третій позывъ или приглашеніе; для чего избраны были: три архимандрита, четыре протопопа и при нихъ нотарій Григорій съ парагностикомъ. На этотъ разъ посланные возвратились скоро и принесли отвѣтъ: «что сдѣлано, то уже сдѣлано, и иначе быть или передѣлаться не можетъ; хорошо или худо мы поступили, только мы отдались западной церкви». Послѣ такого отвѣта не оставалось ждать ничего болѣе, и протосинкеллъ Никифоръ обратился къ собору съ обширною рѣчью. Онъ рѣзко осуждалъ митрополита и единомысленныхъ съ нимъ владыкъ за ихъ явное пренебреженіе къ цареградскому патріарху и за тѣ волненія, какія они произвели въ церкви своимъ отступничествомъ; хвалилъ православныхъ того и другаго соборнаго кола, духовнаго и свѣтскаго, за ихъ твердость въ православіи; укорялъ тѣхъ изъ ихъ собратій, которые ради земныхъ выгодъ и почестей, или изъ боязни, измѣнили вѣрѣ своихъ отцевъ; защищалъ себя противъ возраженій своихъ враговъ, будто онъ не имѣетъ права предсѣдательствовать на брестскомъ соборѣ, и наконецъ спросилъ: когда и какимъ образомъ митрополитъ и владыки начали хлопотать объ отступничествѣ? Кіево-печерскій архимандритъ Никифоръ Туръ отвѣчалъ, что это началось съ того времени, какъ патріархъ Іеремія, года четыре тому назадъ, наложилъ на митрополита Рогозу запрещеніе за рукоположеніе имъ въ свящ. санъ двоеженцевъ, многоженцевъ и явныхъ прелюбодѣевъ и за многіе другіе беззаконные его поступки, и пригрозилъ, если не исправится, даже низвергнуть его съ каѳедры, какъ низ-

вергнутъ былъ митрополитъ Онисифоръ. Съ того-то времени Рогоза и вступилъ въ замыслъ съ другими владыками отдаться папѣ; посылалъ къ нему двухъ пословъ своихъ для принятія уніи, а теперь, по возвращеніи ихъ, думаетъ привлечь къ тому и всѣхъ мірянъ. Но всѣ мы, сказалъ въ заключеніе Никифоръ, православные, не только находящіеся здѣсь на соборѣ, но и оставшіеся по домамъ, рѣшительно не желаемъ уніи,—и въ доказательство своихъ словъ сослался на инструкціи, привезенныя земскими послами. Тогда соборъ приступилъ къ слушанію этихъ инструкцій. Ихъ было нѣсколько десятковъ, но всѣ онѣ сходились въ трехъ слѣдующихъ статьяхъ: 1) духовные, отступившіе отъ власти патріарховъ, должны быть наказаны лишеніемъ сана, какой имѣли до подчиненія ихъ папской власти; 2) помѣстный соборъ въ Брестѣ не въ правѣ постановить рѣшеніе о соединеніи съ римскою церковію, безъ согласія патріарховъ и всей восточной церкви, безъ основательнаго соглашенія всѣхъ разностей по вѣрѣ между обѣими церквами, и только на основаніи, положенномъ двумя владыками, желавшими, чрезъ отступничество въ унію, прикрыть свои преступленія и пріобрѣсть себѣ выгоды и почести; напротивъ, древнее христіанское вѣроисповѣданіе, переданное нашимъ предкамъ отъ церкви восточной и содержимое доселѣ, подтвержденное законами, привиллегіями, конфедераціями и присягами королевскими, должно быть оставлено въ цѣлости и подтверждено, безъ перемѣны обрядовъ и прежней патріаршей власти; 3) не принимать новаго календаря, явно противнаго церковнымъ правиламъ, а сохранить ненарушимо употребленіе стараго календаря, согласно съ указами короля Стефана и другими о томъ постановленіями. По выслушаніи соборомъ инструкцій, кіево-печерскій архимандритъ высказалъ

свое мнѣніе, что съ отступниками слѣдуетъ поступить по канонамъ и опредѣленіямъ св. отцевъ, и предсѣдатель призналъ мнѣніе справедливымъ ([602]).

Тутъ соборныя разсужденія были прерваны. Доложено было, что королевскіе послы прислали собору предложеніе выслать къ нимъ депутатовъ для выслушанія королевской воли. Въ числѣ принесшихъ предложеніе находился и іезуитъ Петръ Скарга. Онъ вызвалъ князя Константина Острожскаго съ сыномъ его Александромъ въ особую, небольшую комнату, и вступилъ съ ними въ тайную бесѣду, стараясь склонить ихъ къ уніи. Протосинкеллъ Никифоръ, услышавъ объ этомъ, сказалъ, что Скаргѣ, вмѣсто діалектическихъ упражненій въ какомъ нибудь углу, приличнѣе было бы придти въ засѣданіе собора и вести открытый диспутъ съ учеными богословами: такъ какъ мы и просили всѣхъ, желающихъ возражать противъ догматовъ и обрядовъ восточной церкви, приходить къ намъ и вести съ нами публичныя пренія. Попытка іезуита поколебать князя осталась тщетною. Соборъ избралъ и послалъ къ королевскимъ посламъ по четыре депутата отъ кола духовнаго и отъ кола свѣтскаго; съ ними же, по просьбѣ пословъ, отправились и владыки львовскій и перемышльскій съ нѣсколькими священниками. Рѣчь королевскихъ пословъ къ депутатамъ, въ присутствіи самого князя Острожскаго, была очень продолжительна. Послы, прежде всего, напомнили, какъ, три года тому назадъ, и владыки львовскій и перемышльскій, вмѣстѣ съ другими владыками, заявили королю о своемъ желаніи принять унію; какъ и князь Острожскій съ тою же цѣлію, нѣсколько

([602]) Ekthesis, str. 8—22; Синодал. универсал.—въ Апокрис. 19; въ Архивѣ 523—524.

лѣтъ назадъ, сносился, чрезъ Поссевина, съ папою Григоріемъ XIII, а недавно самъ просилъ короля созвать соборъ. Потомъ укоряли русскихъ, что они прибыли на соборъ съ вооруженною силою, допустили къ себѣ разныхъ еретиковъ, составили съ ними особый синодъ или сходку, и не въ церкви, а въ еретическомъ домѣ, поставили главою своей сходки грека Никифора, бѣглеца, союзника турокъ на погибель Польши, дозволяютъ свѣтскимъ людямъ вмѣшиваться въ дѣла собора... и проч. Наконецъ, послы призывали православныхъ, въ особенности дворянъ, къ соединенію съ католиками-соотечественниками именемъ Бога, короля и отечества, указывая на то, что отечеству, при внутреннихъ несогласіяхъ, грозитъ опасность отъ турокъ и неволя, какой подпали греки-отщепенцы и другіе еретики. По окончаніи своей рѣчи, послы ожидали, что депутаты вступятъ въ диспутацію объ уніи, и для этого пригласили іезуита Скаргу и товарища его Іуста Роба; но депутаты сказали, что имъ необходимо скорѣе донести собору о томъ, что слышали они отъ королевскихъ пословъ, и потомъ доставить послѣднимъ отвѣтъ собора. Вечеромъ тогоже дня послы дѣйствительно получили отъ членовъ православнаго собора слѣдующій отвѣтъ: «Мы принимаемъ, съ великою признательностію и благодарностію, отеческое попеченіе короля о водвореніи ненарушимаго согласія между его подданными и весьма рады приступить къ тому, какъ по христіанскому долгу, такъ и по желанію исполнить волю его королевской милости. Но мы видимъ изъ исторіи, что св. соединеніе церквей уже нѣсколько разъ было установляемо и столько же разъ было расторгаемо, потому что не были устраняемы всѣ къ нему препятствія. Не желая болѣе напрасно воздвигать такого непрочнаго зданія, мы желаемъ, чтобы къ соединенію церквей приступлено было съ возможною осмотрительностію, и избраны были надлежащіе пути и средства, и чтобы унія, созданная на прочномъ основаніи, могла существовать долго и, дай Боже, вѣчно. Но зная, какіе люди, въ настоящее время, подали поводъ къ переговорамъ о соединеніи церквей, зная, что нѣтъ на это согласія всей восточной церкви и особенно патріарховъ, что переговоры объ уніи поручено вести владыкамъ, большею частію, подозрительнымъ, и что разности въ членахъ вѣры между обоими исповѣданіями не могутъ быть примирены здѣсь, мы не видимъ нынѣ добраго основанія для соединенія церквей. А чтобы наше несогласіе на унію не было объяснено королевскими послами въ дурную сторону и не навлекло на насъ королевской немилости, мы объявляемъ, что охотно приступимъ къ соединенію съ римскимъ костеломъ, когда согласится на то вся восточная церковь и особенно патріархи, когда для этого избраны будутъ законные пути и приняты надлежащія мѣры, когда соглашены будутъ, въ самомъ основаніи, всѣ разности въ догматахъ и обрядахъ между восточною и западною церковію, и когда, такимъ образомъ, проложится дорога къ прочному и неразрывному ихъ соединенію». Отправивъ своихъ депутатовъ къ королевскимъ посламъ, православный соборъ занялся разсмотрѣніемъ дѣла виленскихъ братскихъ—проповѣдника Стефана Зизанія и священниковъ Василія и Герасима, преданныхъ проклятію митрополитомъ Рогозою за какую-то будтобы ересь, совершенно оправдалъ ихъ и возстановилъ во всѣхъ правахъ и обязанностяхъ, остальное же время дня посвятилъ богословскимъ бесѣдамъ о папской власти и другихъ предметахъ: вопросы предлагаемы были разны-

ми членами, отвѣты давали протосинкеллы Никифоръ и Кириллъ, и эти бесѣды записаны были въ соборные акты. А королевскіе послы, получивъ отвѣтъ православнаго собора, увидѣли, что нѣтъ никакой возможности примирить обѣ стороны, уніатскую и православную, и соединить ихъ для общихъ совѣщаній. Тѣмъ и кончился третій день настоящаго собора ([603]).

Четвертый день собора, суббота, 9-е октября, былъ самый рѣшительный. Королевскіе послы сказали своимъ бискупамъ и владыкамъ, чтобы они дѣлали то, за чѣмъ собрались, не обращая вниманія на другую сторону собравшихся, болѣе еретическую, чѣмъ греческую, т. е. православную. И вотъ бискупы и владыки, облачившись въ свои полныя церковныя облаченія, вмѣстѣ съ другими духовными: протопопами, попами, архимандритами и игуменами, отправились въ церковь св. Николая, при колокольномъ звонѣ и пѣніи, сопровождаемые множествомъ свѣтскихъ пановъ и народа; совершили тамъ молебствіе къ Богу о соединеніи христіанъ и заняли свои мѣста: на одной сторонѣ сѣли папскіе и королевскіе послы, а на другой митрополитъ съ владыками. Тотчасъ поднялся съ мѣста архіепископъ полоцкій Германъ, имѣя въ рукахъ грамату на пергаменѣ, подписанную митрополитомъ и вла-

([603]) Ekthesis 23—24; Вѣстов. отписк. неизвѣстныхъ—въ А. З. Р. IV, № 106, стр. 145—146. Рѣчь королевскихъ пословъ у Скарги, вѣроятно, имъ же самимъ и сочиненная: Synod Brzeski (въ Апокрис. 404—410). Отвѣтъ членовъ православнаго собора королевскимъ посламъ—въ Синодал. универсалѣ (Апокр. 20; Архив. 524—525). А Скарга не устыдился представить этотъ умный отвѣтъ въ слѣдующемъ искаженномъ видѣ: «соединеніе церквей греческой и латинской—дѣло великое и глубокое, а у насъ головы мелкія; потому ни во что входить не желаемъ. Пытались достигнуть этого великіе короли и не могли довести до конца; и мы не въ состояніи этого сдѣлать» (Synod Brzeski, въ Апокр. 411). Соборная грамата объ оправданіи Стефана Зизанія и другихъ—А. З. Р. IV, № 105.

дыками и скрѣпленную ихъ печатями, и вступивъ на амвонъ, прочелъ ее во всеуслышаніе. Въ граматѣ этой митрополитъ и владыки, во имя тривостаснаго Бога, объявляли всѣмъ «на вѣчную память», что, признавая главенство папы надъ церковію Христовою (которое будтобы признавалось всегда отъ начала...), они посылали въ Римъ двухъ своихъ братій съ просьбою къ папѣ принять ихъ въ соединеніе съ римско-католическою церковію и сохранить имъ только обрядность восточной церкви, что папа согласился на ихъ просьбу и приказалъ имъ созвать соборъ и учинить исповѣданіе св. католической вѣры и дать клятву на покорность римскому престолу, и что, наконецъ, они учинили это нынѣ, на соборѣ, какъ свидѣтельствуютъ ихъ листы, собственноручно ими подписанные и скрѣпленные ихъ печатями, которые они и вручили тремъ посламъ св. отца-папы, бискупамъ, въ присутствіи ихъ милостей, пословъ короля, и многихъ другихъ, духовныхъ и свѣтскихъ, лицъ, находящихся на соборѣ. Такимъ образомъ, вся цѣль уніатскаго собора въ Брестѣ состояла, несомнѣнно, лишь въ томъ, чтобы митрополитъ и владыки, желавшіе уніи, повторили то самое исповѣданіе и ту самую клятву, какія произнесены были въ Римѣ Потѣемъ и Терлецкимъ, изложили все это на особыхъ листахъ и утвердили своими подписями и печатьми. И очевидно, что листы митрополита и владыкъ были написаны ими, подписаны и скрѣплены еще прежде 9-го октября, равно какъ и самая грамата, которая прочитана была теперь на соборѣ полоцкимъ архіепископомъ ([604]). Какъ

([604]) По этому-то грамата, читанная на соборѣ, помѣчена въ русскомъ текстѣ 8-мъ октября, когда она, вѣроятно, была писана и подписана, а въ польскомъ текстѣ—9-мъ окт., когда она была читана на соборѣ (А. З. Р. IV, № 103; *Скарг.* Synod Brzeski—въ Апокрис. 412). Подъ граматою подписались,

только окончилось чтеніе граматы, тотчасъ бискупы западной церкви бросились къ бискупамъ восточной, облобызались съ ними и, въ живѣйшей радости, воспѣли вмѣстѣ хвалебную пѣснь тривостасному Богу; потомъ въ тѣхъ же своихъ облаченіяхъ и со всѣмъ соборомъ пошли въ латинскій костелъ Маріи и тамъ торжественно воспѣли: Te Deum laudamus. Не довольствуясь однимъ этимъ торжествомъ, по случаю соединенія съ римскою церковію, митрополитъ и владыки доставили себѣ еще другое торжество. Они лишили сана и священства и предали проклятію Гедеона, епископа львовскаго, и Никифора Тура, кіево-печерскаго архимандрита, и въ тотъ же день дали имъ знать объ этомъ своими граматами: таже, безъ сомнѣнія, участь постигла вмѣстѣ и прочихъ духовныхъ, дѣйствовавшихъ съ Гедеономъ на православномъ соборѣ, хотя граматы къ нимъ до насъ не дошли. А на слѣдующій день, 10-го октября, митрополитъ и владыки издали окружную соборную грамату и чрезъ нее объявляли всѣмъ духовнымъ и мірянамъ, что епископы Гедеонъ Болобанъ и Михаилъ Копыстенскій, также архимандриты, игумены, протопопы и попы (большею частію въ граматѣ поименованные), которые не согласились принять унію, предаются проклятію и лишаются сана и священства навсегда, равно и всѣ тѣ, которые не перестанутъ имѣть ихъ за епископовъ или пресвитеровъ, подвергаются томуже проклятію, и что настоящее свое рѣшеніе соборъ представилъ уже на утвержденіе королю, дабы онъ

кромѣ митрополита и пяти другихъ владыкъ, изъ всего, прежде подчиненнаго имъ, духовенства, только три архимандрита: Богданъ Годкинскій—Климентъ архимандритъ браславскій, Гедеонъ Бролницкій архимандритъ лаврашевскій, Паисій архимандритъ минскій.

могъ, по своему усмотрѣнію, отдать мѣста всѣхъ, лишенныхъ теперь духовнаго сана, другимъ лицамъ ([605]).

Не менѣе рѣшительныя дѣйствія совершились, въ четвертый день, и на православномъ соборѣ. Засѣданіе открылось съ ранняго утра, и соборъ немедленно приступилъ къ суду надъ митрополитомъ и владыками, отступниками. Протосинкеллъ Никифоръ, излагая съ подробностію вины ихъ, говорилъ, что они: а) нарушили клятву, данную при рукоположеніи ихъ, которою признали надъ собою власть цареградскаго патріарха (тутъ приведены были самыя слова изъ архіерейской присяги); б) нарушили постановленія древнихъ соборовъ, опредѣлившихъ права цареградскаго патріарха, уравнявшихъ его каѳедру съ римскою и запретившихъ епископамъ одного церковнаго округа относиться въ другой округъ, вмѣсто своего (тутъ приведены были самыя постановленія соборовъ); в) самовольно, безъ воли своего патріарха, рѣшили вопросъ о соединеніи церквей, который можетъ подлежать обсужденію и рѣшенію только вселенскаго собора (тутъ перечислены были самыя разности между церквами восточною и западною, препятствующія ихъ соединенію); г) оказали пренебреженіе къ троекратнымъ позвамъ настоящаго собора, которыми приглашались на судъ. Какъ только были изложены вины митрополита Рогозы и единомысленныхъ съ нимъ владыкъ, соборъ потребовалъ, чтобы тотчасъ объявленъ былъ и приговоръ надъ ними. Тогда Никифоръ, вставъ на возвышеніи и держа въ правой рукѣ крестъ, а въ лѣвой евангеліе, громко произнесъ: «св. Божія восточная церковь повелѣваетъ намъ и настоящему собору, чтобы митрополитъ Михаилъ и поименованные

([605]) Synod Brzeski—въ Апокрис. 411—415; A. З. P. IV, №№ 107—109.

съ нимъ владыки лишены были архіерейскаго достоинства и служенія, епископской власти и всякаго духовнаго сана». Приговоръ подписали всѣ члены духовнаго кола, и только духовнаго, какъ и слѣдовало, и въ тотъ же день послали объявить митрополиту и единомысленнымъ съ нимъ владыкамъ, что они, за свое отступничество отъ православной церкви и непокорность св. канонамъ, низложены и лишены всякаго церковнаго сана ([606]). А въ дополненіе къ этому приговору отъ лица всѣхъ членовъ собора, духовныхъ и мірянъ, было опредѣлено: просить короля чрезъ депутатовъ, чтобы онъ не удерживалъ низложенныхъ архипастырей въ ихъ теперешнемъ служеніи, лишилъ ихъ того духовнаго хлѣба, которымъ они доселѣ пользовались, и благоволилъ, на мѣсто ихъ, назначить для православныхъ другаго митрополита и владыкъ. Въ заключеніе всего присутствовавшіе на соборѣ сдѣлали въ тотъ же день два слѣдующія, довольно сходныя между собою, заявленія. *Первое*: «мы даемъ обѣтъ вѣры, совѣсти и чести, за себя и за нашихъ потомковъ, не слушать этихъ, осужденныхъ соборнымъ приговоромъ, митрополита и владыкъ, не повиноваться имъ, не допускать ихъ власти надъ нами, напротивъ, сколько возможно, противиться ихъ опредѣленіямъ, дѣйствіямъ и распоряженіямъ, и стоять твердо въ нашей св. вѣрѣ и при истинныхъ пастыряхъ нашей св. церкви, особенно при нашихъ патріархахъ, не оставляя стараго календаря, тщательно сохраняя огражденное законами общее спокойствіе и сопротивляясь всѣмъ притѣсненіямъ, насиліямъ и новизнамъ, которыми бы стали препятствовать цѣлости и свободѣ нашего богослуженія, совершаемаго по древнему обычаю. Объявляемъ объ этомъ

([606]) Ekthesis, str. 24—33; A. 3. P. IV, № 104.

торжественно, прежде всего, предъ Господомъ Богомъ, потомъ и всему свѣту и, въ особенности, всѣмъ обитателямъ Короны, великаго княжества литовскаго и областей, къ Коронѣ принадлежащихъ». *Второе*: «Мы сенаторы, сановники, урядники и рыцарство, а также и духовныя лица, греческой вѣры, сыны восточной церкви, собравшіеся сюда въ Брестъ на соборъ, достовѣрно узнали нынѣ отъ самихъ вельможныхъ пановъ, присланныхъ на соборъ его королевскою милостію, что они съ митрополитомъ и нѣсколькими владыками, отступниками отъ греческой церкви, составили и обнародовали, безъ нашего вѣдома и противъ нашей свободы и всякой справедливости, какую-то унію между церквами восточною и западною. Мы протестуемъ противъ всѣхъ этихъ лицъ и ихъ несправедливаго дѣянія и обѣщаемся не только не подчиняться, но, съ Божіею помощію, всѣми силами сопротивляться имъ, а наше постановленіе, сдѣланное противъ нихъ, будемъ подкрѣплять и утверждать всѣми возможными средствами, и особенно нашими просьбами предъ его королевскою милостію» ([607]).

Вмѣсто одного, два собора образовались въ Брестѣ для окончательнаго рѣшенія вопроса объ уніи или соединеніи съ Римомъ. На одномъ соборѣ унія единогласно была отвергнута и принявшіе ее іерархи лишены сана; на другомъ—унія торжественно была принята и всѣ духовныя лица, отвергнувшія ее, не только лишены сана, но и преданы проклятію, вмѣстѣ съ тѣми, кто сталъ бы признавать ихъ въ прежнемъ санѣ, т. е. вмѣстѣ со всѣми православными. И оба собора, для утвержденія и осуществленія своихъ рѣшеній, обратились къ королю:

([607]) Синодал. универсал.—въ Апокрис. 22—24; въ Архив. югозапад. Россіи, ч. I, т. I, стр. 526—532.

напередъ можно было сказать, какую сторону приметъ король. Такъ состоялась церковная унія въ Литвѣ, и совершилось раздѣленіе западно-русской церкви на двѣ, хотя, особенно въ началѣ, далеко неравныя части! Такъ окончился періодъ этой церкви или митрополіи, когда она на всемъ своемъ пространствѣ признавала надъ собою только одного верховнаго первосвятителя—константинопольскаго патріарха!...

IV.

Церковная унія въ западно-русскомъ краѣ дѣйствительно состоялась и начала существовать только съ 1596 г.; но подготовлялась она еще съ самаго начала настоящаго періода литовской митрополіи, съ самаго отдѣленія ея отъ московской. Первымъ митрополитомъ въ Литву присланъ былъ уніатъ, ученикъ уніата Исидора, Григорій болгаринъ, присланъ отъ самого папы и съ тою цѣлію, чтобы насадить и утвердить здѣсь унію. Попытка Григорія не удалась: послѣдовала вторая попытка. Не удалась и вторая: послѣдовала третья. Такъ прошло, безъ малаго, полустолѣтіе! Послѣ третьей неудавшейся попытки насадить въ Литвѣ унію подобныя попытки долго не повторялись. Но мысль объ уніи не умирала; приниженіе русской церкви передъ латинскою не прекращалось; притѣсненія православнымъ, хотя изрѣдка, возобновлялись. А самое главное—все отношеніе латино-польскаго правительства къ православной церкви направлено было къ тому, чтобы болѣе и болѣе ее внутренно разстроивать, ослаблять, обезсиливать и дѣлать неспособною сопротивляться латинской пропагандѣ. И эта скрытная дѣятельность на пользу уніи, начавшаяся еще

въ прежнее время, теперь не только не уменьшалась, напротивъ постоянно возрастала и приносила самые гибельные плоды для православія. Такъ продолжалось болѣе полустолѣтія! Протестанство въ Литвѣ страшно поразило латинянъ, и имъ, казалось, было уже не до уніи. Но оно же скоро пробудило ихъ отъ усыпленія и возбудило въ нихъ чрезвычайную энергію; оно же нанесло вредъ и православнымъ, ослабило ихъ еще болѣе, и тѣмъ облегчило успѣхъ надъ ними для латинянъ. Явились въ Литву іезуиты, и мысль объ уніи проявилась съ новою силою. Долго боролись они преимущественно съ протестантствомъ, пока не сломили его, не обуздали; но въ то же время начали дѣйствовать и противъ православныхъ всѣмъ, чѣмъ только могли; подробно объяснили имъ, особенно въ книгѣ сочлена своего, Скарги, о единствѣ церкви, чего хотятъ и добиваются отъ нихъ; иныхъ увлекли, другихъ поколебали, и хотя во многихъ православныхъ возбудили и противодѣйствіе своимъ планамъ, но, къ сожалѣнію, только въ православныхъ мірянахъ, а отнюдь не въ пастыряхъ и архипастыряхъ церкви. Такъ протекло еще болѣе тридцати лѣтъ!

Настало, наконецъ, время для дѣйствительнаго введенія уніи, которая подготовлялась столь долго. Тутъ іезуиты отодвинулись на второй планъ, а на первый выступили новые ревнители уніи: латинскіе прелаты и самъ польскій король, а съ другой стороны нѣкоторые изъ русскихъ и преимущественно владыки. Около половины 1588 г., когда цареградскій патріархъ Іеремія проѣзжалъ черезъ Литву въ Россію, два человѣка, одинъ латинянинъ, другой православный, луцкій бискупъ Бернардъ Маціевскій и брестскій судья Адамъ Потѣй, имѣли между собою свиданіе. Послѣдній съ величайшею настойчивостію

убѣждалъ перваго, чтобы латинскіе епископы и богословы воспользовались проѣздомъ патріарха для привлеченія русскихъ къ уніи, вызвавъ его на религіозныя пренія, и увѣрялъ, что многіе знатные русскіе уже готовы принять ее. И Маціевскій съ радостію приглашалъ къ тому же и папскаго нунція. Воспользовались ли, въ самомъ дѣлѣ, латиняне пребываніемъ Іереміи въ Литвѣ, довольно продолжительнымъ, которое случилось уже на возвратномъ пути его изъ Россіи въ слѣдующемъ, 1589 г., и какъ воспользовались, имѣла ли ихъ попытка успѣхъ и исполнилось ли сколько нибудь желаніе Потѣя, съ достовѣрностію неизвѣстно, хотя патріархъ отъ собесѣдованій съ ними о вѣрѣ уклонялся; но все это послужило какбы приступо къ дѣйствительному введенію уніи. Дѣло продолжалось ок о семи лѣтъ и совершалось, большею частію, скрытно; но, насколько обнаруживалось, прошло въ своемъ поступательномъ движеніи четыре главныхъ фазиса.

Въ 1590 г. іезуитъ Скарга вновь издалъ свою книгу о единствѣ церкви, и здѣсь прямо говорилъ, что заботиться объ уніи есть долгъ не одного католическаго духовенства въ Литвѣ и Польшѣ, но и долгъ самого короля и католическихъ пановъ, долгъ и русскихъ пановъ и особенно русскихъ іерарховъ. Въ слѣдующемъ году четыре русскихъ епископа, съ Терлецкимъ во главѣ, заявили королю свое желаніе принять унію на извѣстныхъ условіяхъ со стороны короля и папы. Еще въ слѣдующемъ, т. е. 1592 г., король отвѣчалъ этимъ епископамъ полнымъ своимъ согласіемъ, полною готовностію исполнить ихъ желаніе; а львовское православное братство извѣщало патріарха, что многіе русскіе, въ виду крайнихъ безпорядковъ въ своей церкви, положили совѣтъ предаться папѣ. Еще въ

слѣдующемъ Адамъ Потѣй сдѣлался епископомъ владимірскимъ и брестскимъ, и самъ князь Острожскій убѣждалъ его своимъ письмомъ хлопотать объ уніи, хотя понималъ ее въ особомъ смыслѣ. А къ маю 1594 года король, съ своими сенаторами, духовными и свѣтскими, избралъ и уполномочилъ двухъ русскихъ владыкъ, Потѣя и Терлецкаго, ѣхать въ Римъ для принятія уніи: фазисъ первый!

Къ концу 1594 г. Потѣй и Терлецкій составили декретъ отъ имени всѣхъ русскихъ епископовъ стараться всѣми мѣрами о введеніи уніи; четыре епископа подписали въ Соколѣ особый приговоръ о своемъ согласіи на унію, изложивъ ея условія, и за тѣмъ самъ митрополитъ письменно выразилъ такое же свое согласіе и свои условія. Въ началѣ слѣдующаг (1595) года помѣстный соборъ духовенства во Львовѣ, под предсѣдательствомъ Гедеона Болобана, опредѣлилъ подчиниться папѣ и просить митрополита и владыкъ, чтобы они окончили дѣло объ уніи съ римскою церковію безъ отлагательства. А въ первыхъ числахъ іюня явились два важнѣйшихъ документа: подробные «артикулы» или условія уніи и соборное посланіе объ ней къ римскому первосвященнику. Въ этихъ документахъ митрополитъ и владыки уполномочивали, и съ своей стороны, избранныхъ королемъ депутатовъ, Потѣя и Терлецкаго, ѣхать въ Римъ для принятія уніи: фазисъ вторый!

Какъ только огласилось это рѣшеніе митрополита и владыкъ, тотчасъ раздались противъ него сильные протесты православныхъ: въ Львовѣ, Новогродкѣ, Вильнѣ и другихъ мѣстахъ, и во главѣ протестовавшихъ сталъ могущественный князь Острожскій. Король старался успокоить недовольныхъ своими граматами, убѣжденіями, обѣщаніями, угрозами. Митрополитъ

силился увѣрить всѣхъ, что онъ вовсе непричастенъ дѣлу объ уніи, что онъ ревнуетъ о православіи, и въ тоже время преслѣдовалъ наиболѣе выдававшихся противниковъ уніи духовными наказаніями. Волненія между православными не только не прекращались, но еще увеличивались. Но несмотря на то, по волѣ короля, уполномоченные его, митрополита и владыкъ, Потѣй и Терлецкій поѣхали въ Римъ, и 23 декабря приняли тамъ унію: фазисъ третій!

По возвращеніи уполномоченныхъ изъ Рима (въ началѣ марта 1596 г.), поднялись новые протесты противъ уніи отвсюду, гдѣ только обитали православные. Земскіе послы, избранные на провинціальныхъ сеймахъ, явились на генеральный сеймъ въ Варшаву, подали просьбы королю, вмѣстѣ съ княземъ Острожскимъ, и за тѣмъ торжественно заявили на сеймѣ отъ лица всѣхъ православныхъ, что они не хотятъ уніи, и что Потѣй и Терлецкій, какъ измѣнники и отступники, должны быть лишены сана и своихъ епархій. Король счелъ нужнымъ утвердить вновь, своими граматами, за Потѣемъ и Терлецкимъ ихъ епархіи; старался ограждать митрополита отъ возстаній противъ него и оскорбленій, издавалъ строгіе указы на противниковъ уніи и, наконецъ, повелѣлъ митрополиту созвать въ Брестѣ соборъ. Въ Брестѣ образовались (6—9 окт.) два собора: одинъ изъ православныхъ, другой изъ ревнителей уніи. На первомъ унія была отвергнута, на послѣднемъ—торжественно принята: фазисъ четвертый и послѣдній!

Когожъ слѣдуетъ назвать виновникомъ церковной уніи въ Литвѣ? Не одного, а многихъ виновниковъ имѣла церковная унія, подъ вліяніемъ которыхъ она, впродолженіе почти ста пятидесяти лѣтъ, подготовлялась и, наконецъ, насаждена. Это

были, съ одной стороны, константинопольскіе патріархи, а съ одной—польскіе короли, съ одной—русское, а съ другой латинское духовенство и особенно іезуиты въ Литвѣ и Польшѣ.

Патріархи Царяграда считались верховными архипастырями надъ западно-русскою церковію; но не обращали на нее почти никакого вниманія, не имѣли о ней ни малѣйшаго попеченія. Какъ ни горестно было ихъ собственное положеніе, какъ ни далеко отъ нихъ находилась западная Русь; но это не освобождало ихъ отъ священнѣйшей обязанности по отношенію къ подвѣдомой имъ митрополіи. Лишь изрѣдка, когда здѣсь нуженъ былъ новый митрополитъ, патріархи, по предварительной просьбѣ изъ Литвы, присылали свое благословеніе избранному митрополиту, или своихъ экзарховъ для посвященія его, получали денежную благодарность, и тѣмъ дѣло оканчивалось. Во весь длинный періодъ до самого патріарха Іереміи II едва можно указать пять-шесть патріаршихъ граматъ, присланныхъ въ Литву къ какому-либо митрополиту (Іосифу Болгариновичу), или въ какой либо монастырь (кіево-печерскій, супрасльскій), и то граматъ по частнымъ случаямъ и предметамъ, а не по общимъ потребностямъ церкви. Не разу ни одинъ патріархъ не посѣтилъ лично своей литовской паствы, чтобы ближе видѣть ея нужды и удовлетворить ихъ, не присылалъ даже отъ себя какого либо нарочито-уполномоченнаго, который бы пожилъ здѣсь достаточное время и принялъ какія либо мѣры противъ непрестанно усиливавшихся безпорядковъ. Часто приходили сюда греки духовнаго сана изъ цареградской патріархіи, какъ и изъ другихъ, ради собственныхъ нуждъ, для собиранія милостыни, и нерѣдко вмѣшивались здѣсь въ церковныя дѣла, но своими вмѣшатель-

ствами производили только новые безпорядки и за эти вмѣшательства справедливо осуждены впослѣдствіи самимъ патріархомъ Іереміею II, а за свои притязательныя требованія милостыни, за свои поборы съ церквей и монастырей заслужили отъ здѣшнихъ іерарховъ имя грабителей. Этотъ самый Іеремія былъ лучшимъ патріархомъ для литовской митрополіи и болѣе всѣхъ сдѣлалъ для нея своими посланіями и наставленіями относительно новаго календаря, учрежденіемъ въ ней двухъ главнѣйшихъ братствъ, львовскаго и виленскаго, и при нихъ училища и типографіи, и нѣкоторыми дальнѣйшими своими распоряженіями и граматами, касавшимися общихъ потребностей мѣстной церкви. Онъ первый изъ патріарховъ рѣшился посѣтить ее лично; но,—надобно говорить правду,—посѣтить не столько ради ея нуждъ, сколько ради нуждъ собственныхъ: онъ крайне нуждался въ деньгахъ для построенія себѣ новаго, патріаршаго, храма, въ замѣнъ прежняго, отобраннаго турками и обращеннаго въ мечеть. Надѣленный богатою милостынею и великими дарами въ Москвѣ, гдѣ поставилъ перваго патріарха, Іеремія возвратился въ Литву съ тою же главною мыслію, съ какою предпринялъ вообще свое дальнее путешествіе. Онъ посвятилъ здѣсь новаго митрополита, чрезъ нѣсколько времени потребовалъ отъ него платы ([608]). Странными кажутся и нѣкоторыя другія дѣйствія патріарха, если въ основѣ ихъ не предположить такой же платы и приношеній со стороны тѣхъ, къ кому дѣйствія относились. Странно, что два самые богатые епископа въ Литвѣ, луцкій и владимірскій, получили отъ патріарха такія достоинства, какія

([608]) Потребовалъ именно 15,000 аспръ, что̀ равнялось 250-ти талерамъ. А. З. Р. IV, № 149. стр. 208.

прежде никогда не существовали въ русской церкви: одинъ возведенъ въ званіе экзарха или кардинала, другой въ званіе протоѳрона. Еще страннѣе были отношенія патріарха къ епископамъ Гедеону Болобану и Кириллу Терлецкому. Сначала патріархъ повѣрилъ всему, что сообщилъ ему Гедеонъ о разныхъ преступленіяхъ Кирилла, и подписалъ нѣсколько грозныхъ граматъ противъ Кирилла; но какъ только явился Кириллъ, патріархъ началъ вѣрить ему, назвалъ Гедеона клеветникомъ, отмѣнилъ всѣ свои граматы противъ Кирилла, говоря, что подписалъ ихъ по незнанію русскаго языка, и объявилъ Кирилла оправданнымъ и прощеннымъ на всю его жизнь. А отношенія патріарха къ львовскому братству и епископу Гедеону? То поддерживалъ патріархъ братство, надѣлялъ его своими граматами и привиллегіями и охранялъ его отъ притязаній Гедеона; то уничтожалъ всѣ эти граматы и привиллегіи и отдавалъ братство подъ власть Гедеона, къ изумленію самаго братства; то снова вооружался за братство противъ Гедеона и не давалъ ему никакой пощады. Ненапрасно литовскіе епископы, въ томъ числѣ Терлецкій и Болобанъ, близко видѣвшіе дѣйствія патріарха, говорили потомъ на съѣздѣ въ Соколѣ, что патріархи пріѣзжаютъ въ Литву затѣмъ только, чтобы собрать побольше денегъ. и понадавали здѣсь граматъ на братства ради своихъ прибытковъ. Не даромъ и благочестивый воевода новогродскій Скуминъ, услышавъ объ уклоненіи Гедеона въ унію, сказалъ, что въ этомъ, безъ сомнѣнія, виноватъ и самъ патріархъ, который, своими непрестанными граматами за львовское братство противъ Гедеона, довелъ его до того, что онъ долженъ былъ броситься въ такое отщепенство. Да, патріархи цареградскіе могутъ

быть названы виновниками уніи въ томъ смыслѣ, что они своимъ нерадѣніемъ о западно-русской церкви допустили ее дойти до такого внутренняго разстройства, при которомъ ее легко могли одолѣть иновѣрцы, а своимъ своекорыстіемъ какбы отталкивали отъ себя ея сыновъ и, въ особенности, ея іерарховъ, и заставили ихъ искать себѣ другаго верховнаго архипастыря.

Но тогда, какъ патріархи дѣйствовали на разстройство и разслабленіе западно-русской церкви больше отрицательно, своимъ нерадѣніемъ о ней и небрежностію, литовско-польскіе государи содѣйствовали этому разстройству и разслабленію положительно. Отъ начала до конца періода всѣ польскіе короли, одни менѣе, другіе болѣе, злоупотребляли своимъ правомъ верховнаго патронатства надъ православною церковію, находившеюся въ ихъ владѣніяхъ. Они раздавали въ ней архіерейскія мѣста неразборчиво и безразсудно, людямъ, вовсе къ тому неприготовленнымъ, за воинскія и гражданскія заслуги, за деньги, по ходатайствамъ, по проискамъ и под.; раздавали одни и тѣже мѣста разомъ двумъ-тремъ лицамъ и часто еще при жизни іерарховъ, занимавшихъ эти мѣста. Оттого высшая іерархія, мало-по-малу, совершенно ниспала и потеряла свои нравственныя силы и значеніе. Не стало архипастырей, достойныхъ своего званія по своему образованію и жизни, по ревности и заботливости о пользахъ церкви, архипастырей-наставниковъ, руководителей, охранителей и защитниковъ для паствы въ дѣлахъ вѣры. На архіерейскихъ каѳедрахъ явились настоящіе паны, которые искали себѣ въ архіерействѣ только права владѣть архіерейскими имѣніями, и потомъ стремились къ одному, чтобы воспользоваться этими

имѣніями и, по возможности, пріобрѣтать еще новыя. Заботились лишь о себѣ и о своихъ выгодахъ, а о своей духовной паствѣ почти забывали и пренебрегали ею. За то и паства почти не признавала ихъ за своихъ пастырей, соблазнялась ихъ поведеніемъ и жизнію, и иногда называла ихъ даже, какъ мы видѣли, не святителями, а скверителями. Эти пастыри постыдно бросали свое духовное стадо, когда на него нападали враги, предоставляли ему самому защищаться и отбиваться, какъ оно могло и умѣло, и способны были совсѣмъ пожертвовать имъ для своихъ выгодъ. Въ тоже время короли не менѣе безразсудно раздавали православные монастыри свѣтскимъ лицамъ или отдавали по два, по три монастыря панамъ архіереямъ, которые, большею частію, только грабили, разоряли и опустошали монастырскія имѣнія, а самые монастыри доводили до обнищанія, до развалинъ и до оскудѣнія или низвращенія въ нихъ монашеской жизни. И такимъ образомъ подрывалась въ корнѣ еще одна нравственная сила въ мѣстной церкви—монашество, которое въ другихъ церквахъ часто подготовляло и давало достойнѣйшихъ іерарховъ, имѣло самое благотворное вліяніе на нравственное воспитаніе народа, и, въ минуты религіозныхъ движеній и опасностей, укрѣпляло народъ въ православной вѣрѣ и удерживало его отъ увлеченія въ ереси и расколы. Тогда какъ патріархи только какбы отталкивали отъ себя западноруссовъ и ихъ іерарховъ, польскіе короли положительно влекли ихъ къ папѣ и римской церкви, одни менѣе, другіе болѣе. Они то не допускали православныхъ къ высшимъ гражданскимъ должностямъ, которыя предоставляли только латинянамъ, въ силу извѣстнаго городельскаго постановленія; то не

давали православнымъ свободы въ построеніи церквей и въ отправленіи церковныхъ обрядовъ, какою пользовились латиняне; то употребляли насильственныя мѣры противъ православныхъ и попускали преслѣдованія за приверженность къ православію и нежеланіе принять латинство; то дѣйствовали обѣщаніями льготъ и дарованіемъ льготъ тѣмъ, которые склонялись на принятіе уніи. Послѣдній король, Сигизмундъ III превзошелъ въ этомъ всѣхъ своихъ предмѣстниковъ. При немъ началось, при немъ же и окончилось самое введеніе уніи, и безъ его рѣшительнаго участія унія не была бы введена. Когда нѣкоторые владыки и митрополитъ уже заявили письменно свое желаніе принять унію, но еще не согласились между собою вмѣстѣ, не подписали общаго посланія къ папѣ, и начали-было колебаться, ихъ удержалъ только страхъ предъ королемъ. Припомнимъ замѣчательныя слова Потѣя къ митрополиту: «если ты не пріѣдешь (въ Брестъ для совѣщаній), то, право, ты насъ выдашь на снѣденіе; насъ погубишь, да и самъ не воскреснешь: ибо это не съ своимъ братомъ шутишь». Рады-не-рады, а уже должны были вести начатое дѣло до конца. Когда, послѣ подписанія соборнаго посланія къ папѣ митрополитомъ и владыками, поднялись протесты и смуты въ народѣ, когда сами даже владыки, вслѣдъ за мірянами, начали просить у короля созванія собора, который могъ разстроить дѣло и воспрепятствовать отъѣзду избранныхъ депутатовъ въ Римъ, король рѣшительно отказалъ въ соборѣ и велѣлъ депутатамъ ѣхать въ Римъ. Когда, по возвращеніи ихъ, земскіе послы отъ лица всѣхъ православныхъ подали просьбу королю и публично заявили на варшавскомъ сеймѣ, что они не желаютъ уніи, король не обратилъ на эти просьбы и заявленія

никакого вниманія, а велѣлъ созвать соборъ и прислалъ на соборъ своихъ могущественныхъ пословъ, подъ охраною которыхъ унія и была провозглашена. Сигизмундъ III былъ самымъ сильнымъ, хотя и не главнымъ, виновникомъ уніи.

Православное духовенство въ Литвѣ и Польшѣ, при господствовавшей тамъ системѣ раздачи епархій, монастырей, иногда и церквей, и оставленное почти безъ всякаго надзора со стороны цареградскаго патріарха, естественно, не могло отличаться и не отличалось соотвѣтствіемъ своему высокому призванію. Уже на виленскомъ соборѣ 1509 г. слышались жалобы, что архіерейскія, настоятельскія и священническія мѣста покупаются нѣкоторыми за деньги и, при томъ, при жизни архіереевъ, настоятелей и священниковъ, занимавшихъ тѣ мѣста; что архіереи не имѣютъ попеченія о своихъ паствахъ, а занимаются мірскими дѣлами, не слушаются своего митрополита и не ѣздятъ къ нему на соборы; что монахи самовольно отлучаются изъ монастырей и бродятъ повсюду, священники переходятъ изъ епархіи въ епархію безъ разрѣшенія начальства, а вдовые священники открыто живутъ съ наложницами. Къ 1546 г. безчиніе и безпорядки въ православномъ духовенствѣ и особенно распущенность и заблужденія («блуды») между владыками усилились до того, что самъ король приказалъ митрополиту созвать соборъ и принять какія либо мѣры противъ этого безчинія и распущенности. А къ концу періода нравственный упадокъ въ православномъ духовенствѣ достигъ послѣдней степени. Не стало учителей,—будемъ говорить словами современниковъ, свидѣтельства которыхъ мы привели прежде,—не стало проповѣди Слова Божія, не стало науки; все ниспроверглось. Въ честныхъ монастыряхъ, вмѣ-

сто игуменовъ и братіи, жили игумены съ женами и дѣтьми и безбоязненно совершали святокрадства. Епископы похитили себѣ архимандритства и игуменства, ввели въ монастыри своихъ родственниковъ и мірскихъ урядниковъ, истощили всѣ церковныя имѣнія и испразднили иночество. Въ церквахъ священствовали двоеженцы, троеженцы и вообще люди порочные и безнравственные, несмотря на извѣстное распоряженіе патріарха Іереміи, и когда митрополитъ обличалъ ихъ на соборѣ предъ всѣми и требовалъ, чтобы они перестали священствовать, они отвѣчали: «пусть прежде перестанутъ святительствовать такіе же святители и послушаютъ закона; тогда и мы послушаемъ». На архіерейскія каѳедры возводились люди негодные и женатые, и потомъ невозбранно жили съ своими женами, а иные съ наложницами, и раждали дѣтей; иные предавались буйству и совершали набѣги съ оружіемъ въ рукахъ. Епископы не слушались патріарха, не подчинялись опредѣленіямъ соборовъ, а своего митрополита считали ни за что, и на его граматы и проклятія не обращали никакого вниманія. Такія великія нестроенія въ духовенствѣ, такое безчиніе и безпорядки, особенно между владыками, невольно смущали православныхъ мірянъ; многіе недоумѣвали, не настоитъ ли уже время погибели, а всѣ единогласно говорили: «если не исправится въ церкви такое беззаконіе, то мы въ конецъ разойдемся, отступимъ подъ римское послушаніе, и будемъ жить въ безмятежномъ покоѣ». Но если мірянъ владыки какъбы толкали въ унію своими безчинствами, то сами рѣшились принять ее по чувству своекорыстія, по желанію улучшить свое внѣшнее положеніе и пріобрѣсть себѣ новыя льготы и преимущества. Одною изъ самыхъ постоянныхъ жалобъ владыкъ

во весь періодъ была жалоба на свѣтскихъ людей, на ихъ притѣсненія по церковнымъ имѣніямъ и вмѣшательства въ церковныя справы и суды. Много разъ эти жалобы восходили до короля. Но, несмотря на всѣ королевскіе указы, притѣсненія и вмѣшательства не только не прекращались, а еще увеличивались и подъ конецъ періода достигли крайней степени. Въ 1590 г. владыки, какъ только собрались на соборъ въ Брестѣ, прежде всего передавали другъ другу, что они терпятъ чрезвычайныя и неслыханныя отягощенія отъ разныхъ чиновъ; а въ слѣдующемъ году нѣкоторые изъ владыкъ уже заявили королю свое желаніе принять унію, которое потомъ повторили и всѣ прочіе владыки и самъ митрополитъ. Въ своихъ условіяхъ уніи они прямо говорили, чтобы король обезпечилъ за ними всѣ ихъ церковныя имѣнія до конца ихъ жизни, чтобы имъ предоставлены были такія же права и преимущества, такое же положеніе въ государствѣ, какими пользовались латинскіе прелаты, и дарованы были, наравнѣ съ послѣдними, даже сенаторскія мѣста. Двое изъ владыкъ, Гедеонъ Болобанъ и Михаилъ Копыстенскій, по вліянію на нихъ князя Острожскаго или по внушеніямъ собственной совѣсти и собственныхъ соображеній, вò-время одумались и оставили унію, вмѣстѣ съ нѣкоторыми архимандритами, игуменами, протоіереями и священниками, подписавшимися-было на нее на львовскомъ соборѣ (28 генв. 1595 г.). Но остальные пять владыкъ и митрополитъ, съ немногими лицами изъ низшаго духовенства, до конца довели начатое дѣло и остались вѣрными ему на всю свою жизнь. Вождями изъ числа этихъ владыкъ, соединившими навсегда свои имена съ введеніемъ уніи въ Литвѣ, были Ипатій Потѣй, Кириллъ Терлецкій и митрополитъ Михаилъ

Рогоза: первый послужилъ дѣлу своимъ умомъ и образованіемъ, которымъ превосходилъ двухъ другихъ; второй—своею хитростію, изворотливостію и происками; третій—своею скрытностію, двоедушіемъ и самымъ возмутительнымъ фарисействомъ.

Латинское духовенство въ Литвѣ и Польшѣ, до появленія или, вѣрнѣе, до усиленія здѣсь протестантства, не отличалось особенною ревностію своей пропаганды, хотя и относилось къ схизматикамъ, т. е. православнымъ, какъ всегда и вездѣ, непріязненно и враждебно. Оно, безъ сомнѣнія, сочувствовало тѣмъ мѣрамъ,—если даже не само внушало ихъ,—какія принимались правительствомъ противъ православныхъ; участвовало въ тѣхъ притѣсненіяхъ, какія терпѣли православные отъ католиковъ, преимущественно въ Галиціи; не упускало случаевъ обратить того или другаго изъ православныхъ къ своей вѣрѣ. Но, впродолженіе цѣлаго столѣтія отъ начала періода, можко указать только на одного виленскаго бискупа Альберта Войтеха Табора, какъ на дѣйствительнаго ревнителя церковной уніи, который столько хлопоталъ объ обращеніи вел. княгини Елены и другихъ русскихъ, и еще на монаховъ Бернардиновъ, странствовавшихъ въ тоже время и съ тоюже цѣлію по всему краю. Протестанты, своими побѣдами, пробудили дремавшее въ Литвѣ латинское духовенство, и оно выступило противъ своихъ враговъ, а вмѣстѣ и противъ православныхъ, въ лицѣ іезуитовъ съ неудержимою ревностію и силою. Съ этого времени участіе латинскаго духовенства въ дѣлѣ уніи было самое рѣшительное. Іезуиты подготовляли унію и способствовали введенію ея между русскими: своею проповѣдію, своими школами, диспутами, сочиненіями; еще болѣе—своими совѣтами и внушеніями свѣтскому правительству, которое успѣли подчинить своему вліянію; своими совѣтами и внушеніями латинскимъ прелатамъ, которые не могли не сочувствовать ихъ дѣятельности; своими совѣтами и внушеніями самимъ русскимъ владыкамъ, рѣшившимся принять унію; а всего болѣе—тѣмъ, что съумѣли воспитать и посадить на польскомъ престолѣ Сигизмунда III, умѣли возбуждать, подкрѣплять и наставлять его во все время дѣйствительнаго насажденія уніи въ краѣ, и незримо заправляли всѣмъ этимъ дѣломъ до его полнаго окончанія. Іезуиты, и во главѣ ихъ знаменитый Скарга, должны быть названы главными виновниками церковной уніи въ Литвѣ. Имя Скарги еще тѣснѣе связано съ именемъ этого роковаго событія, чѣмъ имена Потѣя. Терлецкаго, Рогозы и самаго Сигизмунда III.

Что же такое была появившаяся въ Литвѣ церковная унія? Это былъ насильственный и самый горькій плодъ тѣхъ горькихъ условій, среди которыхъ протекала жизнь западно русской митрополіи со времени отдѣленія ея отъ московской.